
В.Л. Малькевич

Трилогия
СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО

В 3-х книгах

Книга 2
(в двух частях)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ
Часть 2

Москва
АИРО-XXI
2019

На первой странице обложки – картина А. Ромасюкова
«Каины и Авели. Бои на Дону. 1919 годъ».

Малькевич В.Л.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 2
Гражданская война в России (часть 2). – М.: АИРО-XXI,
2019. – 672 с. : илл.

ISBN 978-5-91022-434-0

Вторая часть книги о Гражданской войне посвящена судьбам ее непосредственных участников – полководцев, организаторов военного строительства, командиров отрядов, офицеров и атаманов. Их удивительные биографии, воссозданные на основе многочисленных источников, позволяют понять те мотивы, которые руководили историческими деятелями, да и само их деление на красных, белых и «зелёных» порой оказывается условным. У читателя есть возможность взглянуть в лица непохожих друг на друга людей той эпохи, чтобы составить собственное представление о тех лагерях, которые сформировались в России в годы Гражданской войны.

Книга рассчитана на специалистов, студентов и широкий круг читателей.

ISBN 978-5-91022-434-0

© В.Л. Малькевич, 2019
© АИРО-XXI, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава I	
ПОЛКОВОДЦЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ	
КРАСНОЙ АРМИИ.....	13
АВТОНОМОВ Александр Исидорович (1890–?).....	14
АЗИН Владимир Михайлович (1895–1920)	19
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Владимир Александрович (1883–1938)	24
АПАНАСЕНКО Иосиф Родионович (1890–1943)	31
БЕЛОВ Иван Панфилович (1893–1938).....	35
БЕРЗИН Ян Карлович (1889–1938).....	44
БЛЮХЕР Василий Константинович (1890–1938).....	45
БОНЧ-БРУЕВИЧ Михаил Дмитриевич (1870–1956)	56
БРУСИЛОВ Алексей Алексеевич (1853–1926).....	62
БУДЁННЫЙ Семен Михайлович (1883–1973).....	67
ВАЦЕТИС Иоаким Иоакимович (1873–1938)	77
ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969).....	81
ВОСТРЕЦОВ Степан Сергеевич (1883–1932)	92
ГАМАРНИК Ян Борисович (1894–1937).....	94
ГАЙ (Бжишкян) Гая Дмитриевич (1887–1937)	98
ГЕККЕР Анатолий Ильич (1888–1937).....	100
ГИТТИС Владимир Михайлович (1881–1938)	102
ГОРODOVIKОВ Ока Иванович (1879–1960).....	108
ДУМЕНКО Борис Мокеевич (1888–1920).....	111
ДЫБЕНКО Павел Ефимович (1889–1938)	112
ЕГОРОВ Александр Ильич (1883–1939).....	119

ЕГОРЬЕВ Владимир Николаевич (1869–1948)	123
ЖУРАВЛЁВ Павел Николаевич (1887–1920)	124
КАКУРИН Николай Евгеньевич (1883–1936)	125
КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881–1936)	127
КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович (1880–1945).....	130
КЛЕМБОВСКИЙ Владислав Наполеонович (1860–1921).....	133
КОРК Август Иванович (1887–1937)	135
КОСТЯЕВ Федор Васильевич (1878–1925)	138
КОТОВСКИЙ Григорий Иванович (1881–1925).....	139
КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885–1938)	149
КУТЯКОВ Иван Семёнович (1897–1938).....	154
ЛАЗО Сергей Георгиевич (1894–1920)	159
ЛЕБЕДЕВ Павел Павлович (1872–1933)	161
МАТИЯСЕВИЧ Михаил Степанович (1878–1941).....	163
МЕЖЕНИНОВ Сергей Александрович (1890–1937)	167
МИРОНОВ Филипп Кузьмич (1872–1921)	171
МУРАВЬЁВ Михаил Артемьевич (1880–1918).....	174
НАХИМСОН Семён Михайлович (1885–1918).....	180
НИКОЛАЕВ Александр Памфорович (1860–1919).....	184
ПАРХОМЕНКО Александр Яковлевич (1886–1921)	191
ПОДБЕЛЬСКИЙ Вадим Николаевич (1887–1920)	196
ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич (1880–1948)	199
ПОКУС Яков Захарович (1894–1945).....	201
ПРИМАКОВ Виталий Маркович (1897–1937)	203
РАТТЭЛЬ Николай Иосифович (1875–1939)	206
СОЛЛОГУБ Николай Владимирович (1883–1937)	209
СТАНКЕВИЧ Антон Владимирович (1862–1919).....	211
ТИМОШЕНКО Семён Константинович (1885–1970)	214
ТОМИН Николай Дмитриевич (1887–1924).....	218

ТРОЦКИЙ Лев Давидович (1879–1940).....	221
Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937)	235
УБОРЕВИЧ Иероним Петрович (1896–1937)	240
ФАБРИЦИУС Ян Фрицевич (1877–1929).....	246
ФЕДЬКО Иван Федорович (1897–1939).....	248
ФЕЛЬДМАН Борис Миронович (1890–1937)	257
ФРУНЗЕ Михаил Васильевич (1885–1925)	258
ЧАПАЕВ Василий Иванович (1887–1919)	267
ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (1882–1945)	272
ЩОРС Николай Александрович (1895–1919)	280
ЮДИН Ян Андреевич (1884–1918)	285
ЯКИР Иона Эммануилович (1896–1937).....	286

Глава II

ПОЛКОВОДЦЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	288
АЛЕКСЕЕВ Михаил Васильевич (1857–1918).....	289
АННЕНКОВ Борис Владимирович (1889–1927)	297
БАРБОВИЧ Иван Гаврилович (1874–1947)	301
БЕЛОВ Пётр Андреевич (1881–1920)	306
БЕРМОНДТ-АВАЛОВ Павел Михайлович (1884–1974)	307
БУДБЕРГ Алексей Павлович (1869–1945)	314
ВИЛЬКИЦКИЙ Борис Андреевич (1885–1961).....	320
ВОЙЦЕХОВСКИЙ Сергей Николаевич (1883–1951)	326
ВРАНГЕЛЬ Пётр Николаевич (1878–1928)	328
ГАЙДА Радолла (1892–1948)	339
ГИАЦИНТОВ Эраст Николаевич (1894–1975)	346
ГРИШИН-АЛМАЗОВ Алексей Николаевич (1880–1919)	349
ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947)	353
ДИТЕРИХС Михаил Константинович (1874–1937)	360
ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881–1919)	361

ДУТОВ Александр Ильич (1879–1921).....	370
ДУХОНИН Николай Николаевич (1876–1917).....	372
ЖЕБРАК-РУСТАНОВИЧ Михаил Антонович (1875–1918).....	378
ИВАНОВ-РИНОВ Павел Павлович (1869–?)	381
КАЛМЫКОВ Иван Павлович (1890–1920)	385
КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861–1918).....	387
КАППЕЛЬ Владимир Оскарович (1883–1920).....	400
КОЛЧАК Александр Васильевич (1874–1920).....	407
КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870–1918)	416
КРАСНОВ Петр Николаевич (1869–1947).....	423
КУТЕПОВ Александр Павлович (1882–1930).....	425
ЛЕБЕДЕВ Дмитрий Антонович (1883–1928).....	430
ЛОХВИЦКИЙ Николай Александрович (1867–1933).....	434
МАМОНТОВ Константин Константинович (1869–1920).....	438
МАРКОВ Сергей Леонидович (1878–1918)	449
МАРТЫНОВ Матвей Филаретович (1881–1919).....	454
МАЙ-МАЕВСКИЙ Владимир Зенонович (1867–1920)	455
МИЛЛЕР Евгений Карлович (1867–1939)	462
МОЛЧАНОВ Викторин Михайлович (1886–1975).....	464
ПЕПЕЛЯЕВ Анатолий Николаевич (1891–1938)	467
РОДЗЯНКО Александр Павлович (1879–1970)	472
РОЗАНОВ Сергей Николаевич (1869–1937)	481
РОМАНОВСКИЙ Иван Павлович (1877–1920)	483
САВЕЛЬЕВ Николай Антонович (1866–1934).....	492
САХАРОВ Константин Вячеславович (1881–1941).....	493
СЕМЁНОВ Григорий Михайлович (1890–1946)	494
СИДОРИН Владимир Ильич (1882–1943).....	500
СКОБЕЛЬЦЫН Владимир Степанович (1872–1944).....	504
СКОБЛИН Николай Владимирович (1893–1937?)	506

СМОЛИН Иннокентий Семёнович (1884–1973).....	510
СУВОРОВ Михаил Николаевич (1876–1948).....	514
СЫРОВЫЙ Ян (1888–1970)	519
ТУРКУЛ Антон Васильевич (1892–1957).....	521
УНГЕРН Роман Федорович (1885–1921)	527
ФИЛАТЬЕВ Дмитрий Владимирович (1866–1932)	534
ФИЦХЕЛАУРОВ Александр Петрович (1878–1928).....	536
ХАНЖИН Михаил Васильевич (1871–1961)	537
ХОРВАТ Дмитрий Леонидович (1859–1937)	540
ЧАПЛИН Георгий Ермолаевич (1886–1950)	543
ЧЕЧЕК Станислав (1886–1930)	547
ШАТИЛОВ Павел Николаевич (1881–1962).....	549
ШКУРО Андрей Григорьевич (1887–1947)	558
ШОКОРОВ Владимир Николаевич (1868–1940).....	561
ЮДЕНИЧ Николай Николаевич (1862–1933)	563

Глава III

«ТРЕТЬЯ СИЛА» В ГРАЖДАНСКОЙ

ВОЙНЕ («ЗЕЛЁНЫЕ»).....	577

АНГЕЛ Евгений Петрович (1897–1919).....	577
АНТОНОВ Александр Степанович (1889–1922)	581
БУЛАК-БАЛАХОВИЧ Станислав Никодимович (1883–1940).....	601
ГЛАДЧЕНКО Трифон Федорович (1891–1920).....	603
ГРИГОРЬЕВ Николай Александрович (1885–1919)	605
ГУЛЫЙ-ГУЛЕНКО Андрей Алексеевич (1886–?).....	606
Атаман ЗЕЛЁНЫЙ (1886–1919)	610
ДЕРМЕНДЖИ (1880–1921).....	612
ЗАГРОДСКИЙ Александр Александрович (1889–1968).....	613
КУРИЛЕНКО Василий Васильевич (1892–1921).....	615
МАКСЮТА Артем Ермолаевич (?–1919)	618

МАХНО Нестор Иванович (1888–1934)	619
МИЛАШКО (годы рождения и смерти неизвестны)	620
НЕСТЕРЕНКО Герасим Онуфриевич (1890–?)	621
НИКИФОРОВА Мария Григорьевна (1885–1919)	624
ПАНЧЕНКО Логвин Сидорович (годы рождения и смерти неизвестны)	631
ПЕТРЕНКО (Платонов) Петр (1890–1921)	632
ПЕТРИЧЕНКО Степан Максимович (1892–1947)	633
САПОЖКОВ Александр Васильевич (?–1920)	635
СЕРОВ Василий Родионович (1890–1923)	646
СТРУК Илья Тимофеевич (1896–1969)	651
ТЮТЮННИК Юрий Осипович (1891–1930)	653
ЧЕРЕПАНОВА Анна Прокопьевна (1891–1973)	657
ЧУЧУПАК Василий Степанович (1895–1920)	660
ШЕПЕЛЬ Яков Матвеевич (1894–1921)	662
ЩУСЬ Феодосий Юстинович (1893–1921)	663
ПОСЛЕСЛОВИЕ	669

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гражданскую войну невозможно понять в отрыве от судеб ее непосредственных участников, тех наших соотечественников, которые в 1917 году или немногим позже волею судеб были вовлечены в братоубийственную бойню, приняв в ней участие на той или иной стороне, стали красными, белыми или «зелёными» и внесли свою лепту в развитие событий, оставили на них свой индивидуальный отпечаток.

В первой части настоящей книги изложены основные предпосылки Гражданской войны, прослежено развитие конфликта во времени, проведен анализ действий фронтов и армий, предпринята попытка выяснить причины конечной победы красных. В книге 2 (вторая часть) нам предстоит обратиться к судьбам отдельных людей – полководцев, организаторов военного строительства, командиров отрядов, офицеров и атаманов, – одним словом, тех, кто принимал решения, определявшие дальнейший ход событий.

Пожалуй, ни один другой период в российской истории не породил такое количество удивительных биографий, наполненных самыми замысловатыми, непредсказуемыми зигзагами судьбы. Невероятные взлёты и стремительные падения, подвиги самопожертвования и чудовищные предательства были в то трагическое время не исключениями, а едва ли не будничным явлением. В условиях Гражданской войны люди раскрывались как никогда полностью, являя миру свои истинные качества, порой весьма тщательно скрываемые в обычное, мирное время. Читать биографии деятелей Гражданской войны – даже самые сухие и краткие, ибо многие документы того времени безвозвратно погибли и унесли с собой подробности – всегда не только интересно, но и весьма поучительно.

И чем больше вчитываешься в биографии людей, так или иначе влиявших на течение Гражданской войны, чем больше вдумываешься в те мотивы, которые ими руководили, тем сложнее их судить, делить на правых и виноватых. Вне всякого сомнения, среди них встречались и настоящие бандиты, люди бесконечно жестокие, что называется без чести и совести, но мы не можем сказать, что все они (или даже большинство из них) принадлежали к какому-то определенному лагерю и формировали облик красных, белых или «зелёных». В каждом из этих лагерей были

свои «демоны», но и носители идеи благородного и бескорыстного служения своему народу, готовые жертвовать собой ради интересов Родины. Другое дело, что эти интересы они понимали по-разному – в силу своего происхождения, профессии, опыта или каких-то иных факторов, влиявших на формирование их мировоззрения.

Более того, когда мы обращаемся к конкретным биографиям, само деление на красных, белых и «зелёных» порой оказывается условным. В самом деле, следует ли нам причислить С.Н. Булак-Балаховича к белым, руководствуясь тем, что он в качестве полковника принимал участие в действиях Северного корпуса генерала Н.Н. Юденича, или всё-таки стоит его отнести к «третьей силе», поставив на первое место действия его собственной партизанской армии? Как быть с М.К. Муравьевым, чья недолгая биография революционного полководца была целиком связана с большевиками, но оборвалась она в тот момент, когда он поднял против них мятеж? Как вообще поступать с теми, кто в ходе Гражданской войны менял – порой неоднократно – свой выбор, то ли в зависимости от обстоятельств, то ли под влиянием личных впечатлений, полученных при непосредственном ознакомлении с реальной политикой красных (или, наоборот, белых)? Жизнь бесконечно сложна, и без ознакомления и ее перепетиями мы никогда не сможем окунуться в атмосферу тех лет и не сможем понять, что же произошло с нашей страной.

Историческая литература, посвященная Гражданской войне и ее действующим лицам, как правило, страдает однобокостью. В советские времена историки охотно рисовали портреты красных командиров «без страха и упрека» и не жалели черных красок для изображения деятелей Белого движения. Затем настали новые времена, и всё поменялось с точностью до наоборот: белые превратились в истинных рыцарей, а красные – в кровожадных бандитов. «Зелёные» же вообще редко удостоивались внимания или изображались в карикатурном виде. Идеологические предпочтения и симпатии доминировали над объективностью.

И все-таки труд историков, к какому бы идеологическому лагерю они ни принадлежали, не пропал даром. Собрано огромное количество фактов, написаны (пусть даже и пристрастно) многочисленные портреты участников Гражданской войны. И это облегчает задачу автора настоящей книги, который не ставил перед собой ЦЕЛЬ проводить самостоятельные исторические исследования и заново изучать биографии людей, действовавших на исторической арене России на разных этапах Гражданской войны.

Перед читателем – собрание биографических сведений (уже известных и опубликованных) о ряде исторических деятелей, внесших свой вклад в события Гражданской войны в России и разделенных, иногда условно, на три лагеря – красных, белых и зелёных. Список этот заведомо неполон, в нём отсутствуют первые лица государства (имена которых «на слуху» у каждого читателя), принимавшие решения и командовавшие армиями, но присутствует, например, атаман Милашко, имя которого многим вообще неизвестно. И это – совершенно сознательное, обдуманное решение. Автор ни в коей мере не стремился создать новую энциклопедию Гражданской войны. Цель настоящей книги другая – дать читателю возможность взглянуть в лица непохожих друг на друга людей той эпохи, чтобы составить собственное представление о тех лагерях, которые сформировались в России в годы Гражданской войны. А представленных биографий для этого вполне достаточно.

Автор искренне благодарит всех исследователей, занимавшихся историей Гражданской войны, чьи работы были использованы при подготовке настоящей книги. Ссылки на отдельные работы приводятся в сносках в конце соответствующих биографий, а кроме того, при составлении разных биографий были широко использованы материалы из следующих источников:

- *Ауский С.* Казаки. Особое сословие. – М.–СПб., 2002.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – Т. 1–30. – М., 1969–1978.
- *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца. Колчаковская эпопея. – М., 1929.
- *Будберг А.* Дневник. 1918–1919 гг. – М., 1990.
- Всемирная история / Под редакцией И.И. Минца и др. – Том VIII. – М., 1961. – С. 237–301.
- *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. – М., 1993.
- *Голубинцев А.В.* Русская Вандея. – Мюнхен, 1959.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – М., 1983.
- *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М., 2001.
- *Гуль Р.* Ледяной поход. – М., 1990.
- *Деникин А.И.* Поход и смерть генерала Корнилова. – Ростов-на-Дону, 1985.

- *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на Юге России. – Прага, 1921.
- *Донская армия в борьбе с большевиками.* – М., 2004.
- *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М., 2003.
- *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. – М., 1965.
- *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград. – М., 2004.
- *Найда С.Ф.* История Гражданской войны в СССР. – Т. 4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. (Март 1919 г. – Февраль 1920 г.). – М., 1959.
- *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. – М., 2002.
- *Санин А.В.* Участие Чехословацкого корпуса в белом терроре // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 5. – С. 25–27.
- *Сахаров К.В.* Чешские легионы в Сибири: чешское предательство. – Берлин, 1930.
- *Сенников Б.В.* Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. – М., 2004.
- *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. – М., 1957.
- *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. – М., 2012.
- *Шикман А.П.* Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М., 1997.

Глава I

ПОЛКОВОДЦЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Красные полководцы, победившие в Гражданской войне, были людьми различного происхождения и непохожих судеб. Казалось бы, такое многоликое сообщество должно было проигрывать в противостоянии с вышколенным офицерским корпусом царской армии. Но решающим фактором превращения этого разнородного сообщества командиров РККА в квалифицированную и организованную силу стала их мировоззренческая гомогенность – верность коммунистическим идеям и революционной романтике.

В годы Гражданской войны из народной среды выдвинулось немало выдающихся полководцев, командиров среднего звена и рядовых защитников России, которые в тяжелейших условиях сумели отстоять завоевания революционного 1917 года. Сколько-нибудь подробно осветить их деятельность в рамках одной книги просто невозможно.

Из партии большевиков, из рабочих и крестьян вышли известные полководцы Гражданской войны: В.А. Антонов-Овсеенко, В.К. Блюхер, С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов, С.С. Вострецов, О.И. Городовиков, П.Е. Дыбенко, Г.И. Котовский, С.Г. Лазо, А.А. Пархоменко, И.П. Уборевич, Я.Ф. Фабрициус, И.Ф. Федько, М.В. Фрунзе, В.И. Чапаев, Н.А. Щорс, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир и многие другие. Одновременно с этим значительную часть кадрового состава РККА составили бывшие офицеры царской армии. Из их числа выделились такие крупные военачальники Красной Армии, как В.И. Вацетис, В.М. Гиттис, А.И. Егоров, С.С. Каменев, Д.М. Карбышев, А.И. Корк, П.П. Лебедев, А.П. Николаев, А.В. Станкевич, М.Н. Тухачевский и Б.М. Шапошников.

АВТОНОМОВ Александр Исидорович (1890–?)

Александр Исидорович Автономов родился в известной на Дону казачьей семье. Осенью 1914 года он был призван в армию и как выпускник гимназии направлен на офицерские курсы, по окончании которых получил звание подхорунжего. На фронтах Первой мировой войны Автономов сражался в рядах 39-го и 28-го казачьих полков. Один из его тогдашних знакомых следующим образом описывал внешность будущего красного военачальника: «Небольшой, худенький, щуплый, в форме донского офицера, в золотых очках, в частной беседе он больше напоминал собою “шпака”, чем военного. Казаки-донцы 39-го полка любили своего “подслеповатого», как говорили они, хорунжего».

Несмотря на эту свою «штатскую» внешность, Автономов имел вполне достойную боевую репутацию и к февралю 1917 года дослужился до звания сотника. Свержение самодержавия он воспринял с энтузиазмом. Последующие события (падение дисциплины в армии, рост дезертирства, создание солдатских комитетов, отмена знаков различия и чинопочитания) толкнули многих офицеров в стан контрреволюции, однако к Автономову это не относилось. На всех митингах он громко требовал «углубления демократизации армии» и вскоре превратился в одного из любимцев солдатской массы. Высшее начальство пыталось избавиться от беспокойного подчиненного и под надуманными предлогами посылало его в тыловые командировки, однако, к огорчению генералов, вместо того чтобы дезертировать, Автономов каждый раз возвращался обратно.

Осенью 1917 года популярный офицер был выбран на собравшийся в Киеве казачий съезд, где вместе с войсковым старшиной Н.М. Голубовым возглавил пробольшевистски настроенных делегатов. Им противостояли сторонники донского атамана А.М. Каледина. После бурных дискуссий съезд так и не принял каких-либо четких резолюций и в конце концов был выдворен из Киева украинскими националистами.

Делегаты перебрались в донскую столицу Новочеркасск. Город находился под контролем каледицев, а их оппоненты довольно быстро оказались в тюрьме. Гражданская война еще только разгоралась, разгул красного и белого терроров был впереди, а потому обе стороны позволяли себе демонстрировать приверженность «законности» и «гуманизму». По требованию казачьих низов Автономов был выпущен на свободу, после чего (видимо, догадываясь, что эпоха «гуманности» скоро закончится) поторопился покинуть Новочеркасск.

Между тем на Дон надвигались отряды Красной гвардии. Добравшись до Миллерово, Автономов встретился с чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией на Юге России В.А. Антоновым-Овсеем. Видный большевик довольно быстро оценил таланты казачьего офицера. Уже после месяца совместной работы он выдал Автономову значительную сумму денег и специальный мандат с правом самостоятельно формировать части Красной гвардии на Кубани.

Прибыв на Тихорецкую, Автономов взял под контроль местные оружейные склады и сколотил вокруг себя небольшой, но относительно дисциплинированный отряд из местных рабочих-железнодорожников. Имевшиеся в его распоряжении деньги и оружие позволяли привлекать всё новых добровольцев, и вскоре в распоряжении большевистского военачальника имелось уже около 3–4 тыс. штыков хорошо вооруженного войска с артиллерией и бомбометами. По соседству действовали другие красные части (И.Л. Сорокина, Ф. Золотарева и др.), однако отряд Автонома был самым крупным.

На тот момент главным противником северокавказских и кубанских большевиков была засевшая в Екатеринодаре Кубанская Казачья Рада. 4 марта 1918 года после упорных боев красные овладели городом. На радостях бойцы занялись грабежами и физическим уничтожением местной буржуазии.

Вскоре было объявлено о создании Кубано-Черноморской Советской республики. Переживая, пока подчиненные насытятся «экспроприациями», их командиры занялись распределением постов в военной иерархии нового «государства». Судя по всему, при этом они исходили из степени влияния того или иного командира; в результате Автономов стал главнокомандующим, Сорокин – его заместителем, а Золотарев занял третью по значению военную должность – коменданта Екатеринодара.

Однако радость оказалась недолгой. На подступах к Екатеринодару появилась пришедшая с Дона Добровольческая армия генерала Л.Г. Корнилова. Объединившись с войсками Казачьей Рады, белые двинулись на штурм кубанской столицы.

Битва за Екатеринодар стала первым крупным полевым сражением Гражданской войны. Даже советские историки отмечали, что корниловцы в этом бою проявили огромное мужество и воинское мастерство, при том что красные едва ли не в 10 раз превосходили их по численности. Однако следует учитывать и другие факторы. Со стороны белых действовали отборные части, состоявшие главным образом из кадровых офицеров. Со стороны красных – недисциплинированные и плохо управляемые толпы, мало склонные считаться с авторитетом собственных начальников. Для того, чтобы повести в бой подобную орду и, более того, одержать победу, требовалось быть человеком незаурядных дарований. Главком Автономов с этой задачей справился.

29 марта начавшаяся днем раньше битва за Екатеринодар достигла наибольшего ожесточения: отборный корниловский полк полковника М.О. Неженцева рвался к центру города – Сенному базару. Впоследствии Автономов признавал, что в этот момент для отражения противника ему пришлось «вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей». 30 марта белые вновь двинулись на приступ, но понесенные накануне потери оказались столь значительными, что к середине дня бой затих. Решающий штурм, намеченный на 31 марта, был отменен из-за гибели Л.Г. Корнилова. Потрепанная и лишившаяся вождя Добровольческая армия начала обратный марш с Кубани на Дон.

Под Екатеринодаром Красная Армия, хотя и ценой огромных жертв (около 5 тыс. одних убитых), добилась первого значительного военного успеха. Советская республика нуждалась в героях, и не удивительно, что «главный виновник» этой победы тут же оказался на гребне популярности. Ленинский Совнарком утвердил А.И. Автономова в должности главкома Кубано-Черноморской республики.

В короткое время новый главком обзавелся всем необходимым антуражем «большого начальника» – персональным бронепоездом, роскошными автомобилями, толпой адъютантов и миловидных секретарш. Орава прихлебателей славилась его как «нового Наполеона». Однако, в отличие от Наполеона, Автономову не было присуще безудержное честолюбие, да и «светлые идеалы революции» вовсе не казались ему пустым миражом.

В апреле 1918 года Кубано-Черноморская республика оказалась в полукольце врагов: с севера и запада (от Ростова-на-Дону, Тамани и Грузии) угрожали немцы, с северо-востока – Добровольческая армия Деникина. Одновременно под влиянием политики расказачивания в кубанских станицах начались антибольшевистские восстания.

Пытаясь привлечь на свою сторону казаков и бывших офицеров, Автономов предложил сформировать новую Красную Армию для борьбы с немцами. Возглавить ее должен был один из популярных боевых генералов. В качестве возможных кандидатов назывались находившиеся на отдыхе в Пятигорске генералы Н.В. Рузский и Р.Д. Радко-Дмитриев. В ходе личной встречи с Автономовым оба они дали ответ: «Воевать с немцами будем, командование в любое время примем, при условии, что в армии будет дисциплина. Воевать же с Добровольческой армией не будем, ибо не мыслим себе войны русских с русскими».

Последний пункт выглядел невыполнимым, поскольку Добровольческая армия не желала мириться с большевиками. Оставляли желать лучшего и вопросы дисциплины. Пытаясь пресечь грабежи, Автономов расстрелял кое-кого из своих подчиненных (в том числе коменданта Екатеринодара Ф. Золотарева). Как следствие, в его адрес все чаще стали звучать обвинения в «бонапартистских замашках» и даже «контрреволюционности». Пытаясь ограничить власть командующего, местные партийные деятели создали Чрезвычайный штаб обороны. Новый орган постоянно тормозил, а то и отменял распоряжения Автономова, нарушая основополагающий для любой армии принцип единоначалия. Более того, все действия членов штаба объяснялись не столько соображениями целесообразности, сколько желанием укротить «зарвавшегося мальчишку». В сражавшихся на фронте частях это прекрасно понимали и в большинстве случаев поддерживали главкома.

Более того, съезд делегатов Северо-Кавказской Красной Армии выдвинул резолюцию: «Централизовать все вооруженные силы Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа в лице главнокомандующего товарища Автономова, которому поручается создать аппарат военного управления, снабжения и снаряжения войск. Категорически потребовать от высшей центральной власти Российской Федеративной республики устранения вмешательства гражданских властей, упразднить всякие Чрезвычайные штабы, тормозящие оборону Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа».

На противников главкома эта резолюция не произвела никакого впечатления. Тогда в качестве профилактической меры Автономов приказал арестовать сначала членов штаба, а затем и вступивших за них членов ЦИК Кубано-Черноморской республики. Через несколько часов все арестованные были освобождены, но в Москву уже летел поток жалоб, в которых главком представлялся человеком, противостоящим «линии партии». Тогда же

вспомнили о контактах Автономова с Рузским и Радко-Дмитриевым, что позволило представить его «скрытым белогвардейцем».

28 мая 1918 года в Екатеринодаре состоялся III Чрезвычайный съезд Советов Кубано-Черноморской республики, посвященный вопросу об «автономовщине». В разгар заседания из Совнаркома пришла телеграмма, сообщавшая о снятии Автономова с поста главкома и отзыве его в Москву (с последующим преданием суду).

Поднявшись на трибуну, Автономов отказался от речи в свою защиту и с горьким сарказмом произнес: «Кланяюсь тем, с которыми вместе сражался за ту свободу, за которую они дали мне имя “контрреволюционера”». Зал на короткое время стих, а затем ответил возмущенным улюлюканьем.

В Москве по ходатайству Серго Орджоникидзе опального главкома реабилитировали и направили во Владикавказ. Командуя бронепоездом, Автономов вновь сражался с белыми и создавал отряды «Красной Армии горских народов». В начале 1919 года Гражданская война вышла на очередной (решающий) виток, и, вполне вероятно, что судьба готовила для одаренного командира новый взлет. Однако 2 февраля Александр Исидорович Автономов скончался от тифа в горах Кавказа.

Имя Автономова сегодня почти забыто, причем большинство историков склонны рассматривать его только как незадачливого авантюриста. Между тем подобный взгляд трудно признать справедливым. В условиях Гражданской войны Автономов проявил незаурядный военный талант, сумев нанести поражение отборным войскам противника. Более того, в момент, когда война «русских против русских» все больше набирала обороты, кубанский главком оказался одним из немногих, кто попытался сделать хоть какие-то шаги к объединению соотечественников против общего врага – Германии. В своей политической игре Автономов оказался не столько честолюбцем, сколько романтиком-идеалистом, и, в конечном счете, это и привело его к падению. Правда, в конце жизни военная карьера Автономова вновь пошла в гору, и кто знает как бы она сложилась...

АЗИН

Владимир Михайлович (1895–1920)

Владимир Мартынович Азин (Вольдемар Азиньш) – яркий и злобующий герой Гражданской войны, вызывавший одновременно ужас и уважение как у своих, так и у врагов, стал легендой в боях под Казанью.

Он родился в деревне Марьяново Полоцкого уезда Витебской губернии в крестьянской латышской семье. С отличием окончил Полоцкое городское училище, работал счетоводом на фабрике в Риге. В 1916 году был мобилизован и в звании рядового участвовал в Первой мировой войне.

Судя по свидетельствам очевидцев, документам, книгам и газетным публикациям о Гражданской войне, с большой долей вероятности можно предположить, что впоследствии Азин сам способствовал распространению причудливых слухов о своем происхождении. Одна из таких версий содержится в книге Г.В. Лоншакова «Горшок черного проса», где приводятся размышления белого офицера, сражавшегося непосредственно против его соединения: «Вот тебе и Азин – мальчишка, бухгалтер! Впрочем, был ли он вообще бухгалтером, как утверждал некогда генерал Смолин?¹ Все упорней и упорней ходили слухи, что Азин тоже из бывших офицеров. Кто-то ссылался при этом на перебежчика из штаба Третьей армии красных, который якобы лично видел копию биографии Азина, и в ней ясно говорилось, что он закончил Елизаветградское кавалерийское училище, служил в звании есаула в 46-м Донском полку».

В январе 1918 года Азин был назначен командиром латышского коммунистического отряда; затем в Вятке формировал отряды Красной гвардии. Летом 1918 года в Вятке он вступил в РКП(б), был назначен командиром батальона 19-го Уральского полка.

¹Смолин Иннокентий Семёнович (1884–1973) – генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вскоре полк вошел в состав 2-й армии, в составе которой вёл бои на Казанском направлении.

5 августа Казань была захвачена частями Чехословацкого корпуса и Поволжской народной армии Комуча под командованием подполковника В.О. Каппеля, а буквально через пару дней, 7 августа, началось Ижевско-Воткинское антисоветское вооруженное восстание местных рабочих и крестьян. Причиной восстания стали недовольство населения политикой военного коммунизма и отсутствие лояльных к большевикам рабочих, мобилизованных в Красную Армию.

После первых боев В.М. Азин был назначен командиром Арской группы, которая во взаимодействии с частями 5-й армии 10 сентября взяла Казань, а затем в середине сентября возглавил 2-ю сводную дивизию, действовавшую в Прикамье.

Ещё 18 августа к Ижевску приблизился 6-тысячный отряд большевиков со строжайшим приказом от Ленина и Троцкого: «Взять Ижевские заводы во что бы то ни стало», но особых успехов на этом направлении красным добиться не удалось – до тех пор, пока командование 2-й сводной дивизией не принял Азин.

Перегруппировавшись и пополнив состав в Вятских Полянах, 2-я дивизия приступила к боевым действиям против мятежного Прикамья. 4 октября после тяжелых боев она штурмом взяла сильно укрепленную железнодорожную станцию Агрыз, 5 октября – город Сарапул и, наконец, 7 ноября Азин направил в Москву телеграмму о взятии Ижевска. В ответственный момент боя за Ижевск он лично повел красноармейцев в атаку и первым из красных комдивов был удостоен ордена Красного Знамени.

2-я армия, в составе которой действовала дивизия Азина, получив поздравление от Ленина, продолжила наступление на Воткинск и вступила в него ночью 13 ноября. Антисоветский мятеж был подавлен. Наступило время ответного, красного террора. По данным одного из главных руководителей Белого движения А.И. Деникина, в первый же день после взятия Ижевска были казнены до 800 мятежных рабочих.

Обратимся к документам из архивов Удмуртской Республики:

«Азин зверем не был. Уничтожая все, что разлагает красные ряды, концентрируя в себе волю сотен и тысяч красных бойцов и владея этой волей, он проявлял много добросердия вне боя, вне выстрелов... Нередко Азин голодному красноармейцу, выбившемуся из сил, отдавал свой паек хлеба... Помимо этого, Азин очень любил детей и часто катал их по Сарапулу на своем грузовике. В его отряде было два боевых мальчугана...»;

«Когда пытаются говорить о жестокости Азина, всегда приводят в пример расстрел Азиным каждого 10-го красноармейца на станции Куеда. Вскроем же правду и увидим, кого расстрелял Азин. Был прислан 43-й Казанский сводный полк, состоящий на 70 процентов из дезертиров и шкурников. Когда этот полк создал угрозу для фронта, Азин расстрелял каждого 10-го...»;

«Дикий ураганный Азин, из уст которого часто срывалось “мать-мать-мать”, «расстреляю», оказывается, нежно любил свою жену и был с ней мягок и по-детски ласков»;

«Азин пользовался необычайным авторитетом у Красной Армии... Невероятно, но факт: Азин выпорол во время боя целый кавалерийский полк – и его не убили. Полки в то время были небольшие, но все же полк. Когда 28-й кавалерийский полк отступил на 1,5 версты, Азин, знавший этот полк как анархический, поскакал к линии боя: “Вы что, трусы?! Командиры! Спешиться, выстроить всех в ряд!”

Быстроились. Азин взял нагайку и, начиная от командиров и кончая рядовыми, всех хлестнул по разу нагайкой...»;

«Им изрублены десятки пленных офицеров и отпущены на волю или мобилизованы тысячи белых солдат, Азин ездит верхом на горячих спесивых лошадях, не пьет ни капли, пока не кончено дело, страшно ругается со своими комиссарами, кроет Реввоенсовет, в ежовых рукавицах держит свои невероятные, из ушкунников и махновцев набранные части, дерется и никогда не бегаёт; плачет от злости, как женщина, если из-за раненой руки ему приходится лежать в самый разгар наступления.

Это Азин сам себе устраивает парадную встречу и, видя, что на берегу оркестр еще не готов, заворачивает с пароходом назад, чтобы через 10 минут, обливаясь потом в своей великолепной бурке (это в июле-то месяце), все-таки принять почести, Интернационал и натянутые донесения товарищей, успевших по поводу победы пришить пуговицы к единственным штанам и побрить три недели невымытые рожи. Так надо: без праздника, без музыки и встречи армия не почувствует роздыха, своих 24-часовых боевых именин, и на утро ее не сдвинешь с места на новые боевые недели.

Это Азин избивает нагайкой наглых своих и любимых денщиков за отобранного у крестьян поросенка – и Азин же гуляет, как зверь, целые ночи, ночи чернее сажи, с музыкой, с водкой и женщинами, но не иначе, как поставив все заслоны и пикеты, послав разведку, убедившись, что город крепко взят, и заслонив его со всех сторон. Азин просто, едва ли не каждый день вводит в бой свои части, забывая, что он начдив и не имеет права рисковать своей жизнью».

Парадокс, но и у белых, и у красных было много общего. И те и другие любили внешние эффекты – «психическую атаку» ижевских повстанцев впоследствии использовали и красные. Свою дивизию (а до этого отряд) Азин назвал Железной, город Глазов защищал полк Красных Орлов, были и Бессмертные Красные Герои, и Бессмертный батальон. К гривам коней Железной дивизии для устрашения врага привязывали красные ленты. Азин обожал духовой оркестр, парадные встречи.

Большинство солдат и командиров обеих армий прошли общий путь – фронты Первой мировой. И те, и другие зачастую были молоды. Несмотря на изрядный фронтовой опыт, юным героям-командирам не хватало опыта жизненного, элементарной житейской мудрости, рассудительности. И если молодой начдив выдумывал какие-то эпизоды своей биографией, то, возможно, просто хотел попижонить по молодости и в зависимости от собеседника по-разному излагал очередную версию своей жизни. Когда «красного зверя Азина», взятого в плен, казнили, ему не было и 25 лет...

В 1919 году при наступлении А.В. Колчака в направлении Михайловского и Бикбардинского заводов, дивизию Азина окружили три колчаковских дивизии – Акмолинская, Воткинская и Иркутская. Противник в 4–5 раз превосходил красных численностью и был лучше вооружен. Но, тем не менее, Азин все же вырвался из кольца.

Однажды на Восточном фронте красные перешли в наступление, но колчаковцы оказались сильнее, и красноармейцы дрогнули. Несмотря на глубокий снег и сильный мороз, В.М. Азин сбросил с себя шинель и шубейку и в одной рубашке с поднятым маузером бросился к месту боя. Среди красноармейцев было много молодых и неопытных бойцов, часть продолжала отступать. Азин сел на снег, сложил оружие и закричал: «Если вы жалкие трусы и дезертиры, то бегите, меня пусть убьют!» Раздалось громовое «ура» – бойцы бросились вперед, и противник был отброшен.

В мае 1919 года во время нового наступления Красной Армии главный удар наносила 28-я дивизия под командованием В.М. Азина. Она взяла города Сарапул, Агрыз и Елабуга, а 15 июля совместно с другими частями 2-й армии овладела Екатеринбург. Вскоре, в начале августа, 2-ю армию перебросили на юг для борьбы с А.И. Деникиным. 28-я дивизия вошла в состав 10-й армии и вела бои на Царицынском направлении. Азин был в этих боях ранен в руку, но, не долечившись в госпитале, вернулся в дивизию.

В феврале 1920 года 28-я дивизия форсировала реку Маныч (приток Дона в Калмыкии). 17 февраля комдив Азин с комиссаром и группой разведчиков выехал верхом на передовые позиции для определения обстановки (рекогносцировку) и во время осмотра местности неожиданно наткнулся на отряд белоказаков. Началась погоня, в ходе которой у коня комдива лопнула подпруга, Азин упал и был взят в плен.

Г.В. Лоншаков предлагает следующую версию трагической кончины начдива Азина: «Его под усиленной охраной отправили в станицу Егорлыкскую... Москва предлагала обмен на нескольких пленных генералов. Но белым нужен был Азин, живой или мертвый, но Азин. Ему предлагали чин генерала Добровольческой армии. Он отказался, как отказался и подписать воззвание к войскам Советов. Воззвание все-таки отпечатали, подделав подпись комдива, о чем его поставили в известность. Листовки сбросили над позициями красных. В них он якобы предлагал складывать оружие и переходить на сторону белых. В ответ Реввоенсовет 10-й армии издал приказ, где разъяснялось, что “низкая клевета деникинцев не запятнает честного имени тов. Азина”.

После допросов и истязаний Азина отдали белоказакам. Они скрутили ему руки телефонным проводом и привязали к лошади. Станица Тихорецкая стала свидетелем страшного зрелища. Подвыпившие казаки улюлюкали, свистели и хохотали, всадник прищипоривал рысака, и он сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее потащил по заснеженным улицам полуживого комдива. Он бился на ухабах, сдирая кожу, терял сознание. Из подворотен лаяли собаки. В заиндевевые окна выглядывали станичники, их жены, старики и дети. Когда казакам надоело это занятие, они приволокли пленника на площадь, где была сооружена виселица...»

Но это версия писателя, автора художественного произведения. Источники сообщают, что начдив В.М. Азин подвергся пыткам и был казнен. Но, по одной версии, его привязали к двум коням и разорвали, по другой – он был привязан к двум согнутым деревьям и затем разорван, по третьей – повешен в Екатеринодаре (совр. Краснодар), по четвертой – расстрелян и похоронен на кладбище то ли в станице Тихорецкой (совр. Фастовецкая), то ли где-то в Краснодаре. Ни время, ни место, ни точные обстоятельства гибели начдива Азина, о котором в свое время слагались песни, до сих пор достоверно не установлены².

² См.: Кондратьев Н.Д. Начдив Владимир Азин. – М., 1968.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Владимир Александрович (1883–1938)

В марте 1905 года выпускник военного училища подпоручик Владимир Овсеенко получил назначение в действующую армию, в Маньчжурию. Но на Русско-японскую войну он не попал, бросив военную службу и став подпольщиком, профессиональным революционером, что стало делом всей его жизни. На непродолжительное время он эмигрировал в Австрию.

По возвращении в Россию Овсеенко под именем австрийского подданного Стефана Дольницкого был направлен петербургским комитетом РСДРП в морскую крепость Кронштадт, где организовывал нелегальные сходки солдат и матросов. Был арестован, заключение отбывал в Кронштадте и освобожден в октябре того же 1905 года по амнистии. В мае следующего года выездной сессией Одесского военно-окружного суда приговорен к смертной казни как Антон Кабанов. Казнь была заменена 20-летней каторгой. Через месяц бежал из севастопольской тюрьмы. В 1909 году провел 6 месяцев в тюрьме как Антон Гук, после чего эмигрировал во Францию.

Там, в Париже, Владимир Овсеенко получил партийный псевдоним Антонов и впоследствии стал подписываться как Антонов-Овсеенко. Под этой двойной фамилией он и вошел в историю Гражданской войны в России, равно как и в историю сталинских репрессий 1930-х годов.

В мае 1917 года Антонов-Овсеенко вернулся в Россию и в конце мая заявил о вступлении в партию большевиков (до этого он работал в различных подпольных (военных) организациях единой РСДРП, примыкая к меньшевикам). В Гельсингфорсе редактировал газету «Прибой». Был избран в Учредительное собрание от Северного фронта по списку РСДРП(б). Вел партийную работу в Финляндии и среди моряков Балтийского флота. В середине октября стал секретарем Петроградского военно-революционного комитета (ВРК).

В.А. Антонов-Овсеев вошел в историю Октябрьской революции как один из руководителей штурма Зимнего дворца, на которого был возложен арест Временного правительства. От имени ВРК он ведал распределением отрядов балтийских моряков по ключевым точкам города на Неве и возглавлял «полевой штаб» по захвату Зимнего дворца. Подписал ультиматум, адресованный главнокомандующему Петроградским военным округом, который, в реалиях Октября, мало уже кем командовал. В ночь на 26 октября 1917 года Зимний дворец был взят революционными отрядами, возглавляемыми В.А. Антоновым-Овсеевым. Он вспоминал об аресте Временного правительства:

«...Министры застыли за столом, сливаясь в одно трепетное бледное пятно.

– Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными.

– Чего там! Кончить их!.. Бей!

– К порядку! Здесь распоряжается Военно-революционный комитет!»

В 4 часа утра В.А. Антонов-Овсеев приказал развести арестованных «временных» министров по казематам Трубецкого бастиона Петропавловки.

Он был избран в состав Центрального исполнительного комитета Советов (ЦИК) и вошел в первый состав Временного рабоче-крестьянского правительства – Совет народных комиссаров (Совнарком). В Совнаркоме входил Комитет по военным и морским делам, состоявший из трех народных комиссаров: В.А. Антонова-Овсеева, прапорщика Н.В. Крыленко и председателя Центробалта П.Е. Дыбенко. На Антонова-Овсеева были возложены военное министерство и внутренний фронт (борьба с контрреволюцией). Одновременно он был назначен помощником командующего войсками Петроградского военного округа.

7 ноября последовало назначение Антонова-Овсеева командующим обороной Петрограда и войсками Петроградского военного округа. Революцию требовалось защищать: на красный Питер шел 3-й конный корпус генерала П.Н. Краснова и А.Ф. Керенского (инициатора похода). В самой столице могли восстать юнкера военных училищ. Линия «фронта», организацией которого и занялся Антонов-Овсеев, прошла по Пулковским высотам. Войска Краснова были разбиты в многочасовом бою 30 октября на Пулковских высотах многотысячными отрядами питерских красногвардейцев и революционных балтийских матросов, которыми командовал левый эсер подполковник М.А. Муравьев. Сам Антонов-Овсеев в боях на Пулковских высотах не участвовал,

так как во время выступления юнкеров в столице он был ими по случайности арестован и провел ночь на захваченной мятежниками телефонной станции столицы. Юнкера разменяли Антонова-Овсененко на обещание сохранить им жизни, что и было принято советской стороной.

8 декабря В.А. Антонов-Овсененко был назначен командующим всеми силами красных на Юге России. На него возлагалось общее руководство «операциями против калединских войск и их пособников». В декабре при могилевской Ставке Верховного главнокомандующего, пока еще существовавшей, был создан так называемый Революционный полевой штаб (РПШ). Он напрямую подчинялся Антонову-Овсененко, выполняя его приказания по сосредоточению сил, собираемых против атамана Каледина.

В Харькове народный комиссар без промедления создал штаб Южного фронта. Его начальником был назначен левый эсер подполковник Муравьев, с которым Антонов-Овсененко сработался в Петрограде, когда подавлялся «мятеж» 3-го конного корпуса генерала Краснова.

Нарком, собирая в Харькове силы Красной гвардии, демонстрировал напористость и организаторский талант. Так было в деле формирования Южного революционного автобронедивизиона, ставшего первой такой частью в Красной Армии. Создавался он, как говорится, с мира по нитке и самыми различными способами. Состоял из шести отделений по 4–5 броневику в каждом.

В.А. Антонову-Овсененко пришлось руководить не только военными действиями против белых на Дону, но и борьбой с саботажем в районах, где власть находилась в руках Советов. 10 января 1918 года комендант станции Александровск (совр. Запорожье, Украина) Кузнецов телеграфировал народному комиссару в Харьков:

«Забастовали все служащие почт и телефона, а также другие местные самоуправления».

Через два часа оттуда в Александровск был послан следующий приказ Антонова-Овсененко, который требовал:

«Город объявляю на военном положении. Старших чинов почт, телефона и других арестовать и доставить в Харьков. Остальным предложить в 24 часа явиться на работу, неявившихся арестовать по списку и отправить под конвоем в Юзовку, Макеевку для принудительных работ по очистке шахт. Опубликовать широко этот приказ».

В конце января 1918 года Антонов-Овсененко докладывал в Москву о достигнутых успехах: «Станции Лихая, Зверевое, Сулин, по пути к северу от Новочеркасска, заняты победоносными революционными войсками». Атаману А.М. Каледину так и не удалось поднять Дон на борьбу с Советской властью, и он застрелился.

Донское войско «колыхнется» на сторону Белого дела позднее, но не в начале 1918 года: казаки устали от войны и еще не познали красного террора. В феврале красные войска заняли города Ростов-на-Дону и Новочеркасск, столицу Донской области. Остатки белоказаков ушли в Сальские степи, а корниловская Добровольческая армия – в свой первый Кубанский (Ледовый) поход³. Н.Е. Какурин к достоинствам стратегического решения этой непростой задачи относил «гибкость ее решений в зависимости от обстановки», «стремление сосредоточить возможно большее количество своих сил на направлениях, выбранных для нанесения главных ударов».

В марте 1918 года В.А. Антонов-Овсеенко назначается Верховным главнокомандующим войсками Украинской Народной Республики. Эта должность еще называлась и иначе – главнокомандующий советскими войсками федеративных республик на юге.

В соответствии с Брест-Литовским договором старая армия была демобилизована, а новая Красная Армия еще только начала создаваться. Почти не встречая должного вооруженного сопротивления, германские армии и войска Австро-Венгрии пошли на восток. Чтобы создать боеспособную армию, требовалось время, а сражаться с немецко-австрийскими войсками необходимо было немедленно. Антонов-Овсеенко принял решение сформировать боевые крестьянские дружины в Полтавской и Харьковской губерниях. Так было положено начало партизанским отрядам. Несмотря на сопротивление партизан, в апреле 1918 года германские войска, взяв в союзники гайдамаков и пройдя всю Украину, вступили в Донбасс. В это время Антонова-Овсеенко срочно вызвали в Москву.

В июле 1918 года в Москве проходил 5-й Всероссийский съезд Советов. Фракция левых эсеров (352 человека) выразила недовольство советскому правительству. На следующий день левые эсеры Я.Г. Блюмкин и Н.А. Андреев явились в посольство Германии и убили посла В. Мирбаха, после чего укрылись в штабе отряда при ВЧК, которым командовал левый эсер Д.И. Попов⁴. Мятельники

³ *Ледовый поход* (9.02.1918–30.04.1918) – первый поход Добровольческой армии на Кубань – её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны. В марте 1918 года неожиданно резко испортилась погода: дождь, сменявшийся заморозками, вызывал оледенение. Затем резко похолодало, в горах выпал глубокий снег, температура упала до 20 градусов ниже нуля. Имя «Ледовый» стало применяться в отношении всего Первого Кубанского похода Добровольческой армии.

⁴ *Попов Дмитрий Иванович* (1892–1921) – балтийский матрос, начальник Боевого отряда ВЧК, активный участник восстания левых эсеров в Москве в 1918 году, один из основных руководителей Повстанческой армии Махно.

арестовали председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, прибывшего в штаб отряда Попова с требованием выдать убийц германского посла. Затем они арестовали М.И. Лациса (врио председателя ВЧК), председателя Моссовета П.Г. Смидовича, а также ряд видных большевиков. Подавлением левозэсеровского мятежа руководили председатель Высшей военной инспекции Н.И. Подвойский и начальник Латышской стрелковой дивизии И.И. Вацетис. Вечером 6 июля была арестована фракция левых эсеров съезда Советов во главе с М.А. Спиридоновой⁵. Ударной силой большевиков по ликвидации выступления своих, уже бывших, союзников стали красные латыши. 7 июля мятеж был подавлен. Антонову-Овсенко было поручено преследование отрядов мятежников, которым удалось вырваться из Москвы, и вскоре они были взяты в плен. Мятеж левых эсеров в Москве был окончательно подавлен.

В середине ноября 1918 года В.А. Антонов-Овсенко снова оказался на Украине – на этот раз в качестве командующего и члена Реввоенсовета Особой группы войск Курского направления Украинского фронта, который только начал создаваться. В том же ноябре последовало новое назначение: Антонов-Овсенко возглавил Революционный военный совет Украинской Красной Армии. Начавшееся наступление советских войск вскоре приостановили для реформирования и обучения, а также поиска дополнительных резервов. Командование фронта избрало другую тактику – мирные

⁵ *Спиридонова Мария Александровна* (1884 – 1941) – российская революционерка, одна из руководителей партии левых эсеров. Спиридонова осознавала необходимость сотрудничества с большевиками. «Как нам ни чужды их грубые шаги, – говорила она на I съезде ПЛСР(и) 21 ноября 1917 г., – но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя». Она считала, что влияние большевиков на массы носит временный характер, поскольку у них «всё дышит ненавистью», и что большевики обанкротятся на второй стадии революции. Во время Октябрьской революции и в первой половине 1918 г. Спиридонова выступала за тесное взаимодействие с большевиками, о чём свидетельствовало её выдвижение большевистской фракцией на место Председателя Учредительного Собрания. При голосовании получила 160 голосов, однако на эту должность был избран В.М. Чернов, получивший 260 голосов. В середине 1918 г. Спиридонова круто изменила свою политическую позицию. Во время V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.) была арестована в числе других руководителей левых эсеров и отправлена на гауптвахту в Кремль. Несмотря на предъявленные ей обвинения в заговоре против Советской власти и революции, Верховный ревтрибунал при ВЦИК, приняв во внимание «особые заслуги перед революцией», амнистировал её. Впоследствии на протяжении многих лет Спиридонова неоднократно подвергалась арестам и находилась в разных местах заключения. В сентябре 1941 г. решением военной коллегии Верховного Суда СССР расстреляна в Медведковском лесу под Орлом. Реабилитирована частично в 1988 г. и полностью – в 1992 г.

переговоры и постепенное просачивание украинских советских частей в тыл Белгорода и Харькова. В конце декабря Украинская советская армия уже насчитывала более 14 тыс. штыков, 1350 сабель при 20 орудиях и 139 пулеметах.

В первый день нового 1919 года в Харькове вспыхнуло восстание против петлюровцев. В.А. Антонов-Овсеенко на свой страх и риск двинул красные полки на Харьков и 3 января освободил город от петлюровцев. На следующий день, 4 января он был назначен командующим Украинским фронтом. 16 января С.В. Петлюра объявил войну Советской России. Понеся большие потери, петлюровцы сдали Киев, и 6 февраля советские войска вступили в город. Дивизия Н.А. Щорса, выполняя приказ Антонова-Овсеенко, заняла Винницу и Жмеринку. Наступательная операция завершилась к 1 апреля выходом красных войск на берега пограничного Днестра. Главнокомандующий Республики И.И. Вацетис докладывал председателю Совнаркома: «Успех превзошел всякие ожидания». Развивая успех, войска Украинского фронта ворвались в Крым. Перекоп и Сиваш брала дивизия П.Е. Дыбенко, бывшего председателя Центробалта и народного комиссара по морским делам, соратника Антонова-Овсеенко по Октябрю 1917 года в Петрограде.

В.А. Антонов-Овсеенко сложил с себя полномочия командующего войсками Украинского фронта на основании постановления Совета обороны Советской Украины от 11 мая 1919 года. В Москве вчерашний командующий фронтом получил суровый выговор за то, что «ровно ничего серьезного для освобождения Донбасса не сделано». Под выговором стояли подписи, в том числе В.И. Ленина и И.В. Сталина. С 1919 года Антонов-Овсеенко – председатель тамбовского губернского исполкома, а затем, в 1920–1921 годах, – председатель полномочной комиссии ВЦИК по ликвидации известного в отечественной истории Тамбовского крестьянского восстания, которое в советское время называлось кулацко-эсеровским. На борьбу с ним были брошены значительные силы Красной Армии. Восстание охватило не только Тамбовскую, но и соседние с ней Воронежскую и Саратовскую губернии.

В 1922–1924 годах В.А. Антонов-Овсеенко – начальник Политического управления Реввоенсовета Республики (с 28 августа 1923 года – Реввоенсовета СССР). Во время пребывания на посту главного политработника РККА он стал известен тем, то по его личной инициативе с 1 января 1924 года стала издаваться центральная военная газета «Красная звезда». С тех пор эта газета являлась центральным печатным органом Министерства обороны СССР, а в настоящее время – Российской Федерации. В те же годы Владимир Александрович был председателем Военно-историчес-

кой комиссии, членом редколлегии и председателем военной секции истории партии при ЦК РКП(б). Его перу принадлежит первый марксистский очерк истории Гражданской войны «Строительство Красной армии в революции».

После завершения Гражданской войны В.А. Антонов-Овсенко находился на дипломатической работе: глава дипмиссии в Кантоне (Китай), полпред СССР в Чехословакии (1924–1928), а затем в Литве и Польше (1928–1934). В эти годы Антонов-Овсенко опубликовал мемуары «В семнадцатом году» и четырехтомник «Записок о Гражданской войне», имевшие большой успех у читателей. Однако И.В. Сталин о троцкистском прошлом организатора штурма Зимнего дворца, ставшего крупным советским дипломатом, помнил (фракционной работы в рядах партии он не вел). В июне 1934 года полномочного посланника в Варшаве отозвали в Москву и неожиданно для многих (и для него самого) назначили прокурором РСФСР, хотя он никакого юридического образования не имел. Одновременно Антонов-Овсенко (с 1934 по 1937 год) являлся членом ВЦИК.

Когда в далекой Испании началась Гражданская война, Антонов-Овсенко снова был призван на дипломатическое поприще и назначен генеральным консулом СССР в Барселоне, где занимался поставками вооружения для войск республиканцев и вопросами участия в войне советских военных специалистов. В республиканской Испании Владимир Александрович находился ровно год (с сентября 1936-го по сентябрь 1937 года). 8 февраля 1938 года он был приговорён Военной Коллегией Верховного Суда (ВКВС) СССР к расстрелу «за принадлежность к троцкистской террористической и шпионской организации». Расстрелян 10 февраля 1938 года, похоронен на полигоне «Коммунарка». Его не стало в 55 лет. Гражданская реабилитация состоялась в 1954 году, а в 1955 году Антонов-Овсенко посмертно восстановлен в рядах КПСС⁶.

Когда вчитываешься в строки «разношерстной» биографии этого человека удивительной даже для годин Гражданской войны судьбы, то думается о той роли, которую он сыграл тогда. Антонов-Овсенко чем-то напоминает лихого, умелого «пожарника» в руках глав Реввоенсовета и Совнаркома, кидавших вчерашнего профессионала-подпольщика туда, где было «тонко» и грозило прорывом, где приходилось начинать, как говорится, почти с нуля и стоя на зыбучем песке; где требовался человек решительный и жесткий, потому что стояло такое время.

⁶ См.: *Вожжов Г.А.* Антонов-Овсенко // Большая российская энциклопедия. – Т. 2. – М., 2005; *Ракитин А. В.А.* Антонов-Овсенко. – Л., 1989.

АПАНАСЕНКО **Иосиф Родионович** **(1890–1943)**

Иосиф Родионович Апанасенко родился 15 апреля 1890 года в селе Митрофановское, Ставропольский Край. Окончил трёхклассную церковно-приходскую школу. Подростком батрачил, работал пастухом.

В 1911 году Апанасенко был призван в Русскую императорскую армию, сначала обучался в учебной команде в городе Хасавюрте. Участвовал в Первой мировой войне, служил в 208-м Лорийском пехотном полку 3-го Кавказского корпуса. За боевые заслуги был произведён в прапорщики, в конце войны был командиром пулемётной роты.

В конце 1917 года Иосиф Родионович вернулся в родное село и сразу был избран председателем Совета и Военно-революционного комитета села Митрофановское Ставропольской губернии. В мае 1918 года им был организован партизанский отряд, который вёл боевые действия на Ставрополье против войск Белого движения.

Осенью 1918 года Апанасенко был назначен командиром бригады 2-й ставропольской пехотной дивизии, а чуть позже он стал командиром 1-ой кавалерийской дивизии ставропольских партизан. Несколько месяцев спустя дивизия была переименована в кавалерийскую и вошла в состав войск С.М. Будённого, чуть позже став одной из дивизий Первой Конной армии.

Отличаясь личной отвагой, И.Р. Апанасенко пользовался большим авторитетом у своих бойцов. И уже тогда «прославился» своей независимостью. Он запросто мог не выполнить приказ вышестоящего командования, посчитав его неправильным. Будённый трижды снимал его с должности командира дивизии за такое самоуправство, но затем каждый раз восстанавливал. Именно во время Гражданской войны Апанасенко познакомился со Сталиным, который был в то время членом Реввоенсовета РСФСР. Сталину понравился brave комдив, и он сохранил о нём самые лучшие впечатления.

Дивизия, которой командовал И.Р. Апанасенко, проявила себя с наилучшей стороны в боях за Воронеж, под Касторным, Ростовом-на-Дону, в районе станицы Егорлыкской, а также городов Броды и Львова.

Во время перехода с Польского на Южный фронт в Первой Конной армии и особенно в 6-й кавалерийской дивизии под влиянием неудачного исхода Польской кампании, неизжитого «духа партизанщины», плохого снабжения, а также общей обстановки на Украине, где был довольно распространён бандитизм, заметно упала дисциплина. Бойцы дивизии не только совершили ряд еврейских погромов, но и убили комиссара дивизии Г.Г. Шепелева, пытавшегося навести порядок. Усилиями К.Е. Ворошилова и С.М. Будённого дисциплину удалось восстановить, зачинщики погромов были расстреляны. Сам же комдив Апанасенко, бригада которого приняла наиболее активное участие в беспорядках, был обвинен в неумении и нежелании поддержать порядок в частях и отстранен от должности.

В 1923 году И.Р. Апанасенко сумел окончить Военно-академические курсы высшего комсостава РККА и вскоре был назначен начальником ставропольской губернской милиции. С октября 1923-го по май 1924 года он являлся военным комиссаром Смоленской губернии. В 1924–1929 годах Апанасенко командовал 5-й кавалерийской дивизией, с 1929 года – 4-й Ленинградской кавалерийской дивизией, а с ноября 1932 года – 4-м кавалерийским корпусом в Среднеазиатском военном округе. В 1928 году Апанасенко окончил Курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии имени М.В. Фрунзе, а немного позже, в 1932-м – Военную академию имени М.В. Фрунзе.

С сентября 1935-го по 1938 год Апанасенко был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии и одновременно инспектором кавалерии этого округа. С февраля 1938 года он командовал войсками Среднеазиатского военного округа. 4 июня 1940 года Апанасенко в числе первых было присвоено воинское звание генерал-полковник. В 1941 году на XVIII партийной конференции ВКП(б) он стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

С января 1941 года И.Р. Апанасенко в качестве командующего войсками Дальневосточного фронта много сделал для укрепления обороноспособности Дальнего Востока. В начальный период войны с гитлеровской Германией под его непосредственным руководством формировались дальневосточные хорошо вооруженные полноценные стрелковые дивизии, которые в самые критические дни обороны Москвы оказали решающее влияние на исход битвы за столицу СССР.

Совершенно потрясающую ситуацию описал первый секретарь Хабаровского крайкома партии Е.А. Барков:

«...По аппаратной сверхсекретной связи мне позвонил Сталин. Поздоровавшись, говорит: “У нас тяжелейшая обстановка между Смоленском и Вязьмой. Гитлер готовит наступление на Москву, у нас нет достаточного количества войск, чтобы спасти столицу. Убедительно прошу тебя, немедленно вылетай в Москву, возьми с собой Апанасенко, уговори быть податливым, чтобы не артачился, я его упрямство знаю...”

...Прибыли в Москву 1-го или 2 октября в полночь. Хозяин кабинета тепло поздоровался за руку... молча походил по кабинету, остановился напротив нас и начал разговор: “Наши войска на западном фронте ведут очень тяжёлые оборонительные бои. Гитлер начал крупное наступление на Москву. Я вынужден забирать войска с Дальнего Востока”. По моей спине пробежал мороз, а на лбу выступил холодный пот от ужасной правды, которую поведал нам вождь партии и государства. Речь уже шла не только о потере Москвы, а может быть, о гибели государства. Обращаясь к Апанасенко, Сталин начал перечислять номера танковых и механизированных дивизий, артполков и других особо важных соединений и частей, которые Апанасенко должен немедленно отгрузить в Москву. Сталин диктовал, Апанасенко аккуратно записывал, а затем тут же, в присутствии хозяина, покуривавшего люльку, подписал приказ и отправил зашифрованную телеграмму своему начальнику штаба к немедленному исполнению. По всему было видно, что наша короткая, чёткая, деловая встреча подходит к концу. На стол поставили крепкий чай. Сталин спрашивал о жизни дальневосточников. Я отвечал.

И вдруг последовал вопрос к Апанасенко: “А сколько у тебя противотанковых пушек?” Генерал ответил немедленно. Я сейчас не помню цифру конкретно, но помню, что он назвал какую-то мизерную в сравнении с тем, что тогда уже имела Красная Армия. “Грузи и эти орудия к отправке!” – негромко, но чётко скомандовал Сталин. И тут вдруг стакан с чаем, стоящий напротив Апанасенко, полетел по длинному столу влево, стул под генералом как бы отпрыгнул назад. Апанасенко отскочил от стола и закричал: “Ты что? Ты что делаешь?! Мать твою так-перетак!.. А если японец нападёт, чем я буду защищать Дальний Восток? Этими лампасами?! – и ударил себя руками по бокам. – Снимай с должности, расстреливай, орудий не отдам!” Я обомлел. В голове хоть и пошло всё кругом, но пронзила мысль: “Это конец. Сейчас призовут людей Берии, и погибнем оба”. И здесь я снова был поражён поведением Сталина: “Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко!

Стоит ли так волноваться из-за этих пушек? Оставь их себе...” Прощаясь, Апанасенко попросился в Действующую армию – на фронт. “Нет, нет, – дружелюбно ответил Верховный Главнокомандующий. – Такие храбрые и опытные, как ты, нужны на Дальнем Востоке”.

Ставка не могла перебрасывать дивизии с одинаковыми номерами, поэтому главнокомандованию пришлось де-факто признать правомерными все самостоятельные поступки Апанасенко. Всем новым дальневосточным дивизиям и полкам были присвоены собственные номера и выданы знамена; кроме того, все заново сформированные дивизии были поставлены на центральное довольствие.

Очередная встреча Апанасенко со Сталиным произошла в октябре 1942 г., после чего вождь еще неоднократно вызывал к себе генерала, который обстоятельно докладывал ему о ситуации на Дальневосточном фронте. Помимо этого, он просил направить его в действующую армию, в распоряжение одного из фронтов. Лишь 25 апреля 1943 г. ему поступил приказ сдать все дела на Дальневосточном фронте и прибыть в Москву в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

Однако новое назначение Апанасенко задерживалось, тогда он решил напомнить о себе Сталину в письме: “Я ваш солдат, товарищ Сталин. Вы знаете, что с Дальнего Востока мы послали на запад немало стрелковых дивизий, отлично выученных и вооруженных, а также артиллерийских и авиаполков. Вместо отправленных я тотчас старался сформировать и быстро обучить новые. Докладываю, что войска Дальневосточного фронта оставляю крепко боеспособными. Хозяйство тоже хорошо подготовлено. Промышленность и сельское хозяйство Приморского и Хабаровского краев выглядят неплохо. Ругать не будут...”⁷

Вот таким человеком был Иосиф Родионович Апанасенко. Этот случай описал Герой Социалистического Труда Ф.Т. Моргун⁷.

Ближе к концу мая 1943 года Сталин всё-таки назначил И.Р. Апанасенко заместителем командующего войсками Воронежского фронта генерала Н.Ф. Ватутина. На новом посту Иосиф Родионович находился всего три месяца. 5 августа в ходе Курской битвы он получил смертельное ранение и был похоронен в Белгороде на площади Революции. Позднее его прах согласно завещанию был перезахоронен в Ставрополе.

⁷ См.: *Моргун Ф.Т.* Задолго до салютов. – Полтава, 1994. – С. 67–71.

БЕЛОВ

Иван Панфилович
(1893–1938)

Иван Панфилович Белов родился 15 июня (по другим источникам 17 марта) 1893 года в деревне Калинниково Андогской волости Череповецкого уезда (в настоящее время это территория Никольского сельсовета Кадуйского района Вологодской области) в семье бедного крестьянина.

У его отца Панфила Богдановича было четверо детей: сыновья Дмитрий, Николай, Иван и дочь Александра. (Дмитрий и Николай были рождены в первом браке, а Иван и Александра – во втором.) С малых лет Ваня Белов был знаком с нелегким крестьянским трудом, лишениями. Временами его мать Мария вынуждена была даже собирать подаяние, а старший брат Дмитрий в молодые годы батрачил у богатого помещика Демидова (родственника знаменитых уральских промышленников Демидовых), усадьба которого располагалась неподалеку.

Несмотря на бедность, Панфил Богданович Белов считал необходимым обучать своих детей. Во время обучения в Вахонькинском училище Иван Белов проживал в семье учителя Акинфа Григорьевича Белова, который также был членом Череповецкой земской управы.

Иван Белов был самым способным и, одновременно, самым бедным учеником в школе. По воспоминаниям Евдокии Ивановны Курмановой, «это был самый бедный ученик нашей школы. Одет он был хуже всех. Плохонькое пальтишко, цветная рубашка, как бабий сарафан, в белых заплатанных валенках. По внешности он выглядел не интересным, но о нем вся школа говорила, как о способном мальчике».

После окончания четвертого класса Иван Белов из-за нужды бросил учебу и стал работать на лесозаготовках. В поисках заработка он даже трудился в Архангельске портовым грузчиком. По воспоминаниям современников он все свободное время тратил на

самообразование и в конце концов сумел выдержать экстерном экзамен в учительской семинарии Череповца на звание учителя.

В 1913 году И.П. Белов был призван в армию – по жребию. Если говорить точнее, то жребий выпал на старшего брата, но к тому времени Дмитрий Панфилович был женат, и Иван Панфилович сам предложил заменить брата на службе («Зачем ты пойдешь? Ты женат, а я холостой!») – так по воспоминаниям родственников сказал будущий командарм). К службе Белов относился серьезно, через год он был направлен в учебную команду, по окончании которой был произведен в унтер-офицерский чин.

Нищее детство, полуголодная юность, суровая солдатская служба оказали свое влияние на становление характера будущего героя Гражданской войны. И.П. Белов был умным, собранным, целеустремленным и суровым (но не жестоким!) молодым человеком. Временами он был вспыльчив.

Унтер-офицер И.П. Белов принял участие в боях на фронтах Первой мировой войны, где проявил воинское умение и личное мужество. В 1916 году он получил тяжелое ранение (в грудь навылет), долго лечился в госпитале, а потом был отправлен продолжать службу в Ташкент. Кто знает, как бы сложилась его военная карьера в армии дореволюционной России. Вполне возможно, умный и волевой унтер-офицер сумел бы дослужиться до офицерского чина. Такие случаи были не редкостью и до 1917 года. До 1912 года 25,7 % офицерского корпуса происходило из крестьян и мещан. Свыше 60 % выпускников пехотных училищ 1916–1917 годов происходили из крестьян⁸.

Но судьба и общий ход истории распорядились по-другому. В конце 1916 года И.П. Белов был арестован за оскорбление офицера, и военно-полевой суд приговорил его к четырем с половиной годам дисциплинарного батальона. Февральская революция освободила его из-под ареста, и Белов вступил в партию левых эсеров. Физически крепкий, волевой, обладавший незаурядным умом и крестьянской смекалкой, Иван Белов выделялся из общей массы солдат. В марте 1917 года он был избран председателем полкового комитета и одновременно командиром 1-го Сибирского запасного стрелкового полка. Так началась головокружительная карьера будущего командарма! В июне 1917 года Белов был направлен в Петроград на Всероссийский съезд полковых комитетов.

В начале октября 1917 года И.П. Белов был избран членом Ташкентского городского Совета рабочих и солдатских депутатов

⁸ См.: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 2002.

(находился на этом посту до 1919 года). Во время Октябрьского переворота Белов встал на сторону большевиков. Для него, выходящего из беднейших крестьянских слоев, программа и заманчивые лозунги большевиков казались абсолютно верными, безгрешными и вполне достижимыми в самом ближайшем будущем. В конце октября его полк подавлял выступление отряда юнкеров и казаков (под командованием генерала П.А. Коровниченко), отказавшегося подчиниться новой власти. Где – силой оружия, где – умелой пропагандой, Белову удалось добиться первой в его жизни значительной победы: 1 ноября 1917 года юнкера и казаки сложили оружие, крепость была взята, члены Туркестанского комитета Временного правительства арестованы, в Ташкенте была установлена Советская власть.

В декабре 1917 года в городе Коканде была создана так называемая «Кокандская автономия», во главе которой стояли представители национальной верхушки и офицерского корпуса России. Опираясь на большевистский лозунг «О праве наций на самоопределение», «Кокандская автономия» попыталась восстановить Кокандское ханство, чтобы в дальнейшем выйти из состава Советской России. Безусловно, такая позиция была вполне правомерна и при взвешенной и миролюбивой политике возможно могла принести результаты, но националисты с первых же дней проявили неразумную жестокость – они убили представителей Туркестанской советской республики, посланных к ним для переговоров. И началась открытая вооруженная борьба! 19–22 февраля 1918 года отряд Красной гвардии численностью 1200 человек под командованием И.П. Белова разгромил вооруженные формирования «Кокандской автономии», и к весне была установлена Советская власть во всей Средней Азии и Казахстане (кроме Хивы и Бухары). И в этом большая заслуга лично Белова! В марте 1918 года Белов был назначен комендантом крепости в Ташкенте и командиром Ташкентского гарнизона. 30 апреля 1918 года была образована Туркестанская АССР со столицей в Ташкенте. И.П. Белов был избран членом ЦИК Туркестана, а в мае 1918 года назначен заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа (образованного декретом Совнаркома РСФСР от 4.05.1918).

Свой личный опыт командира И.П. Белов постоянно использовал для укрепления рядов починенных ему вооруженных сил: он создает школу младших командиров, оружейные мастерские и приступает к созданию регулярной Красной Армии (летом 1918 года ее численность, без учета красногвардейских отрядов и партизанских дружин, составляла 8 тыс. человек). Эти действия ока-

зались весьма своевременны: летом 1918 года Туркестанская республика оказалась в кольце фронтов, и в июле был создан Военно-революционный штаб Туркестанской АССР, в который вошел и зам. командующего войсками ТуркВО Белов.

Надо отметить, что Семиреченское казачество в своей основной массе не признавало советскую власть, но в начале предпочитало сохранять нейтралитет. И только после ареста в феврале 1918 года атамана полковника Ионова, казаки во главе с сотником Бортниковым выступили против большевиков и, совершив лихой налет на Верный, освободили своего атамана. Кроме казаков к вооруженной борьбе с советской властью присоединялись и офицеры, основной силой которых стал возвратившийся из Ирана отряд полковника И.М. Зайцева, который 14 февраля 1918 года у станции Ростовцево вступил в бой с большевистским отрядом.

Во второй половине 1918 года в Туркестане была создана подпольная антисоветская «Туркестанская военная организация», в конце декабря преобразованная в так называемый Временный комитет во главе с военным комиссаром Туркестана К.П. Осиповым. (Кроме Осипова «Временный комитет» возглавляли полковник П.Г. Корнилов – брат Л.Г. Корнилова, полковник И.М. Зайцев, генерал-лейтенант Л.Л. Кондратович, Е.П. Джунковский.) В ночь на 19 января 1919 года «Временный комитет» начал вооруженное восстание, к которому присоединилась часть ташкентского гарнизона. К утру был захвачен почти весь город за исключением Дома свободы, военной крепости и Главных железнодорожных мастерских. Ожесточенные бои шли на улицах Ташкента более четырех суток. Гарнизон Ташкентской крепости (к которому присоединились красные курсанты, школа военных инструкторов, рабочие отряды, отряд коммунистов-узбеков), возглавляемый И.П. Беловым, единственный до конца остался верным советской власти (не будем заниматься политическими дискуссиями – отметим мужество и верность избранным идеалам этих бойцов).

Умелое руководство И.П. Белова (а его противниками были кадровые офицеры царской армии!) и храбрость его бойцов явились решающим фактором – 21 января в городе была восстановлена советская власть. Остатки мятежников (в их числе и К.П. Осипов) скрылись в горах, где создали Ташкентский офицерский партизанский отряд, который с марта сражался в Фергане, а затем ушел в Бухару.

В эти дни И.П. Белов вышел из партии левых эсеров и вступил в ВКП(б). Как обычно, после одержанной победы начались «подвиги» мастеров заплочного дела. Несмотря на то, что в ночь на 21 января было убито 2,5 тыс. мятежников, в течение первой после-

дующей недели было уничтожено еще 6 тыс. человек, заподозренных в связях с мятежниками. Затем чекисты произвели аресты еще 700 человек, которых потом ежедневно по 10–12 человек убивали в тюрьме⁹. Белов, как и остальные боевые командиры, в репрессиях участия не принимал.

В апреле 1919 года Туркестанская республика оказалась в кольце фронтов. С северо-запада (Актюбинский фронт) наступали войска атамана Дутова, на юго-западе Закаспийский фронт с трудом сдерживал натиск совместных отрядов Белой армии и англичан, на северо-востоке был организован Семиреченский фронт, сдерживавший войска атамана Б.В. Анненкова. Туркестанская республика, окруженная неприятелем и отрезанная от центра Советской России, была обречена на разгром. Не дожидаясь этого, И.П. Белов собрал все верные большевикам силы, прорвал окружение и устремился на соединение с главными силами Красной Армии. 13 сентября 1919 года войска Туркестанской республики соединилось с 1-й армией М.В. Фрунзе. Это было еще одно подтверждение полководческого таланта Белова.

Дальнейшие годы прошли в непрерывных сражениях. И.П. Белова посылали туда, где положение большевиков становилось критическим. Он воевал с басмачами в Туркестане, участвовал в обороне Андижана. Современники отмечали, что Белов был очень умным и одновременно миролюбивым человеком (что выгодно отличало его от многих жестоких – с садистскими замашками – революционных вождей), в отношении местного казачества он никогда не проводил политику геноцида (как это делалось на Дону по приказу Л.Д. Троцкого и Я.М. Свердлова), а прибегал к убеждению, всегда стараясь отделять рядовых казаков и младших офицеров от казачьей старшины. Белов был человеком слова, свои обещания выполнял – сдавшихся в плен казаков не расстреливали, а отпускали в родные станицы. Одновременно с этим Белов карал своих бойцов за грабежи и мародерство (которые зачастую имели место и со стороны белых, и со стороны красных), запретил репрессии против военнопленных.

15 августа 1919 года командующим Туркестанским фронтом был назначен М.В. Фрунзе. В начале 1920 года Туркестанский фронт состоял из трех стрелковых дивизий (3-й Туркестанской стрелковой дивизией командовал начдив И.П. Белов), железнодорожной охраны, бронепоезда «Красная Роза», автопарка из автомобилей и броневиков, двух авиационных отрядов (они в это время еще находились в пути). Численность всего личного состава фронта – около 20 тыс. бойцов.

⁹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 2002.

3-я стрелковая дивизия, которой командовал И.П. Белов, дислоцировалась в Семиречье. Обстановка была сложной: противник пытался перейти в наступление. Отряды казаков были отбиты 25-м Павловским полком и были вынуждены отойти. После месяца позиционных боев воинские части большевиков в свою очередь попытались повести наступление на небольшой горный городок Копал, который был занят казаками. Наступление было неудачным, и Белов был вынужден отвести войска на исходные позиции. Но долго выжидать было опасно: на помощь казакам к Копалу шли из Арасана казачьи части генерала Н.П. Щербакова. 20 марта 1920 года войска начдива Белова перешли в наступление. Они разбили Щербакова на подходе к Копалу и вынудили горными перевалами уйти в Китай. Затем войсками Белова был взят Арасан. Массовых расправ над пленными казаками и здесь не было. Как следствие этого гуманного шага без боя сдался и Копал.

Начдив Белов (несмотря на кроважанные намерения некоторых сподвижников-большевиков) продолжал отстаивать свою взвешенную миролюбивую политику в отношении казачества. Репрессиям подвергались только казаки, работавшие в контрразведке и карательных органах. Благодаря этим мудрым решениям Белова часть казаков вскоре вернулась из Китая в Семиречье, а Семиреченский фронт как таковой прекратил свое существование. Осталась лишь многочисленная Семиреченская армия, преимущественно состоявшая из местных крестьян-середняков, которые с прекращением военных действий все настойчивее высказывали вполне понятное недовольство продолжавшейся политикой продразверстки и требовали ее подмены разумным продовольственным налогом.

В итоге бойцы расквартированного в Верном батальона 27-го полка 12 июня 1920 года вышли из повиновения, захватили крепость и провозгласили свою власть, избрав так называемый боесовет. Мятежников в первые же сутки собралось более тысячи человек, и число их постоянно росло. Однако в их рядах находились люди, которые в прошлом сражались под командованием И.П. Белова и, несмотря на расхождение во взглядах, уважали начдива, а потому сдерживали товарищей от применения оружия. В результате драгоценное время было упущено. Белову и членам Реввоенсовета удалось дожидаться подхода полков, оставшихся верными советской власти, и 19 июня мятежники были окружены и обезоружены. Командовал этой операцией начдив И.П. Белов.

После восстановления советской власти Реввоенсовет, позабыв демагогию, занялся репрессиями: все руководство мятежников

было расстреляно, была частично уничтожена городская партийная организация. Кое-кто из представителей карательных органов попытался было обвинить и начдива И.П. Белова вместе с членом Военного совета дивизии Д.А. Фурмановым в том, что они слишком долго занимались уговорами и митингами, а не приступили к немедленным репрессиям. Но командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе признал действия Белова и Фурманова единственно верными в той сложной обстановке.

В августе 1920 года войска под командованием И.П. Белова были направлены на подавление еще одного антибольшевистского восстания в Бухаре, где 2 сентября нанесли основной удар по крепости эмира – Старой Бухаре. За взятие Бухары И.П. Белов был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Начиная с осени 1920 года представители советской власти в Туркестане стали постепенно отходить от декларируемой ранее миролюбивой политики не только в отношении казачества, но также в отношении крестьян-старожилов. Общеизвестные и уважаемые всеми командиры постепенно переводились в другие места (в их числе был и И.П. Белов), и управлять обстановкой в Туркестане стали другие большевики, поднаторевшие не в боевых сражениях, а в политических репрессиях. Подобная ошибочная политика в итоге привела к обострению классовой борьбы в Туркестане и новым многочисленным жертвам с обеих сторон.

После окончания гражданской войны в Туркестане И.П. Белов был направлен учиться на Военно-академические курсы РККА. Начало учебы совпало с антибольшевистским восстанием в Кронштадте, на подавление которого Белов был направлен вместе с другими курсантами, где по ненадежному весеннему льду под огнем противника шел в атаку на кронштадтские форты. Власть щедро оценила успехи, воинский талант и преданность молодого полководца: Белов был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени.

После окончания Военно-академических курсов РККА И.П. Белов непродолжительное время командовал дивизией, корпусом, а в 1922 году был назначен помощником командующего Московского военного округа. Собственно говоря, с этих пор военачальник регионального масштаба постепенно превращается в фигуру масштаба общероссийского, наделенную огромной властью и широким кругом сановных знакомств.

С 1927 по 1931 годы И.П. Белов командовал войсками Северо-Кавказского военного округа, а с 1931 по 1935 год – Ленинградским военным округом. Под его руководством в Ленинграде была создана Газодинамическая лаборатория (ГДЛ), в которой были

созданы ракетные снаряды на бездымном порохе, первые электротермические и жидкостные ракетные двигатели. Также в эти годы началось существенное перевооружение артиллерии округа. На базе созданного в 1929 году авиамотодесантного отряда в 1933 году была организована 3-я авиационная бригада особого назначения.

С 1935 по 1937 год И.П. Белов командовал войсками Московского военного округа. В 1935 году ему было присвоено звание командарма I ранга (соответствует званию генерала армии). В 1937 году Белов был назначен на должность командующего Белорусского военного округа, избран депутатом Верховного Совета СССР.

И.П. Белов был лично знаком с И.В. Сталиным. Известно, что Сталин всегда интересовался русской культурой, любил старинные русские песни и нередко сам их напевал. Мать командарма, Мария Белова в один из приездов к сыну в гости (несмотря на высокую должность сына, она продолжала жить в своем доме в деревне Калинниково – в настоящее время дом не сохранился) также познакомилась с генеральным секретарем, который в беседах с ней как-то раз даже поинтересовался особенностями деревенских плясок на Вологодчине.

Командарм И.П. Белов был коммунистом, искренне верившим в правоту и непогрешимость компартии и ее вождя И.В. Сталина. И в то же время он был патриотом России и своей малой родины – Вологодчины, и всю свою деятельность военачальника посвящал только одному – укреплению обороноспособности страны. В Вологодской области в Кушубе по инициативе Белова был построен центр учебной подготовки войск.

11 июня 1937 года состоялось закрытое заседание суда над группой военачальников. Подсудимые: М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.М. Примаков, В.К. Путна. Председатель суда – Главный военюрист Ульрих, заседатели – маршал С.М. Будённый, маршал В.К. Блюхер, командарм первого ранга Б.М. Шапошников, командарм второго ранга Я.И. Алкснис, командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П.Е. Дыбенко, командующий Северо-Кавказским военным округом Н.Д. Каширин, командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив Е.И. Горячев. Несколько человек – Алкснис, Блюхер и Белов – пытались задавать вопросы подсудимым, надеясь выяснить неизвестные ранее подробности, чтобы тем самым опровергнуть или хотя бы смягчить обвинение. Этим самым они добились только одного – Сталин усомнился в их благонадежности, а поскольку генеральный секретарь не признавал

полутонов и делил окружающих только на друзей и врагов, то участь этих военачальников тоже была предreshена. По официальной версии, появившейся в отечественной публицистике последних лет, через год И.П. Белов был расстрелян по приговору военного трибунала (вместе с Дыбенко и Блюхером).

По воспоминаниям внучатого племянника Юрия Михайловича Белова командарм Белов в то время официально не был под судом, не был объявлен «врагом народа», фактически он исчез с лица земли. Никаких репрессий со стороны властей кадуйские родственники командарма не испытали.

И только в 1968 году родственники командарма получили письмо от генерал-майора И.Ф. Куца, некогда бывшего адъютантом Белова. Генерал-майор сообщал, что летом 1938 года командарм 1-го ранга И.П. Белов был внезапно вызван в Москву к Сталину и из этой поездки не вернулся. Точные обстоятельства гибели командарма Куца были неизвестны, но в результате его личного расследования удалось установить существование двух версий уничтожения Белова. По одной версии командарм Белова поместили в подвалы Лубянки, подвергали пыткам и затем расстреляли. По другой версии Сталин не стал арестовывать командарма, но на обратном пути на Белова в поезде было инсценировано нападение с ограблением и убийством. Одновременно с этим существует и официальная версия гибели И.П. Белова, основанная на архивных документах. Согласно им Белов был арестован 7 января 1938 года. Была арестована и его жена А.Л. Белова-Дударева.

Командарм И.П. Белова допрашивал лично Сталин (в протоколе допроса подпись Белова отсутствует). На суде (если он, конечно, действительно состоялся) его обвинили в шпионской деятельности в пользу Германии, а также в принадлежности к «военно-эсеровской организации». И согласно той же официальной версии 29 июня 1938 года был оглашен приговор, и в тот же день Белова расстреляли.

И.П. Белов был реабилитирован 26 ноября 1955 года.

БЕРЗИН Ян Карлович (1889–1938)

В 1889 году в семье латыша-батрака Яна Кюзиса родился сын Петерис. В 1905 году он вступил в РСДРП, активно участвовал в Первой русской революции и в 1907 году за убийство полицейского был приговорён к 8 годам каторги (ввиду несовершеннолетия срок был сокращён до 2 лет). В 1911 году Петерис Кюзис снова был арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал в 1914 году с подложными документами на имя Яна Карловича Берзина¹⁰.

Во время Первой мировой войны Я.К. Берзин был призван в армию, дезертировал и работал слесарем на заводах Петрограда. Активно участвовал в Февральской революции. Летом 1917 года – редактор латышской газеты «Пролетариата Циня» («Борьба пролетариата»).

Во время Октябрьского вооружённого восстания 1917 года Берзин был членом партийного комитета в Выборгском районе и членом Петроградского комитета. С декабря 1917 года работал в аппарате ВЧК РСФСР. В январе–мае 1919 года занимал пост заместителя наркома внутренних дел Советской Латвии.

В декабре 1920 года Я.К. Берзин был переведён на службу в Разведуправление РККА. С марта 1924-го по апрель 1935 года возглавлял 4-е (разведывательное) управление штаба РККА, фактически создал систему военной разведки СССР. Подал рапорт об освобождении от должности после копенгагенского провала «сообщения резидентов» в Дании в феврале 1935 года (были схвачены сразу четыре ответственных работника центрального аппарата

¹⁰ В истории Советской России помимо Я.К. Берзина (П.Я. Кюзиса) известны еще трое Берзиных: Э.П. Берзин (командир латышского полка, охранявшего Кремль, участник операции по захвату английского разведчика Б. Локкарта), Р.И. Берзин (командовавший отрядом латышских стрелков, захватившим в конце 1917 года Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве) и Я.А. Берзин (дипломат, соратник В.И. Ленина).

разведки), который иногда рассматривается как крупнейший провал за всю историю советских спецслужб.

В апреле 1935 года Я.К. Берзин был назначен заместителем командующего войсками Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и занимал эту должность вплоть до июня 1936 года, когда под именем генерала Доницетти отправился в республиканскую Испанию в качестве главного военного советника.

В мае 1937 года он сдал дела в Испании комдиву Г.М. Штерну, вернулся в СССР и вновь занял пост начальника Разведуправления. ЦИК и Совнарком утвердили его в звании армейского комиссара 2-го ранга. Однако уже 1 августа Я.К. Берзин был снят с поста начальника Разведуправления с направлением в распоряжение Наркома обороны СССР. 27 ноября 1937 года он был арестован по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 года на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован посмертно 28 июля 1956 года.

БЛЮХЕР **Василий Константинович** **(1890–1938)**

Прапрадед Василия Константиновича Блюхера крепостной крестьянин Феклист, вернувшись по окончании войны 1812 года в деревню, получил прозвище Блюхер от своего помещика Кожина (отставного военного). Оценив по достоинству награды Феклиста, он в шутку заметил: «истинный фельдмаршал Блюхер». Так у русского крепостного появилась немецкая фамилия.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 года В.К. Блюхер был взят по мобилизации на военную службу в городе Москве. В ноябре он поступил рядовым на пополнение 19-го Костромского полка, находившегося во втором эшелоне боевой линии юго-восточнее Кракова.

Рядовой Блюхер. 1915 г.

В январе 1915 года на реке Дунаец под Тернополем В.К. Блюхер был тяжело ранен разорвавшейся гранатой в левое бедро, левое и правое предплечья. В бессознательном состоянии его доставили в армейский полевой госпиталь. Из его тела было извлечено восемь больших осколков, сильно повреждены обе ноги, разбит тазобедренный сустав. Была сделана очень сложная операция и, в конце концов, ему удалось спасти жизнь, но левая нога стала короче на 1,5 см. Дважды как умершего Блюхера выносили в морг. Из города Белая Церковь Василий Константинович был направлен на лечение в Московский военный госпиталь имени императора Петра I. Однажды госпиталь посетил царь Николай II.

Вследствие полученных ранений, в марте 1916 года В.К. Блюхер был уволен из армии с пенсией первого разряда. Вернувшись с фронта, он устроился на работу в гранитной мастерской в Казани, затем работал на предприятиях Нижнего Новгорода и снова Казани. В июне 1916 года вступил в ряды РСДРП(б).

В мае 1917 года Блюхер переехал в Самару и познакомился с В.В. Куйбышевым, который отправил его заниматься агитацией в 102-й запасный полк. Солдаты не просто хорошо приняли Блюхера, но и избрали его в полковой комитет и городской Совет солдатских депутатов. К началу Октябрьской революции рядовой 102-го запасного полка В.К. Блюхер являлся членом Самарского Военно-Революционного Комитета. После установления советской власти в Самаре Блюхер стал помощником комиссара Самарского гарнизона и начальником губернской охраны революционного порядка.

В 1918 году во главе отряда В.К. Блюхер был направлен на Южный Урал для борьбы с частями войскового атамана Оренбургского казачества полковника А.И. Дутова. Блюхер возглавил Челябинский Военно-революционный комитет, его войска разбили Дутова и уже в январе взяли Оренбург. После этого отряды Блюхера продолжили теснить казаков, и в марте 1918 года захватили центр 2-го военного округа Оренбургского войска города Верхнеуральск. Дутов с остатками своей армии временно укрылся в Тургайской степи.

В мае В.К. Блюхеру поступили сведения, что в Челябинске произошло выступление пленных австро-венгерской армии (Чехословацкий корпус), временно располагавшихся в городе. В июле 1918 года казаки при поддержке белочехов овладели Оренбургом. При этом большинство красных отрядов отступили в Туркестан, а Уральский отряд Блюхера пошел на север на соединение с Красной Армией к Екатеринбург. Выступив в поход в июле, отряд за 8 дней с ожесточенными боями дошел до района Верхнеуральска.

Блюхер предложил новый план похода: через Петровский, Бого-
явленский и Архангельский заводы на Красноуфимск, чтобы
можно было опереться на рабочих, получить пополнения и про-
 довольствие. По пути в течение августа отряд постоянно попол-
 нялся партизанскими соединениями и вырос в армию (всего
 10,5 тыс. штыков и сабель, 18 орудий) с железной воинской дис-
 циплиной. К сентябрю, нанеся новые поражения противнику, ар-
 мия вышла в район Аскино (Башкирия), прорвала кольцо окру-
 жения и в середине сентября соединилась с передовыми частями
 3-й армии Восточного фронта. Спустя десять дней армия прибыла
 в Кунгур (Пермский край) и была преобразована в 4-ю Уральскую
 стрелковую дивизию под командованием Блюхера. До прибытия в
 Кунгур армия Блюхера в течение 54 дней прошла свыше 1500 км
 по горам, лесам и болотам, провела более 20 боёв, разгромила
 7 вражеских полков. Дезорганизовав тыл белогвардейцев и ин-
 тервентов, она содействовала наступлению войск Восточного
 фронта осенью 1918 года. За успешное руководство героическим
 походом В.К. Блюхер первым среди советских военачальников
 был награждён орденом Красного Знамени № 1.

4-я Уральская дивизия получила приказ занять пункты по линии
 Богородское–Суксунское–Осиновское и изготавиться для насту-
 пления в направлении Красноуфимск–Бисертский завод с целью
 перехватить Западно-Уральскую железную дорогу у станции Гро-
 бово-Шемаха. 27 сентября В.К. Блюхер доложил командарму Бер-
 зину: части дивизии заняли Молебский завод. После ожесточён-
 ных сражений были взяты большое село Богородское и город
 Красноуфимск. 4-я Уральская выбила белых за реки Сытва, Ба-
 там, Бисерть, Уфа.

В начале ноября В.К. Блюхер заболел – открылись старые
 раны – и вынужден был уехать на лечение в родную Барщинку.
 Вернувшись из отпуска, он принял командование 30-й стрелковой
 дивизией в самый разгар ожесточённых боёв за города Кунгур и
 Пермь. 19 декабря белые подошли к Кунгуру. К вечеру 21 декабря
 Кунгур был оставлен. Блюхер разделил дивизию на три группы,
 которые медленно отходили в направлении заводов Юго-Кам-
 ского, Бымовского, Бизярского и Юговского.

В январе 1919 года В.К. Блюхер был назначен помощником
 командующего 3-й армией. Штаб красного Восточного фронта,
 осознавая, какую опасность для РСФСР таит возможное соедине-
 ние армий Колчака с северными интервентами, принял решение
 о срочном создании в тылу глубокоэшелонированной обороны –
 системы укреплённых районов. Одним из таких укрепрайонов
 должен был стать город Вятка с его военным гарнизоном. На-

чальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района был утверждён Блюхер, одновременно остававшийся помощником командующего 3-й армией. В середине июня Блюхер доложил Реввоенсовету 3-й армии, что оборудование Вятско-Слободского укрепленного района закончено, после чего обратился к командарму с просьбой освободить его от должности начальника гарнизона и обороны Вятско-Слободского укрепрайона и направить на действующий фронт. Однако вместо этого он был назначен командующим Пермским укрепленным районом и только в июле получил назначение на пост начальника 51-й стрелковой дивизии, которая под его командованием с боями прошла путь от Тюмени до озера Байкал.

Дивизия В.К. Блюхера участвовала почти во всех завершающих операциях по освобождению Сибири от колчаковцев. В конце ноября 1919 года в связи с реорганизацией Восточного фронта 51-я дивизия была передана в состав 5-й армии, а после окончательного поражения колчаковских войск в Сибири её вывели в резерв главного командования Красной Армии. В марте 1920 года дивизия Блюхера переведена в Новониколаевск и находилась там до июля, когда было принято решение перебросить её на Южный фронт на борьбу с Русской армией П.Н. Врангеля.

На южном направлении В.К. Блюхер проявил себя как мыслящий и талантливый полководец, особо отличившись в боях в Северной Таврии за Каховский плацдарм и в Крыму в ходе Перекопско-Чонгарской операции.

В упорных и кровопролитных боях, развернувшихся в районе Серогозы (Херсонская область), полки 51-й дивизии нанесли конным частям П.Н. Врангеля значительные потери и организованно отошли на исходное положение Каховского плацдарма. Попытка Врангеля с 8 по 14 октября нанести решающий удар по Красной Армии в районе Кичкаса (Запорожье) и Каховского плацдарма закончилась полным провалом. Во время атаки плацдарма белые потеряли все свои танки – они были либо уничтожены, либо захвачены частями 51-й дивизии.

Умелые действия Василия Константиновича Блюхера на Каховском плацдарме можно считать образцовыми в истории Гражданской войны в России. Он был награждён за Каховку золотыми часами с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской армии от ВЦИК». Другой наградой для командира 51-й стрелковой дивизии стал второй орден Красного Знамени.

В октябре 1920 года по частям дивизии В.К. Блюхера был объявлен приказ о наступлении на Перекоп. К концу октября полки 152-й бригады вышли на исходные позиции в 6–8 километрах от

Турецкого вала. Утро 31 октября застало бойцов 152-й бригады в 250–300 метрах от вала. Огневая бригада при поддержке 152-й бригады атаковала восточную часть вала, но под сильным огнём противника залегла перед проволочным заграждением. Было ясно, что усилиями одной только Перекопской группы без согласованного наступления других частей 6-й армии через Сиваш взять Перекоп не удастся. Поэтому в ночь на 2 ноября части группы были отведены на 7–8 километров к северо-западу от вала. В ночь с 7 на 8 ноября 15-я, 52-я дивизии, 153-я и Отдельная бригады 51-й дивизии двинулись в атаку Литовского полуострова через Сиваш. В девятом часу, когда туман рассеялся, все 65 орудий 51-й дивизии открыли беглый огонь по Турецкому валу. В 12 часов в бой пошла первая волна. Полки Огневой и 152-й бригад с 453-м полком ринулись на штурм. Через час пошла вторая волна наступающих. Блюхер приказал пустить перед пехотой третьей волны броневики, а затем на помощь третьей волне четвёртую. В 3 часа ночи 9 ноября 1920 года неприступный Перекоп пал. После занятия с боем Перекопской позиции врангелевцев дивизия Блюхера на рассвете 11 ноября овладела первыми тремя оборонительными позициями белых у Юшуна.

Василий Константинович, не сдерживая радости от одержанной победы, писал в донесении:

«Задача, поставленная перед дивизией – пробить дорогу в Крым, – выполнена. 11 ноября в 12 часов занята станция Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, второй армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут. Армия, представлявшая гордость Врангеля, разбита и уничтожена. Пали неприступный Турецкий вал и четыре линии Юшуньских укреплений».

Решением Реввоенсовета Южного фронта за победный штурм Перекопа В.К. Блюхер был награжден третьим орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики № 221 от 20 июня 1921 года отмечено:

«Награждается в третий раз орденом Красного Знамени бывший начальник 51-й Московской стрелковой дивизии Блюхер Василий Константинович за то, что в боях с 8–12 ноября 1920 г. по овладению Перекопским перешейком проявил личную храбрость и особое искусство в руководстве боевыми действиями подчиненных ему частей дивизии. Несмотря на чрезвычайно трудную обстановку как в отношении преодоления сильно укрепленных позиций противника, так и при условии необыкновенно упорной обороны их, руководимые т. Блюхером части, в результате упор-

ных боев ворвались в Крым, чем положили прочное начало близкой ликвидации последнего гнезда российской контрреволюции».

В середине ноября 51-я дивизия заняла город Севастополь, на следующий день – Ялту. Из всех соединений и частей, участвовавших в боях за Крым, дивизия В.К. Блюхера понесла самые большие потери (75 % личного состава).

В феврале 1921 года В.К. Блюхер был назначен начальником гарнизона Одессы и начальником войск Одесской губернии. Однако с разгромом Врангеля и освобождением Крыма Гражданская война для трижды орденоносца Блюхера не закончилась. Она еще шла на Дальнем Востоке, где во Владивостоке к власти пришло Приамурское временное правительство братьев Меркуловых и где в Приморье еще стояли японские войска.

Председатель Совнаркома В.И. Ленин писал о той ситуации предельно откровенно:

«Обстоятельства принудили (нас) к созданию буферного государства в виде Дальневосточной Республики. Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

Дальневосточную Республику (ДВР), существовавшую в 1920–1922 годах, следовало укрепить в военном отношении, то есть укрепить ее вооруженные силы в лице Народно-революционной армии (НРА). В столицу буферного государства город Читу летом 1921 года отправляется группа опытных военачальников во главе с В.К. Блюхером. В июне он становится военным министром Республики и главнокомандующим НРА.

В.К. Блюхер принял командование НРА, когда та находилась в «катастрофическом состоянии». Одна из дивизий имела списочный состав в 4800 человек, но после сбора в ней оказалось всего 920 человек.

В.К. Блюхер после уяснения обстановки отправил из Читы в Москву на имя председателя Совнаркома В.И. Ленина и председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого рапорт поразительного содержания:

«...Нищенство, проституция, воровство, грабежи, шпионаж и др. позорные явления стали нередким элементом армейского быта. Военспец, спекулирующий на барахолке последними вещами и не посещающий по этой причине занятия, ответственные работники, нанимающиеся к ремесленникам в подмастерья и к торговцам в ночные сторожа, жены военнослужащих, побирающиеся по городу “Христа ради”, бойцы, да одни ли бойцы, с оружием в руках

В.К. Блюхер. Начальник гарнизона Одессы и начальник войск Одесской губернии. 1921 г.

вламывающиеся в квартиры жителей с целью грабежа; штабники – от голода хворающие, падающие в обморок, ворующие и продающие все, что попадется под руку, от карандаша до пишущей машинки и секретного документа, организованные банды, угоняющие у крестьян скот под флагом конфискации белогвардейского имущества... все это стало тяжелым фактом повседневности, характеризующим ту грань, до которой докатились материальная необеспеченность армии и то разложение, которое вызвано ненормальными условиями жизни».

Москва откликнулась на просьбы военного министра ДВР: Совнарком выделил для ее армии полтора миллиона рублей золотом. На эти деньги В.К. Блюхер, по сути дела, заново создал Народно-революционную армию Дальневосточной Республики, подготовив ее к предстоящим боям.

С августа 1921 года по апрель 1922 года в китайском городе Дайрене проходили переговоры, однако о выводе японских войск с территории Дальнего Востока договориться не удалось.

Белоповстанческая армия генерал-майора В.М. Молчанова в декабре 1921 года захватила Хабаровск и остановилась у станции Волочаевка Амурской железной дороги, потерпев поражение в бою у станции Ин. Волочаевка была превращена в хорошо укрепленный район. В.К. Блюхер перенес свой армейский штаб из Читы на станцию Ин. Отсюда он руководил Волочаевской операцией. В феврале волочаевские укрепления – «Дальневосточный Перекоп» – были взяты героическим штурмом. Чтобы поднять боевой дух красноармейцев, командующий НРА В.К. Блюхер устроил парад своих войск в 35-градусный мороз. Уже в середине февраля 1922 года в результате успешной Волочаевской операции был освобожден Хабаровск. Армия В.М. Молчанова отступала в Приморье, однако преследование со стороны красных остановилось при встрече с японской заставой. За штурм Волочаевки 6-й стрелковый полк, легкая батарея, бронепоезд № 8 и 67 бойцов и командиров Народно-революционной армии были награждены орденами Красного Знамени.

В августе того же 1921 года В.К. Блюхер был назначен командиром-комиссаром 1-го стрелкового корпуса в Петрограде и одновременно комендантом Петроградского укрепленного района, избран членом ВЦИК и членом Петроградского городского совета. В конце 1923 года он подал рапорт с просьбой послать его учиться на Высшие военные академические курсы. Но получить системное военное образование ему не удалось: Блюхер так и остался самоучкой.

В августе 1924 года открывается новая страница в биографии В.К. Блюхера. По просьбе Сунь Ятсена, первого президента Китайской Республики, основателя партии Гоминьдан, создавшего в союзе с китайской компартией Единый демократический фронт, Москва командирует в Китай группу военных специалистов во главе с Блюхером. Он под псевдонимом «генерал Галин» становится главным военным советником Гуанчжоуского революционного правительства.

«Генерал Галин» сделал очень многое для Сунь Ятсена и сменившего его Чан Кайши (Сунь Ятсен умер в марте 1925 года): укрепил дисциплину в армии, провел ее реорганизацию, избавил правительство Гуанчжоу от неверных генералов-милитаристов, помог одержать ряд важных побед. Под стать старшему группы трудились другие советские военные советники. Был сорван план по захвату Гуанчжоу и взята крепость Вейчжоу. Милитаристские войска в провинции Гуандун на китайском Юге были полностью разгромлены. Когда Чан Кайши стал главнокомандующим, «генерал Галин» спланировал и осуществил известный Северный поход.

12 апреля 1927 года Чан Кайши совершил переворот, и Коммунистическая партия Китая из союзника Гоминьдана превратилась в его главного врага. Советским советникам пришлось срочно покинуть Китай.

В 1928 году в связи с 10-летием РККА В.К. Блюхер был награжден четвертым орденом Красного Знамени. В 1920-х годах только четыре прославленных командира советской армии были четырежды удостоены этой награды: В.К. Блюхер, С.С. Вострецов, Я.Ф. Фабрициус и И.Ф. Федько.

В августе 1929 года В.К. Блюхер назначается Реввоенсоветом Республики командующим Особой Дальневосточной армией (ОДВА) со штабом в городе Хабаровске. Ему ставится задача обезопасить границы страны на Дальнем Востоке. Так он вновь оказалась в местах, где сражался с белыми в годы Гражданской войны. В июне 1929 года китайские милитаристы спровоцировали вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и в ряде других мест. За спиной местных милитаристов зримо стояла фигура Чан Кайши.

Проведенные Отдельной Дальневосточной армией наступательные операции стали примерами хорошо организованного взаимодействия сухопутных войск с речной военной флотилией при широком использовании десантов и маневра на окружение противника. В тех событиях В.К. Блюхер действительно блеснул полководческим талантом, тремя операциями обезопасив грани-

цу на Дальнем Востоке от новых покушений. В те дни в Советском Союзе был учрежден новый орден Красной Звезды. Василий Константинович был награжден этим орденом, на котором стоял № 1, как и у его первой орденской награды.

Вне всякого сомнения, в 1930-х годах В.К. Блюхер имел огромную популярность не только среди людей военных, но и среди всего населения Страны Советов. Неслучайно полководец Г.К. Жуков так писал о нем в своих знаменитых мемуарах: «Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного большевика, чудесного товарища и талантливоего полководца».

Девять лет провел В.К. Блюхер на Дальнем Востоке. Он не только решал вопросы его военной защиты, но и многое делал для индустриализации и коллективизации восточной окраины страны. Именно он заложил первый камень в строительство города Комсомольска-на-Амуре. По его инициативе был создан Особый колхозный корпус, десятки красноармейских совхозов и колхозов. Василий Константинович избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был членом ВЦИК (1921–1924) и ЦИК СССР (1930–1938), депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Когда было учреждено звание Маршала Советского Союза, то в число первых пяти его обладателей 20 ноября 1935 года вошёл и В.К. Блюхер. Он был награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени (в том числе Красного Знамени СССР за № 1) и орденом Красной Звезды.

Когда обстановка на границах Дальнего Востока вновь стала накаляться, что было связано с захватом японцами Маньчжурии, Маршал Советского Союза В.К. Блюхер был назначен командующим войсками Краснознаменного Дальневосточного фронта и наделен большими полномочиями.

В конце июля 1938 года начался конфликт на озере Хасан: японцы захватили высоты Безымянную и Заозерную. Несмотря на значительные потери советских войск, события на озере Хасан в середине августа закончились их полной победой. Японцы были разгромлены и отброшены на территорию Маньчжурии. Буквально на следующий день В.К. Блюхера вызвали в Москву, где нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов пригласил его отдохнуть вместе с семьей на даче наркома в Сочи. В конце октября Блюхер и его супруга были отправлены в Москву и на Лубянке подверглись допросам.

9 ноября 1938 года Маршал Советского Союза В.К. Блюхер был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества

и расстрелян. По другим данным, он умер во время следствия. 12 марта 1956 года В.К. Блюхер был реабилитирован «за отсутствием в его действиях состава преступления»¹¹.

БОНЧ-БРУЕВИЧ **Михаил Дмитриевич** **(1870–1956)**

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич родился 8 марта 1870 года в семье землемера, выходца из дворян Могилевской губернии. В 1891 году он окончил Московский измерительный Константиновский межевой институт, в 1892-м – военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища, а в 1898 году – Академию Генштаба, где в 1907 году преподавал тактику. В 1913 году Бонч-Бруевич был произведен в чин полковника, и в 1914 назначен командиром 176-го пехотного Переволоченского полка.

В Первую мировую войну М.Д. Бонч-Бруевич занимал должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (август–сентябрь 1914 года), а затем – штаба Северо-Западного фронта. В январе 1915 года произведен в генерал-майоры. С апреля 1915 года был начальником штаба 6-й армии, дислоцировавшейся в Петрограде и его окрестностях, а затем – начальником штаба Северного фронта, и, наконец, с марта 1916 года – начальником гарнизона Пскова, где находилась Ставка главкома Северного фронта.

Во время нахождения на должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юга-Западного фронта Бонч-Бруевич ведал разведкой и контрразведкой и по роду службы тесно контактировал с летчиками, в частности, с находившимся под его командованием П.Н. Нестеровым; именно Бонч-Бруевич начал с ним ссору, ре-

¹¹ См.: Великанов Н.Т. Блюхер. – М., 2010.

зультатом которой стал смертельный для Нестерова таран австрийского самолёта 8 сентября (26 августа по старому стилю) 1914 года.

Уже тогда бессменным помощником Бонч-Бруевича по ряду вопросов стал скромный полковник Генштаба С.Г. Лукирский. Небезынтересно отметить, что военный министр генерал В.А. Сухомлинов в 1915 году недолюбливал как одного, так и другого: Бонч-Бруевича он считал полностью подпавшим под влияние Лукирского, а последнего называл «дрянью большой».

В марте 1915 года Бонч-Бруевич стал начальником штаба Северо-Западного фронта, в то время это была одна из ключевых должностей в русской армии. Резкий и малообщительный, он не пришёлся по вкусу дворцовой знати. Вокруг генерала плелись интриги. Бонч-Бруевич платил придворным той же монетой, подозревая некоторых из них в шпионаже в пользу Германии. В конце концов, некоторые царедворцы стали открыто выражать своё пренебрежение к генералу. По словам служившего во время войны в ставке Верховного Главнокомандующего М.К. Лемке, как-то к ним приехал бывший варшавский генерал-губернатор князь П.Н. Енгальчев и заявил, что хочет занять должность «не меньше» начальника штаба фронта. Видя недоумение чинов ставки, Енгальчев поспешно добавил: «Так прогоните кого-нибудь, ну хоть Бонч-Бруевича. Государь обещал поговорить об этом с Рузским...» Конечно же, князю объяснили, что так не делается, и он уехал восвояси, но случай весьма показателен.

Вскоре к хору недоброжелателей М.Д. Бонч-Бруевича присоединилась и царица, обиженная недоверием генерала к её приближенным. Она засыпала Николая II письмами с ядовитыми отзывами в адрес Бонч-Бруевича: «...Какая будет радость, когда ты избавишься от Б. Бр. (не умею написать его имени)! Но сначала ему нужно дать понять, какое он сделал зло, падающее притом на тебя. Ты чересчур добр, мой светозарный ангел. Будь твёрже, и когда накажешь, то не прощай сразу и не давай хороших мест: тебя недостаточно бояться»;

«...Да, поскорее избавься от Бр.-Бр. Только не давай ему дивизии...»;

«Убрал ли Куропаткин, наконец, Бр.-Бруевича? Если ещё нет, то вели это сделать поскорее. Будь решительнее и более самодержавным, дружок, показывай твой кулак там, где это необходимо – как говорил мне старый Горемыкин в последний раз, когда был у меня: “Государь должен быть твёрдым, необходимо, чтобы почувствовали его власть”. И это правда. Твоя ангельская доброта, снисходительность и терпение известны всем, ими пользуются.

Докажи же, что ты один – властелин и обладаешь сильной волей».

Понятно, что всё это не могло тянуться долго, и 1 марта 1916 года Николай II снял Бонч-Бруевича с занимаемой должности. Теперь он стал сначала генералом для поручений штаба Северного фронта, затем – ставки главнокомандующего. Но все эти должности были скорее номинальными. Немудрено, что с Февральской революцией обиженный царской семьёй Михаил Дмитриевич одним из первых генералов объявил о своей лояльности Временному правительству. Он установил контакт с Псковским Советом рабочих и солдатских депутатов и был кооптирован в исполком Совета, что послужило поводом для прозвища «советский генерал».

При А.Ф. Керенском Бонч-Бруевич занимал должность начальника Псковского гарнизона, где находился штаб Северного фронта. В дни выступления генерала Л.Г. Корнилова он сотрудничал с и. о. комиссара фронта трудовиком Савицким, стремясь предотвратить возможные конфликты между солдатами и офицерами. 29 августа главком Северного фронта генерал В.Н. Клембовский, занявший позицию осторожной поддержки Корнилова, был смещён Временным правительством, и Бонч-Бруевич назначен временно исполняющим должность главкома фронта. В этом качестве он задержал в Пскове генерала П.Н. Краснова, назначенного Корниловым командиром 3-го конного корпуса и направлявшегося к частям, двигавшимся к Петрограду.

9 сентября Бонч-Бруевич был заменён на посту главкома генералом В.А. Черемисовым и назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего. Прибыв в Могилёв в Ставку Верховного Главнокомандующего, Бонч-Бруевич установил связь с Могилёвским Советом рабочих и солдатских депутатов и 27 сентября был кооптирован в его исполком. В начале октября Бонч-Бруевич отклонил назначение генерал-губернатором Юго-Западного края (с резиденцией в Киеве) и Степного края (в Омске) и принял назначение начальником Могилёвского гарнизона.

Во время Октябрьского переворота М.Д. Бонч-Бруевич стал первым генералом, перешедшим на сторону большевиков, и в этом не было ничего удивительного. Кроме того, что Бонч-Бруевич был обижен на весь старый строй, он ещё имел и родного брата – Владимира Дмитриевича, большевика с 1895 года, управляющего делами Совнаркома.

Ввиду последовавшего 9 ноября отказа Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина выполнить распоряжение Совнаркома начать переговоры с Германией, Совнарком предло-

жил Бонч-Бруевичу занять пост Верховного главнокомандующего, но он отказался, считая, что в сложившейся ситуации этот пост должен занимать политический деятель, и Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик-большевик Н.В. Крыленко. При подходе к Могилёву, где находилась Ставка воинских эшелонов под руководством Крыленко, Бонч-Бруевич, как начальник гарнизона, предотвратил вооруженное столкновение между ними и войсками, находившимися в городе.

Много позже, на склоне лет в своем обращении к молодому поколению Михаил Дмитриевич признался: «...Разочарование в династии пришло не сразу. Трусливое отречение Николая II от престола было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Ходынка, позорно проигранная Русско-японская война, пятый год, дворцовая камарилья и распутинщина – все это, наконец, избавило меня от наивной веры в царя, которую вбивали с детства.

Режим Керенского с его безудержной говорильней показался мне каким-то ненастоящим. Пойти к белым я не мог, все во мне восставало против карьеризма и беспринципности таких моих одноклассников, как генералы Краснов, Корнилов, Деникин и прочие.

Оставались только большевики...

Я не был от них так далек, как это могло казаться. Мой младший брат, Владимир Дмитриевич, примкнул к Ленину и ушел в революционное большевистское подполье еще в конце прошлого века. С братом, несмотря на разницу в мировоззрении и политических убеждениях, мы всегда дружили, и, конечно, он многое сделал, чтобы направить меня на новый и трудный путь.

Огромную роль в ломке моего миросозерцания сыграла первая мировая война с ее бестолочью, с бездарностью верховного командования, с коварством союзников и бесцеремонным хозяйничаньем вражеской разведки в наших высших штабах и даже во дворце самого Николая II...»

После занятия Ставки просоветскими войсками 20 ноября М.Д. Бонч-Бруевич был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Не остановило его и зверское убийство генерала Н.Н. Духонина, между прочим, его старого друга. Помощником Бонч-Бруевича стал генерал С.Г. Лукирский, дежурным генералом – полковник К.И. Бесядовский.

Бонч-Бруевич всячески стремился сохранить боеспособность армии. 27 ноября в разговоре по прямому проводу с временно исполняющим должность главкома Юго-Западного фронта генералом Н.Н. Стоговым он заявил: «Все начальники отделов Ставки со мною вместе выразили вполне определенное решение сохранить

технический аппарат Ставки и принять все меры к тому, чтобы сохранить аппарат управления во фронтах и армиях. Такое наше решение вытекает из преданности общему делу спасения Отечества, и мы все решили, считаясь с текущим моментом, работать на своих местах до последней возможности».

После разрыва мирных переговоров в Брест-Литовске и перехода германских войск в наступление Бонч-Бруевич 19 февраля 1918 года получил телеграмму В.И. Ленина с требованием «немедленно, с наличным составом Ставки прибыть в Петроград». Выехав 20 февраля из Могилёва, он прибыл в столицу вечером 22 февраля и тут же включился в организацию отпора наступающему врагу. В тот же день Бонч-Бруевич подписал обращение к командованию Северного и Западного фронтов и Советам РСД прифронтовых городов, в котором указывалось, что предлагается остановить германские войска на линии Нарва – Псков – Остров – Невель – Витебск – Орша – Могилёв – Жлобин – Мозырь – Бердичев – Вапнярка – Одесса. Как показали последующие события, эта линия (за исключением территории Украины) и стала, с некоторыми отклонениями, фактической западной границей Советской России до ноября 1918 года.

После подписания Брестского мира Бонч-Бруевич 4 марта 1918 года вошёл в качестве военрука в состав Высшего Военного Совета (ВВС), издавшего 5 марта приказ о ликвидации должности Главноверха и расформировании его штаба. Бонч-Бруевич занимался созданием на бывшей линии фронта частей завесы¹², которая должна была воспрепятствовать дальнейшему продвижению вглубь страны германских и австро-венгерских войск. По инициативе Бонч-Бруевича основу комсостава частей завесы составили генералы и офицеры старой армии, для которых эта служба была более приемлема, чем в частях Красной Армии, действовавших на внутренних фронтах.

В июне штаб ВВС во главе с Бонч-Бруевичем переехал из Москвы в Муром. 9–10 июля город был захвачен мятежниками, действовавшими по плану «Союза защиты Родины и Свободы»; одной из их целей был захват штаба и уничтожение Бонч-Бруевича, но накануне событий он выехал в Москву.

¹² *Завеса* – объединение отдельных отрядов РККА, предназначенных для обороны демаркационной линии, установленной после заключения Брестского мира. Цель: не допустить вторжения германских, а с августа 1918 г. – английских войск. Создана директивой Высшего Военного Совета 5 марта 1918 г. Приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. все участки завесы были расформированы, вместо них были образованы фронты.

В условиях развернувшейся Гражданской войны Бонч-Бруевич, чувствуя невозможность старых методов управления войсками, подал в отставку и 27 августа был освобождён от должности военрука ВВС.

В конце 1918 – начале 1919 года М.Д. Бонч-Бруевич преподавал в Межевом институте, затем возглавлял работу по созданию Высшего геодезического правления. 23 июня – 22 июля 1919 года занимал должность начальника Полевого штаба РВСР, но потом окончательно посвятил себя научной и педагогической работе.

В 1919–1923 годах Михаил Дмитриевич руководил Геодезическим управлением, состоял в распоряжении Реввоенсовета СССР, но в 1923 году был уволен с этого поста «за вредительство». Бывшего генерала обвиняли по статьям 110, 116 и 150 Уголовного кодекса и дело передали в прокуратуру. Но до суда не дошло – не позволил Ф.Э. Дзержинский.

В ночь с 21 на 22 февраля 1931 года по делу мнимого контрреволюционного заговора бывших офицеров М.Д. Бонч-Бруевич был арестован ОГПУ. На допросах к нему не применялось никаких мер физического или морального воздействия. Может быть, из-за брата, а может, потому, что его сын Константин сам был уполномоченным ОГПУ. Естественно, что участия в каких-либо организациях Михаил Дмитриевич не признал. Зато успел дать показания против бывшего генерала и командующего Южным фронтом РККА П.П. Сытина, которого обвинил в руководстве контрреволюционным офицерским заговором в СССР. В конце концов, 17 мая 1931 года Бонч-Бруевича выпустили из тюрьмы, а его дело «за отсутствием состава преступления» было прекращено.

В 1937 году М.Д. Бонч-Бруевичу было присвоено звание комдива, а в 1944 году он был произведён в генерал-лейтенанты. Несмотря на преклонный возраст, доктор военных наук и доктор технических наук Бонч-Бруевич до последних дней сохранял ясность ума и отчетливую память и не только не уходил на отдых, но продолжал вести большую научную работу в Московском институте геодезии, аэрофотосъемки и картографии, который когда-то окончил. Он скончался в Москве в августе 1956 года.

БРУСИЛОВ **Алексей Алексеевич** **(1853–1926)**

О личности этого человека существует множество самых разнообразных суждений. Сначала в Советском Союзе на протяжении многих лет его превозносили как великого военного стратега, затем почти два десятилетия имя Брусилова публично не упоминалось, и, наконец, недавно он вновь попал в число самых выдающихся полководцев России. Белая эмиграция предала его анафеме как вероотступника, поступившего на службу супостатам. В списках «предателей, продавшихся большевикам», он числился на «престижном» первом месте. Впоследствии русская эмиграция нашла объяснение его поступкам и сменила гнев на милость. Имя А.А. Брусилова и по сей день на устах у преподавателей и слушателей российских военных университетов и академий.

Алексей Алексеевич Брусилов родился в Тифлисе 10 августа 1853 года в семье генерала. Образование получил в пажеском корпусе, откуда был выпущен в 15-й драгунский Тверской полк. В 1877–1878 годах участвовал в Русско-турецкой войне. В 1881-м поступил на учебу в Петербургскую кавалерийскую школу. В последующие годы Брусилов занимал должности старшего учителя верховой езды и выездки лошадей, начальника отдела эскадронных и сотенных командиров, помощника начальника школы, вырос в чинах до генерал-майора (1900 год), был причислен к штату лейб-гвардии.

Брусилова знали и ценили руководители Военного министерства и лично главный инспектор кавалерии великий князь Николай Николаевич. Он писал статьи о кавалерийской науке, посещал Францию, Австро-Венгрию и Германию, где изучал опыт верховой езды и работы конных заводов. В 1902 году по праву был выдвинут на должность начальника Петербургской кавалерийской школы. «Лошадиная академия», как ее шутливо называли в армии, под руководством Брусилова сделалась признанным центром подготовки командного состава русской кавалерии.

К А.А. Брусилову, проведенному в учебных аудиториях более 20 лет, отношение было уважительное, но никто не видел его в качестве командира крупных соединений регулярной армии. И здесь генералу помогла высокая протекция. Великий князь Николай Николаевич был большим знатоком кавалерии, курировал Офицерскую кавалерийскую школу, поэтому знал её начальника и был высокого мнения о его профессиональных качествах.

В 1906 году Брусилов по рекомендации великого князя Николая Николаевича был назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, где заслужил большое уважение подчиненных своим командирским искусством и уважительным отношением к офицерам и солдатам. Но личная драма – смерть жены, а также гнетущая обстановка петербургской жизни после Первой русской революции подтолкнули его к решению уйти из рядов столичной гвардии в армию: в 1908 году Брусилов получил назначение в Варшавский военный округ командиром 14-го армейского корпуса с производством в генерал-лейтенанты.

В 1912 году Алексей Алексеевич принял предложение занять пост помощника командующего Варшавским военным округом. Трения с генерал-губернатором Г.А. Скалоном и другими «русскими немцами» в штабе округа вынудили его покинуть Варшаву и занять должность командира 12-го армейского корпуса в соседнем Киевском военном округе. Брусилов писал жене: «Не сомневаюсь, что в войсках Варшавского округа мой уход произведет сенсацию... Ну! Что сделано, то сделано, и я рад, что вырвался из этой клоаки скалоновской придворной атмосферы».

С объявлением 17 июля 1914 года общей мобилизации российский генеральный штаб развернул войска Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, и в составе последнего Брусилову было поручено командовать 8-й армией. С началом военных действий армия приняла участие в Галицийской битве. 2 августа Брусилов получил приказ о наступлении, и через три дня его войска двинулись от Проскурова к границе с Австро-Венгрией: началась Галич-Львовская операция, в которой 8-я армия действовала совместно с 3-й армией генерала Н.В. Рузского.

Поначалу австро-венгерские войска оказывали слабое сопротивление, и части 8-й армии за неделю продвинулись в глубь Галиции на 130–150 километров. В середине августа у рек Золотая Липа и Гнилая Липа противник попытался остановить наступление русских армий, но в ходе ожесточенных сражений был разгромлен. Брусилов докладывал командующему фронтом: «Вся картина отступления противника, большая потеря убитыми,

ранеными и пленными ярко свидетельствуют о полном его расстройстве».

Австро-венгерские войска оставили Галич и Львов. Галиция, исконная земля Киевской Руси, была освобождена. Тем, кто считал Брусилова «паркетным генералом», очень скоро пришлось убедиться в ошибочности своих суждений. В Галицийской битве, первом крупном сражении русской армии в новой войне, войска Брусилова разгромили 2-ю австро-венгерскую армию, только пленными захватив 20 тыс. человек.

За победы в Галицийской битве А.А. Брусилов был удостоен орденов св. Георгия 4-й и 3-й степеней. Волею судеб соратниками Брусилова в рядах 8-й армии являлись будущие вожди Белого движения: генерал-квартирмейстером штаба армии был А.И. Деникин, командиром 12-й кавалерийской дивизии – А.М. Каледин, 48-й пехотной дивизией командовал Л.Г. Корнилов.

Зимой–весной 1915 года Брусилов руководил 8-й армией в Карпатской операции Юго-Западного фронта. На Венгерской равнине русские войска натолкнулись на встречное наступление австро-венгерских и германских корпусов. В зимнюю стужу и весеннюю слякоть 8-я армия вела упорные встречные бои с противником; она обеспечила сохранение блокады крепости Перемышль и тем предопределила ее падение, неоднократно вела удачные наступательные действия.

Брусилов часто появлялся в передовых частях, не заботясь о личной безопасности. В своих приказах «первейшей обязанностью» всех подчиненных ему командиров он ставил заботу о солдате, его пище и сухарях. При посещении Николаем II Галиции Брусилов был удостоен звания генерал-адъютанта, чему не особенно радовался в предвидении скорых осложнений на фронте.

В результате Горлицкого прорыва германских войск к середине лета 1915 года русские армии оставили Галицию. Упорным сопротивлением 8-й и других армий Юго-Западного фронта положение было выровнено. Потянулась длинная череда позиционных боев, не приносившая ни одной из сторон ощутимых успехов и получившая название «Позиционного тупика».

Армия Брусилова успешно отражала попытки противника деблокировать осажденный русскими войсками Перемышль. В тяжелейшем для русской армии 1915 году, когда поражения следовали одно за другим, войска генерала Брусилова успешно оборонялись, осуществляя организованный отход и нанося противнику серьезный ущерб.

В марте 1916 года пользовавшийся авторитетом А.А. Брусилов сменил бездеятельного и осторожного командующего фронтом

генерала Н.И. Иванова. Разработанный новым командующим план наступления предусматривал не один, а несколько разнонаправленных ударов для прорыва фронта противника. До этой операции никто ни в России, ни в мире таким образом не действовал.

Сначала прорыв был назван Луцким (по территориальному признаку). Однако затем, из уважения к генералу, разработавшему эту блистательную операцию, его стали называть «Брусиловским».

Наступление началось 3 июня 1916 года. 8-я армия, которой ещё недавно командовал сам Брусилов, решительно двинулась по направлению на Луцк и через четыре дня захватила его. Спустя пять дней 4-я австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда была окончательно разбита, а русские войска продвинулись по фронту на 65 километров.

Общее наступление длилось до двадцатых чисел августа. Противник был отброшен на расстояние до 120 километров, русские войска заняли Волынь, почти всю Буковину и часть Галиции. Противник потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести до 800 тыс. человек, а боеспособность австро-венгерской армии была окончательно подорвана. Германии и её союзникам пришлось срочно перебрасывать на Восток новые силы, что спасло от разгрома Италию и облегчило положение англо-французских войск на Западном фронте.

Несмотря на то, что слабая поддержка других фронтов и недостаток резервов вынудили Брусилова прекратить наступление и перейти к оборонительным действиям, Брусиловский прорыв стал, по сути, переломным моментом в Первой мировой войне. Чаша весов в результате этой операции склонилась в пользу Антанты. За этот успех генерал Брусилов был представлен к награждению орденом св. Георгия 2-й степени, однако Николай II ограничился награждением полководца Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами.

Во время событий Февральской революции Брусилов играл заметную роль среди генералитета, выступавшего за отречение Николая II от престола. После отставки генерала М.В. Алексеева, 21 мая 1917 года он был назначен Верховным главнокомандующим, но после провала июльской наступательной операции, подготовкой которой занимался лично А.Ф. Керенский, покинул этот пост, уступив его более «твердому» генералу Л.Г. Корнилову.

В дни Октябрьской революции при столкновении юнкеров с красногвардейцами генерал был тяжело ранен в ногу. Большевики взяли Брусилова под охрану, обеспечили ему лечение и реабилитацию. В условиях начавшейся Гражданской войны к нему в

Москву пробирались белые эмиссары с призывом влиться в их ряды, однако генерал отказался примкнуть к Белому движению.

Многие склонны связывать лояльность Брусилова к красным с судьбой его единственного сына Алексея, офицера лейб-гвардии Конно-гренадёрского полка. Кадровый военный, летом 1918 года он был арестован ВЧК, однако затем не только обрёл свободу, но и вступил в ряды Красной Армии. Командир красной конницы А.А. Брусилов-младший в 1919 году во время наступления Деникина на Москву попал в плен и был расстрелян белогвардейцами.

После гибели сына А.А. Брусилов не просто сохранил лояльность большевикам, но и поступил в 1919 году на службу в Красную Армию, возглавив Особое Совещание при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Советской Республики. Под его руководством этот орган вырабатывал рекомендации по укреплению Красной Армии. Генерал проводил большую работу по привлечению бывших офицеров царской армии на службу к большевикам. В 1921 году Брусилов был председателем комиссии по организации допризывной кавалерийской подготовки, а в 1923–1924 годах – главным инспектором кавалерии РККА.

А.А. Брусилов никогда не заявлял, что разделяет все политические воззрения советской власти, однако был убеждён в том, что он исполняет свой долг, служа Родине.

В 1924 году 70-летний Брусилов после 50 лет военной службы окончательно вышел в отставку. Его здоровье вызывало серьёзные опасения, и Совнарком в 1925 году отправил генерала на лечение в Карловы Вары. Однако помогло это ненадолго – в ночь на 17 марта 1926 года в Москве Брусилов скончался от паралича сердца, последовавшего за крупозным воспалением лёгких.

Советская власть отнеслась к бывшему царскому полководцу с глубоким уважением. Алексей Алексеевич Брусилов был похоронен со всеми воинскими почестями на Новодевичьем кладбище¹³.

¹³ См.: *Брусилов А.А. Мои воспоминания.* – М., 2014; *Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусилов.* – М., 2006; *Ростунов И.И. Генерал Брусилов.* – М., 1964; *Сидорчик А. Гений прорыва. Как царский генерал Брусилов оказался в рядах Красной Армии // Аргументы и факты.* – 31.08.2013.

БУДЁННЫЙ **Семен Михайлович** **(1883–1973)**

Семён Михайлович Будённый – советский военачальник, один из первых маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевского креста всех степеней. Командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны, Будённый был одним из ключевых организаторов красной кавалерии, благодаря чему образ его и его соратников, красных казаков, получил широкое распространение в рамках советской и антисоветской пропаганды, а также многочисленных книг, фильмов и картин. Бойцы Первой конной армии известны под собирательным названием «будённовцы».

В 1903 году С.М. Будённый был призван в армию, служил срочную службу на Дальнем Востоке в Приморском драгунском полку, там же остался на сверхсрочную. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов в составе 26-го Донского казачьего полка.

В 1907 году как лучший наездник полка Будённый был отправлен в Петербург в Офицерскую кавалерийскую школу на курсы наездников для нижних чинов, которые закончил в 1908 году. На конноспортивных соревнованиях в столице, на которых присутствовал Николай II, он завоевал первое место. Много лет спустя Будённый в семейном кругу рассказывал, что император, поздравляя победителя, подошел к нему и пожал руку.

До 1914 года Будённый служил в Приморском драгунском полку. Участвовал в Первой мировой войне старшим унтер-офицером 18-го драгунского Северского полка Кавказской кавалерийской дивизии на германском, австрийском и кавказском фронтах, за храбрость был награждён «полным георгиевским бантом» – Георгиевскими крестами четырёх степеней и Георгиевскими медалями четырёх степеней. Газеты, освещая события на Западном фронте, писали, что доблестная Кавказская кавалерийская дивизия лихой атакой под Бжезиной разгромила немцев, захватив большие трофеи.

Летом 1917 года вместе с Кавказской кавалерийской дивизией Будённый прибыл в город Минск, где был избран председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета. Здесь он впервые встретился с М.В. Фрунзе, который привлек его к революционной деятельности. В августе 1917 года вместе с Фрунзе Будённый руководил разоружением эшелонов корниловских войск в Орше.

В феврале 1918 года С.М. Будённый создал революционный конный отряд, действовавший против белогвардейцев на Дону. Этот отряд влился в 1-й кавалерийский крестьянский социалистический полк под командованием Б.М. Думенко, в котором Будённый был назначен заместителем командира полка. Полк впоследствии вырос в бригаду, а затем – в кавалерийскую дивизию, успешно действовавшую под Царицыном в 1918 – начале 1919 года.

В августе 1919 года в верховьях Дона Конный корпус С.М. Будённого, участвуя в боях с Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля, дошел до Царицына и был переброшен к Воронежу. В Воронежско-Касторненской операции корпусом Будённого вместе с дивизиями 8-й армии были одержаны победы над казачьими корпусами генералов К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро. Части корпуса заняли город Воронеж, закрыв 100-километровую брешь в позициях войск Красной Армии на московском направлении. Победы корпуса Будённого над войсками А.И. Деникина под Воронежем и Касторной (Курская обл.) ускорили разгром противника на Дону.

В ноябре 1919 года командование Южного фронта на основании решения Реввоенсовета Республики подписало приказ о переименовании Конного корпуса в Первую Конную армию. Командующим этой армией был назначен С.М. Будённый. Первая Конная армия, которой он руководил по октябрь 1923 года, сыграла важную роль в ряде крупных операций Гражданской войны по разгрому войск А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в Северной Таврии и Крыму. Первая Конная армия в крайне сложных условиях во встречных конных боях на Дону с кавалерийским корпусом генерала С.М. Топоркова¹⁴ в январе 1920 года под Ростовом-на-Дону

¹⁴ *Топорков Сергей Михайлович* (1881–1931) – русский генерал, казак по происхождению, видный деятель Белого движения. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, полный Георгиевский кавалер. В декабре 1918 г. произведен в генерал-майоры. С января 1919 г. – командир сформированной им 1-й Терской казачьей дивизии; совершил рейд, находясь в составе Добровольческой армии (в мае – июне 1919 г.) по тылам Красной Армии, пройдя в районе Харькова около 600 вёрст. Это позволило быстро и без потерь захватить Харьков. С декабря 1919 г. – командир Сводного Кубанско-Терского кон-

и через несколько дней с конницей генерала Д.Г. Павлова (на реке Маныч) понесла серьезные потери личного состава (3 тыс. сабель) и артиллерии. В Советско-польской войне в боях с армией Ю.К. Пилсудского¹⁵ Первая конная, в конечном счёте, потерпела поражение, хотя и нанесла полякам большие потери, в частности, осуществив Житомирский прорыв.

В 1921–1923 годах С.М. Будённый – член Реввонсовета (РВС), а затем заместитель командующего Северо-Кавказского военного округа. Провёл большую работу по организации и руководству конными заводами Союза ССР. При непосредственном участии Семёна Михайловича в результате многолетней работы были выведены две новые породы верховых лошадей – «будёновская» и «терская».

В 1923 году Будённый был назначен помощником главнокомандующего Красной Армии по кавалерии и членом РВС СССР, в 1924–1937 годах занимал должность инспектора кавалерии РККА. С июля 1928 года – один из организаторов и редактор журнала «Коневодство и коннозаводство». В 1930 году курировал создание Московского зоотехнического института коневодства и коннозаводства в Успенском на базе Опытного конного завода.

В 1932 году С.М. Будённый окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. При этом в рамках изучения новых современных методов борьбы с противником в 1931 году он совершил свой первый прыжок с парашютом с самолёта.

В ноябре 1935 года ЦИК и Совнарком СССР присвоили пяти крупнейшим советским полководцам новое воинское звание

ного корпуса – резерва Главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина. Был ранен под Батайском (близ Ростова). С апреля по ноябрь 1920 г., после эвакуации из Новороссийска в Крым – командир Сводного казачьего корпуса в Русской армии генерала П.Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. вместе с войсками Русской армии эвакуировался из Крыма. В эмиграции жил в Сербии. Скончался в Белграде. Похоронен на Новом кладбище.

¹⁵ *Пилсудский Юзеф Клеменс* (1867–1935) – польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.

Начав политическую карьеру как социалист и став одним из лидеров Польской социалистической партии, во время Первой мировой войны основал Польские легионы. Начиная с середины Первой мировой войны, приобретает важное влияние в польской политике и становится одной из важнейших фигур на европейской политической арене. В 1918–1922 гг. – глава Польского государства. На этот период приходится шесть войн, включая Советско-польскую, завершившуюся поражением Красной Армии и подписанием мирного договора. В 1923 г. на несколько лет отошел от активной политики, однако после майского переворота 1926 г. и до момента своей смерти становится фактическим главой государства.

«Маршал Советского Союза». В их числе был и С.М. Будённый. С 1937 по 1939 годы Будённый командовал войсками Московского военного округа, с 1939 года – был членом Главного военного совета народного комиссариата обороны (НКО) СССР, заместителем наркома, а с августа 1940 года – первым заместителем наркома обороны СССР.

С.М. Будённый отмечал важную роль кавалерии в маневренной войне и в то же время выступал за техническое перевооружение армии, инициировал формирование конно-механизированных соединений. В предвоенные годы военные стратеги (М.Н. Тухачевский и его единомышленники) отдавали бесспорный приоритет танковым и моторизованным соединениям на поле боя, недооценивая роль кавалерии в современной войне. В результате «перекоса» в военной доктрине Наркомата Обороны из имевшихся в СССР к 1938 году 32 кавалерийских дивизий и 7 корпусов к началу войны осталось 13 кавалерийских дивизий и 4 корпуса. Однако опыт войны показал, что с сокращением кавалерии поспешили¹⁶. По рекомендации С.М. Будённого советское командование летом 1941 года приступило к формированию новых кавалерийских дивизий, к концу года было дополнительно развернуто свыше 80 кавалерийских дивизий лёгкого типа¹⁷.

С.М. Будённый, оценив несомненные достоинства новой разработки реактивного миномета СМ-13, не имевшей зарубежных аналогов, лично ходатайствовал перед И.В. Сталиным о безотлагательном внедрении этой пусковой установки (широко известной во всем мире под прозвищем «Катюша»), что позволило уже к началу Великой отечественной войны 21 июня 1941 года принять ее на вооружение.

Во время Великой Отечественной войны Будённый входил в состав Ставки верховного главнокомандования, участвовал в обороне Москвы, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 года), затем – занимал должность главнокома войск Юго-Западного направления (с июля по сентябрь 1941 года). Войска Юго-Западного направления стояли на пути немецкого вторжения на Украину.

В начале сентября С.М. Будённый предложил Ставке отвести войска от Киева из-за угрозы окружения. Однако командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос информировал Ставку о том, что у него нет намерений отводить вой-

¹⁶ См.: *Исаев А.В.* Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. – М., 2004.

¹⁷ См.: *Волгогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. – М., 1992.

ска. А.М. Василевский и С.М. Будённый по-прежнему настаивали на немедленном отводе войск из Киева. Вопреки Кирпоносу, его начальник штаба генерал-майор В.И. Тупиков также был убеждён в необходимости срочного отвода войск, о чём доложил И.В. Сталину. Однако в ходе телефонного разговора Сталина с командующим Юго-Западным фронтом Кирпоносом последний заявил, что Тупиков – паникер и что Киев они непременно отстоят. В итоге решение об отступлении из оперативного мешка вокруг Киева не было принято Ставкой.

12 сентября Будённый был отстранён от должности главнокомандующего Южным направлением. 13 сентября С.К. Тимошенко, прибывший в штаб Юго-Западного фронта сменить Будённого, снова заверил Сталина, что Киев будет удержан. Тем не менее положение на фронте уже 16 сентября вынудило Тимошенко устно (через начальника оперативного управления штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмяна) передать Кирпоносу распоряжение об отводе войск фронта на рубеж р. Псел. Однако Кирпонос промедлил и 17 сентября обратился в Москву за подтверждением решения главкома. Время было упущено. Ошибочные действия Кирпоноса привели не только к гибели его самого и Тупикова, но и к изряда вон выходящим потерям в живой силе.

Поражение под Киевом стало тяжелым ударом для Красной Армии. По данным, опубликованным в 1993 году Генеральным штабом Вооруженных Сил РФ, советские потери составили свыше 700 тыс. человек, из них 627,8 тыс. безвозвратно, и в 7 раз превысили потери противника.

С сентября по октябрь 1941 года С.М. Будённый был командующим Резервным фронтом; с апреля по май 1942 года – главнокомандующим Северо-Кавказского направления, с мая по август 1942 года – командующим Северо-Кавказским фронтом, и, наконец, с января 1943 года – командующим кавалерией Красной Армии¹⁸. В 1943 году по инициативе Будённого был воссоздан Московский зоотехнический институт коневодства.

После окончания войны в 1947–1953 годах Будённый совмещал службу в Красной Армии с исполнением обязанностей заместителя министра сельского хозяйства СССР по коневодству. С мая 1953 года по сентябрь 1954 года он занимал должность инспектора кавалерии. С 1954 года находился в распоряжении министра обороны СССР, был членом Президиума ЦК ДОСААФ, председателем его наградной комиссии и председателем общества советско-мон-

¹⁸ См.: Будённый Семен Михайлович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – Т. 4. – М., 1971.

гольской дружбы. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1958 года, 24 апреля 1963 года и 22 февраля 1968 года удостоен звания Героя Советского Союза.

Член ЦК КПСС в 1939–1952 годах (кандидат в 1934–1939 годах и 1952–1973 годах). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1–8-го созывов; с 1938 года – член Президиума Верховного Совета СССР.

Среди советских полководцев – участников Первой мировой и Гражданской войн С.М. Будённый был единственным командиром, награждённым за храбрость «полным георгиевским бантом» – Георгиевскими крестами четырёх степеней и Георгиевскими медалями четырёх степеней.

Личная жизнь Семёна Михайловича не сразу сложилась благополучно. Случались в ней и трагичные страницы. Первая супруга маршала, казачка Надя из соседней станицы, с которой он обвенчался в 1903 году, сопровождала мужа во время Гражданской войны. Она отвечала за снабжение медицинской части. Надежда погибла в 1924 году. Это был несчастный случай: она случайно нажала на курок заряженного пистолета. Но есть и другая версия. Говорят, разгневанный муж застрелил её, узнав об изменах. Историки склонны верить первой версии, ведь роковой выстрел прозвучал при многих свидетелях, которые видели, что на курок нажала именно Надежда.

Вторая супруга С.М. Будённого красавица Ольга Стефановна Будницкая пела на сцене Большого театра. Она была моложе супруга на 20 лет и выполнить просьбу мужа – родить ему детей – не соглашалась, опасаясь «испортить фигуру». Без театра она не мыслила своей жизни. Как оказалось, не мыслила она её и без тенора Алексеева, о чём конечно же знало вездесущее НКВД. Но когда О.С. Будницкая зачастила на приёмы в иностранные посольства, И.В. Сталин сообщил об этом Будённому, отметив, что она «неприлично ведет себя» и компрометирует маршала. При этом он добавил, что «ее затянули или могут затянуть иностранцы». Супругу маршала арестовали, обвинив в шпионаже. В 1956 году она была освобождена и даже бывала в гостях у семьи Будённых.

В третий раз личная жизнь С.М. Будённого сложилась счастливо. После ареста супруги он женился на её двоюродной сестре – Марии, которая была моложе его более чем на 30 лет и которую он очень любил. Мария Васильевна родила мужу троих детей: в 1938 году сына Сергея, в 1939 году – дочь Нину, а в 1944 году – второго сына Мишу.

Дочь Нина стала второй женой народного артиста РСФСР М.М. Державина и родила ему одну дочку.

С.М. Будённый – командующий кавалерией Красной Армии. 1943 г.

С сыном Сергеем. 1942 г.

С.М. Будённый в кругу семьи с женой Марией и детьми Ниной, Сергеем и Мишей

Встреча Михаила Семёновича Буденного с автором. 2018 г.

Младший сын Будённого Михаил закончил Московский энергетический институт и Всесоюзную Академию внешней торговли (ВАВТ). После академии трудился в системе Минвнешторга руководителем фирмы Всесоюзного объединения «Технопромимпорт» и был отмечен правительственной наградой за отличную работу, неоднократно бывал в длительных загранкомандировках в Италии и Финляндии. Мне приходилось многие годы работать вместе с Михаилом Семёновичем, выполняя ответственные поручения Правительства СССР, и поэтому я могу с полным основанием заявить, что он не только блестящий специалист и надёжный товарищ, но и высокообразованный человек, владеющий итальянским, английским, французским и финским языками. Продолжая фамильную традицию, Михаил Семёнович с юношеских лет увлечённо занимался конным спортом, был и остаётся прекрасным наездником и много сделал для развития конного спорта в нашей стране. С 1984 по 1992 годы – Председатель Федерации конного спорта СССР, член бюро Международной федерации конного спорта (1990–1995). Мастер по основным видам олимпийского конного спорта.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Будённый с супругой, сентябрь 1972 г. Фото В. Мусаэльяна

Михаил Семёнович на наших встречах нередко вспоминал об отце, его увлечениях и поведении в домашней обстановке. По его словам, регулярно, в любую погоду маршал с утра не менее часа совершал прогулки верхом на лошади, причем в последний раз такую прогулку он совершил в 87 лет. Нередко в верховой езде принимала участие вся семья. Вообще, что касается воспитания детей, то по словам сына, отец был довольно строг. Большею они могли себе позволить в общении с матерью Марией Васильевной.

Семен Михайлович увлеченно занимался селекционной работой в области коневодства для нужд армии, в результате чего было выведено две уникальных породы. На Терском и Ставропольском конных заводах в течение 1920–1940 годов была выведена терская порода путём скрещивания нескольких уцелевших в Гражданской войне стрелецких лошадей с представителями арабской, донской, кабардинской и некоторых других пород. Сильная крепкая версия араба, эффективная в работе, на цирковой арене и в конном спорте.

Семен Михайлович Будённый с супругой Марией Васильевной и внуками Машей и Алешей, январь 1966 г.

На конных заводах имени С.М. Будённого и имени Первой Конной Армии (Ростовская область) в 1948 году выведена верховая лошадь Будённой породы. Первоначально выводилась как верховно-упряжная, для использования в армии. В настоящее время больше известна как верховая, спортивная.

Среди военачальников близкими друзьями С.М. Будённого, с которыми он часто встречался, были К.К. Рокоссовский и адмирал флота СССР Н.Г. Кузнецов.

Семен Михайлович всю жизнь увлекался рыбалкой и охотой на водоплавающую дичь (в молодости несколько раз ходил на кабана).

До последних дней жизни очками пользовался только для чтения. Отличное зрение позволяло ему играть на бильярде в пирамиду. На выходные дни часто собирались родственники и друзья. Иногда хозяин радовал гостей виртуозной игрой на полной гармошке. Когда в Москву приезжал приятель Семена Михайловича директор фабрики, выпускающей баяны, они вдвоем иногда устраивали домашний концерт; однажды их исполнение было запи-

сано на пластинку в студии «Мелодия». По радио перед исполнением этой записи диктор объявил: «Выступает дуэт баянистов Зайцев и Будённый». Партийные идеологи осудили творческий порыв маршала, и больше этот дуэт по радио не звучал. Зато пластинка сохранилась!

Михаил Семёнович вспоминал незабываемое зрелище, как на семидесятилетии отца Семен Михайлович вместе с О.И. Городовиковым (командующим Второй конной армией в годы Гражданской войны) устроили перепляс вприсядку, хотя Оке Ивановичу уже было за семьдесят!

Семён Михайлович Будённый скончался 26 октября 1973 года, на 91-м году жизни, в Москве, от кровоизлияния в мозг. 30 октября похоронен на Красной площади в Москве у Кремлёвской стены. На его могиле установлен памятник.

ВАЦЕТИС **Иоаким Иоакимович** **(1873–1938)**

Иоаким Иоакимович Вацетис родился 11 ноября 1873 года в Курляндской губернии Гольдингенского уезда Нейгофской волости мыза Нейгоф (ныне территория Латвии), в многодетной семье безземельного крестьянина (фактически батрака). Как пишет в своей автобиографии Вацетис, его дед носил другую фамилию, но после конфликта с бароном Мирбахом, владельцем винокуренного завода в имении Нейгоф, тот посчитал остроумным, если у провинившегося латыша будет фамилия Vācietis («немец» по-латышски).

В юности Иоаким Вацетис мечтал поступить в университет, но выбрал воинскую службу, дававшую возможность учиться за государственный счёт. В 1891 году он был записан добровольцем в Рижский учебный унтер-офицерский батальон. Затем последовало Виленское пехотное юнкерское училище, которое он окончил в 1897 году по первому разряду и офицером был выпущен в войска.

В 1909 году, после обучения в Академии Генштаба, И.И. Вацетис был произведен в капитаны, был командиром роты, а впоследствии – учебной команды. К 1912 году дослужился до подполковника, был назначен командиром батальона 102-го пехотного Вятского полка. Первую мировую войну встретил в Восточной Пруссии; под Красновицей в районе Варшавы был тяжело ранен винтовочной пулей. После излечения, осенью 1915 года произведен в чин полковника и назначен командиром 5-го Земгальского стрелкового полка в составе 12-й армии, до самой Октябрьской революции державшей оборону на рижском направлении. Документы о присвоении Вацетису звания генерала ушли в Ставку, но в конце 1917 года ими уже никто не занимался.

В 1917 году И.И. Вацетис высказывался за национальную автономию Латвии: «Теперь будет свободная Латвия в свободной России». Он также публично предлагал: «...Латышский народ... уже много веков стоял в авангарде России против напора германизма. Ныне мы, латыши, представляем собой вооруженный народ: мы поставили под ружье всех мужчин, способных носить оружие, в наших рядах сражаются женщины. Наше желание довести войну до победного конца. Наш народ понес крупные жертвы людьми и материально, и таковые предстоят ещё. Творческие силы латышского народа ослабли на время под гнетом старого режима. В составе новой свободной России, вновь возродившейся к свободной национальной жизни, латыши видят отражение своих желаний в создании автономной Латвии, неразрывно связанной с свободной Россией... Керенский – единственный человек, который может дать революционной армии недостающий ей мощный импульс. Керенский – маховое колесо свободной революционной России и он должен стать во главе Действующей армии под названием – Верховный вождь русской армии...»

После Октябрьской революции И.И. Вацетис перешёл на сторону большевиков, но в партии не состоял до конца жизни. С декабря 1917 года он был начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке, в январе 1918 года руководил подавлением мятежа польского корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого. С апреля 1918 года Вацетис командовал Латышской стрелковой дивизией, в случае разгрома большевиков в России рассчитывал уйти с дивизией в Латвию. Он был убежден, что латышские стрелки – самая боеспособная сила в сложившейся исторической ситуации.

В неопубликованной работе «История латышских стрелков» по поводу возникновения латышских стрелковых частей в Первую мировую войну И.И. Вацетис указывал: «...Русское строевое ко-

мандование сразу оценило значение латышей, которые своим знанием местности, развитием и грамотностью стояли гораздо выше русских... По своим боевым качествам латыши служили примером для русских солдат...». Значимость этого явления характеризовалась им следующим образом: «...история дала случай нам собрать наш рассеянный по всей великой России народ в лице его стрелковых баталионов, что латышский народ уже не беззащитен, но эту вооруженную силу надо увеличивать, разворачивая постепенно баталионы в полки, полки свести в дивизии, а дивизии в корпус». В статье «Роль латышских стрелков в деле создания вооруженной силы Советской республики» Вацетис отмечал: «Латышский стрелок остается латышским стрелком, а русский солдат остается русским солдатом. До сих пор русский народ не прошел той школы в целом, какую прошел латышский народ. Латышский народ в течение 7 веков выковывался, ведя свою бедную жизнь под напором угнетения, материального и духовного, под палкой жестокосердных глумителей над человеческим достоинством баронов и их приспешников».

Латышские стрелки эффективно использовались для карательных операций в России. Вацетис стал одним из руководителей подавления левозсеровского мятежа в Москве в июле 1918 года силами латышских стрелков.

В июле 1918 года И.И. Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом, а в январе – марте 1919 года одновременно занимал должность командующего армией Советской Латвии.

Красный военспец-генштабист А.Е. Снесарев так характеризовал Вацетиса: «...У него просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет... Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только. О русском народе он говорит с худо скрываемым презрением и повторяет, что ему нужна палка... Словом, ловкий инородец, взобравшийся наверх среди русского кладбища, ловко потрафивший власть имущим... В области Ген. Штаба в нём виден недоучка, а потому и дилетант, а ещё более фантазер. На мой вопрос, сколько в Красной армии, он отвечает незнанием, но прибавляет, что к весне будет вдвое больше, чем теперь... И этот неготовый, полуиспеченный специалист, вдобавок фантазер, стоит во главе всего дела. Какие же шансы...»

В июле 1919 года И.И. Вацетис был арестован по подозрению в измене, будучи обвинённым в руководстве, повлекшем поражение РККА. В телеграмме наркомвоенмору Л.Д. Троцкому, за подписями Ф.Э. Дзержинского, Н.Н. Крестинского, В.И. Ленина и

Э.М. Склианского, арест объяснялся тем, что изобличённый и сознавшийся в предательстве офицер (Н.Н. Доможиров) дал показания, из которых вытекает, что Вацетис знал о военном заговоре: «...Вполне изобличенный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания в заговоре, в котором принимал деятельное участие Исаев, состоявший издавна для поручения при главкоме и живший с ним в одной квартире. Много других улик, ряд данных, изобличающих главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту главкома».

В заключении Вацетис написал самооправдательные воспоминания, в августе был освобождён из-под ареста и направлен в распоряжение РВСР, в октябре решением Президиума ЦИК обвинения с него были сняты. Однако, несмотря на снятие обвинений, на посту главнокомандующего восстановлен он не был. Случившееся нередко интерпретируют как результат подковерной интриги в ходе противостояния В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого (чьей кратурой был Вацетис). Отвергается сам факт заговора.

С августа 1919 года И.И. Вацетис работал в Реввоенсовете. В 1921 году он переправил в Латвию жену и трех детей. С 1921 года находился на преподавательской работе в Военной академии РККА, был одним из первых исследователей истории Гражданской войны, занимался военно-общественной психологией, историей Первой мировой войны, в 1927 году стал профессором. Командарм 2-го ранга (1935 год), с августа 1937-го – в распоряжении НКО СССР.

29 ноября 1937 года И.И. Вацетис во время перерыва между лекциями был арестован во второй раз. Когда перемена закончилась, комиссар курса объявил: «Лекция продолжаться не будет. Лектор Вацетис арестован как враг народа». Обвинялся он в том, что с 1918 года являлся агентом германской разведки, по заданию которой в период Гражданской войны якобы осуществил ряд предательских действий, направленных на поражение Красной Армии, а с 1921 года, будучи связан с латвийской разведкой, принимал участие в создании фашистской шпионско-террористической латышской организации для борьбы с советской властью. Все эти и другие обвинения Вацетиса основаны были исключительно на его так называемых признательных показаниях, полученных в результате физических и моральных истязаний в ходе предварительного следствия.

Подтвердил свои признания И.И. Вацетис и в суде, но подтвердил только в общем плане, так как по существу пунктов обвинения он там и не допрашивался. 28 июля 1938 года по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической

организации Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. Расстрелян 28 июля 1938 года на полигоне «Коммунарка».

28 марта 1957 года И.И. Вацетис был полностью реабилитирован: «Так называемые признательные показания Вацетиса И.И. о его якобы антисоветской деятельности являются вымышленными и были получены от него в результате применения незаконных методов следствия со стороны бывших работников НКВД. Бывший начальник 5 отдела ГУТБ НКВД СССР Николаев Н.Г., подписавший ордер на арест Вацетиса И.И., и его заместитель Агас-Мойсыф В.С., производивший допросы Вацетиса И.И., осуждены за преступную деятельность в 1937–1938 гг. в органах НКВД».

Именем Иоакима Вацетиса в Риге, в микрорайоне Плявниеки названа улица¹⁹.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881–1969)

Работая на паровозостроительном заводе в Луганске, К.Е. Ворошилов в 1903 году вступил в РСДРП(б) и в 1905 году был избран председателем Луганского совета. Делегат четвёртого (1906 год) и пятого (1907 год) съездов РСДРП(б). Имел псевдоним «Володин». В 1908–1917 годах вёл подпольную партийную работу в Баку, Петрограде, Царицыне. Неоднократно подвергался арестам, отбывал ссылку в Архангельской и Пермской губерниях. Во время одного из допросов получил черепно-мозговую травму, из-за чего ближе к концу жизни полностью оглох.

¹⁹ См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. – М., 2009; *Митюрин Д.* Гражданская война: Белые и красные. – М., 2004; *Черушев К.С.* Вацетис – Главком Республики. – М., 2015.

Первая мировая война застала К.Е. Ворошилова в Царицыне, где он работал на оружейном заводе.

После Февральской революции 1917 года К.Е. Ворошилов был избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делегатом седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции и шестого съезда РСДРП(б). С марта 1917 года он занимал должность председателя Луганского комитета большевиков, с августа – председателя Луганского совета и городской думы (до сентября 1917 года).

В ноябре 1917 года, в дни Октябрьской революции, К.Е. Ворошилов был комиссаром Петроградского военно-революционного комитета. 5 декабря 1917 года Совнарком по предложению Ф.Э. Дзержинского обсудил вопрос о ликвидации бывшего градоначальства и создании специального органа для поддержания порядка в столице. Одобрив этот план, СНК поручил реализовать его Ворошилову.

Вместе с Дзержинским Ворошилов вёл работу по организации Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). В 1918 году был делегатом от большевиков в Учредительном собрании. В начале марта 1918 года организовал Первый Луганский социалистический отряд, оборонявший город Харьков от германо-австрийских войск.

В годы Гражданской войны К.Е. Ворошилов был командующим 3-й и 5-й армиями, которые были реорганизованы в «группу Ворошилова», а позднее – в 10-ю армию, подчинявшуюся военному руководителю Северо-Кавказского округа А.Е. Снесареву²⁰.

²⁰ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) – русский и советский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог, военный географ и востоковед, действительный член Русского географического общества с 1900 г. В молодости серьёзно увлекался оперным искусством, пел на сцене Большого театра, в 1895 г. выступал в одном концерте с Л.В. Собиновым. С 1908 г. – полковник. В августе 1908 г. сделал два доклада на XV Международном Конгрессе Ориенталистов в Копенгагене: «Религии и обычаи горцев Западного Памира»; «Пробуждение национального самосознания в Азии» (оба на немецком языке). Параллельно со штабной работой преподавал военную географию в юнкерских училищах, участвовал в работе Общества ревнителей военных знаний, Императорского общества востоковедов, был учёным секретарём Императорского Русского географического общества. В годы Первой мировой войны участник Брусиловского прорыва. Октябрьскую революцию встретил командиром армейского корпуса 2-й армии Западного фронта. С приходом к власти большевиков покинул армию в чине генерал-лейтенанта.

В апреле 1918 г. согласился вступить в Красную Армию. Участвовал в обороне Царицына, где у него возник конфликт со И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым. В докладной записке на имя председателя Высшего военного совета дал нелестную оценку военным талантам последнего: «Ворошилов как вой-

Перед «группой Ворошилова» была поставлена задача освобождения от казаков левого берега Дона, захвата переправ, мостов, ведения активной разведки. Параллельно шла реорганизация отрядов в регулярные части. Белогвардейцам не удалось взять Царицын, и большая заслуга в этом была военрука А.Е. Снесарева. Тем временем И.В. Сталин докладывал в Москву, что «... военрук Снесарев... очень умело саботирует дело», и требовал убрать этого генерала, который «не может», «не хочет», «не способен» вести борьбу с контрреволюцией. План обороны города характеризовался Сталиным как вредительский.

После того, как обстановка под Царицыном стабилизировалась, А.Е. Снесарев был смещен со своего поста, а потом арестован. Началась политика – «спецоненавистничества» царицынцев (по выражению Л.Д. Троцкого), которую всецело разделял и проводил в жизнь командарм 10-й армии Ворошилов, отличавшийся недоверием к военным специалистам из старой царской армии, которых было немало под его началом. После ареста военспецов Ворошилов и его товарищи (И.В. Сталин, С.К. Минин²¹) попытались организовать наступление, которое провалилось, и город оказался в полуокружении. Для расследования действий Сталина

сковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками». С сентября 1918 г. – начальник Западного района обороны, созданного между Северным и Южным фронтами, затем командовал Западной (16-й, с марта 1919 г. – Белорусско-литовской) армией. В 1919–1921 гг. начальник Академии Генштаба РККА, затем там же старший руководитель по Ближнему и Среднему Востоку и главный руководитель по военной географии и статистике восточного отделения Военной академии РККА, ректор Центрального института живых восточных языков, с марта 1923 года – начальник кафедры (главный руководитель) военной географии Военной академии РККА. По совместительству – помощник начальника Центрального военно-статистического отдела Управления делами Реввоенсовета (1921–1923). В 1921–1930 гг. – ректор и профессор Московского института востоковедения. Одновременно – профессор Военно-воздушной и Военно-политической академий (1924–1926 гг.). 22 февраля 1928 г. Снесареву присвоено звание Герой Труда, первому из советских военачальников. В 1930 г. приговорён к расстрелу. По указанию Сталина расстрел был заменён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Досрочно освобождён как тяжелобольной в 1934 г. Скончался 4 декабря 1937 г. в больнице в Москве.

²¹ *Минин Сергей Константинович* (1882–1962) – российский революционер; советский политический деятель и публицист, автор работ по философии и атеизму. После Октябрьской революции стоял во главе взявших власть в Царицыне большевиков и на должности председателя революционного военного совета оставался главой города, один из организаторов обороны Царицына, в это время сблизился со И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым. Был помощником М.В. Фрунзе.

в Царицын прибыла комиссия во главе с членом ВЦИК А.И. Окуловым. К этому времени часть военспецов была уже расстреляна, но остальных, и в том числе Снесарева, успели спасти. «После А. Снесарева во главе Южного фронта оказался новый “военспец” Сытин П.П. (бывший генерал-майор старой армии), однако Реввоенсовет в составе Сталина, Минина, Ворошилова не допустил нового командующего к выполнению обязанностей, потребовав «коллегиального» решения всех вопросов. Все это привело к новой полосе разбирательств и дезорганизации в деле управления армией. Следует телеграмма Наркомвоенмора и Председателя РВСР Троцкого Л.Д. Ленину В.И.: “Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На царицынском фронте избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не менее, я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину... У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки”. Из Царицына Сталин был убран»²².

Сталин, оценивая борьбу за Царицын, так высказался: «Плохо ли, хорошо ли, но Царицын отстояли». Оборона Царицына, таким образом, не свидетельствует о каких-то выдающихся качествах Ворошилова как военачальника. Напротив, командарм воевал не умением, а большой кровью, но следует отметить при этом личную храбрость Ворошилова, его хладнокровие и мужество в различных боевых эпизодах.

С января по июнь 1919 года К.Е. Ворошилов был наркомом внутренних дел УССР, потом командовал Харьковским военным округом, 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. В годы Гражданской войны он занимал немало должностей, но одним из самых значимых оказалось его назначение на пост члена Реввоенсовета Первой Конной армии. Так как Климент Ефремович принимал участие в создании этого воинского подразделения, которым командовал С.М. Будённый, внесший огромный вклад в победу большевиков, то славу его разделил и Ворошилов. С тех пор его стали неизменно причислять к важным фигурам в деле революции.

К.Е. Ворошилов, не имея опыта С.М. Будённого и таланта М.В. Фрунзе, обладал редкой для того времени способностью работать в команде. Кроме того, будущий нарком на протяжении

²² История России в портретах / Под ред. В.Ф. Блохина. – Т. 2. – Смоленск, 1996. – С. 376.

И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов

Справа налево: Я.Б. Гамарник, М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров и Г.Г.Ягода у Мавзолея Ленина. 1935 г.

всей жизни показывал огромную самокритичность и полнейшее отсутствие честолюбия. На фоне рядом стоящих карьеристов в глазах В.И. Ленина и особенно И.В. Сталина Ворошилов резко выделялся в лучшую сторону.

За боевые заслуги в 1920 году К.Е. Ворошилов был награждён почётным революционным оружием. На VIII съезде РКП(б), проходившем в марте 1919 года, он примыкал к «военной оппозиции»²³. В 1921 году во главе группы делегатов X съезда РКП(б) участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. В 1921–1924 годах – член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В 1924–1925 годах – командующий войсками Московского военного округа и член РВС СССР.

После кончины М.В. Фрунзе К.Е. Ворошилов возглавил военное ведомство СССР: с 1925 по 1934 годы он занимал должности наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР; с 1934 по 1940 годы был наркомом обороны СССР. В общей сложности Ворошилов провёл во главе военного ведомства почти 15 лет, дольше, чем кто-либо другой в советский период. Он имел репутацию преданного сторонника И.В. Сталина, поддерживал его в борьбе с Л.Д. Троцким. Тем не менее, известен его конфликт со Сталиным

²³ «Военная оппозиция» – группа делегатов VIII съезда РКП(б) (1919 г.), выступавшая против линии ЦК партии в военном строительстве. В «военную оппозицию» входили В.М. Смирнов, Г.И. Сафаров, Г.Л. Пятаков, А.С. Бубнов, Е.М. Ярославский, В.Г. Сорин, К.Е. Ворошилов, Ф.И. Голощёкин, А.Ф. Мясников, Н.Г. Толмачёв, Р.С. Самойлова (Землячка), С.К. Минин и др. С докладом от «военной оппозиции» выступил В.М. Смирнов, который утверждал, что буржуазным военным специалистам нельзя доверять командных постов и давать им право единолично решать оперативные вопросы, что их функции должны иметь лишь совещательный характер. Он резко выступил против требования Устава внутренней службы Красной Армии о приветствии красноармейцами военных начальников, видя в этом «пережитки самодержавно-крепостнического порядка». В ответном выступлении В.И. Ленин говорил: «...будучи связаны с партизанщиной теми традициями героизма, которые будут памяты, вы не хотите понять, что теперь период другой. Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами» (Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М., 1959. – С. 14). Огромное значение Ленин придавал воинским уставам, введению твёрдой и сознательной дисциплины. Он показал, что борьба за укрепление воинской дисциплины является одной из главных задач комиссаров, политработников и партийных организаций. Ленин подчёркивал значение пролетарского ядра Красной Армии, командиров, военных комиссаров, партийно-политического аппарата в военном обучении и политическом воспитании войск. В результате работы согласительной комиссии был выработан единый текст резолюции съезда, за который делегаты проголосовали единогласно.

Климент Ефремович Ворошилов

С женой Екатериной Давыдавной в начале 1930-х годов

Иосиф Сталин с супругой Надеждой Аллилуевой и Климент Ворошилов с супругой Екатериной Ворошиловой на отдыхе в Сочи. 1932 г.

по поводу политики в Китае, а также по вопросу о немедленном исключении из ЦК Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева.

В ноябре 1935 года ЦИК и Совнарком СССР присвоил пяти крупнейшим советским полководцам новое воинское звание «Маршал Советского Союза». В их числе был и К.Е. Ворошилов.

При К.Е. Ворошилове РККА была перевооружена современным оружием и оснащена технически новыми моделями танков и самолётов, а также артиллерийских орудий. Кроме того, в Красной Армии были утверждены новые звания и знаки различия, введено новое обмундирование.

После Советско-финской войны, 7 мая 1940 года К.Е. Ворошилова на посту наркома обороны СССР сменил С.К. Тимошенко, которого на эту должность назначил И.В. Сталин. Ворошилов в тот же день стал заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при СНК СССР. Причиной освобождения Ворошилова от должности наркома обороны стала крайняя неудовлетворенность Сталина проведением Финской кампании. Продолжавшаяся 105 дней и завершившаяся победой наших войск, эта война тем не менее наглядно показала слабую подготовку к проведению боевых операций и низкий уровень профессионализма командного состава. Советская армия понесла потери личного состава, заметно превышавшие потери противника. В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев остановился на конфликте между Сталиным и Ворошиловым на «ближней» даче в Кунцево во время дружеского застолья. Затронув тему, касающуюся Финской кампании, Сталин разнервничался и резко обрушился на Ворошилова, обвиняя его во всех «финских бедах». Климент Ефремович, побагровев, сильно «грохнул» тарелкой по столу и, глядя на «хозяина», крикнул в ответ, что основной командный состав армии был уничтожен Сталиным. В эти годы уже никто не мог позволить себе критиковать и тем более кричать на «вожда народов». Ворошилов был очень смелым человеком. Храбрости ему было не занимать, о чем свидетельствуют очевидцы, наблюдавшие его действия на передовых позициях в боевой обстановке, в том числе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В сентябре 1941 года будучи командующим войсками Ленинградского фронта (всего несколько дней, после чего его сменил Г.К. Жуков) К.Е. Ворошилов лично водил морских пехотинцев в штыковые атаки. Но ему не удалось достичь успехов ни на Ленинградском, ни на Волховском фронтах, ни в качестве главнокомандующего партизанским движением. В ноября 1944 года Ворошилов был выведен из состава Государственного комитета обороны

К.Е. Ворошилов и усыновлённые им дети М.В. Фрунзе – Татьяна и Тимур

(он стал единственным, кто был выведен из состава ГКО за всё время его существования).

С 1946 года по 1953 год Е.Е. Ворошилов был заместителем председателя Совета Министров СССР.

С марта 1953 года по май 1960 года – председателем Президиума Верховного Совета СССР. С мая 1960 года – членом Президиума Верховного Совета СССР. Депутат Верховного Совета СССР 1–7 созывов (1937–1969), Верховного Совета УССР 1–4 созывов.

Семья Климента Ворошилова занимала особое место в его сердце. Со своей единственной супругой он познакомился в годы ссылки в Ныробе (поселок в Пермском крае) в 1909 году. Его избранница Голда Давидовна Горбман влюбилась в Климата настолько сильно, что отказалась от собственной семьи. Будучи еврейкой по национальности, ради брака с Ворошиловым она крестилась в православной церкви и сменила имя на Екатерину. Такой поступок дочери не был одобрен ее родителями, и всяческие отношения между ними прекратились.

В личной жизни К.Е. Ворошилов был примером достойным подражания для многих сограждан. Екатерина Ворошилова не могла иметь детей, но ее муж ни разу не попрекнул любимую супругу. Ворошиловы усыновили мальчика-сироту Петра, а после смерти М.В. Фрунзе взяли на воспитание его детей – дочь Татьяну и сына Тимура. Существуют сведения, что приемным сыном Ворошилова называл себя и Л.Л. Нестеренко, профессор Харьковского политехнического института, сын товарища Климента по Луганскому паровозостроительному заводу.

Е.Д. Ворошилова была членом большевистской партии, работала заместителем директора Музея В.И. Ленина и прожила со своим мужем почти половину века, вплоть до своей смерти от рака в 1959 году. Так как Екатерина Давидовна просила врачей скрывать болезнь от ее супруга, то для Климента Ефремовича кончина любимой жены стала тяжелым ударом. Историки, которые изучали переписку наркома, подтверждают, что у того не было ни одного романа «на стороне», и жена всегда оставалась его единственной любовью.

Климент Ефремович всегда вел здоровый образ жизни, много занимался спортом – отлично плавал, уважал спортивную гимнастику, а в 50 лет увлекся конькобежным спортом и каждые выходные проводил на катке. Кстати, именно К.Е. Ворошилов активно содействовал развитию советского хоккея, и не без его активного участия отечественные хоккеисты стали одними из лучших спортсменов в мире.

Кавалер высших наград СССР. В частности, один из 154 дважды Героев Советского Союза и один из 11 человек, кому присвое-

ны обе высшие степени отличия Советского Союза – звания Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. Восемь орденов Ленина, шесть орденов Красного Знамени, орден Суворова I степени. Кроме того, К.Е. Ворошилов удостоен звания Героя Монгольской Народной республики и многих других иностранных наград.

Умер на 89-м году жизни 2 декабря 1969 года. Похоронен на Красной площади в Москве у Кремлёвской стены.

ВОСТРЕЦОВ **Степан Сергеевич** **(1883–1932)**

Степан Сергеевич Вострецов с 1906 года служил рядовым в царской армии, за революционную деятельность среди солдат в 1909 году приговорён к 3 годам тюрьмы. Участник Первой мировой войны, за храбрость был награжден тремя Георгиевскими крестами. В 1916 году произведён в прапорщики.

С осени 1918 года С.С. Вострецов служил в Красной Армии, с июня 1919-го по август 1920 года командовал полком 27-й стрелковой дивизии на Восточном и Западном фронтах. Отличился при освобождении Челябинска, Омска, Минска. За умелое руководство полком при освобождении Челябинска в июле 1919 года был награждён орденом Красного Знамени. В июле 1920 года за героизм и находчивость в боях против белополяков удостоен второго ордена Красного Знамени. С 1921 года – начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири. В 1922 году командовал группой войск Народно-революционной армии Дальневосточной республики при штурме Спасска (Приморский край) и участвовал в освобождении Приморья. За боевые заслуги был награждён третьим орденом Красного Знамени. В июне 1923 года во главе экспедиционного отряда участвовал в ликвидации отрядов гене-

рала А.Н. Пепеляева²⁴ в Охотско-Аянском районе (Хабаровский край), за что был награждён четвёртым орденом Красного Знамени.

С 1924 по 1927 год С.С. Вострецов командовал 27-й Омской стрелковой дивизией, а затем – 51-й Перекопской стрелковой дивизией. В 1929–1930 годах – командир 18-го стрелкового корпуса на Дальнем Востоке. Во время советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году возглавил Забайкальскую группу войск, разгромившую противника. За умелое руководство войсками и проявленное мужество был награждён Почётным революционным оружием²⁵.

В мае 1931 года С.С. Вострецов был направлен в Северо-Кавказский военный округ командиром и комиссаром 9-го стрелкового корпуса, а 3 мая 1932 года «не стало одного из заслуженных бойцов, героев Гражданской войны», – писали в «Правде» его боевые товарищи К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, А.И. Егоров, В.К. Блюхер.

В наше время стало известно, что лишил себя жизни С.С. Вострецов сам. 3 мая 1932 года он застрелился на кладбище в Новочеркасске, и его тело было перевезено в Ростов-на-Дону. За время войн Вострецов был семь раз ранен, контужен, попадал под газовые атаки, обмороживался. Вероятно, все это сказалось на его психическом и физическом здоровье. В таком состоянии он воевать дальше не мог. И он принял решение...

²⁴ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) – русский военачальник, сибирский областник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на Восточном фронте. Белогвардеец. Отличился взятием Перми в декабре 1918 г. и походом на Якутск в 1922–1923 гг. Родной брат колчаковского премьер-министра В.Н. Пепеляева. В 1923 г. из Владивостока отплыл отряд С.С. Вострецова для ликвидации Сибирской добровольческой дружины (СДД) А.Н. Пепеляева. Во избежание кровопролития 19 июня Пепеляев сдался без сопротивления. Во Владивостоке военный суд приговорил Пепеляева к казни, но по решению М.И. Калинина в связи с обращением о помиловании в январе 1924 г. казнь была заменена 10 годами тюрьмы. В 1933 г. коллегия ОГПУ продлила срок заключения на 3 года. В июне 1936 г. Пепеляев был освобожден, но в августе 1937 г. снова арестован и доставлен в Новосибирск, где в январе 1938 г. Тройкой НКВД по Новосибирской области приговорён к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведён в исполнение.

²⁵ Вострецов Степан Сергеевич // Советская военная энциклопедия. В 8 тт. – Т 2. – М., 1979. – С. 387.

ГАМАРНИК Ян Борисович (1894–1937)

Ян Борисович (настоящее имя Яков Пудикович) Гамарник – советский военачальник, государственный и партийный деятель, армейский комиссар 1-го ранга родился в интеллигентной еврейской семье. Учился в гимназии, но с 15 лет был вынужден самостоятельно добывать средства к существованию. В 17 лет заинтересовался марксизмом.

В 1913 году, окончив гимназию с серебряной медалью, Гамарник переехал в город Малин Киевской губернии и стал репетитором. В 1914-м поступил в Петербургский психоневрологический институт, но, не увлечшись врачебной деятельностью, в 1915-м перевелся на юридический факультет Киевского университета. Познакомившись с руководителями большевистского подполья на Украине Н.А. Скрыпником и С.В. Косиором, оказавшими на него большое влияние, Гамарник в 1916 году стал членом РСДРП(б). Вёл пропаганду на киевском заводе «Арсенал».

После Февральской революции Гамарник возглавил Киевский комитет РСДРП(б), а после Октябрьской революции был арестован властями вместе с другими руководителями киевских большевиков. Освобожден вооруженным восстанием 31 октября 1917 года.

В 1918–1919 годах Я.Б. Гамарник находился на подпольной партийной работе на Украине, был избран в состав ЦК КП(б)У и заместителем председателя Киевского Совета. В 1918 году он приехал в Москву, познакомился с В.И. Лениным, участвовал в подавлении мятежа левых эсеров.

В 1919 году Гамарник стал председателем Одесского губкома партии, в августе был назначен членом РВС Южной группы войск 12-й армии. В феврале 1920 года после разгрома деникинцев Гамарник возглавил Киевский губком партии и Киевский губисполком. С июля 1923 года – председатель Приморского губисполкома, в июне 1924 года – председатель Дальревкома, а с марта 1926 года – Дальневосточного крайисполкома.

В 1927–1928 годах Я.Б. Гамарник был первым секретарем Дальневосточного крайкома партии. Много занимался промышленным развитием Дальнего Востока, при его участии разрабатывался и осуществлялся 10-летний (1926–1935) план подъема экономики края. Поддержал украинизацию юга Дальнего Востока, где в разных его районах заселилось и проживало от 60 до 80 % украинцев.

С февраля 1928 года по октябрь 1929 года – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. Поддерживал политику коллективизации.

В 1929–1937 годах Я.Б. Гамарник возглавлял Политуправление РККА и одновременно был ответственным редактором газеты «Красная звезда». В 1930–1934 годах занимал посты первого заместителя наркома по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилова и заместителя председателя Реввоенсовета СССР. Оказывал всемерное содействие М.Н. Тухачевскому в осуществлении технической реконструкции Красной Армии, сыграл большую роль в повышении боеготовности РККА. Через Гамарника осуществлялась связь между руководством Наркомата обороны и органами государственной безопасности.

На ноябрьском Пленуме ЦК 1929 года Гамарник поддержал Сталина в разгроме «правой оппозиции»: «...Мы не можем терпеть, чтобы в рядах нашего Политбюро находились люди, которые мешают нашей борьбе, которые путаются между ног, которые объективно защищают классового врага...» Речь шла о Н.И. Бухарине, А.И. Рыкове, М.П. Томском.

В 1934–1937 годах Я.Б. Гамарник – первый заместитель наркома обороны СССР. 13 марта 1937 года был назначен уполномоченным Наркомата обороны СССР при Совнарком РСФСР. Делегат X–XVII съездов партии. На XIV съезде был избран кандидатом в члены ЦК партии, на XV–XVII съездах – членом ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. 20 ноября 1935 года Гамарнику первому в Красной Армии было присвоено воинское звание армейского комиссара 1-го ранга, соответствующее званию командарма 1-го ранга.

В 1937 году Я.Б. Гамарник выступил в защиту М.Н. Тухачевского, заявив Сталину, что в его отношении совершена ошибка.

20 мая 1937 года он был снят с поста начальника Политуправления РККА и понижен в должности до члена Военного совета Среднеазиатского военного округа. 30 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «...Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фа-

шистском заговоре...». 31 мая Нарком обороны К.Е. Ворошилов отдал приказ заместителю начальника Политуправления РККА А.С. Булину и управляющему делами Наркомата обороны И.В. Смородину сообщить Гамарнику, находившемуся у себя в квартире в связи с болезнью, о решениях Политбюро. Они так же объявили Гамарнику приказ наркома обороны об увольнении его из рядов РККА. Сразу же после их ухода накануне неизбежного ареста Гамарник застрелился.

1 июня газета «Правда» и другие советские издания опубликовали короткое сообщение: «...Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством...». Его имя упоминалось в приговоре по делу М.Н. Тухачевского от 11 июня 1937 года. После смерти Гамарник объявлен «врагом народа», обвинен в участии «в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств», шпионаже и ведении вредительской работы.

Показания на Гамарника дали многие из фигурантов дела М.Н. Тухачевского. И.Э. Якир, первоначально указывавший, что Гамарник только сочувствовал военному заговору, в существовании которого признавались арестованные военачальники, затем изменил свои показания и заявил, что с 1936 года информировал Гамарника о «вредительской работе», проводимой в западных пограничных районах, а тот сообщал ему о своей работе по подрыву обороноспособности на Дальнем Востоке. Сам Тухачевский показал, что Гамарник был одним из 10 членов «центра» военного заговора с 1934 года и ведал подрывной деятельностью на Дальнем Востоке. И.П. Уборевич ограничился предположением, что Гамарник мог входить в состав руководства «заговора Тухачевского». В.К. Путна, Б.М. Фельдман и А.И. Корк участия Гамарника в заговоре не подтвердили.

После этого было репрессировано большое число политработников – назначенцев Гамарника.

В 1955 году И.М. Гамарник и две сестры Яна Борисовича – К.Б. Богомолова-Гамарник и Ф.Б. Гамарник направили в Прокуратуру СССР жалобы, в которых указали на необоснованность обвинений против Я.Б. Гамарника. 6 августа 1955 года Президиум ЦК КПСС по представлению Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко особым постановлением от 22 июля 1955 года признал выдвинутые против Гамарника обвинения в антисоветской деятельности необоснованными. В партийном отношении Гамарник был реабилитирован решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 7 октября 1955 года.

В 1964 году на юбилейном вечере, посвященном 70-летию Я.Б. Гамарника, к его дочери подошла вдова В.К. Блюхера и сказала: «Вета! Знаешь, в тот день, 31 мая 1937 г., мы с Василием Константиновичем должны были пойти в театр. Но он приехал от твоего отца сам не свой и сказал: “Театр отменяется. Сегодня Гамарника не станет...” ...в тот же день в пятом часу вечера к Яну Борисовичу приехали управляющий делами Наркомата обороны И. Смородинов и еще один сотрудник. Они пробыли в спальне Гамарника не более 15 минут. Едва они вышли из комнаты, раздался выстрел...»

Одна из легенд гласит: Блюхер передал Гамарнику слова Сталина: пусть выбирает – либо ему самому быть судимому вместе с другими «заговорщиками» – Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими. Либо судить их. Гамарник сделал свой выбор. Возможно, он сказал о своем выборе Блюхеру. Это всего лишь легенда, документально никак не подтвержденная. И узнаем ли мы когда-либо со всей достоверностью о том, что на самом деле происходило в тот роковой день в доме Яна Борисовича Гамарника?..

Через несколько дней после смерти Я.Б. Гамарника его жена на общем партийном собрании Института красной профессуры держала «ответ за мужа, врага народа». Таков был порядок: близких обвиняли в потере бдительности. Получив вопрос: «...Как это вы не заметили около себя врага народа?», она улыбнулась и посмотрела – не отрываясь – в глаза оратору: «О какой бдительности вы меня спрашиваете? Были еще люди, которые не “заметили” около себя врага народа. Например, товарищ Сталин. Ведь именно товарищ Сталин на одном из последних приемов в Кремле поднимал бокал за Гамарника как за лучшего члена партии». Дорого обошлось жене Гамарника это заявление. Но она знала, на что шла. Двадцать лет спустя стало известно, что из жены Гамарника в тюрьме «выколачивали» показания на многих, в том числе и на А.М. Панкратову, видного историка, подругу по революционной борьбе. Следовательно парткомиссии Кузнецов сказал потом дочери Гамарника: «Вы можете гордиться своей матерью так же, как отцом. Из двух тысяч “дел”, которые я вел в связи с реабилитацией, только в двух нет никаких показаний ни на кого из друзей, близких, знакомых – в “делах” Мейерхольда и вашей матери. А какие тогда были допросы – не вам рассказывать...»²⁶.

²⁶ См.: Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник (очерк о жизни и деятельности). – М., 1964; Якутов Н.М. Трагедия полководцев. – М., 1992; Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. – М., 1978.

ГАЙ (Бжишкян) Гая Дмитриевич (1887–1937)

Многие до сих пор удивляются, почему закаленные революционеры и герои Гражданской войны не оказывали сопротивления, когда их арестовывали в 1930-х. Действительно, случаи сопротивления – хотя бы пассивного – крайне редки. Одним из таких примеров была история с побегом легендарного командира Железной дивизии Г.Д. Гая.

Гай Бжишкян родился в 1887 году в Персии. Когда семья переехала в Тифлис, он четырнадцатилетним парнем примкнул к революционерам. Взяв подпольную кличку Гай, занялся агитацией среди рабочих в Закавказье, успел посидеть в тюрьме. В 1914 году окончил офицерскую школу и командовал ротой в армянской дружине, воевавшей против турок. Дослужился до звания штабс-капитана.

В Первую мировую войну за героизм, проявленный на Кавказском фронте, Гай Бжишкян был награжден золотой шашкой, Георгиевской медалью, двумя Георгиевскими крестами и орденом Св. Анны. В Красной Армии прослыл командиром безумной храбрости. В июле 1918 года он руководил обороной Симбирска. Несмотря на значительное преимущество в живой силе, артиллерии и выборе позиции для обороны, поначалу потерпел поражение от наступающих белых частей подполковника В.О. Каппеля, взявшего город 21 июля. Однако вскоре именно полки дивизии Гая первыми ворвались в город. При этом дивизия проявила в боях такую стойкость, что ей присвоили почетное наименование «24-я Самаро-Ульяновская Железная дивизия».

Воодушевленный победой, Гай с Георгием в петлице, в бурке и папахе, с которыми не расставался ни летом ни зимой, после парада его Железной дивизии на Соборной площади в Симбирске стал произносить торжественную речь. Начал по-русски: «Храбцы мои!» (он не выговаривал «храбрецы»), но дальше от возбуждения вдруг перед мужиками и рабочими, размахивая руками, стал страстно говорить на родном армянском языке. Очевидцы расска-

зывают, что от этого площадь заликовала и еще громче стала кричать Гаю «ура!», а он уже от имени бойцов и командиров соединения готовил телеграмму Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу рану, а за вторую – будет Самара».

Свое обещание Гай выполнил, он продолжал воевать в жестоких сражениях Гражданской войны вплоть до ее окончания и был награжден двумя орденами Красного Знамени. Воевал в Поволжье, на Урале и в Закавказье. Во главе сформированных им частей вёл борьбу против белочехов и оренбургских казаков генерала Дутова. Во время Советско-польской войны 1920 года командовал 2-м кавалерийским корпусом, а с июля – 3-м кавалерийским корпусом, успешно действовавшим на Западном фронте. В августе 1920 корпус Гая прикрывал отступление 4-й армии и был интернирован в Восточной Пруссии. Сам Пилсудский назвал его «лучшим военачальником Страны Советов».

До Великой Отечественной войны Гай не дожил. В ней сражались те, кто прошел его школу, люди, которых он заметил и смело выдвинул. Среди них – главный полководец той войны Г.К. Жуков и И.Х. Баграмян. Перелистайте их мемуары, и вы убедитесь, с какой любовью они пишут о своем наставнике, который служил им примером, учил, как нужно побеждать!

В мирное время Гай, в основном, преподавал в военных академиях. Все закончилось в 1935 году. В июне, в малознакомой компании, Гай опрометчиво произнес: «Надо убрать Сталина, все равно его убьют». Кто-то из присутствующих донес в НКВД. Его тут же уволили с работы, исключили из партии, а 3 июля арестовали по обвинению в «создании военно-фашистской организации в РККА». Отделался Гай сравнительно легко – он получил 5 лет. Но во время этапирования в Ярославский политизолятор 22 октября 1935 года осужденный Гай совершил побег. В нарушение инструкции его везли не в арестантском вагоне, а в обычном купе. Гай попросился в туалет, там выбил в окне стекло и выпрыгнул на ходу из поезда. Конвойные сорвали стоп-кран, но пока состав тормозил, Гай успел скрыться.

По тревоге были подняты 900 курсантов пограничной школы, внутренние войска НКВД, а также партийный и комсомольский актив окрестных районов. Вокруг места побега образовалось огромное 100-километровое кольцо. Однако обнаружили беглеца спустя два дня не чекисты, а простые люди – колхозник и школьный учитель. Гай при побеге сломал ногу и прятался в стогу сена. Там его и схватили. Прибавления к сроку за побег Гай не получил. Зато пострадал нарком внутренних дел Г.Г. Ягода. Сталин был

крайне недоволен. Через полтора года Ягода сам оказался за решеткой. А Гай просидел в Ярославле меньше двух лет. В 1937 году во время чистки РККА вспомнили и о нем. Ему предъявили обвинение в причастности к делу об «антисоветской террористической и шпионско-диверсионной организации правых» и расстреляли 11 декабря 1937 года.

ГЕККЕР

Анатолий Ильич **(1888–1937)**

Анатолий Ильич Геккер – командир Красной Армии, один из руководителей подавления Ярославского восстания (мятежа) в июле 1918 года.

Родился в семье военного врача Кавказской армии. По национальности – немец. В 1907 году окончил Тифлисскую гимназию, в 1909-м – Владимирское военное училище в Санкт-Петербурге. С 1909 года находился на военной службе: командир роты 102-го пехотного Вятского полка (г. Гродно), в отдельном корпусе пограничной стражи. Участник Первой мировой войны на Румынском фронте. Ротмистр. Награждён четырьмя орденами русской армии. В 1916-м был направлен на ускоренные курсы при Николаевской Военной академии, которые окончил в 1917 году.

После Февральской революции А.И. Геккер был избран членом корпусного комитета. В сентябре 1917-го вступил в РСДРП(б), был делегатом съезда Всероссийского армейского союза от Румынского фронта. В декабре избран начальником штаба 33-го армейского корпуса, а затем 8-й армии, в январе 1918 года стал ее командиром.

А.И. Геккер был одним из организаторов Красной Армии. Он командовал войсками в Донбассе, был начальником штаба Украинского фронта (апрель–май 1918 года), участвовал в установлении советской власти на Украине. В мае–августе 1918 года был комиссаром Беломорского военного округа.

В июле 1918 года А.И. Геккер во главе отряда войск принял самое непосредственное участие в подавлении Ярославского восстания. Под его командованием на восставших по железной дороге были выдвинуты войска от Вологды. 11 июля Наркоматом по военным делам Геккер был назначен главнокомандующим всеми красными войсками в районе Ярославля. Штаб Геккера действовал по собственному плану: двигаясь по железной дороге с севера, его войска должны были атаковать восставших, укрепившихся на левом берегу Волги. Когда отряды, подчинявшиеся Геккеру, начали вести бои с восставшими в Заволжье, им пришлось через Петроград связываться со штабом войск, обстреливавших Ярославль с юга, чтобы остановить артиллерийский обстрел левобережья – какое-то время красные артиллеристы били по своим. После этого отряды Геккера захватили железнодорожный мост и замкнули кольцо окружения города. С 18 июля северная группировка войск действовала совместно с южной, которой командовал Ю.С. Гузарский. 21 июля Ярославль был взят.

С августа 1918 года Геккер командовал Вологодским тыловым районом, затем войсками Котласского района и Северной Двины. С декабря 1918-го по февраль 1919 года – командующий Астраханским укрепленным районом, с февраля 1919-го – 13-й армией. Был ранен.

В марте–августе 1920 года А.И. Геккер был начальником штаба войск внутренней охраны РСФСР, в т. ч. в его подчинении находилась и охрана концентрационных лагерей.

В сентябре 1920-го – мае 1921 года – командующий 11-й армией, в мае 1921-го – январе 1922 года – отдельной Кавказской армией. Участник боев в Закавказье. В 1921 году награжден тремя орденами Красного Знамени – РСФСР, Армянской ССР (Знак ордена № 1) и Азербайджанской ССР.

В феврале – июне 1922 года – начальник Военной академии РККА.

А.И. Геккер стал первым советским военным атташе при полпредстве СССР в Китае (август 1922-го – июнь 1925 года, в этой должности его сменил А.И. Егоров), был членом правления КВЖД (1925–1929), затем – военным атташе при полпредстве СССР в Турции (июль 1929-го – декабрь 1933 года). С декабря 1933 по июнь 1934 года находился в распоряжении Главного управления РККА.

В июне 1934 года А.И. Геккер был назначен начальником Отдела внешних сношений Разведывательного управления РККА, а с февраля 1937-го переведен в распоряжение Управления по начсоставу РККА.

30 мая 1937 года А.И. Геккер был арестован. На следствии показания против него дали М.Н. Тухачевский, В.М. Примаков и Б.М. Фельдман. На суде 1 июля Геккер отказался от выбитых у него показаний, но тем не менее был приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 22 августа 1956 года²⁷.

ГИТТИС Владимир Михайлович (1881–1938)

Владимир Михайлович Гиттис, уроженец С.-Петербурга, происходил из мещанской семьи²⁸. В 1902 году он окончил юнкерское училище – второразрядное учебное заведение, дослужившись за 12 последующих мирных лет только до капитана. Участвовал в Первой мировой войне, был произведен в чин полковника, а во время Гражданской войны стал единственным полководцем, командовавшим тремя разными фронтами, причём в наиболее сложное время и в самые критические, напряженные периоды.

Из воспоминаний А.Л. Носовича²⁹: «Первое мое знакомство с теперешним командующим армиями большевиков на Южном

²⁷ См.: Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. – М., 2012; Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. – М., 2002.

²⁸ См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990.

²⁹ Носович Анатолий Леонидович (1878–1968) – русский военачальник, полковник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С мая 1918 г. в Красной Армии. Был начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Арестован по подозрению в контрреволюционных действиях, но освобождён по настоянию наркомвоена Л.Д. Троцкого. В октябре 1918 г. перешёл на сторону Белой армии, после чего большевиками был арестован весь штаб округа. В Добровольческой и Русской армиях генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля занимался контрразведкой (март 1919 – ноябрь 1920 гг.). Затем жил в эмиграции во Франции. Умер в Ницце.

фронте бывшим полковником Владимиром Алексеевичем Гиттисом произошло на позициях под городом Станиславом в Галиции, где-то в 1916-м году... Гиттис вышел на войну адъютантом одного из полков 17-ой пехотной дивизии и в самом скором времени был награжден Георгиевским крестом за выдающийся подвиг быстрого приведения полка в порядок и спасения положения, в то время, когда его командир совершенно потерял голову. В мирное время Гиттис прошел все должности в полку от квартирмейстера до полкового адъютанта; детально знал все сложное управление полком со всеми его крючкотворствами... За два месяца его временного командования полком, он, надо отдать ему справедливость, выяснил многие вопросы, разобрался в людях и к тому времени, как я приехал принимать этот полк, он передал его мне не только в полном порядке, но кроме того, пробыв там моим помощником около двух месяцев, дал мне полную картину полка с такой верностью, которая указывала на его исключительную наблюдательность. В отношении как солдат, так и офицеров Гиттис всегда проявлял значительную строгость, но в то же самое время его справедливость была, вне всякого сомнения, а потому он пользовался неизменным уважением. Свой коренной полк он любил, как могли любить только старые, хорошие офицеры...»

Итак, уже в те годы В.М. Гиттис – блестящий боевой офицер, причем блестящий не по своему происхождению, выправке или образованию – а настоящий фронтовик, военная косточка, человек со своим характером и убеждениями, уже после Февральской революции по словам того же Носовича, продолжавший активно бороться против развала армии: «...Вся его старая деятельность, его характер, убеждения и та прямота, с которой он эти убеждения всегда высказывал, все наводило ... на мысли, что в настоящее шаткое время нисколько бы не был удивлен, если бы пришлось услышать о самосуде большевистски настроенной толпы над полковником Гиттисом...»

Тем не менее, в феврале 1918 Гиттис без колебаний вступил в ряды РККА, и подобное решение, как свидетельствует Носович, объяснялось не конъюнктурными соображениями, не желанием сделать карьеру – а так или иначе было обосновано внутренними убеждениями.

Дальнейшая карьера В.М. Гиттиса складывалась следующим образом. С августа 1918 года – военрук северного участка отрядов завесы, с сентября – командующий 6-й армией Северного фронта, с декабря 1918 года – командующий 8-й армией Южного фронта. Руководил контрнаступлением против армии генерала П.Н. Краснова, завершившимся её полным поражением. Командовал Юж-

ным (январь – июль 1919 года), Западным (июль 1919-го – апрель 1920 года) и Кавказским (май 1920-го – май 1921 года) фронтами.

Владимир Михайлович Гиттис – единственный из всех красных командиров, который последовательно командовал тремя фронтами, при этом по общему времени командования фронтами – 831 день – он практически в два раза опережает своих «преследователей» по списку – М.В. Фрунзе, А.И. Егорова и М.Н. Тухачевского. Его имя во многом забыто – и забыто явно незаслуженно. При поверхностном подходе может показаться, что его деятельность не отличалась высокой результативностью – на Южном фронте именно при нем Добровольческая армия впервые вырвалась на простор Юга России, и, вероятно, поэтому Гиттиса как не справившегося отправили на спокойный Западный фронт – а там, в свою очередь, в связи с активизацией белополяков рокировали с Тухачевским, отправив на Кавказский фронт уже после разгрома Деникина.

Между тем на долю В.М. Гиттиса выпала «черная» неблагодарная работа – руководить тем же Южным фронтом в период становления Красной Армии как организованной силы, создавать именно дисциплинированную и управляемую армию из сырых дивизий, сильно разбавленных партизанским элементом с Украины, создавать в то время, когда основное внимание уделялось Восточному фронту.

Н.Е. Какурин в работе «Как сражалась революция» отмечал, что основная доля вины в тяжелых поражениях Южного фронта приходилась на объективные обстоятельства, не зависящие от командования фронта. Имелись там, безусловно, и ошибки командования – в частности, неправильный выбор операционного направления. Однако сложно сказать, чья вина в данном решении больше. Какурин приводит слова И.И. Вацетиса о том, что Гиттис не выполнил его распоряжений о перегруппировке сил к правому флангу – но тут же отмечает, что документального подтверждения словам бывшего главкома он не нашел.

А.А. Свечин³⁰ – один из немногих русских военных стратегов, признанных в мировом масштабе, тогда же, летом 1919 года проводивший расследование причин неудач на Южном фронте, также отмечал неверный выбор главного операционного направления – но в плане главкома И.И. Вацетиса. Интересно отметить,

³⁰ Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – русский и советский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог; автор классического труда «Стратегия» (1927), комдив. В 1938 г. приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

что сменившие впоследствии Вацетиса и Гиттиса С.С. Каменев и В.Н. Егорьев для контрудара также выбрали восточное направление, через Донскую область, хотя Вацетис, вероятно на опыте своих ошибок, наоборот стремился действовать через Донецкий бассейн.

Так или иначе, в июле 1919 года В.М. Гиттиса заменили В.Н. Егорьевым и отправили на Западный фронт – в первую очередь, вероятно, все же именно из-за неудач на этом фронте, но, возможно, имелась и другая причина: состояние здоровья («ценный, но физически совершенно больной военный специалист»). Летом 1919 года Западный фронт лишь на первый взгляд мог показаться несложным участком работы. Лишь недавно было остановлено наступление Северо-Западной армии А.П. Родзянко под Питером, при этом был Родзянко остановлен и отброшен, но не разгромлен. Армии Советской Латвии и Белорусско-Литовская, провалившие наступление на Ригу, были совершенно развалены и дезорганизованы, все ценные части изымались на Южный фронт, а противник – Н.Н. Юденич и сильно активизировавшиеся поляки – были вполне серьезны.

7 мая 1919 года И.И. Вацетис отмечал в своем докладе: «...Западный фронт представляет в настоящее время для нас весьма большую угрозу ввиду того, что формирования местных национальных советских правительств Литвы и Белоруссии оказались никуда не годными, и переданные им для укомплектования две дивизии совершенно развалились, от Литовской дивизии уцелели только три штаба, солдаты обратились в мародеров. Таким образом, на Западе фронт наш от Вилькомира до параллели Минска считается крайне угрожаемым, и придется снять резервы с какого-нибудь фронта менее угрожаемого...» При этом общая ситуация, как следует из того же доклада, была такова, что резервы с других фронтов взять было невозможно.

На Западном фронте В.М. Гиттис не сидел без дела: «...весь июль на участке Северо-Западной армии прошел под знаком борьбы за инициативу с обеих сторон, причем перевес в данном отношении начинал постепенно склоняться на сторону красного командования, но из-за невозможности ввести в действие значительные силы на этом направлении особых изменений... не произошло...». Невозможность ввести значительные силы – это активизация поляков, разбросанность фронта (от Балтийского до Черного моря) и внутреннее состояние армий, доставшихся Гиттису, – неорганизованность, слабая управляемость, многочисленные измены и переходы на сторону противника, как комсостава, так и целых частей (последнее Н.Е. Какурин, например, объяснял

значительной концентрацией на Западном фронте офицеров старой армии, перешедших на сторону большевиков для защиты от внешнего противника, но не желавших воевать на внутренних фронтах), разложение национальных (латышских и литовских) частей.

Н.Е. Какурин утверждал, что все же Гиттису «...путем напряженной организационной работы на Запфронте за двухмесячный период удалось упразднить мешанину в частях, свести дивизии, создать фронтовые запасные части и аппарат формирования. В результате слабый фронт, не имевший и не получавший поддержки, восстановил ряд частей и создал резервы, что дало возможность бороться с значительно усилившимся, организовавшимся и согласовавшим свои действия противником, развившим за последние месяцы большую активность. После взятия Пскова удалось путем перегруппировок создать ударную группу для решительного наступления против поляков с целью овладеть минским районом и тем облегчить положение в районе Двинска, обеспечив витебско-смоленское направление...»

В этот период Западный фронт становится одним из основных источников подготовки организованных пополнений для Южного фронта, где была проведена серьезная реорганизация армий Советской Латвии и Белорусско-литовской (15-я и 16-я армии). Из последних – еще недавно так плохо проявивших себя в боях, недисциплинированных, страдающих комитетчиной (уже успешно изживаемой к тому времени на других фронтах), разбавленных мобилизованным крестьянством (кроме книги Какурина об этом говорят и дневники А.Е. Снесарева) – именно в это время создается дисциплинированная и организованная Латышская дивизия, во многом способствовавшая перелому кампании на Южном фронте.

Тем временем назревает кризис на Южном фронте, где А.И. Деникин добивается своих максимальных успехов. В.Н. Егорьев очевидно не справляется, и Гиттиса, «физически совершенно больного», но «ценного военспеца», знающего фронт, – хотят вернуть туда, чему воспротивился Реввоенсовет Западного фронта. В итоге на Южный фронт ставят А.И. Егорова, у Гиттиса забирают начальника Н.Н. Петина – но вскоре способный военачальник требуется и под Питером, где успешно развивается наступление Юденича.

После напряженных боев, когда все боеспособные резервы были брошены против Деникина и собрать полноценные части под Питером было крайне сложно, Юденич был остановлен и разбит, война с поляками перешла в активную фазу, и тогда Гиттиса, в том числе и по состоянию здоровья, решают заменить молодым

и энергичным Тухачевским, уже проявившим себя в Сибири и при разгроме Деникина. Кстати, первые действия Тухачевского в целом развивали идеи Гиттиса – но больной Гиттис в это время уже находился на Кавказе, где ему предстояло очистить черноморское побережье от врангелевских десантов и заняться присоединением Закавказья. А за бои против войск генерала Юденича и белополяков он награждается орденом Красного Знамени.

Примечательно, что у Гиттиса в отличие от многих других полководцев Гражданской войны никогда не было каких-то своих, лично преданных людей, практически на всех фронтах он работал с теми штабными работниками, которые там были. На севере в 6-й армии он работал с А.А. Самойло, приехавшим туда вслед за бывшим генералом Ф.Е. Огородниковым, в 8-й армии начальником штаба становится вскоре после Гиттиса пришедший туда капитан С.А. Меженинов, ушедший с этого поста также после Гиттиса, но не вслед за ним, а на должность командарма на Восточном фронте.

На Южном фронте Гиттис в наследство от предыдущего командующего П.А. Славена получает начальником штаба капитана В.Ф. Тарасова, а после ареста последнего – генерала Генштаба Н.В. Пневского, который остается на той же должности и при следующем командующем фронтом. На Западном фронте он довольно долго работает также с «доставшимся по наследству», хотя и вероятно знакомым ему по северу полковником Н.Н. Петиним, которого вскоре забирают на Южный фронт, – и здесь какое-то время временно исполняющим обязанности у него был капитан А.М. Перемытов, с которым он уже работал на Южном фронте. В общем-то и далее «свои» начальники штабов у Гиттиса отсутствуют напрочь – В.С. Лазаревич, Н.Н. Шварц, С.А. Пугачев.

Многие военспецы тех лет считали В.М. Гиттиса одной из ключевых фигур Гражданской войны, красным полководцем, которому просто несильно повезло с карьерой. Это военачальник от Бога, которому не пришлось снискать больших лавров, но на долю которого выпала тяжелая и черновая работа по подготовке чужих побед.

После окончания Гражданской войны В.М. Гиттис продолжил службу в Красной Армии. Командовал Заволжским и Петроградским военными округами. С 1926 года был заместителем начальника снабжения РККА. В 1930 году переведён на должность уполномоченного народного комиссара по военным и морским делам при Народном комиссариате торговли СССР. В 1935 году Гиттису было присвоено звание комкора. Впоследствии он возглавлял отдел внешних заказов Народного комиссариата обороны СССР.

28 ноября 1937 года Гиттис был арестован по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной военной организации. 22 августа 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в тот же день. Прах Гиттиса был захоронен на полигоне «Коммунарка». 2 июня 1956 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР он был посмертно реабилитирован.

ГОРОДОВИКОВ Ока Иванович (1879–1960)

Казачьи войска старой России по своему составу повсеместно были многонациональными. Так, в начале XX века Войско Донское на 9 % состояло из калмыков, которые составляли основу населения степного Сальского отдела (округа). Оттуда и начал свой жизненный путь прославленный кавалерийский военачальник Красной Армии Ока Иванович Городовиков.

Он родился на хуторе Мокрая Ельмута (ныне Ростовской области) в многодетной калмыцкой семье донского казака. Юность провёл в привольных Сальских степях, работая табунщиком у частных коннозаводчиков, которые поставляли лошадей для русской армии. Ещё в те годы Ока Городовиков овладел всеми секретами искусства лихого наездника.

На действительную военную службу он был призван в 1903 году в первоочередной «вечного шефства» 9-й Донской генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова казачий полк. Полк тогда квартировал в городе Янов Люблинской губернии Варшавского военного округа. В следующем году казак Городовиков успешно окончил полковую учебную команду, получил чин младшего урядника и был назначен на должность помощника взводного командира. Служба мирного времени сложилась для него удачно, он считался в полку одним из лучших наездников.

В 1906 году старший урядник О.И. Городовиков назначается командиром взвода 4-й сотни того же 9-го Донского казачьего полка. Отслужив положенный срок, он в следующем году после увольнения из армейских рядов вернулся на Дон, в степную станцию Платовскую. Когда началась Первая мировая война, Городовиков попал на фронт не сразу. Только в конце 1915 года 36-летнего старшего урядника-запасника мобилизуют в армию, и он становится взводным командиром третьеочередного 43-го Донского казачьего полка. Однако повоевать ему на фронте долго не довелось: уже через полгода Городовикова отправляют в тыл по болезни. Медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе. Однако списывать старшего урядника окончательно со службы не позволяла идущая война. Он зачисляется в 39-ю Донскую отдельную сотню, которая была расквартирована на хуторе (железнодорожной станции) Сулин Черкасского округа и обеспечивала порядок на чугунолитейном заводе Пастухова, выполнявшем военные заказы.

О.И. Городовиков оказался среди тех немногих донцов, которые приняли самое деятельное участие в февральских событиях 1917 года, тогда как основная масса казачества, как на фронте, так и в тылу вначале была нейтральной к происходившим событиям. От своей 39-й Донской отдельной казачьей сотни Городовиков избирается на съезд казачьих и солдатских депутатов, проходивший в Новочеркасске. Октябрь 1917 года застал его в станице Платовской, где он работал в составе объединённого станичного Совета и занимался созданием красного калмыцкого полужэскадрона. Это формирование с началом Гражданской войны под командованием бывшего старшего урядника уже в качестве эскадрона вошло в состав Платовского партизанского отряда Т. Никифорова.

Вскоре жизненные пути О.И. Городовикова сошлись с С.М. Будённым, тоже уроженцем Области Войска Донского. С 1918 года Городовиков командует в его полку эскадрой. В красной коннице донской казак из калмыков рос быстро благодаря своим талантам и близости к Будённому, у которого пользовался исключительным доверием. В начале 1919 года О.И. Городовиков командует кавалерийской бригадой, а с июня того же года по июль 1920-го – 4-й кавалерийской дивизией в будёновской Первой конной армии. Причём командует успешно, умело «конкурируя» с белоказачьими и иными вражескими генералами в искусстве вести манёвренную войну.

С 16 июля по октябрь 1920 года он исполняет обязанности командующего Второй конной армией в боях против Русской армии генерала П.Н. Врангеля. После назначения командармом Второй

конной Ф.К. Миронова Городовиков переводится на должность командира 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии будённовской Конной армии. Красный конник О.И. Городовиков в годы Гражданской войны имел прекрасный послужной список. Он успешно сражался против войск генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, батйки Н.И. Махно. Не смог блеснуть он лишь только в Советско-польской войне 1920 года³¹.

Гражданская война сделала Городовикова известным военачальником красной конницы. Его боевые заслуги были оценены исключительно высоко: его грудь украсили три ордена Красного Знамени. Таких людей тогда в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) насчитывались единицы. После окончания Гражданской войны комдива Городовикова в 1922 году посылают учиться на Высшие академические курсы. В 1927 году он заканчивает курсы усовершенствования высшего начсостава. В 1930 году – курсы при Военно-политической академии. В 1932 году – Военную академию имени М.В. Фрунзе.

С 1922 года О.И. Городовиков – командир 6-й кавалерийской дивизии. В 1924 году его назначают инспектором кавалерии и председателем Ремонтной комиссии Северо-Кавказского военного округа. Затем Городовиков три года (1925–1928) командует 1-м конным Червоного казачества корпусом, затем по 1930 год – 2-м конным корпусом. С 1932 по 1938 год – помощник и заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа.

Сталинские репрессии его не коснулись. С марта 1938 года он уже инспектор кавалерии, с июня 1941 года – генерал-инспектор и командующий кавалерией Красной армии. Звание генерал-полковника получил в 1940 году.

После начала Великой Отечественной войны О.И. Городовиков оставался на своей должности до 1943 года. Руководил формированием новых кавалерийских полков и дивизий (всего 78), в том числе 49 казачьих (на Дону и Кубани). В августе 1941 года ему довелось командовать корпусом. Находился на фронтах как представитель Ставки Верховного Главнокомандующего по использованию кавалерии. В 1943–1947 годах – заместитель командующего кавалерией Красной Армии. В Великой Отечественной войне красная кавалерия, наряду с танковыми и механизированными войсками, успешно действовала во многих операциях: в битве под Москвой и в Сталинградской битве, на Северном Кавказе,

³¹ Лазарев С.Е. «Наверное, нас всех перебыют...»: Ветераны Первой Конной армии в годы репрессий // История в подробностях. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2012. – С. 28–33.

при освобождении Украины и Белоруссии... Отличилась она и в Маньчжурии, при разгроме японской Квантунской армии в 1945 году.

В 1947 году О.И. Городовиков ушёл в полную отставку. Героем Советского Союза он стал уже после войны, в 1958 году. Его личные заслуги в командовании красной кавалерией с 1918-го по 1947 год несомненны. Они были высоко оценены правительством: тремя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны 1-й степени. Умер Ока Иванович в 1960 году в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище³².

ДУМЕНКО Борис Мокеевич (1888–1920)

Борис Мокеевич Думенко, один из организаторов красной кавалерии на Дону, родился на хуторе Хомутец Казачий, ныне Богаевского района Ростовской области.

Участник Первой мировой войны, вахмистр, Б.М. Думенко в начале 1918 года организовал кавалерийский партизанский отряд и включился в активную борьбу с донской контрреволюцией. В июне 1918 года он был назначен командиром батальона 3-го сводного крестьянского социалистического полка. С июля 1918 года Думенко – командир 1-го кавалерийского крестьянского социалистического полка, награждённого за боевые заслуги Почётным революционным Красным знаменем. В сентябре он был назначен командиром 1-й Донской советской кавалерийской

³² См.: Городовиков Ока Иванович // Советская военная энциклопедия. – Т. 2. – М., 1979. – С. 613; *Обертас И.Л.* Генерал Ока Городовиков. – Элиста, 1970; Ока Иванович Городовиков – видный военный деятель. – Элиста, 1971; *Ставицкий И.В.* Ока Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. – 2-е изд., испр. и доп. – Элиста, 1976.

бригады, а с ноября – начальником Сводной кавалерийской дивизии (с января 1919 года – отдельная, а с марта – 4-я кавалерийская дивизия), которая под его руководством успешно сражалась против белоказаков П.Н. Краснова и деникинских войск.

В 1919 году Б.М. Думенков вступил в РКП(б). В марте он был назначен помощником начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части; в мае был тяжело ранен. В сентябре 1919 года организовал Сводный кавалерийский корпус, в январе 1920 года отличившийся в составе 9-й армии при освобождении Новочеркасска.

Б.М. Думенко отличался высоким личным мужеством и храбростью. В.И. Ленин телеграммами от 19 сентября 1918 года и от 4 апреля 1919 года в числе других отмечал геройские подвиги кавалерии Думенко. Был награждён орденом Красного Знамени и Почётным революционным оружием. По ложному обвинению был осуждён и расстрелян в 1920 году. Именем Б.М. Думенко названа улица в Новочеркасске³³.

ДЫБЕНКО **Павел Ефимович** **(1889–1938)**

Павел Ефимович Дыбенко родился 16 февраля 1889 года в селе Людков Новозыбковского уезда Черниговской губернии (ныне Гомельской) в семье малоземельных крестьян. Крестьянство данного уезда и особенно села Людково было весьма бедным и постоянно занималось отхожим промыслом и поденными работами у мелкопоместных дворян. К числу таких бедных крестьян и принадлежала семья Дыбенко, которая при 9 душах семьи имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову. Отец и мать посто-

³³ См.: Думенко Борис Мокеевич // Советская военная энциклопедия. – Т 3. – М., 1979. – С. 269; Карпенко В.В. Красный генерал. – М., 1991.

янно работали на поденных работах. Остальные члены семьи – 6 детей (самой старшей сестре в 1899 году было 13 лет) и дедушка 102-х лет. Нищета как вечный спутник в семье Дыбенко заставляла малолетних детей идти на поденщину в летнее время зарабатывать гроши.

Павел уже с семи лет вместе с отцом работает в поле – помогает бороться и возить удобрения, а в свободное время пасет скот мелкопоместных помещиков. Мать, обремененная кучей малолетних детей и изо дня в день работающая, особенно весной и летом, по вечерам и рано утром у себя, а днем поденщицей за гроши, с ненавистью относилась к помещикам, всегда проклинала их, как живущих за счет крестьян и не ценивших их труда. Еще с малых лет при таких тяжелых условиях жизни среди всех членов семьи зарождалась ненависть к помещикам-поработителям. Несмотря на весьма тяжелые условия существования семьи, Павел, как старший сын, 6 лет был отдан учиться к поповской дочери, которая занятия с ним и еще четверьмя крестьянскими детьми вела в холодной кухне, где одновременно помещались телята и молодые овцы. Поповна-учительница в методах воспитания чуть ли не ежедневно применяла рукоприкладство и избиение линейкой. Такое отношение, несмотря на желание во что бы то ни стало учиться, заставило Павла бросить занятия после 4-х месяцев и только на следующий год поступить в народную школу.

Будучи на хорошем счету в народной школе, он пользовался любовью со стороны заведующей школой М.К. Давыдович, которая в то время состояла в партии социал-демократов. По окончании народной школы родители отказались продолжать обучение сына и только благодаря настоянию Давыдович, которая продолжала заниматься с детьми, удалось переломить упорство родителей и осенью 1899 года определить Павла в 3-классное городское училище. Когда он был учеником народного училища, родные не могли ему помогать абсолютно ничем, и поэтому парню приходилось во время каникул поденно работать у мелкопоместных дворян, дабы иметь средства приобрести учебники и сшить себе обмундирование. В течение 4-х лет учения в городском училище Павел не порывал связи со своей прежней учительницей, которая в известной степени влияла и на его воспитание. Будучи учеником городского училища в 1905 году, еще не отдавая себе отчета, что именно происходит, Павел принимал участие в забастовочном движении учеников реального, технического и городского училищ, за что в 1906 году, после усмирения крестьянского восстания Новозыбковского уезда, привлекался к ответственности стародубским Окружным судом. В 14 лет он все же окончил трехклассное городское народное училище.

К этому времени средний брат, Федор (в 1919 году во время Гражданской войны он был убит при взятии станции Дебальцево, будучи командиром дивизии) также поступил в городское училище и требовал учить и его. Павлу пришлось подчиниться родным и поступить служить в казначейство в городе Новоалександровске, где казначеем был один из родственников. Через полтора года службы в казначействе он был уволен со службы по настоянию новоалександровского исправника как состоящий в нелегальной организации. После исключения из казначейства уехал в Ригу, где 17-летним юношей поступил работать портовым грузчиком, коим работал в течение двух лет. Данная работа являлась сезонной, поэтому зимой он оставался безработным. Однако в течение лета удавалось скопить незначительные средства, и на эти гроши посещать зимой электротехнические курсы.

В 1910 году П.Е. Дыбенко поступил работать на рижский холодильник, где связался с группой большевиков-латышей. За участие в забастовке был уволен и работал на стройках, где также вспыхнула забастовка. Во время этой забастовки, будучи уже под наблюдением полиции и разыскиваем ею, Дыбенко уехал в Либаву, где нелегально прожил до весны 1911 года, когда снова вернулся в Ригу и устроился работать грузчиком на пароходах. За неявку на призывной участок и уклонение от воинской повинности в ноябре 1911 года был арестован и препровожден этапным порядком в город Новозыбков на призывной участок. По прибытии в Новозыбков был принят на военную службу матросом в Балтийский флот.

Будучи матросом Балтфлота, в 1912 году вступил в партию большевиков. По окончании минной школы в 1913 году был списан на линейный корабль «Император Павел I», который после Февральской революции был переименован в «Республику». На этом корабле, который среди моряков назывался «морской тюрьмой», Дыбенко вел активную подпольную работу, был одним из организаторов восстания на дредноуте «Петропавловск» в 1915 году. В 1916 году ушел вместе с морским батальоном на рижский фронт в район Икскюльских укрепленных позиций.

Батальон моряков, будучи идеологически обработан и революционно настроен, отказался наступать и склонил к этому еще и 45-й сибирский стрелковый полк. За поднятие восстания батальон моряков был срочно отозван в Ригу, где его расформировали и под конвоем отправили обратно в Гельсингфорс. По дороге многие моряки были арестованы. Дыбенко при отправке батальона остался в Риге под видом болезни в госпитале, где пробыл два месяца, и только после этого вернулся, за что впоследствии был осужден на два месяца.

Надо сказать, что на флоте Дыбенко считали великаном, ибо в нем было два аршина, семь и четыре восьмых вершка роста – почти 175 сантиметров. Для флота это было немало. К тому же густой бас, иссиня-черная борода и неимоверной силы руки – гул подковы и вязал узлом кочергу.

Естественно, образования у крестьянского сына не было никакого. Из-за обостренного чувства справедливости, «политически вредного характера» не раз сидел в тюрьмах и карцере. Февральская революция 1917 года открыла широкие возможности перед предприимчивым матросом, который был известен на флоте своей силой, высоким ростом, цинизмом, склонностью к дракам и пьяным дебошам. Авторитет среди матросов на Балтике у Дыбенко был такой, что его в революционные дни 1917 года единогласно избрали председателем Центробалта, где, будучи в меньшинстве (всех членов Центробалта было 33, большевиков – 6 и им сочувствующих – 5), все же провел устав, который недвусмысленно говорил о том, что Центробалт признает Временное Правительство, но все его распоряжения проводятся в жизнь только с санкции Центробалта.

В июле 1917 года Дыбенко был арестован за участие в июльском выступлении большевиков, был избит юнкерами и просидел в «Крестах» до 4 сентября. По выходе из тюрьмы снова вернулся в Гельсингфорс и вступил в исполнение обязанностей председателя Центробалта, который был разогнан комиссаром А.Ф. Керенского – Ф.М. Оникко. В начале октября 1917 года во время большого наступления немецкого флота в Балтийском море П.Е. Дыбенко участвовал в боях под островами Даго и Эзель.

С именем П.Е. Дыбенко непосредственно связаны многие ключевые моменты Октябрьской революции. Именно он получил 24 октября 1917 года телеграмму от Антонова-Овсеенко: «Высылайте устав. Антонов». По этому шифрованному приказу в Петроград рванулись боевые корабли с десантом балтийцев. И когда генерал П.Н. Краснов двинулся с войсками на Петроград, именно Дыбенко примчался в Гатчину, где «поговорил по душам» с братьями-казаками. Те после такого разговора немедленно арестовали генерала Краснова и вручили его Дыбенко, который и доставил «смутьяна» в Петроград. А уже через день Дыбенко вышел на рельсы и встал на пути эшелона, забитого «ударниками», направлявшимся в Петроград спасать Россию.

В октябре же П.Е. Дыбенко был избран народным комиссаром по морским делам, каковым пробыл до апреля 1918 года. В феврале 1918 года, во время наступления немецких войск, Дыбенко во главе матросского полка был отправлен под Нарву с задачей ос-

тановить врага. Боевым участком командовал генерал-лейтенант Д.П. Парский, а уполномоченным от партии большевиков был В.Д. Бонч-Бруевич. Естественно, царскому генералу матрос Дыбенко подчиняться не захотел, пообещав тому, что «братишки сами разберутся с немчурой». Разобрались. Разбитые в пух и прах, матросы в панике, с криком «полундра» бежали от регулярных немецких частей. 25 февраля В.И. Ленин писал в «Правде»: «...мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожить все и вся при отступлении; не говоря уже о бегстве, хаосе, близорукости, беспомощности, разгильдяйстве».

П.Е. Дыбенко был арестован и предан суду революционного трибунала, однако матросы направили Ленину и Троцкому ультиматум: «Если в течение 48 часов Дыбенко не будет освобожден, мы откроем артиллерийский огонь по Кремлю и начнем репрессии против отдельных лиц». Перепуганные вожди революции «порекомендовали» ревтрибуналу оправдать Дыбенко. Наказали его по партийной линии – исключили из партии.

В апреле 1918 года Дыбенко уже в Самаре. Самарский губернский исполком тогда возглавляли левые эсеры, разругавшиеся с большевиками из-за Брестского мира. Они были рады принять оппозиционера. В Самаре были особенно сильны позиции левых эсеров, максималистов, анархистов. Туда эвакуировались анархисты и максималисты с захваченной немцами Украины. Там же оказалась часть матросов Черноморского флота после потери Севастополя и Одессы. Это были недовольные властью и затоплением флота анархистствующие «братишки». На некоторое время Дыбенко становится лидером Самарской республики и самарской оппозиции к власти большевиков. В Самару вскоре перебирается и А.М. Коллонтай. В этот период разгорается бурный роман между бывшим матросом и будущим послом Советской России в Швеции.

И вновь Ленин прощает лихому матросу его грехи перед революцией. П.Е. Дыбенко направляют на подпольную работу в оккупированную немецкими войсками Украину. Под псевдонимом Алексей Воронов он в июле 1918 года приезжает в Одессу. Однако, побыв там две недели и не связавшись с подпольем, перебирается в Крым. Там через десять дней «подполья» его арестовывают как «большевистского лидера», а после попытки побега из тюрьмы заковывают в кандалы. За массовые убийства офицеров в 1917 году ему грозил расстрел. Но уже через месяц, в конце августа 1918 года, советское правительство обменяло Дыбенко на нескольких пленных немецких офицеров.

В апреле 1919 две бригады, которыми командовал П.Е. Дыбенко, прорвались через Перекоп в Крым и быстро захватили весь полуостров, кроме района Керчи. «Крымская операция» комдива была нарушением приказа командующего Украинским фронтом, по которому части Дыбенко должны были направиться в Донбасс для защиты этого района от наступления белых и ни в коем случае не углубляться в Крым, не растягивать фронт. Но Дыбенко решил не выполнять приказ командования. Он любил рисковать, особенно чужими жизнями. В итоге через месяц белые прорвались в шахтерский регион и, пользуясь малочисленностью противостоявших им войск, вышли в тыл советскому фронту. Этот прорыв привел к оккупации Советской Украины денikinцами в августе–декабре 1919 года.

Но в апреле 1919-го Дыбенко еще чувствовал себя триумфатором и «удельным князем» Крыма. В начале мая он провозглашает создание Крымской советской армии (9 тыс. солдат), которая не подчинялась Украинскому фронту. Став военным диктатором Крыма и обосновавшись в своей столице Симферополе, Дыбенко создает «под себя» Крымскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР и приглашает на роль главы правительства Крыма (СНК КССР) брата Ленина Д.И. Ульянова. Он счел, что это назначение обеспечит ему защиту самого Ленина и оправдание самоуправства. Себя Дыбенко провозгласил наркомом военных и морских сил Крыма, председателем Реввоенсовета Крыма, командующим Крымской армией.

Вернувшаяся к «победителю» А.М. Коллонтай была назначена начальником политуправления Крымской армии, но фактически стала «крымской царицей» и курировала все идеологические и политические вопросы. Военная диктатура Дыбенко в Крыму получила название «дыбенковщина» и снискала недобрую славу. Функции Советов и даже руководящих партийных органов были сведены на нет. Л.Д. Троцкий, заявив, что в Крыму красноармейские части «заражены дыбенковщиной», прекратил их снабжение.

Клеймо «дыбенковщина» характеризовало режим полутирании-полуанархии-плубандитизма в советском Крыму 1919 года. Дыбенко знал только один метод убеждения – расстрел. Он приказывал расстреливать служащих за уход с места работы, расстреливал «распространителей слухов» и «паникеров». Коллонтай комментировала эти события в своем дневнике: «Паша проявился как недисциплинированный, самолюбивый, вспыльчивый тип». Но ее строгие выводы были сделаны не только на основании анализа деловых качеств мужа. Влюбчивый Дыбенко соблазнил молоденькую секретаршу, что состояла при Коллонтай и была ее

наперсницей. Коллонтай вне себя от ревности вновь решает порвать с Дыбенко «навсегда». Она уезжает в Харьков, к «старым товарищам», которые пристроили ее на пост наркома пропаганды Советской Украины.

«Крымское царство» Дыбенко просуществовало недолго. Высадившийся в Коктебеле десант под командованием генерала Я.А. Слащева смял оборонительные порядки советских войск на Керченском перешейке, открыв путь отрядам Деникина на Севастополь и Симферополь. 20 июня 1919 года началось паническое бегство органов советской власти и Красной Армии из Крыма в направлении Перекоп – Херсон. Отступавшие к Херсону части Дыбенко сократились вдвое вследствие дезертирства. Оставшиеся были настолько деморализованы, что бежали с поля боя от одного казачьего полка, сдав белым Херсон. Дыбенко потерял все – Крым и свою армию, которая приказом от 21 июня переформировывалась в Крымскую стрелковую дивизию.

В сентябре 1919 года П.Е. Дыбенко отозван в Москву. Он находит сильных покровителей и поступает в Академию Красной Армии. Возможно, кто-то в правительстве посчитал, что бывшему матросу с большим революционным опытом просто не хватает образования и культуры. Но проучился Дыбенко только месяц, а затем был назначен на должность командира 37-й дивизии. Белогвардейцы рвались к Москве, и в октябре 1919 года над большевистским руководством нависла реальная угроза краха. В бой бросались последние резервы. Дивизия Дыбенко воевала под Тулой и Царицыном.

И вновь П.Е. Дыбенко привлекается к ответственности следственной комиссией трибунала, на этот раз по делу о неправомерном расстреле семерых красноармейцев. Ему снова удается выпутаться... И вскоре он уже командир 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. Матрос стал командовать кавалерией! Правда, продержался он на этой должности недолго. Через два месяца его назначают командиром 2-й кавалерийской дивизии Южного фронта, что воевала против войск П.Н. Врангеля и Н.И. Махно. Девятнадцать дней дыбенковского командования дорого обошлись соединению: оно было разгромлено белогвардейской конницей генерала И.Г. Барбовича, прорвавшей красный фронт. После этого командование посчитало нецелесообразным доверять Дыбенко конные дивизии и отозвало его доучиваться в академию.

1921 год – время всеобщего кризиса и хаоса в стране, крестьянских восстаний против большевиков – оказалось удачным для служебной карьеры П.Е. Дыбенко. В этот год он «зарабатывает» два ордена Красного Знамени за ликвидацию восстаний: матросов

в родном Кронштадте и крестьян Тамбовской губернии. «Заслужив» Дыбенко во время штурма Кронштадта было применение «заградительных отрядов», которые стреляли по своим отступавшим или отказавшимся от штурма частям с тыла. Об этих подвигах Дыбенко докладывал заместителю начальника особого отделения Н.М. Юдин: «Полк, отойдя полторы версты на Кронштадт, дальше идти в наступление отказался. Причина неизвестна. Тов. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Комполка 561 принимает репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставить идти в наступление».

В 1933 году Дыбенко принимает Приволжский военный округ, которым командует до 1936 года. Эти годы были для него годами постоянного конфликта с комкором И.С. Кутяковым.

В 1938 году легендарный балтийский матрос, командарм П.Е. Дыбенко, награжденный тремя орденами Красного Знамени, золотыми часами ВЦИКа, серебряными часами Ленсовета и лошадей, был арестован. Следователь старший лейтенант В.М. Казакевич «выяснил», что Дыбенко в 1915 году был завербован царской охранкой для провокаторской работы среди моряков-балтийцев. 29 июля 1938 года Дыбенко расстреляли. А в 1956 году он был реабилитирован в числе первых жертв сталинского террора.

ЕГОРОВ **Александр Ильич** **(1883–1939)**

Александр Ильич Егоров Родился 13 октября 1883 года в городе Бузулук Самарской губернии в многодетной мещанской семье. После окончания гимназии поступил на военную службу вольноопределяющимся и посвятил свою жизнь службе в армии.

После Февральской революции, которую он встретил в чине подполковника, А.И. Егоров вступил в партию эсеров. С декабря

Члены Реввоенсовета Юго-Западного фронта А.И. Егоров и И.В. Сталин. 1920 г.

Первые пять маршалов СССР (слева направо): С.М. Будённый и В.К. Блюхер (стоят) и М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров (сидят)

1917 года состоял в РККА. С августа 1918 года командовал армиями и фронтами в Гражданской войне (в частности, участвовал в боевых действиях под Самарой и Царицыном), а затем в Советско-польской войне.

С мая по октябрь 1919 года – командующий 10-й, а затем 14-й армиями. С октября 1919 года по декабрь 1920-го – командующий войсками Южного, а затем, с января 1920 года – Юго-Западного фронта. С.М. Будённый вспоминал: «К А.И. Егорову я относился с большим уважением. Я видел в нём крупного военного специалиста, преданного революционному народу, честно отдающего ему свои знания и опыт... Особенно меня подкупала его смелость в бою, то, что он, командующий армией, когда это необходимо, ходил в атаку вместе с красноармейцами».

В сентябре 1921-го – январе 1922 года А.И. Егоров был командующим Западным фронтом. В феврале 1922-го – мае 1924 года – командующим Кавказской Краснознамённой армией. С апреля 1924-го по март 1925 года – командующим войсками Украинского военного округа. В 1925–1926 годах Егоров был военным атташе в Китае. С мая 1926-го по май 1927 года – заместителем начальника военно-промышленного управления ВСНХ СССР. В мае 1927-го – апреле 1931 года – командующим войсками Белорусского военного округа.

С июня 1931 года по май 1937 года А.И. Егоров занимал должность начальника Штаба РККА, а затем (с сентября 1935 года) – начальника Генерального Штаба РККА. В 1935 году приказом Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова в честь А.И. Егорова была названа 37-я Новочеркасская стрелковая дивизия. С 11 мая 1937 года Егоров – 1-й заместитель наркома обороны СССР. В 1934 года на XVII съезде ВКП(б) он был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а в декабре 1937 года – депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва от Смоленской области.

В период сталинских репрессий в РККА А.И. Егоров оказался в опале. И.В. Сталин, прежде характеризовавший его как «выдающегося полководца и одного из организаторов побед», лично подверг маршала критике. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «о т. Егорове», от 25 января 1938 года говорилось: «Первый заместитель народного комиссара обороны СССР т. Егоров А.И. в период его работы на посту начальника штаба РККА работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального Штаба развалил, передоверив её матёрым шпионам польской, немецкой и итальянской разведок Левичеву и Меженинову». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) Егоров был снят с должности 1-го заместителя наркома обороны СССР и назначен «в качестве последнего

Александр Ильич Егоров

испытания» на должность командующего войсками Закавказского военного округа.

22 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в шпионаже и принадлежности к военному заговору А.И. Егоров был приговорён к расстрелу. Расстрелян в феврале 1939 года. Кремирован на Новом Донском кладбище. Постmortem реабилитирован 14 марта 1956 года.

ЕГОРЬЕВ

Владимир Николаевич
(1869–1948)

Владимир Николаевич Егорьев – российский и советский военачальник, командующий фронтом во время Гражданской войны.

Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе. На службу в армию поступил в 1887 году. В 1889 году окончил 3-е военное Александровское училище. Выпущен в 4-ю резервную артиллерийскую бригаду. Позже служил в Ивановгородской крепостной артиллерии. Подпоручик (1889). Состоял в запасе (1893–1894). Поручик (1894). Штабс-капитан (1897).

В 1901 окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Капитан (1901). Помощник столоначальника Главного Штаба (1903). Столоначальник Главного Штаба (1904). Подполковник (1904). С декабря 1904 года – помощник начальника отделения Главного Штаба. Делопроизводитель ГУТШ (1908–1910). Полковник (1908).

В 1910–1914 годах В.Н. Егорьев состоял в распоряжении начальника Генштаба. Был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса. С 1 марта 1914 года – начальник штаба 3-й гренадерской дивизии.

В сентябре 1917 года В.Н. Егорьев получил назначение командиром 39-го армейского корпуса, ему был присвоен чин генерал-лейтенанта.

После Октябрьской революции в декабре 1917 года В.Н. Егорьев был избран революционным солдатским комитетом на пост командующего Особой армией Юго-Западного фронта. С января 1918 года командовал войсками Юго-Западного фронта. С марта по сентябрь 1918-го – военный руководитель Западного участка отрядов завесы. В июле – октябре 1919 года – командующий войсками Южного фронта против ВСЮР Деникина. В 1920 году – военный эксперт при советской делегации, которой было поручено заключение Тартуского мирного договора между РСФСР и Финляндией, а также Рижского мирного договора с Польшей. В 1921–1926 годах состоял при РВС СССР для выполнения особо важных поручений. Редактор журнала «Военная мысль и революция»; затем на преподавательской работе в высших военно-учебных заведениях. С 1934 года в отставке, но продолжал преподавательскую работу. Умер в Москве в 1948 году.

ЖУРАВЛЁВ **Павел Николаевич** **(1887–1920)**

Павел Николаевич Журавлёв был один из организаторов партизанского движения в Забайкалье в годы Гражданской войны. В 1915 году его призвали в армию, в 1917 году окончил Иркутскую школу прапорщиков, принимал участие в боях на Румынском фронте в должности командира роты и батальона. В конце 1917 года вернулся в Забайкалье и принял активное участие в революционной борьбе рабочих Александровского Завода.

В апреле 1918 года, когда банды атамана М.Г. Семёнова двинулись из Маньчжурии на Читу, П.Н. Журавлёв организовал партизанский отряд. После соединения с основными силами Забайкальского фронта отряд стал пехотным полком. В апреле 1919 года Журавлёв был избран командиром партизанского соединения в составе четырёх кавалерийских полков, а к осени на базе

этого соединения под командованием Журавлёва развернулась партизанская армия. В феврале 1920 года Журавлёв был смертельно ранен в бою. Его прах позднее был захоронен на родине в селе Александровский Завод³⁴.

КАКУРИН **Николай Евгеньевич** **(1883–1936)**

Николай Евгеньевич Какурин – русский и советский военачальник, «военспец», видный военный публицист, историк и педагог. Из дворян. Уроженец города Орел. Образование получил в Житомирской гимназии. В 1902 году поступил на военную службу. В 1904 году окончил Михайловское артиллерийское училище, из которого был выпущен подпоручиком в 30-ю артиллерийскую бригаду. Позже служил в 18-й артиллерийской бригаде. Поручик (1907). Окончил Николаевскую военную академию (1910). Штабс-капитан (1910). Цензовое командование ротой отбывал в 17-м пехотном Архангелогородском полку в 1910–1912 годах. Капитан (1912). Старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии (1912).

Участник Первой мировой войны. В 1915 году произведен в чин подполковника. Начальник штаба 71-й пехотной дивизии (1915). Начальник штаба 3-й Забайкальской казачьей бригады (1916). Одновременно – начальник штаба Урмийского отряда.

В октябре 1917 года Н.Е. Какурин уехал с фронта в отпуск в Киев, где находилась его семья, и на фронт из отпуска уже не вернулся. Проживал в Киеве во время взятия города красными войсками Муравьева и германской оккупации. С 1918 года – в армии Украинской народной республики. Помощник начальника Гене-

³⁴ Журавлев Павел Николаевич // Советская военная энциклопедия. – Т. 3. – М., 1979. – С. 348.

рального штаба УНР. В армии Украинской Державы занимал ту же должность.

В декабре 1918 года после падения режима гетмана П.П. Скоропадского. помощник начальника штаба Холмско-Галицкого фронта армии УНР В Украинской Галицийской армии: сначала в штабе 3-го корпуса, позже – начальник штаба вновь сформированного 4-го корпуса (1919). После отхода Галицийской армии на восточный берег Збруча и расформирования 4-го корпуса жил в Каменце.

Осенью 1919 года Галицийская армия, утратившая боеспособность из-за эпидемии тифа, вошла в состав ВСЮР на правах автономии. Н.Е. Какурин состоял в резерве армии. В марте 1920 года в условиях наступления частей РККА на правобережной Украине в Галицийской армии был создан Военно-Революционный комитет, и армия перешла на сторону большевиков. После этого Какурин в числе других офицеров бывшей русской службы выехал в штаб 12-й армии в Киев. Оттуда, перенеся заболевание возвратным тифом, в конце мая 1920 года был отправлен в Москву. В апреле 1920 года арестован в Москве «за службу в украинской и галицкой армиях», в июне 1920 года освобожден.

С июля 1920 года Н.Е. Какурин находился в распоряжении начальника Всероглаштаба. Начальник штаба 8-й стрелковой дивизии, начальник 10-й стрелковой дивизии, с которой проделал поход на Варшаву и обратно. Включен в список Генштаба РККА от августа 1920 года.

После расформирования 3-й армии – 2-й помощник командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского (декабрь 1920). После назначения Тухачевского командующим Тамбовской группой войск, предназначенной для борьбы с Антоновщиной, получил назначение начальником штаба той же группы войск. Награжден орденом Красного Знамени (1921).

Комвойск Витебского района (1921). Главный руководитель кафедры тактики в Военной академии РККА. С марта 1922 года – командующий войсками Бухарско-Ферганского района. С июня – помкомвойск Туркестанского фронта. Руководил борьбой с басмачами. Награжден бухарским орденом Красной Звезды (1922).

В 1922 году Н.Е. Какурин, заболев малярией, вернулся в Москву и был направлен на преподавательскую работу. В августе 1922 года он был назначен старшим руководителем по тактике в Военной академии РККА. Начальник отдела по истории гражданской войны при Штабе РККА (1923). Затем работал в Военно-научном отделе Управления по исследованию и использованию опыта войны Штаба РККА.

В 1925–1930 годах Н.Е. Какурин работал в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Автор порядка 30 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства и тактики Гражданской войны, обучению и воспитанию войск. Один из инициаторов создания и автор трёхтомной истории Гражданской войны (издана в 1928–1930 годах).

С 1930 года в отставке. В августе 1930 года арестован (с 1922 года на него доносила его двоюродная сестра О.А. Зайончковская³⁵, которой он доверял), и в феврале 1932 года приговорен к 10 годам заключения. Содержался в Ярославской тюрьме. Умер там же 1936 году.

КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1881–1936)

Сергей Сергеевич Каменев родился в семье военного инженера в Киеве. В 1907 году окончил в Петербурге Академию Генерального штаба. Февральскую революцию он встретил на фронте в чине полковника в должности командира 30-го Полтавского пехотного полка. Общим солдатским собранием полка С.С. Каменев был избран полковым командиром.

Товарищеская связь с армейскими общественными организациями и твердое проведение в жизнь революционных мероприя-

³⁵ Попова (Зайончковская) Ольга Андреевна с 1922 года работала секретным агентом органов ВЧК-ОГПУ, пользуясь громким именем своего отца, в течение многих лет втиралась в доверие к крупным советским военным, собирала все сплетни, а затем передавала их своему «куратору». В 1937 году была арестована, приговорена к ВМН, но не была расстреляна, а использовалась в качестве внутрикамерного осведомителя в разных камерах Бутырской тюрьмы. В 1939 году была разоблачена сокамерницами как стукачка, после чего освобождена из тюрьмы.

тий создали С.С. Каменеву заслуженный авторитет. Он был выдвинут солдатскими комитетами и назначен начальником штаба 15-го стрелкового корпуса. Здесь встретил Октябрьскую революцию и безоговорочно признал советскую власть. Вскоре армейский комитет переместил его на более высокий пост – начальника штаба 3-й армии, в Полоцк.

В сентябре 1918 года С.С. Каменев был назначен командующим Восточным фронтом. Газета «Правда» писала 8 июля 1923 года, что Каменев «знал и признавал, что рабочие батальоны, являясь гвардией революции, обеспечивают ее победу именно тем, что, вливаясь в красноармейские массы, они скрепляют всю армию и делают ее победной».

10 сентября 1918 года была очищена от белочехов и белогвардейцев Казань. Освобождение Казани явилось поворотным пунктом в борьбе на Восточном фронте. Инициатива перешла к Красной Армии, которая освобождает Симбирск, Елабугу, Сарапул, Сызрань, Самару, Бугуруслан, Бузулук, Бугульму.

Осенняя операция 1918 года на востоке Советской России закончилась разгромом контрреволюционных (антибольшевистских) сил в Ижевске и Воткинске. Восточный фронт остановил наступление мятежников и устранил угрозу, нависшую над Поволжьем. В борьбе с белогвардейцами были созданы первые регулярные части и соединения Красной Армии.

Весной 1919 года армия А.В. Колчака перешла в решительное наступление. Ей противостоял Восточный фронт во главе с С.С. Каменевым и членом Реввоенсовета (РВС) С.И. Гусевым. Общая протяженность фронта достигала 1800 километров. Советские войска под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить.

Восточный фронт вновь, как и в 1918 году, стал главным фронтом, где решалась судьба революции. В это грозное время ЦК РКП(б) провозгласил призыв «Все против Колчака!». 1 марта 1922 года М.В. Фрунзе вспоминал: «К счастью, я имел поддержку в лице присутствующего здесь товарища С.С. Каменева, который был тогда командующим Восточным фронтом. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака». В телеграмме Реввоенсовету фронта В.И. Ленин подчеркивал, что «если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной...» В июне Красная Армия вышла в основном на линию, с которой колчаковские войска начали наступление в марте. За победы на Восточном фронте ВЦИК наградил Каменева золотым оружием – шашкой с орденом Красного Знамени на эфесе.

В июле 1919 года Центральный Комитет партии назначил М.В. Фрунзе командующим войсками Восточного фронта, а С.С. Каменева – Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики.

В планах главкома Каменева исправная работа транспорта занимала передовое место. Ликвидация деникинского фронта была одной из труднейших задач, так как требовала переброски подкреплений из очень далеких районов Восточного фронта. К этим трудностям присоединилась еще наступательная операция генерала Н.Н. Юденича против Петрограда. Она началась в дни, когда Красной Армией был оставлен Курск и создалась угроза захвата Тулы.

В этой тяжелой обстановке командование Красной Армии сумело оказать отпор Н.Н. Юденичу без ослабления важнейших участков Южного фронта путем быстрой переброски сил с северного участка и использования курсантских частей Москвы и Петрограда. Разгром армии Юденича облегчил сосредоточение ударных сил для ликвидации Южного фронта. Началось решительное наступление на Белую армию А.И. Деникина, которое в конечном итоге привело в 1920 году к ее полному разгрому.

Стратегический план борьбы с А.И. Деникиным, разработанный С.С. Каменевым и принятый ЦК партии в июле 1919 года, когда существовал один Южный фронт, сохранился в своей основе в качестве единого стратегического плана и при разделении этого фронта на Юго-Восточный и Южный. Начавшееся в октябре генеральное сражение на Южном фронте в декабре переросло в общее наступление Южного и Юго-Восточного фронтов, которое в феврале – марте 1920 года завершилось полным разгромом войск Деникина.

В апреле 1920 года начался третий антисоветский поход Антанты. Главной силой нового похода явились армии буржуазно-помещичьей Польши и белогвардейской армии генерала П.Н. Врангеля. 28 апреля разработанный Главным командованием план разгрома нового врага был утвержден ЦК РКП(б). Согласно этому плану главный удар предполагалось нанести в Белоруссии силами Западного фронта в направлении на Варшаву. С этого времени Западный фронт становился главным фронтом республики. Третий поход Антанты закончился таким же провалом, как и предыдущие.

После разгрома П.Н. Врангеля С.С. Каменев руководил подавлением Карельского восстания и басмачества в Туркестане. В мае 1920 года главнокомандующий всеми вооруженными силами республики постановлением ВЦИК Советов был награжден орденом Красного Знамени. А в январе 1921 года Каменев был награжден

высшей воинской наградой Почетным Огнестрельным Оружием с орденом Красного Знамени.

Боевые заслуги С.С. Каменева, редкая простота и доступность, светлый ум создали ему огромный авторитет не только среди воинов армии, но и среди всех трудящихся Советской страны, особенно среди молодежи. Он умер на служебном посту 25 августа 1936 года.

КАРБЫШЕВ

Дмитрий Михайлович **(1880–1945)**

Дмитрий Михайлович Карбышев родился 14 октября 1880 года в Омске. Его отец Михаил Ильич был военным чиновником, а мать Александра Ефимовна купеческой дочерью. Отец Карбышева происходил из родовых сибирских казаков – потомственных дворян. Всего в семействе Карбышевых родилось шестеро детей.

В детстве Дмитрию Карбышеву нравилось рисовать, а также строить вместе с дворовыми ребятами разные крепости из подручных материалов. С ранних лет у мальчика проявлялись лидерские качества, вследствие чего он чаще других руководил «строительством военных сооружений».

Когда Карбышеву исполнилось 12 лет, скончался его отец. Потеря кормильца стала настоящим испытанием для всей семьи, которая и так жила небогато. В скором времени арестовали старшего брата будущего генерала – Владимира. Будучи студентом гимназии, он начал тесно общаться с революционерами и лично сотрудничал с В.И. Лениным. Владимир погиб в тюрьме, а члены его семьи лишились всех привилегий и находились под постоянным контролем со стороны властей. Это был один из самых тяжелых периодов в биографии Д.М. Карбышева.

Дмитрий решил связать свою жизнь с военным делом и поступил в Сибирский кадетский корпус. Прекрасно понимая, что мать

отдала все свои сбережения на оплату обучения, он из всех сил пытался получать высокие оценки по всем дисциплинам. После окончания кадетского корпуса Карбышев успешно сдал экзамены в Николаевское военно-инженерное училище. Он проявил себя как способный и трудолюбивый ученик и к моменту получения диплома был одним из лучших студентов.

В 1900 году Карбышев получил направление на Дальний Восток, где работал руководителем отделения телефонной роты в саперном батальоне. Вскоре началась Русско-японская война, в которой он проявил себя как талантливый стратег и тактик. За время службы он удостоился 5 орденов и был произведен в поручики.

В 1906 году Д.М. Карбышева уволили в запас за пропаганду идей большевиков. По обвинению в агитации среди солдат он мог быть приговорен к расстрелу, однако благодаря своим заслугам перед Отечеством и храбрости, которую он всегда проявлял в боях, он не был казнен. После увольнения Карбышев какое-то время работал чертежником. Однако позже его вновь призвали на службу, поскольку ценили его инженерный талант. В итоге поручик занимался проектированием и созданием военных укреплений. Интересен факт, что именно он руководил работами по строительству Брестской крепости.

В 1914 году Д.М. Карбышев был произведен в подполковники. Во время Первой мировой войны воевал в Карпатах, активный участник Варшавско – Ивангородской операции (взятия крепости Перемышль), а также легендарного Брусиловского прорыва.

В 1918 году Карбышев вступает в Красную Армию и становится активным борцом с белым движением. Он не простил белогвардейцам того, что от их рук погиб его старший брат.

В период Гражданской войны Д.М. Карбышев продолжал разрабатывать и строить форты, и многие другие оборонительные сооружения. В скором времени ему доверили руководить инженерами 5-й армии Восточного фронта.

По окончании войны Карбышев занимался преподавательской деятельностью в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В этот период из-под его пера вышло множество статей на военную тематику. Карбышев являлся одним из самых выдающихся экспертов в сфере военно-инженерного искусства не только в СССР, но и в мире. Позже он получит степень «доктора военных наук». В 1940 году Карбышеву было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск.

В начале Великой Отечественной войны Д.М. Карбышев попал в плен к фашистам. Фамилия известного инженера находилась в

списке лиц, которых немцы хотели переманить на свою сторону. Однако когда нацисты попытались завербовать Карбышева, он сразу дал понять, что не будет с ними сотрудничать ни при каких обстоятельствах. Чтобы сломить его, фашисты применяли самые разные способы, начиная от физического воздействия и заканчивая предоставлением разных привилегий и благ.

Когда все усилия вербовщиков не принесли желаемого результата, они решили изменить тактику. Немцы подсадили в камеру к генералу двойного агента – полковника Пелита, которого он хорошо знал еще до начала войны. Но как ни старался Пелит переубедить Карбышева стать на сторону нацистов, сделать ему этого не удалось.

После этого руководство Третьего Рейха посадило генерала в карцер, где он просидел 3 недели. Однако, как и раньше, Карбышев отказывался предавать Родину и работать на врага. Затем ему вновь предлагали деньги и собственную лабораторию, но всё было безрезультатно.

Вот что гитлеровцы писали в своих архивах: «...Этот крупнейший советский фортификатор, кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался фанатически преданным идее верности воинскому долгу и патриотизму... Карбышева можно считать безнадёжным в смысле использования у нас в качестве специалиста военно-инженерного дела...».

Вердикт нацистов, вынесенный в 1943 году после двух лет уговоров, был таков: «...Направить в концлагерь Флоссенбург на кааторжные работы, никаких скидок на звание и возраст...» Генерал Д.М. Карбышев находился в плену до 1945 года. За это время он побывал в 11 концентрационных лагерях, где собственными глазами наблюдал за всеми ужасами фашистской политики. В печально известном Освенциме генерал изготавливал надгробия. Однако даже в таких тяжелых условиях Карбышев находил причины для радости. Он рассуждал так: чем больше памятников изготавливается для немцев, тем успешнее идут дела на фронте у его соотечественников.

В ночь на 18 февраля 1945 года в концлагере Маутхаузен, в числе около пятисот других заключённых, генерал Карбышев после зверских пыток был облит водой на морозе (–12°C) и убит. Его тело было сожжено в печах Маутхаузена.

КЛЕМБОВСКИЙ**Владислав Наполеонович
(1860–1921)**

Владислав Наполеонович Клембовский, генерал от инфантерии (1915), происходил из дворян Московской губернии. Образование получил в 3-м Александровском училище (1879) и Николаевской академии Генштаба (1885). Выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк. Командир роты 1-го пехотного Невского (1887), 2-го Софийского полка (1887–1888). Старший адъютант штаба 1-й пехотной дивизии (1886–1890), прикомандирован к Тверскому кавалерийскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1890). Штаб-офицер при управлении 1-й стрелковой бригады (1894). Командир батальона лейб-гвардии 2-го стрелкового полка (1895). Начальник штаба 7-й пехотной (1897), 11-й кавалерийской (1899), 31-й пех. Дивизии (1899).

Командир 122-го пехотного Тамбовского полка (1901), во главе которого участвовал в Русско-японской войне (1904–1905), дважды был ранен и контужен. Начальник штаба 4-го армейского корпуса (1904). Начальник штаба 10-го армейского корпуса (1906). Генерал-лейтенант (1912).

В.Н. Клембовский вступил в Первую мировую войну начальником 9-й пехотной дивизии 10-го армейского корпуса. После поражения под Красником (в настоящее время город в Польше) в октябре 1914 года возглавил 16-й армейский корпус 4-й армии. Генерал от инфантерии (1915). В декабре 1915 года назначен начальником штаба армий Юго-Западного фронта генерала А.А. Брусилова. Сыграл выдающуюся роль в организации прорыва у Луцка (Брусилевский прорыв). Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В декабре 1915 года назначен командующим 5-й армией, но в январе 1916 года заболел и сдал командование генералу А.Н. Куропаткину. Затем вернулся на пост начальника штаба армий Юго-Западного фронта. В октябре 1916 года получил назначение командующим 11-й армией. Помощник начальника штаба

Верховного главнокомандующего (декабрь 1916 года), ближайший сотрудник генералов В.И. Гурко³⁶ и М.В. Алексеева.

В марте – апреле 1917 года В.Н. Клембовский занимал пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем был введен в состав Военного совета (отказался от поста командующего армией). Назначен главнокомандующим армиями Северного фронта (май 1917 года). В июле силами 5-й армии провел наступление у Якобштадта (территория современной Латвии), не принесшее никакого результата. Под руководством Клембовского войска фронта провели в августе 1917 года Рижскую операцию, которая закончилась полной неудачей, и русские войска от разгрома спасло лишь то, что германское командование было вынуждено перебросить части в Италию.

9 сентября 1917 года Клембовский был снят с командования фронтом и назначен членом Военного Совета за отказ от предложения Керенского сменить генерала Л.Г. Корнилова на посту Верховного главнокомандующего. Ранним утром 28 августа командующему Северным фронтом генералу Клембовскому была направлена телеграмма следующего содержания: «Временным правительством Вы назначаетесь врид Верховного главнокомандующего, с оставлением Вас в Пскове и с сохранением должности Главкосева. Предлагаю Вам немедленно принять должность от генерала Корнилова и немедленно мне об этом донести. Министр-председатель Керенский». По обыкновению приказ был передан через штаб Верховного главнокомандующего. Ответ от генерала Клембовского поступил через несколько часов: «...От Главковерха получил телеграмму, что я назначаюсь на его место. Готовый служить Родине до последней капли крови, не могу во имя преданности и любви к ней принять эту должность, так как не чувствую в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для столь ответственной работы в переживаемое тяжелое и трудное время.

³⁶ *Гурко Василий Иосифович* (1864 — 1937) — российский генерал от кавалерии (1916); автор ряда книг. Монархист. Весной 1917 года был командующим войсками Западного фронта русской армии. Во время Англо-бурской войны в 1899—1900 годах состоял военным агентом при войсках буров. Участник Русско-японской (1904 – 1905) и Первой мировой войн. Исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего во время болезни М.В. Алексеева (ноябрь 1916 – февраль 1917). После Февральской революции – командующий войсками Западного фронта. После обнародования в приказе по армии и флоту Декларации прав военнослужащих 15 мая 1917 года написал в рапорте Верховному главнокомандующему и министру-председателю Временного правительства, что «снимает с себя всякую ответственность за благополучное ведение дела». С октября 1917 года в эмиграции. Скончался 11 февраля 1937 года в Италии.

Считаю перемену Верховного командования крайне опасной, когда угроза внешнего врага целостности и свободы родины повелительно требует скорейшего проведения мер для поднятия дисциплины и боеспособности армии. Клембовский. 28 августа».

«Генерал Клембовский был одним из двух командующих фронтами (всего их было пять), которые выразили свою поддержку генералу Корнилову. Другим является командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин», – писал А.Ф. Керенский.

После большевистского переворота, весной и летом 1918 года Клембовский находился в тюрьме в качестве заложника советской власти. Затем был освобожден и мобилизован на службу в РККА, под угрозами смерти его родным, однако, в Гражданской войне не участвовал, занимаясь военно-исторической работой. С августа по октябрь 1918 года был председателем Военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой войны, а затем её членом. В 1920 году член Особого Сопровождающего при Главкоме РККА, затем на преподавательской работе.

В 1921 году В.Н. Клембовский был арестован по обвинению в пособничестве полякам. Чекисты его долго держали в тюрьме без допросов. Генерал объявил голодовку. Явился, хотя и не сразу, полномочный представитель ВЧК, который предложил генералу прекратить голодовку, но Клембовский продолжал голодать и скончался в Бутырской тюрьме от голода.

КОРК Август Иванович (1887–1937)

Август Иванович Корк родился в семье крестьянина-эстонца в деревне Аардла Дерптского уезда Лифляндской губернии (ныне в волости Хааслава Тартуского уезда Эстонии). Учился в четырёхклассном училище в городе Юрьеве (ныне Тарту в Эстонии).

Военное образование начал в Чугуевском пехотном юнкерском училище, выпущен подпоручиком в 1908 году. С июня 1908 года по октябрь 1911 года А.И. Корк служил офицером 98-го пехотного Юрьевского полка в городе Двинске (ныне Даугавпилс в Латвии). Окончил Николаевскую военную академию, где учился в 1911–1914 годах. В 1916 году занимал должность исполняющего обязанности помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии.

18 августа 1916 года штабс-капитан Генерального штаба А.И. Корк награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1917 году прошёл ускоренные курсы в Киевской военной школе летчиков-наблюдателей, после окончания которых в чине капитана назначен в штаб действующей армии Западного фронта. Исполнял должность штаб-офицера по авиации при управлении генерал-квартирмейстера штаба армии – фронта. 9 июля 1917 года награждён орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В феврале 1918 года после расформирования штаба армии Корк уволен со службы в чине подполковника.

В августе 1917 года А.И. Корк был избран председателем солдатского комитета Западного фронта. В июне 1918 года он вступил в Красную Армию, служил в оперативном отделе Всероглавштаба. С октября 1918 года – начальник отделения штаба Западного фронта и начальник оперативно-разведывательного отдела штаба 9-й армии. С декабря 1918-го – консультант при Народном комиссариате обороны Эстляндской трудовой коммуны. В феврале – мае 1919 года – начальник штаба Армии Эстляндской трудовой коммуны (так называемая Эстонская Красная Армия). С июня 1919 года – помощник командующего 7-й армией. Руководил обороной Петрограда от войск генерала Н.Н. Юденича. В августе 1919-го – октябре 1920 года – командующий 15-й армией. Участвовал в войне с Польшей.

«...А.И. Корк – это моя гордость, – восторгался действиями командарма в 1920 году на Западном фронте главком С.С. Каменев в разговоре по прямому проводу с командующим фронтом М.Н. Тухачевским. – Как на каждом фронте есть всегда один из командующих, играющий первую скрипку, таковой скрипкой на Восточном фронте были вы, так у нас на Западном фронте А.И. Корк, а И.П. Уборевич – на Южном...»

В октябре 1920-го – мае 1921 года А.И. Корк в качестве командующего 6-й армией действовал против войск П.Н. Врангеля, руководил штурмом Перекопа и взятием позиций к югу от Перекопа у села Юшунь.

С мая 1921 года А.И. Корк – командующий войсками Харьковского военного округа, с 21 апреля 1922 года – помощник коман-

дующего Вооружёнными Силами Украины и Крыма. В 1922–1923 годах – командующий Туркестанским фронтом. Руководил военными операциями против басмачества в Средней Азии. В 1924–1925 годах – помощник командующего и командующий Западным военным округом. С февраля 1925 года командовал Кавказской Краснознаменной армией.

С ноября 1925 года А.И. Корк командовал войсками Белорусского военного округа, затем – войсками Ленинградского военного округа (до мая 1928 года). В 1927 году вступил в ВКП(б). Военный атташе в Германии (с июня 1928-го по май 1929 года). Начальник Управления снабжений РККА (с мая по ноябрь 1929 года). С ноября 1929 года по сентябрь 1935 года – командующий войсками Московского военного округа. С сентября 1935 года и до ареста в мае 1937 года – начальник и комиссар Военной академии имени Фрунзе. Был членом комиссии по разработке Полевого устава РККА (ПУ-36).

В ходе сталинских репрессий был арестован в своей московской квартире в доме № 2 по улице Серафимовича. Проходил по делу М.Н. Тухачевского и был обвинён в нарушении присяги, измене Родине и измене народам СССР и РККА. Признал себя виновным в участии «в военно-фашистском заговоре». Специальным присутствием Верховного суда СССР в июне 1937 года вместе с другими обвиняемыми был приговорён к смертной казни и расстрелян. Кремирован в Донском крематории, прах захоронен на Донском кладбище в Москве.

Реабилитирован в 1957 году «за отсутствием состава преступления». Вдова А.И. Корка Екатерина Михайловна как «член семьи изменника Родины» была приговорена к 8 годам ИТЛ (ссылка в Астрахань), а в июле 1941 года по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации расстреляна. В 1958 году она так же, как и её муж, была реабилитирована.

КОСТЯЕВ

Федор Васильевич

(1878–1925)

Федор Васильевич Костяев родился в Митаве (совр. Елгава) Курляндской губернии в семье отставного офицера. Православный, из дворян. На военной службе с августа 1896 года – юнкер. В том же году окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. В 1899 году произведен в подпоручики, окончил курс трех классов по 1-му разряду Николаевского инженерного училища, затем – Николаевскую академию Генерального штаба 2 класса по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» с премией генерала Обручева за стратегическую тему (1905). Поручик (1901). За отличные успехи в науках в академии произведен в чин штабс-капитана (1905).

Участник Русско-японской войны. В июле 1905 года Ф.В. Костяев прибыл в Маньчжурию в штаб главнокомандующего на Дальнем Востоке. Командирован в распоряжение начальника штаба 1-й Маньчжурской армии. Участвовал в перестрелке у деревни Манхугай, в разведке южнее этой деревни. 27 сентября 1905 года был командирован в распоряжение начальника штаба Варшавского военного округа.

С января 1907 года Ф.В. Костяев служил помощником старшего адъютанта штаба Иркутского, а затем Виленского военных округов; помощником делопроизводителя ГУГШ. Подполковник (1911).

После начала Первой мировой войны Ф.В. Костяев был назначен штаб-офицером при управлении генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего. В декабре 1914 года произведен в полковники и назначен начальником штаба 30-й пехотной дивизии. С февраля 1916 года командовал 32-м Сибирским стрелковым полком, а затем последовательно руководил деятельностью штабов 17-й Сибирской стрелковой дивизии и 1-го Сибирского армейского корпуса. В октябре 1917 года произведен в генерал-майоры. Последняя должность в императорской армии – командующий 132-й пехотной дивизией. С декабря 1917 года и до

демобилизации состоял в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта.

В марте 1918 года Ф.В. Костяев добровольно поступил на службу в Красную Армию. Начальник штаба Псковского района. Начальник Петроградской дивизии. Инспектор формирований и помощник военного руководителя Петроградского района. В августе 1918 года был арестован, но затем освобожден. Прикомандированный для работ при Военном Совете Северного участка и Петроградского района, руководитель 3-й инспекции формирований (сентябрь 1918 года). Начальник штаба Северного фронта (август–октябрь 1918 года). Начальник Полевого штаба РВСР (октябрь 1918-го – июнь 1919 года). Член комиссии по заключению мирного договора с Эстонией (1919).

В 1920 году Ф.В. Костяев был назначен штатным преподавателем статистики и географии академии Генштаба РККА, заведовал кафедрой военной географии и службы Генерального штаба. Военный представитель в Русско-польской смешанной пограничной комиссии (1921), председатель комиссии. Председатель Смешанной советско-финской пограничной комиссии (1925). Привлекался в качестве консультанта при установлении границ с Румынией и Ираном. Умер в Сестрорецке в 1925 году.

КОТОВСКИЙ Григорий Иванович (1881–1925)

Первые десятилетия XX века в России необыкновенно богаты на фигуры фантастические. И Котовский, безусловно, одна из самых ярких. Его преступная специальность, как иногда это формулировали в те годы, именовалась «шармёр» (от французского «шарм»). Так называется человек, обладающий необыкновенным обаянием, который легко входит в доверие, подчиняет собеседника своей воле и делает с ним что хочет.

Котовский родился в 1881 году в дворянской семье. Родители его были небогаты, мать умерла, когда ему было всего два года. Он не закончил ремесленное училище, бросил сельскохозяйственную школу и работал практикантом в имении князя Кантакузина. Отсюда и начались славные дни «Гришки-Кота».

Он действительно был силачом, несравненно более сильным человеком, нежели это показано в известном кино. И довольно красивым – дамам нравился невероятно. Голову он не брил, а лысеть начал на каторге. Бриться наголо Котовский стал уже в Гражданскую войну, в эпоху сыпняка и новой идеологии, когда это вошло в моду.

Человек Г.И. Котовский был широкий, поэтому и действовал с размахом. Первого помещика убил, когда ему не было ещё и 20 лет. Сжёг его имение дотла. После чего сколотил банду из полутора десятков лихих ребят. Отсиживался по лесам, грабил встречаемых и поперечных. При этом обожал широкие жесты – подарить крестьянину корову, к примеру, или отсыпать кучу денег. Галантно сообщить помещику, которого грабил, что он – тот самый Котовский. Образ жизни: бандитизм, «отсидки», любовь к скачкам и породистым лошадям, шалманы, публичные дома и шикарные рестораны.

Великодушные Г.И. Котовского, в итоге, при всей палитре личных качеств, стало основным для народной аудитории, создав «Коту» ореол Робина Гуда. Впрочем, для этого самого «народа» Котовский часто являлся «благодетелем». Так, например, он вместе с 12 сподвижниками спас гонимых в Кишинёвскую тюрьму крестьян, арестованных за аграрные беспорядки. Спас громко, один из конвойных сохранил расписку: «Освободил арестованных Григорий Котовский».

Слава гремела – Котовского уже знала и боялась вся Бессарабия, газеты писали о нем, называя очередным Дубровским. Есть же где-то у Пушкина: «Грабительства одно другого замечательнее, следуют одно за другим. Начальник шайки славится умом, отважностью и каким-то великодушием...» А ещё – одежда по последней моде, личина аристократа, посещение театров, прекрасный аппетит (любимое блюдо – яичница из 25 яиц).

Котовскому пришлось дважды побывать в местах лишения свободы. И дважды бежать на волю. В первый раз помогли женщина и хлеб. Жена одного из начальников Кишинёвской тюрьмы передала Котовскому буханку и курево, иными словами, опиум, браунинг, верёвку и пилку. Он бежал, но гулял меньше месяца и отправился в Сибирь на 10 лет. Через два года Котовский бежал и оттуда. Пока он бегал, миф о его благородстве крепчал. Говорили,

что при налёте на квартиру одного из владельцев банка, Котовский потребовал с супруги предпринимателя жемчужное кольцо. Госпожа Черкес не растерялась и, снимая драгоценности, разорвала нить. Котовский жемчуг поднимать не стал, улыбнулся женской находчивости и ушёл.

В 1916 году Котовскому вынесли смертный приговор. Военно-полевой суд сошёлся на том, что революции в поступках Котовского не было, осудили его как бандита-дворянина. На этот раз спасли бессарабского Робина Гуда снова женщина и писатель. О генеральше Щербаковой ничего не известно, а вот дружба между писателем Фёдоровым³⁷ и Котовским продолжалась ещё долго.

Февральская революция даровала Котовскому свободу, весной 1917 года он был условно освобождён по личному распоряжению А.Ф. Керенского. И вышел на свободу он как был «в кандалах» и сразу же отправился в оперный театр, где давали «Кармен» (кстати, сам Котовский недурно играл на корнет-а-пистоне и обожал Чайковского). Во время исполнения знаменитого дуэта дона Хозе и Кармен по публике, захваченной представлением, внезапно пробежал лёгкий шорох, шёпот, наконец гул голосов: «...Котовский, Котовский, Котовский!...». Широко распахнув двери, меж ошарашенными капельдинерами в зрительный зал действительно вошёл он сам, несколько раз раненый, несколько людей убивший, со своими гремящими кандалами в руках. В зале, да и на сцене произошло замешательство. Все почувствовали себя побеждёнными гораздо более сильным режиссером.

С кандалами в руках Котовский как ни в чём не бывало сел в первом ряду. При этом одна, когда-то им уже ограбленная дама упала в обморок. Весьма галантно Котовский привёл её в чувство. Он прекрасно понимал, что это, вероятно, для слабой женщины было «сильное переживание». А в антракте, всё так же с кандалами в руках, он отправился в фойе, где, окружённый разнообразной толпой, влез на что-то, долженствовавшее быть трибуной, и произнёс пафосную речь о свободе, о России, о себе... Слушатели были потрясены. И когда в заключение Котовский закричал мощным басом, покрывая шумы зала, что продаёт сейчас же свои кандалы в пользу родившейся русской свободы, крик его был покрыт громом аплодисментов, и кандалы в десять минут были куплены. Ножные кандалы приобрёл либеральный адвокат К. Гомберг за немалую по тем временам сумму в 3100 рублей, передав их в дар музею театра, а ручные кандалы – хозяин «Кафе Фанкони»

³⁷ Фёдоров-Давыдов Александр Александрович (1873–1936) – поэт, писатель, переводчик, издатель.

за 75 рублей, и они несколько месяцев служили рекламой кафе, красуясь на витрине. Любопытно, что во время аукциона в театре ещё совсем юный Леонид Утёсов подбадривал его репризой: «...Котовский явился, буржуй всполошился!..». 783 рубля, из вырученных за кандалы, Котовский передал в фонд помощи заключённым Одесской тюрьмы... Позднее он писал: «...Медовый месяц февральской революции. И буржуазия покупает мои кандалы...»

Где-то в Одессе Г.И. Котовский прошёл военную подготовку, а потом на Румынском фронте он «смывает кровью позор» в качестве добровольца-вольноопределяющегося 136-го Таганрогского пехотного полка 34-й дивизии. В это время шло наступление, организованное А.Ф. Керенским. Котовский сразу привлёк внимание начальства. Он самостоятельно формировал кавалерийские полки из «близких по духу» и, говорят, служил храбро. По воспоминаниям самого Котовского, он был награждён орденом Георгия 4-й степени за «выдающиеся подвиги в боях» и получил первый офицерский чин, но документов, подтверждающих эти сведения, не сохранилось.

Нужно заметить, что советская власть умела использовать людей самых разных убеждений. Большевики приветствовали всё и всех, кто мог бы способствовать их продвижению хоть на миллиметр к главной цели – мировой революции и установлению всемирного государства диктатуры пролетариата. Поэтому на службу привлекались все желающие – вплоть до уголовников и благородных разбойников.

Естественно, что пути Котовского и Советов обречены были сойтись. Летом 1917-го на румынском фронте он уже был предводителем полувольного отряда. Молодой, лихой, здоровый, любимец дам, прекрасный наездник, отличный стрелок, прекрасно владеющий клинком, Котовский легко вошёл в смычку с советской властью. И не просто вошёл, быстро стал весьма полезен и эффективен.

Когда Г.И. Котовский уже был красным комбригом, ему позавидовал другой одесский бандит – Мишка Япончик – глава еврейской бандитской группировки в Одессе. (Мишка всегда завидовал Котовскому. Ещё с бандитских времён последнего. «Миша, только лохи грабят банк в операционном зале! – поучал Япончика Котовский. – Серьёзные люди грабят банк в кабинете директора».) И решил Мишка Япончик собрать свою бригаду и тоже стать красным командиром. И собрал-таки её...

Но эту Мишкину бригаду подчинили Котовскому – сопернику Мишки по одесским налётам, что не предвещало Мишке и его бригаде ничего хорошего. Так и вышло: Котовский бросил эту

«бригаду» в самое решительное наступление на белых, в результате которого бригаду должны были полностью уничтожить. И на её костях проложить путь к победе воинству Котовского.

Но урки хотели жить. А мёртвыми героями стать они никак не хотели. И, свалив с поля боя, захватили эшелон и вернулись домой, в Одессу-маму. Но по прибытию в Одессу железнодорожники этот эшелон отогнали в дальний тупик прямо под пулемёты Котовского, из которых и расстреляли всю Мишкину банду вместе с главарём.

А Котовский со своей собственной красной конной сотней, состоящей в основном из головорезов – отпетых уголовников – по сути, бандой, продолжал «давать бой» всем. Но в основном – богатым, повсеместно грабя и убивая. Параллельно нападая на предприятия, организации и даже армейские подразделения то Румынии, то Украины (УНР), и «красных», и «белых», и «зелёных». Заводит дружбу с известными анархистами Марусей Никифоровой и Нестором Махно. Но, странное дело: официально якобы громя «банды» повстанцев и рапортуя в Москву и Петроград об убитых атаманах-главарях, на самом деле Котовский никого из «крестьянских вождей» не убил. А «армии Махно» даже дал возможность скрыться, имитируя безуспешную погоню 20 дней!

В ноябре 1917 года Котовский был ближе к анархистам или к левым эсерам, чем к большевикам, но охотно пошёл на службу к новой власти. Созданный им отряд, по существу, немногим отличался от его прежних банд. Те же грабежи и разбои, только теперь уже под знаменем мировой революции.

Котовский любил свою кавбригаду. Самолично подбирал командиров, сам среди пленных разыскивал отменных рубак. Не спрашивал «како веруеши», в кавбригаде вместе с прошедшими всю войну красными партизанами смешались белые казаки-деникинцы, шуруинцы, военнопленные мадьяры, немцы, неведомые беглые поляки и чехи. В отрядах своей бригады мародёров и дезертиров Котовский расстреливал собственноручно. Он ввёл железную разбойничью дисциплину, содержал войска в таком благочестии, что даже диву давались жители местечек, привыкшие к погромам. В своей бригаде Котовский практиковал правильную казарменную жизнь, дисциплину, обязательную гимнастику. Подбор бойцов вышел пёстр, но хорош в деле.

В Гражданскую войну грабежами и погромами в разной мере занимались все – и красные, и белые, и анархисты, и махновцы. Поэтому мирное население боялось и ненавидело любые вооружённые силы! Бороться с этой партизанщиной было практически невозможно. Хотя котовцы (а бойцы его бригады, затем дивизии,

Григорий Иванович Котовский

затем 2-го конного корпуса с гордостью называли себя именно так) считали, что отличаются от остальных в лучшую сторону: если будённовцы грабили каждый на свой карман, то котовцы никогда не забывали про «общую кассу»! По воспоминаниям, Котовский запрещал своим парням грабить крестьян, мастеровых, местечковую еврейскую и другую бедноту. А вот почистить буржуев – это было святое! Поэтому бедное крестьянство к нему относилось прекрасно – в тех случаях, когда не подвергалось грабежам.

В апреле 1919 года, после установления советской власти в Одессе, Котовский получает первую официальную советскую должность – военкома Овидиопольского военного комиссариата, и одновременно ему предлагают создать группу для подпольной работы в Бессарабии. Вскоре он получает должность командира конного отряда в 80 человек Приднестровского отряда 44-го стрелкового полка 3-й украинской советской армии, но эта боевая единица существовала только на бумаге: не было коней, и Григорий Иванович вспомнил свою конокрадскую юность, решив увести коней с соседней румынской территории. Сорок котовцев переплыли пограничную реку Днестр, в 15 километрах от границы напали на конный завод и увели 90 лучших скаковых лошадей... 3 июня 1919 года Г.И. Котовский получает свою первую крупную должность командира 2-й пехотной бригады 45-й стрелковой дивизии. Бригада состояла из трёх полков и кавалерийского дивизиона.

Куда только не бросали его бригаду – то на Украину – против генерала А.И. Деникина, то под Петроград – против генерала Н.Н. Юденича. Одно время она входила в группу И.Э. Якира. Сложная боевая обстановка в районе 44, 45 и 58-й стрелковых дивизий заставила командование 12-й армии создать из двух последних Южную группу войск, куда вошла и бригада Г.И. Котовского. В невероятно тяжёлых условиях, нанося удары петлюровцам, она совершила 400-километровый переход для соединения с частями 44-й стрелковой дивизии. Части резервной колонны под командованием Котовского и 3-й бригады вышли к Житомиру и 19 сентября 1920 года с ходу овладели городом. За геройский переход 45-я и 58-я дивизии приказом Реввоенсовета Республики были награждены Почётными революционными знамёнами, а сам Котовский – золотыми часами.

1920 год снова свёл Котовского с его «спасителем», писателем Фёдоровым на просторах Одессы. Сын писателя оказался в ЧК. Просить за белого офицера было рискованно даже для Котовского. Но Григорий Иванович требовал и требовал настойчиво. Фёдорова-младшего всё же выпустили, а Котовский заслужил оче-

редной «венец» славы. Чуть позже Котовский в очередной раз обыграл смерть, оправившись после тяжёлой контузии. Врачи боялись за интеллект, интеллект сохранился, а командир вышел из больницы уже через месяц.

31 октября 1922 года Котовский был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса – благодаря дружеской поддержке М.В. Фрунзе (с 1922 года – командующего войсками УССР и Крыма) – и занялся... бизнесом.

В Умани (Черкасская область), где находился штаб корпуса, Котовский взял в аренду сахарные заводы, контролировал торговлю мясом и снабжение Красной Армии на юго-западе УССР. Было создано военно-потребительское общество с подсобными хозяйствами и цехами: шили сапоги, одежду, одеяла... «Кооперация» корпуса Котовского устраивала грандиозные облавы на одичавших собак, которых в «гражданку» развелось бесчисленно. Пойманные псы и коты «утилизировались» мыловаренным и кожевенным заводами корпуса, изготавливались мыло, шапки и обувь. Котовский также контролировал мельницы в 23 окрестных сёлах и т. д. При его дивизиях имелись совхозы, пивоварни, мясные магазины. А хмель, который выращивался на полях Котовского в совхозе «Рей» (подсобное хозяйство 13-го кавалерийского полка), покупали купцы из Чехословакии на 1,5 млн золотых рублей в год. Одесская газета «Молва» (декабрь 1942 года) назвала Котовского «полудельцом».

В 1924 году Г.И. Котовский (поддержал М.В. Фрунзе) добился создания Молдавской Автономной Советской Республики. Он лично проводит границы этой республики, включив в неё большинство территорий с преобладающим украинским населением (молдаван в молдавской автономии было не более 40 %). Автономия нужна была самому Котовскому, который накануне записал себя в молдаване, чтобы бесконтрольно властвовать в Приднестровье.

Но окончилось всё печально. Летом 1925 года Г.И. Котовский с семьёй выехал на отдых в совхоз Чебанку. Семейство расположилось в небольшом домике, стоявшем недалеко от моря. Размеренный, непривычно спокойный ритм жизни нарушило важное сообщение, пришедшее из Москвы. Наркомвоенмор М.В. Фрунзе принял решение о назначении Котовского своим заместителем и требовал его приезда в столицу. Была и другая причина, не позволявшая более задерживаться. Супруга Котовского, Ольга Петровна, должна была скоро рожать, что беспокоило всю семью.

Вечером 6 августа, накануне отъезда Г.И. Котовский отлучился из дома в правление местного совхоза и задержался допоздна.

Темнело. Жена и сын занимались обычными домашними делами, готовясь к отъезду. Вдруг три выстрела неожиданно и страшно прозвучали в тишине. Когда жена Котовского выбежала из дома, то с ужасом в нескольких метрах от крыльца увидела Григория Ивановича, лежащего на земле лицом вниз. Сбежались соседи. Люди терялись в догадках – кто мог поднять руку на самого Котовского? Начался поиск убийцы.

Но убийца... скоро объявился сам. Причём в ту же ночь. Почти сразу после того, как Котовского внесли на веранду, появился некто Зайдер Мейер. С истерическим воплем: «Это я убил командира», – он пал на колени перед женой Котовского. Ольга Петровна его тогда выгнала. Однако утром Мейер был арестован, даже не предприняв попытки скрыться.

Одиозная фигура этого человека, или как его ещё называли, Майорчика Зайдера и факт совершённого им убийства никак не укладывались в головах современников тех событий изначальной видимостью абсурда и несовместимости понятий. И действительно, он за своё настоящее мог быть только благодарен Котовскому.

В дореволюционный период Зайдер содержал в Одессе публичный дом и довольно преуспел в этом хлопотном деле. К 1918 году он имел уже солидный капитал, но не спешил с его вложением, учитывая смутные времена. Тогда же, совершенно неожиданно судьба свела его с Котовским. Последний как-то несколько часов прятался у Зайдера от полиции, и, покидая его, пообещал отплатить добром за услугу. И этот случай скоро представился.

После закрытия в 1920 году публичного дома Зайдер обратился за помощью к Котовскому, и тот сдержал своё слово. В 1922 году бывший хозяин публичного дома стал начальником сахарного завода близ Умани. Предприятие имело прямое отношение к кавалерийскому корпусу Котовского, которому было поручено его восстановление. Не лишённый коммерческих способностей Майорчик Зайдер помогал Котовскому налаживать быт кавалерийского корпуса. Безоблачное сотрудничество этих людей продолжалось вплоть до злополучного августа 1925 года, когда директор сахарного завода на машине Котовского, вызванной им перед отъездом, появился в Чебанке. И здесь прозвучали роковые выстрелы.

Суд состоялся через год. Это был странный процесс. Зайдер объяснил причину убийства Котовского якобы отказом последнего в продвижении его по службе (?). Странно, но суд удовлетворил версию как основную.

По мнению вдовы Григория Ивановича, Зайдеру в отсутствии доказательств прокуратурой настойчиво инкриминировалась связь

с румынской контрразведкой. Наконец, любопытная и существенная, на наш взгляд, деталь. Зайдер был приговорён к... всего 10 годам тюремного заключения, тогда как уголовник, судимый в то же время и в том же здании за ограбление зубного техника, – к расстрелу.

Дальше стали происходить ещё более интересные события. Через два года Зайдер был выпущен из тюрьмы и благополучно устроился на работу сцепщиком железнодорожной станции. К слову, и в течение двух лет заключения он не испытывал неудобства. Практически безграмотный, Зайдер был назначен заведующим тюремным клубом, имел возможность свободно выходить в город. Всё это наводило на размышления известного свойства не только у родственников Г.И. Котовского. И вскоре они получают дополнительную информацию.

Осенью 1930 года жену Григория Ивановича посетили трое сослуживцев мужа. Они информировали её о вынесении «котовцами» смертного приговора вышедшему на свободу Зайдеру. Ольга Николаевна была категорически против такого решения. Оказалось всё напрасно. Зайдер был найден мёртвым на полотне железной дороги недалеко от Харьковского вокзала. Явно кто-то заметал следы. В то же время слухи, порочащие память Котовского (убийство на почве ревности), со временем как-то незаметно стали обретать официоз.

М.В. Фрунзе был потрясён смертью Г.И. Котовского – это стало для него шоком. «...Сегодня мной получено донесение о смерти Котовского, – писал он в телеграмме 2-му кавкорпусу. – Выбыл лучший командир Красной Армией. Погиб бессмысленной смертью...» Однако именно тогда появились первые осторожные замечания, что устранение Котовского стало первым политическим убийством в Советском Союзе. В этой ситуации Фрунзе почувствовал себя не защищённым от набиравшей костоломные обороты государственной машины. Шла жестокая, беспощадная, бескомпромиссная борьба за власть на её Олимпе. Через два месяца после убийства Котовского на операционном столе при не менее загадочных обстоятельствах скончался и сам Михаил Васильевич Фрунзе.

Так или иначе, убийство красного командира породило уйму слухов, не заслоняя, тем не менее, посмертную удачливость «Гришки Кота» – 11 августа 1925 года у него родилась дочь³⁸.

³⁸ См.: *Веллер М.* Робин Гуд или бандит? Каким же был реальный Григорий Котовский // Аргументы и факты. – 10.03.2010; *Раззаков Ф.И.* Бандиты эпохи социализма. 1917–1991. – М., 1994.

КРЫЛЕНКО **Николай Васильевич** **(1885–1938)**

Последний главком армии царской России Николай Васильевич Крыленко создавал советскую юстицию, развивал шахматы, а в итоге пал жертвой борьбы за власть.

В истории отечественной армии был эпизод, когда должность Верховного главнокомандующего занимал человек в звании прапорщика. Произошло это сразу после Октябрьской революции, и по сей день этот факт трактуется некоторыми историками как пример вопиющего большевистского непрофессионализма – вот, мол, кухарка в руководителях государства, прапорщик – в командующих армией.

Самое любопытное, что Н.В. Крыленко, тот самый главнокомандующий в звании прапорщика, считал себя простым солдатом, а не офицером, а занимая высокую должность, вовсе не планировал организовывать масштабные битвы. Несмотря на то, что выражение «прапорщик Крыленко» в работах историков, критически настроенных по отношению к советской власти, получило презрительный оттенок, став почти нарицательным, сам Крыленко был талантливым человеком с весьма непростой судьбой.

Он родился 14 мая 1885 года на Смоленщине в семье ссыльного революционера. Василий Крыленко, сотрудничавший с оппозиционной прессой, за свою деятельность не был обласкаан властями и перебрался с семьей на окраину империи, в польский Люблин, где смог получить должность акцизного чиновника. Неудивительно, что в семье революционера и дети выросли революционерами.

Н.В. Крыленко приобщился к антиправительственной деятельности после окончания гимназии, во время учёбы на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В декабре 1904 года 19-летний Крыленко становится членом партии большевиков. Почти сразу он зарекомендовал себя как блестящий оратор, способный увлечь за собой массы. Оценили эти

заслуги и представители царской охранки, внимательно наблюдавшие за его революционной деятельностью.

В 1906 году Крыленко, одному из самых ярких большевистских агитаторов в период Первой русской революции, пришлось перейти на нелегальное положение. Однако в 1907 году он всё-таки попал в руки властей и предстал перед военно-полевым судом по обвинению в участии в военной организации. Но ему повезло – из 19 подсудимых трое были оправданы, и одним из счастливицов оказался именно Крыленко. В декабре 1907 года революционного студента-недоучку выслали домой, в Люблин.

Поражение Первой русской революции серьезно повлияло на Крыленко. Он отошел от политической деятельности, в 1909 году сдал экзамены, получив диплом об окончании университета, и занялся преподаванием в частных польских школах. Однако в 1911 году он вновь вернулся к оппозиционной деятельности, стал сотрудничать с большевистскими изданиями «Звезда» и «Правда».

В декабре 1913 года Н.В. Крыленко, прикомандированный к фракции социал-демократов в Госдуме, за свою деятельность был арестован и выслан из Петербурга в Харьков. Эта ссылка не прошла для него даром – он экстерном закончил юридический факультет Харьковского университета.

В июле 1914 года Н.В. Крыленко эмигрировал за границу, откуда через год вернулся для ведения нелегальной работы в Москве. В конце 1915 года он был арестован и как офицер, уклоняющийся от службы, отправлен в харьковскую тюрьму (офицерское звание полагалось Крыленко как призывнику с высшим образованием). Русская армия несла тяжёлые потери на фронтах Первой мировой войны и остро нуждалась в замене выбитого офицерского состава. В этих условиях не пренебрегали даже теми, чьи оппозиционные взгляды были очевидны.

В апреле 1916 года Крыленко прямо из тюрьмы отправили в действующую армию, снабдив предписанием командованию не допускать революционной агитации с его стороны. Офицеру службы связи 13-го Финляндского стрелкового полка 11-й армии Юго-Западного фронта Н.В. Крыленко было присвоено звание прапорщика. Сам Крыленко к этой службе и тем более к званию относился весьма скептически, считая себя человеком сугубо гражданского.

Несмотря на усилия командования, Н.В. Крыленко вёл большевистскую агитацию в войсках, которая стала ещё более широкой после Февральской революции. Он стремительно становится председателем полкового, дивизионного комитетов, затем открывает съезд солдатских депутатов 11-й армии, после чего возглав-

ляет армейский комитет. В мае 1917 года он становится делегатом общearмейского съезда фронтовиков, а затем делегатом 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

К лету 1917 года Крыленко – один из самых влиятельных большевиков в армейской среде. После противостояния между Временным правительством и большевиками в июле 1917 года он был арестован, однако в сентябре освобожден, после чего вошёл в число организаторов большевистского вооружённого восстания в Петрограде.

В состав первого советского правительства Крыленко вошёл в качестве члена Комитета по делам военным и морским, а 12 ноября он был назначен Верховным главнокомандующим.

В задачу Крыленко не входило ведение войны: первым же приказом он начал реализацию большевистского Декрета о мире, приказав всем частям прекратить сопротивление и самостоятельно начать переговоры с немцами.

Крыленко необходимо было установить контроль над Ставкой главнокомандующего, дабы не допустить использования фронтовых частей против большевиков. 20 ноября он прибыл в расположение Ставки в Могилёв, чтобы принять командование у генерала Н.Н. Духонина. Генерал, не ждавший от этой встречи ничего хорошего, накануне выпустил из-под ареста содержащихся в Быкове участников Корниловского мятежа. Прибывший для встречи вновь назначенного главнокомандующего генерал Духонин оказался в руках разъярённых солдат и матросов, которые растерзали его на глазах у Крыленко.

На посту Верховного главнокомандующего Крыленко фактически занимался процессом ликвидации царской армии, одновременно участвуя в переговорах о мире с немцами. После заключения в марте 1918 года Брестского мира Крыленко ушёл в отставку, поскольку отлично понимал, что для создания новой, революционной армии он не подходит.

Дальнейшая деятельность Н.В. Крыленко была напрямую связана с его юридическим образованием. В марте 1918 года он становится членом коллегии наркомата юстиции, а в марте того же года возглавляет Революционный трибунал.

Крыленко стал одним из родоначальников советской юстиции со всеми её плюсами и минусами. Он занимал посты народного комиссара юстиции и прокурора РСФСР, выступал в качестве обвинителя по ряду дел, связанных с кулацкими мятежами, деятельностью эсеров и контрреволюционеров. Крыленко написал свыше сотни научных работ по юриспруденции, получил в 1934 году степень доктора государственных и правовых наук. Он под-

держивал обвинения на самых громких судебных процессах конца 1920-х – начала 1930-х годов, таких как «Шахтинское дело» (1928), процесс «Промпартии» (1930), «Процесс Союзного Бюро Меншевиков» (1931).

Удивительно, но отложив «карающий меч революции», Н.В. Крыленко с не меньшей страстью занимался совсем иными вещами. Именно Крыленко стал организатором и родоначальником спортивного альпинизма в СССР, в 1929 году инициировав создание горной секции при Обществе пролетарского туризма и экскурсий. В 1935 году Крыленко стал первым в стране заслуженным мастером альпинизма. Причем он не был «свадебным генералом», лично участвовал в экспедициях и покорял вершины. Именно Крыленко организовал первые советские альпинистские экспедиции на вершины Памира, добился государственного признания альпинизма в СССР.

Кроме того, Крыленко увлекался шахматами и здесь также успел сделать немало: встав во главе шахматной организации СССР, он добился проведения в Москве трёх международных шахматных турниров с участием лучших шахматистов планеты в 1925, 1935 и 1936 годах. Сам Крыленко в течение четырнадцати лет был редактором шахматного журнала и много сделал для популяризации шахмат в СССР. В том, что советская шахматная школа во второй половине XX века практически безраздельно властвовала в мире, огромная заслуга Н.В. Крыленко.

Но в середине 1930-х Крыленко вступил в смертельно опасную «шахматную партию» с другим видным деятелем советской юстиции – А.Я. Вышинским. Противоборство наркома юстиции СССР Крыленко и прокурора СССР Вышинского достигло пика в 1937 году, в начале эпохи «Большого террора», апологетами которого выступали оба. Извечная борьба властных мужей в конце 1930-х в СССР приняла характер не шахмат, а чатуранги – игры со схожими правилами, но нацеленной на полное уничтожение фигур противника.

В 1938 году на сессии Верховного Совета СССР Н.В. Крыленко подвергли жёсткой критике, упрекнув в чрезмерном увлечении альпинизмом в ущерб прямым обязанностям. Этот разнос был началом конца. Вместе с Крыленко под репрессии, инициированные Вышинским, попали все сторонники низверженного наркома. Крыленко был снят со всех постов, исключён из ВКП(б) и арестован. Расстрелян 29 июля 1938 года и захоронен на полигоне «Коммунарка». В 1956 году он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Советский военачальник, участник Октябрьской революции В.Е. Васильев так вспоминал о Крыленко:

«...Вообще о шахматах, как и об альпинизме, заслуженный мастер спорта Крыленко мог говорить ночи напролет.

Я не переставал удивляться этому человеку. Профессиональный революционер, прапорщик царской армии, первый красный Главковерх (верховный главнокомандующий), выдающийся юрист, прокурор республики, нарком юстиции, остро чувствующий фальшь, непримиримый к врагам революции и почти всегда безошибочно понимающий, с чем пришел к нему человек, – с правдой или обманом. Блестящий публицист, талантливый трибун, автор ряда серьезных трудов по праву, по истории Октября, гражданской войны. И охотник, неутомимый путешественник, отличный ходок и лыжник (“лучший воскресный отдых – пройти на лыжах с компасом 50–60 километров”), один из первых советских альпинистов, отличный шахматист.

И во всем – блестящий организатор. Если туризм – то для всех (Крыленко долгие годы руководил Всесоюзным обществом пролетарского туризма). Если альпинизм – то массовый. “...Горы коварны, опасны, но, – говорил Николай Васильевич, – человек может покорить их, если не будет отступать перед трудностями... Постоянный тренаж ума, ловкости, храбрости. Чем не школа для будущих воинов, красных командиров?..”

Так же горячо он пропагандировал любимые шахматы. Председатель Всесоюзной шахматной секции, организатор и редактор шахматного журнала. Шахматы, в значительной степени благодаря Н.В. Крыленко, стали в те годы чрезвычайно популярными и в армии.

В любом армейском клубе – секции любителей шахмат и крыленковские лозунги: “Дорогу шахматам”, “Шахматы в массы”. Он горячо мечтал о том времени, когда шахматы появятся в каждом советском доме, когда в этой древнейшей игре будут оттачивать свой ум, выдержку, волю рабочий и полководец, красноармеец и дипломат, рабфаковец и государственный деятель. Не раз наблюдал я Крыленко на охоте в лесах Подмосковья и на Кубани – в заказнике Старое жилище. Ходили мы с ним на кабана, на медведя. И охоте он отдавался с таким же знанием дела, с такой же страстью.

Токование глухарей, вспыхнувшее розовым крыло лебедя, четкий силуэт архара на горном утесе – от всего этого он получал огромное наслаждение.

Человек открытый, Николай Васильевич не прятал своих симпатий и антипатий. Ненавидел лицемерие, нравственную нечистоплотность; предельно скромный, не терпел землячества, заносчивости, комчанства.

Высокая принципиальность, требовательность к себе в другом сочетались в Н.В. Крыленко с огромной человеческой теплотой, отзывчивостью.

Я знал немало людей, которые многим были обязаны ему. И не по принципу услуга за услугу. Просто он считал своим долгом, счастьем помочь человеку в беде без всякой корысти для себя. Крыленко не раз говорил, что в борьбе за нового человека суровая требовательность к самому себе должна сочетаться с человеческим, чутким отношением к другим...»

КУТЯКОВ

Иван Семёнович **(1897–1938)**

Иван Семёнович Кутяков родился в крестьянской семье. Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер. С мая 1917 года – член РСДРП(б), являлся делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов.

В начале 1918 года И.С. Кутяков организовал в Новозахаркинской волости Николаевского уезда отряд Красной гвардии в 200 человек, с которым в мае вступил в Разинский полк бригады В.И. Чапаева. Оказавшись на фронте, отважно воевал. Личная храбрость выдвинула Кутякова в командиры сначала отряда, затем бригады. Всего за два месяца боев с белоказаками он прошёл путь от командира взвода пешей разведки до командира полка. В конце сентября 1918 года Кутяков был назначен исполняющим обязанности командира (с 10 октября – командиром) 73-й бригады, которая затем вошла в 25-ю чапаевскую дивизию. Отличился в Бузулукской, Бугурусланской, Белебеевской операциях, при разгроме знаменитой Ижевской бригады колчаковцев. Как командир бригады в 25-й стрелковой дивизии участвовал во всех её операциях, в том числе при освобождении Самары, Уфы, Уральска. За проявленные при освобождении Уфы воинские умения и личную

храбрость вместе с В.И. Чапаевым был награжден Орденом Красного знамени.

В сложнейшей боевой обстановке после гибели В.И. Чапаева И.С. Кутяков принял овеванную славой дивизию, причем штаб ее был разгромлен белоказаками под Лбищенской, фронт неимоверно растянут, фланги открыты, а в тылу оставались крупные силы врага. И вновь 22-летний комдив демонстрировал незаурядные командные способности и безграничную отвагу. Вскоре войска под его командованием окончательно разбили белоказачью армию и взяли Гурьев. Уральский фронт был ликвидирован, за что Кутяков был награжден Почётным революционным оружием (шашкой со знаком Ордена Красного знамени – подобно золотому Георгиевскому оружию).

В 1920 году вместе с дивизией Кутяков был переброшен на Западный фронт. Командуя весной 1920 года 25-й дивизией в боях с белополяками под Киевом, при форсировании Днепра и прорыве в тыл противника, он добился новых побед и успехов, за которые был награжден вторым Орденом Красного знамени.

После Гражданской войны И.С. Кутяков учился в Военной академии РККА. После окончания академии с августа 1923 года – командир 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, одновременно – командующий Хорезмской группой войск Туркестанского фронта. За бои с басмачами награжден Орденом Красного Знамени в третий раз. Также был награжден орденом Красного Знамени Хорезмской республики. После образования Советского Союза ордена Красного Знамени республик, вошедших в состав СССР, приравнивались к общесоюзному. Таким образом, Кутяков был награжден четырьмя орденами Красного Знамени и Почётным революционным оружием РВС, также приравненным к ордену.

С мая 1924 года – командир 25-й Кременчугской стрелковой дивизии, с августа 1924 года – командир 3-й Казанской стрелковой дивизии. С января 1925 года – помощник командира 6-го стрелкового корпуса. С ноября 1927 года по август 1928 года – командир 5-й Витебской стрелковой дивизии.

В 1928 году И.С. Кутяков окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии РККА. С мая 1928 года до ноября 1930 года – командир 4-го стрелкового корпуса. В 1930–1931 годах учился на Курсах командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева.

С апреля 1931-го по декабрь 1935 года – командир 2-го стрелкового корпуса. С декабря 1935 года – заместитель командующего войсками Приволжского военного округа (командующий – П.Е. Ды-

бенко). 20 ноября 1935 года Кутякову было присвоено звание комкор. И.С. Кутяков был членом ЦИК СССР и ВЦИК, входил в состав Военного совета при Наркоме обороны СССР.

Вспомним эпизод из фильма «Чапаев», где Василий Иванович на подручных предметах – клубнях картофеля – доходчиво объясняет комбригу Елане «где должен быть командир в бою?» и поучает: «...должен быть там, откуда ему легче оценить ситуацию в целом, откуда лучше руководить бригадой...»

Чапаев сердится на Еланю потому, что тот, по его мнению, нужно или ненужно, скачет впереди пехотной цепи. Василий Иванович боится, что «пуля-дура» лишит его не только близкого друга, но и лучшего комбрига дивизии, умного, отважного, беспрдельно преданного Советской власти бойца...

Так вот, Еланя – это не кто иной, как прообраз настоящего комбрига Чапаевской дивизии Ивана Семёновича Кутякова. Под таким именем вывел его Фурманов в своем романе, затем это имя перешло и в фильм...

15 мая 1937 года заместитель командующего Приволжским военным округом комкор И.С. Кутяков был арестован. Целый месяц арестованный Кутяков не давал никаких показаний. Затем появились его собственноручные показания, в которых он признавал, что входил в «группу Седякина – Ковтюха», которые были недовольны К.Е. Ворошиловым за то, что тот их «затирал». В числе недовольных он называл и комкора М.Д. Великанова. Далее Кутяков показал, что и сам он враждебно относился к наркому обороны Ворошилову и считал, что тот не справляется с работой. Подрывал его авторитет. Высказывал свое отношение к Ворошилову близким людям (Е.И. Ковтюху, А.И. Седякину), а в пьяном виде допускал мат...

Спустя еще месяц допросов Кутяков воспроизвел следователям свой разговор с комкором Б.М. Фельдманом, от которого, якобы, узнал о наличии в РККА целой группы лиц высшего начсостава, недовольных Ворошиловым и борющихся за смену руководства Наркомата.

Из материалов реабилитации И.С. Кутякова известно, что при аресте у него, наряду с другими документами и наградами, был изъят личный дневник, который он вел в течение нескольких лет. В нем Кутяков неоднократно допускал резкие выпады против вождей партии и правительства, руководства Красной Армии и лично против наркома К.Е. Ворошилова. В этом дневнике также нашли отражение мысли и мнения Кутякова, часто негативного плана, которые он поведал бумаге после заседаний Военного совета при наркоме обороны, а также после сессий ВЦИК, членом которых он состоял до дня своего ареста. Его резкие выступления

в этих органах, принципиальная критика имеющихся недостатков не раз вызывали недовольство у Ворошилова, являясь поводом для ответной критики и соответствующих «оргвыводов».

Читаем рассекреченное обвинительное заключение по делу И.С. Кутянова:

«...В совершении преступлений, предусмотренных ст. 58 п. 1 “Б” (измена Родине, совершенная военнослужащим), п. 8 (теракт), п. 11 (участие в контрреволюционных организациях), Кутяков И.С. изобличается приобщенным к делу вещественным доказательством – дневником...»

Такое редко встречалось в делах тех лет. Вещественное доказательство – дневник! Надо же. Куда уж объективнее, достовернее... Это не «собственноручные показания», написанные или составленные арестованным в камере, после «внужительной беседы»... Это писалось автором наверняка без чьего-либо давления, принуждения, от души, искренне. В этом и была бесспорная подлинность и искренность записанных признаний...

Объективности ради надо также признать, что «затертым» мнил себя не один только Кутяков. Были недовольны своим прохождением службы также комкоры М.Д. Великанов, Е.И. Ковтюх, В.М. Примаков, Л.Я. Угрюмов, К.А. Чайковский, комдив М.Г. Ефремов и другие. Свидетельствует комдив М.М. Ольшанский, заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА:

«Помню, во время пленума РВС СССР в 1934 году Кутяков, Ефремов (командир XII корпуса) и Ковтюх – армейский инспектор БВО (на самом деле Ковтюх в это время был командиром XI стрелкового корпуса. – В.М.), сидя в кулуарах, вели какой-то разговор. Проходя мимо, я спросил: “Что это вы тут устроили особую фракцию?”, на что Кутяков ответил: “Знаешь, мы, старые боевые командиры, теперь не в почете...”»

Сказанное дополним еще несколькими штрихами, существенно дополняющими характеристику взаимоотношений И.С. Кутякова с К.Е. Ворошиловым и И.В. Сталиным. Кутяков был не лишен писательского дара и помимо книг о Чапаеве и чапаевцах в 1935 году написал еще одну, озаглавив её «Киевские Канны», где, подробно разбирая операции Юго-Западного фронта против белополяков, вскрыл существенные недостатки в управлении войсками со стороны командования фронта и Первой Конной армии, то есть со стороны Сталина, Егорова, Ворошилова, Будённого. В книге Кутяковым дана объективная оценка боевых действий этого фронта, за что он не замедлил подвергнуться травле.

Как оценил эту книгу И.В. Сталин, известно из его выступления на заседании Военного совета при наркомате обороны в начале июня 1937 года. Он, зная об аресте автора, подверг книгу жесто-

чайшей критике, сославшись при этом на мнение военных ученых. А вспомнил Сталин о Кутякове тогда, когда заговорил о необходимости усиления контроля за военной прессой:

«...Я не знаю, хороший ли он или плохой, но что он путанный, это я знал. Я ему написал, что это дело не выйдет, не годится... Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем второе письмо – затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны... “Киевские Канны” о 1920 году. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят дрянная. Климас спросил – дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука. Воспеваает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить конную армию, которая там решала дело тогда... Что он свою 25-ю дивизию восхвалял, ну, бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно, что он в грязь растоптал наше командование, что он конную армию хочет развенчать – это неправильно...»

Защитить как свое честное имя, так и родное детище, критикуемое Сталиным в самой оскорбительной форме, Иван Семёнович Кутяков не мог по не зависящим от него обстоятельствам: в середине мая 1937 года он уже был арестован в Куйбышеве.

Предчувствие надвигающейся расправы не покидало Кутякова с 1936 года. Так, он помечал в своем дневнике:

«26 октября 1936 г. Самара. Мои “Канны 1920 г.” есть петля на моей шее, они загубят при первом удобном случае. Значит к этому нужно быть готовым... 12 марта 1937 г. Вождь не дает ответа уже на третье письмо. Неужели ему клеветают на меня, и он верит. Если так, тогда он не вождь... 15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока “железный” (Ворошилов. – В.М.) будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться. «Канны» написаны моей кровью, потом и всем сердцем, несмотря на это, они мне как в прошлом, так и теперь, кроме страшного несчастья, ничего не дали и не дают. Одно меня успокаивает, это то, что в будущем, может быть даже далеко, они увековечат мое доброе имя... 20 апреля 1937 г. Вот и терпи теперь, если хочешь есть раз в сутки щи. Не хочешь? В твоём распоряжении четыре револьвера, нажми курок и конец: земля – пыль – ветер и все...»

Последние строки были написаны Кутяковым ровно за два месяца до его ареста. Предчувствия не обманули опального комкора. Поплатился за свою положительную рецензию на «Киевские Канны» (в виде предисловия) и другой видный советский военачальник – командарм 2-го ранга А.И. Седякин. Он высоко оценил

книгу Кутякова, назвав ее правдивой и поучительной, чем вызвал нескрываемый гнев Сталина. В своем выступлении 2 июня вождь поспешил объявить это предисловие сомнительным и даже подозрительным, а его автора – близоруким в политическом и военном отношении.

В ходе следствия И.С. Кутякова не включили в одну группу подсудимых вместе с М.Н. Тухачевским. Его судили отдельно, но тоже как участника военно-фашистского заговора. Ему не могли простить выражение личной неприязни к вождю, к наркомату обороны, его «Киевские Канны» и намерение иначе оценить действия Первой Конной армии.

28 июля 1938 года И.С. Кутяков был расстрелян. Однако, по свидетельству директора дома-музея В.И. Чапаева в городе Пугачевск Саратовской области Т.И. Трапезниковой, в фондах дома-музея хранятся документы, в которых сообщается, что на самом деле Кутяков умер 23 сентября 1942 года в возрасте 45 лет в тюрьме города Орска.

И.С. Кутяков был реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР 15 марта 1956 года. Его сын, Владимир Иванович, отказался отречься от отца, за что был исключен из Ленинградского высшего военно-морского училища. Он воевал, работал на инженерных должностях, создал хорошую семью. Умер в Самаре в 1968 году. С его смертью оборвались родственные связи с краснореченской ветвью знаменитой фамилии. Судьба других прямых потомков И.С. Кутякова неизвестна.

ЛАЗО **Сергей Георгиевич** **(1894–1920)**

Сергей Георгиевич Лазо родился в селе Пятры (Кишиневской губернии, ныне село Лазо Оргеевского района). Учился в 1-й Кишиневской гимназии, затем в Петербургском технологическом

институте; в 1914 году перешел на физико-математический факультет Московского университета. В июне 1916 года был мобилизован в армию и направлен в Алексеевское военное училище в Москве. В декабре 1916 года в чине прапорщика назначен в 15-й Сибирский запасной пехотный полк в Красноярск; здесь сблизился с политическими ссыльными, вел революционную работу среди солдат. После Февральской революции был избран членом полкового комитета. В марте 1917 года во время первого пленума Красноярского совета Лазо привел свою роту в распоряжение Совета; был избран председателем солдатской секции Совета.

В декабре 1917 года С.Г. Лазо участвовал в ликвидации контрреволюционного мятежа в Иркутске, затем стал военным комендантом Иркутска. С начала 1918 года – член Центросибири, с февраля – командующий Забайкальским фронтом. Под руководством Лазо были разгромлены белогвардейские части Г.М. Семёнова. С осени 1918 года – член подпольного Дальневосточного областного комитета РКП(б) во Владивостоке.

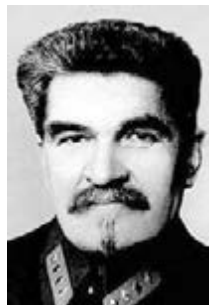
Весной 1919 года С.Г. Лазо был назначен командующим партизанскими отрядами Приморья. С декабря 1919-го – начальник военно-революционного штаба по подготовке восстания в Приморье. В ночь на 31 января 1920 года белогвардейская власть в Приморье была свергнута. Лазо был назначен членом РВС и членом Дальбюро ЦК РКП(б); провел большую работу по организации революционной армии.

4–5 апреля 1920 года японские интервенты захватили власть во Владивостоке и арестовали членов РВС. В конце мая С.Г. Лазо и других членов РВС японские интервенты вывезли на станцию Муравьево-Амурская (ныне станция Лазо) и после пыток белогвардейцы сожгли их в паровозной топке³⁹.

³⁹ Лазо Сергей Георгиевич // Советская историческая энциклопедия. – Т. 8. – М., 1965. – С. 379.

ЛЕБЕДЕВ

Павел Павлович
(1872–1933)

Павел Павлович Лебедев родился 3 мая 1872 года в Чебоксарах Казанской губернии в семье бедных дворян. С 12 лет учился за казённый счёт в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, по окончании которого стал юнкером московского Александровского военного училища. Окончил учёбу в 1892 году, в звании подпоручика был направлен в лейб-гвардии Московский полк.

В 1897 году поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил с отличием в 1900 году. Произведён в штабс-капитаны и причислен к Генеральному штабу. Благодаря своим способностям сделал блестящую карьеру, к 1914 году являлся уже полковником и занимал должность начальника 12-го Управления Генерального штаба.

В годы Первой мировой войны П.П. Лебедев – начальник оперативного отдела генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба 3-й армии, генерал для поручений при ГК армиями Юго-Западного фронта, помощник генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта. На фронте был ранен. В 1915 году произведён в генерал-майоры. В декабре 1917 года уволен в отставку и переехал к своей семье в Ейск.

В 1918 году П.П. Лебедев отказался примкнуть к Белому движению и по личному приглашению В.И. Ленина добровольно вступил в Красную Армию, занимал должности начальника Мобилизационного управления Всероссийского Главного штаба (1918–1919), начальника штаба (апрель–июль 1919 года) и командующего (июль 1919 года) Восточным фронтом, начальника Полевого штаба Республики и Штаба РККА (1919–1924), одновременно (с марта 1923-го до февраля 1924 года) являлся членом РВС СССР.

Из ответа членов Политбюро ЦК РКП(б) на письмо Л.Д. Троцкого от 8 октября 1923 года: «...основная работа в Реввоенсовете

находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящих из Главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева. Эта группа – очень добросовестные, трудолюбивые и знающие дело работники...»

П.П. Лебедев участвовал в разработке и проведении операций по разгрому войск А.В. Колчака, А.И. Деникина и Н.Н. Юденича, считался одним из творцов Орловско-Курской операции 1919 года, в ходе которой было остановлено наступление Деникина на Москву.

В 1922–1924 годах П.П. Лебедев по совместительству выполнял обязанности начальника Военной академии. В 1924–1925 годах состоял для особо важных поручений при РВС СССР.

Во время Гражданской войны, да и в последующие годы Лебедев работал в крайне напряженном графике – без выходных, домой приезжал к четырём часам утра, чем серьезно подорвал свое здоровье. Скончался генерал Лебедев в Харькове в 1933 году, будучи начальником штаба Украинского военного округа, командующим которого был командарм 1-го ранга И.Э. Якир.

Казалось бы, генерал П.П. Лебедев скончался за несколько лет до сталинской чистки, приведшей к казни большинства высших командиров РККА, и его имя должно быть среди прославленных полководцев Гражданской войны, наряду с М.В. Фрунзе, С.М. Будённым, К.Е. Ворошиловым, В.И. Чапаевым, Н.А. Щорсом и другими. Однако негласно Лебедев из-за службы непосредственно под командованием Л.Д. Троцкого посмертно был причислен к группе высших советских военачальников, обвиненных в организации военного заговора с целью захвата власти.

Старший брат генерала П.П. Лебедева также генерал царской армии Сергей Павлович Лебедев погиб в боях в 1919 году, участвуя в Гражданской войне на стороне белых.

МАТИЯСЕВИЧ **Михаил Степанович** **(1878–1941)**

Михаил Степанович Матиясевич – сын майора, уроженец Смоленска. Из дворян Могилевской губернии. Образование получил в Ярославской военной школе. Определен на службу в 54-й пехотный Минский полк рядовым на правах вольноопределяющегося. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Переведен в 3-й пехотный Нарвский полк (1897). Поручик (1902).

Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. В 1904 году в боях на реке Шахэ М.С. Матиясевич был ранен в обе руки, два раза в грудь, ранен и контужен в голову четырьмя ружейными и одной шрапнельной пулями. Никто из врачей не верил, что молодой офицер выживет. По особому распоряжению Николая II после длительного лечения он был откомандирован курсовым офицером в Виленское военное училище – для назидания молодому поколению как образец чести, храбрости, героизма, стойкости и выдержки русского офицера. За этот бой под Ляояном на реке Шахэ он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За Храбрость».

Штабс-капитан (1905). Откомандирован в 220-й пехотный резервный Елифанский полк (1906). Переведен в 3-й пехотный Нарвский полк (1906). В 1910–1912 годах служил в Виленском военном училище. Капитан (1913).

С началом Первой мировой войны М.С. Матиясевич переведен в 4-й пехотный Копорский полк. Командовал ротой, батальоном на Западном и Северном фронтах. Еще 4 раза был ранен. В 1916 году произведен в чин полковника. В 1917-м командовал пехотным Сандомирским полком, пехотной дивизией, армейским корпусом (5-я армия, Северный фронт).

В феврале 1918 года М.С. Матиясевич демобилизован, но уже в апреле вступил в ряды РККА. Командовал бригадой 1-й Смоленской пехотной дивизии, а позже и всей дивизией.

С сентября 1918 года М.С. Матиясевич – командующий правой группы 5-й армии. За взятие Бутульмы группа войск Матиясевича

Михаил Степанович Матиясевич

получила благодарность от РВС 5-й армии. Осенью 1918 года правая группа войск была преобразована в 26-ю стрелковую дивизию, а Матиясевич был назначен ее начальником. Командовал дивизией при взятии Уфы и в оборонительных боях весной 1919 года. В апреле 1919-го получил отпуск по болезни. С июля по сентябрь 1919 года возглавлял 7-ю армию Западного фронта, отбрасывавшую от Петрограда войска генерала Н.Н. Юденича. Командовал 3-й армией Восточного фронта с октября 1919-го по январь 1920 года, участвовал в боях за Омск. После взятия Омска 3-я армия была расформирована.

В 1920–1921 годах М.С. Матиясевич командовал 5-й армией, разбившей остатки войск А.В. Колчака, а также Азиатскую дивизию барона Р.Ф. Унгерна. С ноября 1921 года – начальник Казанской военной школы, с которой в 1922 году переехал в Киев. В 1922–1924 годах – начальник Высшей объединенной военной школы имени С.С. Каменева.

В начале 1924 года М.С. Матиясевич вышел в отставку по болезни (персональный пенсионер). Проживал в Киеве. В 1925-м подал в ГУВУЗ рапорт о принятии на службу, но получил отказ. Читал лекции в Киевском институте Народного Образования (1926–1930). В 1929 году окончил Курсы совершенствования Высшего состава.

В январе 1931 года бывшего полковника М.С. Матиясевича задержали по абсурдному обвинению в участии в контрреволюционной офицерской организации. В то время арестовывали всех бывших генералов и офицеров русской армии – независимо от их заслуг перед большевизмом. Естественно, Михаил Степанович отрицал предъявленное ему чудовищное обвинение, но следователи настаивали на своем и, к тому же, применяли пытки: «стойку» (положение стоя без сна, с руками по швам, на протяжении многих суток), «стульчак» (сидя на корточках до потери сознания) и т. д. Но Матиясевич не признал себя виновным.

Несмотря на революционные заслуги, одного из первых красных командармов так и не пощадили. Ему дали 10 лет лагерей. Жена Матиясевича, Мария Степановна, два года обивала пороги кремлевских вождей, пока выдающегося советского военачальника не освободили из заключения. Но в 1937-м его вновь арестовали – по старому обвинению. Матиясевич опять ни в чем не признался. Тем не менее за решеткой ему пришлось провести еще более двух лет. Лишь в 1940 году его выпустили – «за отсутствием состава преступления».

М.С. Матиясевич умер в Киеве в начале Великой Отечественной войны на руках у жены. Один из его сыновей погиб на фронте.

Могила М.С. Матиясевича

Второй, Алексей Матиясевич, стал подводником. Нынешние потомки Михаила Степановича – также весьма известные в России ученые. Могила М.С. Матиясевича на Лукьяновском кладбище всегда ухожена.

МЕЖЕНИНОВ

Сергей Александрович

(1890–1937)

Сергей Александрович Меженинов родился в январе 1890 года в городе Кашира Московской губернии в дворянской семье. В 1908 году окончил 2-й Московский кадетский корпус, а в 1910-м – Казанское военное училище. Из училища был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Литовский полк. В августе 1913 года поступил в Николаевскую военную академию, но не окончил ее ввиду начавшейся войны.

С ноября 1914 года С.А. Меженинов – командир роты 3-го лейб-гвардии Литовского полка. В январе – июле 1915 года – адъютант этого полка. С июля 1915-го – обер-офицер для поручений при штабе 37-го армейского корпуса.

В октябре 1916 года С.А. Меженинов был отправлен на учебу в Киевскую школу летчиков-наблюдателей. Принимал участие в боевых действиях 17-го и 23-го авиационных отрядов. В январе 1917 года Меженинов командирует в Николаевскую военную академию, ускоренный курс которой окончил в сентябре того же года. Некоторое время исполнял обязанности обер-офицера и штаб-офицера для поручений при штабах 13-го и 27-го армейских корпусов. За боевые отличия награжден пятью орденами. Последний чин в старой армии – капитан. В декабре 1917 года убыл в распоряжение коменданта Курска на должность железнодорожного агента. В феврале 1918 года выдержал экзамен на должность начальника железнодорожной станции.

В августе 1918 года С.А. Меженинов был мобилизован в Красную Армию. В ходе Гражданской войны занимал должности: квартирмейстера Восточного фронта (август – сентябрь 1918 года), начальника штаба 4-й армии того же фронта (сентябрь – ноябрь 1918 года), начальника штаба 8-й армии Южного фронта (декабрь 1918-го – январь 1919 года), командующего 3-й армией Восточного фронта (март – август 1919 года), 12-й армией Южного фронта (сентябрь 1919-го – июль 1920 года), начальника штаба 4-й армии Западного фронта (сентябрь – октябрь 1920 года). В 1920 году в районе Пинска, при наступлении противника на 4-ю армию, Меженинов «искусным маневром парировал попытку противника к окружению армии и своей находчивостью и распорядительностью содействовал общему успеху наших частей...». Командующий 15-й армией Западного фронта (октябрь – декабрь 1920 года).

После Гражданской войны С.А. Меженинов занимал в РККА ответственные командные и штабные должности. Помощник инспектора пехоты РККА (декабрь 1920-го – июль 1921 года). Помощник начальника штаба, а затем начальник штаба Орловского военного округа (июль – октябрь 1921 года). Начальник штаба Западного фронта (ноябрь 1921-го – июль 1923 года). Начальник штаба военной авиации (1923 год), а затем – первый помощник начальника Главвоздухфлота. Начальник штаба ВВС РККА (декабрь 1924 года). Начальник штаба Украинского военного округа (февраль 1925 года), с октября того же года – помощник начальника ВВС РККА. С сентября 1929 года (по совместительству) – инспектор ВВС РККА. В 1929 года находился в служебной командировке в Германии. Заместитель начальника ВВС РККА и начальник штаба ВВС Красной армии (июнь 1932-го – март 1933 года). С марта 1933-го – заместитель начальника Штаба (с 1935 года – Генерального штаба) Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Член Военного Совета при наркомате обороны СССР.

20 июня 1937 года С.А. Меженинов был арестован и 28 сентября приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже и участии в военном заговоре. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии от 11 июля 1957 года реабилитирован.

В том, что отношение в НКВД тех лет к ценности отдельно взятой человеческой личности было самое ничтожное, лишний раз убеждаешься, листая дело по обвинению С.А. Меженинова. Открывается оно совсем небольшой справкой с грифом «совершенно секретно» за подписью начальника Особого отдела ГУТБ НКВД СССР комиссара госбезопасности 3 ранга Н.Г. Николаева-Журида, исполненной в июне 1937 года:

«...Начальник 1 отдела Генштаба РККА – комкор Меженинов Сергей Александрович является участником контрреволюционного троцкистского заговора в армии и занимался шпионажем в пользу иностранного государства.

Прошу санкционировать арест Меженинова С.А....»

Читая этот достаточно трафаретный для НКВД тех лет документ, невольно задаешься вопросами. Во-первых, не указан адресат, хотя из практики работы Особого отдела в 1937–1938 годах известно, что таким лицом, имеющим право давать санкцию на арест руководителей такого ранга, как Меженинов, являлся нарком Н.И. Ежов или его первый заместитель – начальник ГУТБ комкор М.П. Фриновский. Изучение других следственных дел подводит к выводу, что отсутствие адресата не есть чья-то ошибка, а результат прямого указания, видимо, самого Ежова. Возможно, это делалось в расчете и на тот случай, когда И.В. Сталин, просматривая подобную информацию, сам давал санкцию на арест того или иного лица. Во-вторых, на справке не проставлена конкретная дата. Напрашивается вывод: или она была заготовлена заранее, так сказать, впрок, или же у сотрудников Особого отдела была такая «запарка», что они не успевали надлежащим образом оформлять документы, санкционирующие арест. И третий вопрос, возникающий от прочтения этого небольшого, но зловещего документа: уж в нем-то, имеющем высокий уровень секретности, можно было бы назвать то иностранное государство, в пользу которого якобы занимался шпионажем Меженинов. Однако этого не было сделано потому, что органы советской контрразведки сами еще не решили, куда выгоднее его «пристегнуть». В течение трех месяцев следствия они смогли это сделать, и пошел Меженинов под расстрел с клеймом четырежды шпиона – агента германской, польской, итальянской и японской разведок...

Взяли С.А. Меженинова не из теплой домашней постели, а прямо из палаты Кремлевской больницы, куда он попал после попытки самоубийства. 10 июня 1937 года, накануне суда над М.Н. Тухачевским, Меженинов дважды (в грудь и в голову) выстрелил в себя из пистолета и в крайне тяжелом состоянии был помещен в больницу. Прежде чем приставить дуло пистолета к сердцу, он написал предсмертную записку следующего содержания: «...Я был честным командиром и ни в чем не повинен. Беспечность и отсутствие бдительности довели до потери нескольких бумаг...»

В чем оправдывается Меженинов, говоря, что он всегда был честным и ни в чем не виновен, нам неизвестно, но можно догадываться, что обвинения в его адрес так или иначе были связаны

с делом Тухачевского и его товарищей по процессу – ведь там проходили командиры, которые Сергея Александровича знали многие годы по совместной службе в РККА. А уж техника выбивания показания на нужных им людей в ГУТБ НКВД была отработана до деталей.

Что же касается потери нескольких бумаг, о которых упоминает Меженинов, то тут несколько запутанная ситуация, к созданию которой, по всем признакам, сумели приложить свою руку соответствующие подразделения «компетентных органов» в ходе подготовки процесса по делу Тухачевского. Именно в этот период из служебного сейфа Меженинова пропали несколько секретных документов, которые он, если верить материалам следственного дела, вовсе не потерял, а передал представителю германской разведки, на которую якобы работал несколько лет.

Обвинения Меженинова в этой части являются совершенно беспочвенными. Они были основаны на рапортах заместителя начальника Разведуправления РККА комдива А.М. Никонова и его сотрудников, а также работников 1-го отдела Генштаба, которым до ареста руководил Меженинов. Однако в этих рапортах не содержится никаких конкретных данных о пропавших документах. К тому же на запрос Главной военной прокуратуры Главное Разведывательное управление (ГРУ) Генштаба СССР сообщило, что оно данными об утере С.А. Межениновым в 1937 году каких-либо совершенно секретных документов не располагает.

Арестовали Меженинова 21 июня, через десять дней после его попытки самоубийством покончить с жизнью. Взяли прямо из палаты, не считаясь с тем, что у него была повреждена ткань головного мозга. Из больницы Меженинова перевели в лазарет Бутырской тюрьмы, где, несмотря на исключительно болезненное состояние подследственного, помощник начальника 5-го отдела ГУТБ капитан госбезопасности З.М. Ушаков приступил к его систематическим допросам без оформления их протоколами. Только через неделю Ушаков составил первый протокол допроса Меженинова, в котором говорится, что тот якобы признал себя виновным в причастности к антисоветскому военному заговору в пользу ряда иностранных разведок. Подобным же образом Ушаков сочинил еще три протокола допросов аналогичного содержания. Никакими доказательствами (вещественными) показания эти подтверждены не были.

На суде 28 сентября 1937 года, как записано в протоколе судебного заседания, Меженинов признал, что якобы являлся участником антисоветского заговора, знал о шпионской работе Туха-

чевского, но сам шпионом не был. Однако суд был неумолим. По статьям УК РСФСР 58–16, 58–6, 58–8 и 58–11 он приговорил Меженинова к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был исполнен в тот же день.

Пострадала и семья Меженинова – жена Софья Петровна, врач по образованию, и сын Петр, слушатель Военно-воздушной академии. С.П. Меженинова, арестованная в середине июля 1937 года как член семьи изменника Родины, была осуждена постановлением Особого Сопсования при НКВД СССР в октябре того же года к восьми годам ИТЛ. Наказание отбывала в Карлаге (Карагандинская обл.). Там же, находясь на положении административно ссыльной, она умерла в августе 1950 года. П.С. Меженинов после ареста отца отчисляется из академии и вскоре (в ноябре 1937 года) арестовывается по обвинению в принадлежности к антисоветской террористической группе, состоявшей якобы из детей репрессированных военачальников Красной Армии. А еще через месяц без долгого разбирательства Военной коллегией приговаривается к расстрелу. Вместе с ним в один и тот же день были осуждены и расстреляны по такому же обвинению сын комкора Н.Н. Петина Лев и сын коринтенданта Д.И. Косича Николай.

МИРОНОВ **Филипп Кузьмич** **(1872–1921)**

Филипп Кузьмич Миронов в 1898 году окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. Избирался атаманом станицы Распопинская. В Русско-японскую войну 1904–1905 годов командовал сотней, за боевые заслуги награжден 4 орденами. Однако за участие в революционных выступлениях казачества в 1905–1907 годах уволен со службы.

Подъесаул Филип Миронов

В 1914 году после начала Первой мировой войны Ф.К. Миронов пошёл добровольцем на фронт в составе 30-го Донского полка 3-й Донской дивизии, служил командиром разведывательной сотни, в марте 1915 года производится в есаулы, а в январе 1916-го – в войсковые старшины, награждён 4 орденами и георгиевским оружием.

После Октябрьской революции Миронов был избран командиром 32-го Донского казачьего полка. В январе 1918 года привёл полк с Румынского фронта на Дон, активно участвовал в борьбе за Советскую власть, был окружным комиссаром на Верхнем Дону. В 1918–1919 годах командовал полком, бригадой, 23-й стрелковой дивизией, группой войск 9-й армии, которые участвовали в боях против белоказачьих войск генерала П.Н. Краснова, затем был командующим 16-й армией Западного фронта. С июня 1919 года член Казачьего отдела ВЦИК.

С июня 1919 года Ф.К. Миронов – командир экспедиционного корпуса Южного фронта, а с июля – Донского казачьего конного корпуса. В конце августа с частями этого корпуса самовольно выступил из Саранска на Южный фронт для борьбы с войсками А.И. Деникина, за что в конце сентября был арестован и в октябре приговорён к расстрелу Чрезвычайным революционным трибуналом, но помилован ВЦИК и реабилитирован Политбюро ЦК РКП(б). В конце октября 1919 года введён в состав Донисполкома; был заведующим земельным отделом.

С сентября по декабрь 1920 года Ф.К. Миронов успешно командовал 2-й Конной армией в боях против войск генерала П.Н. Врангеля, затем был инспектором кавалерии РККА. Награждён 2 орденами Красного Знамени и Почётным революционным оружием. В феврале 1921 года был арестован Донской ЧК по клеветническому доносу и при невыясненных обстоятельствах убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы. Задним числом было оформлено постановление ВЧК о расстреле Ф.К. Миронова «за подготовку на Дону контрреволюционного восстания». Впоследствии «за отсутствием состава преступления» он был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда в 1960 году⁴⁰.

⁴⁰ Миронов Филипп Кузьмич // Советская военная энциклопедия. – Т. 5. – М., 1978. – С. 325–326.

МУРАВЬЁВ

Михаил Артемьевич

(1880–1918)

Михаил Артемьевич Муравьев родился в крестьянской семье, учился в Костромской учительской семинарии. В 1898 году поступил вольноопределяющимся в армию, в 1901 году окончил двухгодичное Казанское пехотное юнкерское училище, после которого был распределён в город Рославль Смоленской губернии. В том же году отличился на учениях, взяв в плен командующего войсками условного противника генерала А.Н. Куропаткина.

В 1904 году в чине поручика М.А. Муравьев командовал ротой 122-го Тамбовского полка на Русско-японской войне. В феврале 1905-го был тяжело ранен в голову. Около пяти лет провёл за границей, в первую очередь – во Франции, где посещал Парижскую военную академию. В Париже на Муравьева оказал влияние культ Наполеона.

В 1909 году М.А. Муравьев служил в 1-м Невском пехотном полку на Кавказе в чине поручика, затем на протяжении семи лет был преподавателем в Казанском военном училище, женился на дочери командира резервного Скопинского пехотного полка.

Существуют противоречивые данные о политической ориентации Муравьева до революции. По одним источникам, он был черносотенцем, по другим – кадетом. По мнению украинского историка В.А. Савченко, в 1907 году в эмиграции Муравьев подпал под влияние революционных идей и примкнул к эсеровской террористической группе Б.В. Савинкова.

Начало Первой мировой войны М.А. Муравьев встретил в звании капитана. После получения на фронте ряда тяжёлых ранений был переведён преподавателем тактики в школу прапорщиков в Одессе. Во время Февральской революции находился на Юго-Западном фронте. В марте 1917 года попытался сместить одесского губернатора М.И. Эбелова как «недостаточно революционного и кадетского».

На 1-м съезде Юго-Западного фронта (Каменец-Подольск) М.А. Муравьев выступил с инициативой создания добровольче-

ских ударных частей. На этом поприще Муравьёву удалось сформировать до 100 «батальонов смерти» и несколько женских батальонов. Он был замечен А.Ф. Керенским. Стал начальником охраны Временного правительства, был произведён в подполковники.

После Октябрьской революции М.А. Муравьёв предложил свои услуги Советскому правительству. Уже через два дня после восстания в Петрограде он встретился с Я.М. Свердловым и В.И. Лениным, после чего был уполномочен организовать борьбу с мародёрами, грабившими петроградские винные лавки.

С 27 октября 1917 года М.А. Муравьёв – член штаба Петроградского ВРК, с 28 октября – начальник обороны Петрограда, с 29 октября – главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, а с 30 октября – командующий войсками, действовавшими против войск А.Ф. Керенского – П.Н. Краснова.

9 декабря 1917 года М.А. Муравьёв был назначен начальником штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на Юге России В.А. Антонова-Овсеенко. Совместно с командующим войсками Московского военного округа Н.И. Мураловым формировал в Москве отряды Красной гвардии для отправки на Дон против войск атамана А.М. Каледина. Один из изобретателей тактики «эшелонной войны».

В январе–феврале 1918 года М.А. Муравьёв командовал группой войск на Киевском направлении. 19 января вошёл в Полтаву, где разогнал нелояльный к нему местный Совет, заменив его ревкомом. Председатель совета А.И. Заливчий, как и другие члены Совета, были арестованы. При занятии Полтавы Муравьёв приказал расстрелять 98 юнкеров и офицеров местного юнкерского училища.

Через четыре дня после подавления войсками Центральной рады Январского восстания в Киеве войска Муравьёва вошли в Киев, где был установлен режим террора. При штурме города был проведён массовый артобстрел (до 15 тыс. снарядов). Перед началом самого же штурма 4 февраля 1918 года Муравьёв отдал своим войскам приказ: «войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции». 7 февраля революционными матросами в Киеве был убит с целью грабежа киевский митрополит Владимир. Сам же Муравьёв наложил на киевскую «буржуазию» контрибуцию в 5 млн руб. на содержание советских войск. По сведениям украинского Красного Креста, в первые дни после установления власти Муравьёва в Киеве было убито до 5 тыс. человек, из них до 3 тыс. – офицеры. Это была одна из крупнейших,

если не самая крупная за всю Гражданскую войну, одномоментная расправа над русским офицерством.

После взятия Киева войска Муравьёва начали разбегаться, сократившись с 15 тыс. штыков до трёх с половиной, затем до двух, 2-й гвардейский корпус «самодемобилизовался» в полном составе, не оставив ни одного бойца.

14 февраля 1918 года М.А. Муравьёв был назначен командующим фронтом, получив задачу выступить против румынских войск, стремившихся захватить Бессарабию и Приднестровье. 9 марта учредил на подконтрольной территории военно-революционные трибуналы. Муравьёв командовал войсками Одесской Советской республики до 12 марта 1918 года, однако удержать город не смог. После оставления Одессы 11–12 марта приказал сухопутным частям и кораблям военного флота Одесской советской республики «открыть огонь всеми пушками по буржуазной и национальной части города и разрушить её».

С середины марта 1918 года М.А. Муравьёв – начальник штаба Верховного главнокомандующего южной группы войск Советской России В.А. Антонова-Овсенко, направленной против украинской Центральной рады. Будучи сторонником лозунга «Россия единая, великая и неделимая», Муравьёв был ярким противником «украинизации», а «украинцев» считал «предателями-мазепинцами» и «австрийскими шпионами». Войска Муравьёва проводили массовые репрессии против украинской интеллигенции, офицеров, буржуазии, говорить на улицах на украинском языке стало опасно. Большевистское правительство Народного Секретариата Украины, переехавшее из Харькова, потребовало удаления Муравьёва из города, назвав его «вожаком бандитов».

1 апреля 1918 года М.А. Муравьёв прибыл в Москву. В.И. Ленин по инициативе В.А. Антонова-Овсенко предложил ему пост командующего Кавказской советской армией, однако местные большевики во главе с председателем Бакинского совнаркома С.Г. Шаумяном крайне резко выступили против подобной кандидатуры.

В середине апреля Муравьёв был арестован в Москве по обвинению в злоупотреблении властью и связях с анархистами, однако следственная комиссия не подтвердила обвинение, и постановлением Президиума ВЦИК от 9 июня дело «за отсутствием состава преступления» было прекращено.

13 июня 1918 года М.А. Муравьёв был назначен командующим Восточным фронтом. Германский посол граф В. фон Мирбах, желая мотивировать Муравьёва на борьбу с Чехословацким корпусом, вручил ему взятку. Однако это обстоятельство ничуть не

помешало новому главкому через месяц взбунтоваться против большевиков. Кроме того, 1 июля посредник между германской миссией и командованием Восточного фронта был неожиданно арестован ВЧК.

Во время левозэсеровских восстаний В.И. Ленин начал сомневаться в лояльности Муравьёва, приказав Реввоенсовету фронта тайно следить за его действиями: «запротоколируйте заявление Муравьева о выходе из партии левых эсеров. Продолжайте внимательный контроль». Кроме того, Ленин запросил члена Реввоенсовета фронта К.А. Мехоношина о реакции главкома на известия из Москвы, на что Мехоношин ответил, что в ночь с 6 на 7 июля главком не спал, находился в штабе фронта и был в курсе всех событий, но «заверил [реввоенсовет фронта] в полной преданности Советской власти».

10 июля М.А. Муравьёв поднял мятеж. До сих пор достоверно неизвестно, пошёл ли он на это по собственной инициативе или получив соответствующий приказ ЦК партии левых эсеров. Хотя советская историография прямо увязывает мятеж Муравьёва с левозэсеровским восстанием в Москве, А.В. Савченко считает, что Муравьёв поднял мятеж самостоятельно, получив известия из Москвы и опасаясь ареста из-за подозрений в нелояльности. Сам же Муравьёв во время событий заявлял, что он «действует самостоятельно, но ЦК [ПЛСР] обо всём знает». Историк Ю.Г. Фельштинский подчёркивает, что достоверность этого заявления Муравьёва остаётся сомнительной, и ЦК «не мог знать» о действиях Муравьёва.

В ночь с 9 на 10 июля Муравьёв, бросив штаб фронта в Казани, без ведома Реввоенсовета фронта погрузил два лояльных себе полка на пароходы и отбыл из города. Перед мятежом он успел приказом по фронту перебросить из Симбирска в Бугульму местную коммунистическую дружину.

11 июля Муравьёв с отрядом в тысячу человек прибыл на пароходе «Мезень» из штаба фронта, размещавшегося в Казани, в Симбирск, занял стратегические пункты города и арестовал руководящих советских работников (в том числе командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского, зампреда губисполкома К.С. Шеленкевича, политкомиссара штаба Симбирской группы войск А.Л. Лаврова и других большевиков).

Муравьёв выступил против заключения Брестского мира с Германией, объявил себя «главкомом армии, действовавшей против Германии», телеграфировал в СНК РСФСР, германскому посольству в Москве и командованию Чехословацкого корпуса об объявлении войны Германии. Войскам фронта и Чехословацкому

корпусу (с которым он до мятежа и должен был воевать) предписывалось двигаться к Волге и далее на запад для отпора германским войскам, якобы начавшим в это время наступление.

На сторону Муравьёва перешли левые эсеры: командующий Симбирской группой войск и Симбирским укрепрайоном К. Иванов и начальник Казанского укрепрайона И.К. Трофимовский. Он планировал также привлечь на свою сторону чехословаков и офицеров, предлагал создать Поволжскую Советскую республику во главе с левыми эсерами М.А. Спиридоновой, Б.Д. Камковым и В.А. Карелиным.

В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий в совместном правительственном обращении заявили, что «Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте, левый эсер Муравьев, объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте». Однако это обращение было опубликовано только 12 июля, когда Муравьёв уже был мёртв.

11 июля он явился на заседание исполкома губернского Совета вместе с представителями левозэсеровской фракции, предложив отдать ему власть. На тот момент местные левые эсеры ещё не были удалены от власти и занимали посты военного, земельного и продовольственного губернских комиссаров. К этому времени председателю губернского парткома И.М. Варейкису удалось тайно разместить вокруг здания латышских стрелков, бронепотряд и особый отряд ЧК (сам Муравьёв также безуспешно попытался заблокировать здание шестью броневиками). Во время заседания из засады вышли красногвардейцы и чекисты и объявили об аресте. Муравьёв оказал вооружённое сопротивление и был убит (по другим источникам – застрелился).

12 июля официальная газета ВЦИК «Известия» поместила правительственное сообщение «Об измене Муравьёва», в котором утверждалось, что «Видя полное крушение своего плана, Муравьев покончил с собой выстрелом в висок».

После гибели Муравьёва среди комиссаров и красноармейцев широко распространились подозрения в отношении вообще всех бывших царских офицеров. Кроме того, последствия мятежа оказались крайне тяжёлыми для фронта.

Как подчёркивает историк Б.В. Соколов, войска Восточного фронта были деморализованы и сбиты с толку сначала телеграммами главкома М.А. Муравьёва о мире с чехословаками и войне с Германией, а затем – об измене Муравьёва, и о продолжении войны с чехословаками. Подполковник В.О. Каппель принял решение воспользоваться моментом и нанести удар. Красная Армия вскоре оставила Бугульму, Мелекесс и Симбирск, а в начале авгу-

ста и Казань, где в руки чехословаков и Народной армии Комуча попала часть российского золотого запаса. В связи со сложившимся тяжёлым положением на фронте на станцию Свияжск вскоре после падения Казани лично прибыл наркомвоенмор Л.Д. Троцкий.

Деятельность М.А. Муравьёва в целом оставила у большевиков негативные воспоминания. Тесно работавший с ним на Украине В.А. Антонов-Овсеенко называл Муравьёва «смелым авантюристом и крайне слабым политиком», который выражался «высоким штилем» и «жил всегда в чаду». Едва не расстрелянный Муравьёвым М.Н. Тухачевский охарактеризовал его следующим образом: «...Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы... Мысль “сделаться Наполеоном” преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках. Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно не жизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами. У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать к себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и проч. Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше...»

Не лучшим было и мнение председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, в апреле 1918 года арестовавшего Муравьёва в Москве: «...худший враг не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он продельывал от имени нашей советской власти, восстанавливая против нас все население. Грабеж и насилие – это была сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор...»

НАХИМСОН Семён Михайлович (1885–1918)

Семён Михайлович Нахимсон родился в еврейской купеческой семье. Уже в гимназические годы он приобщился к революционному движению – вначале в качестве члена еврейской социал-демократической организации «Бунд» (1902), а затем – латышской социал-демократической партии. За подготовку вооружённого восстания либавского гарнизона в период Первой российской революции был заочно приговорён к смертной казни. Спасаясь от карательных акций царского правительства, бежал за границу.

В 1907 году С.М. Нахимсон участвовал в V съезде РСДРП в Лондоне в качестве делегата от Ковенской военной организации Бунда. В 1911 году он окончил Бернский университет, получив диплом доктора философско-экономических наук. При этом в Швейцарии – центре русской эмиграции – не прекращал работу в социал-демократических организациях. Будучи студентом, в 1909 году вступил в Бернскую группу содействия Бунду, откуда был вскоре исключён за пощёчину, нанесённую председателю этой группы Ленскому.

По возвращении в Россию С.М. Нахимсон вёл подпольную партийную работу в Петрограде. Сотрудничал в «Правде», где его статьи появлялись под псевдонимами «Павел Салин» и «Михальчи». В январе 1913 года был арестован в Москве в ходе разгона нелегального Съезда торгово-промышленных служащих, проходившего на Воробьёвых горах. После освобождения выслан в Либаву сроком на 2 года с последующим запретом на проживание в 58 населённых пунктах страны.

25 сентября 1913 года С.М. Нахимсон вместе с братом Фёдором арестован в Либаве, около месяца находился в заключении. После освобождения получил запрет на выезд из города и был обязан каждый день отмечаться в полиции. Летом 1914 года с началом Первой мировой войны покинул Либаву без разрешения полиции

(царило мнение, что «Либаву скоро возьмут»), до сентября находился в Петербурге, а затем – в Кременчуге.

С 1915 года С.М. Нахимсон участвовал в Первой мировой войне в чине прапорщика. В 1916 году он был назначен помощником, а через некоторое время – начальником санитарного отряда Всероссийского союза городов. В феврале 1917-го вместе с несколькими солдатами-евреями Нахимсон был арестован по подозрению в шпионаже. От военно-полевого суда, который в тех условиях мог вынести смертный приговор, его спасла Февральская революция.

В марте 1917 года в качестве делегата Юго-Западного фронта Нахимсон едет в Петроград. 14 апреля его избирают в состав Петроградского комитета РСДРП(б), 27 мая – членом ЦИК Петроградского городского Совета, где он, представляя фракцию большевиков, входил и в военную секцию Петросовета. В начале июня Нахимсон был делегатом первого Всероссийского съезда Советов, а затем – делегатом VI съезда РСДРП(б), проходившего в Петрограде с 26 июля по 3 августа. После съезда он был направлен в качестве агитатора в 12-ю армию, дислоцировавшуюся в Прибалтике. Принял деятельное участие в издании и редактировании большевистской газеты «Окопная правда», выступавшей против Временного правительства.

В сентябре на перевыборах исполкома солдатской секции большевики получили девять мест. Среди избранных был и С.М. Нахимсон. 18 октября он вошёл в состав ВРК 12-й армии, а 20 октября был избран комиссаром Латышских стрелковых полков. Также Нахимсон получил мандат делегата II Всероссийского съезда Советов, утвердившего результаты октябрьского переворота. На съезде Нахимсон был избран членом нового ВЦИК.

Во время Октябрьского вооруженного восстания один из братьев С.М. Нахимсона – Вениамин Михайлович – управлял конторой Центральной электрической станции «Общества электрического освещения 1886 года» в Петрограде. В ночь переворота он по личной просьбе Ленина перекрыл электроэнергию, оставив в разведённом состоянии основные мосты.

С 15 ноября 1917 года С.М. Нахимсон – председатель Исполкома Совета солдатских депутатов (Искосол) и комиссар 12-й армии. Вспоминая впоследствии эпизод этого избрания, командующий 12-й армией генерал Ф.Ф. Новицкий писал: «Судя по той единодушной и длительной овации, которая была устроена ему по этому случаю участниками съезда, не подлежало сомнению, что популярность и известность Нахимсона в солдатских массах 12-й армии были весьма значительны».

18 декабря 1917 года приказом Главнокомандующего войск за-весы С.М. Нахимсон был назначен политическим комиссаром Ла-тышского корпуса. Участвовал в заседании Учредительного соб-рания 5 января 1918 года. В феврале 1918 года 12-я армия была передислоцирована в Рыбинск. Так Нахимсон оказался в Яро-славской губернии. В Рыбинске разгорелся нешуточный скандал, связанный с обвинением Нахимсона в финансовых злоупотребле-ниях. 22 марта он даже был подвергнут домашнему аресту с от-странением от всех ответственных должностей по подозрению в утаивании 10 тыс. рублей в период февральского отступления. 4 апреля в рыбинской печати появилось извещение Исполнитель-ного комитета Советов солдатских депутатов 12-й армии «Всем революционным гражданам города Рыбинска» о том, что «со-стоящий ныне в Исполкоме Рыбинского Совдепа Рыбинска и уез-да С.М. Нахимсон постановлением общего собрания от 22 марта устранин от всех занимаемых им ответственных должностей». За-явление Нахимсона в рыбинских «Известиях» от 2 апреля, что он сам добровольно слагает свои полномочия, было названо «невер-ным и запоздалым».

О том, что в действительности произошло в эти дни с Нахим-соном, известно мало, газеты были полны полумаеков и полу-признаний. В номере газеты за 7 апреля вдруг появляется изве-щение на имя С.М. Нахимсона: «Редакция воздерживается от помещения ваших статей». Большевики пытались обвинить На-химсона в превышении служебных полномочий, но голосование по его «делу» заканчивается победой пробольшевистски настро-енного Совета. В этот же период в газетах публикуется сообщение, что «по обвинению тов. Нахимсона в настоящее время ведётся расследование комиссией с участием члена ЦК партии Централь-ного исполкома Муранова, и пока обвинение не доказано, Нахим-сон остается работником партии и ведёт ту работу, которая пору-чена ему партией».

Только 10 апреля проясняется одна из подоплек конфликта в 12-й армии. Рыбинская газета «Известия Совета» помещает за-метку под названием «Дело тов. С.М. Нахимсона»: «Следственная комиссия при Рыбинском революционном трибунале рассмотрев дело по обвинению С.М. Нахимсона в присвоении денег в размере 10 тыс. рублей из армейских сумм и исходя из документальных данных всего следственного материала и доводов членов Испол-кома солдатских депутатов 12-й армии, зафиксированных в мно-гочисленных протоколах фракционных и общих заседаний по-следнего, которыми не устанавливается факт не только какого бы то ни было преступления, но даже и намерения к оному, – следст-

венная комиссия при Рыбинском революционном трибунале находит невозможным какое бы то ни было построение обвинительного акта по сему делу, но останется недочет 10 тыс. рублей, полученных из Народного Комиссариата по военным делам, ввиду чего следственная комиссия при Рыбинском революционном трибунале постановляет: Дело прекратить и всецело реабилитировать незапятнанную революционную честь товарища С.М. Нахимсона от каких бы то ни было злостных клеветнических нападок, что является конечным результатом процесса – следствия по этому делу, и обязать т. С.М. Нахимсона, как председателя Исполкома Совета солдатских депутатов 12-й армии и юридически ответственного за все получаемые суммы, озаботиться в двухнедельный срок (конец срока – 24 апреля с.г.) внести названную сумму денег в кассу трибунала».

А 18 мая в местной газете появляется статья, призванная подвести черту под «делом Нахимсона». Она так и называлась – «Финал “дела” С.М. Нахимсона» и была подписана «бывшим товарищем Председателя Исполкома солдатских депутатов 12-й армии В.С. Денисенко». 21 мая распоряжением Совета Труда и Оборона Нахимсон был вызван в Москву, а 30 мая назначен военным комиссаром по линии ЦК РКП(б) крупнейшего в Советской России Ярославского военного округа, в который входило 8 губерний. Развернув активную мобилизационную работу, он добился формирования и отправки на чехословацкий фронт ряда «внеочередных» дивизий.

Предчувствуя вероятность военно-политических осложнений, С.М. Нахимсон стал инициатором создания в начале июня Чрезвычайного Военного штаба в Ярославле. В качестве представителя ЦК с широкими полномочиями он вёл энергичную подготовку к переизбранию состава губернского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Боролся против линии Н.Ф. Доброхотова, который, по его мнению, дискредитировал Советскую власть. 1 июля затребовал от военного комиссариата Республики присылки надёжных воинских частей. Уже 2 июля со ст. Бологое в Ярославль направился восьмой латышский полк, который, однако, прибыл с опозданием – уже после начала мятежа.

Накануне антибольшевистского вооруженного выступления, 2 июля 1918 года, Нахимсон был избран председателем Ярославского губисполкома. В день начала антибольшевистского выступления горожан и членов организации Б.В. Савинкова, 6 июля, он был арестован по месту проживания в гостинице «Бристоль» и препровожден совместно с другими арестованными большевиками в каземат 1-го участка милиции, куда спустя некоторое время

явился некий курчавый парень (по показаниям некоторых свидетелей – сыщик Греков) и вывел Нахимсона во двор. Здесь их уже ожидали несколько вооруженных белогвардейцев, один из которых, толстый офицер, крикнул: «Сбрось пиджак». Нахимсон скинул пиджак и швырнул его в сторону командовавшего белогвардейца.

«Пли!» – скомандовал последний, и Нахимсон упал, пронзенный разрывными пулями. Толстый офицер подошел к умирающему и выпустил в него из браунинга еще две пули. Затем убитого положили на извозчика и возили по Ильинской площади и прилегающим улицам «для обозрения и удовольствия всей белогвардейской своры»⁴¹. Как выяснилось впоследствии, С.М. Нахимсон и комиссар Ярославского военного округа Д.С. Закгейм стали единственными бессудно убитыми восставшими в первый день мятежа. После произошедшего один из руководителей мятежников А.П. Перхуров запретил самосуды, издав приказ: «Твёрдо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности...»

27 июля 1918 года гроб с телом С.М. Нахимсона был отправлен в Петроград, где захоронен на Марсовом поле.

НИКОЛАЕВ Александр Памфомирович (1860–1919)

Александр Памфомирович Николаев родился 19 августа 1860 года в Нижегородской губернии в семье фельдфебеля (по другим сведениям – в семье солдата, по третьим – в крестьянской семье). Получив домашнее образование, что говорит об определенном материальном достатке его отца – старого верного служак, ско-

⁴¹ См.: Ярославское восстание. Июль 1918 / Под ред. В.Ж. Цветкова. – М., 1998.

пившего за время службы некоторое состояние, и благодаря выслуженному армейскому цензу, позволившему юноше поступить в юнкерское училище, он в возрасте 17 лет поступил на службу в Русскую императорскую армию на правах вольноопределяющегося.

18 апреля 1878 года А.П. Николаев командирован в Московское пехотное юнкерское училище. По всей видимости, знания ему давались нелегко, поскольку курс училища он окончил со скромным 2 разрядом и был произведен в первый офицерский чин прапорщика вместе с назначением 2 октября 1882 года исполняющим должность батальонного библиотекаря. В эти годы Россией правил император Александр III, справедливо вошедший в мировую историю, как Царь-Миротворец. В его царствование Россия не воевала, и служба простых армейских офицеров протекала буднично.

После окончания юнкерского училища с 1882-го по 1905 годы А.П. Николаев служил в одном и том же воинском подразделении, которое претерпело ряд переименований, и 1 января 1898 года было реформировано из батальона в 169-й пехотный Ново-Трокский полк. В этом же году Николаев, уже будучи в чине штабс-капитана, получает первую строевую должность командира 14-й роты родного полка. А через два года в возрасте 40 лет производится в чин капитана, который давал русскому офицеру относительно прочное материальное положение и позволял без постороннего содействия обеспечить семью.

Видимо по причине скудности финансового положения Николаев женился поздно, в 32 года, в 1892 году. От первого брака он имел дочь Фаину (род. 1893) и сына Виктора (род. 1895). В 1900 году капитан Николаев развелся и в 1906 году уже в чине подполковника вторично женился на дочери губернского секретаря Надежде Аввакумовне Осиповой. От второго брака родились два сына: Евгений (род. 1907) и Александр (род. 1909).

В преддверии войны с Японией, стремясь резко переменить свою тыловую бесцветную жизнь с явным отсутствием в ней карьерного роста (образование не позволяло), А.П. Николаев по собственному желанию 21 января 1904 года был командирован на укомплектование 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, в котором на второй день войны он получил назначение на должность командира 11-й роты.

В ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов капитан А.П. Николаев был ранен в бою у Вафангоу, награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Золотым оружием (с 1913 года – Георгиевское оружие) с надписью «За храбрость», был произведен в под-

полковники и назначен командиром 1-го батальона 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Однако обилие наград, полученных в ту войну, не означали наличие воинского таланта или выдающейся храбрости. Современники и историки единодушно отмечали, что во время войны с Японией награды раздавались бездумно и щедро и перестали цениться, как прежде, на что обращали внимание даже в печати того времени. Другое дело – Золотое оружие, которым награждали за конкретный подвиг.

26 октября 1906 года А.П. Николаев вернулся на службу в 169-й пехотный Ново-Троцкий полк, а 12 сентября 1908 года стал его командиром. 12 марта 1911 года он получил Высочайшее производство в чин полковника с правами потомственного дворянства.

На фронт Первой Мировой войны полковник А.П. Николаев выступил во главе родного полка. Большие потери и формирование новых частей требовали огромного количества новых офицеров и генералов. Это положение позволяло сделать блестящую военную карьеру боевым офицерам, не имевшим достаточного образования.

23 декабря 1915 года А.П. Николаев получил заветное для каждого русского офицера высочайшее производство в генерал-майоры и был назначен командиром бригады в 19-ю пехотную дивизию. С 22 июля 1917 года уже при Временном правительстве он командует 19-й пехотной дивизией, занимая должность генерал-лейтенанта. Предшественник Николаева на посту командира этой дивизии генерал А.Д. Нечволодов вспоминал: «Бригадный генерал Александр Памфамирович Николаев, человек исключительной отваги и храбрости, командовал 19-й пехотной дивизией после меня, но совсем немного времени: летом 1917 года он был отстранен от должности по причине приверженности старому режиму». Офицеры 19-й пехотной дивизии обвиняли его в «шкурном карьеризме» и вспоминали его стиль командования дивизией: «...В царские времена это был самый зверь, беспощадный к солдату, грубый с офицером, подхалим перед начальством. Кто знал Николаева, тот помнит его подлую грубость, низость, жестокость».

Трудно сказать, какими мотивами руководствовался А.П. Николаев, когда в октябре 1917 года добровольно перешел на службу к большевикам. Однако он был далеко не одинок в сделанном выборе и, будучи обласкан наградами и чинами, одним махом перекроил всю свою прежнюю жизнь.

Характерен пример с будущим красным полководцем М.Н. Тухачевским. Его сослуживцы по лейб-гвардии Семёновскому полку

вспоминали: «Мы встречали Новый 1918-й год в офицерском собрании Семёновского полка возле Марсова Поля. Тухачевский только что вернулся из немецкого плена в результате развала немецко-русского фронта. Во время обеда он поинтересовался, что мы собираемся делать дальше. Двое сослуживцев ответили, что поедут на Дон, где начали формироваться антибольшевицкие войска. Тухачевский заявил: "...Дорогие друзья, я остаюсь и делаю ставку на сволочь – Ленина и Троцкого – она будет править двадцать пять лет, а может и больше" ...»

В первые дни Октябрьского переворота А.П. Николаев, сняв с себя генеральские погоны, пошел в завод Петроградского паровозостроительного завода и попросил принять его... рабочим! Непостижимый и экстраординарный шаг. С завода он был направлен в распоряжение районного военного комиссариата.

В начале 1918 года А.П. Николаев служил в Военной инспекции под руководством Н.И. Подвойского. С весны 1918 года – на должности военрука Невского райвоенкомата в Петрограде, затем командир Особого отряда по охране коммуникаций Невы. С июня 1918 года – командир 3-й бригады 2-й Петроградской пехотной дивизии, а с ноября 1918 года Николаев командовал бригадой 19-й дивизии, участвовавшей в боях с белогвардейскими войсками в районе Гдова и Ямбурга (совр. Кингисепп).

К этому периоду службы комбрига А.П. Николаева относятся единственные сохранившиеся воспоминания начальника команды связи 52-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии Красной Армии о встрече и беседе с ним весной 1919 года незадолго до его пленения:

«Приняв команду и получив необходимую документацию, я выехал и, узнав, что штаб бригады стоит в деревне Попкова Гора⁴², поездом и на подводах я нашел эту деревню... и заявился к начальнику штаба бригады. Узнав по документам, кто я и зачем я прибыл, начальник штаба явно обрадовался и предложил мне пойти к комбригу. Хага, где он квартировал, была видна из штаба.

Зная, что Николаев бывший генерал-майор царской армии, всю жизнь был военным и конечно службист, я привел себя после дороги в порядок... Постучал, получил короткий ответ: "Войдите", – открыл дверь из сеней в хату. По горнице ходил пожилой человек лет, наверное, около 60, одет в довольно поношенный китель, на котором видны были дырочки от погон, военные брюки с кантом, в валенках. Коротко постриженные волосы, вроде "ёжика". Вы-

⁴² В 6 км к востоку от совр. г. Сланцы Ленинградской области и в 30 км южнее Нарвы.

слушав мой рапорт, он предложил мне сесть и в первую очередь поинтересовался боевым составом полка. ...Я доложил: “Четыре пулеметные команды, три батальонных и полковых 32 пулемета”. “Толубчик, да с такой силищей можно не только завесу держать, но и загнать Булака обратно в Эстонию. Этот самозванный полковник и штаны потеряет, как бежать придется. ...Вот такие типы и командуют у белых”. ...После ухода начштаба комбриг пригласил меня остаться с ним почаяевничать. Его разговор за чаем, я помню. Он поинтересовался, где и сколько я служил и сразу вспомнил, что этой дивизией командовал Корнилов и спросил меня, был ли я в дивизии в 1915 году при отступлении русской армии из Венгрии.

Получив отрицательный ответ, комбриг сказал: “...Тоже хорош гусь этот Корнилов. В 1915 году при обороне Дуклинского перевала в Карпатах он всю артиллерию и знамена дивизии отправил в тыл, а дивизия голыми руками обороняла перевал. Вся дивизия погибла, правда, и Корнилов в плен попал, зато артбригада и знамена остались. А потом смотрите Корнилову и из плена дали уйти, затем корпус, армия в Черновцах и, наконец, Главкововерх, да Ленинград собирался взять. Вообще авантюрист со своими текинцами. Но в личной храбрости ему нельзя отказать, ведь о покойниках надо хоть, что-нибудь хорошее сказать...”

Советские источники утверждают, что бригада Петроградской стрелковой дивизии под командованием А.П. Николаева «стойко сражалась против белогвардейцев на Нарвском участке, где комбриг Николаев показал себя опытным военным руководителем». Так ли это было на самом деле, иных подтверждений не обнаружено.

Из воспоминаний генерала А.П. Родзянко: «Поручик Данилов со своим отрядом, сняв погоны и кокарды, и одев вместо них большевицкие звезды, переправился на лодках ночью через Плюссу, занял в тылу у красных главные перекрестки дорог и окружил штаб, не понеся потерь. Одновременно с захватом штаба, главные силы... ударом заняли переправы, причем было захвачено три бронированных поезда и батарея, стоявшая у Гавриловской. Вся бригада Николаева была частью разбита, частью взята в плен, лишь кое-какие незначительные остатки ее, минуя заставы поручика Данилова, бежали к юго-востоку в Лужском направлении».

Причиной окружения и плена послужила измена местных жителей, а особенно бывшего офицера царской армии, работника Выскатского военкомата, хорошо знавшего расположение частей полка и бригады. Накануне наступления белых он перешел на их сторону. По свидетельству участников пленения комбрига А.П. Ни-

колаева, дальнейшие события развивались следующим образом: «Начальник штаба красной бригады, проживавший в частном доме д. Попкова Гора, убежал при начале стрельбы.., и, думая, что Большая Руя находится в руках красных, комбриг вышел к посту унтер-офицера Михайлова. Николаев был седой, обрюзглый, в старой офицерской шинели. Михайлов насторожился. “Куда, товарищ, идешь?” – окликнул партизан. “Иду в более безопасное место, потому что на штаб бригады сделали налет белые бандиты!” – ответил Николаев. “Ну, и хорошо, товарищ. Тогда по этому случаю руки вверх! Пришел к белым!” Николаев повиновался. Его окружили, обыскали, но оружия не нашли. Один партизан подошел и снял с него фуражку. “Ну, товарищ, у тебя фуражка новенькая, сменяем”. “Я старый генерал и прошу меня не беспокоить”, – побагровев, сказал Николаев. “Если ты генерал, так не должен служить разбойникам! А если им служишь, так и за генерала тебя не признаем!” – ответил Михайлов. Фуражку сменяли и Николаева отправили к остальным пленным».

13 мая Николаев был доставлен из Попковой Горы в штаб отряда полковника, графа А.П. Палена, размещавшийся на станции Гостицы. 14 мая он был переведен в село Скамья, где в это время находился генерал А.П. Родзянко со своим штабом, и располагалась военно-морская база Северного корпуса. На первом же допросе Николаев заявил генералу Родзянко, что «перешел к красным по убеждению, так как считает большевиков единственной законной русской властью». Его откровенное признание исключало раскаяние и какие-либо возможные увещевания и уговоры о переходе в Белую армию.

14 мая 1919 года представитель Северного корпуса по связям с эстонским командованием подполковник К.А. фон Крузенштерн телеграфировал в эстонский штаб: «По получении до сего времени сведениям трофеи корпуса достигли... более 1500 пленных, 2 батареи, более 30 пулеметов, три бронированных поезда, два пассажирских состава, весь штаб 3 бригады 6 дивизии с начальником бригады генералом Николаевым, начштаба бригады и комиссарами, а также весь бригадный обоз с более 300 лошадьми».

После 17 мая А.П. Николаев был перевезен в Ямбург, где для него были созданы весьма вольготные условия. Его не содержали в тюрьме на Большой Петроградской улице, а разместили в частном доме на Нарвской улице. Бежать ему было некуда. Военно-полевой суд, состоявший из офицеров русской гвардии, постановил казнить А.П. Николаева через повешение с лишением офицерской чести. Перед казнью над его головой была сломана шашка.

Сохранились воспоминания по меньшей мере трех людей, присутствовавших при казни комбрига 28 мая 1919 года. Так, ям-

бургская жительница Антонина Карпова вспоминала: «...В конце мая 1919 года, мне тогда было 12 полных лет, белогвардейская банда в лице, как будто бы, коменданта города полковника Бибикова, решили, собрав специально народ: повесить патриота родины генерала Николаева, за то, что он отрекся предать свою Красную гвардию. На Базарной площади, при входе в Темный сад, в то время там было старое пожарное депо, была устроена виселица. На помост входит мужчина, в галифе и защитном френче. Ему было что-то зачтено, хорошо запомнилось в детском уме, что ему предлагали помилование, и обещали славу в белой гвардии, он же, как сейчас вижу его лицо, правая рука держит борт френча, покачал головой. И вот видим: к нему на помост поднимается священник с крестом, но Николаев отказался, покачав головой. Настала жуткая минута, его заставили встать на дно бочки, и кто-то одел ему на шею петлю. Было еще что-то ему сказано, но он опять отрицательно покачал головой, и вскоре бочку из-под его ног оттолкнули. Лицо его исказилось судорогами, язык высунулся. Детское сердце не выдержало, и я с ревом побежала домой... Этот случай очень врезался в память, до самой смерти...». Другой очевидец казни Николаева вспоминал: «...Тут же была подвода приготовлена, через полчаса сняли и положили в телегу... Офицер... приказал отвезти на кладбище труп...»

Тем временем Л.Д. Троцкий в своей поездной летучке писал: «На Нарвском фронте командовал одной из наших бригад бывший генерал старой армии Александр Панфилович Николаев. Во время наших неудач под Ямбургом товарищ Николаев вместе с другими попал в плен к разнузданному белогвардейскому бандиту Балаховичу. Несколько сот человек были расстреляны и повешены этим последним в Ямбурге. В числе замученных контрреволюционерами оказался и комбриг товарищ Николаев. Бывший генерал царской армии... умер с возгласом: “Да здравствует власть рабочих и крестьян!”»⁴³ Как достоверно известно, атаман С.Н. Булак-Балахович в Ямбурге вообще никогда не был.

Троцкий планировал похоронить цинковый гроб с прахом комбрига на Марсовом Поле, но по просьбе его вдовы похороны состоялись 5 октября 1919 года на заводском Фарфоровском (Спасском) кладбище, которое располагалось неподалеку от квартиры, где проживала его семья в одном из домов по Муравьевско-

⁴³ *Троцкий Л.* Вечная память красному генералу! // Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. – 1919. – № 211 (404). Любопытно, что Троцкий больше ни одним словом не упомянул комбрига Николаева в своих многочисленных книгах.

му переулку. Известный петербургский фотограф Карл Булла запечатлел момент похорон.

7 февраля 1920 года приказом Реввоенсовета А.П. Николаев посмертно был награждён орденом Красного Знамени. Впоследствии в связи с закрытием в 1927 году Фарфоровского кладбища и его постепенным разорением гроб с останками Николаева по воле его вдовы в четвертый раз, уже навечно был перезахоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

На надгробной черномраморной стеле нет ни звезды, ни креста. Только текст, в котором допущены две ошибки – в дате рождения и месте гибели – и измышление «зверски замучен белыми под Ямбургом»⁴⁴.

ПАРХОМЕНКО Александр Яковлевич (1886–1921)

Александр Яковлевич Пархоменко родился 12 декабря 1886 года в селе Макаров Яр, ныне село Пархоменко Краснодонского района Луганской области.

С 1900 года Александр Пархоменко работал на Луганском паровозостроительном заводе. В 1904 году он вступил в партию

⁴⁴ См.: Григорьев С. Комбриг Николаев // За коммунизм (Кингисепп). – 1966. – 5 марта; Епанчин Н.А. Генерал от инфантерии. На службе трех Императоров. – М., 1996; Караев Г. Борьба за красный Петроград. – М., 1938. – С. 10; Караев Г., Успенский Л. Пулковский меридиан. – Л., 1948. – С. 58–60; Мордвинов Р.Н. В грозные годы Гражданской войны. – М., 1971. – С. 162; Симченков Н.Д. Попковогорская трагедия. Рассказ-быль // Симченков Н.Д. По дорогам войны. Сборник очерков, стихов и рассказов, посвященных 50-летию Великой Победы советского народа над фашистской Германией. – Сланцы, 1995. – С. 13–24; Скородников М. Генерал от народа // Кингисеппский колхозник. – 1959. – 17 мая; Смольский Д. «Бронзовый лев» // Время (Кингисепп). – 1993. – 27 мая; Чуркин Ф.А. Большие Поля // Знамя труда (Сланцы). – 1975. – 26 июня.

большевиков, в 1905–1907 годах был одним из организаторов боевой рабочей дружины, затем – руководителем крестьянского восстания в селе Макаров Яр. Неоднократно арестовывался.

В 1916 году А.Я. Пархоменко был одним из руководителей политической стачки на Луганском патронном заводе. В том же году мобилизован в армию. В первый день Февральской революции вместе с группой товарищей участвовал в разоружении полиции Марьинского участка в Подмоскowie и был назначен начальником Марьинского района. В марте 1917 года по вызову Луганского горкома партии он возвратился в Луганск, где занимался организацией красногвардейской дружины на Луганском патронном заводе. В июне 1917 года был назначен начальником штаба Красной гвардии города Луганска. В самом конце февраля 1918 года, командуя бронепоездом, Пархоменко принимал участие в установлении советской власти в Новочеркасске.

В марте 1918 года вместе с К.Е. Ворошиловым, Пархоменко принимал участие в организации 1-го Луганского социалистического отряда, который воевал с немцами, а затем, в апреле–июне 1918 года командовал бронепоездом в 5-й Красной Армии в походе на Царицын (совр. Волгоград).

Пархоменко лично встречался с В.И. Лениным. О чем еще мог мечтать сельский паренек, некогда торговавший вразнос колбасой в Луганске и зачитывавшийся революционными брошюрками о том, как изменить судьбу? Жизнь А.Я. Пархоменко во многом действительно была красивой революционной сказкой. Причудливая линия фронтов молодого советского государства в 1918 году была похожа на профиль старой уставшей женщины, а железная дорога на Царицын – на яремную вену. Перекрой ее – и советская власть погибнет без хлеба. В.И. Ленин выдал Пархоменко «карт-бланш». «Берите больше! А о любых задержках докладывать мне!» – такие слова слышал Пархоменко от Ленина.

Для организации обороны Царицына партия отправила И.В. Сталина, а Пархоменко в революционном хаосе 1918 года стал для Сталина последней надеждой на то, что Царицын получит оружие и боеприпасы. Ведь о способности Александра Яковлевича «находить», «доставать» и «обеспечивать» ходили легенды. Однажды, например, он в одиночку привел в Луганск целый бронепоезд. На свою беду 75 вооруженных до зубов анархистов, которым принадлежал состав, решили взять плечистого комиссара, пришедшего к ним на переговоры, в плен. Плен перерос в сдачу бронепоезда луганским красноармейцам.

Оценив организаторские способности Пархоменко, К.Е. Ворошилов назначил его особо уполномоченным 5-й армии, которая принимала участие в обороне Царицына. С октября 1918 года

Александр Яковлевич – особо уполномоченный РВС 10-й армии, которую тогда недолго возглавлял Ворошилов.

В январе 1919 года ЦК РКП(б) направляет Пархоменко в Харьков, где он назначается военным комендантом города и начальником Харьковского гарнизона. В том же году он принимал участие в подавлении Григорьевского мятежа. За взятие 15 мая 1919 года Екатеринослава (совр. Днепр) Пархоменко был награждён орденом Красного Знамени.

С конца ноября 1919 года Пархоменко принимал участие в организации Первой конной армии и в декабре был назначен особоуполномоченным РВС этой армии. 8 января 1920 года будённовская конница вступила в Ростов-на-Дону, и Реввоенсовет Конной армии назначил Пархоменко комендантом этого города. Весной Трибунал фронта нашёл в лице Пархоменко виновного, с которого можно спросить за все бесчинства, что творились в Ростове после взятия города, и приговорил его к расстрелу. От расстрела Пархоменко спасло заступничество И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе.

18 апреля 1920 года Пархоменко был назначен командующим 14-й кавалерийской дивизии Первой конной армии, в составе которой с мая принимал участие в войне с белополяками (до начала военных действий численность 14-й дивизии составляла чуть более 3700 человек). За проявленные храбрость и мужество в этой войне в ноябре 1920 года по ходатайству К.Е. Ворошилова Пархоменко был награждён вторым орденом Красного Знамени.

26 сентября 1920 года Первая Конная армия была выведена в резерв, а затем направлена на Южный фронт для действий против белогвардейских войск генерала Врангеля в Крыму.

Напор, непреклонность, смелость, богатырская сила соединялись у Пархоменко с любовью к книге, цепкой памятью, тонким юмором, лиричностью и даже мечтательностью. Солдаты не просто любили своего начдива, они им гордились. «А все-таки красивый наш начдив!» – говорили они друг другу. Но когда читаешь строки документа для награждения Пархоменко четвертым Орденом Красного Знамени, понимаешь, что речь идет вовсе не о внешней красоте. «Товарищ Пархоменко всегда лично управлял боем, а когда принимал участие в атаках, всегда был примером храброго воина, чем обеспечивал успех операций».

Дивизия Пархоменко была самой молодой в Конной Армии, но несмотря на это именно она не раз оказывалась на решающих отрезках фронта, совершая то, что шло вразрез с канонами военной науки. Считалось, например, что после длительного перехода кавалерия перед боем должна длительное время, до нескольких месяцев, восстанавливать силы. А 14-я дивизия после двухнедель-

ного отдыха пошла в бой. Да ещё в какой, против лучшей польской кавдивизии генерала А.С. Карницкого!

Командир 4-й кавалерийской дивизии, боевой товарищ Пархоменко О.И. Городовиков вспоминал: «...И тут я увидел, как водит в бой полки Александр Пархоменко. С высоты, с горы мы смотрели, как грозно пошла в атаку на 14-ю дивизию, усиливая аллюр, дивизия генерала Карницкого. Мы увидели, как перед фронтом 14-й дивизии появился всадник в широкой чёрной бурке. На солнце сверкнул его клинок, и после сверкнули над строем тысячи поднятых к небу сабель. 14-я двинулась. Она летела вперед навстречу полякам, верно, неотвратно и точно нацеливая удар... Началась сеча, страшная и грозная. Стиснутая с трёх сторон дивизия Карницкого была разгромлена!»

Считалось также, что конница неспособна пойти на укрепленную линию. «Белопольский фронт, – вспоминал С.М. Будённый, – в районе Самгородка, Озерной, Чернорудки прорван. Контратаки Карницкого и Савицкого захлебнулись. Произошло неслыханное событие в военном искусстве нашей эпохи – конница прорвала усовершенствованную, хорошо укрепленную, оснащенную всеми видами огня долговременную оборонительную линию пехотных частей».

Ещё господствовало мнение, что конница неспособна воевать в лесистой и болотистой местности. А 14-я дивизия брала Радомысль, окруженный лесами, воевала под Дубно, Бродами, брала Ровно, дошла до Львова. Два особо отличившихся полка получили боевые имена «Дубенский» и «Харупанский» за успешные действия на заболоченных берегах реки Иквы под Дубно.

Не было ни одного дела, которое А.Я. Пархоменко не довел бы до конца. «Точка!» – говорил он в конце выступления, речи или просто завершая разговор. И эта «точка!» гремела в его устах громче стократного «ура!», потому что всегда содержала в себе уверенность, помноженную на росток надежды.

В оккупированном Житомире, как пишет писатель В.В. Иванов, автор биографического романа «Пархоменко», попытались создать из заключенных переполненной тюрьмы школу диверсантов, «выпускники» которой должны были обезглавить Красную Армию. Из шести сотен отобрали двести самых истощенных и несчастных. Но из них согласились сотрудничать единицы. Тех, кто не соглашался, закалывали штыками. Из соображений секретности, нужно полагать. Но секретности всё же не получилось. Когда кавалерийская дивизия Пархоменко прорвала под винницкой деревней Самгородок фронт и, «гуляя» по тылам, сделала набег на станцию Бровки, два красноармейца, чудом выскользнувших из житомирской душегубки, узнали среди польских жандармов, охранявших на путях вагоны с сахаром, тех, кто поднимал безза-

щитных узников на штыки. Пархоменко расстрелял карателей всех до одного.

Второй акт драмы возмездия разыгрался под Львовом 19 августа. Организатору житомирской диверсионной школы после бегства белополяков с Киева поручили организовать дивизию «Шляхта смерти». Её-то и бросили поляки против Пархоменко. Уланы теснили красных, и те начали отступать. Но вдруг перед строем появился Пархоменко и скомандовал: «Стой! Назад!» «Начдив!» – пронеслось в строю, и дивизия остановилась. Поляки, решив, что пришло большое подкрепление, и сами придержали коней. Одна лава застыла против другой. Из тыла поляков вылетел на коне полковник и стал подгонять кавалеристов идти в атаку. Но солдаты стояли, и неловкая пауза затягивалась. Пархоменко, вмиг оценив обстановку, направил коня на полковника. Тот тоже не растерялся, и между двумя командирами, как в былинные времена, начался поединок. Воспитанник французской военной школы, полковник был отличным фехтовальщиком и сумел расцезь папаху начдива. Но в жилах Пархоменко кипела казачья кровь, и он, улучив момент, ударил по шее с оттяжкой, зарубив палача насмерть.

После разгрома Врангеля в ноябре 1920 года было принято решение сразу же избавиться от ставшего ненужным союзника красных – Н.И. Махно. Отряд махновцев был окружён, однако смог выйти с полуострова. После этого против Махно началась военная операция по «ликвидации партизанщины». В этой операции с начала декабря 1920 года принимала участие и 14-я кавалерийская дивизия под командованием Пархоменко.

3 января 1921 года у села Бузовки (сейчас – Жашковский район Черкасской области) на отступающих и практически уничтоженных махновцев натолкнулись сотрудники штаба 14-й дивизии (по другой информации – махновцы заманили их в ловушку). В завязавшемся бою постреляли и изрубили весь его состав вместе с начдивом. Из состава штаба уцелел лишь один из командиров, которого спас призовой жеребец, позволивший ему уйти от погони. Нашлись очевидцы, утверждавшие будто Махно, исходя бесильной злобой, лично сделал смертельный выстрел в упор по окруженному со всех сторон израненному, но непокорному начдиву.

Такова официальная версия гибели А.Я. Пархоменко. Но есть еще одна, о которой стало известно совсем недавно. Повела ее жительница города Рязани Валентина Михайловна Варёнова (1938–2014), которая в 1960 году по распределению отправилась работать учительницей в город Ожерелье Каширского района Московской области. Жила она в доме у некой старушки, которая после войны приехала с Украины к сыну в Ожерелье. Как-то вече-

ром Валентина Михайловна готовилась к уроку и разложила на столе фотокарточки и вырезки из газет с изображением героев Гражданской войны. Хозяйка дома посмотрела на них и сказала: «Никого не бачила. А от цэ Пархоменко». И показала на его портрет. «Вы его знаете?» – спросила молодая учительница. «Да, знаю. Он у нас в селе стоял со своим войском, там и убили его.» – «А кто убил, расскажите?» И поведала она, что убит он был не во время махновского налета (как утверждала официальная пресса), а одним из своих подчиненных (и даже имя назвала, которое, к сожалению, до нас уже не дошло) – командиром среднего звена, потому что Пархоменко отдал под трибунал его брата, также командира того же уровня, за то, что тот не выполнил приказ командования. Прощтрафившегося командира расстреляли, а оставшийся брат затаил обиду на Пархоменко. И как-то вечером, когда тот, как обычно, прогуливался перед сном, застрелил его.

В 1935 году в Луганске решили ликвидировать общегородское кладбище и разбить на его месте сквер. Желаящим было предложено перезахоронить своих родственников. В Луганск с этой целью из Москвы приезжала вдова начдива Харитина Григорьевна. Когда подняли гроб с останками А.Я. Пархоменко, она настояла на том, чтобы его открыли. После чего она сняла с головы черный шарф и завернула в него череп погибшего мужа и забрала его с собой в Москву. Череп Пархоменко находился с ней до самой её смерти и по завещанию был похоронен вместе с ней в Москве. Останки Пархоменко в торжественной обстановке перезахоронили в центре Луганска – в сквере (площади) Революции.

ПОДБЕЛЬСКИЙ Вадим Николаевич (1887–1920)

Вадим Николаевич (Папиевич) Подбельский родился в семье ссыльных революционеров, по одним сведениям, 13 ноября 1887 года «в Багаразском улусе Якутской губернии», по другим – в том

же году в Якутске. Его отец революционер-народоволец Папий Павлович Подбельский (1859–1889), выходец из польского дворянского рода, к которому принадлежал, к примеру, прусский военный и государственный деятель Виктор фон Подбельский, в 1882 году был арестован и сослан в Якутию. Мать, Екатерина Петровна Сарандович (1858 – после 1934), была арестована в 1879 году в Киеве за участие в подкопе под Харьковскую тюрьму. В том же году была осуждена по обвинению в участии в преступном сообществе и приговорена Киевским военно-окружным судом к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на заводах на 14 лет и 10 месяцев. Однако по конфирмации приговора киевским генерал-губернатором срок каторжных работ был определён в четыре года. В 1883 году за провинности во время каторжных работ Сарандович была направлена во временные заводские работы на два года и выслана в Якутск, а в июне 1884 года была переведена в Мегинский улус, где жил Папий Подбельский.

Всего у П.П. Подбельского и Е.П. Сарандович родились два мальчика и девочка. Вадим был младшим сыном. Срок ссылки закончился, семья жила в Якутске, ожидая ленского паводка и открытия навигации на Лене. В марте 1889 года три десятка ссыльных, среди которых был и Подбельский, вступили в вооружённое противостояние с правительственными войсками. Во время стрельбы П.П. Подбельский был убит.

В 1900 году Вадим Подбельский в возрасте 13 лет поступил в гимназию в Тамбове. Уже в гимназии начал подпольную работу, распространял нелегальную литературу, участвовал в сходках. В 1905 году вступил в РСДРП, во время Первой русской революции организовывал антиправительственные демонстрации и митинги. В 1906 году, опасаясь ареста, уехал во Францию, однако уже в июле 1907-го по заданию ЦК нелегально вернулся в Россию. Организовывал новые революционные группы. Был арестован, и ему было запрещено жить в Тамбовской губернии. Жил в Саратове. После попытки нелегально приехать в Тамбов был арестован и сослан на три года в Вологодскую губернию, в городок Кадников, а затем в более отдалённый Яренск. В 1911 году, по окончании ссылки, Подбельский вернулся в Тамбов, где организовал большевистскую типографию и печатал в ней газету «Тамбовские отклики».

В 1915 году В.Н. Подбельский уехал в Москву и стал одним из руководителей московской партийной организации большевиков. Служил в Земском союзе, с начала 1916 года – в редакции влиятельной либеральной газеты «Русское слово». В это же время вёл антиправительственную агитацию на предприятиях города, обес-

печивал связь московских большевиков с заграничным Центром и с группами в других регионах, был в числе организаторов демонстраций и забастовок в центре России.

После Февральской революции Подбельский – член Московского совета рабочих и солдатских депутатов. По заданию партии обеспечил техническую базу для издания новой большевистской газеты «Социал-демократ» и отвечал за её распространение. В августе 1917 года – делегат VI съезда партии большевиков.

В октябре 1917 года В.Н. Подбельский находился в числе руководителей вооружённого восстания в Москве, входил в Партийный центр, руководивший работой Московского Военно-революционного комитета.

После победы Октябрьской революции В.Н. Подбельский был назначен комиссаром почт и телеграфов Москвы. Служащие отказались признать его своим начальником, и Подбельский смог вступить в эту должность только в январе 1918 года, разогнав контрреволюционно настроенных сотрудников. Весной 1918 года занял должность народного комиссара почт и телеграфа РСФСР. Ввёл в своем ведомстве жесточайшую цензуру, приказал не пропускать «экстремистские и лживые» телеграммы. Курировал строительство Шуховской башни на Шаболовке.

В марте 1919 года Подбельский был избран делегатом VIII съезда РКП(б). Участвовал в подавлении восстаний против большевиков в Ярославле и Тамбове, был особоуполномоченным ЦК РКП(б) и ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта.

Согласно официальной версии, в конце января 1920 года во время субботника напоролся ногой на старый гвоздь, вследствие чего произошло заражение крови. По неофициальной версии, стал жертвой контрреволюционного покушения. Умер 25 февраля 1920 года; похоронен в Братской могиле на Красной площади в Москве.

ПОДВОЙСКИЙ Николай Ильич (1880–1948)

Николай Ильич Подвойский родился в семье сельского священника-учителя, по национальности украинца. Учился в Нежинском духовном училище, затем, с 1894 года, в Черниговской духовной семинарии. Согласно официальной версии в 1901 году исключён из неё за участие в революционном движении. Согласно воспоминаниям его одноклассника, седневского краеведа Д.Е. Киселя, закончил полный курс наук в семинарии в 1902 году. В 1901 году вступил в РСДРП.

В 1901–1905 годах Подвойский учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В 1904–1905 годах – председатель большевистского студенческого комитета и член Северного комитета РСДРП. В 1905 году был одним из руководителей стачки текстильщиков и Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. Организатор боевых дружин рабочих Ярославля. Во время одного из боевых столкновений был ранен.

В 1906–1907 годах Н.И. Подвойский жил в эмиграции в Германии и Швейцарии. Вернувшись в 1907 году в Россию, работал в Петербургской, а затем в Костромской и Бакинской организациях большевиков. В 1907–1908 годах был одним из руководителей легального партиздания «Зерно» в Петербурге. В 1910–1914 годах участвовал в организации и издании газет «Звезда» и «Правда». В 1915–1916 годах – редактор журнала «Вопросы страхования», глава финансовой комиссии Русского бюро ЦК РСДРП. В ноябре 1916 года арестован и в феврале 1917 года приговорён к ссылке в Сибирь, но освобождён во время Февральской революции.

Вместе с Г.В. Единым Н.И. Подвойский возглавил солдат бронедивизиона, захвативших дворец Кшесинской, где затем разместился штаб большевиков. Был членом Петроградского комитета РСДРП(б), депутатом Петроградского совета, руководителем Во-

енной организации при Петроградском комитете большевиков, организатором отрядов Красной гвардии. Редактор газет «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Солдат». Председатель Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП(б). Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) (24–29 апреля) от Военной организации. Делегат Первого Всероссийского съезда Советов (3–24 июня), избран кандидатом в члены ВЦИК.

Н.И. Подвойский был одним из организаторов Октябрьской революции, членом Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооружённым восстанием, а в дни восстания – зампреда ВРК и одним из руководителей штурма Зимнего дворца. В период ликвидации мятежа А.Ф. Керенского – П.Н. Краснова командовал Петроградским военным округом.

В ноябре 1917-го – марте 1918 года – нарком по военным делам РСФСР. В этом качестве Подвойский подписал 16 декабря декрет СНК «О выборном начале и организации власти в армии» и «Об уравнивании всех военнослужащих в правах». С января 1918 года – одновременно председатель Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии. В феврале – марте 1918 года был членом Комитета революционной обороны Петрограда. С марта 1918 года – член Высшего военного совета РСФСР, а затем председатель – Высшей военной инспекции; член Реввоенсовета Республики (сентябрь 1918-го – июль 1919 года) и одновременно (январь – сентябрь 1919 года) – наркомвоенмор Украинской ССР. В октябре – декабре 1919 года – член Реввоенсовета 7-й армии Западного фронта, в январе – марте 1920 года – 10-й армии Кавказского фронта.

В 1921–1927 годах Н.И. Подвойский был председателем Спортитерна и в 1920–1923 годах – Высшего совета физической культуры. В 1924–1930 годах – член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Работал в Истпарте. В 1927 году снялся в знаменитом фильме С.М. Эйзенштейна «Октябрь» в роли самого себя. С 1935 года – персональный пенсионер, занимался пропагандистской и литературно-журнальной деятельностью. В 1922 году награждён орденом Красного Знамени.

В октябре 1941 года, после отказа принять его на военную службу из-за возраста, Н.И. Подвойский добровольцем рыл окопы под Москвой. Об этом эпизоде с его участием можно прочитать в воспоминаниях тогдашнего председателя Моссовета В.П. Пронина. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

ПОКУС

Яков Захарович
(1894–1945)

Яков Захарович Покус родился 27 ноября 1894 года в селе Сомовка Зачепиловского уезда Харьковской губернии в крестьянской семье. Окончил начальную школу и учительскую семинарию в городе Константинограде в 1913 году и начал работать учителем в селе Староверовка. В 1914 году после начала Первой мировой войны был призван в армию, служил в Москве рядовым солдатом в 3-м Перновском полку.

В 1915 году Я.З. Покус окончил учебную команду при 193-м запасном батальоне и был направлен в Виленское военное училище, после окончания которого в феврале 1916 года служил в 18-м Сибирском запасном полку в Томске в должности командира взвода и роты. Осенью 1916 года направлен в действующую армию – 611-й Кунгурский полк. В боях в Галиции был ранен. После выздоровления направлен в Высшую стрелковую школу в Ораниенбауме (совр. Ломоносов).

В марте 1917 года Я.З. Покус был назначен командиром взвода отдельной пулеметной роты 1-го запасного пулеметного полка. В июле 1917 года во время большевистского выступления в составе полка участвовал в походе на Петроград, после чего отправлен на фронт сначала в 37-й армейский, а затем в 10-й конный корпус и до ноября участвовал в боях в Карпатах. В конце 1917 года был демобилизован. Последние чин и должность в старой армии – подпоручик, выборный командир 50-й конно-пулеметной роты.

В 1918 году Я.З. Покус работал в селе Сомовка секретарем сельского ревкома, а затем учителем в селе Крутояровка. При занятии Украины немцами организовал партизанский отряд, с которым действовал на территории Полтавской и Харьковской губерний. В декабре 1918 года отряд влился в Харьковскую группу войск Украинского фронта, и, таким образом, Я.З. Покус оказался в Красной Армии.

В ходе Гражданской войны Я.З. Покус занимал должности: начальника штаба 3-й бригады 2-й Украинской советской дивизии,

начальника штаба 2-й отдельной бригады (февраль–март 1919 года), начальника штаба 7-й Украинской дивизии, командира 1-й бригады той же дивизии (апрель–июль 1919 года), командира 3-го полка Башкирской кавалерийской дивизии, 369-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии (июль – октябрь 1919 года), помощника начальника штаба и начальника штаба 3-й бригады той же дивизии (октябрь 1919-го – январь 1921 года), начальника штаба 132-й бригады 44-й стрелковой дивизии (март–июль 1921 года).

В конце 1921 года Я.З. Покус был командирован в Дальневосточную Республику (ДВР), где занимал должности начальника оперативного отдела штаба Народно-революционной армии (НРА) ДВР, командира сводной стрелковой бригады, командующего Волочаевской группой войск. Постановлением ЦК РКП(б) был утвержден уполномоченным по руководству партизанским движением в Приморье и Северном Китае. Затем командовал Восточным фронтом НРА (февраль–май 1922 года), был начальником сводной стрелковой дивизии (май–июль 1922 года), помощником начальника штаба НРА (июль–октябрь 1922 года), начальником 2-й Приамурской стрелковой дивизии.

После Гражданской войны работал на ответственных командных и штабных должностях. В 1922–1924 годах продолжал командовать 2-й Приамурской стрелковой дивизией. С октября 1924 года – помощник командира 4-го стрелкового корпуса. С мая 1926-го – командир и военком 22-й Краснодарской стрелковой дивизии. В 1925-м и 1929 годах учился и окончил КУВНАС при Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Заочно учился и закончил два курса Свердловского коммунистического университета Москвы (прервал обучение по причине командировки за границу). С октября 1929 года – помощник начальника 5-го управления (управления боевой подготовки) Штаба РККА. В 1930–1931 годах – начальник Главного штаба Монгольской Народной Армии. С января 1932 года – комендант Владивостокского укрепленного района и начальник управления оборонительного строительства Морских сил Дальнего Востока. С марта 1934-го – комендант Забайкальского укрепленного района. С июля 1936-го – командир и военком 43-го стрелкового корпуса. С сентября 1937 года – заместитель командующего ОКДВА по оборонному строительству.

22 февраля 1938 года Я.З. Покус был арестован в Москве. Этапирован в распоряжение УНКВД по Хабаровскому краю. Обвинялся в участии в военном заговоре. Уволен из РККА по статье 44 пункт «в» приказом НКО № 0082 от 27.01.1938 года. Под следствием находился два года. За недоказанностью вины 18 февраля

1940 года из тюрьмы был освобожден. Зачислен в распоряжение управления по начсоставу Красной Армии приказом НКО № 01075 от 13.03.1940 года, назначен старшим преподавателем Академии Генерального штаба (приказ НКО № 02425 от 30.5.1940 года).

Второй арест последовал 3 октября 1940 года. Военной коллегией Верховного суда СССР, в составе диввоенюриста Дмитриева (председатель), бригавоенюриста Детистова и военюриста 1 ранга Чепцова (члены) 16 июля 1941 года Я.З. Покус по прежним обвинениям был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание отбывал в Устьвымлаге. Умер в лагере 18 сентября 1945 года. Определением Военной коллегии от 11 апреля 1956 года Я.З. Покус был реабилитирован.

ПРИМАКОВ **Виталий Маркович** **(1897–1937)**

Виталий Маркович Примаков – ныне полузабытый советский герой, разведчик, дипломат. Его карьера была стремительной, а падение – сокрушительным; он был одним из тех восьми военачальников, кого 11 июня 1937 года Верховный суд Союза ССР приговорил к расстрелу.

В.М. Примаков родился 18 декабря 1897 года в селе Семёновка Черниговской губернии в семье учителя. В Черниговской гимназии сидел за одной партой с Ю.М. Коцюбинским – сыном писателя, и крепко с ним сдружился. Мало того – ухаживал за младшей сестрой Юрия – Оксаной, вскоре ставшей первой женой Примакова (она умрёт в 1920 году во время родов в Москве).

В доме Коцюбинских Виталий быстро набрался революционных идей и в 1914 году за активное участие в черниговской социал-демократической организации был сослан в Сибирь. В Чернигов Примаков вернулся только после Февральской революции и

почти тут же, благодаря своей неуёмной энергии и отличным организаторским способностям, попал в верхушку украинских большевиков. Как человек молодой, но опытный и перспективный, он был направлен в Петроград, где окончил так называемую военку – самые первые, ещё подпольные, курсы подготовки большевистских командных кадров. Уже в январе 1918 года Примаков стал командиром полка Червонного казачества – первого воинского формирования Совета народных комиссаров Украины.

Червонное казачество было весьма странным формированием. Изначально оно создавалось как собственная национальная часть украинского советского правительства. Впрочем, из украинцев удалось на вербовать лишь одну сотню. Вторую пришлось сколачивать уже из харьковских красногвардейцев – латышских рабочих, эвакуированных царским правительством в 1914 году вместе с особо ценными станками из Риги.

Летом 1918 года Червонное казачество пополнилось таким ценным приобретением, как сотня ингушей – из отбившихся всадников ингушского кавалерийского полка ещё старой русской армии, – а также целым интернациональным эскадроном из австрийских и венгерских перебежчиков. В начале 1919-го 1-й полк Червонного казачества развернулся в два – за счёт мобилизованных украинцев и пополнений из России, затем стал бригадой, а в августе 1919 года – 8-й кавалерийской дивизией рабоче-крестьянской Красной Армии. Входили в эту дивизию и московский, и латышский, и остатки нескольких орловских кавалерийских полков, красные кубанцы, добровольцы с Урала, и все они звались Червонными казаками. Осенью 1920 года из 8-й дивизии сделали 3-й конный корпус – также путём вливания всяческих национальных формирований, в частности – Башкирской кавалерийской бригады. И всё это время их главным «батькой-атаманом» (как неофициально величали своего командира казаки) был юный В.М. Примаков.

Как явствует из мемуаров бывшего командира 1-го полка Червонного казачества Т.В. Юшкевича, в части собрались отчаянные рубаки – настоящие сорвиголовы. Кто-то из них нюхал кокаин, кто-то занимался мародёрством, кто-то пил. Нет, были, конечно, и примерные бойцы, но чтобы приструнить остальных, Примакову по окончании боевых действий пришлось применить к «червонцам» самые суровые меры. Четверо казаков, пойманные на грабеже, были немедленно расстреляны перед строем части. Эта история получила широкую огласку, на Примакова в ЧК даже завели дело, однако его действия в Москве были признаны правильными.

После Гражданской войны В.М. Примаков вёл полную приключений жизнь. В 1925 году он был направлен в Китай, где стал одним из ведущих военных специалистов партии Гоминьдан, борющейся с местными капиталистами и феодалами. Попутно Примаков и его товарищи по Червонному казачеству захватили и вывезли из Китая белогвардейского атамана Б.В. Анненкова – грозного противника красных в период Гражданской войны.

После Китая была длительная командировка в Афганистан, за которую В.М. Примаков получил третий орден Красного Знамени. В 1931 году вместе с большой группой советских военачальников он ездил на учёбу в Германию, а затем был назначен советским военным атташе в Японии.

О пребывании В.М. Примакова в Стране восходящего солнца много говорили. Например, были слухи о том, как он вручал верительные грамоты японскому императору. По древней традиции в императорский дворец можно было войти только безоружным. Примаков заявил, что не может прийти без сабли – она по форме положена. Долго торговались, пока не пришли к такому соглашению: саблю Примакову оставили, но... припаяли её к ножнам.

В 1934 году после возвращения в Советский Союз комкор Примаков занял должность инспектора кавалерии РККА, затем – заместителя командующего Ленинградским военным округом. В Ленинграде его и арестовали – 14 августа 1936 года, задолго до начала массовой волны сталинских репрессий. Причиной ареста стали имевшие место симпатии Примакова к изгнанному из СССР Л.Д. Троцкому. Следователи добивались признания в организации «военного-фашистского заговора», шпионаже в пользу Германии и Японии.

11 июня 1937 года. Тёплый, солнечный день. Советские люди спешат на работу и видят расклеенные на всех газетных столбах сообщения:

«В прокуратуре Союза ССР.

Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Кора А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путьна В.К. расследованием закончено и передано в суд.

Указанные выше арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене рабоче-крестьянской Красной Армии.

Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я.Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружественную политику в отношении СССР.

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью».

Историки по сей день не пришли к согласию относительно того, имел ли место суд над маршалом М.Н. Тухачевским и остальными. Одни склоняются к мысли, что их просто «шлёпнули», а потом по приказу Сталина задним числом оформили приговор трибунала. Есть и другая версия: суд, вернее его подобие, всё же был. В её основе лежат свидетельства командарма 1-го ранга И.П. Белова (расстрелянного год спустя) и его вдовы. По словам А.Л. Беловой-Дударевой, после судилища Белов вернулся домой, выпил почти залпом бутылку коньяка и сказал: «Такого ужаса в истории цивилизации не было. Они все сидели, как мёртвые. Я даже усомнился – они ли это?.. Они вот так сидели – напротив нас: Уборевич смотрел мне в глаза... А Ежов бегал за кулисами, всё время подгонял: “Всё и так ясно, скорее кончайте, чего тянете...”»

Считается, что восемь осуждённых были расстреляны только на следующий день. Однако это – только догадки. Дело казнённых, оставшееся в истории как «Заговор маршалов», до сих пор не рассекречено и хранится за семью печатями в ФСБ России.

РАТТЭЛЬ **Николай Иосифович** **(1875–1939)**

Николай Иосифович Раттэль родился 15 декабря 1875 года в Старом Осколе в дворянской семье. Начальное образование получил в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. На военной службе состоял с сентября 1894 года. После окончания в 1896 году Павловского военного училища выпущен в гвардию, подпоручик лейб-гвардии Литовского полка. В 1902 году окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба,

штабс-капитан гвардии. Переименован в капитаны Генерального штаба и причислен к Генеральному штабу. Цензовое командование ротой отбывал в 122-м пехотном Тамбовском полку с октября 1902 года.

В 1904–1905 годах Н.И. Раттэль участвовал с Русско-японской войне. В феврале 1904 года он был назначен обер-офицером для делопроизводства и поручений в управление военных сообщений Маньчжурской армии. С декабря 1904 года исполнял должность штаб-офицера для поручений при начальнике военных сообщений при Главнокомандующем на Дальнем Востоке, а затем до конца войны состоял в распоряжении командующего Маньчжурской армией.

С августа 1905 года Раттэль исполнял должность заведующего передвижениями войск головного участка Китайско-Восточной железной дороги. За отличие по службе в апреле 1906 года произведен в подполковники. Затем заведовал передвижением войск по железной дороге и водным путям Китайско-Восточного района, а с октября 1907 года состоял в распоряжении начальника Заамурской железнодорожной бригады. В сентябре 1908 года переведен в европейскую часть России и назначен заведующим передвижением войск Харьковского района. За отличие по службе в декабре 1911 года пожалован чином полковника. В ноябре 1912 года назначен начальником отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба.

С началом Первой мировой войны Н.И. Раттэль – штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем. В мае 1915 года его назначают командиром 12-го пехотного Великолуцкого полка, входившего в состав 3-й дивизии 17-го армейского корпуса. В начале 1916 года Раттэль был произведен в генерал-майоры, а в июне того же года назначен помощником генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта. После Февральской революции последовательно занимал должности генерал-квартирмейстера штабов Юго-Западного и Западного фронтов, а с сентября 1917 года – начальника военных сообщений театра военных действий.

В начале 1918 года Н.И. Раттэль в числе других генералов Генерального штаба добровольно вступил в РККА. После создания 4 марта 1918 года Высшего Военного Совета (ВВС) Республики он был назначен начальником военных сообщений в его составе, а в июне того же года возглавил штаб ВВС. После увольнения по болезни председателя ВВС генерала М.Д. Бонч-Бруевича Раттэль с августа 1918-го временно исполнял должность председателя.

Обострение военно-политической обстановки на фронтах и внутри страны продиктовали необходимость создания единого военного органа для централизации управления всеми Вооруженными силами. Постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 года Советская республика была объявлена военным лагерем, этим же постановлением был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР). 6 сентября для оперативного управления войсками был создан Штаб РВСР, который возглавил Н.И. Раттэль, однако уже через месяц он был переведен начальником Всероглаштаба. Находясь на этих постах, Раттэль участвовал в планировании операций Восточного, Южного, Западного и Юго-Восточного фронтов. Занимался организацией всеобщего военного обучения, допризывной подготовкой трудящихся, участвовал в расширении сети советских военно-учебных заведений. В июне 1920 года его назначают председателем Военно-законодательного совета при РВСР и членом Особого Совещания при главкоме по борьбе с белополяками. С августа 1921 года он являлся членом Высшего совета по перевозкам от РВСР. С 1922 года состоял в распоряжении главкома, затем – в Центральном управлении военных сообщений.

В 1925 году Раттэль был выведен в резерв РККА и откомандирован для работы в народном хозяйстве. Занимал пост управляющего делами ряда хозяйственных объединений (Главзолото, Главцветметзолото и др.). В марте 1930 года по надуманному обвинению в связях с заграничной антисоветской организацией был арестован, но вскоре отпущен. После освобождения работал заведующим технической библиотекой в институте «Гипроцветметобработка». Вновь арестован в июле 1938 года. 2 марта 1939 года Военной коллегией Верховного суда СССР Н.И. Раттэль был признан виновным в причастности к контрреволюционной заговорщической террористической организации и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. 10 ноября 1956 года Н.И. Раттэль посмертно реабилитирован⁴⁵.

⁴⁵ См.: *Кавтападзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. – М., 1988.

СОЛЛОГУБ **Николай Владимирович** **(1883–1937)**

Николай Владимирович Соллогуб родился 4 мая 1883 года в Минской губернии в семье генерал-майора В.У. Соллогуба, принадлежавшего к старинному дворянскому роду Великого княжества Литовского.

В 1900 году Н.В. Соллогуб окончил 1-й кадетский корпус, в 1902-м – Павловское военное училище и в 1910-м – Николаевскую военную академию. Из Павловского училища был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон гвардейской стрелковой бригады войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов (в строю 17-го стрелкового полка 5-й стрелковой бригады в Маньчжурии). В 1910 году произведен в капитаны с причислением к Генеральному штабу. Командование ротой отбывал в лейб-гвардии 2-м стрелковом Царскосельском полку гвардейской стрелковой бригады в 1910–1912 годах. В декабре 1912 года назначен помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа.

Н.В. Соллогуб принимал участие в Первой мировой войне на Северо-Западном и Западном фронтах. Был помощником старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии, исполняющим должность штаб-офицера для поручений при командующем и старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии, старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. В 1915 году произведен в чин подполковника. С августа 1916 года – старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии, а с января 1917-го – старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба Особой армии и генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии.

В годы Гражданской войны Н.В. Соллогуб добровольно вступил в РККА. Занимал должности начальника штаба Восточного фронта, заведующего особым делопроизводством военного отдела

Высшей военной инспекции, преподавателя Академии генерального штаба РККА и командующего 16-й армией (1919 год).

Во время Советско-польской войны 1920 года армия под командованием Н.В. Соллогуба успешно форсировала Березину и, прорвав оборону поляков, нанесла им ощутимое поражение.

В октябре–декабре 1920 года Н.В. Соллогуб занимал должность начальника штаба Западного фронта, в 1921–1922 годах был начальником штаба Войск Украины и Крыма, затем командовал 5-м стрелковым корпусом Западного фронта (Могилев).

После окончания войны занимал ответственные командные и руководящие посты. 2-й помощник командующего вооруженными силами Украины и Крыма (1922–1923 годы). Начальник Академии Красного Воздушного флота имени Н.Е. Жуковского (1923–1925 годы). Помощник начальника Управления ВВС РККА (октябрь 1925 года). Заместитель начальника Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе (1925 год). Председатель редколлегии журнала «Вестник Воздушного флота» (1930–1931). Руководитель военных дисциплин Военно-политической академии РККА им. Н.Г. Толмачева. Инспектор Управления боевой подготовки РККА. Начальник кафедры Военно-хозяйственной академии РККА (г. Харьков). В 1931–1937 годах – преподаватель Военно-политической академии, инспектор боевой подготовки РККА, начальник кафедры Военно-хозяйственной академии. Приказом наркома обороны СССР в 1935 году Соллогубу было присвоено персональное воинское звание комдив.

В 1937 году Н.В. Соллогуб был необоснованно репрессирован. Реабилитирован в 1956 году.

Из характеристики на 2-го помощника командующего вооруженными силами Украины и Крыма и войсками Украинского военного округа Н.В. Соллогуба, данной командующим ВСУК и войсками УВО М.В. Фрунзе: «Один из лучших специалистов по строевой части, обладает всеми качествами, необходимыми для строевого начальника. В качестве начальника по строевой части проявил себя с наилучшей стороны. Минусом является некоторое замыкание в круг чисто военных вопросов. В последнее время в этом отношении проявилось резкое изменение к лучшему, в сторону общественности. Считаю вполне соответствующим занимаемой должности. Может занимать в военное время посты командарма и комфронта».

СТАНКЕВИЧ Антон Владимирович (1862–1919)

Антон Владимирович Станкевич родился 13 июня 1862 года в поместье Губино Витебской губернии (современный Поставский район). Как многие уроженцы Беларуси, выбравшие военную службу, поступил в ближайшее к родным местам пехотное юнкерское училище – Виленское. По его окончании 19-летний прапорщик А.В. Станкевич отправился к первому месту службы – в 102-й пехотный Вятский полк.

Был обычным строевым офицером – около восьми лет командовал ротой и столько же состоял в чине поручика, зато в штабс-капитанах походил всего два года и был произведен в капитаны. Отучившись восемь месяцев в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе, Станкевич получил под команду 89-й запасной пехотный батальон. С 1909 года служил в рядах 90-го пехотного Онежского полка, 6 октября 1910 года был произведен в полковники.

На Первую мировую войну старший офицер 90-го пехотного Онежского полка полковник А.В. Станкевич вышел в возрасте 52 лет. Воевал умело и храбро: 31 января 1915 года получил бант и мечи к «мирному» ордену Св. Владимира 4-й степени, 27 февраля – орден Св. Владимира 3-й степени с мечами, 15 марта наградой доблестному офицеру стало Георгиевское оружие. 19 декабря 1914 года Антон Владимирович Станкевич получил должность командира 329-го пехотного Бузулукского полка. На этом посту полковник Станкевич провоевал практически всю Первую мировую – с 1915-го по 1917 годы.

В 1917 году А.В. Станкевич был назначен командующим бригадой 62-й пехотной дивизии, входившей в состав 38-го армейского корпуса. Дивизия действовала на Западном фронте, в Беларуси, а командовал ей болгарин по национальности, старый сослуживец Станкевича по Онежскому полку генерал-лейтенант М.Д. Енчевич. Полки 62-й дивизии отличились в ходе Кревской наступательной операции.

тельной операции 1917 года, в ходе которой прорвали несколько полос сильно укрепленной обороны противника.

9 октября 1917 года Станкевич был произведен в генерал-майоры и с этого момента считался командиром бригады. Носить генеральские погоны ему пришлось меньше двух месяцев: 30 ноября все чины, звания и знаки различия в армии были отменены. Тем не менее, пользовавшийся доверием и любовью солдат Станкевич был общим голосованием избран на должность начальника 62-й пехотной дивизии.

В 1918 году бывший генерал Станкевич добровольно вступил в ряды Красной Армии. Что именно подвигло его на такой шаг – мы не знаем. Судьбы бывших генералов русской армии в тот год складывались очень по-разному, зачастую причудливо. Кто-то шел к белым, кто-то – к красным, кто-то сначала служил у белых, затем у красных и наоборот, кто-то в принципе не желал участвовать в братоубийственной войне или считал себя «слишком старым» для нее, кто-то стремился поскорее вывезти семью за границу... Но дальнейшие события говорят о том, что выбор Станкевича, скорее всего, был глубоко осознанным.

В отличие от многих бывших офицеров и генералов, А.В. Станкевич, видимо, вызывал доверие к себе, так как в апреле 1919-го его назначили командиром 42-й стрелковой дивизии, а в июне того же года повысили до помощника (заместителя) командующего 13-й армией и одновременно командующего Нижнедевицким отрядом и левой группой войск Старооскольского направления. С начала октября 1919 года Станкевич стал временно исполнять должность начальника 55-й стрелковой дивизии.

В то время обстановка на фронте Гражданской войны складывалась не в пользу красных. 13 октября 1919 года на сторону белых перешел начальник штаба красной 55-й дивизии, бывший подполковник Генерального штаба А.А. Лауриц. В результате этой измены фронт был прорван, и на станции Золотарево Орловско-Грязской железной дороги был захвачен в плен со штабом 55-й стрелковой дивизии 13-й армии временно исполняющий обязанности начдива А.В. Станкевич. Судьба этого человека – наглядная иллюстрация сути Гражданской войны.

Из воспоминаний командира 3-го Корниловского полка М.Н. Левитова: «...1-й батальон 1-го полка составлял правый фланг дивизии, и при движении за станцию Золотарево им был захвачен в каком-то населенном пункте помощник командующего 13-й советской армией; ранее в Каменноугольном районе он командовал советской стрелковой дивизией, а у нас там же против него нашей дивизией командовал его родной брат, скончавшийся

от тифа. Оба брата были в генеральских чинах, под фамилией Станкевич. Из штаба нашей дивизии его вернули после допроса в распоряжение командира 1-го батальона поручика Дашкевича ("Миша черный"). Бывший генерал Станкевич уверял, что он все время искал случая перейти к нам и теперь только он представился. Факт перехода не соответствовал действительности, и на вопрос поручика Дашкевича: "Поэтому-то вы, в ожидании перехода, так хорошо нас били всю зиму в Каменноугольном бассейне?" – ответа не последовало. По окончании допроса поручик Дашкевич объявил бывшему генералу Станкевичу приговор суда: повешение. Станкевич сам подошел к виселице, попросил написать матери письмо, долго стоял в задумчивой позе, сам надел на себя петлю, и через пять минут врач установил смерть... После из советской печати мы узнали, что большевики труп его откопали и с почестями похоронили где-то около Кремлевской стены в Москве...»

Орловский писатель и краевед В.М. Катанов реконструирует события осени 1919 года:

«Штаб 55-й находился на станции Золотарево, когда туда нагрянули белые. Работники штаба и политотдела были тут же расстреляны. Когда же дошло до Станкевича, деникинцы решили разыграть спектакль. Вынесли мундир с генеральскими погонами:

- Это вам, генерал. Оденьте, будьте добры.
- Зачем? – хмуро спросил Антон Владимирович.
- От имени генерала Деникина, – поклонился офицер, – уполномочен сделать вам предложение.
- Какое?
- Переходите на нашу сторону. Вместе двинемся на Москву.
- Я не предам свой народ.

Спектакль кончился. Офицер приказал вывести пленного на улицу. Там, где стояли качели, быстро соорудили виселицу. Рыжебородый казак подтолкнул генерала к ящику. Расправа была скорой. Поднялся Антон Владимирович на самое страшное место, окинул взглядом толпу, разыскивая родное лицо. Нашел: из толпы, боясь выдать себя криком, глазами, полными слез, смотрела на него дочь. На ее глазах казак выбил ящик из-под ног отца... Сыпал мелкий дождь с неба, забитого облаками. Белые сняли труп, зацепили бороной и оттащили в овраг. Когда в Золотарево вошли красные, тело героя со всеми почестями отвезли в Москву и похоронили на Красной площади. Посмертно был награжден Станкевич орденом Красного Знамени...»

ТИМОШЕНКО

Семён Константинович

(1985–1970)

Семён Константинович Тимошенко родился 18 февраля 1895 года в бессарабской деревне Фурмановка, находившейся недалеко от российско-румынской границы, в бедной крестьянской семье. В юности батрачил у помещиков, а после начала Первой мировой войны его призвали в армию.

С.К. Тимошенко отличался не только огромной физической силой, но и сообразительностью, природной смекалкой. Поэтому его направили на курсы, где он стал отличным пулемётчиком, в совершенстве освоив знаменитый пулемёт «Максим».

Затем Тимошенко воевал на передовой, получил за храбрость три Георгиевских креста и Георгиевскую медаль, а также нашивки унтер-офицера. В 1916 году участвовал в легендарном Брусиловском прорыве. Был представлен к четвёртому Георгиевскому кресту, но тут случилась одна неприятная история.

Как известно, в царской армии широко процветало рукоприкладство. Но унтер-офицеров, а уж тем более георгиевских кавалеров бить не полагалось ни при каких условиях. Эта неписаная традиция существовала и поддерживалась в царской армии веками. Однако нашёлся один поручик, который в пьяном виде и под горячую руку ударил Тимошенко прямо в лицо. Тот недолго думая дал сдачи. Рука у потомственного хлеботорга оказалась тяжёлая, и офицер от удара скончался. По другим данным, этого поручика, постоянно издевавшегося над солдатами, до смерти избил группа пулемётчиков, но чтобы спасти рядовых от расстрела, Тимошенко взял всю вину на себя, надеясь на то, что его как образцового унтер-офицера и георгиевского кавалера накажут не слишком строго. Но всё оказалось не так просто. Возможно, при других обстоятельствах дело могли бы замять. Но здесь имело место убийство офицера действующей армии, совершённое прямо в окопах, на передовой, на глазах других солдат. И военно-полевой суд обошёлся с Тимошенко строго. Его лишили всех наград, воинского звания и приговорили к четырём годам каторги с после-

дующей бессрочной ссылкой в Сибирь. И это было ещё мягкое наказание. По законам военного времени будущего маршала могли и расстрелять.

Отбывать срок С.К. Тимошенко начал в знаменитой Бобруйской тюрьме на военном отделении. Но там он задержался недолго. Очень обиженный на приговор суда, он постоянно конфликтовал с надзирателями и доставлял немало хлопот тюремному начальству. По этой причине его перевели в настоящий каторжный централ, находившийся на Украине в городе Николаеве. Любопытно, что в то же время там сидел другой арестант, ставший позднее знаменитым советским полководцем, – М.В. Фрунзе, осуждённый за убийство двух конных полицейских. Но познакомиться будущим полководцам Гражданской войны тогда, судя по всему, не довелось.

Условия содержания в каторжном централе были намного строже, чем других тюремных заключённых. Каторжники постоянно носили ручные и ножные кандалы, которые не снимали даже во время работы и сна. Подъём в пять часов утра, затем работа в сапожных мастерских с кратким перерывом на обед и ужин, в одиннадцать часов вечера отбой.

В Николаевском централе каторжники содержались в огромных общих камерах, где одновременно размещалось до сотни человек. Политических среди них не было, сидели там в основном уголовники. Ходили заключённые в специальных халатах с бубновым тузом на спине, им брили наголо половину головы, чтобы в случае побега каторжных было легче опознать. Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Тимошенко, проводи он в заключении весь срок. Но, к счастью, этого не случилось.

В феврале 1917 года в России произошла революция, и С.К. Тимошенко вышел на свободу по амнистии. Во время Гражданской войны он, естественно, встал на сторону красных. В 1918 году вступил в 1-й Черноморский красногвардейский отряд, воевал в Крыму и на Кубани. Командовал взводом, ротой, батальоном. При обороне Царицына уже командовал пехотным полком. Именно там он познакомился с И.В. Сталиным, руководившим обороной города.

В ноябре 1918 года Тимошенко возглавил 2-ю отдельную кавалерийскую бригаду. Ранее никогда не служивший в коннице, он быстро освоил тактику и стратегию кавалерийского боя. В октябре 1919 года Тимошенко стал командиром 6-й кавалерийской дивизии, вошедшей в состав знаменитой Первой конной армии С.М. Будённого. Его дивизия отличилась в боях под Воронежем, Касторной, Ростовом-на-Дону, Егорлыкской, Житомиром и Бро-

дами. Тимошенко успешно сражался против войск А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, белополяков. Зимой 1921 года именно его дивизия разгромила войско батьки Н.И. Махно под Гуляйполем.

Во время Гражданской войны С.К. Тимошенко был пять раз ранен, но никогда не покидал строя. За боевые подвиги был награждён тремя орденами Красного Знамени и почётным революционным оружием. После Гражданской войны Тимошенко несколько лет учился в военной академии, побывал за границей, изучая опыт европейских армий. А когда И.В. Сталин приступил к чистке старых командных кадров, Тимошенко начал быстро продвигаться по служебной лестнице.

В 1938 году Тимошенко возглавил крупнейший в СССР Киевский военный округ. Находясь на этом посту, он в сентябре 1939 года успешно руководил советскими войсками, занявшими восточные области Польши.

Зимой 1939 года началась Советско-финская война. Плохо обученные и оснащённые части Красной Армии попали в настоящую мясорубку ещё в пограничной полосе и несли огромные потери. Командовавший Ленинградским военным округом генерал К.А. Мерецков запаниковал и потерял управление войсками. Ход военных действий удалось переломить только тогда, когда операцию возглавил Тимошенко. Именно ему принадлежит главная заслуга в том, что финская кампания не закончилась полным провалом.

После окончания Советско-финской войны С.К. Тимошенко присвоили звание Маршала Советского Союза, и он был назначен на должность наркома обороны СССР. Возглавляя Красную Армию в предвоенный период, он много сделал для её перевооружения и оснащения, укрепления воинской дисциплины.

С.К. Тимошенко оказался одним из немногих советских полководцев, которые не растерялись в июне 1941 года, после внезапного нападения гитлеровской Германии на СССР и могли успешно руководить войсками. Именно под его руководством Западный фронт в июле 1941 года прекратил паническое отступление, стабилизировался и занял крепкую позиционную оборону. В декабре 1941 года маршал Тимошенко нанёс гитлеровцам мощный удар на юге и отбил город Ростов-на Дону.

Единственная крупная неудача постигла Тимошенко летом 1942 года, когда он командовал Юго-Западным фронтом. Однако провальное наступление на Харьков, закончившееся разгромом и окружением, велось против его воли и по инициативе Ставки и Генштаба. На заключительном этапе войны Тимошенко как представитель Ставки Верховного главнокомандования координировал действия различных армий и фронтов.

С.К. Тимошенко (третий слева), Е.А. Щаденко (первый слева) и Г.К.Жуков (второй слева) проводят смотр учений в 99-й стрелковой дивизии. 1940 г. Фото П. Бернштейна

С.К. Тимошенко на наблюдательном пункте во время маневров. 1940 г.

После окончания Великой Отечественной войны С.К. Тимошенко долгое время командовал Белорусским военным округом, выйдя на пенсию в 1960 году.

Любопытно, что во всех служебных анкетах, мемуарах и автобиографиях Тимошенко крайне редко упоминал о том, что до революции сидел на царской каторге, хотя в те времена в круту старых большевиков это было престижно. Однако маршал, похоже, очень стеснялся этого факта своей биографии.

...С.К. Тимошенко скончался 31 марта 1970 года в Москве в возрасте 75 лет. Сегодня он практически забыт современниками. А зря, ведь он был настоящий советский маршал.

ТОМИН Николай Дмитриевич (1887–1924)

Николай Дмитриевич Томин родился в казачьей семье и был старшим из четырёх детей. Он успел окончить три класса школы, но после смерти отца вынужден был её оставить и пойти работать на маслозавод. Через два года мать Николая вновь вышла замуж, и имущество семьи было разделено. Николай уехал в Куртамыш, где начал работать у купца Завьялова мальчиком на побегушках, а с осени 1905 года – приказчиком. В декабре этого же года познакомился с политическими ссыльными отцом и сыном Друговыми и начал участвовать в нелегальной деятельности.

В июне 1906 годы Н.Д. Томин начал вести дневник, который продолжал до последних дней жизни. Вскоре попал под негласный надзор полиции. В начале 1907 года организовал в Куртамыше союз приказчиков. В 1910 году женился на Анне Клоповой, с которой встречался до этого три года. В марте 1911 года у них родился сын Александр, умерший через три месяца.

В июле 1914 года Н.Д. Томин был призван в армию и вскоре отправлен на фронт в составе 1-й Оренбургской казачьей дивизии.

К моменту Февральской революции он дослужился до младшего урядника, был награждён Георгиевской медалью 4-й степени и Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени. Некоторое время спустя он был избран председателем солдатского комитета дивизии, а после Октябрьской революции – начальником дивизии. Под его руководством в конце декабря дивизия прибыла в Люберцы и перешла на сторону Советской власти.

В январе 1918 года Н.Д. Тomin вместе с 11-м и 12-м полками дивизии прибыл в Троицк, где полки были распушены, а он сам в конце февраля был избран начальником штаба войск уезда и председателем казачьей секции Троицкого исполкома. В марте назначен командующим войсками уезда. В июне избран командиром первой сотни 1-го Революционного Оренбургского социалистического полка имени Степана Разина.

После того, как части красных были вынуждены оставить Троицк, Тomin был избран командующим Троицким отрядом, который 22 июня пришёл в Верхнеуральск и влился в отряд И.Д. Каширина. Попытка красных отбить Троицк провалилась, после чего они отступили в Белорецк. Там все имеющиеся части были объединены в Сводный Уральский отряд под командованием Каширина (после его ранения командующим стал В.К. Блюхер), в составе которого Троицкий отряд Томина участвовал в походе, закончившимся 12 сентября 1918 года. После завершения похода Тomin был награждён золотыми часами с надписью «Честному воину РККА Н.Д. Томину. ВЦИК. 1918 год», а Троицкий отряд был преобразован во вторую бригаду 30-й стрелковой дивизии.

Вскоре при 3-й армии Восточного фронта по инициативе Томина был сформирован сводный кавалерийский отряд, командование которым было на него же и возложено. Отряд участвовал в освобождении от белогвардейских войск Ирбита, Камышлова, Далматова, Шадринска и Кургана, после освобождения которого в августе 1919 года был расформирован, а Тomin назначен начальником 10-й кавалерийской дивизии в составе 3-го кавалерийского корпуса. В июне 1920 года 10-я кавалерийская дивизия была перебросена на Западный фронт и в ходе боев с поляками заняла такие города, как Свеняны, Вильно и Гродно. В день взятия Млавы Тomin был награждён орденом Красного Знамени.

После поражения под Варшавой 3-й кавалерийский корпус Г.Д. Гая, в который входила дивизия Н.Д. Томина, был интернирован на территории Германии. Через некоторое время немецкое командование стало разделять части и отправлять их вглубь Германии. Тomin вместе со своим ординарцем совершил побег из поезда. По пути к ним присоединялись группы красноармейцев, также пробравшихся домой, и 17 сентября отряд численностью

до 300 человек во главе с Томиным перешёл литовско-советскую границу. 10 октября Томин был назначен начальником 10-й Кубанской кавалерийской дивизии, которая вскоре участвовала в боях против отрядов С.Н. Булак-Балаховича.

В конце декабря 1920 года Н.Д. Томин принял командование 2-м конным корпусом, до конца апреля 1921 года выполнявшим задачу по уничтожению бандитизма на Кубани. В мае–июле командовал 15-й Сибирской кавалерийской дивизией, расквартированной в Козлове и участвовавшей в подавлении Антоновского мятежа.

По просьбе В.К. Блюхера, командовавшего в тот период Народно-революционной армией Дальневосточной Республики, Н.Д. Томин был откомандирован на Дальний Восток, где принял командование Забайкальской группой войск в составе 1-й Читинской стрелковой бригады и отдельного Троицкосавского кавалерийского полка. По пути на линию фронта Блюхер возложил на Томина командование и Инской группой, а также подготовку войск всего фронта к наступлению. Части под командованием Томина участвовали во взятии Волочаевки и Хабаровска.

Со 2 сентября 1922 года Н.Д. Томин приступил к командованию 6-й отдельной Алтайской кавалерийской бригадой, расположенной в Семипалатинске. В марте 1923 года, мечтая заняться сельским хозяйством, попросил о демобилизации, но получил категорический отказ и был переведен в Бийск командовать 4-й кавалерийской бригадой. В конце августа был направлен на учёбу. Однако в апреле 1924 года он был повторно назначен командиром 6-й отдельной Алтайской кавалерийской бригады, в связи с чем учёбу на курсах пришлось оставить. Бригада была направлена в Бухарскую Народную Советскую Республику для борьбы с басмачеством. В это время Томин вступил в РКП(б).

12 августа 1924 года Н.Д. Томин был смертельно ранен в бою с басмачами у кишлака Карагач.

Строки биографии (из книги В.В. Блюхера «По военным дорогам отца»): «Достопримечательностью сегодняшнего Троицка стал городской парк, у центральной арки которого недавно поднялся памятник. Волевое, мужественное лицо. Сильные руки на эфесе казацкой шашки. Клинок ее ушел в каменную твердь... Таким предстал давний боевой друг Блюхера народный герой гражданской войны Николай Дмитриевич Томин. Он первым в Троицком уезде поднял казачью бедноту на борьбу за власть Советов. В июньские дни 1918 года Томин, стоявший во главе кавалерийской сотни, сплотил вокруг себя все преданные делу революции силы гарнизона и спас их от неминуемого разгрома превосходящим по численности и вооружению противником.

Тогда и родился Троицкий советский отряд под командованием Н.Д. Томина, который считался одним из лучших в прославленном партизанском рейде. Минувший год. В канун освобождения Екатеринбурга от колчаковцев командование Третьей армии создало оперативную конную группу в две тысячи сабель. Командиром ее был назначен комбриг 30-й стрелковой дивизии красный казак Николай Томин. Кавалеристам ставилась задача прервать железнодорожное сообщение между Екатеринбургом и Нижним Тагилем.

14 июля 1919 года томинцы совершили прорыв линии фронта. За трое суток они прошли около 150 километров, освободили Верхнетагильский, Невьянский, Висимо-Шайтанский и другие уральские заводы. Северная группа войск генерала Пепеляева оказалась отрезанной от остальных частей колчаковской Сибирской армии. Конники Томина немедленно ринулись в тылы группировки белых, отступавшей из горнозаводских районов Урала. 19 июля они разгромили колчаковцев у станции Егоршино. В последующие дни были освобождены Ирбит, Камышлов, Далматово... Управление Сибирской армией было дезорганизовано, ее разбитые части откатывались к Тоболу. Томинцы преследовали их по пятам. Они первыми из красных подразделений вступили на улицы Шадринска и Кургана.

В 1920 году Н.Д. Томин участвовал в походе на Варшаву, сражался и на Дальнем Востоке, под Волочаевкой. В 1924 году громил басмачей в горах Таджикистана, где и пал смертью храбрых...»

ТРОЦКИЙ **Лев Давидович** **(1879–1940)**

По поводу роли Льва Давидовича Троцкого в революционных событиях, происходивших в России, в Гражданской войне, в становлении советской власти в нашей стране до сих пор ведутся ожесточенные споры.

Лейба был пятым ребенком в богатой еврейской семье Давида и Анны Бронштейн – землевладельцев, переселившихся из Полтавской в Херсонскую губернию. Семья владела 100 десятинами земли, большим садом, мельницей и ремонтной мастерской. В пятилетнем возрасте Лейба Бронштейн свободно владел русским и украинским языками, а также идишем. В возрасте шести лет мальчика отдали в школу, которая располагалась рядом в немецко-еврейской колонии. Через 3 года он поступил в лютеранское реальное училище Св. Павла в Одессе, после завершения которого переехал в Николаев, где в 1896 году вступил в революционный кружок.

Для получения высшего образования Л.Д. Бронштейн отправился в Новороссийск. Там он легко поступил на физико-математический факультет местного университета. Однако революционная борьба уже захватила юношу, и он вскоре оставил учебу, чтобы вернуться в Николаев.

Бронштейн, который взял подпольную кличку Львов, стал одним из организаторов Южнорусского рабочего союза. В возрасте 18 лет его арестовали за антиправительственную деятельность, и два года он скитался по тюрьмам. Там он стал марксистом и успел жениться на Александре Соколовской. В 1890 году молодоженов сослали в Иркутск, где у них родилось две дочери. Девочек отправили на Херсонщину на воспитание к бабушке и дедушке. В ссылке Л.Д. Бронштейн установил связь с Г.М. Кржижановским, который порекомендовал его для работы в подпольной газете «Искра».

В 1892 году появилась возможность бежать из ссылки. В фальшивый паспорт Лейба вписал наудачу имя Лев Троцкий. С этим документом он смог уехать за границу. А имя осталось с ним навсегда.

Оказавшись вне досягаемости российской «охранки», Л.Д. Троцкий направился в Лондон, где встретился с В.И. Лениным и неоднократно выступал перед эмигрантами-революционерами. Троцкий поразил всех интеллектом и ораторским талантом, и Ленин, стремившийся ослабить «стариков», предложил включить его в состав редколлегии «Искры», однако этому категорически воспротивился Г.В. Плеханов.

Находясь в Лондоне, Троцкий женился на Наталье Седовой. Однако официально до конца жизни его супругой оставалась Александра Соколова.

Когда разразилась Первая русская революция, Л.Д. Троцкий с женой вернулся на родину и организовал в столице Петербургский совет рабочих депутатов. 26 ноября 1905 года он был избран председателем Петросовета, однако был арестован и приговорен к

пожизненному поселению в Сибири. На суде Троцкий произнес пламенную речь против насилия. Она произвела сильнейшее впечатление на собравшихся, среди которых были его родители. По пути к месту, где он должен был жить в ссылке, Троцкий смог бежать и перебрался в Европу. Там он сделал несколько попыток объединить разрозненные партии социалистического толка, однако не добился успеха.

После начала Первой мировой войны Л.Д. Троцкий бежал из Вены в Париж, где стал выпускать газету «Наше слово». В ней он публиковал свои статьи пацифистской направленности, что стало причиной высылки революционера за пределы Франции. Он переехал в США, где надеялся обосноваться, так как не верил в возможность скорой революции в России.

Когда грянула Февральская революция, Л.Д. Троцкий с семьей отправился на корабле в Россию. Однако по пути его сняли с борта судна и отправили в концлагерь, так как он не смог предъявить российский паспорт. Только в мае 1917 года, после долгих мытарств, Троцкий прибыл в Петроград и был сразу же включен в состав Петросовета.

12 октября 1917 года Л.Д. Троцкий возглавил Петроградский ВРК, а через несколько дней приказал выдать красногвардейцам 5000 винтовок. В дни Октябрьского переворота он был одним из главных руководителей восставших. В декабре 1917 года именно Троцкий объявил о начале «красного террора».

В конце 1917 года Л.Д. Троцкий вошел в первый состав большевистского правительства в качестве наркома иностранных дел. Во время ленинского ультиматума, требовавшего принятия германских условий, он принял сторону Ленина, чем обеспечил ему победу.

После подписания Брестского мира 3 марта 1918 года перед В.И. Лениным встал вопрос, кто возглавит военное ведомство. После долгих размышлений и советов Я.М. Свердлов он остановил свой выбор на Троцком, человеке, весьма далеком от «технологии» военного строительства. 14 марта Троцкий был назначен членом Высшего Военного Совета и исполняющим обязанности его председателя. 6 апреля он одновременно стал и наркомом по морским делам.

Л.Д. Троцкому досталось незавидное наследство. В его распоряжении была 150-тысячная добровольческая Красная Армия. Именно она испытала на себе силу германской военной машины во время наступления немецких войск с 18 по 24 февраля 1918 года. С этой армией большевикам нельзя было решать стратегические задачи. На первых порах их военное положение выглядело

безнадежным. Старая армия попросту развалилась; от нее практически ничего не осталось. Ее крохотные осколки – в основном пробольшевистские части на Дону и в других местах – были ни на что не пригодны. Их распустили: лучше было начинать все с нуля. Помимо одной дивизии латышских стрелков, единственной более или менее организованной силой была Красная гвардия, которая не пополнялась с октября 1917 года. Летом 1918 года новая власть казалась беззащитной. Вопрос стоял даже более широко: сможет ли новая власть вообще продержаться, если она отвергнет всех специалистов – врачей, ученых, техников, инженеров, писателей, интеллигенцию?

Л.Д. Троцкий исходил, естественно, из реального положения вещей: без царских офицеров не обойтись. Но его возможности были ограничены вульгарной формулировкой партийной доктрины: партия впряжет царских офицеров в упряжку только для того, чтобы «выжать их, как лимон, и выбросить прочь». Эта формулировка не только препятствовала привлечению в армию жизненно необходимого офицерского состава, но и оскорбляла чувства самого Троцкого, который был искренне возмущен таким пренебрежительным отношением к людям. Его собственные моральные принципы, ум и уверенность в себе производили благоприятное впечатление на многих царских офицеров, с которыми он разговаривал не надменно, напыщенно или осуждающе, а спокойно, серьезно и прежде всего интеллигентно. Кроме того, он решил обновить офицерский состав за счет нестроевых и младших офицеров.

Грубая сила фактов ускорила создание новой «идеологии». Большевики теперь не просто защищали свои жизни – они при этом защищали Дело; элементарная самозащита изображалась как чистейший идеализм. Партия большевиков после Октября отвергла принцип выборности командиров и управления армией с помощью солдатских комитетов. Подлинная демократия, провозгласила партия, вовсе не означает, что массы на самом деле руководят армией; они всего лишь «контролируют» руководство, которое «представляет» их интересы.

Л.Д. Троцкий ввел принцип, которому суждена была долгая жизнь: параллельно обычному армейскому командованию он назначал политических комиссаров. Эта система, скопированная с института политических комиссаров времен Французской революции, уже применялась А.Ф. Керенским; новаторство Троцкого состояло в том, что система параллельного руководства была распространена на все уровни командования, начиная с командира роты, причем обязанности тоже были распределены соответственно.

Л.Д. Троцкий. 1919 г.

Л.Д. Троцкий в Кремле

Л.Д. Троцкий открыл «зеленую улицу» жестокости, присущей всякой Гражданской войне: все, вплоть до смертной казни, могло быть оправдано интересами Дела. Полное слияние Троцкого с Великой Идеей делало его неумолимым; слово «безжалостно» стало его любимым выражением. Он казнил командующего Балтийским флотом А.М. Щастного⁴⁶ по обвинению в саботаже. Щастный был назначен самими большевиками; он спас Балтийский флот и, преодолевая огромные трудности, привел его в Кронштадт и в устье Невы. Он пользовался большой популярностью среди матросов; твердая позиция по отношению к новой власти делала его совершенно независимым. Это раздражало Троцкого, который самолично выступил на суде свидетелем – к тому же единственным, – и, не затруднив себя доказательствами, просто заявил на суде, что Щастный – опасный государственный преступник, который должен быть «безжалостно» наказан. Многие левые, равно как и матросы, были возмущены этим откровенным политическим убийством. Троцкий ввел в употребление и другую варварскую меру – захват заложников; по его приказу был составлен список родственников офицеров, ушедших на фронт.

Фанатизм, убежденность в необходимости радикальных, крайних мер для достижения «светлого будущего» сделали наркомвоенмора решительным и последовательным сторонником жестких, беспощадных мер. Практически впервые Троцкому пришлось использовать их под Казанью, где проявились его организационные, ораторские и репрессивные убеждения. «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади», – так писал Л.Д. Троцкий в «Моей жизни».

⁴⁶ Щастный Алексей Михайлович (1881–1918) – российский военно-морской деятель. Капитан 1-го ранга. Командовал Балтийским флотом во время Ледового похода 1918 г. В феврале 1918 г. руководил перебазированием кораблей флота, находившихся в Ревеле, в Гельсингфорс, что спасло их от захвата немецкими войсками. Последние корабли покинули Ревель 25 февраля – в день, когда в город вошли немцы. За время похода не было потеряно ни одно судно, несмотря на резкое ослабление дисциплины, связанное с революционными событиями. Расстрелян 22 июня 1918 г. по приговору Революционного трибунала. Приговор был делом рук Л.Д. Троцкого, который выступил с обвинительной речью и был единственным свидетелем. Проявив исключительную жестокость, Троцкий свел личные счеты с Щастным и нанес ущерб своей репутации.

Военное поражение Германии осенью 1918 года и последовавший за этим быстрый крах монархий в Германии и Австро-Венгрии значительно укрепили позиции большевиков; теперь они могли посвятить все свои силы разгоравшейся Гражданской войне.

В.И. Ленин не был уверен в разумности использования царских офицеров; он был поражен, когда Л.Д. Троцкий сказал ему, что в Красной Армии их служит уже не менее 30 тыс. Такой размах позволял пренебречь отдельными возможными случаями измены, и Ленин похвалил Троцкого за то, что тот «строит коммунизм» с помощью обломков старого режима. А.М. Горькому он сказал: «Назовите мне еще одного человека, который сумел бы в течение одного года организовать почти образцовую армию и к тому же завоевать уважение военных специалистов».

На следующий день после того, как красные оставили Казань, Л.Д. Троцкий лично выехал на фронт в том самом поезде, в котором ему суждено было прожить, не считая кратких наездов в Москву, в течение двух с половиной лет. В Свияжске, лежащем на другом берегу Волги, против Казани, он застал полный хаос – массовое дезертирство и абсолютную растерянность среди командиров и большевистских комиссаров. В Свияжске «обнаружился весь организационный гений Л.Д. Троцкого, сумевшего наладить снабжение, протолкнуть к Свияжску по явно саботировавшим железным дорогам свежую артиллерию и несколько подвод – все необходимое для обороны и дальнейшего наступления...»

Урок, длившийся целый месяц, был посвящен науке останавливать волну панического отступления – ведь даже новые подкрепления, прибывавшие в высоком боевом духе, быстро заражались вялостью и апатией. Под Казанью Л.Д. Троцкий воочию убедился, какие возможности таит в себе твердая решимость противостоять тому, что он называл «трусливым историческим фатализмом». В течение месяца большевики сумели отбить не только Казань, но и Симбирск; все Поволжье снова перешло под их контроль. Это совпало с началом открытого большевистского террора, последовавшего за убийством партийного комиссара М.С. Урицкого и покушением эсерки Ф.Е. Каплан на В.И. Ленина.

Л.Д. Троцкий не был полководцем, он был комиссаром, уверенным, что без дисциплины и имевшего опыт мировой войны офицерства научиться военному делу невозможно. В одном из своих первых приказов, изданных в Свияжске 14 августа, он предупреждал: «Если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым – командир. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед

лицом всей Красной Армии». И однажды наркомвоенмор исполнил обещанное – когда по приговору военного-полевого суда 5-й армии Восточного фронта расстреляли каждого десятого в питерском рабочем полку, который 29 августа сбежал с боевых позиций под Свияжском. Всего было расстреляно двадцать дезертиров. В их числе были коммунисты, командир и комиссар полка. Это был первый случай децимации в Красной Армии. Очевидцы этой трагедии оправдывали действия Троцкого и суда. Иначе никогда бы не выкристаллизовался железный дух Красной Армии, никогда бы не было этой спайки между партией и солдатской массой, между низами и верхами состава.

Угрожал Л.Д. Троцкий и казанцам: «Всякий, кто во время господства чехо-белогвардейцев оказывал им содействие, будет расстрелян». Позже, по предложению Троцкого, стали освобождать арестованных офицеров, согласных служить в Красной Армии, взяв у них подписку, что их семьи – заложники в случае их измены. Были введены заградительные отряды. Огромные митинги трудящихся города приветствовали восстановление советской власти. На следующий день после освобождения города Троцкий выступил с большой речью в казанском театре.

Казанская победа утвердила его в том, что красноармейцы превосходно сражаются, если обеспечить им минимальную организацию и компетентное командование. Он даже пошутил в Вольтеровском духе: «На наковальне войны мы сейчас выковываем армию первоклассного качества. Можно сказать, что если бы чехословаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплоченной, дисциплинированной геройской армии».

Следует признать большую роль в организации освобождения Казани как самого Л.Д. Троцкого, так и многих его соратников, чьи имена долгие десятилетия были под запретом или упоминались в советской исторической литературе лишь с отрицательными эпитетами.

В сентябре 1918 года Л.Д. Троцкий, создавая вместо Высшего Военного Совета Революционный Военный Совет, столкнулся с сопротивлением со стороны самого крупного подразделения (10-й армии) на юге России, где сосредотачивались силы белых. 10-я армия оказалась камнем преткновения в ходе реорганизации Вооруженных сил Советской России. Находившийся все лето 1918 года в Царицыне в качестве главного комиссара Южного фронта И.В. Сталин блокировал планы наркомвоенмора по упорядочению всей армии. В распоряжении Троцкого было полмиллиона под ружьем. Возникновение весной 1919 года революционных ре-

жимов (подобных советскому) в Баварии и Венгрии давало мощную поддержку большевикам и делало еще более целесообразным укрепление Европейского фронта. Партийные комиссары Восточного фронта И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов обратились непосредственно к В.И. Ленину; Троцкий был отозван. Как оказалось, он допустил стратегический просчет, сыграв на руку многочисленным личным врагам, которых сам себе и создал.

Л.Д. Троцкий направился на Украину, где наступление А.И. Деникина развертывалось весьма успешно, создавая реальную опасность для Центра России. Благодаря усилиям Сталина, отвечавшего за Южный фронт, назначенный Троцким командующий Восточным фронтом был отстранен, а сам Троцкий хотя и остался председателем РВС, но его приближенные были заменены комиссарами, которым «покровительствовал» Сталин.

Следующим предложением Л.Д. Троцкого было атаковать Белую армию, которая угрожающе наступала на центральном и западном участках фронта, используя разобщенность между донскими казаками и белой гвардией и сосредоточив основные силы красных в направлении на Харьков и Донбасс. При этом председатель РВС исходил из преимуществ района, населенного пролетариатом и лояльно относящегося к большевикам. Однако, вопреки предложениям Троцкого Политбюро постановило развернуть главную атаку на восточном направлении. Это было ошибкой, в результате которой А.И. Деникин занял почти всю Украину, включая Киев, и двинулся кратчайшим путем на Москву. Возникла угроза падения Москвы.

Л.Д. Троцкий снова потребовал перебросить основную часть армии в центр для защиты Москвы. Политбюро (не без колебаний) приняло это предложение. Тем временем в начале октября 1919 года армия А.И. Деникина подошла к Туле, последнему крупному городу перед Москвой. Одновременно Н.Н. Юденич при поддержке англичан был уже в предместьях Петрограда.

Предложения Троцкого были приняты Политбюро с опасным опозданием. Даже Сталин выступил на стороне наркомвоенмора и осудил прежнюю ошибочную стратегию Политбюро. Троцкий воспрянул духом и ощутил прилив энергии, который он всегда испытывал в крайне напряженной обстановке. Его оперативный план, наконец, был приведен в исполнение, линия фронта резко сократилась, боеприпасы стали поступать в необходимых количествах. Троцкий, призывая бойцов на героический подвиг, снискал бурные аплодисменты своим ораторским талантом.

15 октября 1919 года заседание Политбюро в предчувствии возможной сдачи Петрограда проходило в напряженной и мрач-

ной обстановке. В.И. Ленин требовал любой ценой защитить новую столицу, где теперь находился Совнарком, однако и Л.Д. Троцкий, и И.В. Сталин энергично добивались защиты обоих городов. Троцкий вызвался лично возглавить оборону Петрограда и, не дожидаясь одобрения Политбюро, срочно выехал в Питер. Там он застал полнейший развал и растерянность. К концу месяца Северо-Западная армия генерала Н.Н. Юденича заняла Гатчину, Павловск, Лугу, Красное и Царское сёла. Белогвардейцы дошли до Пулковских высот и находились в 20 км от Петрограда.

Впоследствии Л.Д. Троцкий вспоминал: «Я застал самое ужасное замешательство. Все трещало по швам. Войска отступали в полном беспорядке. Штаб армии взывал к коммунистам, коммунисты – к Зиновьеву. Зиновьев был центром всеобщей растерянности. Свердлов сказал мне: “Зиновьев – это воплощение паники”. В спокойное время, когда, по словам Ленина, нечего было бояться, Зиновьев легко возносился на седьмое небо. Но стоило положению пошатнуться, и Зиновьев обычно ложился на диван – не метафорически, а в прямом смысле – и начинал вздыхать. С 1917 года я убедился, что у Зиновьева нет промежуточных состояний – или на седьмом небе, или на диване. На этот раз я застал его на диване».

А вот свидетельство очевидца: «Присутствие Троцкого сказало сразу же, подобно прибытию свежих подкреплений. Дисциплина была восстановлена. Неспособные были отстранены. Его четкие и ясные приказы тотчас обнаружили наличие твердой хозяйской руки. Началась внутренняя перегруппировка. Связь, до сих пор бездействующая, стала налаживаться. Служба снабжения начала функционировать. Дезертирство резко сократилось. Повсюду начали работать военные трибуналы. Все начали сознавать, что есть только один путь – вперед. Троцкий вникал в каждую деталь, вкладывая в дело свою кипучую, неумную энергию и поразительное самообладание».

Через неделю после прибытия в Петроград Л.Д. Троцкого большевики уверенно перехватили инициативу. Красная Армия получила подкрепление, состоявшее из 15-й армии, действующей на правом фланге фронта. Кроме того, были срочно сформированы отряды рабочих и матросов – десантников Балтийского флота. Десятидневные ожесточённые бои закончились контрнаступлением войск Красной Армии. Белогвардейцы были вынуждены отступить к эстонской границе. На исход их похода повлияло невыполнение союзниками обязательств о совместных боевых действиях – войска Великобритании, Польши, Финляндии и прибалтийских республик уклонились от участия в масштабной анти-

большевистской операции. Кроме того, сказалось слабое обеспечение армии Н.Н. Юденича продовольствием, тяжелым вооружением и боеприпасами. Войска Юденича потерпели поражение.

Первые успехи Красной Армии на Южном фронте в борьбе с белыми были достигнуты в осенний период 1919 года. Под Орлом был разбит корпус генерала А.П. Кутепова. В боях под Воронежем конница С.М. Будённого «опрокинула» соединенные корпуса А.Г. Шкуро – К.К. Мамонтова. Успехи под Орлом и Воронежем заложили фундамент всему дальнейшему продвижению красных на юг.

На втором этапе Красная Армия выполнила задачу рассечения фронта противника на две части и окончательного разгрома белых армий поодиночке. Действия Первой конной армии во главе с С.М. Будённым и К.Е. Ворошиловым привели к полному разгрому белых. Только в боях с 25 по 31 декабря в Донбассе белые потеряли убитыми около 3 тыс. человек, пленными 5 тыс. человек, 24 орудия, 170 пулеметов и 5 бронепоездов. Разгром белых в Донском бассейне имел большое оперативно-стратегическое значение. С этого момента для Конной Армии, действовавшей на стыке Донской и Добровольческой армий, открывался кратчайший путь к берегам Азовского моря и главному очагу южной контрреволюции – Ростову-на-Дону.

В конце декабря 1919 года части Юго-Восточного фронта и 11-й армии, руководимой С.М. Кировым (со стороны Астрахани) перешли в наступление, сжимая вокруг Добровольческой армии кольцо. 1 января 1920 года армии Южного и Юго-Восточного фронтов вышли на линию Кременчуг, Екатеринослав, Синельниково, Иловая, Первозвановка, ст. Каменская, Лихая, Звереве, Царицын. 6 января части Первой Конной армии вошли в Таганрог, а 9-го января конницей С.М. Будённого был взят Ростов-на-Дону. План по разъединению фронта противника на две части был завершен, и армия А.И. Деникина разгромлена.

С конца 1919 года участие Л.Д. Троцкого в военных делах резко сократилось. Хотя он и был создателем Красной Армии, его с самого начала мучительно раздражала необходимость сочетать командование с неизбежной текучкой и интригами. Свой сороковой день рождения Троцкий встретил в Москве; шла вторая годовщина октябрьского переворота. Находившийся в зените своей карьеры и в высшей точке своей судьбы, Троцкий, только что доживший ВЦИК о триумфе советской власти, был провозглашен архитектором ее победы и с помпой награжден орденом Красного Знамени. Но даже в этом его триумфе прозвучала неприятная нота: И.В. Сталин, который не присутствовал на церемонии и не

принимал никакого участия в отчаянной защите Петрограда, получил ту же награду. Троцкий отмечал этот инцидент с явным раздражением.

Применявшиеся Л.Д. Троцким жёсткие методы военного времени создали ему немало врагов, самыми опасными среди которых стали Г.Е. Зиновьев и И.В. Сталин. После окончательного отхода В.И. Ленина от политической деятельности судьба Троцкого была предрешена – против него объединилось большинство партийных верхов.

По натуре Л.Д. Троцкий был безудержным, чрезмерно прямолинейным и энергичным человеком, что не позволяло ему ужиться даже с единомышленниками. Все, кто с ним работал, боялись его и старались обходить стороной. После гражданских волнений Троцкого назначили Наркомом путей и сообщений. Но его оппозиционная к Сталину политика быстро сводит карьеру на нет. Уже в 1929 году его высылают из РСФСР и лишают советского гражданства.

Л.Д. Троцкий из-за своих кровавых выходов во время революции не смог найти прибежище в Европе. Германия и Швейцария в политическом убежище ему отказали. Недолгий период он смог пожить во Франции, но в конечном счёте был изгнан и из Норвегии, на которую давило советское правительство. Несколько лет удалось прожить в Турции. Однако Троцкий побаивался покушения со стороны белых офицеров, которых в этой стране было большое количество. Неоднократно он пытался выехать в США, но не помогли ни личные связи, ни официальные запросы. Приютить изгнанника согласилась только Мексика. В Мехико Троцкий прибыл в 1937 году.

Немало проблем политическому руководству СССР доставлял архив Л.Д. Троцкого, с компрометирующими И.В. Сталина документами, который тот вывез из страны. Достать документы удалось лишь частично, через агента НКВД. Но всё же часть архива была передана парижскому филиалу Амстердамского Института истории.

На Л.Д. Троцкого было совершено два покушения, второе было осуществлено агентом НКВД летом 1940 года. Исполнитель, Р. Меркадер, отсидев в мексиканской тюрьме 20 лет, вернулся в СССР и получил звание Героя Советского Союза⁴⁷.

⁴⁷ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Красная армия – часть народа и часть хозяйства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 3; *Троцкий Л.* Сталин. В 2-х тт. – М., 1990; *Фельштинский Ю., Чернявский Г.* Лев Троцкий. – Кн. 2. Большевик. 1917–1923 гг. – М., 2012.

Лев Троцкий читает студентам Датского университета лекцию «Значение Русской революции». Коммуна Люнгбю-Торбек, Королевство Дания. Ноябрь 1932 г.

Л.Д. Троцкий и Н.И. Седова в эмиграции. Конец 30-х годов

С внуком Эстебаном Волковым

Л.Д. Троцкий при смерти

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937)

В 1912 году после окончания 1-го Московского кадетского корпуса Михаил Николаевич Тухачевский поступил на военную службу. В 1914 году он закончил Александровское военное училище и был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Участвовал в Первой мировой войне, принимал участие в боях с немцами и австрийцами на Западном фронте, был ранен, в феврале 1915 года был взят в плен. В концлагере в Ингольштадте (Бавария) оказался в одной камере с французским военнопленным Ш. де Голлем. Много лет спустя маршал де Голль вспоминал о М.Н. Тухачевском как о собеседнике, большом любителе игры на скрипке и о том, что в камере он частенько музицировал. В сентябре 1917 года Тухачевский совершил пятый побег, оказавшийся удачным, и вернулся в свой полк на прежнюю должность командира роты.

С мая 1918 года М.Н. Тухачевский служил в рядах Красной Армии, был сотрудником военного отдела ВЦИК, военным комиссаром Московского оборонительного района, а уже через месяц был назначен командующим 1-й армией Восточного фронта. Под его руководством армия с переменным успехом вела боевые действия против белогвардейцев и белочехословаков в Среднем Поволжье, участвовала в наступлении Восточного фронта 1918–1919 годов, освободила Симбирск.

С января 1919 года М.Н. Тухачевский на Южном фронте: помощник командующего фронтом, командующий 8-й армией, которая вела боевые действия с белоказаками на Северском Донце. В апреле 1919 года Тухачевского назначают командующим 5-й армией Восточного фронта. Здесь он проявил незаурядные организаторские способности и военный талант при руководстве боевыми действиями. Войска армии активно участвовали в контрнаступлении Восточного фронта 1919 года и сыграли важную роль в разгроме белогвардейских войск. В дальнейшем, в ходе Златоустовской, Челябинской и Петропавловской операций 1919 года,

М.Н.Тухачевский. Первая мировая война

а также в боях за Новониколаевск (совр. Новосибирск) и Омск войска фронта освободили Урал и Сибирь от войск адмирала А.В. Колчака. В январе 1920 года Тухачевский был назначен командующим Кавказским фронтом. В ходе Северо-Кавказской операции войска фронта успешно сражались против частей Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.

В ноябре 1920 года М.Н. Тухачевский командовал войсками Западного фронта и руководил операцией по разгрому вторгшихся на территорию Белоруссии из Польши отрядов Народно-добровольческой армии генерала С.Н. Булак-Балаховича. В марте 1921 года он возглавлял войска РККА во время подавления Кронштадтского восстания, а в мае того же года руководил войсками, выполнявшими задачу по ликвидации Тамбовского восстания 1920–1921 годов.

5 августа 1921 года М.Н. Тухачевский был назначен начальником Военной академии РККА. За короткое время он сумел вникнуть в детали многогранной жизни и деятельности академии, укрепил постоянные кадры, привлекая на преподавательскую работу командиров из войск. В начале 1922 года его назначают командующим войсками Западного фронта. В апреле 1924 года Западный фронт преобразовывается в Западный военный округ, а М.Н. Тухачевский назначается на должность помощника начальника и военкома Штаба РККА. С июля 1924 года он – заместитель начальника Штаба РККА и одновременно с 1 октября 1924 года – главный руководитель Военной академии РККА по стратегии.

После смерти М.В. Фрунзе М.Н. Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА и членом Реввоенсовета. Одновременно он являлся председателем мобилизационного комитета при штабе РККА, членом Высшей аттестационной комиссии при РВС СССР и членом коллегии издательства «Война и техника».

В декабре 1926 года М.Н. Тухачевский представил в Совет труда и обороны доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик», в котором сформулировал важные выводы относительно текущего военно-стратегического положения СССР. Главным из них стало утверждение, что «ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы». Возник конфликт с наркомвоенмором К.Е. Ворошиловым, в результате которого М.Н. Тухачевский подал рапорт об освобождении от должности. В мае 1928 года его освобождают от должности и назначают командующим войсками Ленинградского военного округа. Но в июне 1931 года вновь переводят в центральный аппарат, где он последовательно занимает должности заместителя наркомвоенмора, заместителя председателя Реввоенсовета СССР и начальника вооружений РККА. В ноябре

Художник Г. Клуцис. 1934 г.

1934 года М.Н. Тухачевского назначают заместителем, а в апреле 1936 года – 1-м заместителем наркома обороны СССР.

М.Н. Тухачевский опубликовал около 130 работ, которые охватывали многие стороны военного дела. Его исследования в области характера будущей войны, развития основных направлений военной техники нашли отражение в советской военной науке. Он придавал большое значение разработке теории глубокой операции и всесторонней практической проверке ее положений на военных играх, учениях и маневрах, в его трудах были изложены основы глубокого боя. Сыграл большую роль в техническом перевооружении Красной Армии, изменении организационной структуры войск, в развитии новых родов войск и видов вооруженных сил – авиации, механизированных и воздушно-десантных войск, ВМС, в подготовке командного и политического состава. Был инициатором создания ряда самостоятельных военных академий, а также в 1933 году Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ) на основе Газодинамической лаборатории и Группы изучения реактивного движения при Наркомате тяжелой промышленности. В 1938 году РНИИ переименован в НИИ-3. М.Н. Тухачевский раньше других военных специалистов оценил стратегическое значение развития ракетной техники и в этом его неоценимая заслуга. В стенах этого института родилась и поступила на вооружение нашей армии уже во время Второй мировой войны получившая всемирную известность реактивная установка «Катюша» (разработчик – Г.Э. Лангемак). В РНИИ усилиями С.П. Королёва и В.П. Глушко и их коллег разрабатывались и создавались первые образцы ракетно-космической техники, которые вывели нашу страну в мировые лидеры освоения космоса. Тухачевский внёс вклад в разработку стратегии, оперативного искусства, тактики и военной науки в целом; подчёркивал необходимость готовить армию к длительной затяжной войне. Его научные труды оказали влияние на развитие практики военного строительства в предвоенный период.

22 мая 1937 года М.Н. Тухачевский был арестован в Куйбышеве, доставлен в Москву, дал признательные показания по «организации военного заговора в РККА с целью свержения власти и установления военной диктатуры». Было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, которое 11 июня 1937 года рассмотрело дело Тухачевского в закрытом судебном заседании без участия защитников и без права обжалования приговора. Решением суда Тухачевский был признан виновным в совершении преступлений и приговорён к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 12 июня 1937 года. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 31 января 1957 года

заключение Генерального прокурора СССР, определила: приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении М.Н. Тухачевского отменить и дело за отсутствием состава преступления производством прекратить.

УБОРЕВИЧ Иероним Петрович (1896–1937)

24 декабря 1896 года в деревне Антандриус (Ковенская губерния, Литва) в семье крестьянина Пятраса Уборявичуса родился пятый по счету ребенок. В честь святого – покровителя бедняков – глава семьи решил назвать сына Иеронимом.

Мальчик оказался на редкость способным. Он успешно закончил два класса начальной школы и затем перевелся в Двинское реальное училище. Семье все это время пришлось жить «подтянув пояс», однако Иероним вполне оправдал надежды и вышел в люди. Из Двинска юноша переехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. Судя по всему, именно в столице будущий большевик приобщился к марксизму.

В 1915 году студент-третьекурсник И.П. Уборевич (так звучала его фамилия в русифицированном варианте) был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. После шестимесячной учебы новоиспеченный поручик был назначен командиром батареи Сибирского дивизиона, сражавшегося против германских войск на Немане и Висле. В 1916 году подразделение перебросили на Румынский фронт, где его и застала Февральская революция.

В отличие от многих своих братьев-офицеров, И.П. Уборевич довольно быстро сориентировался в новой ситуации. На многочисленных митингах он частенько блистал весьма радикальными речами и в скором времени завоевал широкую популярность

у солдатской массы. Впрочем, вряд ли Уборевич руководствовался одними лишь корыстными интересами: являясь выходцем из беднейшего крестьянства, он, вероятно, вполне искренне одобрял происходившие перемены.

Сразу же после Февральской революции и задолго до того, как большевики стали внушительной силой, Уборевич вступил в РСДРП(б). Зимой 1918 года в критический момент, когда австро-германские войска успешно продвигались по Бессарабии и Украине, он возглавил собранный с бору по сосенке красногвардейский полк и попытался организовать сопротивление противнику. Полк наголову разбили под Одессой, а его командир угодил в тюрьму для военнопленных. Подпилив решетку, Уборевич вырвался на волю и сумел добраться до Литвы.

Некоторое время он отлеживался в родной деревне, затем нелегально перешел линию фронта и объявился в Петрограде. На мобилизационном пункте рассказ Уборевича о своей «одиссее», судя по всему, не вызвал особого доверия, и вместо самостоятельного командования ему предложили должность инструктора артиллерии Котласского боевого района.

На Северном фронте боевые действия сосредоточились вдоль рек и дорог, перекрытых хорошо укрепленными опорными пунктами. 6-й и 7-й Красным Армиям здесь противостояли около 10 тыс. иностранных войск и около 8 тыс. белогвардейцев. Английский генерал Э. Айронсайд предпринял попытку овладеть Котласом и через Пермь прорваться на соединение с А.В. Колчаком. Во время этих боев и начала всходить звезда Уборевича. Руководимая им батарея 120-миллиметровых орудий неоднократно топила вражеские суда и сравнивала с землей вражеские укрепления. Большое беспокойство доставляли налеты вражеской авиации, и тогда Уборевич предложил установить обычные 37-миллиметровые орудия на колеса и тем самым превратить их в зенитки. После этого налеты неприятельских самолетов практически прекратились.

Англичане хорошо знали фамилию Уборевича. В августе 1918 года газета «Таймс» отмечала, что противостоящие интервентам силы красных значительно улучшили качество своего артиллерийского огня. «Говорят, что командующим здесь назначен Уборевич, бывший поручик царской армии. Мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело».

После того как на железнодорожном направлении возникла критическая ситуация, И.П. Уборевича перебросили туда начальником новой 18-й дивизии. В короткое время он сумел выправить положение и даже перейти в контрнаступление. Летом 1919 года

дела на Севере складывались все более благоприятно для красных, но в этот момент способности Уборевича потребовались в другом месте...

На Южный фронт он прибыл с повышением. Вверенная ему 14-я армия прикрывала Брянское направление, соседняя, 13-я, – Орловское. Обе армии были сильно потрепаны в предыдущих боях, и теперь для их поддержки формировалась Ударная группа в составе Латышской дивизии, бригады Червонных казаков и бригады «пластунов» Павлова. Впрочем, и эти войска поначалу не смогли остановить победоносное наступление белых. 13 октября А.П. Кутепов взял Орел и повел наступление на Тулу.

В этот критический момент Ударная группа была передана в подчинение Уборевича. Собрал все наличные силы в кулак, «командарм-14» нанес сильный удар по дроздовской дивизии, овладел Кромами и вышел в тылы Кутепова. Белым пришлось прервать свой марш на Москву и срочно развернуться на 180 градусов. Подобный маневр отнял значительное время, которое большевики использовали для того, чтобы отбить еще и Орел (20 октября). Тем не менее ситуация оставалась весьма шаткой. Корпус А.П. Кутепова напоминал льва, пытающегося напасть на стадо (Москву), но вынужденного при этом отбиваться от трех пастухов (13-й армии А.И. Геккера, 14-й армии И.П. Уборевича и подчиненной ему же Ударной группировки), тычущих в него копытами...

Участники тех событий использовали еще один образ и говорили о «слоеном пироге», образовавшемся на рубеже Орел–Кромы. Войска противников перемешались, и даже их командиры с трудом ориентировались в постоянно меняющейся обстановке. С обеих сторон в бой шли последние резервы. Ценой огромного напряжения обессиленный корпус Кутепова вновь овладел Кромами, однако начальник Латышской дивизии Ф.К. Калнин, собрав всех больных, перешел в контрнаступление и вернул город обратно. Сам Уборевич в этой свистопляске с удивительной виртуозностью маневрировал частями и ухитрился ни разу не подставить их под удар неприятеля.

В конечном счете преимущество осталось за красными. Добровольческая армия решила отойти на несколько километров и перегруппировать свои силы. Однако спокойной перегруппировки не получилось. Уборевич взломал фронт между селами Чернь и Чернодье, после чего кавалерия В.М. Примакова огнем и мечом прошла по коммуникациям противника...

В начале декабря 14-я армия успешно овладела Харьковом, а еще через два месяца ее части уже входили в Одессу. Репутация Уборевича выросла настолько, что он уже считался своеобразным

специалистом по кризисным ситуациям. Оперативная обстановка менялась стремительно, и теперь Иероним Петрович принял командование над 9-й (Кубанской) армией, в задачу которой входило не дать Деникину отсидеться на рубежах Дона и Маныча. Вместе с другими частями Южного фронта войска Уборевича форсировали эти водные преграды и ворвались в считавшиеся контрреволюционными казачьи районы Юга России.

После упорных боев его части овладели Екатеринодаром и двинулись далее – к Новороссийску. Здесь скопились остатки деникинских армий, многочисленные тыловые учреждения и толпы гражданских беженцев. Все эти массы людей переправлялись в Крым, причем прикрывали эвакуацию войска Кутепова – недавнего противника Уборевича по Орловско-Кромскому сражению. Иероним Петрович сделал все от него зависящее, чтобы превратить эвакуацию в настоящий разгром вооруженных сил Юга России, и не его вина, что добиться этого не удалось. Скорее, в этом «вина» Кутепова, до последнего отстаивавшего подступы к городу. Тем не менее в Новороссийске красным достались огромные трофеи, в том числе штабные вагоны с изображенными на них портретами генералов Деникина, Улагая, Шкуро. По приказу Уборевича к этим портретам пририсовали кандалы и в таком виде состав отправили в Москву.

Следующим этапом в полководческой биографии И.П. Уборевича стала война с «панской» Польшей. Здесь он вторично принял командование 14-й армией, прикрывавшей на сей раз Одесское направление. Состав частей практически не изменился, а наличие червонных казаков вдохновило его на идею нового кавалерийского рейда по тылам противника. Вечером 3 июля 1920 года стрелковая дивизия и два бронепоезда прорвали оборону 6-й польской армии, после чего по отработанной схеме в тыл неприятеля пошла конница В.М. Примакова. Через три дня Примаков телеграфировал Уборевичу: «Проскуров взят, штаб 6-й армии разгромлен, взяты пленные... большие трофеи... Враг в панике бежит на запад. Генерал Роммер стремится отвести перепутавшиеся части армии за р. Збруч».

Не только полководческое мастерство, но порой и какое-то везение спасало Уборевича от поражений. Так, например, ему не пришлось участвовать в «освободительном походе» на Варшаву, закончившемся неожиданным и сокрушительным поражением красных армий. К тому времени Иероним Петрович вновь сражался против русских белогвардейцев, теперь уже во главе 13-й армии. В финале Крымской операции войска Уборевича практи-

чески не участвовали, зато именно они провели начальную стадию и, овладев Мелитополем, вышли на берега Сиваша...

Наконец, под занавес триумфального для Уборевича 1920 года ему довелось в третий и последний раз возглавить хорошо ему знакомую 14-ю армию. На сей раз Иероним Петрович нанес смертельный удар лидеру украинских националистов С.В. Петлюре. Против его полупартизанских соединений красный командарм выпустил отборную и испытанную в боях конницу Котовского и Примакова, которая менее чем за две недели уничтожила созданную на Правобережной Украине «самостийную» петлюровскую республику. Небольшие отряды «черношлычников» укрылись на территории Польши и Румынии...

Очередная победа была омрачена для Уборевича личной драмой. 4 ноября 1920 года, родив первого ребенка, в Брянске умерла его жена. Дочь назвали в честь матери – Надеждой, причем супруга Ленина Н.К. Крупская изъявила желание взять ее на воспитание. Однако бабушка новорожденной С.А. Дубинина, «поблагодарив за сердечную заботу», как ни трудно ей было, оставила внучку у себя.

Следующий, 1921 год, И.П. Уборевич провел, гоняясь за отрядами А.С. Антонова на Тамбовщине и С.Н. Булак-Балаховича в Белоруссии. Для военачальника такого калибра это было слишком мелко, и в 1922 году он получил назначение на пост военного министра и командующего войсками Дальневосточной республики. К тому времени Приморье оставалось последним оплотом Белого движения.

При помощи японцев здесь еще держались части М.К. Дитерихса и В.М. Молчанова. В качестве буфера между Советской Россией и Японией и была создана Дальневосточная республика. В.К. Блюхер (предшественник Уборевича на посту военного министра ДВР) разбил белогвардейцев под Волочаевкой, однако развитие этого успеха могло привести к конфликту со Страной восходящего солнца. Военные действия на некоторое время приостановились. Время работало на большевиков: под давлением США, опасавшихся усиления Японии на Дальнем Востоке, японцы начали эвакуировать свои войска из Приморья. Уборевич тут же перешел в наступление и после кровопролитного штурма выбил «земскую рать» воеводы Молчанова из хорошо укрепленного города Спасска. Развивая наступление, войска ДВР 25 октября 1922 года заняли Владивосток. Именно это событие большинство историков склонны считать датой окончания Гражданской войны в России...

В последующие годы И.П. Уборевич командовал Северо-Кавказским и Московским военными округами, занимал должности заместителя наркома по военным и морским делам и заместителя председателя Реввоенсовета. В 1935 году вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание командарма 1 ранга (предшествовавшее званию маршала).

В 1928 году И.П. Уборевич прошел курс германского Генерального штаба, а в 1931-м возглавил приграничный Белорусский военный округ. Теоретические разработки германских штабистов произвели на него огромное впечатление. Иероним Петрович опубликовал несколько работ, в которых предлагал учитывать необходимость модернизации и механизации армии. Соответствующих принципов он придерживался и в своей практической деятельности, тому же учил и своих подчиненных (в том числе будущих маршалов – К.Г. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, С.К. Тимошенко, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, М.В. Захарова, В.Д. Соколовского, И.Х. Баграмяна). Подобные воззрения сближали Уборевича с М.Н. Тухачевским и одновременно делали его противником наркома К.Е. Ворошилова. Борьба между двумя группировками завершилась победой партии Ворошилова.

Благодаря стараниям НКВД М.Н. Тухачевский и семеро его сторонников, в том числе И.П. Уборевич, были обвинены в организации «антисоветского военно-фашистского заговора». На суде Иерониму Петровичу припомнили его литовских родственников и учебу в Германии. По меркам тогдашней юстиции, все это неопровержимо доказывало факт работы на иностранную разведку. Обвиняемые пытались доказать свою невиновность, однако всех их топил своими показаниями бывший «червонный казак» В.М. Примаков (арестованный на год раньше других и уже основательно «обработанный» следователями).

12 июня 1937 году по приговору суда И.П. Уборевич и другие обвиняемые были расстреляны. 31 июня 1957 года Военная коллегия Верховного суда отменила этот приговор за отсутствием состава преступления.

ФАБРИЦИУС Ян Фрицевич (1877–1929)

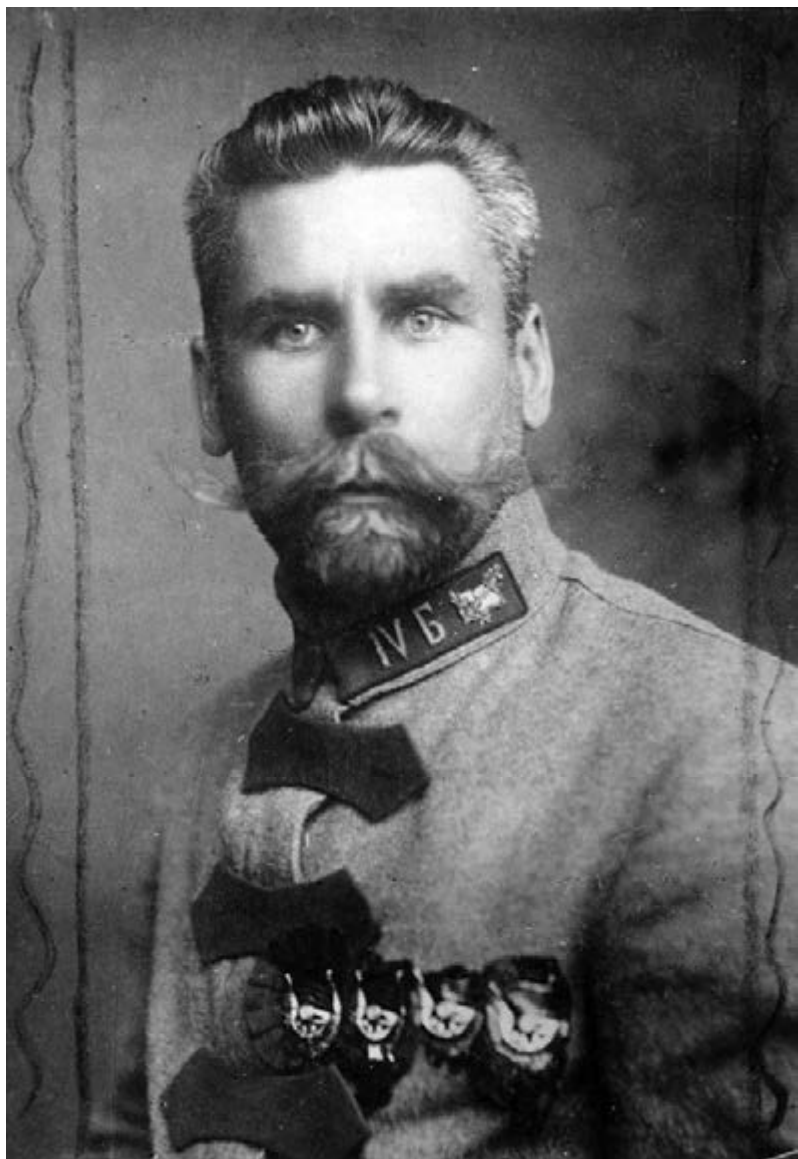
Ян Фрицевич Фабрициус родился в семье батрака. Окончил гимназию. Участвовал в революционном движении и в 1903 году вступил в латышскую социал-демократическую организацию. За участие в первомайской демонстрации был осужден на 4 года каторги. После ее отбытия сослан на Дальний Восток, где продолжил революционную деятельность.

После неудачной попытки бежать в США Я.Ф. Фабрициус вел революционную работу во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре. С 1916 года участвовал в Первой мировой войне, дослужившись до звания штабс-капитана. После Февральской революции, находясь на Северном фронте, принял участие в создании армейских комитетов. В октябре 1917 года командовал батальоном в 1-м латышском стрелковом полку.

Во время Гражданской войны Я.Ф. Фабрициус в должности комбрига воевал против К.К. Мамонтова, А.И. Деникина и в Польше. В 1921 году участвовал в подавлении мятежа в Кронштадте. Был 7 раз ранен.

В феврале 1919 года приказом Реввоенсовета Я.Ф. Фабрициус «за непрерывную самоотверженную работу на фронте в огне» был награжден орденом Красного Знамени. В июне 1920 года в боях в районе Сморгонь-Шиловичи действия Фабрициуса позволили пробить брешь в стене труднопреодолимых противопехотных препятствий белополяков. При этом потери красных составили 9 человек убитыми, в то время как противник оставил в окопах сотни убитых и раненых, ещё 200 белополяков сдались в плен. За этот подвиг Фабрициус был награждён вторым орденом Красного Знамени.

В марте 1921 года в бою под Кронштадтом Я.Ф. Фабрициус бросился вперед и, подавая пример храбрости, в числе первых ворвался в крепость, увлек своим мужеством красноармейцев, тем самым подавив сопротивление мятежников. Так говорилось в его представлении к третьей награде орденом Красного Знамени.

Ян Фрицевич Фабрициус

И, наконец, четвертый орден Красного Знамени был вручен ему в том же 1921 году «за бои при наступлении на Варшаву и последующие арьергардные бои».

В мирное время Я.Ф. Фабрициус командовал дивизией, корпусом. С 1928 года стал помощником командующего Кавказской армией. На XV съезде партии был избран в члены ЦКК ВКП(б). Погиб в авиационной катастрофе.

В августе 1929 года Я.Ф. Фрицевич отдыхал в Сочи. Его срочно вызвали на маневры Кавказской Краснознаменной армии. Очевидцы рассказали, что самолет упал в море в шестидесяти метрах от берега и некоторое время держался на воде. К нему тут же подплыло несколько лодок. Фабрициус, находившийся в кабине в числе пассажиров, высунулся в окно и закричал: «Здесь женщина с ребенком. Спасайте их!» Он подал в окно девочку лет четырех-пяти. Потом буквально вытолкнул женщину. А в тот момент, когда Фабрициус попытался вылезти в окно сам, самолет перевернулся. Так погиб этот отважный красный командир, добрый, кристально чистый человек. В минуту смертельной опасности он уступил другим свое право на жизнь, на спасение! Так поступить мог только настоящий человек⁴⁸.

ФЕДЬКО **Иван Федорович** **(1897–1939)**

Иван Федорович Федько родился в 1897 году в селе Хмелове на Полтавщине. Живописные, раздольные здесь места, но не в радость были они: трудно жилось крестьянской семье. Настолько трудно, что пришлось бросить родные края. Долгое время скитались с места на место, переноса постоянные лишения. Наконец кое-как устроились в Кишиневе.

⁴⁸ См.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М., 1997.

Учился Иван Федько хорошо, с отличием закончил училище и был принят на Кишиневскую мебельную фабрику. Но работать пришлось недолго. Шел третий год Первой мировой войны. Молодого рабочего призвали в армию.

Службу И.Ф. Федько проходил в Ораниенбауме, в учебной пулеметной команде. Здесь он примкнул к революционно настроенным солдатам, стал постоянным участником бесед и споров о политике, о том, кому нужна война, кто такие большевики. Революционные настроения охватили всю роту. Перепуганное начальство решило принять срочные меры. Роту расформировали и отправили на Юго-Западный фронт.

В первом же бою Федько показал себя храбрым солдатом. Он без промедления поднимался в атаку, не терялся под огнем, действовал стремительно и точно. Когда в одном из боев погиб командир отделения, вместо него назначили Федько. В канун 1916 года его направили в киевскую школу прапорщиков. В феврале 1917 года он восторженно встретил весть о свержении самодержавия и внимательно следил за бурно развивающимися политическими событиями, посещая солдатские и рабочие митинги, читая большевистские газеты. После окончания школы прапорщиков Федько был откомандирован в Крым, в город Феодосию и назначен командиром взвода в украинский батальон 35-го пехотного запасного полка.

В Феодосии И.Ф. Федько установил связь с большевиками и в июне 1917 года вступил в ряды РСДРП(б).

С утра 2 января 1918 года на улицах Феодосии было необычно оживленно. Группами и поодиночке стекались люди к казармам 35-го полка. На балконе появился Федько. Он обратился к рабочим и солдатам с боевым призывом: «К оружию, товарищи!» Восставшие овладели арсеналом. Отряд эскадронцев был встречен огнем. С оружием в руках Федько боролся за установление советской власти – с оружием в руках встал на ее защиту.

18 февраля 1918 года началось наступление полумиллионной австро-германской армии. И.Ф. Федько, избранный председателем военревкома, сформировал Особый отряд. Первый черноморский. Его отправили в Николаев, где матросы, рабочие и солдаты подняли восстание против немцев и гайдамаков, захвативших город. Отряду удалось выбить немцев с окраинных и слободских улиц, освободить порт и вокзал, соединиться с восставшими и значительно потеснить противника. Но силы были неравные, а подкрепление из Александровска, на которое рассчитывал Федько, не подходило. Немцы успели стянуть к центру свежие силы и под прикрытием огня артиллерии и бомбометов перешли в атаку. Теперь повстанцам приходилось отбиваться от яростного натиска

противника. Не раз Федько водил бойцов в контратаки, не раз сам брался за ручки «Максима». У восставших были на исходе патроны и снаряды, немцы же вводили в бой все новые силы. На следующий день над городом появились немецкие самолеты. Они забрасывали бомбами позиции красногвардейцев...

В середине апреля 1918 года немцы и гайдамаки прорвали оборону малочисленных и слабо вооруженных отрядов на Перекопе, заняли Армянск и двинулись на Юшунь... Чтобы объединить отдельно действовавшие отряды, Севастопольский областной военно-революционный комитет образовал в восточной части Крыма Восточный фронт и главкомом фронта назначил И.Ф. Федько. Уроки первого боя не забылись. Дисциплина, революционный порядок, единое командование – в этом Федько видел залог успеха.

Тем временем захватчики уверенно продвигались вглубь полуострова. Чтобы выиграть время для эвакуации Симферополя и организации обороны Севастополя, необходимо было задержать немцев и гайдамаков у Джанкоя, крупного железнодорожного узла. Эту ответственную задачу взял на себя Черноморский полк.

Уже несколько ночей И.Ф. Федько не смыкал глаз. Бессонной была и эта ночь, ночь на 20 апреля. В солдатской шинели и кубанке с красной звездой командир от батальона к батальону обходил расположение полка, проверяя готовность к атаке, беседуя с бойцами. На утро, не выдержав натиска, немцы и гайдамаки дрогнули и отступили. Бойцы двинулись в штыковую атаку. Отдельные смельчаки уже ворвались на окраинные улицы. Но тут немцы стали обходить левый фланг. И Федько приказал полку отойти к Колаю. Надо было избежать прямых столкновений с противником, обладавшим преимуществом и в численности, и в вооружении.

Федько, приведя полк в порядок, предпринял новую атаку. И опять – отход, и опять – атака. Только такая тактика позволяла полку вести борьбу с превосходящими силами противника. Ускользая от обходов врага, Черноморский полк наносил ему болезненные удары, заставляя вводить в бой все новые силы. От Колая к Сейтлеру, от Сейтлера к Грамматикову отходил полк, постоянно атакуя. Задача была выполнена: активными действиями полк оттянул на себя значительную часть немецко-гайдамацких войск, дав возможность Севастопольскому областному военно-революционному штабу задержать немцев у реки Альма.

Через Владиславовну полк отошел к Керчи и приступил к эвакуации. Пенилась и бурлила вода за бортом. Уплывала, таяла вдали полоса крымского берега.

В мае 1918 года Черноморский полк прибыл в Ейск. В горьком партии И.Ф. Федько ознакомили с военно-политической обста-

новкой на Кубани. Она была сложной. В районе станиц Мечетинская – Кагальницкая – Егорлыкская разместилась Добровольческая армия А.И. Деникина. Здесь белогвардейцы набирались сил после неудачных боев и готовились к новому наступлению. Немецкий десант высадился в Тамани. Войска захватчиков подходили к Батайску.

И.Ф. Федько был назначен командующим 3-й колонной революционных войск, в которую вошел и Черноморский полк.

Натиск захватчиков становился все ожесточенней, и все-таки Федько сумел, не ослабляя руководства войсками, организовать сбор продовольствия для городов и промышленных центров страны. Хлеб нужен республике, как оружие и боеприпасы. Без него не победить врага. Один за другим от станции Крыловской отошли на север 10 эшелонов с продовольствием.

Отдохнув и вооружившись, деникинская армия, состоявшая на 80 процентов из офицеров, двинулась в свой второй поход на Кубань против войск Северного Кавказа. Первым ударом белогвардейцы намеревались захватить станцию Торговую и перерезать железнодорожное сообщение на линии Тихорецкая – Царицын. Так возникло царицынское направление. Командующим советскими войсками на этом участке был назначен И.Ф. Федько.

Прибыв в середине июля с небольшим штабом и частью Черноморского полка на станцию Песчанокопскую, командующий в первую очередь организовал разведку. Станицы Песчанокопская, Белая Глина, Новопокровская вскоре стали местом кровопролитных боев. Преимущество белых было явным. И все-таки им не удавалось добиться решающего перевеса. Вместе с красноармейцами сражалось все население. По несколько раз в день станицы переходили из рук в руки. Только глубокий обход белой конницей рубежа обороны заставил Федько отвести советские войска к Тихорецкой.

Необходимо было найти способ борьбы с маневренным противником. И такой способ нашелся: автоотряд. Три бронемашины «Остин» вошли в состав отряда. Правда, их еще надо было «подлатать», да и грузовики нуждались в ремонте. На помощь пришли рабочие железнодорожного депо станции Тихорецкая. Бронемашины и грузовики «Фиат» с установленными на них пулеметами были готовы к боевым действиям. Случай не замедлил представиться.

Белая конница атаковала Тихорецкую. Белогвардейцы не сомневались в успехе. Внезапным ударом с тыла автоброневой отряд обрушил на них ураганный пулеметный огонь. Смешав боевые порядки, конница поспешно отступила. За первым успехом

броневого отряда последовал второй, третий... Видя в отряде серьезную угрозу, белые стали охотиться за ним. Во время одной из атак прямым попаданием была разбита машина И.Ф. Федько. Он был ранен, но в госпитале долго не задержался. Еще не сняли с ног повязки, еще не всегда удавалось обходиться без костылей, а Федько уже опять руководил боями: не мог он в такое время выжить из строя.

Вскоре белогвардейцам удалось захватить Тихорецкую, в их руках оказался центр Кубани – Екатеринодар. Причины их успеха были в слабой дисциплине красных войск и отсутствии единого плана боевых действий у главкома И.Л. Сорокина. Реввоенсовет сделал попытку вмешаться в действия главкома, но Сорокин воспринял это вмешательство как ущемление своей власти и решил расправиться с теми, кто стоял на его пути. Он расстрелял в Пятигорске большую группу партийных работников. Расстрел угрожал и Федько, но боевые товарищи вовремя предупредили его. Предательство Сорокина нанесло тяжелый удар советским войскам.

Совещание партийного актива, на котором присутствовал и И.Ф. Федько, постановило немедленно созвать чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа. Съезд объявил Сорокина вне закона и назначил главкомом Федько.

Войска Северного Кавказа образовали 11-ю армию. И эта армия, несмотря на крайне трудное положение, снова сражается и, ведя упорные бои, наносит противнику серьезные удары. Но долго продержаться армия не могла. Сыпной тиф косил бойцов и командиров. В декабре, лишенная продовольствия и обмундирования, патронов и снарядов, отрезанная от Советской России, 11-я армия вынуждена была начать отход к Астрахани. Отступление советских частей прикрывал прославленный Ленинский полк, который носил это имя с согласия самого В.И. Ленина.

Героически держались ленинцы, прикрывая отход 11-й армии через Моздок – Кизляр к Астрахани. Голодная, раздетая, шла армия по заснеженным просторам. Бураны заносили снегом ее колонны. Единственное тепло – костры из сломанных повозок. Единственная пища – мясо лошадей. Каждый километр пути давался ценой невероятного напряжения. Тиф, цинга, оспа обрушились на ослабевших, измученных людей. С трудом тащились по степному безлюдью обозные повозки, заполненные больными. Многое в эти тяжкие дни зависело от командиров. Стойкость и выдержка еле держащегося на ногах заболевшего Федько были примером для бойцов. Как и в бою, он шел рядом с ними.

Трудно сказать, что больше помогло: природное здоровье или желание поскорее вернуться в строй, – только вскоре Федько снова

был на ногах. Вышел из госпиталя и сразу явился к члену Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта С.М. Кирову. Разговор, начавшийся с рассказа Федько о трудном переходе через калмыцкие степи, перешел на военно-политическую обстановку, которая сложилась на юге страны. К этому времени наступление белых на астраханском направлении закончилось. Деникин готовил новый удар, перебрасывая войска в Донбасс, в Крым.

В апреле 1919 года И.Ф. Федько вместе с группой командиров и комиссаров побывал в Москве, откуда выехал в распоряжение ЦК КП(б) Украины и Наркомвоенмора Украины. Он был назначен членом Реввоенсовета Крымской республики, заместителем наркомвоенмора и командующего Крымской армией П.Е. Дыбенко, знаменитого председателя Центробалта. Сбросить белых в море советским частям мешали англо-французские корабли. Их артиллерия простреливала весь 18-километровый перешеек. Постоянно отводя на отдых потрепанные в боях части и подбрасывая свежие войска с Дона и Кубани, белые на Ак-Монайских позициях имели до 7–8 тыс. человек.

В июле 1919 года Крымская армия была реорганизована в 58-ю Крымскую стрелковую дивизию. Начальником ее стал И.Ф. Федько. В августе 58-я дивизия сосредоточилась в районе Николаева. Со всех сторон ее окружали враги. На востоке – Деникин, на западе – Петлюра, на юге – белые десанты и огонь английского и французского флотов. В тылу действовали махновские банды.

21 сентября завязались бои на подступах к Киеву. Приказ о наступлении был получен накануне. На Киев наступали с трех сторон. С флангов – 44-я дивизия И.Н. Дубового и 45-я И.Э. Якира, в центре, нанося главный удар, – 58-я дивизия И.Ф. Федько. Огонь бронепоезда поддержал наступление двух бригад дивизии. Они ворвались в город. Деникинцы, для которых Киев имел большое значение, бросили против советских частей не только кадровые полки, но и торгашей, лавочников – всех, кто связывал свои надежды с белой армией. Орудия 58-й дивизии прямой наводкой уничтожали пулеметные гнезда противника, открывая путь пехотинцам. Четыре дня и четыре ночи не покидал боевых порядков Федько. На пятый день город был полностью очищен от врага. В разгар боев было получено постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, подписанное В.И. Лениным, о награждении 58-й Крымской дивизии Почетным Знаменем революции. Приказом Реввоенсовета за проявленные в боях отвагу и мужество И.Ф. Федько был награжден орденом Красного Знамени.

В ноябре 1919 года партия направила И.Ф. Федько в Москву, в Академию Генерального штаба. Он учился с увлечением. Обширный боевой опыт обогащался теорией.

В июне 1920 года армия П.Н. Врангеля двинулась на Донбасс. Федько просит направить его на фронт и в июне же принимает командование 46-й стрелковой дивизией.

Ореховское направление... Здесь белые стремились во что бы то ни стало сломить сопротивление советских частей. Ранним утром Федько повел дивизию в наступление. Атака советских войск застала белогвардейцев врасплох. К вечеру дивизия подошла к городским окраинам и охватила Орехов с юга. Белые яростно сопротивлялись. Наступила ночь, а бой не затихал. К рассвету он разгорелся с новой силой. Части дивизии перешли в решительное наступление. В полдень следующего дня красные полки овладели городом. Дивизия захватила большие трофеи: бронемашины, орудия, пулеметы и даже исправный самолет. Но победа еще не была полной...

Во второй половине дня Дроздовская офицерская дивизия, усиленная конницей, пошла в атаку. К вечеру белогвардейцы прорвали фронт. Наступление белых поддерживала авиация. 46-я дивизия вынуждена была оставить город.

На рассвете в бой пошла бригада курсантов, приданная для усиления дивизии, но не смогла преодолеть ураганного огня белогвардейцев и отступила. Начдив направился в распоряжение бригады.

– Федько! Федько! – из уст в уста пронеслось по цепи курсантов, когда он появился в боевых порядках. Еще далеко не все его знали в лицо, но каждому был известен славный боевой путь начдива. Начдив отдал приказ о наступлении и лично повел бригаду в атаку.

Дроздовцы встретили красные цепи шрапнелью и ожесточенными контратаками. Казалось, наступление захлебнется, не выдержат курсанты, не выстоят, но Орехов все же был взят.

В начале октября белые переправили через Днепр, у Хортицы, свои лучшие части, в том числе отборную марковскую дивизию. И.Ф. Федько командовал в это время уже группой войск в составе 46-й и 3-й стрелковой дивизий, которая получила приказ разгромить белогвардейцев. Смело контратакуя, дивизии Федько отбросили марковцев к Днепру.

Эта победа имела исключительно важное значение, и второй орден украсил грудь И.Ф. Федько. Его 46-я дивизия вместе со всеми частями Южного фронта преследовала отступающую белогвардейскую армию. Не спасли ее от разгрома укрепления, построенные под руководством английских и французских инженеров. Не помогло оружие, полученное из США...

В ноябре 46-я дивизия перешла Сиваш и вступила в Крым. Осенью 1920 года с Врангелем было покончено.

И.Ф. Федько вернулся к занятиям в академии, но вскоре снова прервал их, чтобы быть там, где потребовался его боевой опыт и стойкость воина-коммуниста. Он – участник штурма мятежной Кронштадтской крепости.

Для наступления сформированы две группы: Южная и Северная. Главный удар наносила Южная группа. В нее входила Сводная дивизия П.Е. Дыбенко, в составе которой была 187-я бригада под командованием Федько.

Десять километров заснеженного ледяного поля отделяли бастионы крепости от берега. Все пространство от берега до крепости простреливалось артиллерией и орудиями дредноутов, захваченных мятежниками. Если наступавшим все-таки удастся дойти до крепости, их встретит огонь артиллерии малого калибра, пулеметов, винтовок... Все преимущества оказались на стороне мятежников, но медлить было нельзя. Наступающая весна превратила бы крепость в остров, который мог стать опорным пунктом для новой интервенции.

16 марта 1921 года советская артиллерия начала обстрел мятежной крепости. С наступлением темноты огонь затих. Войска ждали условного часа. И вот он наступил. В числе других спустилась на лед и 187-я бригада. К утру 18 марта сопротивление мятежников было сломлено. «...За проявленную храбрость и самоотверженную работу, выполненную им при взятии крепости Кронштадт», И.Ф. Федько был награжден третьим орденом Красного Знамени.

В марте Федько вел свою бригаду по ледяному полю против мятежной крепости, а в мае, снова прервав занятия в академии, участвовал в борьбе с антоновскими бандами, действовавшими в лесистой и заболоченной местности Тамбовской губернии.

И.Ф. Федько был назначен начальником 1-го боевого участка с центром в городе Кирсанове. Сложность стоявшей перед ним задачи заключалась в том, что нужно было не только бороться с бандитами, но и проводить большую разъяснительную работу среди крестьян. Выступая на многочисленных сходках, Федько знакомил крестьян с постановлением ВЦИК об отмене продразверстки, о свободной торговле, о нэпе.

Но все-таки у мятежников сохранились значительные силы. Хорошо ориентируясь в местности, пользуясь поддержкой кулаков, предоставлявших им лошадей и продовольствие, бандиты ускользали из-под ударов кавалерийских бригад. Нужно было найти эффективный способ борьбы с врагом, применявшим партизанскую тактику.

Еще по дороге в Тамбов Федько убежденно высказался за создание подвижных автоброневых отрядов. Сначала удалось собрать только семь машин: шесть грузовых и одну легковую. Потом к ним прибавилось еще несколько броневикулов и грузовикулов с пехотой. Отряд был невелик, но зато обладал неоценимыми качествами: скоростью передвижения и маневренностью. Автоброневой отряд наступал в тесном взаимодействии с кавалеристами. Обладая большой скоростью, отряд легко обходил антоновцев, преграждал путь и гнал под удары красной конницы.

Внезапные удары парализовали действия мятежников. Убедившись в бесполезности сопротивления, многие из них бросали оружие. К августу 1921 года мятеж был ликвидирован. За умелые действия против антоновщины И.Ф. Федько награждается четвертым орденом Красного Знамени. Только Я.Ф. Фабрициус, В.К. Блюхер и С.С. Вострецов, кроме него, были за годы Гражданской войны четырежды удостоены этой высокой награды.

Гражданская война завершилась, и больше ничто не мешало И.Ф. Федько продолжать образование. Академия была успешно закончена. В 1923 году Федько был назначен начальником 18-й Ярославской стрелковой дивизии, а через полтора года, командуя корпусом, руководил ликвидацией басмачества в Бухаре.

С 1925-го по 1929 год И.Ф. Федько работает начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1930 году его назначили командующим Кавказской Краснознаменной армией, а 17 октября 1933 года – помощником командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В.К. Блюхера. 20 июня 1934 года он сменил В.К. Путну на должности командующего Приморской группой войск ОКДВА.

С мая 1937 года по январь 1938 года И.Ф. Федько – командующий войсками Киевского военного округа. С января 1938 года – первый заместитель Наркома обороны СССР. Одновременно с марта 1938 года он был членом Главного военного совета РККА.

И.Ф. Федько был арестован 7 июля 1938 года. Сначала он отказывался признать за собой какую-либо вину, несмотря на избияния и пытки. Однако в конце концов следователи добились своего: Федько дал признательные показания о своём якобы участии в «военно-фашистском заговоре». 26 февраля 1939 года он был приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян. После смерти Сталина в 1956 году реабилитирован.

ФЕЛЬДМАН **Борис Миронович** **(1890–1937)**

Борис Миронович Фельдман родился в январе 1890 года в городе Пинске Минской губернии в семье столяра. С пятнадцати лет стал работать. В 1913 году был призван в армию. В качестве рядового солдата участвовал в боях и операциях Первой мировой войны.

В мае 1918 года Б.М. Фельдман вступил в ряды Красной Армии. Занимал должность секретаря штаба войск Брянского района (май 1918 года). С ноября 1918-го – слушатель младшего курса Академии Генерального штаба РККА. В ходе учебы несколько раз командировался на фронты действующей армии, занимая должности: помощника начальника оперативного отделения штаба 13-й армии (май – июнь 1919 года), начальника штаба 1-й бригады 9-й стрелковой дивизии (июнь – сентябрь 1919 года), помощника и старшего помощника начальника штаба 57-й стрелковой дивизии по оперативной части (май – июнь 1920 года). В 1920 году вступил в РКП(б). В июне – сентябре 1920 года – начальник штаба 57-й стрелковой дивизии. С сентября по декабрь 1920 года – начальник 55-й стрелковой дивизии. С января 1921 года – командир отдельной кадровой бригады, с октября того же года – командующий войсками Тамбовского района. В 1921 году окончил Военную академию РККА. С мая по июль 1922 года – начальник штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики.

С ноября 1922 года – командир и военком 17-го, а с июня 1924 года – 19-го стрелковых корпусов. Из приказа Реввоенсовета СССР № 8 от 16 января 1924 года: «Награждается орденом Красного Знамени командир 17-го Приморского корпуса Фельдман Борис Миронович – за то, что, руководя войсками вверенного ему корпуса, весной и летом 1923 года в Приморском и Камчатском крае искусным ведением боевых действий, при чрезвычайно трудных условиях этого отдаленнейшего, лишенного всяких средств сообщения края в короткий срок очистил все Приморье от белых банд

и в корне ликвидировал попытки белогвардейского генерала Пепеляева укрепиться в Камчатском крае».

С ноября 1926 года Б.М. Фельдман – начальник штаба Ленинградского военного округа. В 1927 году в составе группы командиров РККА совершил поездку в Германию, где знакомился с системой обучения в рейхсвере. В 1928 году окончил КУВНАС (курсы усовершенствования высшего начальствующего состава) при Военной академии имени М.В. Фрунзе. С июля 1931 года – начальник Главного управления РККА. С декабря 1934 года – начальник Управления по командно-начальствующему составу РККА. С апреля 1937 года – заместитель командующего войсками Московского военного округа. Член Военного совета при наркомате обороны.

15 мая 1937 года Б.М. Фельдман был арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 года по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 12 июня 1937 года. Определением Военной коллегии от 31 января 1957 года Фельдман был реабилитирован⁴⁹.

ФРУНЗЕ

Михаил Васильевич

(1885–1925)

Михаил Васильевич Фрунзе был одним из наиболее крупных военачальников Красной Армии во время Гражданской войны, военным теоретиком, инициатором создания Иваново-Вознесенской губернии и её первым главой.

Окончив среднюю школу в городе Верный (совр. Алма-Ата) с золотой медалью, М.В. Фрунзе поступил в Петербургский поли-

⁴⁹ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. – М., 2012. – С. 119–120.

технический институт, учеба в котором была прервана арестом за революционную деятельность. Выдающиеся способности, постоянное стремление к самообразованию уже в юношеские годы сформировали из него высокообразованную личность.

После Февральской революции М.В. Фрунзе руководил революционным движением в Белоруссии и проводил большую работу по сплочению солдат Западного фронта, рабочих и крестьян вокруг большевиков. В дни корниловского мятежа фронтовым комитетом армии Западного фронта и Исполкомом Минского комитета Фрунзе был назначен начальником штаба революционных войск Минского участка. В сентябре 1917-го Фрунзе был направлен в город Шую, где его избрали председателем Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Во главе 2-тысячного отряда шуйских и ивановских ткачей и революционных солдат он участвовал в боях 1917 года в Москве, в штурме Кремля и был делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов.

ЦК партии большевиков и Советское правительство в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны неоднократно направляли М.В. Фрунзе на ответственные и опасные участки военных действий. В течение весны и лета 1918 года Фрунзе возглавлял Иваново-Вознесенский губисполком и губернский комитет партии, работая одновременно губернским военным комиссаром и председателем губсовнархоза. В июле 1918 года он прибыл на 5-й Всероссийский съезд Советов и принял участие в ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве. После подавления контрреволюционного мятежа в Ярославле в августе 1918 года Фрунзе был назначен военным комиссаром Ярославского военного округа, где провел большую работу по формированию частей Красной Армии.

Перед новым 1919 годом М.В. Фрунзе приступил к исполнению обязанностей командующего 4-й армией Восточного фронта. В военных кругах не только белых, но и красных о нём почти ничего не было известно. Какими-либо крупными воинскими соединениями он прежде не командовал. И вот на важнейший в то время фронт большевики направляют отнюдь не профессионального военного. Было над чем задуматься. Однако руководство молодой Советской республики и лично В.И. Ленин знали, кто такой М.В. Фрунзе, и это доверие он вскоре оправдал.

В конце 1918 года 4-я армия Восточного фронта, которой прежде командовал генерал А.А. Балтийский, одним из первых перешедший на сторону советской власти, была армией, скорее, по названию. Старые генералы тогда среди красноармейцев доверием не пользовались. Низкая дисциплина, расхлябанность, партизанщина, несоблюдение приказов, слабая партийно-политическая

работа – всё это встретило Фрунзе, когда он прибыл в расположение войск. К тому же под влиянием антисоветских элементов восстали два полка и команда бронепоезда. Один из командиров полка и комиссар были убиты. Кровавая расправа была учинена также над группой партийных работников, посланных в эту армию.

Произведя в Уральске смотр частей Николаевской дивизии, М.В. Фрунзе смог убедиться в низкой её боеспособности. Но уже за несколько недель он превратил 4-ю армию в крепкую боевую единицу. Сподвижник Фрунзе – старый генерал Ф.Ф. Новицкий⁵⁰ оставил воспоминания о том, как Фрунзе в сопровождении только адъютанта прибыл в расположение одной из бригад, отличавшейся особым бунтарством. При появлении командующего никто даже не встал. Но всё изменилось после его выступления, которое произвело на красноармейцев ошеломляющее впечатление. Фрунзе подкупил их своей убеждёностью, умом, волей и своим необыкновенным личным обаянием. Когда командующий уходил, все встали, а находившиеся возле входа командиры бросились открывать перед ним дверь.

М.В. Фрунзе перегруппировал силы, укрепил кавалерию, которой так не хватало, привлёк ряд военных специалистов, кроме Ф.Ф. Новицкого, также Д.М. Карбышева, В.С. Лазаревича и других. Среди них был и В.И. Чапаев, вернувшийся из Военной академии и возглавивший сначала бригаду, а затем свою легендарную 25-ю дивизию. К моменту наступления А.В. Колчака, которое началось в начале марта, 4-я армия была уже вполне боеспособна и могла вести активные боевые действия.

Гражданская война прошла ряд поворотных моментов. Но, пожалуй, решающим был разгром А.В. Колчака и А.И. Деникина. Причём разгром Колчака был всё-таки важнее. В марте 1919 года У. Черчилль был уверен, что через две недели Колчак возьмёт Москву. На проходившую в то время Версальскую конференцию Советская Россия официально приглашена не была, но зато присутствовал там представитель Белого движения. Конференция признала Колчака «правителем всей России». Но планы Антанты были перечёркнуты буквально в считанные месяцы.

Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку на Восточном фронте, 4-я армия показала себя с лучшей стороны уже в самом

⁵⁰ Новицкий Фёдор Фёдорович (1870–1944) – русский и советский военачальник, генерал-майор русской императорской армии, генерал-лейтенант авиации Красной Армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1940 г. – начальник Мемориального кабинет-музея при Военной академии им. М.В. Фрунзе. Многие годы, начиная с 1923 г. и до ухода из жизни, находился на преподавательской работе сначала в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, а затем в Военной академии им. М.В. Фрунзе.

начале колчаковского наступления. Неслучайно командовавший тогда Восточным фронтом С.С. Каменев, вскоре ставший главнокомандующим Вооружёнными Силами Республики, писал М.В. Фрунзе: «Работа вашей армии превзошла все ожидания – единственная светлая страница нынешних дней фронта». Ещё командуя армией, в апреле Фрунзе предложил Каменеву идею контрудара во фланг и тыл наступающих колчаковцев. Идея была принята, и для её реализации он был назначен командующим Южной группой фронта, в которую кроме 4-й армии вошли ещё три: 1-я, 5-я и Туркестанская.

Эта группа и нанесла по колчаковцам решающий удар. В июне была освобождена Уфа, а через несколько дней красные части вышли к предгорьям Уральского хребта. Красная Армия прочно овладела стратегической инициативой. По предложению В.И. Ленина в июле 1919 года, на самом пике Гражданской войны, Восточный фронт молодой Советской республики, противостоявший колчаковским армиям, возглавил 34-летний полководец М.В. Фрунзе. Вскоре был освобождён Урал. Колчаковцы в беспорядке продолжали отступление. Их судьба уже была предрешена, и в этих условиях Фрунзе получает новое задание. Его назначают командующим Туркестанским фронтом. Ф.Ф. Новицкий по этому поводу оставил следующее свидетельство: «Контрудар по Колчаку, осуществлённый Фрунзе, представляется настолько искусным, а результаты его явились настолько большими, что, не будь впоследствии победных операций на Туркестанском и особенно на Южном фронтах, всё равно за Фрунзе была бы обеспечена слава великого пролетарского полководца».

В командование Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе вступил в августе всё того же 1919 года. Предстояло действовать в новых условиях, и выбор его в качестве командующего был не случаен. Учитывалось, ко всему прочему, что сам он был родом из этих мест, знал обычаи мусульманского населения, владел тюркским (казахско-киргизским) языком, хорошо понимал значение национального вопроса. Фрунзе должен был укрепить хозяйственные связи Туркестана и Центральной России и, прежде всего, поставить текстильщикам среднеазиатский хлопок.

В состав Туркестанского фронта входили 1-я, 4-я и 11-я армии. Ему также были подчинены войска, располагавшиеся в отрезанном колчаковцами Туркестане. Под руководством М.В. Фрунзе было проведено несколько военных операций, причем первой из них стала Актюбинская, в которой он разгромил Южную армию колчаковцев, а 55 тыс. человек сдались в плен. Войска Фрунзе открыли путь в Туркестан и соединились с частями красных этой

республики. Сквозное движение Оренбург – Ташкент было открыто, и на станцию Оренбург прибыл первый поезд с хлопком. Далее последовала Уральско-Гурьевская операция, приведшая к полному очищению от белогвардейцев Прикаспия.

Вскоре М.В. Фрунзе организовал наступление, приведшее к разгрому главной группировки войск А.В. Колчака. В августе 1919 года уже в качестве командующего Туркестанским фронтом он провел операцию по окружению и уничтожению в районе городов Орск и Актюбинск белогвардейской армии генерала П.А. Белова, открыв таким образом полностью путь в Туркестан. В декабре 1919 года была разгромлена уральская белоказачья армия.

Хотя М.В. Фрунзе не участвовал непосредственно в борьбе против А.И. Деникина, действиями своего фронта он оказал существенную помощь в отражении и этой серьёзной опасности для Советской республики. Зимой 1920 года Фрунзе обосновался в Ташкенте и сосредоточил свои силы на установлении советской власти в Средней Азии. Здесь ему пригодились знания тюркского языка, причём не только для работы с местным населением, но и в общении с тюркоговорящими частями Красной Армии. Сохранились сведения о том, как Фрунзе проводил смотр советской татарской бригады. Он произнёс речь на татарском языке, чем буквально поразил красноармейцев, которые горячо его приветствовали.

Военные действия М.В. Фрунзе сочетал с тонкой дипломатией, учитывавшей специфику Востока. Благодаря этому он привлёк на сторону советской власти крупные отряды басмачей, в частности, соединения под командованием Мамадин-бека. Завершилась деятельность Фрунзе в Туркестане проведением успешной Бухарской операции, где он продемонстрировал умелые действия в условиях пустынной местности. В результате этой операции бухарский эмир бежал в Афганистан. В октябре 1920 года была провозглашена Бухарская народная советская республика.

С февраля по август 1920 года М.В. Фрунзе, продолжая командовать войсками, одновременно работал членом комиссии ВЦИК и членом комиссии ЦК РКП(б) по делам Туркестана. Войска Туркестанского фронта под командованием Фрунзе осуществили успешные операции против белогвардейцев и банд басмачей, ликвидировали красноводскую группировку белых, а также семиреченский белогвардейский фронт. Значение операций в Казахстане и Средней Азии трудно переоценить. Советская власть была установлена на огромной территории, а Центральная Россия получила хлеб, нефть и хлопок, в которых остро нуждалась.

К осени 1920 года возникла серьёзная угроза от начавших наступление со стороны Крыма белогвардейских соединений под

командованием П.Н. Врангеля. В сентябре 1920 года М.В. Фрунзе возглавил войска Южного фронта, прибыв в Харьков, где формировался его штаб. Перед отправкой на Юг В.И. Ленин просил полководца завершить кампанию против Врангеля в декабре 1920 года, зная мнение Л.Д. Троцкого о том, что зимняя кампания неизбежна. Фрунзе обещал эту просьбу выполнить, добавив при этом: «К декабрю».

Он разработал и осуществил план разгрома П.Н. Врангеля и освобождения Крыма; уже в ноябре вся территория Таврии была очищена от врангелевцев. Для полного разгрома Врангеля М.В. Фрунзе понадобилось менее двух месяцев. Одержав победу в боях за Северную Таврию, он провёл затем блестящую Перекопско-Чонгарскую операцию, приведшую к полному освобождению Крыма от белогвардейцев. Уже до этого имя Фрунзе было известно всей стране, но после победы в Крыму оно стало поистине легендарным.

В декабре М.В. Фрунзе был назначен командующим всеми вооружёнными силами на Украине, а в январе 1921 года также и вооружёнными силами Крыма. Сохранились воспоминания генерала С.Д. Харламова⁵¹ о прибытии М.В. Фрунзе в Харьков. Поезд никто не встречал, и командующий вместе с адъютантом пешком пришли в здание штаба. Одет он был в простую серую шинель и сразу приступил к обсуждению обстановки на фронте. Тронули простота и сердечность Фрунзе, его на редкость чуткое отношение к людям. По словам того же Харламова, некоторые военспецы неприязненно, даже высокомерно относились к красным командирам, считали их недорослями в военном деле: «Встреча с Фрунзе их прямо-таки ошеломила. Они увидели, что этот человек, хотя и не прошёл академического курса, стоит на несколько голов выше их в знании военных вопросов».

На Украине М.В. Фрунзе предстояло ликвидировать бандитизм и, прежде всего, махновщину. Вступив в союз с советской властью против П.Н. Врангеля, махновцы использовали этот шаг для укрепления своих частей вооружением и боеприпасами за счёт Красной Армии и освобождения из плена своих сторонников. Отряды Н.И. Махно грабили транспорт и тыл Красной Армии, проводя при этом активную агитацию за «Советы без коммунистов». На контролируемой ими территории они проводили мобилизацию в свою армию и собирали анархистов со всей страны. В декабре 1920 года по махновцам был нанесён первый чувстви-

⁵¹ Харламов Сергей Дмитриевич (1881–1965) – российский и советский военачальник, командарм времён Гражданской войны, генерал-майор (1940).

тельный удар. Однако борьба с ними завершилась лишь в августе 1921 года. По приказу Фрунзе Г.И. Котовским были разгромлены отряды Ю.О. Тютюнника и С.В. Петлюры. Бандитизм на Украине был ликвидирован, а сам Фрунзе вскоре становится заместителем председателя украинского Совнаркома, занявшись восстановлением народного хозяйства Украины. На X съезде партии его избирают членом Центрального Комитета. Тогда в ЦК было всего 25 человек, и это свидетельствовало о положении Фрунзе в партии, тем более что на съезде он был избран в президиум.

С марта 1924 года М.В. Фрунзе – заместитель председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, с апреля 1924 года – одновременно начальник штаба Красной Армии и начальник Военной академии РККА. С января 1925 года – председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам. Под руководством Фрунзе проводилась военная реформа 1924–1925 года – сокращение численности армии, введение принципа единоначалия, реорганизация военного аппарата и политического управления Красной Армии, сочетание в структуре Вооружённых сил постоянной армии и территориальных – милиционных формирований.

М.В. Фрунзе был самородком, наделенным уникальными способностями полководца. Военные историки утверждают, что он не проиграл ни одного сражения. О своей стремительной военной карьере Фрунзе впоследствии вспоминал: начальное военное образование получил, стреляя в урядников в Шуе, среднее – против А.В. Колчака, а высшее – на Южном фронте, разгромив П.Н. Врангеля. Работы Фрунзе по теории военного строительства и в наши дни служат предметом изучения в военных академиях наряду с опытом боевых операций времен Гражданской войны. Незадолго до смерти Михаила Васильевича в английском «Аэроплане» вышла статья, где его называли «русским Наполеоном».

М.В. Фрунзе скончался 31 октября 1925 года. После автомобильной аварии у него в очередной раз открылась язва желудка. Эту болезнь он приобрел еще будучи узником Владимирского централа, где он сидел в камере смертника в ожидании казни (казнь тогда заменили 10-летней каторгой с последующим вечным поселением в Сибири). Фрунзе была навязана хирургическая операция для лечения язвы, и он умер на операционном столе от передозировки хлороформа (по одной из версий). По другой версии смерть наступила в результате заражения крови. Известны слухи, широко распространившиеся после неожиданной кончины 40-летнего полководца о причастности к гибели Фрунзе Л.Д. Троцкого, которого Михаил Васильевич сменил на посту

М.В. Фрунзе с детьми Тимуром (2 года) и Татьяной (5 лет)

наркомвоенмора. Кроме того, поговаривали о возможной причастности к этой трагедии И.В. Сталина. Однако все эти слухи не получили подтверждения⁵².

После смерти М.В. Фрунзе его жена Софья Алексеевна, урожденная Попова (из семьи народовольцев), осталась с двумя детьми: дочерью Татьяной и сыном Тимуром. В 1925 году Татьяне было восемь лет, Тимур – менее трех лет. Софья Алексеевна болела туберкулезом, у нее часто случались нервные срывы, истерики. Она с большим трудом переживала смерть мужа. Через восемь месяцев после кончины Михаила Васильевича она покончила с собой. Первое время Татьяна и Тимур Фрунзе воспитывались у бабушки Мавры Ефимовны. В 1931 году, когда Мавра Ефимовна тяжело заболела, они стали жить в семье К.Е. Ворошилова, близкого друга Фрунзе. Он называл их фрунзенятами, заботился о них, как о родных, тем более что своих детей у Ворошиловых не было.

В последующем дочь Татьяна Михайловна Фрунзе окончила Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева, работала в Институте органической химии имени Н.Д. Зелинского, в 1954 году перешла в только что основанный Институт элементоорганических соединений, где защитила докторскую диссертацию. В 1964 году она возглавила вновь созданную лабораторию полимеризационных процессов института. Несколько лет была членом Совета по высокомолекулярным соединениям при Президиуме АН СССР. Помимо научной занималась общественной работой: 1968–1991 годах была заместителем председателя Комитета советских женщин. Она стала главным хранителем памяти отца, вела широкую пропагандистскую работу.

Сын Фрунзе, Тимур Михайлович, в детские и юношеские годы воспитывался в духе большой любви к военной службе. В 1937 году, после окончания седьмого класса, он перевелся в среднюю школу артиллерийского профиля, а в 1940 году поступил в Качинскую высшую авиационную школу, которую окончил в сентябре 1941 года. Когда война докатилась до Москвы, Тимур Фрунзе начал совершать боевые вылеты в составе авиационных групп. Он был назначен ведомым к командиру эскадрильи опытному пилоту старшему лейтенанту И.П. Шутову. В январе 1942 года подразделение было переброшено на Северно-Западный фронт в район Старой Руссы. 19 января Тимур Фрунзе в паре с Шутовым получил ответственную боевую задачу. В бою боевая пара сбила

⁵² Фрунзе Михаил Васильевич // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – М., 1983. – С. 631.

три немецких самолета. Самолет Шутова был подбит. Фрунзе героически ринулся в последнюю атаку на окружавшие его со всех сторон... восемь мессершмиттов. Он погиб героической смертью. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 марта 1942 года летчику-истребителю Тимуру Михайловичу Фрунзе посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с награждением его орденом Ленина и медалью «Золотая звезда». Его именем названа улица в Хамовническом районе Москвы. Тимур Фрунзе не дожил даже до девятнадцати лет. В 1948 году прах Тимура был перевезен в Москву на Новодевичье кладбище и помещен рядом с могилой его матери.

ЧАПАЕВ **Василий Иванович** **(1887–1919)**

Василий Иванович Чапаев родился 9 февраля 1887 года в деревне Будайки (Чувашия) в семье многодетного русского крестьянина-бедняка. Ребенок родился семимесячным и был настолько крохотным, что помещался в теплой отцовской рукавице. Первые недели родители частенько засовывали его в эту варежку и укладывали греться в остывшую после топки деревенскую печь. Никто тогда не мог и предположить, что из хиленького мальчонки со временем вырастет человек-легенда...

В 12 лет Васю Чапаева отдали в город для обучения коммерции. Некоторое время он поработал в купеческой лавке, затем половым в харчевне, однако подобная «карьера» явно не привлекала честного и прямодушного паренька. Вернувшись домой, мальчик освоил плотницкое ремесло и вместе с отцовской артелью начал работать по окрестным деревням. Как-то во время строительства сельской церкви он сорвался с 20-метровой высоты, но, ко всеобщему удивлению, отделался легким испугом. Зад-

ним числом очевидцы рассказывали: «Будто ангелы небесные подхватили его и мягко опустили на землю».

В 1907 году В.И. Чапаев женился на 16-летней работнице кондитерской фабрики Пелагее Метлиной. Девушка была на редкость красива, и все же, несмотря на массу поклонников, остановила свой выбор на сыне плотника. Через год у молодоженов появился старший сын – Александр, затем еще двое детей – Клавдия и Аркадий. Вскоре грянула Первая мировая война, и Василий Иванович был призван в армию.

Сражался В.И. Чапаев храбро, получив за проявленный героизм все 4 степени солдатского Георгиевского креста. Несколько раз его походы в разведку заканчивались пленением «языков», а во время боев под Перемышлем он, по сути, спас свой Белгорайский полк, сумев вывести его из окружения.

Одним из друзей Чапаева в это время был Петр Камешкирцев. В одном из боев он был смертельно ранен и, умирая на руках товарища, просил его позаботиться о своей семье. В 1917 году вдова Петра – Пелагея Камешкирцева – станет гражданской женой Чапаева, но произойдет это уже после того, как Василий Иванович узнает об измене своей законной супруги.

Столь бурные потрясения в личной жизни совпали с потрясениями в жизни страны. После очередного ранения В.И. Чапаев получил назначение ротным фельдфебелем в размещенный в Николаевске 138-й запасной пехотный полк. Здесь, в глубоком тылу, его и застала Февральская революция.

Несмотря на свой статус Георгиевского кавалера, Чапаев не был ни монархистом, ни сторонником войны до победного конца. Постоянно выступая на митингах, он довольно быстро начал сближаться с большевиками, а в сентябре 1917 года вступил в РСДРП(б). После Октябрьского переворота В.И. Чапаева выбрали командиром полка, однако плоды антивоенной и антиармейской агитации (в которой сам Василий Иванович активно участвовал) уже принесли свои печальные плоды. Большинство солдат самовольно дезертировали, и в ближайшее время новому комполку грозила опасность остаться без подчиненных.

В этой обстановке Чапаев предложил местному Совету распустить личный состав по домам и сформировать из добровольцев отряд Красной гвардии. Разумеется, командиром отряда стал сам Василий Иванович. Бурный 1917 год завершился в Николаевске противостоянием местного Совета и земской управы. Во главе своего отряда Чапаев разогнал земцев и спустя несколько дней подавил в городе попытку контрреволюционного мятежа.

Гражданская война еще только начиналась. По деревням Николаевского уезда прокатилась серия антибольшевистских восста-

ний. В ходе одного из них был зверски убит родной брат Василия Ивановича – Григорий. Чапаев со своими бойцами стремительно перемещался по уезду, жестко и решительно подавляя эти выступления. Однако весной против Советов выступило уральское казачество, затем начался мятеж Чехословацкого корпуса, а в Самаре стала формироваться Народная армия Комуча. Весь Урал и все Поволжье запылали в огне.

«Строили» свою регулярную армию и большевики. Из рабочих и крестьян Николаевского уезда сколотили Николаевскую дивизию под командой С.П. Захарова. В.И. Чапаев в этой дивизии стал командовать одной из двух бригад. В небольших, но жестоких сражениях с белыми (у Тавложанки, Орловки, Ливенки и др.) имя Чапаева все больше обрастало легендами. Со временем это имя оставит заметный, хотя и неоднозначный след в местном фольклоре. Здесь следует отметить, что если уральские рабочие и крестьяне славили «Чапая» как «героя» и «народного заступника», то в казачьих станицах его честили как «кровопийцу» и «душегубца».

При столь неоднозначной репутации неудивительно, что и отношения В.И. Чапаева с собственным командованием также составляли желать лучшего. Будучи человеком честолюбивым, он считал, что Захаров не справляется с командованием дивизией (свидетельством чему были два неудачных наступления на Уральск, а также временный захват чехословаками Николаевска). Раздоры между комбригом и комдивом в конце концов привели к отправке Чапаева на учебу в Москву, в Академию Генерального штаба.

Однако в столице Чапаев не задержался. По одной версии, он рассорился с «реакционными» преподавателями, по другой – просто не мог усидеть в тылу «в столь опасный для Советской власти» момент. Столь же разноречивы данные об учебных успехах Василия Ивановича: одни говорят, что он был на редкость старательным и способным курсантом, другие свидетельствуют, что, напротив, всячески манкировал своими обязанностями и постоянно апеллировал к собственным заслугам. Так или иначе, в феврале 1919 года, самовольно оставив академию, Чапаев вновь объявился в родных местах.

Новый командующий Восточным фронтом М.В. Фрунзе уже был наслышан об амбициозном, но талантливом боевом командире. Как человек практичный он не стал делать проблемы из самоуправства Чапаева и сразу назначил его начальником Александрово-Гайской группы войск. Костяк этого соединения составлял отряд иваново-вознесенских рабочих во главе с Д.А. Фурмановым, получившим при Чапаеве должность комиссара. Известно, что

первое время отношения Чапаева и Фурманова складывались довольно сложно, однако со временем они переросли в тесную боевую дружбу.

В мае 1919 года части Александрово-Гайской группы были преформированы в 25-ю стрелковую дивизию и начали наступление против южного фланга противника. Чапаевцы удачно действовали под Бугульмой и Белебеем, причем на их сторону даже перешел один (по некоторым сведениям – сразу два) полк из корпуса В.О. Каппеля. На рубеже реки Белой успехи застопорились. Попытка переправиться южнее Уфы закончилась неудачей. Зато к северу от города Чапаев захватил 2 парохода, согнал сюда же массу лодок и принялся наводить переправу. Под прикрытием массированного артиллерийского огня оборона колчаковцев была прорвана. Прибытие на этот участок корпуса Каппеля так и не смогло переломить ситуацию. Правда, и красным победа далась дорогой ценой. Форсирование Белой едва не стоило жизни сразу двум большевистским военачальникам: Фрунзе отделался контузией, Чапаев – ранением в голову.

Последовавшее вскоре взятие Уфы в значительной степени решило исход борьбы с А.В. Колчаком. Однако на юге по-прежнему продолжало сопротивляться уральское казачество, и именно туда перебросили 25-ю дивизию. По мощи она теперь напоминала армию, включая в себя 11 пехотных и 2 кавалерийских полка, 2 разведывательных кавдивизиона, 24 орудия, 4 броневика, 4 самолета, курсантскую школу и различные спецподразделения. Неудивительно, что эта армада успешно продвигалась вперед; сняла осаду с блокированного Уральска, затем выбила белых из Лбищенска и Сахарной. Как результат, части дивизии оказались разбросаны на пространстве в 200 км, при этом основные силы находились в Сахарной, а штаб во главе с самим Чапаевым разместился в Лбищенске...

К тому времени Д.А. Фурманов уже перевели на другую должность. Расстались они с В.И. Чапаевым отнюдь не по-хорошему. Причина, как это часто бывает, крылась в женщине. Уже находясь в Уфе, в одном из писем к Чапаеву Фурманов следующим образом оценивал его приставания к своей жене: «Я Вас считал за грязного и развратного человека... и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадливости. Впечатление получалось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно».

Как видно, Чапаеву не везло с женщинами. Даже гражданская жена Пелагея Камешкирцева изменила ему с одним из снабженцев, и тогда взбешенный Чапаев прогнал ее. Некоторые мемуаристы считают, что в отместку именно Пелагея навела белых на

штаб в Лбищенске. Впрочем, кроме романтической версии гибели Василия Ивановича существует еще и политическая, согласно которой его «подставило» собственное командование, опасавшееся излишнего честолюбия и неуправляемости комдива. Между тем дело, судя по всему, объяснялось гораздо проще. О местонахождении «Чапая» и находившихся при нем силах противник знал из перехваченных донесений.

Оценив ситуацию, казаки разработали план уничтожения ненавистного большевика. Из различных соединений белые сформировали отборный отряд в 2 тыс. шашек под командой генерал-майора Н.Н. Бородина. В Лбищенске находилось как минимум столько же чапаевцев, однако на стороне неприятеля были дерзость и фактор внезапности. Двигаясь исключительно по ночам, казаки за четверо суток пробрались в глубокий тыл красных и в ночь на 5 сентября 1919 года обрушились на Лбищенск. Поначалу заспанные красноармейцы сдавались почти без сопротивления, однако затем выстрелы начали раздаваться то в одном, то в другом конце селения.

Наиболее жестокий бой разгорелся у самого штаба В.И. Чапаева. Его ординарец Петр Исаев отвлек белых на себя и дал командиру возможность выскочить из дома. Через несколько минут раненный в руку Василий Иванович сплотил вокруг себя бойцов и отбил штаб обратно. Во главе этой группы Чапаев даже попытался перейти в контратаку, но в этот момент вторая пуля поразила его в живот.

Красные попытались прикрыть отход любимого начальника и сражались на редкость ожесточенно. Именно здесь на подступах к штабу пулей в голову был сражен командовавший белогвардейцами генерал-майор Бородин.

Тем не менее исход боя оказался предreshен. Остатки чапаевцев бросались в воду и плыли через Урал. Казаки с высокого обрыва лупили по ним из винтовок и пулеметов, так что доплыть удалось немногим. Согласно официальной версии, в числе утонувших был и В.И. Чапаев. Правда, впоследствии двое венгров-интернационалистов свидетельствовали, что они переправили смертельно раненного Чапаева через реку на деревянной створке ворот, и скончался он у них на руках уже на противоположном берегу. Однако место, где они якобы захоронили тело комдива, венгры указать так и не смогли. Другие рассказчики шли еще дальше и доказывали, что Василий Иванович вообще спасся, однако пока «должен скрываться» (зачем?) и «ждать своего часа» (какого?). Впрочем, по мере того, как шло время, подобные слухи становились все тише и тише...

Порой кажется, что трагическая судьба Чапаева странным образом повлияла и на судьбы окружающих его людей. Первая жена Василия Ивановича рассорилась со своим новым супругом, в сильный мороз убежала из дома, после чего заболела и умерла. Пелагея Камешкирцева сошла с ума, застав своего любовника с другой женщиной. Ординарец П.С. Исаев сумел уцелеть во время Лбищенской трагедии, однако через месяц, убедившись в гибели Чапая, покончил с собой. Так же поступила и вдова Исаева, но уже через 20 лет после Гражданской войны. Знакомые считали, что причиной самоубийства стал показанный в фильме «Чапаев» и вымышленный от начала до конца роман ее мужа с Анкой-пулеметчицей.

Преемник В.И. Чапаева по командованию дивизией И.С. Кутяков был расстрелян во время сталинских чисток. Гораздо больше повезло Д.А. Фурманову: умерев в молодом возрасте, он остался в советской литературе с репутацией классика. А вот его жена от скорби по любимому мужу также покончила жизнь самоубийством.

Конечно, не все было так мрачно. Довольно долгую и благополучную жизнь прожили Мария Попова (прототип Анки-пулеметчицы), Клавдия Чапаева (дочь комдива) и Александр Чапаев (его сын, дослужившийся до звания генерала). Кроме того, от самого Василия Ивановича осталась слава: книга Д.А. Фурманова, фильм Васильевых и, наконец, анекдоты, не имеющие, впрочем, к реальному Чапаеву никакого отношения.

ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (1882–1945)

2 октября 1882 года в городе Златоуст Уфимской губернии родился Борис Михайлович Шапошников. Его мать работала учительницей, отец служил по частному найму.

После окончания Пермского реального училища Б.М. Шапошников сознательно выбрал карьеру военного. Своё первое военное образование он получил в Московском Алексеевском военном училище, которое окончил в 1903 году. Был направлен в Первый Туркестанский пехотный батальон. В 1907 году зачислен в Академию Генерального штаба, которую с отличием окончил через три года, получив звание штабс-капитана.

Первую мировую войну Б.М. Шапошников встретил в должности адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии в Варшавском военном округе. Зарекомендовал себя на фронте как способный офицер. Участвовал в боевых действиях дивизии в Польше. Контужен в голову разрывом снаряда в октябре 1914 года под Сохачевом. В 1915-м исполнял различные должности в штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного и Западного фронтов. В 1916–1917 годах руководил штабами Отдельной казачьей сводной бригады, затем 2-й Туркестанской казачьей дивизии. В 1917 году он был уже полковником, командиром полка.

Октябрьскую революцию Б.М. Шапошников принял. Оставаясь командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, он пошёл навстречу требованиям солдатских комитетов о смещении нескольких контрреволюционно настроенных офицеров и унтер-офицеров, умело пресёк попытки анархистов развалить полк и тем самым сохранил его как боевую единицу. Поэтому когда в декабре 1917 года встал вопрос о выборах начальника Кавказской 13-й гренадерской дивизии, съезд делегатов от военно-революционных комитетов частей избрал Шапошникова её начальником.

С 1918 года Б.М. Шапошников – в рядах Красной Армии, принимает участие в Гражданской войне, будучи помощником начальника оперативного управления штаба Высшего военного совета, а затем начальником разведывательного отдела Полевого штаба РВСР. В течение 1919 года последовательно занимал различные командные должности и дослужился до начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР.

Шапошников был одним из разработчиков плана контрнаступления против войск генерала Деникина осенью 1919 года, кампании РККА в 1920 году в войне с Польшей и боевых действий в Крыму против войск барона П.Н. Врангеля. Во многом благодаря его инициативам операции Красной Армии в ходе Гражданской войны проводились с широким маневром войск, большим размахом, решительными целями. Определились и основные положения планирования фронтовых и армейских операций: сосредоточение сил и средств на решающих направлениях, создание ударных группировок, гибкое использование резервов, организа-

ция оперативного взаимодействия между армиями и др. Важным отличием Красной Армии тех лет явилось применение в наступательных операциях подвижных соединений и объединений – кавалерийских корпусов и конных армий, позволивших значительно увеличить глубину ударов, повысить темпы наступления, развить тактический успех в оперативный.

В 1921–1925 годах Б.М. Шапошников – первый помощник начальника штаба РККА. В 1924–1925 годах под руководством М.В. Фрунзе он принимал участие в проведении военной реформы, был награждён орденом Красного Знамени. В 1925–1928 годах командовал войсками Ленинградского и Московского военных округов. В 1928–1931 годах – начальник штаба РККА. В 1930 году вступил в ВКП(б). В 1931–1937 годах – командующий войсками Приволжского военного округа, начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе, командующий Ленинградским военным округом. С мая 1937 года Б.М. Шапошников – начальник Генштаба РККА. В мае 1940 года ему было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Б.М. Шапошников – один из немногих, кому удалось не только избежать сталинских репрессий, но и с конца 1930-х годов стать доверенным помощником Сталина по военным вопросам и пользоваться большим уважением вождя. Сталин обращался к Шапошникову по имени–отчеству – такое почтение из окружения вождя заслужит только К.К. Рокоссовский. Также Шапошникову единственному из всех было разрешено курить в кабинете Сталина.

Постоянно, целеустремлённо и весьма успешно Б.М. Шапошников работал над вопросами развития военной теории. В 1923 году он издал книгу «Конница», где обобщил опыт боевого применения этого рода войск в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1924 году вышло его военно-историческое исследование о советско-польской кампании 1920 года «На Висле». Участвовал в комиссии по разработке уставов.

В 1927–1929 годах Шапошников опубликовал фундаментальный труд «Мозг армии» в трёх книгах, который был переведён на иностранные языки. Исследование было построено на обобщении опыта Первой мировой войны. В нём рассмотрены структура и основные функции Генштаба, его место и задачи в системе Вооружённых сил как в мирное время, так и, главным образом, в условиях войны. Исследован с позиции военной науки вопрос о характере современной войны. Великая Отечественная война подтвердила правильность основных идей, положений и выводов, сформулированных в труде «Мозг армии». Постепенно и далеко не сразу Генеральный штаб – важнейший орган управления – об-

рёл присущую ему роль, став рабочим (а по сути – интеллектуальным) органом Ставки. Под руководством Шапошникова было разработано положение, которым регламентировалась работа фронтовых управлений и управлений Генштаба, что в значительной степени обеспечило надёжное выполнение задач Ставки. Шапошников уделял первостепенное внимание совершенствованию стратегического руководства войсками, налаживанию бесперебойного управления во всех звеньях РККА.

Разумеется, не всё в судьбе маршала было таким уж безоблачным. Нельзя обойти вниманием влияние предвоенных репрессий на деятельность Генерального штаба. Если провалы в кадровой политике на высшем оперативном уровне в ходе Великой Отечественной войны удалось хоть как-то заполнить (со всей остротой «голод» на высших командиров ощущался в войсках до второй половины 1942 года), то отношение к руководящим сотрудникам Генерального штаба, как к мелкой разменной монете в большой политической игре, привело к последствиям поистине ужасающим, исправлять которые пришлось усилиями всего народа и на фронте, и в тылу в течение всей войны.

Генштаб – это мозг армии. А как с ним поступало высшее политическое руководство страны во главе со Сталиным? В 1937 году был расстрелян начальник Генштаба Маршал Советского Союза А.И. Егоров... После него никто не мог надолго задержаться в кресле начальника Генштаба. В течение года перед войной в нем последовательно сменили друг друга три человека – маршал Б.М. Шапошников, генералы армии К.А. Мерецков и Г.К. Жуков. Последним выпало руководить главным штабом РККА примерно пять месяцев. За это время они не только не сумели решить никаких стратегических проблем, но даже в обстановку Генштаба не смогли вжиться. Где уж там понять его место и роль в стратегическом управлении Вооруженными Силами.

Немало чехарды было и внутри самого Генерального штаба. Основным генератором идей в Генштабе было оперативное управление (до 13 октября 1939 года – оперативный отдел). Так вот, за шесть предвоенных лет в этом управлении поработали семь начальников! Аналогичных примеров много и по другим управлениям и отделам. Разумеется, такое положение не могло не сказаться на руководстве войсками. Какая уж тут подготовка к агрессии...

Сейчас много спорят о том, один ли И.В. Сталин виноват в катастрофе 1941–1942 годов, или ответственность должны разделить с ним Б.М. Шапошников, Г.К. Жуков как начальник Генштаба и другие военачальники. Большая часть вины за неподготовлен-

ность Красной Армии к оборонительным боям, безусловно, лежит на высшем коллективном военном руководстве. Вместе с тем, нельзя забывать и того, что Жуков, Василевский и другие пришли на самые высокие армейские должности совсем недавно.

Или, например, план ведения кампании с Финляндией, подготовленный Генеральным штабом, и предполагавший использование в предстоящей войне не только войск Ленинградского военного округа, но и дополнительных резервов, подвергся резкой критике Сталина как переоценивающий возможности финской армии. Начавшаяся вскоре война с финнами показала, что Генеральный штаб был прав в своих расчетах.

Ошибки в деятельности коллективного военного руководства были неизбежным следствием отсутствия опыта управления войсками в масштабах страны. Кроме того, над каждым отдельным высшим командиром незримо висела тень террора. Помня об этом, даже такие люди, как Шапошников, не решались спорить со Сталиным по принципиальным вопросам, ибо в то время дорога из кабинета начальника Генштаба до подвала Лубянки была совсем короткой...⁵³

С августа 1940 года Б.М. Шапошников стал заместителем наркома обороны СССР, передав должность начальника Генштаба генералу армии К.А. Мерецкову. На новом посту Шапошников курировал вопросы строительства укрепленных районов в 1940–1941 годах.

С началом войны по указанию Сталина из центрального аппарата Генерального штаба в помощь командующим фронтами была направлена группа ответственных работников, включая начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова, а также маршала Б.М. Шапошникова. На второй день войны, 23 июня Шапошников был включён в состав организованного при Ставке Главного Командования института постоянных советников.

С июля 1941 года Б.М. Шапошников – начальник штаба Западного направления, а 30 июля 1941 года вновь назначен на пост начальника Генштаба РККА, став членом Ставки. Он возглавлял Генеральный штаб Красной Армии в самый тяжёлый период Великой Отечественной войны, с 30 июля 1941 года по 11 мая 1942 года. Генштаб под руководством Шапошникова становится центром оперативно-стратегического планирования, подлинным организатором военных действий армии и флота. Важнейшие во-

⁵³ Горьков Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь, 1995. – С. 17, 51; Торчинов В.А., Леонтьев А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. – СПб., 2000.

просы стратегического планирования теперь предварительно обсуждаются в Ставке в узком кругу лиц – Сталин, Шапошников, Жуков, Василевский, адмирал Кузнецов.

Шапошников участвовал в разработке предложений Генштаба по осуществлению Смоленского оборонительного сражения (10 июля – 10 сентября 1941 года), контрнаступления под Москвой (декабрь 1941 – январь 1942 года), общего наступления Красной Армии (январь – апрель 1942 года). Им же был предложен план стратегической обороны советских войск на весну – лето 1942 года, в который, к сожалению, были внесены изменения, касавшиеся ряда наступательных операций, окончившихся неудачно. При непосредственном руководстве Шапошникова летом – осенью 1941 года было оперативно осуществлено подтягивание резервов из глубины страны, уточнение боевого состава войск действующей армии после жестоких ударов врага.

В мае 1942 года Б.М. Шапошников, который был болен туберкулезом, попросил об освобождении по состоянию здоровья с поста начальника Генштаба (возможно, его состояние усугубило крушение Крымского фронта – потеря Керченского полуострова). Просьба была удовлетворена.

Генерал С.М. Штеменко впоследствии вспоминал: «...Основная тяжесть руководства генштабом в эти дни лежала на плечах Бориса Михайловича. Несмотря на тяжелую болезнь, он успевал выполнять всю необходимую работу и к тому же немалую роль играл в ставке Верховного главнокомандования, членом которой являлся. Сердце сжималось всякий раз, когда мы видели своего начальника. Он непривычно сутулился, покашливал, но никогда не жаловался. О его умении сохранять выдержку, обходительность просто поражала...»

Маршал А.М. Василевский уверенно констатировал: личный авторитет Шапошникова плодотворно сказывался на процессе превращения Генштаба в надежный орган управления войсками. По мере того, как разворачивались события, И.В. Сталин все больше предпочитал принимать любое ответственное решение по военному вопросу лишь после предварительного доклада Шапошникова. Причем Борис Михайлович до последнего дня жизни сохранял все привычки и манеры классического русского офицера. И после его освобождения с ответственного поста Сталин продолжал звонить маршалу, советовался, иногда приглашал в Ставку и на заседания ГКО, используя его огромные знания и опыт. Вместо себя маршал оставил своего ученика – Василевского (его Сталин называл «шапошниковской школой»).

И.В. Сталин и Б.М. Шапошников, 1941 г.

Б.М. Шапошников с женой и сыном

С мая 1942-го по июнь 1943 года Б.М. Шапошников – заместитель наркома обороны СССР, а с июня 1943-го – до марта 1945 года – начальник Военной академии Генштаба. Приход в академию такого крупнейшего военного специалиста и учёного, обладавшего большими педагогическими и методическими навыками, талантливого организатора, человека большого личного обаяния сразу сказался на всех сторонах её деятельности. Его руководство, в котором сочетались квалифицированные указания, действенный контроль, внимание и доверие к подчинённым, улучшило работу кафедр, отделов и служб академии, подняло на новую ступень качество учебного процесса.

На всех постах Шапошников отличался безукоризненной вежливостью, корректностью отношений с подчинёнными. Любимое слово, с которого он часто начинал обращение как к подчинённым, так и к равным и вышестоящим по должности: «Голубчик...». Борис Михайлович относился с истинно отеческой теплотой к своим молодым сотрудникам. Если что получалось у них не так, он не бранился, даже не повышал голоса, а лишь спрашивал с укоризной: «Что же это вы, голубчик?» Понимая всю важность «личностного фактора», Шапошников оставался даже в самой тяжёлой ситуации человеком большого обаяния, немногословным, сдержанным и, по возможности, далёким от политической сцены.

Адмирал Н.Г. Кузнецов вспоминал, что Б.М. Шапошников обладал удивительной способностью запоминать детали, у собеседника создавалось впечатление, что он знает труд классика военного искусства К. фон Клаузевица «О войне» наизусть. Обладая буквально феноменальной памятью, Борис Михайлович мог, не пользуясь записью, провести разбор крупных и сложных учений или без карты заслушать доклад о боевой обстановке.

Его большое трудолюбие и умение работать с людьми оказывали огромное влияние на формирование личностей работников Генерального штаба. Борис Михайлович был доволен тем, что офицеры, выдвинутые им на более высокую должность, почти всегда оправдывали его доверие.

Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников был награждён тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

26 марта 1945 года, не дожив до Победы 45 дней, Б.М. Шапошников скончался. Тело маршала было кремировано, прах помещён в урне в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

ЩОРС Николай Александрович (1895–1919)

Давно известно, что революцию делают романтики. Высокие идеалы, нравственные принципы, стремление сделать мир лучше и справедливее – поставить перед собой такие цели действительно может только неисправимый идеалист. Подобным человеком, судя по свидетельствам очевидцев и сохранившимся архивным документам, и был Николай Александрович Щорс – сын железнодорожника, офицер царской армии и красный командир. Он прожил всего 24 года, но благодаря И.В. Сталину вошел в историю страны как символ справедливой борьбы за право жить в счастливом и процветающем государстве.

В марте 1935 года Сталин в очередной раз встречался с представителями культуры. «Почему у русского народа есть герой Чапаев и фильм о герое, а вот у украинского народа такого героя нет?», – якобы спросил он. И вскоре вся страна узнала о красном командире Николае Щорсе. Нашлись и свидетели его фронтовых подвигов героя.

Режиссер А.А. Довженко, к тому времени уже начавший съемки фильма о В.М. Примакове (вскоре тот будет арестован по делу М.Н. Тухачевского), быстро переориентировался и снял потрясающий фильм «Щорс». Прокурор В.А. Антонов-Овсеенко, которому тоже оставалось совсем немного, принялся повсюду проникновенно рассказывать, как Щорса любили и командиры, и бойцы.

Выяснилось, что у новоявленного героя не было официального захоронения. Стали искать его могилу, чтобы похоронить с почестями. Вдова героя восстановила за собой фамилию Щорс, приняла активное участие в кампании по возрождению памяти героически погибшего мужа и в результате по распоряжению Сталина в 1940 году получила квартиру в правительственном доме.

О безвестном до того момента Щорсе слагали песни, стихи. В его честь называли улицы и совхозы, корабли и воинские соединения. Каждому школьнику была известна героическая песенная баллада «Шел отряд по берегу... Шел под красным знаменем

командир полка... Голова обвязана... след кровавый стелется по сырой земле...».

Листая страницы истории Гражданской войны, трудно определить, где кончается правда и начинается вымысел. Щорс действительно существовал – родился, учился, воевал, есть документы, фотографии, воспоминания. Более того, историки до сих пор спорят, от кого 24-летний начдив получил пулю в голову.

Николай Щорс родился в 1895 году в посёлке Сновск Великощимельской волости Городнянского уезда Черниговской губернии (ныне – город, районный центр Черниговской области, Украина) в многодетной семье рабочего-железнодорожника. В 1905 году мальчик был определен в железнодорожную церковно-приходскую школу. Тяга к знаниям у паренька была необыкновенная.

Спустя год семью постигло горе – умерла мать. Она болела чахоткой и скончалась в Белоруссии, куда поехала навестить родственников. Новая жена отца, Мария Константиновна, в последующие годы родила еще пятерых ребятишек, но Коля был самым старшим. Школу он закончил в 1909 году с похвальной грамотой и очень хотел продолжить образование. Он поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу.

В 1914 году в одну из частей, дислоцированных неподалеку от Вильнюса, прибыл новый младший фельдшер Н.А. Щорс. Вскоре 3-й легкий артиллерийский дивизион, в котором служил вольноопределяющийся Щорс, отправляют на передовую одного из фронтов Первой мировой войны. Николай выносит раненых и оказывает первую медицинскую помощь. В одном из боев фельдшер сам получает ранение и попадает на госпитальную койку.

После выздоровления Щорс поступает в Вильнюсское военное училище, которое было эвакуировано в Полтаву. В мае 1916 года в запасной полк, который квартировал в Симбирске, он прибыл уже прапорщиком, а за бои на Юго-Западном фронте досрочно получил звание подпоручика. Однако неустроенная окопная жизнь и плохая наследственность сделали свое дело – у молодого офицера начался туберкулезный процесс. В декабре 1917 года, демобилизовавшись из армии, он вернулся в родной Сновск. Так завершился период службы в царской армии.

В сложное время вернулся Н.А. Щорс на свою родину. Шла активная борьба за власть между различными политическими партиями. Гражданская братоубийственная война захлестнула украинские земли, а возвращающиеся с фронта солдаты примыкали к различным вооруженным формированиям. Щорс свой политический выбор сделал еще на фронте, когда познакомился с больше-

виками и понял программу их партии. Поэтому в Сновске он быстро наладил связи с коммунистическим подпольем. По заданию партийной ячейки он отправляется в Новозыбковский район, в деревню Семёновка. Здесь ему предстояло сформировать партизанский отряд для борьбы с немецкими войсками. Опытный фронтовик хорошо справился с первым ответственным заданием. Созданный им объединенный отряд насчитывал 350–400 обученных бойцов и вел боевые действия в районе Злынки и Клинцов, проводил дерзкие партизанские рейды на железнодорожной ветке Гомель – Брянск. Активность партизанского отряда заставляла немецкие войска нести ощутимые потери, и германское командование решило покончить с его существованием. С тяжелыми боями партизанам удалось вырваться из окружения и отступить в район города Унеча, который находился на российской территории, где отряд был разоружен и расформирован – так предписывал закон.

Н.А. Щорс направился в Москву. Он всегда мечтал учиться и хотел поступить в медицинский институт. Однако революционный водоворот изменил планы, и Щорс возвращается в Унечу. Ему было поручено сформировать и возглавить полк из местных жителей и бойцов Днепровского партизанского отряда.

В сентябре 1918 года полку Н.А. Щорса было присвоено имя Ивана Богуну – погибшего на Черниговщине соратника Богдана Хмельницкого. Богунский полк насчитывал в своих рядах 1500 красноармейцев и входил в состав Первой повстанческой дивизии. Сразу после формирования полк начал совершать вылазки в тыл немецких войск. В октябре Щорс был назначен командиром 2-й бригады 1-й Украинской советской дивизии (помимо Богунского в нее входил Таращанский полк), а 23 октября началось широкомасштабное наступление, целью которого было полное изгнание с территории Украины немецких войск. Бойцы Щорса освободили Клинцы, Стародуб, Глухов, Шостку. В конце ноября Таращанский полк вступил в Сновск.

В январе 1919 года были взяты Чернигов, Козелец и Нежин. Конечной целью наступления было освобождение Киева. Командир бригады все время находился на передовой. Бойцы уважали его за личное мужество и заботливое отношение к солдатам. Он никогда не прятался за спинами красноармейцев и не отсиживался в тылу.

При подходе к Киеву на пути красноармейцев встали отборные части петлюровских войск. Н.А. Щорс решает незамедлительно вступить в бой. 1 февраля 1919 года петлюровцы были разбиты, а бригада Щорса освободила город Бровары. Спустя 4 дня был взят

и Киев, Щорса при этом назначили комендантом столицы Украины. За большой вклад в разгром неприятельских войск и за личное мужество он был награжден именным золотым оружием. В 1954 году, увековечивая память об этом героическом времени, в столице Украины воздвигнут памятник Щорсу.

Передышка между боями была недолгой. Бригада снова вступила в боевые действия и освободила Бердичев и Житомир. В марте 1919 года Н.А. Щорс становится командиром 1-й Украинской советской дивизии. Его части освобождают Винницу и Жмеринку, Шепетовку и Ровно, а летом обороняют фронт в районе Сарны – Новоград-Волынский – Шепетовка от войск Польской Республики и петлюровцев.

В мае 1919 года Н.А. Щорс не поддержал кровавое восстание 6-й Украинской советской дивизии под командованием комдива Н.А. Григорьева, повлекшее волну антисоветских выступлений, волнений и восстаний во всех губерниях УССР, а также резкую активизацию атаманского повстанческого движения. Широкомасштабные выступления крестьян и повстанцев привели к полной дестабилизации советского режима. Наряду с Вёшенским восстанием, майские события на Украине сыграли ключевую роль в развале советского тыла на Южном фронте летом 1919 года и последовавших успехах белых войск Юга России.

В июне 1919 года Реввоенсовет реорганизовал Украинский фронт, и дивизия Щорса вошла в состав 12-й армии. За плечами соединения уже был солидный боевой опыт и славные победы. Сложно представить, что командовал дивизией командир, которому было всего 24 года. Щорс действительно обладал удивительным военным талантом.

30 августа командир дивизии Н.А. Щорс, его заместитель И.Н. Дубовой и политработник П.С. Танхиль-Танхилевич прибыли в Богунскую дивизию, которая занимала позиции около села Белошица. Находясь на переднем крае обороны, Щорс был ранен в голову. Дубовой сделал ему перевязку, но спустя 15 минут командир скончался. Его тело было отправлено в Клинцы, а затем в Самару, где его похоронили. Так закончилась жизнь одного из самых молодых и талантливых полководцев Гражданской войны.

В 1949 году, когда состоялось перезахоронение останков Н.А. Щорса, выяснились некоторые неизвестные ранее подробности. Смертоносная пуля была выпущена из короткоствольного оружия и вошла в затылок бесстрашного комдива. Получается, что Щорс погиб от руки человека, который находился позади него на близком расстоянии, либо от рикошета. Появились различные версии – смерть от рук «троцкистов» и даже месть большевиков несговорчивому и популярному в войсках командиру.

Больше всего аргументов выдвигается против И.Н. Дубового, который лично перебинтовывал смертельную рану Щорса и не дал её осмотреть полковому фельдшеру. Именно Дубовой стал новым командиром дивизии после смерти Щорса. В 1930-х годах он успел написать книгу воспоминаний о Щорсе, но в 1937 году был арестован, обвинён в троцкистском заговоре и расстрелян.

В деле И.Н. Дубового есть такие строки:

«Вопрос: Вы подали заявление на имя Народного Комиссара Внутренних дел СССР с признанием, что Вы являетесь убийцей Щорса. Расскажите подробно об этом убийстве.

Ответ: Щорса Николая Александровича, бывшего начальника 44-й стрелковой дивизии, я убил 31 августа 1919 года. В это время я являлся заместителем Щорса. После убийства я сменил его, получив назначение на должность начальника этой же дивизии. Этого я и добивался, когда решил убить и убил Щорса. До своего назначения заместителем к Щорсу в 44-ю дивизию я командовал 1-ой Украинской армией, в состав которой входила 1-я Украинская дивизия, где начальником был Щорс. Таким образом, он был в моем подчинении...

Примерно в июле месяце 1919 года 1-ю Украинскую армию было приказано свернуть в дивизию на базе дивизии Щорса и придать ей номер 44. Приказом 12-ой армии я был назначен заместителем начальника дивизии, а начальником дивизии был назначен Щорс. Я попал в его подчинение, что крайне озлобило меня... Еще больше озлобился я против Щорса, когда, пробыв короткое время в дивизии, почувствовал требовательность его, стремление ввести жесткую дисциплину в частях. Тогда-то у меня возникло твердое решение убить Щорса для того, чтобы устранить его и занять его место...»

Установить доподлинно все обстоятельства гибели Н.А. Щорса сегодня вряд ли представляется возможным, да и не имеет это принципиально значения. Красный командир Щорс давно занял своё место в истории Гражданской войны на Украине, а песня о нём вошла в фольклор вне зависимости от того, как оценивают историки его личность.

Чуть меньше, чем через сто лет после гибели Николая Щорса, на Украине снова полыхает Гражданская война, и новые Щорсы бьются насмерть с новыми петлюровцами. Но, как говорится, это уже совсем другие истории, времена и нравы...

ЮДИН Ян Андреевич (1884–1918)

В 1904 году Ян Андреевич Юдин (Янис Юдиныш) окончил семинарию и стал учителем. Во время преподавания установил связи с социал-демократами и начал им помогать. В 1914 году был призван в армию, во время Первой мировой войны награждён Георгиевским крестом и произведён в унтер-офицеры. Однако даже там не прекращал революционной работы. В мае 1917 года вступил в партию большевиков.

В апреле 1918 года Я.А. Юдин был назначен командиром 3-й бригады латышской стрелковой дивизии РККА. В июне участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа сначала в Москве, а затем – в Ярославле и Казани. Был отправлен на Восточный фронт как командующий 3-й бригады латышской стрелковой дивизии и всех советских сил на левом берегу Волги (левобережной группой 5-й армии). Он разработал план Казанской операции, но 12 августа был смертельно ранен под Казанью разрывом снаряда у станции Красная Горка.

Я.А. Юдин был торжественно похоронен в Свияжске, где находился в это время штаб Восточного фронта⁵⁴.

⁵⁴ Юдин, Ян Андреевич // Латышские стрелки. Исторический портал. – URL: <http://latvjjustrelnieki.lv/ru/ljudi-98761/judin-jan-106035>.

ЯКИР

Иона Эммануилович

(1896–1937)

Иона Эммануилович Якир родился в августе 1896 года в Кишинёве в семье фармацевта. Окончив в 1913 году реальное училище, уехал в Швейцарию, где поступил в Базельский университет на специальность химика.

Начавшаяся Первая мировая война прервала учебу в Швейцарии, и И.Э. Якир поступил в Харьковский технологический институт. В 1915–1916 годах работал на оборонном заводе в Одессе токарем по металлу. После Февральской революции вел антивоенную пропаганду среди солдат 5-го Заамурского кавалерийского полка в Кишинёве, вступил в партию большевиков. В декабре 1917 года был избран членом Бессарабского Совета и губревкома.

В 1918 году И.Э. Якир вступил в Красную гвардию, участвовал в боях с румынскими войсками, командовал Тираспольским сводным отрядом в боях против австро-германских войск. В марте 1918 года был тяжело ранен и контужен в боях за Екатеринослав.

С июля 1918 года И.Э. Якир – комиссар Поворинского боевого участка, с сентября 1918 года – начальник политотдела Южного участка отрядов завесы, с октября 1918 года – член Реввоенсовета 8-й армии (одновременно командовал группой войск в районе Лиски, Острогожска). В июле 1919 года назначается начальником формируемой под Одессой 45-й стрелковой дивизии. В августе – сентябре 1919 года – командующий Южной группой 12-й армии, умело руководил войсками при выходе их из окружения.

Из воспоминаний бывшего члена РВС 12-й армии С.И. Аралова: «23-летний командующий группой Якир, с которым считались контр-адмирал Немитц (начальник штаба группы. – В.М.), опытный офицер Княгницкий (начальник 58-й стрелковой дивизии. – В.М.) и такие храбрецы, как Котовский, привел из Одессы и Николаева в район Киева три дивизии. Он вырвал их из, казалось бы, плотного и непроницаемого кольца противника, действовавшего очень активно. С Левобережья наступали отборные дени-

кинские части, с запада рвались вперед петлюровцы и белополяки. А внутри этого небольшого и своеобразного “коридора” оперировали многочисленные банды – и конные, и пешие, и даже с артиллерией».

С октября 1919 года по апрель 1921 года И.Э. Якир был начальником 45-й стрелковой дивизии, одновременно в мае – августе 1920 года командовал Фастовской, Золочевской и Львовской группами войск.

После Гражданской войны занимал ряд крупных командных должностей в РККА. С ноября 1921 года – командующий войсками Киевского военного округа, с октября 1922 года – Киевского военного района. С сентября 1923 года – командир и комиссар 14-го стрелкового корпуса. С декабря 1923 года – помощник командующего Вооруженными силами Украины и Крыма. С апреля 1924 года – начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА. С ноября 1925 года по май 1937 года – командующий войсками Украинского (с 1935 года – Киевского) военного округа. В 1928–1929 годах был на учебе в военной академии в Германии.

Член Политбюро ЦК КП(б)У, член ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР и ВУЦИК, член Военного совета при наркоме обороны СССР. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

28 мая 1937 года И.Э. Якир был арестован. Специальным судебным присутствием 11 июня 1937 года по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 12 июня 1937 года во дворе Лубянской тюрьмы. Определением Военной коллегии от 31 января 1957 года И.Э. Якир был полностью реабилитирован⁵⁵.

* * *

Судьбы многих красных командиров сложились трагически – они сами пали жертвами того режима, за который воевали. Большинство «героев» Гражданской войны со стороны красных были репрессированы во время «Большого террора». Однако именно из их среды вышли реформаторы РККА, чья деятельность позволила СССР подготовиться к Великой Отечественной войне.

⁵⁵ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. – С. 18–19.

Глава II

ПОЛКОВОДЦЫ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Белое движение – основной противник РККА – также объединило в своих рядах немало выдающихся военачальников. Абсолютное большинство из них прошли Русско-японскую и Первую мировую войну, были хорошо подготовлены и преданы своим идеалам. Урок, который эти офицеры вынесли из Гражданской войны, позволил им создать в эмиграции в высшей степени сплоченное сообщество – фактически «другую Россию», которая сумела в условиях чужого культурного окружения не просто выжить, но бурно развиваться. И то, что эта «другая Россия» оказалась размолотой в исторических жерновах Второй мировой войны, свидетельствовало не о ее слабости или несостоятельности, а о том, что она просто не была готова к совершенно новым реалиям мировой политики.

Наверное, сто лет спустя настало время отдать должное и посвятить несколько страниц наиболее известным деятелям Белого движения. Они также самоотверженно сражались и отдавали свои жизни в борьбе за свои общественные идеалы и ценности. Они шли на смерть, отстаивая свою Россию, которой присягали на верность, и в трудную минуту не отреклись от неё.

АЛЕКСЕЕВ **Михаил Васильевич** **(1857–1918)**

Исторические мифы чрезвычайно живучи. Они существуют независимо от архивных документов и исторических исследований, как бы в параллельной реальности. И опровергнуть их практически невозможно, особенно когда речь идет о каком-либо известном человеке. Ведь в основе мифа лежат реальные факты биографии и события, просто о чем-то умалчивается, а что-то трактуется исходя из политических или субъективных пристрастий. Именно такими мифами окутана и биография Верховного главнокомандующего русской армией, Верховного руководителя Добровольческой армии, генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексева¹.

Михаил Алексеев выбрал военную службу: в те годы идти по стопам отца было распространенным явлением и наиболее простым способом сделать успешную карьеру. Тверскую классическую гимназию он не закончил и через три недели после своего 16-летия поступил вольноопределяющимся в дислоцированный в Москве 2-й гренадерский Ростовский полк. Отсюда он был направлен на учебу в Московское пехотное юнкерское училище, по окончании которого в 1876 году был произведен в прапорщики и зачислен в 64-й пехотный Казанский полк, дислоцированный в Белостоке (Польша). Вскоре он получил свой первый боевой опыт: началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Его полк вошел в состав отряда генерала М.Д. Скобелева, при котором М.В. Алексеев некоторое время состоял ординарцем. В боях под Плевной он был ранен и заслужил свою первую боевую награду – орден Св. Анны 4-й степени, так называемое Аннинское оружие.

На строевой службе М.В. Алексеев для будущего офицера Генштаба провел довольно много времени – почти 11 лет. Его всегда

¹ См.: *Залесский К.* Генерал Алексеев. Правда и миф о Верховном главнокомандующем историка, публициста // Живая история. – 2016. – № 11(17).

отмечали как знающего, энергичного и чрезвычайно работоспособного офицера. В октябре 1887 года 30-летний штабс-капитан Алексеев был принят в Николаевскую академию Генерального штаба. И тогда, и позже все, знавшие его, отмечали его упорство, необыкновенную память, умение анализировать ситуацию. Большую роль играла и манера поведения: Алексеев был человеком мягким, неконфликтным, располагающим к себе.

В 1890 году он окончил академию по 1-му разряду первым на курсе с премией им. генерал-адъютанта Д.А. Милютина. Стало очевидным, что это генштабист от Бога – начальство категорически отказывалось отправлять его в войска. Больше 10 лет он провел в Главном штабе, начав с младшего делопроизводителя и закончив начальником отдела. Службу он совмещал с преподаванием на кафедре русского военного искусства академии Генштаба, где в августе 1898 года получил звание экстраординарного, в декабре 1901 года – ординарного, а в июне 1904 года – заслуженного ординарного профессора. Параллельно он публиковал работы в военных журналах, приобретая авторитет военного теоретика.

Полученные знания М.В. Алексееву довелось применять и на деле. В начале 1904 года он был произведен в генерал-майоры, а семь месяцев спустя, в октябре направлен в Маньчжурию, где русские войска сражались с японцами, – в должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии. С войны вернулся с Золотым оружием, в сентябре 1906 года был назначен оберквартирмейстером Генштаба, а в августе 1908 года возглавил штаб Киевского военного округа.

В феврале 1912 года в Москве было созвано совещание начальников окружных штабов и генерал-квартирмейстеров по вопросу изменения системы стратегического развертывания в связи с явной угрозой со стороны Австро-Венгрии. М.В. Алексеев представил на рассмотрение записку «Общий план действий», которая получила высокую оценку. «Его решение поставленной тогда задачи, – констатирует М.К. Лемке, – показало, насколько он выше других». И хотя в июле 1912 года Алексеев принял командование 13-м армейским корпусом, штаб которого находился в Смоленске, фактически было уже решено, что в случае военного конфликта он возглавит штаб войск, действующих против австрийцев.

К 1914 году М.В. Алексеев, которому было 57 лет, считался одним из лучших офицеров русской армии, претендующих на высшие, прежде всего штабные, посты. Он пользовался заслуженным авторитетом, был известен и как теоретик, и как успешный практик. Некоторые считали его человеком скрытным и злопамятным, но большинство все же придерживалось точки зрения, вы-

раженной тем же М.К. Лемке: «Военный по всему своему складу, природный воин, одаренный всем, что нужно руководителю, кроме разве умения быть иногда жестоким... очень доступный каждому, лишенный всякой внешней помпы, товарищ всех подчиненных, не способный к интригам».

С началом войны, в июле 1914 года, генерал-лейтенант М.В. Алексеев, как и предполагалось, возглавил штаб армий Юго-Западного фронта. С первых дней войны он являлся деятельным помощником главнокомандующего армиями генерала Н.И. Иванова – как в стратегической работе, так и по управлению войсками фронта, в том числе во время Галицийской битвы. Военные способности Алексеева, 24 сентября 1914 года произведенного в генералы от инфантерии, были несомненными, однако многие отмечали его уступчивость и недостаток воли при принятии решений. По свидетельству великого князя Андрея Владимировича, генерал Иванов говорил об Алексееве, что тот «имеет свои недостатки. Главное – это скрытность... Он никогда не выскажет своего мнения прямо, всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается... Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик». Великий князь несколько сгустил краски, поскольку «гигантскую рабочую военную силу» Алексеева отмечали многие современники.

Высокого мнения о М.В. Алексееве были и в Ставке. И когда главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский заболел, Алексеев 17 марта 1915 года стал его преемником. Ему пришлось руководить чрезвычайно трудным отступлением через Польшу и Литву под напором неприятеля и при сильном недостатке артиллерийских снарядов. И генерал оказался на высоте, а в июле – августе его войска сорвали попытки немцев окружить и уничтожить русские войска в Царстве Польском.

В августе Алексеев был срочно вызван в Ставку. В Могилеве ему дали понять, что его ожидает назначение на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Он был уверен, что ему придется работать с великим князем Николаем Николаевичем. Но 23 августа этот пост занял сам император Николай II. Полковник Э.Н. Гиацинтов вспоминал: «Государь принял на себя эту тяжелую обязанность главнокомандующего всей русской армией не в момент побед, когда бы он мог украсить свою голову лавровым венком, а как раз в самое тяжелое время...». Алексеева император избрал своим первым помощником. Выбор был идеальным: никто из действующих генералов не подходил на этот пост лучше. Император хоть и имел военное образование, но не был профессиональным офицером, а кроме того был вынужден значительное

Михаил Васильевич Алексеев

количество времени проводить в столице, чтобы осуществлять еще и руководство огромной империей. В соответствии с действующим положением Алексеев являлся «ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего по всем частям» и должен был быть «в полной мере осведомлен во всех его планах и предположениях». В его обязанности входило не только быть советником верховного и представлять ему «соображения о направлении военных действий и о мерах по их обеспечению», но и разрабатывать и передавать «распоряжения относительно ведения военных операций» и контролировать их исполнение. Полномочия Алексеева были чрезвычайно широки, фактически он становился вторым человеком в армии. Мало того, было установлено, что начальник штаба «в случае болезни Верховного главнокомандующего управляет всеми вооруженными силами его именем, а в случае смерти... немедленно заступает на его место». По должности Алексееву был установлен высокий оклад – 40 тыс. рублей (министр получал около 18 тыс., а генерал и командир корпуса – менее 9 тыс.).

Роль М.В. Алексеева в руководстве русской армией в 1915–1917 годах огромна: без него не могла пройти ни одна даже небольшая операция. Однако утверждение, что именно он фактически был Верховным главнокомандующим, а Николай II занимал пост лишь номинально, действительности не соответствует. Хотя Алексеев и отвечал практически за все вопросы руководства войсками, тем не менее решения принимались императором. Другое дело, что Николай II строил свои решения прежде всего на докладах и рекомендациях Алексеева (для этого, собственно, тот и был назначен на свой пост). Но император также выслушивал и учитывал мнения и главнокомандующих фронтами. Успехи русской армии говорят сами за себя: к октябрю 1915 года удалось стабилизировать фронт, стали восполняться потери и сходить на нет «снарядный голод». 1916 год ознаменовался тяжелейшим поражением австрийцев в Галиции, поставившим Австро-Венгрию на грань полной катастрофы. 1917-й год должен был стать последним годом войны и одновременно – окончательной победы русского оружия...

Николай II всегда высоко ценил М.В. Алексеева. Еще 27 августа 1915 года он писал императрице: «...Не могу тебе передать, до чего я доволен ген. Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник!...». 10 апреля 1916 года он лично вручил своему помощнику погоны генерал-адъютанта. Император освободил генерала от исполнения придворного этикета: тому было разрешено по своему желанию приходить или нет

к царскому столу, а когда Алексеев появлялся, ему всегда отводилось место по правую руку от государя. Казалось, что связка Николай II – Алексеев, надолго. Однако это была лишь видимость...

Уже со 2-й половины 1916 года у Алексеева установились тесные контакты с одним из лидеров думской оппозиции А.И. Гучковым, считавшимся в «общественных кругах» главным специалистом по военным вопросам и связям с армией. Они были знакомы еще до войны. Многие исследователи говорят о связях Алексеева с масонами и даже о его членстве в ложе, однако это тайна, покрытая мраком.

Постепенно М.В. Алексеев – по своей воле или нет – начал «играть в политику». Так, он подает (июнь 1916 года) записку с предложением назначить верховного министра государственной обороны, которому необходимо дать право «объединять, развивать и направлять единой волей деятельность всех министров, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий», что, по сути, отстраняло императора от принятия решений. Как с приязнью вспоминает демократически настроенный М.К. Лемке, «Алексеев отнюдь не разделяет курс современной реакционной политики, чувствует основные ошибки правительства и ясно видит, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести». Или он говорит императору о необходимости удаления Г.Е. Распутина. Или, как докладывает в Лондон британский разведчик Б. Локкарт, ссылаясь на В.Н. Львова, говорит: «Император не изменится. Нам надо менять императора». А после того, как неожиданно вскрывается переписка Алексеева с Гучковым, при том, что сам генерал этот факт отрицал, у Михаила Васильевича вдруг обостряется почечная болезнь, и 11 ноября 1916 года он получает отпуск для лечения и уезжает в Крым. И все же при этом Николай II не теряет доверия к своему начальнику штаба: он требует, чтобы замещающий его генерал В.И. Гурко не только информировал, но и согласовывал бы с Алексеевым свои действия.

Наверное, ни об одном событии в истории России нет столько версий и предположений, как о феврале 1917 года. Сложно сказать, насколько большую роль играл Алексеев в заговоре, в результате которого рухнула Российская империя и страна на многие годы погрузилась в кровавый хаос. Ясно одно – свою роль он сыграл.

Когда 17 февраля 1917 года М.В. Алексеев появился в Ставке, ситуация, по описанию флигель-адъютанта полковника А.А. Мордвинова, была следующая: «Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего государь все

рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку». Политики в Петрограде (среди них и А.И. Гучков) уже изготовились к перевороту, но император им мешал: находясь в столице, он мог быстро принять меры по противодействию. И тут вдруг 22 февраля Николай II неожиданно выезжает в Ставку. Причина проста, о ней пишет дворцовый комендант В.Н. Воейков: «На днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам».

Николай II приезжает в Ставку. Вскоре в Петрограде начинаются волнения, и Алексеев, оставаясь подчеркнуто вежливым и верноподданным, фактически устаивает императору информационную блокаду, пропуская лишь те телеграммы, что считает нужным. Он убежден в необходимости создания правительства, «пользующегося доверием в стране». Под этим подразумевается передача власти политикам из Государственной думы. Императору приходится фактически бежать из Ставки тайно, не ставя в известность Алексева, который ранее убеждает Николая II, что отъезд невозможен. Каких-либо конкретных данных о сговоре нет, но все действия Алексева прекрасно укладываются в общий план государственного переворота.

Также Алексеев полностью саботирует распоряжение императора о направлении в Петроград верных частей с фронтов. Сначала он составляет и отправляет эти приказы, но в ночь на 1 марта к ним добавляются «разъяснения»: «Отправление войск должно быть произведено только по получении от штабс-верха (начальника штаба Верховного главнокомандующего. – В.М.) особого уведомления». Уведомления так никогда не поступило. В тот же день Алексеев отправляет в императорский поезд на станцию Дно телеграмму, в которой просит его «поставить во главе России лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образование кабинета». Но и этого уже мало. Теперь требуется отречение. Как вспоминал генерал Д.Н. Дубенский, манифест об отречении «вырабатывался в Ставке, и автором его являлся церемониймейстер Высочайшего двора, директор Политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Базили, а редактировал этот акт генерал-адъютант Алексеев».

2 марта по поручению М.В. Алексева генерал А.С. Лукомский отправляет в штаб Северного фронта, где находится государь, телеграмму, в которой говорилось, что «выбора нет, и отречение должно состояться». А в 14 час. 30 мин. Николаю II передают загодя собранные Алексеевым «мнения» главнокомандующих фронтов: они едины – отречение необходимо. Все действия Алек-

сеева были направлены на то, чтобы показать императору: армия поддерживает не его, а «пользующийся доверием страны» Временный комитет Государственной думы. Вскоре генерал получает свои тридцать сребреников – 1 апреля он назначается Верховным главнокомандующим.

Что двигало генералом Алексеевым? Личная выгода и возможность возглавить армию в момент, когда до величайшей в истории победы оставался один шаг? Убеждение, что необходимо менять существующий в России строй? Уверенность, что «общественные деятели» не будут вмешиваться в его руководство армией и он сможет мобилизовать все силы страны для успешного окончания войны? А может быть, его, несведущего в политике пожилого человека, просто убедили в своей правоте думские краснобаи? (Генерал А.С. Лукомский писал, что Алексеев якобы сказал: «Я никогда не прошу себе, что поверил в искренность некоторых людей, что пошёл за ними и что послал телеграмму главнокомандующим про вопросу об отречении государя от престола».) Пока на эти вопросы нет ответа. Можно лишь констатировать факт: действия генерал-адъютанта Алексеева сыграли одну из важнейших ролей в государственном перевороте и, как следствие, в поражении России в Первой мировой. Таков был вклад генерала Алексеева в эту войну...

Плодами своего предательства М.В. Алексею воспользоваться не пришлось. «Почти с первых дней власти этого “временного” правительства, – вспоминал генерал В.Е. Борисов, – у Алексева начались с ним недоразумения». Никто не собирался отдавать ему бесконтрольную власть над армией, скорее наоборот, новые правители России и разношерстные политики стали все активнее появляться в частях. Ставший военным министром А.И. Гучков начал «чистку рядов», не собираясь согласовывать свои действия с Алексеевым. Приказ № 1 Петросовета запустил процесс разложения армии.

М.В. Алексеев пробыл на новом посту меньше двух месяцев и 21 мая, так ничего и не свершив, был заменен генералом А.А. Брусиловым. Но ему довелось еще раз вернуться в Ставку: с 30 августа по 9 сентября он вновь занимал пост начальника штаба, но теперь уже при Верховном главнокомандующем А.Ф. Керенском. Позже писатели белой эмиграции будут утверждать, что это было необходимо, чтобы спасти жизни участников выступления генерала Л.Г. Корнилова. Но какую бы причину не назвали, результат его 11 дней в Ставке был очевиден: Корнилов и его сторонники были арестованы и отправлены в Буховскую тюрьму, ар-

мия восстания не подняла, и над ней был восстановлен контроль Временного правительства...

Последний эпизод жизни М.В. Алексева наименее спорен. После Октябрьского переворота он 30 октября тайно, по документам на имя советника Щетинина, выехал из Петрограда в Новочеркасск. Там он выпустил воззвание к офицерам «Спаси Родину» и приступил к созданию Добровольческой армии. 31 августа 1918 года Алексеев принял на себя звание Верховного руководителя Добровольческой армии, и при нем было создано Особое Соединение, выполнявшее функции правительства. Но дни Алексева были уже сочтены. Он скончался 18 октября 1918 года от воспаления легких.

Покидая Россию, воины Белого движения увезли с собой его прах, для них он был и оставался вождем, и они даже думать не хотели о том, что постигшая их трагедия – во многом следствие его действий.

АННЕНКОВ **Борис Владимирович** **(1889–1927)**

Сложно представить историческую фигуру более противоречивую, чем атаман Анненков: для одних он прославленный герой и блестящий организатор, для других неуправляемый командир и кровавый деспот.

Атаман Борис Владимирович Анненков принадлежал к числу удалой казацкой вольницы, для кого личная свобода всегда дороже закона и порядка. У него было развито чувство долга и чести, но в не меньшей степени проявлялись своенравность и независимость.

Потомственный дворянин Б.В. Анненков имел тягу к учению. В 1906 году он закончил Одесский кадетский корпус, а через два

года – Александровское военное училище. Особенно преуспел он в изучении языков. Помимо английского, французского и немецкого в короткие сроки он овладел казахским и китайским языками.

Анненков был прекрасным спортсменом: он отлично фехтовал, скакал на лошади и стрелял. Со своим однополчанином хорунжим Берниковым он штурмовал еще не покоренные вершины Джунгарского Алатау. Высотам он давал имена, например, Ермака Тимофеева или Николая II.

«Чёрный барон» – так называли Анненкова за пристрастие к чёрному цвету, – не имел привычки курить и пить, чуждался женщин и не заводил друзей. Но были у него и слабости – конфеты и лошади. Особенную страсть он питал к скакунам, тщательно отбирал лошадей, занимался их разведением, но больше всего любил своего верного Султана.

Свои лучшие качества тогда еще сотник 4-го Сибирского казачьего полка Б.В. Анненков показал во время бунта. Мятежные казаки одного из лагерей выбрали его в начальники, однако он не стал связываться с бунтовщиками и доложил все начальству. Но когда для подавления бунта прибыла карательная экспедиция, на просьбу выдать зачинщиков мятежа он заявил, что офицер, а не доносчик.

В качестве наказания военно-полевой суд отправил Б.В. Анненкова на германский фронт. Там, на полях Первой мировой наиболее полно раскрылись военные таланты будущего атамана. Попав в окружение, ему удалось совершить практически невозможное – вывести из него остатки полка.

Зарекомендовав себя как отличный офицер, с общего одобрения Б.В. Анненков назначается командиром партизанского отряда, собранного из казаков-добровольцев. Воюя в тылу врага, он раз за разом своими дерзкими рейдами застает немцев врасплох. Железная дисциплина среди подчиненных уже тогда отличала его как военачальника.

После отречения Николая II от престола Анненков со своим отрядом присягнул Временному правительству, но пришедшие к власти большевики за контрреволюцию выслали его в Омск. Командир отказался разоружить своих подчиненных и, отступая вглубь казахских территорий, стал в оппозицию новому режиму. В марте 1918 года его избирают атаманом Сибирского казачества, а в июле – войсковым старшиной.

Имея первоначально сравнительно небольшое количество солдат – около 1500 штыков и сабель, Б.В. Анненков, тем не менее, успешно вступает в Гражданскую войну. Один за другим он разбивает отряды Н.Д. Каширина и В.К. Блюхера, совместно с бело-

чехами самоотверженно борется с советской властью в Западной Сибири, участвует в подавлении большевистских восстаний, а также освобождает от красных Семиречье.

Не имея достаточно средств, атаман, тем не менее, следит за качеством обмундирования и вооружения своих солдат. Конечно, не обошлось и без хитрости. Так, в Семипалатинске, надавив на оставшихся там буржуа, он собирает «добровольные» взносы, довольно приличные суммы, и тратит их на свою армию.

Его солдаты одеты с иголочки. Они носят чёрные гимнастерки, чакчиры с серебряными лампасами и расшитые белыми шнурами ментики – почти по канонам гусарской формы. Свою форму имели и другие полки, входившие в подчинение Анненкову – оренбургский, семиреченский, маньчжуро-китайский.

И вооружаются «анненковцы» по последнему слову. У них есть английские пулеметы «Льюиса» и французские – системы «Шоша», американские «Виккерсы» и «Кольты», японские и английские винтовки, и даже тяжёлые пушки.

Б.В. Анненкова несколько раз пытались перебросить на Западный фронт, однако безуспешно. Все, что он смог, так это выделить несколько полков для отправки на Восточный фронт. Он явно не хотел разрушать созданную в Семиречье маленькую империю. В белогвардейских верхах Анненков прослыл не очень надежным и недисциплинированным командиром. Куда подевалась и железная дисциплина его солдат? Выделенные атаманом для Восточного фронта полки показывают себя с худшей стороны: в Петропавловске они начинают заниматься разбоем и грабежами. Постановлением военно-полевого суда 16 наиболее провинившихся солдат приговариваются к расстрелу.

Время постепенно меняло, по выражению генерала П.Н. Краснова, «одаренного Богом, смелого, решительного, умного» человека. Защитники доброго имени атамана оправдывают его жестокость военным временем и необходимостью ответить на «красный террор». Но очевидцы в своих воспоминаниях рисуют не столь героическую картину.

Один из сослуживцев Анненкова рассказывал, что когда атаман катался на автомобиле, он любил переехать то кошку, то собаку, то барана, но иногда высказывал и более изуверское желание – «задавить какого-нибудь киргизёнка». Позднее усилиями своей армии он «давил» уже многих – не только солдат, но и безоружных людей.

Личный шофер Анненкова А. Ларин вспоминал, что его начальник довольно часто совершал рейды по селам, выискивая симпатизирующих большевикам крестьян. Уличенных в симпа-

тии «чёрные гусары» пороли до потери сознания, но могли зарубить пашками или расстрелять. Не жалели ни женщин, ни детей. При этом сам атаман не принимал участия в расправах, а только наблюдал.

Более ужасающую картину рисовала уцелевшая поле одного из рейдов атамана жительница села Чёрный Дол: «Делали что хотели, забирали, палили, смеялись над женщинами и девушками, насиловали от 10 лет и старше... моего мужа взяли в город и изрубили, отрезали нос и язык, вырезали глаза, отрубили полголовы. Мы нашли его уже закопанным».

Дурная слава об «анненковских» бесчинствах распространялась не только среди большевиков и крестьян, но и среди белогвардейцев. Неудивительно, что после того, как Красная Армия вынудила атамана отступить за китайскую границу, из его многотысячной армии осталось не более 700 человек.

Разрозненные отряды Анненкова сначала добрались до Урумчи, а затем обосновались в Гучене, где в конце марта 1921 года произошел вооруженный конфликт между китайскими солдатами и отрядом Анненкова, по мнению историков, спровоцированный большевистскими агентами. Отправившийся утрясать инцидент Анненков был тут же арестован и посажен в тюрьму. Только в феврале 1924 года благодаря стараниям бывших соратников он был освобожден.

Но долго атаману гулять на свободе не пришлось. Уже в апреле 1924 года подкупленный большевиками китайский маршал Фэн Юйсян выманил Анненкова, а затем сдал его чекистам. Как замечают исследователи, это была одна из первых операций Советской власти по обезглавливанию Белого движения за рубежом.

Б.В. Анненкова судили в Семипалатинске в июле–августе 1927 года. Обвиняли его отнюдь не в контрреволюционной деятельности, а в массовых зверствах над пленным и мирным населением. Количество жертв «анненковского» террора исчисляется многими тысячами. Так, в одном Сергиополе было убито около 800 человек, а возле озера Алаколь по приказу атамана расстреляли 3800 солдат и казаков, пожелавших остаться в России. 24 августа 1927 года Б.В. Анненков был казнен. 7 сентября 1999 года Военная Коллегия Верховного суда РФ в реабилитации Бориса Анненкова отказала².

² См.: *Бобренёв В.А., Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы. – М., 1993. – С. 137–170; Неотвратимое возмездие / Под ред. С.С. Максимова и М.Е. Карышева. – М., 1979. – С. 117–132; *Павловский П.И.* Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске 25/VII – 12/VIII 1927 г. – М.–Л., 1928.

БАРБОВИЧ

Иван Гаврилович

(1874–1947)

Иван Гаврилович Барбович родился в семье офицера, потомственного дворянина Полтавской губернии. Детство и юность не предвещали ему блистательной военной карьеры. Вместо престижного Петровского Полтавского кадетского корпуса он учился в гимназии, а военную службу начал почти в 20-летнем возрасте.

В чине рядового И.Г. Барбович поступил в стоявший в Ахтырке 29-й драгунский Одесский полк на правах вольноопределяющегося. Через полгода усердный солдат окончил полковую учебную команду и был произведен в унтер-офицеры, а через год – зачислен юнкером в Елизаветградское кавалерийское училище. Незаметно пролетели два года обучения, во время которого Барбович был награжден шашкой «за отличные успехи в науках», и вот, наконец, 27 декабря 1896 года последовал долгожданный Высочайший приказ о производстве в корнеты с переводом в 30-й драгунский Ингерманландский полк, в котором Барбовичу доведется прослужить до самой революции и стать его командиром.

В Чугуеве, где был расквартирован Ингерманландский драгунский (с 1907 года – гусарский) полк, И.Г. Барбович прослужил почти двадцать лет. Уже в первые годы службы он неоднократно назначался на различные ответственные должности – заведовал полковым оружием и мастерской, охотничьей, конно-саперной, телеграфной и гелиографической командами, отвечал за прием пироксилина для всей дивизии. Избрав своей специализацией стрелковое дело и готовясь принять пулеметную команду, Барбович повышает квалификацию, пройдя курс обучения в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе. А вскоре и приобретает первый боевой опыт.

Вообще-то, на фронт начавшейся Русско-японской войны Ингерманландские драгуны не попали. От полка, мобилизация которого в последний момент была отменена, на войну была отправлена только конно-пулеметная команда штаб-ротмистра

И.Г. Барбовича, участвовавшая в редких боях с японцами в Северной Корее.

По возвращении с театра военных действий штаб-ротмистр снова с головой окунулся в будни полковой жизни: маневры, служебные командировки, заседания полкового суда, хлопоты, связанные с переименованием Ингерманландского полка в гусарский... Вне службы главным событием в жизни И.Г. Барбовича в 1909 году стала его женитьба на 26-летней Марии Дмитриевне Родионовой, дочери генерал-лейтенанта. В следующем, 1910 году у супругов родился первенец, названный при крещении Мстиславом. Младенец появился на свет в Санкт-Петербурге, где его отец, готовясь получить эскадрон, проходил двухлетний курс обучения в Офицерской кавалерийской школе. Вскоре последовало повышение в чине, командование дивизионной конно-пулеметной командой и 2-м эскадром 10-го гусарского Ингерманландского полка. Во главе этого эскадрона в 1914 году ротмистр Барбович выступил в первый поход Первой мировой войны.

Мобилизация началась 18 июля, а уже 26-го Ингерманландский полк получил первое боевое крещение. Эта честь выпала 2-му эскадрону ротмистра Барбовича, высланному на разведку у города Збаража и столкнувшемуся с австрийской пехотой. Остальные эскадроны полка в составе дивизии перешли границу 3 августа и в тот же день вступили в бой с конными и пешими частями противника. Ротмистр Барбович отличился и в этом бою, за что позже был представлен к производству в следующий чин – подполковника. Еще через пять дней – конный бой у польской деревни Ярославце, где русская 10-я кавалерийская дивизия наголову разбила кавалерийскую дивизию австрийцев и где снова одним из первых в атаке был Барбович. 17 августа отважный офицер во главе эскадрона бросился в атаку на укрепленные позиции вражеского полка с пулеметами. При этом, как говорится в Высочайшем приказе о награждении И.Г. Барбовича Георгиевским оружием, «личным примером доблести разя врага, под жестоким огнем его успешно довел атаку до глубоких резервов, обратил неприятеля в бегство и захватил пулемет». А всего только за первые полгода войны Иван Гаврилович участвовал в 32 боях! Наградами лихому гусару, кроме уже названного повышения в чине и Георгиевского оружия, стали ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами. Мечи на орденах свидетельствовали о том, что награды получены за боевые заслуги. В следующем, 1915 году подполковник Барбович получает такие мечи к уже имевшимся у него орденам Св. Станислава 2-й и 3-й степеней и Св. Анны 3-й степени. А вскоре его мундир украсил-

ся белым эмалевым крестом – мечтой каждого русского офицера. Почетнейший боевой орден Св. Георгия 4-й степени Барбович получил за то, что 29 апреля 1915 года, командуя дивизионом и преследуя противника, «с беззаветной отвагой атаковал и изрубил сначала одну, а затем еще две роты австрийской пехоты, занявшей очень выгодную позицию из пересеченной местности и встретившей атаку нашей конницы сильным ружейным огнем».

1916 год внес в бурный ритм боевой жизни Барбовича сравнительное затишье – временное командование полком, производство в полковники, лечение в Петроградском лазарете, отпуск домой... Но затишье это оказалось затишьем перед бурей.

Зловещий 1917 год – боев почти нет, но армия гибнет на глазах, стремительно разлагается, отравленная «свободой». Единственной радостью в жизни полковника И.Г. Барбовича в это тяжелое время стало известие о рождении дочери Людмилы. Другое важное событие, о котором когда-то можно было только мечтать, теперь стало тяжким бременем. 4 мая полковник Барбович был назначен командиром родного Ингерманландского полка. А в конце января 1918-го окончательно развращенный тыловыми агитаторами полковой комитет выразил ему «недоверие». Тогда же комитетчики дивизии постановили: «полкам самоопределиться по национальностям и разойтись».

В феврале 1918 года в связи с демобилизацией Ингерманландского полка его бывший командир был «отправлен в распоряжение Харьковского уездного Военного Начальника». Казалось, это было печальным концом весьма удачно складывавшейся карьеры талантливого боевого офицера, которому шел уже 45-й год. И вряд ли кто мог предположить, какая поистине феноменальная слава и широчайшая известность ждали И.Г. Барбовича впереди...

К местам довоенных стоянок – в Харьков, Чутуев, Ахтырку и Сумы потянулись многие офицеры полков бывшей 10-й кавалерийской дивизии. Ехали домой, к женам и детям. Везли с фронта знамена, лелея смутные надежды на возрождение армии и родных полков. Власть гетмана П.П. Скоропадского, утвердившаяся к этому времени в Украине с помощью немецких штыков, давала хоть и слабое, но все же основание для таких надежд. И Барбович с воодушевлением принимает участие в украинизации русской армии, назначается начальником кадров 10-й кавдивизии, получает чин генерального хорунжего армии Украинской Державы.

Увы, все надежды рухнули уже через несколько месяцев. В Германии случилась революция, а в Украине вспыхнуло восстание – «левые» украинцы С.В. Петлюры пошли войной на «правых» украинцев гетмана. И полковник И.Г. Барбович, сформиро-

вав из гусар своего полка конный отряд в составе 74 человек, в конце октября 1918 года походным порядком выступил из Чугуева на соединение с Добровольческой армией. Воюя с большевистскими и махновскими шайками, пополняясь в пути новыми добровольцами, отряд благополучно пробился к своим.

В марте 1919 года полковник И.Г. Барбович возглавил 2-й Конный полк – лихих дроздовцев. Наконец он оказался в родной стихии жарких кавалерийских схваток! Едва успев вступить в командование полком, уже на следующий день в бою на Перекопе он был ранен штыковым ударом в голову, однако остался в строю и продолжил командовать. Новые упорные бои, отчаянный прорыв позиций красных, победоносное освобождение Крыма и Северной Таврии, блистательные операции и фантастические по смелости разведывательные рейды в тыл противника...

Известность Барбовича, возглавившего вскоре кавалерийскую бригаду, растет с каждым днем. «Слава батьку нашему Барбовичу за лихих сынов, и вся страна наша шлет им низкий поклон!» – написал в незамысловатом стихотворении один из его подчиненных, простой кубанский казак. «Знаток своего дела, большой личной храбрости и порыва, человек исключительного благородства души, строгий к себе и другим, пользующийся любовью и уважением подчиненных, генерал Барбович был отличным начальником конницы» – так охарактеризовал его барон П.Н. Врангель.

Талант И.Г. Барбовича как выдающегося военачальника особо проявился в конце 1919-го – начале 1920 года, когда на фоне общего отступления белой армии, успешно командуя кавалерийской дивизией, он продолжал одерживать блистательные победы. В декабре 1919 года Барбович получает чин генерал-майора, возглавляет кавалерийский корпус и сражается в неравных боях с Первой конной армией бывшего унтер-офицера С.М. Будённого. Впоследствии Будённый вспоминал: «Корпус Барбовича действительно был лучшим во всей врангелевской армии. В нем находились самые отъявленные головорезы, белые казаки, обладающие изрядным боевым опытом, вооруженные до зубов. Они не раз одерживали победы над нашими бойцами». Но что мог сделать один корпус, к тому же понесший огромные потери, против целой армии? Только прикрывать отступление...

В Крыму И.Г. Барбович производится в генерал-лейтенанты и возглавляет всю кавалерию Русской армии П.Н. Врангеля. Не в пример другим высоким чинам, во время наступления в Таврии он по-прежнему лично участвует в боях. «...Видя тяжелое положение нашей пехоты, атакованной во фланг восемью эскадронами

красной конницы, при броневиках, он беззаветно лихой атакой во главе Гвардейского полка первым врубился в ряды красных, был ими окружен, но, тем не менее, смял их и обратил в бегство, чем положил начало разгрому трех конных дивизий противника...» – говорится в приказе генерала Врангеля о награждении Барбовича самой почетной наградой белой армии – орденом Святителя Николая Чудотворца 2-й степени.

В лагере на турецком полуострове Галлиполи, а затем и в эмиграции генерал И.Г. Барбович возглавлял Кавалерийскую дивизию, в которую были сведены все оставшиеся конные полки.

В эмиграции перед генералом П.Н. Врангелем встал вопрос о сохранении армии для дальнейшей борьбы с большевиками. Средств для сохранения войск в первоизданном виде он не имел, да и союзники все равно бы этого не допустили. Стремясь уберечь кадры армии от распыления, сохранить ее организационную структуру, а также дисциплину, традиции и духовную общность, в 1924 году Врангель создал на базе армии военную организацию – Русский Обще-Воинский Союз. РОВС делился на отделы, которые объединяли проживающих в разных странах воинских чинов. Югославским отделом, сперва неформально, а затем и официально, долгие годы руководил генерал И.Г. Барбович, связанный с Врангелем узами крепкой дружбы. До самой своей смерти Петр Николаевич переписывался с Иваном Гавриловичем, спрашивал его мнения и совета по самым важным вопросам.

Живя в Белграде, после нескольких лет службы в югославском военном ведомстве И.Г. Барбович получил право на небольшую пенсию. Во время Второй мировой войны, несмотря на неоднократные предложения, он отказался воевать на стороне Германии в сформированном в Сербии Русском корпусе. А накануне прихода советских войск в конце 1944 года вместе с семьей эвакуировался в Германию. В лагере беженцев в американской оккупационной зоне у пожилого генерала обострилась старая, еще с фронта, болезнь. 21 марта 1947 года на 74-м году жизни генерал-лейтенант Иван Гаврилович Барбович, знаменитый военачальник, кавалер высших русских и иностранных орденов скончался. Похоронили его в Мюнхене.

Родные Ивана Гавриловича уехали за океан. Несколько лет назад в Бразилии скончался Мстислав Иванович Барбович, в США – Людмила Ивановна. Сегодня в этих странах живут внуки генерала. К сожалению, почти все они уже мало что знают о своем легендарном дедушке...

На родине же Ивана Гавриловича и вовсе никто, кроме историков, не знает. Впрочем, даже историкам неизвестно – где имен-

но в Мюнхене находится его могила, да и сохранилась ли она? На фоне громкой кампании по переносу на родину останков белых генералов А.И. Деникина и В.О. Каппеля желающих отыскать и хотя бы привести в порядок могилу Барбовича почему-то все еще не находится...

БЕЛОВ

Пётр Андреевич (1881–1920)

Пётр Андреевич Белов окончил частную классическую гимназию, но выбрал путь военного и в 1899 году поступил на службу вольноопределяющимся. В 1902 году окончил Виленское юнкерское училище, был произведен в подпоручики и с 29 ноября 1904 года служил начальником команды разведчиков 117-го пехотного Яро-славского полка. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

В 1912 году П.А. Белов окончил Императорскую Николаевскую военную академию. С 9 октября 1913 года командовал ротой 116-го пехотного Малоярославского полка.

В 1914 году был произведен в капитаны. С 15 января 1915 года служил старшим адъютантом штаба 6-й кавалерийской дивизии. 10 февраля 1915 года во время боя был ранен осколком гранаты в грудь. 6 декабря 1915 года произведен в подполковники. С 8 января 1917 года служил начальником штаба 170-й пехотной дивизии. 6 декабря 1917 года был произведен в полковники. За время Первой мировой войны был награжден 4 орденами. 28 февраля 1918 года был уволен из армии.

С 1918 года П.А. Белов служил начальником штаба Омского военного округа. Затем – начальником штаба Сибирской армии, в 1919 году возглавил штаб Русской армии у адмирала А.В. Колчака, но был переведен на должность начальника штаба и временно командующего Сводным Стерлитамакским корпусом. С конца марта 1919 года командовал Южной группой войск Западной армии, а затем с июня по октябрь – Южной армией. 7 мая 1919 года был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

После расформирования управления Южной армии 18 сентября 1919 года П.А. Белов был переведен в распоряжении Верховного

главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. С октября 1919 года – помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, 28 октября руководил эвакуацией города Омска. В 1920 году попал под Красноярском в плен к красным и был расстрелян.

БЕРМОНДТ-АВАЛОВ Павел Михайлович (1884–1974)

Источники расходятся в том, что касается происхождения отца Павла Михайловича (Рафаиловича) Бермондта. Согласно наиболее распространенной версии, им был Рафаил Бермондт – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, караим по вероисповеданию. Сам же П.М. Бермондт утверждал, что был усыновлён первым супругом своей матери князем Михаилом Антоновичем Аваловым.

П.М. Бермондт получил музыкальное образование и в 1901 году был зачислен капельмейстером в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. В 1904 году он вступил в этот полк уже добровольцем и на следующий год был произведен в прапорщики.

В составе полка П.М. Бермондт участвовал в Русско-японской войне, был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней. В 1905 году крестился в православие. В 1906-м был переведен в Уссурийский казачий дивизион и с тех пор по документам проходил как уссурийский казак. В 1908 году произведен в хорунжие. На приеме императором особо отличившихся высказал желание служить во 2-м драгунском Санкт-Петербургском полку, куда в 1909 году был зачислен в чине корнета. По воспоминаниям офицеров 1-го уланского полка в 1910 году Бермондт был вынужден уйти из полка, причина ухода ими не указывалась, возможно,

чтобы не выносить сор из избы, но словосочетание «вынужден уйти» свидетельствовало, что уход состоялся не по семейным обстоятельствам и не по собственному желанию. Высочайший приказ от 11 января 1910 года гласил: «Зачисляется в запас по Уссурийскому казачьему войску с переименованием в хорунжие 1-го уланского Санкт-Петербургского полка корнет Бермонт». Где был и что делал бывший петербургский улан до Первой мировой войны, достоверно неизвестно.

В эмигрантской прессе есть такое упоминание: «...В 1908 г. Бермонт выплыл в Ржеве. Благодаря его боевым отличиям и покровительству, оказанному ему одним влиятельным лицом, он получил доступ в один из старых полков – 1 С.-Петербургский уланский князя Меншикова полк. Вследствие своего невысокого происхождения Бермонту пришлось в полку пережить много неприятных дней, тем более что по своим личным качествам он не умел завоевывать себе расположения сплоченного общества офицеров этого полка. Если бы Бермонт имел малейшее основание претендовать на аристократическое происхождение, он, при тяжелых условиях, сложившихся для него в Петербургском уланском полку, не преминул бы заявить о своем княжеском происхождении. Прослужив около двух лет в полку, он принужден был его оставить...».

Обратите внимание, здесь уже не «вынужден уйти», а «принужден оставить». То есть мы видим, что будущего авантюриста в полку раскусили быстро, и дело не в его низком происхождении, а в его моральных принципах. Таким образом, секрет его ухода из полка можно считать раскрытым. В приказе по хозяйственной части за март 1911 года говорилось: «Из офицерского заемного капитала обращено на погашение долга корнета Бермонта согласно постановлению общего собрания господ офицеров 146 рублей 34 копейки». С офицерами, не платящими долгов, прощались быстро. Долги Бермондт наделал в мундире Петербургского полка, а значит, позор ложился на весь полк. Разумеется, что офицеры такого пятна на репутации полка потерпеть не могли. Распрощавшись с Бермондтом, они, вероятно, в течение года гасили его долги.

Во время Первой мировой войны П.М. Бермондт дослужился до звания ротмистра (капитана). В 1914 году поступил в 3-й Донской казачий полк. В 1916 году он все еще корнет, адъютант у генерала П.И. Мищенко. Всего за годы службы семь раз ранен, награжден, помимо Георгиевских крестов, орденом Св. Анны 4-й степени (Аннинским оружием с надписью «За храбрость»).

Как в 1917 году П.М. Бермондт стал полковником, неизвестно. В некоторых источниках встречается упоминание, что после Февральской революции Бермондт был выборным командиром 1-го уланского Петроградского полка. Однако, во-первых, выбирать командиров начали только после Октябрьского переворота, а во-вторых, об этом не упоминает ни один офицер полка, оставшийся воспоминания. Полковые приказы за 1917 год, сохранившиеся довольно хорошо, не упоминают ни о каких Бермондтах, а называют других реальных командиров.

По другим источникам, после Октябрьского переворота Бермондт проживал в Житомире. В августе 1918 года стал начальником вербовочного пункта и контрразведки Южной армии в Киеве. Зимой 1918 года оборонял Киев от петлюровцев, которые после захвата власти заключили его в тюрьму. В числе других русских офицеров он был эвакуирован в Германию при оставлении германской армией Украины.

Характеризуя Бермондта в эти годы, полковник А.С. Гершельман отмечал, что он был стойким противником большевиков, доброй души человеком, которого очень любили подчиненные за его исключительную заботу о своих солдатах и офицерах.

В апреле 1919 года в Зальцведеде из русских и немецких добровольцев был сформирован партизанский отряд, выступивший против красных в союзе с немецкими добровольческими формированиями. Немецким добровольцам образовавшимся латышским правительством и крупными немецкими землевладельцами были обещаны земли в Курляндии. Велась вербовка русских добровольцев из числа военнопленных, находившихся в Германии. В июле 1919 года П.М. Бермондт прибыл из Германии в Митаву, где шло формирование отряда и которая стала впоследствии базой для Западной добровольческой армии.

Бермондт дал своему отряду название «Отряд имени графа Келлера». Формально Либавский (Ливенский) отряд, отряд П.М. Бермондта (имени графа Келлера) и отряд полковника Е.П. Вырголича объединились в один Западный корпус Северо-Западной армии под общим командованием князя А.П. Ливена, но реально Бермондт проводил независимую политику, неохотно подчиняясь Ливену.

9 июля от генерала Н.Н. Юденича было получено приказание прибыть на соединение с Северо-Западной армией на Нарвский фронт, поддержанное англичанами. В отсутствие тяжело раненого князя А.П. Ливена по распоряжению английского генерала Х. Гофа 1-й и 3-й батальоны Ливенского отряда были поспешно погружены на английский транспорт и отправлены в Ревель

и Нарву. Полковники П.М. Бермондт и Е.П. Вырголич заявили об отказе исполнять приказание Юденича перейти на Нарвский фронт, если союзники не пожелают гарантировать получение снабжения, снаряжения и довольствия в тех размерах, в каких оно поступало от германцев. Так как союзные миссии отказались от дачи такого обязательства, эти два отряда не последовали за Ливенцами и остались в Курляндии. Бермондт вообще считал, что его корпус не должен покидать пределов Латвии, а оставаться в ней в качестве «действительной русской военной силы», и свою армию он рассматривал как равную, а не подчиняющуюся Северо-Западной армии.

В сентябре 1919 года социал-демократическим правительством Германии из Прибалтики был отозван Р. фон дер Гольц, командовавший добровольческим корпусом, а сам корпус ликвидирован. Однако Германия не была намерена отказываться от своего влияния в Прибалтике. Пытаясь сохранить там свою военную силу, в том числе вне рамок ограничений, наложенных на Германию условиями Версальского договора, немцы совершили ловкий манёвр – уволенные чины корпуса под видом добровольцев вступали в корпус Бермондта, который таким образом стал состоять преимущественно из немецких войск. Германские рядовые чины корпуса преследовали, впрочем, куда более приземлённые цели – дело в том, что правительство К. Улманиса обещало немецким добровольцам, воевавшим на его стороне против Красной Армии, предоставить земельные наделы в качестве вознаграждения. Выполнять обещание правительство не спешило (и впоследствии так и не выполнило), и немцы после расформирования корпуса фон дер Гольца видели единственную возможность остаться в Курляндии и дожидаться выделения обещанной земли только записавшись в «русскую армию» Бермондта.

Кредит на содержание корпуса был получен Бермондтом от немецкого же банка «Морган и Ко» – 300 млн марок. Тогда же (в конце августа) было сформировано пронемецкое Западно-Русское правительство (ЗРП), которое должно было, по задумке немцев, проводить нужную им политику, в случае захвата Бермондтом власти в Прибалтике. Независимость Латвии Бермондт и ЗРП не признавали, считая, что Латвия должна остаться в составе России и получить «внутреннюю автономию».

5 сентября генерал для поручений К.С. Десино от своего имени передал П.М. Бермондту распоряжение Н.Н. Юденича: «Главнo-командующий Северо-Западным фронтом... назначил Вас Командующим всеми русскими частями, сформированными в Курляндии и Литве».

20 сентября Бермондт объявил «народу Латвии» о том, что он является «представителем русской государственной власти», и о принятии на себя всей полноты власти в Прибалтике, игнорируя тем самым факт латвийского суверенитета и существования латвийских органов власти. В тот момент в корпусе Бермондта, который стал именоваться Русской Западной добровольческой армией, находилось около 50 тыс. человек.

Ещё 26 августа 1919 года в Риге прошло совещание, инициированное английским военным представителем Ф.Д. Марчем, в котором приняли участие представители всех антибольшевистских сил региона: Северо-Западной армии, Западной русской армии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. На совещании было принято решение начать совместное наступление на Советы 15 сентября. Причём армия Бермондта получала задачу наступать на Двинск – Великие Луки – Бологое для перерезания Николаевской железной дороги. Последующие события показали, что сроки наступления были сдвинуты, да и наступление было несовместным, но так как инициатива совместных действий исходила от англичан, а Бермондт был тесно связан с немцами, то изначально возникали опасения, что он в таком наступлении принимать участия не будет.

Западная добровольческая армия (ЗДА) вступила в открытое противостояние с правительством Латвии, выдвинув 6 октября ультимативное требование пропустить её через территорию Латвии на «большевистский фронт», и, начав продвижение от Митавы в сторону Двинска. Правительство Латвии ответило отказом. Произошли первые вооружённые столкновения передовых частей ЗДА (надо полагать немецких) и латвийских войск. 7 октября силы Бермондта двинулись на Ригу, обвиняя латышскую армию в вооружённых провокациях против ЗДА, и 8 октября войска вышли к столице Латвии, которую в то время защищали относительно слабые силы латвийской армии, состоящие в основном из новобранцев.

На город было сброшено с аэропланов несколько бомб и прокламации на русском языке, в которых латышам предлагалось «подчиниться власти полковника Бермондта, чтобы быть присоединёнными к великой и могучей России». 9 октября предместья Риги были заняты частями Бермондта, но вместо того, что бы развить успех, он 10 октября предложил правительству Латвии заключить перемирие. Тем временем к Риге были подтянуты 4 эстонских бронепоезда, а на рейд прибыла английская эскадра, принявшаяся непрерывно обстреливать позиции ЗДА из своих орудий. Когда части армии Бермондта всё же начали переправу

через Двину, то наткнулись на подготовленную оборону. Начались упорные позиционные бои.

Все эти события происходили именно в тот момент, когда армия Н.Н. Юденича устремилась на Петроград, надеясь, что обещания помощи от союзников по антибольшевистской борьбе будут выполнены – от английской эскадры на море (по захвату береговых фортов Финского залива, уничтожению красного Балтийского флота и Кронштадта) и эстонцев на суше.

К 16 октября армия Бермондта, израсходовав боеприпасы и не имея резервов, наступление на Ригу остановила. К утру 11 ноября части ЗДА были выбиты из левобережной части Риги, 18 ноября командование армией принял на себя прибывший из Германии генерал-лейтенант Эбергардт, однако отступление продолжалось. К середине декабря русско-германская армия Бермондта была эвакуирована в Германию, где ещё некоторое время сохраняла своё значение как военная единица.

Кроме отвлечения военных сил антибольшевистского фронта от Петрограда, действия Бермондта имели далеко идущие политические последствия, повлиявшие на судьбу всего Белого дела в Северо-Западной области.

Правительственная газета Эстонии «Ваба Маа» в те дни писала: «...Планы Бермондта ясны – усмирить мятежную Латвию и присоединить её к великой России. За Латвией настанет очередь и Эстонии... Нет сомнения, что Бермондт действует в полном согласии с Колчаком и Деникиным...». Газета эстонских социал-демократов выразилась ещё яснее: «...Весьма возможно, что Юденич и Бермондт – люди одной и той же идеи, но каждый из них стремится к ней разными путями. И если мы теперь не хотим участвовать в походе Юденича на Петроград, то пусть он в этом винит не нас, а Бермондта».

Акция Бермондта могла насторожить и англичан, стремившихся к расчленению России и поэтому поддерживавших формирующиеся прибалтийские государства. Есть мнение, что Бермондт с его военной акцией в Латвии под лозунгом о «Единой и Неделимой России» стал жертвой германской интриги, направленной на усиление прогерманских и на ослабление английских позиций в Прибалтике. Немцы понимали, что если бы Юденичу удалось занять Петроград, то позиции Англии в регионе усилились бы многократно.

В 1925 году П.М. Бермондт выпустил в Гамбурге мемуары «В борьбе с большевизмом». Многостраничный труд со множеством иллюстраций должен был создавать представление об авторе как о чуть ли не одном из главных борцов с большевиками. Живя

в Гамбурге, Бермондт планировал поход на Москву, даже определил состав московской комендатуры.

П.М. Бермондт откровенно симпатизировал нацистам, в 1933 году возглавил Русское национальное освободительное социалистическое движение, а после роспуска организации гестапо организовал Российское Национал-Социалистическое Движение (РОНД). РОНД имел собственные штурмовые отряды, которые вместе со штурмовиками НСДАП (СА) и бойцами «Стального шлема» (близкой к германским монархическим кругам организации бывших фронтовиков) сражались с коммунистическими отрядами «молодых спартаковцев» и «Рот Фронта» на улицах германских городов. Из-за интриг в среде русской эмиграции эта организация также была закрыта.

Власти рейха, тем не менее, не выпускали Бермондта из поля зрения. Так, среди документов политического отдела Министерства по делам оккупированных восточных территорий сохранились показания некой Хенни Людвиг-Линк, данные 18 марта 1935 года в Мюнхене. По её словам, в 1927 году она познакомилась с Бермондтом, и это знакомство переросло в более тесные дружеские контакты. Бермондт, выдававший себя за патриота и пылкого сторонника русско-германского союза, по словам Людвиг-Линк, оказался кокаином и морфинистом, обманным путём выманил у неё 8 000 марок, вынудив продать часть имущества и ценные бумаги по заниженной цене, которые потратил «на свои прихоти», а также впоследствии высокомерно высказывался о фюрере. На этом основании Людвиг-Линк требовала как можно скорее «обезвредить» Бермондта.

В 1939 году П.М. Бермондт был арестован гестапо, помещен в Моабитскую тюрьму, но после полугодового заключения по личному ходатайству Муссолини был выслан в Италию. Оттуда он переехал в Белград, а в 1941 году после переворота генерала Д. Симовича – в США. Факт тюремного заключения в нацистской Германии помог ему избежать денацификации.

Переселившись за океан, политикой П.М. Бермондт больше не занимался, в эмигрантских организациях не состоял. Умер в Нью-Йорке в 1974 году на 90-м году жизни. Все чины ЗДА Бермондта за сражения в Курляндии (Латвии) получили право носить бронзовую медаль, на лицевой стороне которой был изображен Георгий Победоносец, а на оборотной – восьмиконечный православный крест с датой «1919». Позднее, Бермондт учредил еще одну награду – чёрный с серебряной каймой крест мальтийской формы.

БУДБЕРГ Алексей Павлович (1869–1945)

Барон Алексей Павлович Будберг происходил из древнего дворянского рода Лифляндской губернии. Образование он получил в Орловском Бахтина кадетском корпусе, который окончил в 1886 году. В 1889 году после окончания Михайловского артиллерийского училища был выпущен подпоручиком в 3-ю гвардейскую гренадерскую артиллерийскую бригаду (позже лейб-гвардии 3-я артиллерийская бригада).

В 1895 году А.П. Будберг по 1-му разряду окончил Николаевскую академию Генерального Штаба, был произведен в штабс-капитаны гвардии с переименованием в капитаны Генштаба. В 1897–1899 годах служил обер-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа. Цензовое командование ротой отбывал в 4-м Восточно-Сибирском линейном батальоне в 1897–1898 годах. Штаб-офицер для поручений при командующем войсками Южно-Уссурийского отдела (1899–1900 годы). Старший адъютант штаба Приамурского военного округа (1900–1901). В 1900–1901 годах участвовал в походе в Китай, исполнял обязанности штаб-офицера при управлении 6-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. 31 июля 1902 года был назначен начальником штаба Владивостокской крепости и оставался в этой должности до марта 1913 года. В 1910 году произведен в генерал-майоры.

Будучи еще начальником штаба Владивостокской крепости А.П. Будберг по делам службы неоднократно ездил в Японию и имел обширные знакомства среди штабных офицеров японской армии. За укрепление контактов между двумя дружественными тогда армиями, ставшими впоследствии союзниками в Первую мировую войну, Будберг был награжден японским Императором орденом Священного сокровища 3-й степени. Во время Первой мировой войны Будберг много общался с японскими военными агентами при штабе 10-й армии.

Начало Первой мировой войны А.П. Будберг застал в качестве генерал-квартирмейстера штаба Приамурского военного округа.

В августе 1914-го был назначен генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии. В октябре награжден Георгиевским оружием. В декабре занял пост начальника штаба 10-й армии.

После поражения 10-й армии с февраля 1915 года находился в отпуске по хронической болезни в Петрограде, где состоял в резерве чинов. Командовал 40-й пехотной дивизией (август–октябрь 1915 года) и 70-й пехотной дивизией (с октября 1915 года). Дважды ранен. В 1916 году за боевые отличия произведен в генерал-лейтенанты. В апреле 1917-го назначен командиром 14-го армейского корпуса.

В июле 1917 года корпус А.П. Будберга оказался единственным среди корпусов 5-й армии, который по приказу своего командира дружно (за исключением 182-й дивизии, недавно влитой в корпус) пошел в наступление под Jakobштатом. Коренные 18-я и 70-я дивизии дрались самоотверженно, но один корпус ничего не мог поделаться с сильными резервами противника, не будучи поддержанным соседними корпусами. Наступление Северного фронта потерпело крушение.

В октябре 1917 года видя полный развал русской армии и ища выход из создавшегося положения, А.П. Будберг провел нечто вроде социологического опроса в частях вверенного ему корпуса. В 18-й пехотной дивизии выразили желание воевать «до победного конца» только 1000 человек, а в 70-й, которой он ранее командовал, – несколько больше, порядка 1400 человек. По подсчетам Будберга во всей семимиллионной российской армии можно было набрать до миллиона вполне боеспособных солдат, что представляло бы все еще значительную боевую силу. Однако, когда он изложил свою идею реорганизации русской армии на добровольческих началах на совещании корпусных командиров 5-й армии, его не поддержали. Добровольческая армия была создана лишь через три месяца по инициативе бывшего начальника штаба Ставки верховного главнокомандования генерала М.В. Алексеева, когда в его распоряжении было 30 юнкеров и 800 рублей деньгами. Тремя месяцами раньше, когда отвергли идею барона Будберга, Алексеев мог распоряжаться в Ставке миллиардами рублей и сотнями тысяч офицеров и верных долгу солдат, которых необходимо было только организовать.

В годы Гражданской войны А.П. Будберг играл в Белом движении довольно заметную роль. Он не принял большевистский режим и решил организовать ему сопротивление, опираясь на ресурсы полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. В ноябре 1917 года он отказался от командования корпусом, выпросил через знакомых в Главном штабе командировку в Японию

и в январе 1918 года выехал на Дальний Восток. Документы его выглядели вызывающе, поскольку он не захотел осквернять их подписью Троцкого. По прибытии в Харбин Будберг немедленно подал в отставку, а в марте того же года посетил Японию с целью проинформировать русского военного агента об обстановке в России³.

Обстановка в Харбине и по всей линии Китайско-Восточной железной дороги глубоко разочаровала Будберга. Засилье всякого рода авантюристов, пьянство офицеров, и, наконец, разного рода атаманы, типа Г.М. Семёнова и И.П. Калмыкова, грабившие поезда под видом обысков, повергли его в глубочайшее уныние. «Куда ни пойдешь, – вспоминал он впоследствии, – слушаешься такой гнили и дряни, что потом не спишь целую ночь. Хорош я был, когда в Петрограде уговаривал всех пробираться в полосу отчуждения, считая, что там только и можно организовать здоровое сопротивление большевизму». Впоследствии генерал со свойственной ему самоиронией назвал свое путешествие на Дальний Восток «донкихотским».

В августе 1918 года А.П. Будберг побывал во Владивостоке. «Тяжело смотреть на родной мне Владивосток, совершенно потерявший свой русский щеголеватый вид, – писал он в своем дневнике. – Чехословаки вычистили все вещевые магазины крепости, хранившие неприкосновенные запасы на двести тысяч человек; теперь они щеголяют в нашем обмундировании и сапогах; при встрече узнаю наше штиглицевское сукно и великолепные сапоги работы вятских кустарей – все это привозилось и заказывалось, когда я был членом крепостного распорядительного комитета».

В начале 1919 года А.П. Будберг был вызван из Харбина и назначен в распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего А.В. Колчака, совершившего в ноябре 1918 года переворот в Омске. Он сразу же понял, что из Колчака «будет очень скверный диктатор», однако по просьбе адмирала согласился принять должность помощника управляющего военным министерством, а затем и управляющего. В кругу высшего колчаковского командования Будберг не раз высказывал свое видение хода боевых действий и давал всегда верные прогнозы их результатам, за что получил от сослуживцев прозвище «нашей домашней Кассандры». Однако его огромный штабной и боевой опыт оказался фактически невостребованным, и на Будберга переложили всю тяжелую и рутинную работу по организации снабжения войск в условиях полной дезорганизации движения на единственной

³ См.: Будберг А.П. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). – Л., 1929.

Транссибирской железной дороге. Причем эта дезорганизация, как отмечал Будберг, была вызвана не столько действиями красных партизан, сколько незнанием элементарных основ организации железнодорожных перевозок большинством высшего офицерского состава и разбоем всяческих атаманов, почти в открытую поддерживаемых Японией, стремившейся под предлогом борьбы с большевизмом максимально ослабить позиции России на Дальнем Востоке.

Будберг неоднократно пытался объяснить знакомым японским офицерам всю пагубность проводимой Японией политической линии и вред ее для долгосрочных японских интересов. Его собеседники находили доводы Будберга разумными, однако не обладали должным влиянием, чтобы добиться изменения такой политики, инициатором которой была наиболее агрессивно настроенная «военная партия» японского Генерального штаба.

27 августа 1919 года А.П. Будберг был назначен военным министром в правительстве Колчака. Будучи в интеллектуальном отношении неизмеримо выше ближайшего колчаковского окружения, он видел неуклонное сужение социальной базы колчаковского режима, предвидел его неизбежный военный крах, однако оставался на своем посту до конца, выполняя воинский долг. Только новый тяжелейший приступ болезни печени, поставивший его на грань жизни и смерти, вынудил Будберга оставить свой пост. 5 октября 1919 года в связи с болезнью он был отчислен от занимаемой должности, с назначением в распоряжение Верховного главнокомандующего. В полубессознательном состоянии его успели вывезти из Омска в Харбин для лечения буквально за несколько дней до окончательного развала колчаковского фронта и паралича движения на железной дороге. Только это обстоятельство позволило Будбергу избежать общей участи членов колчаковского правительства, расстрелянных впоследствии большевиками.

По выздоровлении, несмотря на общий крах колчаковского режима, А.П. Будберг продолжил военную службу и исполнял обязанности начальника штаба Приамурского военного округа при командующем генерале С.Н. Розанове с пребыванием во Владивостоке, а затем проживал там как частное лицо. После событий 4–5 апреля во Владивостоке и других пунктах Приморья атаман Г.М. Семёнов своим приказом назначил А.П. Будберга комендантом Владивостокской крепости, однако на территории Приморья власть Семёнова никто не признавал, и приказ остался без последствий.

С явным беспокойством наблюдал А.П. Будберг за происходящими в мире событиями. О Версальском мире он говорил так:

«...при разваленной России, при расползающемся всюду большевизме, такие исключительные по своей суровости условия едва ли принесут пользу миру. 76 миллионов немцев нельзя выкинуть из мировой игры... никто не гарантирует того, что через четверть столетия явятся иные союзные комбинации, из которых и может вспыхнуть идея реванша, реванша немецкого, быть может, во много раз злейшего и острого, чем был французский». О своих китайских впечатлениях он писал в 1919 году: «Когда большевизм доберется до Китая, то найдет там весьма благоприятную почву для своего развития и об этом надо очень и очень подумать господам союзникам; китайское хунхузничество это тоже своего рода большевизм, уродливый протест против капитализма, социального и экономического неравенства. Попав в Китай, большевизм может вылиться там в таких формах, что весь мир содрогнется». Таким образом Будберг точно предсказал ужасы Второй мировой войны и китайской «культурной революции».

Осознав полный крах Белого движения и стремясь быть как можно дальше от ненавидимых им атаманов, которых он иначе как «белыми большевиками» и не называл, А.П. Будберг, предвидя будущую политическую нестабильность в Китае и возможные военные конфликты в Европе, переезжает в Соединенные Штаты Америки в Сан-Франциско, поскольку бурных исторических событий было в его жизни уже избыточно для одного человека.

В то время в Калифорнии находилось довольно много бывших офицеров русской императорской армии, прибывших туда по окончании Гражданской войны. Осенью 1923 года к ним поступили просьбы о помощи от нуждавшихся товарищей по оружию, проживавших в Харбине. 8 февраля 1924 года группа артиллерийских офицеров во главе с сослуживцем Будберга по лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде полковником Н.А. Герцо-Виноградским собралась, чтобы обсудить вопрос о сборе необходимых для помощи денежных средств и о создании своего общества, руководить которым, по единодушному желанию как бывших артиллеристов, так и представителей других родов войск, пригласили генерала А.П. Будберга. Будберг также состоял начальником 1-го Северо-Американского отдела Русского Общевоинского Союза (РОВС). Выбор, сделанный членами Общества Русских Ветеранов Великой Войны в г. Сан-Франциско, оказался чрезвычайно удачным и во многом определил судьбу общества, первое собрание которого состоялось 26 мая того же года на частной квартире.

С течением времени общество смогло снять для своих целей апартаменты и даже приобрести в 1934 году собственный дом.

Большое помещение позволяло принимать гостей из Европы, приглашать с выступлениями русских артистов-эмигрантов. В 1925 году А.П. Будберг пожертвовал Обществу 300 томов книг, чем положил начало его библиотеке. С 1926 году стал издаваться собственный журнал – «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны», а в 1944 году был открыт музей, существующий и в настоящее время.

В период Великой депрессии в США многие члены Общества бедствовали, оказавшись без работы. Обществом было создано общежитие для особо нуждающихся и организована столовая, обеспечившая несколько тысяч бесплатных обедов. Хотя главной целью Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско было объявлено поддержание готовности по первому призыву Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича отдать себя в его распоряжение и сбор средств в казну великого князя, реально его главной задачей стала помощь оказавшимся на чужбине русским ветеранам и военно-научная работа, которая явилась прямым продолжением служения Родине.

Решающую роль в этих делах общества сыграл сам А.П. Будберг, бывший его председателем с 1924 года и до конца жизни. За это время Будберг сделал свыше 100 научных докладов, написал рукописные «Воспоминания о войне 1914–1917 гг.» объемом свыше тысячи семисот страниц, которые хранятся в архиве Гуверовского института мира, войны и революции при Стэнфордском университете США. Однако его важнейшим делом в эмиграции стала публикация мемуаров о событиях Гражданской войны «Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея)», получивших широкую известность не только в русском зарубежье, но даже и в Советской России. В «Дневнике» он буквально излил всю накопившуюся горечь и боль за поруганную Родину и с большим литературным талантом незаурядного писателя-сатирика, достойного славы Щедрина и Гоголя, в сочетании с глубоким аналитическим подходом серьезного исследователя-историка, дал жестокий и предельно точный анализ происшедших в России событий, не потерявший своей актуальности и по сей день.

За эту книгу А.П. Будберга обвиняли и продолжают обвинять даже сейчас в клевете на Белое движение, пасквильнстве на своих сослуживцев и пессимизме. На эту критику он отвечал так: «На звание присяжного пессимиста я не согласен; я не пессимист, я только привык разглядывать жизнь, анализировать события и делать выводы; началось это еще в училище, развилось на почве увлечения высшей математикой, укрепилось жизнью и двадцатью годами ведения дневника, ежедневного подсчета виденного, слы-

шанного и выведенного. Я не могу скользить по жизни, – слишком уж въелась привычка все положить под аналитический микроскоп... До Омска я надеялся на осуществление заветной мечты увидеть опять Россию сильной и здоровой, в новых и разумных формах управления честными и идейными людьми, подвижнически трудящимися на благо своей страны и своего народа... Омск эту надежду доконал, вытравил последние ее остатки каленым железом всего пережитого и испытанного, едкой кислотой проклятых, но неопровержимых выводов беспощадной действительности...».

Барон А.П. Будберг умер от внезапной болезни 15 декабря 1945 года и был похоронен на Сербском кладбище Сан-Франциско.

ВИЛЬКИЦКИЙ Борис Андреевич (1885–1961)

6 марта 1961 года в Бельгии ушел из жизни контр-адмирал Борис Андреевич Вилькицкий, которого по праву называли «российским Колумбом». Проводить в последний путь человека, завершившего эпоху Великих географических открытий, пришли пожилые ветераны из эмигрантских организаций. На Иксельском кладбище Брюсселя звучали подобающие случаю речи, трепетали на весеннем ветру выцветшие от времени боевые знамена над открытым Андреевским флагом гробом.

Тогда никто не мог и предположить, что через 35 лет останки славного покорителя Арктики снова будут торжественно предавать земле, и произойдет это в Санкт-Петербурге, где Борис Андреевич упокоится рядом с могилами отца и брата. Стоит отметить, что на карте Арктики фамилия «Вилькицкий» встречается девять раз – семь в честь Андрея Ипполитовича (отца) и два – в честь Бориса Андреевича. Не будь революции, Гражданской войны и вынужденной эмиграции, Б.А. Вилькицкий еще не раз «отметился» бы на карте, но судьба распорядилась иначе.

Борис Андреевич Вилькицкий родился 22 марта 1885 года в городке Пулково под Санкт-Петербургом, где его отец, офицер гидрологической службы, в тот период проходил геодезическую практику при Пулковской астрономической обсерватории. Когда подошло время выбирать профессию, сомнений у юноши не было, он давно решил пойти по стопам отца – стать офицером российского военного флота.

Годы учебы в Морском кадетском корпусе пролетели быстро, и в 1903 году мичман Б.А. Вилькицкий на броненосце «Цесаревич» отправился на Дальний Восток в составе 1-й Тихоокеанской эскадры. Боевое крещение молодой офицер получил в Порт-Артуре. Воевал мичман Вилькицкий отважно, о чем свидетельствуют четыре боевых ордена. В одном из последних боев, когда участь крепости была практически предрешена, он возглавил штыковую атаку моряков, выбив японцев с только что захваченной ими позиции. Для Вилькицкого это была последняя атака той войны, из боя его вынесли потерявшим сознание от тяжелого ранения в грудь. После капитуляции Порт-Артура Вилькицкий какое-то время находился в плену, затем в числе раненых был репатриирован в Россию.

После выздоровления Б.А. Вилькицкий поступил в Морскую академию, по окончании которой занимался гидрографическими исследованиями на Балтике и Тихом океане. Но на самостоятельные должности он назначений не получал, так как отец, бывший в тот период начальником Главного гидрографического управления, не соглашался выдвигать сына на открывающиеся вакансии – редкая для тех времен щепетильность. Только после смерти отца в феврале 1913 года Вилькицкий, бывший уже флагманским штурманом штаба командующего морскими силами Балтийского моря и капитаном 2-го ранга, был назначен командиром ледокольного парохода «Таймыр», входившего в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана. Экспедиция в составе двух ледоколов работала в северных водах с 1910 года. Какое-то время ледокольным пароходом «Вайгач» в ней командовал А.В. Колчак, будущий Верховный правитель России.

26 июня 1913 года Владивосток провожал экспедицию, пытавшуюся впервые пройти Северным морским путем с Дальнего Востока в Европу. Капитан 2 ранга Б.А. Вилькицкий начинал её командиром «Таймыра», но менее чем через месяц в связи с тяжелой болезнью начальника экспедиции генерал-майора И.С. Сергеева по приказу морского министра встал во главе всего похода.

Пройдя Берингов пролив, ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» упорно пробивались на запад между кромкой льдов

Борис Андреевич Вилькицкий

и побережьем. 20 августа на горизонте неожиданно открылась полоска земли. Командир экспедиции Б.А. Вилькицкий удивился: на карте в этом месте была сплошная голубизна. Мифическая Земля Санникова? Нет, ибо район, где промышленник Я. Санников в 1811-м и полярник барон Э.В. Толль в 1885 году видели загадочную сушу, миновали давно.

Нанеся на карту ранее неизвестный остров, названный именем наследника Цесаревича Алексея, двинулись дальше на северо-запад. Утром 22 августа прямо по курсу открылись контуры высокого протяженного берега. И вновь на карте в этом месте – водная пустыня. Высадились на берег, и командир «Вайгача» П.А. Новопашенный определил координаты: 80 градусов 04 минуты северной широты и 97 градусов 12 минут восточной долготы. На флагштоке под дружное «ура» взвился русский флаг. Вилькицкий зачитал приказ об открытии новых земель и присоединении их к российским владениям. Архипелаг единодушно решили назвать именем Императора Николая II. Так было совершено последнее на планете крупное географическое открытие.

25 ноября «Таймыр» и «Вайгач» благополучно прибыли во Владивосток, а в 1914–1915 годах Б.А. Вилькицкий совершил первое сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в Архангельск, открыв новые острова, первоначально названные именем Новопашенного, командира «Вайгача» (ныне – острова Жохова, который был вахтенным офицером при открытии острова и затем умер в экспедиции от болезни).

Однако лишь 20 сентября 1916 года российский МИД специальной нотой довел до сведения международного сообщества, что в результате гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1913–1915 годов, которой руководил капитан 2 ранга Б.А. Вилькицкий, открыт архипелаг, названный Землей Императора Николая II. МИД заявил, что «имеет честь нотифицировать настоящим правительствам союзных и дружественных держав включение этих земель в территорию Российской империи». Задержка с официальным объявлением открытия, возможно, объяснялась начавшейся Первой мировой войной...

Открытый экспедицией архипелаг (впоследствии было установлено, что он состоит из четырех крупных островов) оказался по площади почти в 38 тыс. кв. км – чуть меньше Дании. Поразительно, как долго он мог оставаться незамеченным, тем более, что эта земля летом в хорошую погоду видна невооруженным глазом даже с северной оконечности Евразии, открытой штурманом С.И. Челюскиным еще в 1742 году.

Главной помехой для более раннего открытия архипелага было то, что пролив, получивший имя Вилькицкого, почти всегда

закрыт льдами, а дальняя кромка берега сливается с торосами. Блестящие результаты экспедиции Вилькицкого были оценены по достоинству. Все ее участники получили памятные нагрудные знаки, многих удостоили орденов. Сам Вилькицкий был пожалован аксельбантом флигель-адъютанта Его Императорского Величества, Русское географическое общество удостоило полярника своей высшей награды – Константиновской медали.

В 1915–1917 годах Б.А. Вилькицкий командовал эсминцем «Летун», участвовал в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны на Балтийском море. После Февральской революции капитан 1-го ранга Вилькицкий – дежурный офицер оперативного отделения Службы связи Балтийского флота. После захвата власти большевиками он был в июне 1918 года назначен начальником гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района Северного Ледовитого океана. Однако симпатий к власти большевиков Вилькицкий не испытывал и служить ей не стал. С образованием в Архангельске антибольшевистского правительства Северной области (во главе с членом Учредительного собрания Н.В. Чайковским) вошел в его подчинение; в 1919 году был произведен в чин контр-адмирала.

При эвакуации войск Северной армии генерала Е.К. Миллера из Архангельска 19–21 февраля 1920 года контр-адмирал Б.А. Вилькицкий руководил этой операцией, одновременно командуя ледокольным пароходом «Косьма Минин» с пассажирами на борту и буксируя яхту «Ярославна» в сопровождении ледокола «Канада». По пути в Норвегию в районе полуострова Рыбачий принял под свою команду еще пароходы «Кильдин» и «Ломоносов», которые вышли из Мурманска. Преодолев при выходе из Архангельска ледовые поля и длительное преследование и погоню (с артиллерийским обстрелом) кораблями красного флота, караван Вилькицкого 26 февраля вошел в фиорд норвежского порта Тромсё.

После доставки генерала Миллера и пассажиров в Норвегию Б.А. Вилькицкий привел свой ледокольный пароход «Косьма Минин» и сопровождавшие его пароходы на Черное море, передав их в Крыму в состав Черноморского флота продолжавшей борьбу Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

После Октября 1917 года открытая Вилькицким Земля Императора Николая II из-за своего названия оказалась в идеологической опале. «В 1918 г. в Советской России была опубликована карта Северного Ледовитого океана, на которой открытый всего пять лет назад архипелаг не был указан вовсе, – рассказывает сотрудник Государственного центрального музея современной истории

России В. Рыков, специально предпринявший длительный и трудоемкий поиск в картографическом фонде Российской государственной библиотеки. – Правда, когда в 1924 г. США попытались поднять в этом районе свой флаг, советское правительство в меморандуме, подписанном наркомом иностранных дел Чичериным, напомнило о своих правах на земли, открытые Вилькицким. Причем они были названы именно так, как это было нотифицировано царским правительством в 1916 г., то есть Землей Императора Николая II».

В конце 1920-х архипелаг все же появился на советских картах, но получил иные названия – сначала Северная Земля, потом Таймырский. И только после экспедиции Г.А. Ушакова и Н.Н. Урванцева в 1930–1932 годах окончательно приобрел современное название – Северная Земля. Островам его были даны названия: Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец, Пионер, а остров Цесаревича Алексея был переименован в Малый Таймыр... После Второй мировой войны на архипелаге был устроен полигон для проведения подземных ядерных испытаний.

На протяжении многих десятилетий официальная пропаганда противопоставляла советского ученого Г.А. Ушакова предшествующим исследователям, приписывая ему «открытие огромной полярной страны», а деятельность белоземца Б.А. Вилькицкого замалчивалась. Между тем он пытался продолжать свою научную деятельность исследователя Арктики, ища новых работодателей. С этой целью в феврале 1920 года Вилькицкий прибыл в ведущую морскую державу Англию, где состоял на службе в частных судовладельческих компаниях.

Но вместо новых полярных плаваний ему оставались лишь занятия теорией. Б.А. Вилькицкий продолжал интересоваться проблемами русского Севера и высказал ряд конструктивных предложений по организации судоходства по так называемому Карскому морскому пути. В 1923–1924 годах по приглашению внешнеторговых организаций СССР он участвовал в подготовке и проведении 3-й и 4-й Карских товарообменных экспедиций. При этом Вилькицкий занимал позицию ученого, выраженную, например, в статье, опубликованной в парижской газете «Возрождение» к 20-летию его полярной экспедиции: да, он отвергает советскую власть, осуждает ее, но отделяет ее от национальных интересов своего народа и не может не «радоваться такому неожиданному оживлению в изучении наших полярных вод».

Жизненные трудности и необходимость заработка заставили Б.А. Вилькицкого несколько лет проработать гидрографом в Бельгийском Конго в тяжелых климатических условиях. В 1929 году он

перебрался в Бельгию, трудился на фабрике канцелярских товаров – и это обладатель высшей награды Русского географического общества! На дело, ставшее основным на всю жизнь, – приведение в порядок материалов давней экспедиции – оставались вечера да редкие выходные.

Любопытно, что в Советской России Б.А. Вилькицкий помнили и врагом не считали, так как формально он в боевых действиях не участвовал. Его даже пригласили возглавить 4-ю и 5-ю Карские экспедиции, которые организовывались для доставки промышленных товаров в Сибирь и вывоза от туда продовольствия. По завершении последней экспедиции он отказался остаться в России и в 1925 году окончательно уехал из страны.

На Родину Б.А. Вилькицкий вернулся уже после смерти, чтобы быть торжественно захороненным на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. В свое время в дружеском кругу он иногда шутил, говоря о себе: «Я последний, но первый». Он так и остался в истории как знаменитый путешественник, завершивший эпоху Великих географических открытий, и мореход, первым прошедший Северным морским путем.

ВОЙЦЕХОВСКИЙ Сергей Николаевич (1883–1951)

Войцеховский Сергей Николаевич окончил реальное училище в родном городе Великие Луки, затем, в 1904 году Константиновское артиллерийское училище и в 1912-м – Николаевскую академию Генерального штаба. Был участником Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Во время Первой Мировой войны служил в штабе 69-й пехотной дивизии (август 1914-го – ноябрь 1915 года); в штабе 20-го армейского корпуса (ноябрь 1915-го – январь 1917 года). 29 января

1917 года был назначен начальником штаба 176-й пехотной дивизии, а затем в июне–августе возглавлял штаб 126-й пехотной дивизии.

В августе 1917 года С.Н. Войцеховский получил новое назначение – начальником штаба 1-й Чехословацкой дивизии, а в декабре – командиром 3-го Яна Жижки полка в Чехословацком корпусе. В 1918 году после начала восстания Чехословацкого корпуса был назначен командующим Челябинской, а с октября – Самарской группы войск. В марте–июле 1919 года командовал 2-м Уфимским армейским корпусом Западной армии. Командующий Уфимской группы войск 2-й армии генерала Н.А. Лохвицкого (август – октябрь 1919 года). Командующий 2-й армией (октябрь 1919-го – январь 1920 года). 21 января 1920 года генерал В.О. Каппель своим приказом передал С.Н. Войцеховскому командование остатками Московской группы войск, которая по приходе в Читу в марте 1920 года стала именоваться Дальневосточной (Белой) армией в составе 2-го и 3-го Сибирских корпусов, к которым присоединился и 1-й Забайкальский, большая часть которого состояла из войск атамана Г.М. Семёнова. 27 апреля 1920 года Войцеховский передал командование армией Лохвицкому и убыл во Владивосток, присоединившись к войскам Чехословацкого корпуса.

В сентябре 1920 года С.Н. Войцеховский эмигрировал в Маньчжурию (Китай), руководил РОВС в Мукдене. Приняв чехословацкое гражданство, в 1921 году переехал в Прагу. Вступив в Чехословацкую армию, в 1921–1924 годах командовал бригадой, а затем до 1927 года – дивизией. С 1928 года был командующим военным округом Брно, в 1935–1938 годах – земским военным командующим в Праге. После оккупации Чехословакии немецкими войсками, военный министр в подпольном правительстве Чехословакии (1939–1945). В мае 1945 года был арестован в Праге советской контрразведкой и вывезен в Москву. 15 сентября 1945 года приговорен к 10 годам заключения. Умер в концлагере в районе Тайшета⁴.

⁴ См.: *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М., 2003.

ВРАНГЕЛЬ Пётр Николаевич (1878–1928)

Родился Пётр Николаевич Врангель 27 августа 1878 года в городе Новоалександровске Ковенской губернии в старинной дворянской семье, ведшей родословную с XIII века. Родовой девиз Врангелей звучит очень многозначительно: «Сломишь, но не согнёшь». Генерал П.Н. Врангель соответствовал данному девизу на все 100 процентов.

В роду Врангелей хватало героев, на примеры которых мог равняться подрастающий Петя Врангель. Имя одного из его предков значилось на стене храма Христа Спасителя в числе русских офицеров, раненных во время Отечественной войны. Отдалённый родственник Петра Врангеля пленил самого Шамиля, а ещё один член рода, полярный исследователь адмирал Фердинанд Врангель, удостоился острова собственного имени в Северном Ледовитом океане.

О военной карьере Пётр Врангель не мечтал. Сказывалось влияние отца – Николай Егорович Врангель был известным учёным-искусствоведом и коллекционером. Будущий лидер белых в 1896 году окончил Ростовское реальное училище, а спустя пять лет – Горный институт в Петербурге, получив диплом инженера.

В том же 1901 году П.Н. Врангель поступил в лейб-гвардии Конный полк, через год сдал экзамен при Николаевском кавалерийском училище, после чего был произведён в корнеты гвардии с зачислением в запас. На этом свою военную карьеру он, казалось, закончил, став гражданским чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе в Иркутске.

Всё переменяла Русско-японская война, начавшаяся в 1904 году. В чине сотника казачьего полка П.Н. Врангель был удостоен орденов Св. Анны 4-й степени с надписью на холодном оружии «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Когда Русско-японская война завершилась, несостоявшийся инженер уже не видел себя вне армии. В 1910 году Врангель окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба

и Первую мировую войну встречал в чине ротмистра в должности командира эскадрона кавалерийского полка.

К началу войны П.Н. Врангель уже был отцом троих детей – в 1907 году женой бравого кавалериста стала дочь камергера Высочайшего Двора Ольга Иваненко, – но в начавшейся войне отсидеться за чужими спинами не пытался. Больше того, в рапортах командиры отмечали выдающуюся храбрость ротмистра Врангеля.

Спустя три недели после начала войны отряд П.Н. Врангеля захватил неприятельскую батарею, за что барон одним из первых в ходе Первой мировой войны был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. В декабре 1914 года он стал полковником, а в январе 1917 года – генерал-майором. К лету 1917 года генерал Врангель уже командовал Сводным кавалерийским корпусом, однако революционные потрясения поворачивают его жизнь в иное русло.

Октябрьскую революцию барон П.Н. Врангель, по понятным причинам, не принял и, покинув армию, обосновался на даче в Крыму. Там он в декабре 1917 года был даже арестован местными большевиками. Однако никаких серьезных обвинений предъявить генералу не удалось, и он оказался на свободе. После появления в Крыму немцев барон отправился в Киев, рассчитывая поступить на службу к гетману П.П. Скоропадскому.

Гетман П.Н. Врангеля не впечатлил, и он меняет планы, отправившись в Екатеринодар, где вступает в Добровольческую армию, заняв пост командира 1-й Конной дивизии. Успехи Добровольческой армии в 1918–1919 годах во многом были заслугой конницы Врангеля. Собирая силы в кулак на отдельном участке фронта, барон наносил сокрушительный удар противнику, обращая его в бегство.

В июне 1919 года конница П.Н. Врангеля взяла Царицын. Однако именно после этого успеха барон попал в немилость к командующему Добровольческой армией А.И. Деникину. У двух военачальников оказались кардинально различные взгляды на дальнейшие действия – Деникин собирался наступать на Москву, а Врангель предлагал идти на Восток, на соединение с Колчаком. Провал московского наступления показал, что прав был скорее Врангель, однако ему это не очень помогло. Конфликт с Деникиным привёл к отстранению барона от командования войсками. В феврале 1920 года П.Н. Врангель вышел в отставку и отбыл в Константинополь.

Казалось, военная карьера кончена. Но судьбе было угодно вновь сделать поворот – в апреле 1920 года в отставку с поста командующего Добровольческой армией уходит А.И. Деникин, и П.Н. Врангель занимает его место.

К тому моменту положение белых на Юге России казалось безнадежным. Армия отступала, и полный разгром виделся неизбежным.

Вступив в должность, барон Врангель сделал всё, что мог. Ему удалось остановить наступление красных, мобилизовав армию. Закрепившись в Крыму, он вселил уверенность в возможность общего успеха в военных и гражданских. А главное, Врангель, пытаясь привлечь на свою сторону массы, утвердил проект аграрной реформы, предполагавшей наделение крестьян землёй.

Лидеры Белого движения оставляли разрешение наиболее важных, не терпящих отлагательств вопросов, в частности решение вопроса о земле, на потом. Их политическая деятельность отличалась тем же существенным недостатком, который был и у Временного правительства – они не предпринимали никаких политических и социальных вопросов, оставляя их на решение Учредительного собрания. В то время как большевики обещали народу рай на земле, белые же не обещали ничего.

Так, на первый план выходило активное военное наступление и сопротивление большевистскому режиму. Здесь заметим, что активное военное наступление, безусловно, верный путь, но и внутреннюю политику никто не отменял. Особенно когда речь идет о Гражданской войне. Ведь как считал В.О. Каппель, гражданская война – это особый вид войны, которая требует применения не только орудий истребления, но и психологического воздействия. Под психологическим воздействием можно понимать и качественно проводимую внутреннюю политику, которая сама по себе без кровопролития притягивала бы людей, а с ними территории.

Большинство руководителей Белого движения были пламенными патриотами, бескорыстными людьми, обладали рыцарскими понятиями о чести и совести, но, к сожалению, были слабыми политиками, зачастую не чувствующими конъюнктуру действий и событий. Именно поэтому население фактически не знало, что несут с собой белые. А если к этому прибавить то, что на территории белых бывали случаи, когда бывшие помещики пытались восстанавливать свои права на землю и на людей (белое командование такие действия преследовало, но не всегда могло их предотвратить), то станет понятным, что крестьяне, радостно встречавшие белых как освободителей от большевиков, зачастую кардинально меняли к ним свое отношение и либо становились политически нейтральными, либо присоединялись к врагам белых, к примеру, к Махно, к зеленым.

Исключением из всех лидеров Белого движения является генерал П.Н. Врангель. Он повёл политику на принципиально иных

Встреча Врангеля в Царицыне. 1919 г.

Митрополит Антоний (Храповицкий) – первоиерарх Русской зарубежной церкви, генерал П. Н. Врангель с женой Ольгой Михайловной, русское духовенство и воинство в Югославии. Апрель 1927 г.

началах, проводя в жизнь целый ряд законов, касающихся гражданской, мирной жизни населения на подконтрольных территориях (Юг России). Но он стал во главе армии слишком поздно, когда Белое дело было уже фактически обречено.

Однако проведением нового курса политики в отношении урегулирования гражданской жизни, П.Н. Врангель добился значительных успехов. Так, один из современников вспоминал, что если бы земельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 года, был издан генералом А.И. Деникиным 25 мая 1918-го, – результаты Гражданской войны могли бы быть совсем иными. Если без земельного закона, в атмосфере ненависти большей части крестьянской массы, Добровольческая армия при помощи английских пушек и танков дошла до Орла и Брянска, то с земельным законом, который, безусловно, привлек бы крестьянские массы на ее сторону, она, вполне возможно дошла бы и до Москвы.

Другими словами, активные наступательные действия на фронтах плюс проведение экономических реформ на уже занятых территориях, являли бы собой полноценный механизм по сплочиванию и укреплению больших народных масс вокруг Белого дела. Такой тандем мог стать смертным приговором для большевистского режима.

Нельзя не упомянуть, что Врангель крайне спешил с проведением радикальной земельной реформы в жизнь. Такая спешка оправдывается быстроменяющимися условиями Гражданской войны. Он требовал от всех учреждений и лиц самой напряженной работы, и работа действительно проходила в хорошем смысле революционным темпом.

Разработка земельного закона проходила в несколько этапов. После бурных обсуждений целого ряда ключевых положений было трудно прийти к общему мнению и заодно учитывать абсолютно все требования крестьян и землевладельцев, а также требования военного времени. К примеру, одна из комиссий приняла целый ряд положений, которые ограничивали право землевладения определенным максимумом владения, причем крупным землевладельцам предлагалось продать свои земельные излишки в двух или трехлетний срок, после которого наступал момент принудительного отчуждения. Понятно, что такой закон мало устраивал и тех, и других. И не отвечал заинтересованным ожиданиям.

Крестьянский союз представил Врангелю свой проект земельной реформы, который, в отличие от предыдущего, не содержал таких положений, которые были направлены на замедление, затягивание процесса осуществления реформы. Также ввиду отсут-

ствия какой-либо заинтересованности со стороны Крестьянского союза, в представленном проекте не было задачи «обезвредить» земельную реформу для землевладельцев. Именно поэтому вопрос о принудительном отчуждении земель разрешался здесь более решительно и, что важно, оперативно. В такой ситуации, по распоряжению П.Н. Врангеля, заведующий Государственным имуществом Крыма и управляющий земледелием в правительстве Юга России Г.В. Глинка срочно созвал новую комиссию для составления законопроекта на основании предложений Крестьянского союза. Затем при помощи бывшего товарища министра земледелия при царском правительстве, аккуратного и деятельного П.П. Зубовского, Глинка довольно оперативно составил новый законопроект, который по всем ключевым направлениям существенно отличался в лучшую сторону от первых документов. Этот законопроект был утвержден Врангелем, и 25 мая 1920 года правительство Врангеля приняло «Закон о земле». Сначала в Крыму, а затем и в освобожденных от большевиков частях северной Таврии земельная реформа стала претворяться в жизнь.

Первым параграфом закона устанавливалось, что «всякое владение землею, независимо от того, на каком праве оно основано, подлежит охране правительственной власти от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев» впредь до изменений, производимых в порядке, предусмотренном законом.

Кроме того, теперь из земель общего сельскохозяйственного значения прежним владельцам подлежали возврату лишь участки, своим размером не превышающие максимальных норм землевладения, которые должны были устанавливаться правительством по представлению земельных советов. Все остальные земли в каждой волости передавались в распоряжение волостных земельных советов, которые распределяли их между земледельцами, получавшими ее в полную личную собственность.

Также стоит отметить, что преимущественные права по приобретению земель в собственность предоставлялись «воинам, находящимся в рядах войск, борющихся за восстановление государственности, и их семьям».

П.Н. Врангель подчеркивал, что объявленные правительством мероприятия не только должны проводиться быстро, но и так, чтобы население верило, что со стороны власти нет колебаний в проведении в жизнь намеченных мер и, главным образом, земельного закона. В связи с этим немедленно начались мероприятия по ознакомлению широких масс крестьянства с «Законом о земле». Армия должна нести крестьянам землю на штыках – вот психологическое значение закона.

Большевики это отлично учли и делали со своей стороны все возможное, чтобы препятствовать распространению закона среди населения. Земельно-аграрная реформа первостепенной задачей ставит радикальное разрешение аграрного вопроса и включает в себя законный переход, путем выкупа, всех годных к обработке земель в собственность обрабатывающих их крестьян; земли эти передаются с целью создать в перспективе сильный класс мелких земельных собственников, что вполне отвечает стремлениям русского крестьянина. А со временем, уже среднее крестьянство, которое увеличило свое землевладение при помощи нового земельного закона, должно было стать твердой опорой государственной власти.

Здесь любопытно отметить, что приблизительно в одно и то же время и П.Н. Врангель, и В.И. Ленин делали ставку на «середняка». Анализируя земельный закон, приходим к выводу о том, что в действительности в его основу был положен принцип принудительного отчуждения и выкупа. Так, новые собственники земель должны будут платить за них правительству одну пятую ежегодного урожая или же соответствующую сумму в течение двадцати пяти лет. Соответствующими платежами правительство хотело удовлетворять бывших землевладельцев. Разумеется, что радикальная земельная реформа, как психологическое средство, серьезно пострадала от высоких исчислений выкупных платежей, что послужило в дальнейшем поводом для усиленной агитации против всего земельного закона. Тем не менее, крестьяне надеялись, что, получив землю на законном основании, они уже ее не лишатся, а выкупные платежи ведь могут быть рассрочены (что предусматривалось в законе), а то и совсем отменены «по высочайшему манифесту».

Председатель Совета министров Французской Республики А. Мильеран заявил, что генералом П.Н. Врангелем в Крыму и Северной Таврии образовано настоящее правительство, существующее де-факто и сумевшее обеспечить себе поддержку и симпатии населения проведением аграрной реформы, распределением земли между крестьянами. Франция стала единственным государством, которое признало власть правительства Юга России. Этим дружественным жестом был сделан первый шаг к возвращению России в семью культурных европейских держав. Не стоит забывать и то, что французская сторона оказывала огромнейшую финансовую и материальную поддержку Югу России.

В целом, земельная реформа была встречена крестьянством сочувственно, и имя П.Н. Врангеля довольно быстро приобрело среди них большую популярность. Как известно, около трети крестьян

янского населения Крыма состояло из безземельных «скопщиков» и арендаторов, заветная мечта которых – получить в частную собственность обрабатываемую ими землю, наконец, осуществилась.

Также генералом Врангелем был подписан закон о волостном земстве, в соответствии с которым в областях, занимаемых Вооруженными силами Юга России, в полной мере восстанавливались земские учреждения. В связи с этим казенная и частновладельческая земля сельскохозяйственного назначения распоряжением самих волостных органов должна была передаваться обрабатывающим ее крестьянам.

Реализация закона шла быстро и планомерно, чего и требовала ситуация. Волостные советы в тех местностях, где их еще не заменили волостные земские управы, проявляли огромную работоспособность. В большинстве волостей обследование земель проводилось в кратчайшие сроки, притом без потери в качестве работы. Были установлены и закреплены нормы землевладения. На местах активизировался процесс оформления земель в собственность трудящихся на них крестьян. Добавим, что по получении крестьянами земельных участков, учитывая их довольно трудное положение, им периодически оказывалась помощь со стороны войск в проведении полевых работ.

Во многих наиболее богатых волостях обеспеченные крестьяне непосредственно покупали у владельцев земельные участки. Таким образом, помещик сразу получал выкупную сумму, а крестьяне в один момент освобождались от выкупных платежей. Именно здесь наиболее ярко проявилось стремление к получению земли в собственность, на законных основаниях. Дух нового закона, что очень важно, всецело был понят и принят населением.

Однако напомним о тех непростых условиях, которые диктовала Гражданская война, а именно: постоянные призывы в армию, лишавшие крестьянские хозяйства работников, недостаток лошадей, непрогнозируемые военные действия и т. п.

Фундаментом государственного строя новой России являлся тандем в лице земельно-аграрной реформы и реформы местного самоуправления. Именно благодаря указанным реформам Правительство Юга России закрепило прочный мир с народом, жизненно необходимый для успешного ведения войны с большевиками. Тем не менее, не стоит забывать, что лимит времени для Белого движения подходил к концу. Ввиду успехов красных на всем Юго-Западном фронте силы и средства сторон, белых и большевиков, оказались неравными.

Земельный закон П.Н. Врангеля являл собой решительный поворот в земельной политике южно-русской власти, которая

стала искать опоры в крестьянстве. Так, активное образование земельных советов, оперативно начавшееся закрепление земель за новыми собственниками стали фактами действительности на территории Крыма и северной Таврии. Важная для населения земельная реформа, обещанная разными правительствами, впервые осуществилась на территории, подконтрольной Правительству Юга России. Таким образом аграрная реформа Врангеля явилась весьма редким и нехарактерно позитивным явлением Гражданской войны.

Она не могла быть доведена до своего логического конца по объективным причинам. Просто-напросто не успел сформироваться класс мелких (средних) крестьянских собственников – безусловно необходимая опора реформы. Не успела измениться ситуация с продовольствием.

Генерал П.Н. Врангель замечал: «Не триумфальным шествием на Москву можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

Барон, отойдя от лозунга о единой и неделимой России, признав независимость горцев и собираясь признать независимость Украины, предполагал для государства федеративное устройство.

Но время было упущено. Красные уверенно контролировали большую часть территории России, располагая несравнимо большими ресурсами. Жители Советской России о реформах Врангеля ничего не слышали – для них он был «чёрным бароном» (за любовь к черкеске с чёрными «газырями»), упрямо насаждающим «царский трон».

На самом деле П.Н. Врангель не скрывал симпатий к институту монархии, однако, будучи человеком гибким, в своей политической программе безапелляционно на этом не настаивал. Но это уже не имело значения. Даже западные державы, ещё недавно оказывавшие помощь белым, не хотели далее тратить на поддержку противников красных. Очень тяжёлый удар по моральному состоянию войск нанёс и британский ультиматум о «прекращении неравной борьбы». Это послание британцев стало первым международным документом, полученным П.Н. Врангелем в ранге руководителя Белого движения. Врангель напишет позже в своих мемуарах: «...Отказ англичан от дальнейшей нам помощи отнимал последние надежды. Положение армии становилось отчаянным. Но я уже принял решение...».

Отразив весной 1920 года наступление красных на Крым, летом белые сумели прорваться в Северную Таврию, что им было

необходимо для пополнения запасов продовольствия. Однако этот успех стал для них последним. К сентябрю 1920 года Русская армия так и не смогла ликвидировать левобережные плацдармы РККА под Каховкой. В ночь на 8 ноября Южный фронт Красной Армии под общим командованием М.В. Фрунзе начал генеральное наступление, целью которого было взятие Перекопа и Чонгара и прорыв в Крым. В наступлении были задействованы части 1-й и 2-й Конных армий, а также 51-я дивизия В.К. Блюхера и армия Н.И. Махно. Командовавший обороной Крыма генерал А.П. Кутепов не смог сдержать наступления, и наступающие с тяжёлыми потерями прорвались на территорию Крыма.

11 ноября 1920 года Реввоенсовет Южного фронта по радио обратился к П.Н. Врангелю с предложением «немедленно прекратить борьбу» с «гарантиями» амнистии, на что Врангель ответа М.В. Фрунзе не дал и, более того, скрыл от личного состава своей армии содержание этого радиообращения, приказав закрыть все радиостанции, кроме одной, обслуживаемой офицерами. Остатки белых частей были в организованном порядке эвакуированы в Константинополь при поддержке транспортных и военно-морских кораблей Антанты.

Эвакуация Русской армии из Крыма, намного более сложная, чем предыдущая Новороссийская, по мнению современников и историков прошла весьма успешно – во всех портах царил порядок, и основная масса желающих смогла попасть на пароходы. Перед тем, как покинуть Россию, П.Н. Врангель лично обошёл все русские порты на миноносце, чтобы убедиться, что суда, везущие беженцев, готовы выйти в открытое море.

Отвратительные сцены, имевшие место при эвакуации Одессы и Новороссийска, когда люди давили, выбрасывали за борт друг друга, в Крыму не повторились, хотя отдельные эксцессы имели место. В Симферополе грабежами занимались выпущенные из тюрьмы заключённые, в Алуште и Ялте грабили винные погреба, а в Севастополе – склады американского Красного Креста.

Тем не менее, генералу Врангелю удалось эвакуировать с полуострова всего 145 693 человека (включая около 5 тыс. раненых и больных), и в том числе: до 15 тыс. казаков, 12 тыс. офицеров, 4–5 тыс. солдат регулярных частей, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей, 10 тыс. юнкеров. Сам Врангель отплыл на крейсере «Генерал Корнилов».

Любопытный факт – мать барона Врангеля, Мария Дмитриевна Дементьева-Майкова практически всю Гражданскую войну прожила в Петрограде. Даже когда её сын стал Главнокомандующим Вооружённых сил Юга России, она безмятежно продолжала

работать в советском музее. Лишь в конце 1920 года, накануне окончательного поражения белых, друзья барона переправили Марию Дмитриевну в Финляндию.

Оказавшись в эмиграции, П.Н. Врангель сохранял вокруг себя свой штаб, оставаясь в готовности в любой момент вновь вступить в бой с большевиками. В 1924 году он основал Русский Общевоинский союз (РОВС) – наиболее массовую и мощную белоэмигрантскую организацию, костяк которой составили бывшие офицеры. На пике РОВС насчитывал в своих рядах до 100 тыс. человек.

Большевики к данной организации относились весьма серьёзно – именно поэтому советскими спецслужбами ряд её руководителей был либо похищен, либо уничтожен. Некоторые по сей день полагают, что не избежал покушения и Врангель. Сразу после прибытия из Крыма 15 октября 1921 года около набережной Галаты в Константинополе его яхту «Лукулл» протаранил итальянский пароход «Адрия», пришедший из советского Батума. Яхта мгновенно затонула. Врангель и члены его семьи на борту тогда отсутствовали. Большинству членов экипажа удалось спастись, но все же погибли вахтенный начальник мичман П.П. Сапунов, отказавшийся покинуть яхту, корабельный повар Краса и матрос Е. Аршинов. Странные обстоятельства гибели «Лукулла» вызывали у многих современников вполне обоснованные подозрения. Есть версия, что в таране «Лукулла» участвовала агент Разведупра РККА О.Ф. Голубовская, известная в русской эмиграции начала 1920-х как поэтесса Елена Феррари.

К осени 1927 года пламенному барону, мечтавшему о реванше, пришлось в интересах семьи перебраться в Брюссель и, вспомнив молодость, устроиться инженером в одну из местных фирм.

Однако весной следующего 1928 года барон П.Н. Врангель внезапно заразился туберкулёзом. Болезнь развивалась стремительно, и, промучившись несколько дней, генерал скончался. По сей день некоторые историки убеждены, что Врангель заболел отнюдь не просто так, а благодаря «усилиям» советских спецслужб. Объективных доказательств этого, правда, нет.

«Чёрного барона» похоронили в Брюсселе. Позднее, однако, соратники нашли своему бывшему лидеру другое пристанище – 6 октября 1929 года прах Петра Николаевича Врангеля был торжественно перезахоронен в храме Святой Троицы в Белграде.

ГАЙДА Радола (1892–1948)

Радола Гайда родился в семье мелкого еврейского предпринимателя. У потомков Авраамовых, национальность, как известно, передается по женской линии. Мать же у юноши была чешкой, и, видимо, поэтому сам он считал себя вовсе не евреем, а именно чехом. Даже свое имя молодой человек переделал на славянский лад, превратившись из Рудольфа Гейдля (так звучало имя, данное ему при рождении) в Радолу Гайду.

Личность его сформировалась под влиянием идей чешского национального возрождения. Внутри этого движения существовало несколько группировок. Умеренные требовали предоставления культурной автономии славянским народам Австро-Венгерской империи. Радикалы мечтали о создании независимого государства из двух родственных западнославянских народов – чехов и словаков. Наконец, существовали и ярые панслависты, мечтавшие о создании единой славянской Федерации и видевшие свою главную надежду в Российской империи.

В сущности, Россия была маяком для всех славян Австро-Венгрии, однако до поры до времени их симпатии носили умозрительный характер. Все начало меняться в 1912 году, когда славянские государства – Черногория, Сербия и Болгария вместе с православной Грецией – обрушились на Турцию. Казалось, еще немного, и в войну вмешается Россия, а славянские армии войдут в Стамбул-Константинополь. Предполагалось, что после этого они возьмутся за освобождение «стонущих под игом Австрии» чехов и словаков.

После начала Первой мировой войны Р. Гайда был мобилизован в австро-венгерскую армию, но 30 октября 1914 года добровольно сдался в плен черногорцам и, выдавая себя за капитана, вступил в ряды черногорских войск. Вместе с черногорскими войсками проделал путь отступления к морю через Албанию, сохранив боевой дух.

В 1916 году Р. Гайда прибыл в Петроград с санитарным поездом, выдавая себя за русского врача. Был зачислен в сербскую дивизию с русским командованием, вернулся с ней на фронт, командовал сначала ротой, а затем батальоном. Карьера его развивалась столь же стремительно, как и события на Восточном фронте.

После Февральской революции антивоенная пропаганда большевиков фактически разложила русскую армию. Чехословацкие части выглядели на этом фоне образцом стойкости и дисциплины. В июле 1917 года братья-славяне покрыли себя славой в битве под Зборовом. Как писал генерал Брусилов, «чехословацкие добровольцы, оставленные всеми, бились так, что все мы должны преклониться перед их доблестью. Одна чехословацкая бригада сдерживала несколько неприятельских дивизий. Пал цвет чехословацкой интеллигенции. В качестве простых солдат сражались и умирали учителя, адвокаты, инженеры, писатели, известные общественные деятели. Раненые просили убивать их, лишь бы не попасть в руки немцев...»

После этой битвы Р. Гайда получил орден Св. Георгия 4-й степени и должность командира 7-го чехословацкого полка. Однако заключенный в марте 1918 года мир с Германией на некоторое время положил конец его боевым подвигам. Дивизия к тому времени уже превратилась в корпус (или легион), насчитывавший в своих рядах до 60 тыс. бойцов, подавляющее большинство из которых по-прежнему горело желанием сражаться за независимость своей Родины. Весной 1918 года между большевиками и чехословацкими представителями был подписан договор, согласно которому легионерам предстояло через Сибирь, Дальний Восток и Америку отправиться во Францию. Предполагалось, что на Западном фронте корпус вновь примет участие в боях с немцами, но это, разумеется, никак не соответствовало планам германского командования.

Пока чехословаки грузились в эшелоны и отправлялись в путь по бескрайним просторам России, немецкие дипломаты надавили на ленинское правительство. В результате большевики начали препятствовать продвижению легионеров, ссылаясь на хаос и беспорядок на железных дорогах. Вдобавок с востока на запад ехали поезда с возвращающимися на Родину австрийскими и венгерскими военнопленными. Между ними и чехословаками постоянно происходили конфликты, завершившиеся в конце концов взрывом...

14 мая между чехами и венграми произошла драка на станции Челябинск. Поводом стало то, что брошенный из венгерского

эшелона железный брусок тяжело ранил легионера. Его друзья не поленились догнать поезд на одной из остановок и «уложили» одного или двух венгров.

Местные власти тут же арестовали десятерых чехов, но уже вечером были вынуждены отпустить их под угрозой оружия. Узнав об этом, Л.Д. Троцкий издал приказ: «Все совдепы обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков: каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных».

Разоружить, расстрелять? Едва что-то подобное попытались сделать, как чехословаки оказали сопротивление, что, в свою очередь, послужило толчком для выступлений местной контрреволюции.

К моменту конфликта чехословацкие эшелоны растянулись на огромном пространстве от Пензы до Владивостока, и почти во всех городах, находившихся рядом с железной дорогой, советская власть была свергнута в течение пары недель.

В конце мая капитан Р. Гайда со своими подчиненными арестовал и разогнал советы в Новониколаевске (Новосибирске). 24–28 мая части под его командованием участвовали в Марьяновских боях под Омском, во время которых большевикам было нанесено серьезное поражение, предопределившее падение Омска, взятого легионерами 7 июня. 10 июня в Омске Гайда воссоединился с Челябинской группировкой Чехословацкого корпуса, а 11 июля – с Забайкальской группой Сибирской группировки М.К. Дитерихса. Легионеры под его командованием сыграли заметную роль в установлении полного контроля фактически над всей Транссибирской магистралью.

Разыграв отступление под Иркутском в июле – августе 1918 года, Р. Гайда заманил превосходящие силы красных в засаду и разгромил их. Занял жизненно важные для белых Кругобайкальские тоннели и предотвратил их уничтожение. Совершив быстрый маневр через Байкал, вместе с войсками А.Н. Пепеляева нанес еще один сокрушительный удар на Прибайкальском фронте в тыл крупного отряда красных, завершившийся 7 августа их полным разгромом (это событие вошло в историю под названием «катастрофа под Посольской»). За победы в Восточной Сибири Гайда получил чин полковника. Он сблизился с эсерами, примкнул к сторонникам Сибирской областной думы.

В августе–сентябре 1918 года Р. Гайда неудачно добивался своего назначения главнокомандующим антибольшевистскими вой-

сками в Сибири. Его в этом поддерживала часть министров, надевшихся благодаря этому получить поддержку США. В сентябре 1918 года Гайда был произведен в генерал-майоры и назначен командующим 2-й Чехословацкой дивизией.

Между тем по мере развертывания Гражданской войны в России большинство чехословаков все больше склонялось к идее нейтралитета. По решению ЧНС, корпус перешел под командование французского представителя генерала М. Жанена, и уже осенью 1918 года легионеров фактически отвели с фронта, поручив им охрану тыловых коммуникаций. Р. Гайда, русофил среди войск Чехословацкого корпуса, предпочел выйти из легиона и поступить на службу к Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку.

С октября 1918-го по январь 1919 года Р. Гайда находился во главе Екатеринбургской группы войск Сибирской армии (22 тыс. штыков и сабель). Во многом благодаря ему русские войска (Народная армия Комуца и другие), бывшие под контролем чехов и словаков, в ноябре 1918 года перешли на сторону Колчака. Под командованием Гайд у большевиков в марте 1919 года были отобраны Оханск и Оса, установлена связь с войсками Северной области, в апреле взяты Сарапул и Ижевск.

Весной 1919 года Р. Гайда вступил в конфликт с начальником штаба Колчака Д.А. Лебедевым, выражая общее недовольство его руководством и провалом наступления. Во время наступления Красной Армии в мае – июне 1919 года Гайда в центре фронта продолжал свое собственное наступление на севере, взял Глазов, но вскоре был вынужден отступить, обвинив в этом Лебедева и М.В. Ханжина.

Новоиспеченный генерал обзавелся собственным поездом, свитой и многочисленной охраной, наряженной в форму императорского конвоя. Секретари расписывали его победы в роскошных альбомах, украшенных уральскими самоцветами, а сам Р. Гайда частенько грабил поезда и усиленно «экспроприировал» трофейное имущество.

Помощник А.В. Колчака Д.В. Филатьев вспоминал: «...Его честолюбие и жажда властвования не имели предела. Он обладал большим политическим чутьем и умением сходить с общественными элементами. Своими смелыми планами и энергией он совершенно покорил наивного адмирала Колчака, который считал Гайд у своим верным и преданным другом.

Да и сами чехи знали Гайд у не хуже, и на просьбу о разрешении ему перейти на русскую службу чешский Министр Стефанек, бывший в Омске, отвечал: “Берите его, но я предупреждаю, что

Радолга Гайда

Вы в нем ошибаетесь. Он либо будет Вашим фельдмаршалом, либо Вашим предателем...»⁵.

В июле 1919 года после очередного демарша Верховный правитель отправил Р. Гайду в отставку и предложил ему выехать во Владивосток. При этом бывшему командарму разрешили вывезти все награбленное имущество и даже приплатили еще 70 тыс. франков золотом. По дороге неукротимый вояка задержался в Иркутске, где поднял мятеж против А.В. Колчака. Однако находясь в городе 2 чехословацких полка во главе с С. Чечekom заняли позицию нейтралитета, и Гайду поддержали лишь местные эсеры и меньшевики, а главной ударной силой восстания стали портовые грузчики.

Прибыв в августе 1919 года во Владивосток, Гайда стал одним из лидеров антиколчаковского движения, организованного эсерами, и 17 ноября предпринял еще одну неудачную попытку захвата власти. Однако его выступление было жестоко подавлено японским гарнизоном и частями генерала С.Н. Розанова. Большинство восставших рабочих заплатили за него своими жизнями. Самого же Гайду юнкера взяли в плен и издевательски отлупили по лицу его же генеральскими эполетами, но убивать не стали, отчасти в память о заслугах перед Белым движением, отчасти благодаря заступничеству других чехословаков. Легионеры все еще оставались реальной силой, и ссориться с ними никому не хотелось.

Наконец, порядком надоевшего, неутомленного и не состоявшегося Бонапарта отправили на родину – к тому времени уже ставшую независимой Чехословакию. Там в 1924 году он не замедлил издать свои первые мемуары, а на золото, вывезенное из России, вместе с другими видными деятелями открыть Пражский Легиобанк. Затем он пытался продолжить свои мемуары, безуспешно пытался сблизиться с левыми и на какое-то время даже вернулся на армейскую службу.

В 1926 году президент Т. Масарик получил сведения, что Р. Гайда готовит переворот и собирается установить в стране диктатуру по типу Ю. Пилсудского. Существование этих планов так и не было доказано, но Гайду все-таки отправили в отставку, лишив воинского звания. 2 января 1927 года он был избран лидером организации «Фашистское национальное сообщество». Организация Гайды выступала с требованиями проведения репрессий против немецких автономистов, очищения чешской экономики от немцев и евреев, активного бойкота всего немецкого.

⁵ См.: *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922 гг. Впечатления очевидца. – Париж, 1985.

В 1933 году в Брно произошёл так называемый Жиденицкий путч. Около семидесяти фашистов во главе с Л. Кобсинеком (бывшим поручиком, уволенным из рядов вооружённых сил за фашистские взгляды и некоторое время лечившимся в психиатрической клинике) атаковали армейские казармы в предместье Брно – Жиденице. В деле участвовал и Д. Гейдл, кузен Р. Гайды. Он был совсем юношей и впоследствии утверждал, что ничего не знал о путче, но отправился вместе со всеми в Жиденице, думая, что там будут танцы. Выступление легко подавили, и на следствии путчисты заявили, что намеревались привлечь на свою сторону воинскую часть, двинуться на Прагу и провозгласить Р. Гайду президентом республики. Эта глупейшая акция была в лучшем случае самодеятельностью Кобсинека, а по мнению некоторых историков – инсценировкой, устроенной Т. Масариком или Э. Бенешем. Суд не нашёл связи между путчистами и Гайдой, но Гайда всё-таки был приговорён к лишению свободы сроком на 6 месяцев. Он попадал в тюрьму даже за путчи, к которым не имел отношения.

В 1935 году Р. Гайда был повторно избран в парламент. В 1938 году он призывал правительство не признавать Мюнхенское соглашение и обороняться, но не был услышан и в знак протеста отослал английскому королю и французскому правительству все полученные от них награды. К этой посылке было приложено письмо, полное горьких упреков: «Мало какой народ в Европе так до последнего дыхания бился за Вашу Родину, как чехословацкий. Мы никогда не поймем, почему вы нас оставили. Нашему народу это никто никогда не объяснит».

В 1939 году Р. Гайда был реабилитирован и восстановлен в чине генерала. После оккупации страны германскими войсками 15 марта 1939 года и отставки премьер-министра Р. Берана возник «вакуум власти». В этой ситуации Гайда заявил, что берёт власть в свои руки, но поддержать его пришли лишь несколько сот человек. Бывшая правительственная и оппозиционная партия создали Чешский национальный комитет и пригласили Гайду возглавить его. Однако его кандидатуру не поддержали немцы.

Р. Гайда отошёл от дел. Он уехал в своё поместье и оказывал финансовую помощь чехословакам, эмигрировавшим в Польшу и во Францию, чтобы продолжать борьбу. Среди них был и герой Зборова Л. Свобода. Деятельность фашистских организаций в Протекторате, включая легализованную было «Влайку», постепенно попала под запрет.

Во время оккупации Р. Гайда с женой взяли на воспитание Ярославу Селуцкую – дочь приговоренного к смерти родственни-

ка, Радослава Селуцкого – чехословацкого летчика и шефа группы советской военной разведки в протекторате. С этой группой, с разрешения отца, сотрудничал старший сын Гайды – Владимир. Младший сын Юрий осенью 1944 был задержан немецкими органами безопасности при попытке проникнуть на территорию боев в Словакии и брошен в концлагерь. После входа советских войск в Чехословакию сам Гайда был арестован в Праге 12 мая 1945 органами чехословацкой безопасности как коллаборационист. В предварительном заключении провел почти два года.

4 мая 1947 года суд приговорил Р. Гайду к двум годам заключения, а поскольку большую часть этого срока он уже отсидел, через восемь дней после вынесения приговора опальный военачальник, к этому времени уже тяжело больной, вышел на свободу. Через 11 месяцев после освобождения Радола Гайда скончался и был похоронен в Праге на православном участке Ольшанского кладбища⁶.

ГИАЦИНТОВ Эраст Николаевич (1894–1975)

Эраст Николаевич Гиацинтов происходил из известного дворянского рода. Его отец Николай Егорович Гиацинтов, действительный статский советник, служил в Министерстве финансов, был директором департамента железнодорожных дел и председателем Тарифного комитета. Мать Елизавета Владимировна, урождённая

⁶ См.: *Гайда Р.* Обратно на Урал против большевиков. Адмирал А.В. Колчак (сент. 1920, рукопись, пер. с чешского); *Гражданская война и военная интервенция в СССР.* – М., 1983. – С. 138–139; *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М., 2003; *Окрест Колчака: документы и материалы / Сост. А.В. Квакин.* – М., 2007; Их борьба: Легион и Мафия – II // <https://bohemicus.livejournal.com/118293.html>.

Мазаракий, активно занималась благотворительностью, отнимавшей у неё почти всё свободное время.

В 1912 году Э.Н. Гиацинтов окончил Николаевский кадетский корпус, из которого был выпущен в Константиновское артиллерийское училище. С началом Первой мировой войны был направлен на Юго-Западный фронт в 3-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Получил назначение во 2-ю батарею и впоследствии ею же командовал. За время войны был награждён шестью боевыми орденами – полным комплектом орденов, доступных обер-офицеру Русской Императорской армии. Войну закончил в чине штабс-капитана.

Вскоре после Октябрьского переворота Э.Н. Гиацинтов решает бороться с узурпаторами власти и отправляется на Юг, сначала в Донскую область, а затем – в Новочеркасск. Однако организаторы формировавшейся на Дону Добровольческой армии генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов совершенно не импонировали ему как убеждённому монархисту. Поэтому Гиацинтов отправился в Екатеринодар, где, по слухам, формировал Кубанскую армию штабс-капитан В.Л. Покровский, однако, убедившись в нежелании казаков на данном этапе активно бороться против большевиков, покинул Юг России и вернулся в Москву.

Некоторое время Гиацинтов с друзьями думали о возможности восстать и свергнуть большевиков и даже заняли целый ряд домов вокруг Кремля, чтобы оттуда начать действовать против них, однако из этой затеи ничего не вышло. Гиацинтов решил вновь пробираться на Юг, где шло организованное сопротивление большевистской власти, и присоединиться к Белому движению, несмотря на то, что во главе него стоял являвшийся, по мнению Гиацинтова, «генералом-революционером» М.В. Алексеев.

29 октября 1918 года по прибытии в Добровольческую армию Э.Н. Гиацинтов получил назначение во 2-ю батарею 1-го отдельного лёгкого артиллерийского дивизиона. Он принимал участие в боях Второго Кубанского похода, в результате которого Добровольческой армией была очищена от большевиков вся Кубань, Задонье, а также Ставропольская губерния и весь Северный Кавказ. После окончания похода во время последовавшей переброски белых войск для ведения военных действий в Донецком каменно-угольном бассейне Гиацинтов заболел воспалением лёгких и попал в госпиталь, откуда, по завершении лечения, был по собственному желанию выписан в Екатеринодар, где в это время проживали его родители. Отец Гиацинтова работал членом Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР генерале А.И. Деникине. Брат Эраста Николаевича также служил в армии Деникина.

После выздоровления Э.Н. Гиацинтов явился в штаб Артиллерийского управления в Екатеринодаре и при содействии генерал-майора Н.Д. Невадовского получил назначение на бронепоезд «Генерал Корнилов» – из-за слабости ног вследствие перенесённой болезни он не мог ещё ездить верхом. В составе команды бронепоезда участвовал во взятии Харькова. Командовал площадкой, вооружённой 3-дюймовым оружием (морская дальнобойная пушка).

Во время похода А.И. Деникина на Москву Э.Н. Гиацинтов служил в разведке Марковской дивизии, будучи в чине штабс-капитана. Уже в Крыму во время службы в рядах Русской армии барона П.Н. Врангеля в августе 1920 года был произведён в капитаны, а затем и в подполковники. Немного ранее, приказом от 2 июля 1920 года по 2-му дивизиону Марковской бригады был назначен старшим офицером в 5-ю батарею.

Э.Н. Гиацинтов вспоминал: «...Когда подошли наши главные части, и мы после довольно короткого боя заняли Щигры, все жители этого города меня возвели в звание героя. Но должен сказать, что никакого геройства в этом не было. Просто я никак не мог вообразить, что место, в которое мы въехали, – это действительно город Щигры, который защищался большим количеством красных войск. Иначе бы я никогда не решился на такую атаку.

Вообще я должен сказать, что “геройство” – это вещь очень относительная. Тот, кто совершает какой-то подвиг (который кажется подвигом со стороны), просто часто не сознает, что он делает. Так же и я этого не сознавал. Но во время стоянки в Щиграх, которая продолжалась около недели, я пользовался большим вниманием всех жителей, а в особенности женской части, как непревзойденный герой, каким я на самом деле не был...».

Последний бой, в котором довелось участвовать Э.Н. Гиацинтову, случился в октябре 1920 года под Геническим.

Затем он был эвакуирован на остров Лемнос, где записался вместе с рядом своих марковских офицеров во французский Иностраннный легион, в котором служил до ноября 1922 года на Ближнем Востоке в качестве рядового и капрала, после чего был эвакуирован в Белград (Сербия). Учился в Русском университете (Политехническом институте) в Праге, получил диплом инженера-химика, работал на заводах во Франции и Австрии. Со своей второй женой Зоей Сергеевной жил сначала в Праге, потом во Франции, где у них родился первый сын Кирилл. Во время Второй мировой войны с немецкими организациями не сотрудничал и лишь чудом избежал концлагеря.

После войны помогал соотечественникам избежать насильственной выдачи советским репатриационным комиссиям. Дети

Э.Н. Гиацинтова свидетельствовали, что «перемещённые лица» даже добровольно организовали для него охрану для предотвращения его похищения советскими спецслужбами, что практиковалось в то время на территории Австрии и приграничного Лиенца.

На рубеже 1951–1952 годов Э.Н. Гиацинтов переезжает в США, где его семья проживала в Сиракузах, штат Нью-Йорк, а в 1960-е годы перебирается в штат Нью-Джерси. В Сиракузах Гиацинтов долгое время был старостой православной церкви, пользовался большим уважением среди эмигрантов и местного населения. Скончался Эраст Николаевич 18 января 1975 года и был погребён на кладбище Свято-Троицкого православного монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк)⁷.

ГРИШИН-АЛМАЗОВ Алексей Николаевич (1880–1919)

Алексей Николаевич Алмазов родился 24 ноября 1880 года в тамбовской дворянской семье. Его отец был чиновником (коллежским секретарем). Вопреки этому примеру, сын решил посвятить свою жизнь армии. Учиться он стал в Воронежско-Михайловском кадетском корпусе, затем в 1902 году окончил Михайловское артиллерийское училище. Все это время еще не состоявшийся генерал Алмазов носил свою настоящую фамилию Гришин.

Молодой офицер не прогадал с моментом получения офицерского звания. В 1904 году началась Русско-японская война. А.Н. Гришин оказался на службе в Маньчжурии. Самым серьезным в японской кампании для него стало сражение при Ляояне (24 августа – 3 сентября 1904 года). Русские войска попытались деблокировать Порт-Артур, но, потерпев неудачу, заняли оборонительные позиции. Около Ляояна их атаковала японская армия. Гришин

⁷ См.: Гиацинтов Э. Записки белого офицера. – СПб., 1992.

был в числе более 100 тыс. соотечественников, вставших на пути противника. Кровавое сражение привело к большим потерям с обеих сторон, однако русским в конце концов пришлось отступить.

После окончания Русско-японской войны будущий белогвардейский генерал остался на восточных рубежах страны. Шесть лет он служил в Приамурском военном округе и руководил обучением команды разведчиков, детально изучив Амурскую область и Уссурийский край.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война заставила А.Н. Гришину покинуть ставшие для него родными места. На первых порах он обеспечивал связь в 5-м Сибирском армейском корпусе и был адъютантом командира этого крупного соединения. В апреле 1915 года Гришина произвели в капитаны. Пришло время командовать батареей и артиллерийским дивизионом. Офицер участвовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях. Он получил множество орденов и наград, в том числе и Георгиевский крест, который ему был вручен после ходатайства собственных солдат.

К Февральской революции А.Н. Гришин уже был подполковником. В период существования Временного правительства он поддерживал контакты с эсерами (хотя не состоял в партии) и открыто выступал против большевиков. После Октябрьской революции офицеру припомнили его позицию – уволили из действующей армии, и Белое движение приняло изгнанника в свои ряды. Сначала он находился в Добровольческой армии, пока генерал М.В. Алексеев не отправил его в Сибирь для организации подпольной антибольшевистской деятельности. Офицер перестал представляться своей фамилией – теперь он стал известен как Алмазов.

Весной 1918 года полковник А.Н. Алмазов попал в Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства, где встал во главе военного штаба. В считанные недели подпольщик наладил работу множества белых ячеек в самых разных городах от Канска до Омска. Вместе с Алмазовым Сибирь исколесил эсер П.Я. Михайлов, который до того был избран в разогнанное Учредительное собрание. Офицерские организации, настроенные против большевиков, пребывали в изолированном и беспомощном состоянии. Алмазов налаживал между ними связь и сотрудничество. Самой сложной частью этой работы был поиск компромиссной политической и военной точки зрения: кого всем вместе поддержать подпольщикам, какому органу подчиняться. Где-то уступая, а где-то предлагая, Алмазову удавалось сплавивать подчас противоположные друг другу ячейки. Все это время за ним охотились больше-

вики, но сколько они ни пытались, поймать подпольщика так и не удавалось. Всякий раз, когда комиссары выходили на его след, тот ускользал от чекистов.

В 1918 году все Белое движение в Сибири только ждало сигнала к началу антибольшевистского выступления. Толчком к нему стало восстание Чехословацкого корпуса. Узнав о его неподчинении, полковник А.Н. Гришин-Алмазов отдал приказ всем подконтрольным ему подпольным организациям восстать против Советской власти. 28 мая 1918 года офицер стал командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и объявил о поддержке белочехов. Началось наступление на всех направлениях. В июне было создано Временное Сибирское правительство, а командующий Сибирской армией стал еще и военным министром. Алмазов оказался замечательным организатором. Он внедрил в армию строгую дисциплину, сделал ее мощной силой, способной не только отражать атаки красноармейцев, но и самостоятельно идти на Запад. 10 июля за военные заслуги он был произведен в генерал-майоры.

К лету 1918 года под командованием А.Н. Гришина-Алмазова было уже 60 тыс. человек. Вместе с чехословацкими частями белые полностью очистили Сибирь от большевиков и теперь готовились идти в Поволжье, а оттуда выступить на Москву. Пытаясь еще больше увеличить размер своей армии, Гришин-Алмазов отказался от прежнего добровольного комплектования и начал набирать новобранцев по призыву, делая упор на крестьянскую среду. В отличие от солдат, воевавших на фронтах Первой мировой, сельчане не были так сильно подвержены большевистской пропаганде. Время показало, что Алмазов принял наиболее правильное решение из всех возможных. Осенью 1918 года Сибирская армия увеличилась еще на 175 тыс. человек.

С политической точки зрения, А.Н. Алмазов оставался монархистом и сторонником твердой централизованной власти. Известны случаи, когда по его распоряжению в армии исполнялся гимн «Боже, Царя храни!», хотя подобные инициативы считались моветоном. Правительство в основном было левым, в то время как генерал считал, что лозунги эсеров об утопическом народовластии в условиях бушевавшей Гражданской войны просто неосуществимы. Эта точка зрения сильно не нравилась министрам и самарскому Комучу. Генерал Алмазов состоял в той части Белого движения, которой не нравилось вмешательство иностранных союзников в Гражданскую войну в России. Он не стеснялся спорить с английским консулом, демонстрируя, что не нуждается в помощи британцев, и этим сильно отличался от своих коллег по

правительству. Его противоречия с другими министрами привели к отставке генерала, произошедшей 5 сентября 1918 года.

Недоверие эсеров заставило А.Н. Гришина-Алмазова покинуть Сибирь и присоединиться к Добровольческой армии А.И. Деникина, действовавшей на юге России. Уезжая, генерал оставил в Омске свою супругу Марию Александровну (урожденную Захарову). Она сдружилась с возлюбленной А.В. Колчака Анной Тимиревой и вошла в ближний круг Верховного правителя России. Жена Алмазова оставалась в Омске вплоть до эвакуации белых из города и уехала на восток в поезде Колчака. В начале 1920 года она была арестована действовавшим в Иркутске просоветским Политцентром. В тюрьме она стала свидетельницей последних дней жизни Колчака, была амнистирована и смогла перебраться в Китай, где издала собственные мемуары. Со своим супругом она больше не увиделась.

Из Екатеринодара, где находился А.И. Деникин, А.Н. Гришина-Алмазова отправили в румынский город Яссы. Там проходила конференция с участием представителей стран Антанты и делегатов Белого движения. На этом мероприятии генерал зачитал большой доклад о положении дел в сибирском регионе.

В конце 1918 года А.Н. Гришин-Алмазов стал военным губернатором Одессы. Период его пребывания в городе хорошо известен благодаря множеству воспоминаний современников, в том числе мемуарам «Окаянные дни» И.А. Бунина. Генералу в очередной раз удалось организовать новую военную силу, которая, с одной стороны, противостояла большевикам, а с другой – выбила из города украинских националистов. Одессе Гришин-Алмазов запомнился как жесткий руководитель, молниеносно расправлявшийся с любой угрозой своей власти. И среди большевиков, и среди белых он прослыл диктатором. Его называли авантюристом и сравнивали с Наполеоном. В то же время сам Алмазов всячески демонстрировал свою лояльность главнокомандующему Добровольческой армии А.И. Деникину. Серьезной головной болью военного губернатора стали не только большевики, но и уголовники, которых в портовой Одессе было особенно много. Лидером одесских преступников в то время являлся знаменитый налетчик Мишка Япончик. Его противостояние с Алмазовым привело к нескольким неудачным покушениям на генерала. Борясь с уголовниками, военный губернатор не стеснялся прибегать к бессудным убийствам и настоящему террору. Такая же участь выпадала и большевикам, для которых Алмазов стал одной из самых одиозных фигур во всем Белом движении.

В Одессе фигура Алмазова не устраивала многих. В марте 1919 года он был смещен со своей должности и в тот же день покинул

город. На отстранении бесконтрольного генерала от власти настаивали французы, которые на тот момент фактически держали город в своих руках. Всего через пару недель иностранцы в спешном порядке были эвакуированы из Одессы, оставив ее безоружной перед Красной Армией и украинскими повстанцами. Вскоре город был захвачен небольшим отрядом атамана Н.А. Григорьева.

Тем временем А.Н. Гришин-Алмазов вернулся в Добровольческую армию. А.И. Деникин отправил его во главе делегации к А.В. Колчаку, несколько месяцев назад объявившему себя Верховным правителем России. На юге у Алмазова была неоднозначная репутация, Сибирь же ассоциировалось у него с успехами начального периода Гражданской войны. Кроме того, генералу не терпелось вернуться к супруге. Путь отряда из 41 человека пролегал через Каспийское море. Белые без приключений плыли на пароходе «Лейла», пока их судно не было перехвачено недалеко от Форта Александровского (современный Форт-Шевченко, Казахстан). Большой корабль оказался один на один с хорошо подготовленным эсминцем «Карл Либкнехт», на борту которого готовились к атаке превосходившие деникинцев числом красноармейцы. А.Н. Гришин-Алмазов, поняв безвыходность своего положения и не желая оказаться в плену у противника, застрелился из собственного револьвера. Так закончилась жизнь одного из самых ярких военных лидеров Белого движения. В Советском Союзе Гришин-Алмазов стал ярким примером жестокого генерала-самодура и отрицательным персонажем во многих художественных произведениях.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947)

Антон Иванович Деникин родился в польском городке Влоцлавске 4 декабря 1872 года. Отец его, отставной майор пограничной стражи, был в прошлом крепостным крестьянином, «выслужив-

шимся» из простых солдат. Не имея никакого состояния, Деникины жили лишь на офицерскую пенсию. Основной приметой детства будущего белого генерала стала унижительная, беспросветная бедность.

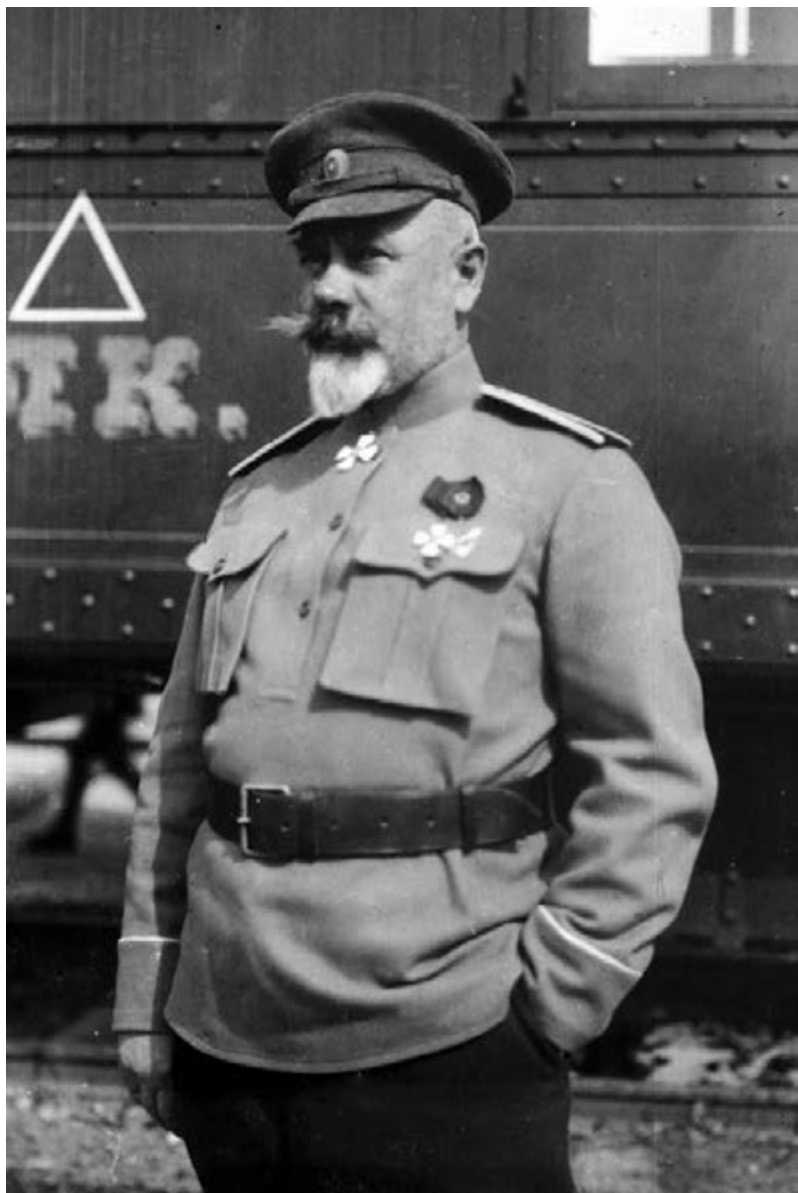
По окончании реального училища в Ловиче, А.И. Деникин сразу же поступил в Киевское юнкерское училище. Карьера военного не только выглядела наиболее привлекательной, но и была, скорее всего, единственно возможной для выходца из бедной офицерской семьи. Выйдя подпоручиком во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду, Деникин усердно готовился к поступлению в Академию Генерального штаба. Окончание академии – при наличии способностей и удачи – сулило молодому офицеру возможность большой военной карьеры.

Осенью 1895 года настойчивый провинциал (не без труда и не с первой попытки) выдержал конкурсный экзамен. По словам знавших его в ту пору людей, в Академии А.И. Деникин учился плохо. Сказывались и недостаточная подготовка, и необходимость самому содержать себя в столице, отвлекаясь на «насуточные» и служебные дела. Лишь благодаря своим незаурядным способностям, будущий генерал окончил Академию, но последним из числа имеющих право на производство в Генеральный штаб.

Офицером Генерального штаба А.И. Деникин стал лишь в 1902 году. Свой первый боевой опыт он получил в Русско-японской войне 1904–1905 годов, будучи начальником штаба знаменитой Урало-Забайкальской дивизии генерала П.И. Мищенко. Дивизия прославилась дерзкими рейдами по тылам противника. В Цинхенском сражении одна из сопок вошла в военную историю под названием «Деникинской». За личную храбрость начальник штаба был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны с мечами. В июне 1914 года произведён в чин генерал-майора.

Первую мировую войну А.И. Деникин начал генерал-квартирмейстером 8-й армии, но вскоре, по собственному желанию, был переведён на строевую должность командира 4-й стрелковой бригады. За стойкость и мужество бригада получила прозвище «Железной». В 1916 году она участвовала в Брусиловском прорыве.

1917 год А.И. Деникин встретил в чине генерал-лейтенанта и должности командующего Юго-Западным фронтом. 28 августа после скандальной телеграммы Временному правительству, в которой он открыто выразил свою поддержку Корнилову, Деникин был арестован и содержался в Быховской тюрьме, вместе с другими участниками мятежа (генералами Л.Г. Корниловым, С.Л. Марковым, А.С. Лукомским, И.П. Романовским и другими).

Антон Иванович Деникин

В ноябре 1917 года, не дожидаясь вероятной расправы от большевиков, генералы приняли решение бежать. С удостоверением на чужое имя Деникин пробрался в Новочеркасск, где принял участие в создании Добровольческой армии. Во время Первого (Ледового) кубанского похода он стал заместителем командующего армией генерала Л.Г. Корнилова.

После гибели Корнилова 13 апреля 1918 года Деникин как его заместитель возглавил Добровольческую армию, понесшую большие потери и почти обречённую. Ему удалось вывести армию из-под Екатеринодара на юг Донской области, избежав окружения и полного разгрома. В ночь с 22 на 23 июня 1918 года добровольцы под командованием Деникина начали свой 2-й кубанский поход и 17 августа взяли Екатеринодар.

8 января 1919 года Добровольческая армия объединилась с Донской, образовав ВСЮР (Вооружённые силы Юга России), став их основной ударной силой. Генерал А.И. Деникин возглавил ВСЮР.

«Почему именно он?» – не раз задумывались современники, историки и потомки. Почему во главе Белого движения оказался человек, который никогда не желал власти, не стремился быть вождём и беспощадным мстителем за поруганные идеалы? Может быть, потому что никто в трудный момент не нашёл в себе сил и мужества взвалить на свои плечи эту тяжёлую ношу? Возможно, именно в этот день и час Деникин совершил самую крупную ошибку в своей жизни. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Это старая истина. В отличие от своих будущих противников и гонителей, которые трусливо спрятались за его спиной, генерал не побоялся совершить отчаянный поступок, встав во главе движения.

По нелепой случайности или иронии судьбы самые страшные годы Гражданской войны совпали с решительными переменами в личной жизни генерала Деникина. В январе 1918 года, в сорок пять лет, он впервые женился. В феврале 1919 года у него родилась дочь Марина.

Власть порой раздражала и тяготила Деникина, как нечто чужое и неприятное его натуре. Он так и не смог пролить реки крови, подобно большевикам, обмануть доверие тех людей, которые пошли за ним в годину испытаний. Не смог он и уйти, бросив всё, сделать свой выбор в пользу тихой семейной жизни. Слабость или сила натуры главнокомандующего проявилась в этом? Трудно сказать.

Практически все историки сходятся в том, что главной слабостью политики А.И. Деникина было затягивание аграрной рефор-

мы. Здесь в полной мере проявилась его неуверенность и некомпетентность, позволившая большевикам в конце концов склонить крестьян на свою сторону, а высоким идеалам Белого движения разбиться о вседозволенность и утрату моральных ориентиров. Главнокомандующий ВСЮР с болью замечал, как в созданной им армии развилась болезнь моральной деградации. «Нет душевного покоя, – писал он жене, – Каждый день – картина хищений, грабежей, насилия по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи». Принять решительные меры по наведению в своей армии порядка Деникин тоже не сумел. Командующий не пошёл дальше прекраснодушных сожалений о падении нравов своих подчиненных, чтобы «не оттолкнуть» от себя многих «полевых командиров» (типа К.К. Мамонтова, В.З. Май-Маевского или А.Г. Шкуро), замешанных в бесчинствах и расправах, однако хорошо воевавших. Деникин, скорее организатор, чем полководец, нуждался в них для «грязной работы»; тем он запятнал и свое имя.

В ряде своих деклараций главнокомандующий определил основные направления своей политики: восстановление «Великой, Единой и Неделимой России», «борьба с большевиками до конца», защита веры, экономическая реформа с учетом интересов всех классов, определение формы государственного правления в стране после созыва Учредительного собрания, избранного народом. «Что касается лично меня, – говорил Деникин, – я бороться за форму правления не буду, я веду борьбу только за Россию». В июне 1919 году он признал главенство над собой Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

Немногом раньше началось печально известное противостояние А.И. Деникина и командующего Кавказской армией барона П.Н. Врангеля, которое касалось дальнейших стратегических планов ВСЮР. Изначально Деникин собирался наступать на Царицын, чтобы соединиться с войсками Колчака. Однако поражение Донской армии весной 1919 года вынудило главнокомандующего бросить основные силы на спасение Донецкого бассейна. Врангель по-прежнему настаивал на «царицынском направлении», считая решение главнокомандующего ошибочным. На поверку план Деникина оказался более состоятельным. В период головокружительного успеха ВСЮР летом – осенью 1919 года о возражениях Врангеля все забыли.

Впоследствии, когда белые армии, практически дойдя до Тулы, понесли ряд тяжёлых поражений и вновь отступили в кубанские степи, сторонники «царицынского» направления во главе

с П.Н. Врангелем начали отчаянную кампанию за смещение главнокомандующего. Припомнив А.И. Деникину все ошибки и просчёты, в том числе и в отношениях с украинскими сепаратистами, они открыто обвинили главнокомандующего в стремлении идти на поводу у близких ему военачальников (А.М. Драгомирова, Н.Э. Бредова, И.П. Романовского). Те, якобы в ущерб общим стратегическим планам, склонили командующего к наступлению на Киев и города Донской области, чтобы решить свои личные проблемы. Оппозиционеры в значительной мере подорвали авторитет Деникина и его окружения, породив легенду о главнокомандующем, как о безумном честолюбце, решившим присвоить себе право «войти в Москву под звон колоколов», предав и бросив армии Колчака на верную гибель.

После смерти бывшего Верховного правителя России вся власть должна была перейти к генералу А.И. Деникину. Однако Деникин демонстративно не принял эти «условные» полномочия. Столкнувшись после поражения своих войск с ещё большей активизацией оппозиционных настроений, глубоко потрясённый трагедией Новороссийской эвакуации и всеобщим разладом, 4 апреля 1920 года Деникин передал командование барону П.Н. Врангелю. В сопровождении своего начальника штаба и близкого друга И.П. Романовского он отбыл в Константинополь, чтобы забрать семью и выехать в Англию. Безнаказанное и подлое убийство генерала Романовского в стенах русского посольства в Константинополе поставило окончательную точку в отношениях Деникина с белым движением.

На чужбине бывший главнокомандующий старался держаться в стороне от политических баталий и бесконечных «выяснений отношений» между эмигрантскими лидерами. Он практически не интересовался деятельностью военных организаций П.Н. Врангеля, а во время Второй мировой войны резко осуждал их готовность к сотрудничеству с гитлеровцами. Из-за тяжёлого материального положения семья А.И. Деникина часто меняла место жительства. Из Англии они переехали в Бельгию, потом в Венгрию. Наконец, осели во Франции, где русский генерал и бывший главнокомандующий белыми силами Юга России влачил полунищенское «беженское» существование, зарабатывая литературным трудом. В эмиграции Деникин приступил к созданию документального исследования о Гражданской войне «Очерки Русской Смуты», издал сборник рассказов «Офицеры» (1928), книгу «Старая Армия» (1929–1931), не успев завершить автобиографическую повесть «Путь русского офицера» (впервые издана посмертно в 1953 году).

В 1945 году, опасаясь выдачи советским властям и повторения судьбы генералов П.А. Краснова и А.Г. Шкуро, А.И. Деникин был вынужден переехать в США. Он скончался от сердечного приступа 7 августа 1947 года в больнице Мичиганского университета.

В советской историографии А.И. Деникин, как, впрочем, и все побеждённые противники большевистской власти, однозначно представлялись чудовищами и злодеями. В постсоветский период появилось множество апологетических работ, авторы которых нередко впадали в иную крайность. Они стремились возвести вокруг реального человека с его ошибками, вполне объяснимыми человеческими слабостями и стремлениями ореол праведника и бескорыстного мученика за белую идею. Истина же лежит где-то посередине.

Своими делами и поступками А.И. Деникин, вне сомнения, внёс немалую лепту в историю XX века и трагическую историю гражданской борьбы в России 1917–1920 годов. Это был целеустремлённый, способный человек, суровый воин и боевой генерал, прошедший не одну войну. Его цельной натуре, как заметил в своём биографическом исследовании Д.В. Лехович, «не был свойственен тот внутренний разлад, который так сильно сказался в духовном облике русской интеллигенции». Однако по складу своего ума, характера и темперамента Деникин на поверку оказался типичным русским интеллигентом, либеральным, образованным идеалистом, искавшим в жизни правду и справедливость, отрицавшим ложь и насилие. В этом заключалась его личная трагедия, тесно связанная с трагедией всего Белого движения, с трагедией всех идеалистов, имевших несчастье верить в Россию и бороться за неё⁸.

⁸ См.: *Егоров А.И.* Разгром Деникина 1919 г. – М.–СПб., 2003; *Ипполитов Г.М.* Деникин. – М., 2006; *Лехович Д.В.* Деникин. Жизнь русского офицера. – М., 2004; *Самин Д.К.* Деникин Антон Иванович // Самые знаменитые эмигранты России. – М., 2000. – С. 136–137; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кубань и Добровольческая армия. – М., 1992; *Трамбицкий Ю.А.* Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты. – М., 2003. – С. 160–210; *Ходаков И.М.* Политические взгляды генерала А.И. Деникина // Вопросы истории. – 2006. – № 6. – С. 141–147; *Шамбаров В.Е.* Белогвардейщина. – М., 2002.

ДИТЕРИХС Михаил Константинович (1874–1937)

Дитерихс Михаил Константинович, русский генерал и общественный деятель, был одним из организаторов Белого движения в Сибири. В июле 1919 года командовал Сибирской армией А.В. Колчака, а затем до ноября 1919 года всем Восточным фронтом.

М.К. Дитерихс лично курировал следствие по убийству царской семьи, проводимое следователем Н.А. Соколовым. Отстаивал православно-монархические позиции. Сумел сплотить вокруг себя большую группу сторонников из числа сторонников монархии и православия и провести в 1922 году в Приморье Приамурский Земский собор, на котором его участники объявили, что «Верховная Всероссийская власть принадлежит Царскому Дому Романовых». На этом соборе генерал был избран «правителем и воеводой земской рати», «правителем Приамурского Земского края».

В октябре 1922 года войска Приамурского земского края потерпели поражение, и М.К. Дитерихс был вынужден эмигрировать в Китай, где проживал в Шанхае. В эмиграции на основе следственного дела Н.А. Соколова выпустил книгу об убийстве царской семьи и других членов Дома Романовых. В 1930 стал председателем Дальневосточного отдела Русского Общевоинского Союза. Умер 9 октября 1937 года и был похоронен в Шанхае на кладбище Локавей, уничтоженном в годы «культурной революции».

ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881–1919)

Михаил Гордеевич Дроздовский – один из виднейших деятелей и вождей Белого движения на Юге России, первый в истории Белого движения генерал, открыто заявивший о своей верности монархии – в то время, когда «демократические ценности» Февраля были ещё в чести. Единственный из командиров Русской армии, сумевший сформировать добровольческий отряд и привести его организованной группой с фронта Великой войны на соединение с Добровольческой армией.

Происходил из потомственных дворян Полтавской губернии, сын генерал-майора Гордея Ивановича Дроздовского (1835–1908). Его сестра Юлия (1866–1922) фактически воспитала Михаила Гордеевича, стала ему «второй матерью».

31 октября 1892 года М.Г. Дроздовский был определён в Полоцкий кадетский корпус, вскоре после этого переведён во Владимирский Киевский кадетский корпус, который окончил в 1899 году. Воспитатели отмечали «мужество Михаила, честность и щепетильность». Несмотря на вспыльчивость, горячность и порой резкую откровенность, он пользовался уважением и доверием товарищей по классу.

31 августа 1899 года М.Г. Дроздовский вступил на службу юнкером рядового звания в Павловское военное училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1901 года по 1-й категории 1-го разряда. Служил в лейб-гвардии Волынском полку в Варшаве в чине подпоручика. В 1904 году был произведен в поручики, поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но, не приступив к обучению, отправился на фронт Русско-японской войны.

В 1904–1905 годах служил в 34-м Восточно-Сибирском полку в составе 1-го Сибирского корпуса 2-й Маньчжурской армии. Отличился в боях с японцами с 12 по 16 января 1905 года у деревень Хейгоутай и Безымянной (Семапу). В бою у деревни Семапу был ранен в бедро, но уже с 18 марта командовал ротой. Наряду с дру-

гими наградами получил право на ношение светло-бронзовой медали с бантом «В память Русско-японской войны 1904–1905 годов».

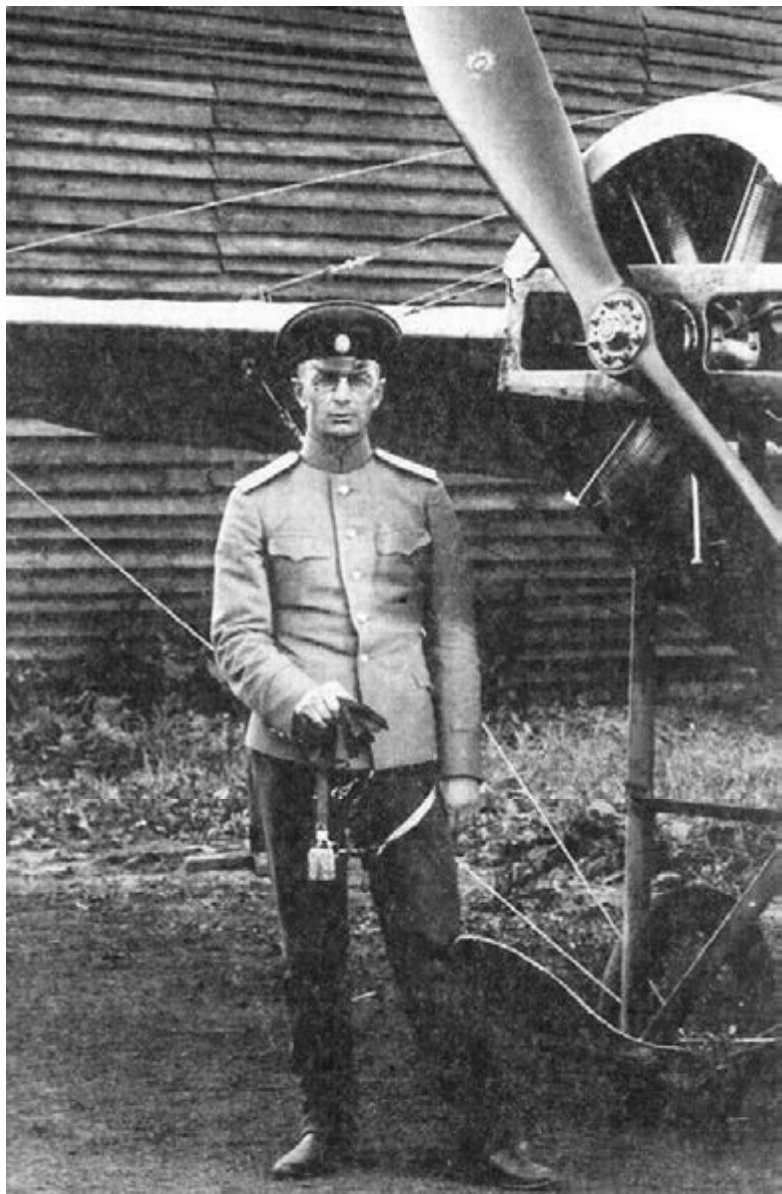
В 1907 году М.Г. Дроздовский женился на Ольге Владимировне Евдокимовой, но её стремление стать актрисой, несовместимое с положением жены офицера Русской Императорской армии, привело к разводу.

В 1908 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба, «за отличные успехи в науках» был произведён в штабс-капитаны. С 1910 года – капитан, обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа в Харбине, с ноября 1911-го – помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа.

В 1913 году М.Г. Дроздовский окончил Севастопольскую авиационную школу, где изучил воздушное наблюдение (совершил 12 полётов каждый продолжительностью не менее 30 мин.), а также познакомился с флотом: выходил в море на броненосце на боевую стрельбу, на подводной лодке и спускался под воду в водолазном костюме. По возвращении из авиационной школы Дроздовский вновь служил в штабе Варшавского военного округа.

В начале Первой мировой войны получил назначение и. д. помощника начальника общего отделения штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом. С сентября 1914 года – обер-офицер для поручений штаба 27-го армейского корпуса. Применил на практике опыт, полученный за время пребывания в лётной школе, во время полётов на аэроплане и на воздушном шаре. С декабря 1914 года – и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса. С 22 марта 1915 года – Генерального штаба подполковник, утверждён в занимаемой должности. 16 мая 1915 года назначен и. д. начальника штаба 64-й пехотной дивизии. Возглавив штаб, М.Г. Дроздовский постоянно находился на передовой, под огнём – весна и лето 1915 года для 64-й дивизии прошли в бесконечных боях и переходах.

Летом 1916 года М.Г. Дроздовскому был присвоен чин полковника Генерального штаба. В это время он служил на Юго-Западном фронте и 31 августа руководил атакой на гору Капуль. Один из его сослуживцев так вспоминал об этих событиях: «Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи, и с криком “Вперёд, братцы!”, с обнажённой головой бросился впереди атакующих». В этом бою Дроздовский был ранен в правую руку и за проявленную храбрость награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Капитан М.Г. Дроздовский. Севастопольская авиационная школа. 1913 г.

Несколько месяцев Дроздовский лечился в госпитале, а в январе 1917 года назначен и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии на Румынском фронте. Как писал его ближайший помощник по службе в штабе 15-й дивизии Е.Э. Месснер, «...не вполне оправившись от тяжёлого ранения, он прибыл к нам и стал начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Мне нелегко было служить при нём старшим адъютантом: требовательный к себе, он был требовательным и к подчинённым, а ко мне, его ближайшему помощнику, в особенности. Строгий, необщительный, он не вызывал любви к себе, но уважение вызывал: от всей его статной фигуры, от его породистого, красивого лица веяло благородством, прямою и необыкновенной силой воли».

Вскоре в Петрограде произошли события, переломившие ход войны: Февральская революция положила начало развалу армии и государства. Очень тяжёлое впечатление на Дроздовского, убеждённого монархиста, произвело отречение Николая II. Расправы распоясавшихся солдат над офицерами, происходившие даже на наиболее благополучном Румынском фронте, находившемся в относительно хорошем порядке в сравнении с остальными русскими фронтами, также производили гнетущее впечатление. Дроздовский выступал против вмешательства солдатских комитетов в оперативные распоряжения командного состава. Он писал о произошедших изменениях: «Теперь положительно ни за один день нельзя положиться, и с создавшейся у нас демагогией каждый день можно ждать какой-нибудь грандиозной боевой катастрофы... В общем перспективы очень грустные, резко упала дисциплина под влиянием безнаказанности, и впереди многое рисуется в мрачных тонах».

В это время М.Г. Дроздовский передал Е.Э. Месснеру штаб дивизии и 6 апреля 1917 года вступил в командование 60-м Замосцким пехотным полком – всеобщая революционная расшатанность не помешала ему быть властным командиром полка и в бою, и в условиях позиционной обстановки. В конце апреля он запишет в своём дневнике: «...У меня положение в полку становится очень острое. Можно жить хорошо только до тех пор, пока всем во всём потакаешь, ну а я не могу. Конечно, было бы проще оставить всё, проще, но нечестно. Вчера наговорил несколько горьких истин одной из рот, те возмутились, обозлились...». Однако, применив самые крутые меры вплоть до расстрелов дезертиров и беглецов, Дроздовский сумел частично восстановить дисциплину в полку – здесь в полной мере проявились такие черты его характера, как решительность и жёсткость, уверенность в правильности принимаемых решений.

М.Г. Дроздовский отличился в тяжёлых боях конца июня – начала августа 1917 года. За бой 11 июля, когда его полк участвовал в прорыве немецкой позиции, он был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени; за бои 30 июля – 4 августа представлен командованием фронта к награждению орденом Св. Георгия 3-й степени (представление реализовать не успели из-за развала армии).

После октябрьских событий в Петрограде – захвата власти большевиками и последовавшего вскоре фактического прекращения войны – наступил полный развал русской армии, и М.Г. Дроздовский, видя всю невозможность продолжения своей службы в армии в таких условиях, стал склоняться к продолжению борьбы в иной форме. В конце ноября – начале декабря 1917 года вопреки своей воле он был назначен начальником 14-й пехотной дивизией, но в скором времени сложил с себя командование по собственной инициативе.

После прибытия в ноябре 1917 года на Дон генерала М.В. Алексеева и создания там Алексеевской организации, преобразованной в скором времени в Добровольческую армию, между ним и штабом Румынского фронта была налажена связь. В результате на Румынском фронте возникла идея о создании Корпуса русских добровольцев для последующей отправки на Дон. Организация такого отряда и его дальнейшее соединение с Добровольческой армией стало с этого момента главной целью Дроздовского.

Вскоре после окончания Румынского похода М.Г. Дроздовский выехал на совещание в штаб Добровольческой армии, располагавшийся в станице Мечетинская. Там был разработан план дальнейших действий и решено дать отдых и Добровольческой армии – в районе Мечетинской, и отряду Дроздовского – в Новочеркасске.

За месяц, проведённый в Новочеркасске, отряд весьма серьёзно пополнился – генерал А.В. Туркул пишет, что «дней через десять мы смогли развернуться в три батальона». Конный дивизион двухэскадронного состава был развёрнут в Конный полк четырёхэскадронного состава, сапёрной и конно-пулемётной команд.

От Донского атамана генерала П.Н. Краснова Дроздовскому было предложение влиться в состав формируемой Донской армии на правах «Донской пешей гвардии» – донцы вообще не раз позже предлагали Дроздовскому обособиться от генерала Деникина, но он, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного честолюбия, неизменно отвечал отказом, заявляя о своём непреклонном решении соединиться с Добровольческой армией.

М.Г. Дроздовский после завершения его отрядом Румынского похода и прибытия на Дон, находился в положении, когда он мог сам выбирать свой дальнейший путь: присоединиться к Добро-

вольческой армии, принять предложение Донского атамана Краснова или же стать вовсе самостоятельной и независимой силой. Об этом Дроздовский позднее, уже непосредственно во время своего конфликта с начальником штаба Добровольческой армии генералом И.П. Романовским, прямо напишет А.И. Деникину: «...Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой армии состояние её было бесконечно тяжело – это хорошо известно всем. Я привёл за собой около 2 ½ тысяч человек, прекрасно вооружённых и снаряжённых... Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силою армии, причём дух его был очень высок и жила вера в успех.... Я не являлся подчинённым исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая армия таким крупным усилением...».

Р.Г. Гагуев пишет, что М.Г. Дроздовский мог с успехом претендовать на самостоятельную военно-политическую роль, учитывая размер людских и материальных ресурсов, которыми располагала его бригада сразу после завершения Похода Яссы – Дон, эффективную работу его вербовочных бюро и быстрый рост численности его отряда.

8 июня 1918 года после отдыха в Новочеркасске отряд Дроздовского (Бригада русских добровольцев) в составе уже около 3 тыс. бойцов выступил на соединение с Добровольческой армией и после торжественного парада в станице Мечетинской был включен в состав Добровольческой армии. Значение присоединения бригады Дроздовского вожди Добровольческой армии переоценить вряд ли могли – их армия почти удвоилась в своей численности, а такой материальной части, какую дроздовцы принесли с собой, она не видела с момента своей организации в конце 1917 года. В состав бригады (позднее – дивизии) вошли все части, пришедшие с Румынского фронта: 2-й Офицерский стрелковый полк, 2-й Офицерский конный полк, 3-я инженерная рота, лёгкая артиллерийская батарея, взвод гаубиц в составе 10 лёгких и 2 тяжёлых орудий.

При реформировании Добровольческой армии в июне 1918 года отряд полковника Дроздовского составил 3-ю пехотную дивизию и участвовал во всех боях Второго Кубанского похода, в результате которого Кубань и весь Северный Кавказ были заняты белыми войсками. М.Г. Дроздовский стал её начальником, причём одним из условий вхождения его отряда в состав Добровольческой армии стала гарантия его личной несменяемости в должности её командира.

В июле–августе М.Г. Дроздовский участвовал в боях, приведших ко взятию Екатеринодара, в сентябре взял Армавир, но под

напором превосходящих сил красных был вынужден его оставить. К этому времени напряжение в отношениях между 3-й пехотной дивизией и штабом армии перешло в фазу конфликта. Во время Армавирской операции Добровольческой армии на дивизию Дроздовского была возложена задача, невыполнимая одними только её силами, и, по мнению её начальника, вероятность неудачи всей операции вследствие буквального выполнения распоряжений штаба армии, переоценивавшего силы дивизии, была весьма высока. Находясь всё время среди своих войск, правильно оценивавшим свои силы, а также силы противника, Дроздовский, руководствуясь словами Суворова «ближнему по его близости лучше видно», фактически игнорировал приказ А.И. Деникина. Командующий резко, к тому же в форме публичного выговора, высказал Дроздовскому своё недовольство. В ответ, через несколько дней Дроздовский отправил Деникину свой рапорт, который, на первый взгляд, производил впечатление пропитанной желчью отповеди на незаслуженную обиду: «...Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может, и спасения её от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения...». Этому фрагменту предшествовал подробный разбор Дроздовским действий его дивизии во время Армавирской операции и вообще Второго Кубанского похода. Дроздовский подчёркивал, что никогда не жаловался командованию на тяжесть ситуации и не считался с превосходством сил красных.

А.И. Деникин впоследствии писал, что рапорт М.Г. Дроздовского был написан в таком тоне, что требовал в отношении его автора «новой репрессии», которая, в свою очередь, по словам командующего, привела бы к уходу Дроздовского из Добровольческой армии. В итоге Деникин, фактически, уступил, оставив рапорт без последствий: он писал, что «морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами».

В октябре М.Г. Дроздовский руководил своей дивизией во время упорных боёв под Ставрополем, где, возглавив контратаку, был 13 ноября 1918 года ранен в ступню. В госпитале в Екатеринодаре рана загноилась, началась гангрена. В декабре Дроздовскому зачитали приказ главнокомандующего о присвоении ему звания генерал-майора. 8 января 1919 года в полубессознательном со-

стоянии он был переведён в клинику в Ростов-на-Дону, где скончался. После его смерти А.И. Деникин издал приказ, заканчивавшийся следующими словами: «...Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нём с сердечной заботой о подчинённых, жизнь которых всегда он ставил выше своей. Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрёка».

Первоначально М.Г. Дроздовский был похоронен в Екатеринодаре в Кубанском войсковом соборе Святого Александра Невского. После наступления красных войск на Кубань в 1920 году дроздовцы, зная как обращаются красные с могилами белых вождей, ворвались в уже оставленный город и вывезли останки М.Г. Дроздовского и полковника Б.В. Туцевича: они были перевезены в Севастополь и тайно перезахоронены на Малаховом кургане. На могилах были поставлены деревянные кресты с дощечками и надписями «Полковник М.И. Гордеев» на кресте у могилы Дроздовского и «капитан Туцевич». Место погребения знали только пять дроздовцев-походников. Символическая могила Дроздовского существует на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, где установлен памятный знак.

После смерти М.Г. Дроздовского его именем был назван 2-й Офицерский полк (один из «цветных полков» Добровольческой армии), развёрнутый позднее в четырёхполковую Дроздовскую (Стрелковая генерала Дроздовского) дивизию, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и действовавший отдельно от дивизии 2-й Офицерский конный генерала Дроздовского полк.

Существуют две версии смерти М.Г. Дроздовского в результате, казалось бы, лёгкого ранения.

Согласно первой из них, Дроздовский был умышленно доведён до смерти. Известно, что практически с момента его присоединения к армии в мае 1918 г. был конфликт с начальником штаба армии генералом И.П. Романовским, который, по всей видимости, сложился вследствие борьбы за влияние внутри Добровольческой армии различных группировок, а также амбициозности обоих офицеров, которая накладывалась на целый ряд внешних факторов. Немаловажным фактором также являлись и опасения Романовского относительно распространения влияния Дроздовского на всю армию со всеми вытекающими последствиями. Противостояние подогревалось и разжигалось окружением и Дроздовского, и Романовского и вскоре переросло в личный конфликт, когда их примирение стало уже крайне маловероятным.

Версия состоит в том, что якобы Романовский приказал лечащему врачу неправильно лечить военачальника. Исполнителем

преступления называли профессора Плоткина, лечившего М.Г. Дроздовского в Екатеринодаре. После смерти пациента у Плоткина никто не поинтересовался ни причиной заражения, ни спросил историю болезни. Вскоре после смерти Дроздовского врач получил крупную сумму денег и скрылся за границей, откуда, по некоторым сведениям, в Россию вернулся уже при большевиках. Эта версия не подтверждена никакими из опубликованных документов и может быть связана с общей неприязнью многих офицеров Добровольческой армии к генералу Романовскому, которая могла привести к его убийству 18 апреля 1920 года в Константинополе. И всё же почести, оказанные командованием Добровольческой армии Дроздовскому незадолго до его кончины, наводят на определённые размышления о том, что штабу могло быть заранее известно о неизлечимости его болезни: 21 ноября Дроздовский был произведён в генерал-майоры, а 8 декабря особым приказом была установлена памятная медаль за Поход Яссы – Дон, увековечившая память о переходе; побудило к этому мероприятию офицеров-походников именно тяжёлое состояние Михаила Гордеевича.

Вторая – не столь «конспирологическая» версия – сводится к нехватке медикаментов (в Екатеринодаре почти не было антисептических средств, даже йода) и скверной постановке лечебного дела, которые и привели к трагическому исходу.

Очевидцы событий дают противоречивые мнения о случившемся, поэтому однозначного вывода о том, была ли смерть М.Г. Дроздовского следствием заговора или же стала несчастным случаем в условиях царившей на Белом юге антисанитарии, сделать возможным не представляется.

Командующий армией генерал А.И. Деникин, навещавший Дроздовского в госпитале незадолго до его смерти, искренне горевал о его кончине: «я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы армии и своей дивизии и рвался к ней... Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью... Судьба не сулила ему повести опять в бой свои полки»

А видный дроздовец генерал А.В. Туркул писал впоследствии: «Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского. Его рана была лёгкая, неопасная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось заражение после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач, потом скрывшийся. Но верно и то, что тогда в Екатеринодаре, говорят, почти не было антисептических средств, даже йода».

ДУТОВ Александр Ильич (1879–1921)

Александр Ильич Дутов происходил из семьи отставного генерал-майора. Учился сначала в станичной школе, потом в Оренбургском кадетском корпусе, где получил среднее образование и перечитал всю русскую классику, особо интересуясь историей.

В 17 лет А.И. Дутов поступил в Николаевское кавалерийское училище, после его окончания служил в казачьем полку. Во время службы в Харькове слушал лекции по электротехнике в Технологическом институте и экстерном сдал экзамены за курс Николаевского инженерного училища. В 1904 году поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но прервал занятия, приняв участие в Русско-японской войне. В 1908 году окончил курс Николаевский академии и до 1914 года служил преподавателем и инспектором Оренбургского казачьего училища. В 1912 году в возрасте 32 лет был произведен в войсковые старшины (подполковник), что было признаком блистательной карьеры.

Во время Первой мировой войны А.И. Дутов добровольцем ушёл в действующую армию в 1-й Оренбургский казачий полк 9-й армии Юго-Западного фронта. Принимал участие в наступлении Юго-Западного фронта под командованием А.А. Брусилова, во время которого 9-я армия разгромила 7-ю австро-венгерскую армию в междуречье Днестра и Прута. Во время этого наступления был дважды ранен, второй раз тяжело. К февралю 1917 года за боевые отличия Дутов был награждён мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Анны 2-й степени.

После Февральской революции 1917 года А.И. Дутов был делегатом полка на общеказачьем съезде в Петрограде, где его избрали фактическим председателем Совета союза казачьих войск. Участвовал в работе Предпарламента. Атаман Дутов любил повторять: «Своими взглядами и мнениями, как перчатками, я не играю». Он прославился на всю Россию в августе 1917 года, когда во время Корниловского выступления А.Ф. Керенский требовал от Дутова подписать правительственный указ, в котором Л.Г. Корни-

лов обвинялся в измене Родине. Атаман Оренбургского казачьего войска вышел из кабинета, презрительно бросив: «Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу. Если нужно, я готов умереть за них».

Будучи непримиримым противником большевиков, А.И. Дутов возглавил все вооруженные силы Оренбургского края. В день Октябрьского переворота он вернулся в Оренбург и в тот же день подписал приказ по войску № 816 о непризнании на территории Оренбургского казачьего войска власти большевиков и взятии под свой контроль стратегически важного региона, перекрывшего железнодорожное сообщение с Туркестаном и Сибирью. Большевики были вынуждены начать наступление на Оренбург. После тяжёлых боёв отряды Красной Армии под командованием В.К. Блюхера, во много раз превосходившие дутовцев, подошли к Оренбургу и 31 января 1918 года в результате совместных действий с большевиками, засевшими в городе, захватили город. Дутов решил не покидать территории Оренбургского войска и перешел в Верхнеуральск. В марте после сдачи Верхнеуральска его правительство обосновалось в Краснинской, где к середине апреля попало в окружение. Прорвав окружение, Дутов ушёл в Тургайские степи.

Тем временем большевики своей политикой озлобили нейтральную к новой власти основную часть оренбургского казачества, и весной 1918 года, вне связи с Дутовым, на территории Оренбургского казачьего войска началось мощное повстанческое движение. В результате к июню только на территории 1-го военного округа в повстанческой борьбе участвовало свыше 6 тыс. казаков. В конце мая к движению присоединились казаки 3-го военного округа, поддержанные восставшими чехословаками. Красногвардейские отряды на территории Оренбургского войска были повсеместно разбиты, и 3 июля казаками был взят Оренбург. 7 июля А.И. Дутов возглавил Оренбургское казачье войско, объявив его территорию особой областью России. 28 сентября казаки Дутова взяли Орск – последний из городов на территории войска, находившийся под властью большевиков.

18 ноября 1918 года в результате переворота в Омске к власти пришел А.В. Колчак, ставший Верховным правителем и главнокомандующим всеми вооруженными силами России. Одним из первых в его подчинение вошел атаман А.И. Дутов, назначенный главным уполномоченным Колчака на территории Оренбургского казачьего войска в звании генерал-лейтенанта. В начале 1919 года войска Дутова стали частью армии А.В. Колчака.

В сентябре 1919 года Оренбургская армия А.И. Дутова была разбита Красной Армией под Актюбинском. Атаман с остатками

войска отошёл в Семиречье, где присоединился к Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова. А в марте 1920 года частям Дутова пришлось покинуть родину и отступить в Китай через ледниковый перевал, расположенный на высоте 5800 метров. Обессиленные люди и кони шли без запаса еды и фуража, следуя по горным карнизам, случалось, срывались в пропасть. Самого атамана перед границей спустили на канате с отвесной скалы почти без сознания. Отряд был интернирован в Суйдине (ныне город Шуйдин Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) и расположился в казармах русского консульства.

А.И. Дутов не терял надежды возобновить борьбу, а вождей Советской России пугало присутствие значительных организованных и закаленных годами борьбы антибольшевистских сил вблизи государственной границы. Было принято решение ликвидировать Дутова. Чекисты предприняли неудачную попытку его похищения, во время которой Дутов был убит.

А.И. Дутов и убитые с ним в ходе боя охранники были похоронены с воинскими почестями в Кульдже (центр Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР)⁹.

ДУХОНИН Николай Николаевич (1876–1917)

В российской смуте XX века генерал Н.Н. Духонин сыграл весьма необычную роль. Когда в ноябре 1917 года он был назначен Верховным главнокомандующим русской армии, Временного правительства, которое поставило его на этот пост, уже не существовало. Новоявленная большевистская власть хотела навязать генералу идею заключения мира с Германией на совершенно невыгодных,

⁹ См.: Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М., 1997.

позорных и капитулянтских условиях для России. Такого генерал Духонин с его боевым нравом позволить себе не мог.

Деятельность Н.Н. Духонина осенью 1917 года в Могилевской ставке советскими историками оценивалась как антинародная и контрреволюционная. Генерала винили за непослушание решениям большевистского правительства, которому генерал, равно как и армия, не присягали. О том, что, выполнив эти решения, генерал Духонин мог фактически развалить фронт, никто не подумал. Генерал оказался один перед «армией политических авантюристов», которые, пользуясь развалом власти, намеревались уничтожить силы армии и ввергнуть страну в анархию большевизма. Возможности генерала были весьма скудны, но он сделал все, что мог, за что в итоге был убит. Храбрые поступки и отчаянная смерть генерала Духонина дают право называть его истинным патриотом России.

Николай Николаевич Духонин родился в Смоленской губернии 1 декабря 1876 года в семье дворян. В 1894 году он завершил учебу во Владимирском кадетском корпусе в городе Киеве и отправился в Москву на учебу в 3-е Александровское училище. Окончив училище в 1896 году, он поступил в еще одно военное учебное заведение – Академию Генштаба. В 1902 году Духонин завершил обучение в академии, получил чин штабс-капитана гвардии и был сразу же причислен к Генеральному штабу. Его военная карьера развивалась весьма стремительно. В ноябре 1904 года Духонин стал старшим адъютантом штаба пехотной дивизии, а в 1906-м был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени и назначен на должность старшего адъютанта всего Киевского военного округа.

По приезду в Киев Н.Н. Духонин женился на Наталье Вернер – красивой и образованной девушке, дочери почетного киевлянина. Осенью 1908 года стал преподавать в Киевском военном училище. В 1911 году ему досрочно присвоили звание полковника, а осенью 1912-го он вновь вернулся в штаб, где стал старшим адъютантом. У Духонина еще со времен его обучения военному делу сложились хорошие отношения с генералом М.В. Алексеевым – начальником штаба округа. Алексеев, говоря о Духонине, отмечал высокий уровень его профессионализма и штабной культуры. Летом 1913 года полковнику Н.Н. Духонину предложили командировку на маневры австро-венгерских войск в качестве наблюдателя. Во времена, когда в будущей войне Австро-Венгрии выпадала роль основного противника России, эта командировка была более чем важна. Успешно выполнив свое задание, полковник получил орден Св. Владимира 4-й степени, а затем повышение в Киевском военном округе – должность начальника разведывательного отдела.

Когда началась Первая мировая война, Н.Н. Духонина назначили на должность старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Киевского военного округа. Армия, находясь в составе Юго-Восточного фронта, приняла участие в Галицийской битве, которая проходила в период с 5 августа по 8 сентября 1914 года. В задачи Духонина входило курирование разведки. С возложенными на него обязанностями он справился блестяще и за рекогносцировку у крепости Перемышль был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Молодому полковнику не сиделось в штабе, и в 1915 году он настоял на своей отправке на передовую. Так Н.Н. Духонин получил должность командира 165-го Луцкого пехотного полка. Находясь под его командованием, полк прикрывал отход 42-й пехотной дивизии в боях около села Мокрое. За профессиональное руководство и проявленное мужество Духонина наградили орденом Св. Георгия, теперь уже 3-й степени. В мае 1916 года Н.Н. Духонин стал генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта и близким помощником генерала А.А. Брусилова – главнокомандующего армиями фронта.

К событиям Февральской революции Н.Н. Духонин отнесся спокойно. Будучи разумным человеком, понимал, что в условиях военных действий не подчиняться новому правительству и устраивать мятежи бессмысленно и нецелесообразно. Не став повторять опыт других генералов (Е.К. Миллера и Ф.А. Келлера), Духонин согласился сотрудничать с Временным правительством, позиционируя себя как защитника страны, а не представителя чьих-либо интересов.

Как писал А.Ф. Керенский, Духонин был откровенным и честным человеком, далеким от политических махинаций. Он, по словам Керенского, был одним из тех молодых офицеров, которые переняли у Суворова и Петра Великого искусство победы, что, кроме всего прочего, означало уважительное отношение к подчиненным. В мае 1917 года генерал Духонин возглавляет штаб Юго-Западного фронта, а в начале августа становится генерал-лейтенантом и начальником штаба Западного фронта. 10 сентября, после того как генерал М.В. Алексеев ушел в отставку, Духонин возглавил штаб Верховного главнокомандующего Керенского. А.И. Деникин писал о Духонине: «Керенский и представители революционной демократии нашли тот самый идеал, которого они так долго ждали. Он был храбрым солдатом и профессиональным офицером, который отказывался от каких-либо политических предрассудков». Генерал Духонин согласился на свою роль, заведомо рискуя собственной репутацией, а в дальнейшем и жизнью, чтобы спасти родную страну, отмечает Деникин.

В начале октября 1917 года Н.Н. Духонин добросовестно играл роль «технического советника», который взял на себя обязательство защиты Временного правительства. По приказу Керенского он перевел несколько сильных воинских подразделений в места наибольшего напряжения, но большевикам удалось разagitировать все эти части. Когда в Петрограде началось Октябрьское восстание, Духонин создал в Могилеве спецгруппу для координации событий на внутренних фронтах, но препятствовать развалу армии, который на тот момент достиг апогея, было уже невозможно.

25 октября Духонин обратился к армии, пытаясь напомнить ей, что долг перед родиной требует полного самообладания и спокойствия, прочного положения на позициях и содействия правительству. Утром 27 октября он отправил в Петроград большевикам телеграмму с требованием немедленно прекратить их действия, отказаться от вооруженного захвата власти и подчиниться Временному правительству. В противном случае, по его словам, армия поддержит это требование силой. В условиях, когда армия полностью развалилась, а немцы на Западе этим пользовались, всё, что мог делать генерал, – это посылать угрожающие телеграммы. Через несколько часов Ставка вместе с армейскими комитетами решила принять меры в помощь Москве.

Не сумев договориться с армейскими комитетами, утром 29 октября Н.Н. Духонин обратился по телеграфу к А.М. Каледину и спросил у него о возможности направить на столицу отряд донских казаков для умирения восстания в Москве и дальнейшего похода на Петроград. Ответа он так и не дождался.

Когда поход на Петроград провалился, в ночь на 1 ноября А.Ф. Керенский назначил Н.Н. Духонина Верховным главнокомандующим по причине своего отъезда в Петроград. Генерал, сообщив войскам о своем назначении, настоятельно призвал их держать свои позиции. В тот же день Духонину пришло письмо от Л.Г. Корнилова, который напоминал генералу о сложности той задачи, которая свалилась ему на плечи, и о необходимости решительных мер по организации борьбы с наступающей анархией.

Н.Н. Духонин понимал, что основную опасность стоит ожидать с тыла, а не с фронта. Он считал своим обязательством поддержку Временного правительства как единственного законного органа власти. Боясь заслужить репутацию главного виновника Гражданской войны, он был ограничен в своих действиях. Верховное командование проиллюстрировало свое отношение к Гражданской войне, когда издало приказ об остановке войск, движущихся на Петроград. Духонин противопоставлял Ставку большевистской власти, но по факту он остался один.

7 ноября был получен приказ Совета народных комиссаров, согласно которому Духонин должен был обратиться к руководителям неприятельских армий и предложить им остановить военные действия и сесть за стол переговоров. При этом всю информацию с переговоров он должен был передавать в Смольный. Отказ от выполнения приказа означал бы, что у большевиков есть основания для признания Духонина своим врагом, а значит, и врагом народа. Осознавая всю сложность сложившейся ситуации, Духонин решил выиграть время, воспользовавшись тем, что радиограмма с приказом была оформлена не по правилам. Он телеграфировал военному министру, что ввиду особого значения радиограммы не может принять решения по ее содержанию, так как на ней нет даты и номера.

Большевикам сопротивление Духонина пришлось не по вкусу. Ночью с 8 на 9 ноября Совет народных комиссаров в лице В.И. Ленина, И.В. Сталина и Н.В. Крыленко вызвал Духонина по прямому телефонному проводу с просьбой разъяснить его позицию касательно правительственного распоряжения. Генерал начал свой ответ с того, что спросил у наркомов, соглашаются ли союзники на мирные переговоры. Затем он высказал свое предположение о том, что непосредственно большевики не могут вести переговоры с союзниками, и поэтому им нужен представитель центральной власти. Наркомы не стали комментировать высказывания генерала и просто спросили его о том, готов ли он дать однозначный ответ на приказ и выполнить предписание. Н.Н. Духонин отказался исполнять указания большевиков. В результате он был уволен, но так как сразу заменить Верховного главнокомандующего было нечем, Духонин остался на своей должности, пока шел поиск подходящей кандидатуры. Вскоре на его место должен был прибыть прапорщик Н.В. Крыленко. После ночного телефонного разговора с лидерами большевиков, Духонин сделал вывод, что народные комиссары, которых не особо признают, решили попытаться вести переговоры через главнокомандующего, наделенного законной военной властью.

10 ноября появилась информация о том, что большевики разрешили войскам самостоятельно вступать в перемирие с противником, не заручившись на то одобрением Ставки. В переговоры разрешалось вступить выборным органам, начиная с полковых комитетов. И только в подписании договора о перемирии в обязательном порядке должно было принять участие правительство. Это был первый случай в мировой истории, когда применялась подобная практика заключения перемирия. Узнав об этом, Духонин был сильно удивлен. Он видел в такой политике торжество

анархии и полный развал государственности. Генерал не стал подчиняться постановлению СНК, несмотря на то что его признавала одна армия за другой.

13 ноября новый Главковерх Н.В. Крыленко прибыл в Двинск, где дислоцировалась 5-я армия Северного фронта. На следующий день его представители вступили в переговоры с командованием Германии, нарушив союзнические обязательства России. 15 ноября Н.Н. Духонин однозначно заявил, что до окончательной победы над Германским блоком он сделает все, чтобы Россия исполнила свой долг перед союзниками, и, тем не менее, он понимал, что дни Ставки сочтены. В разговоре с генералом Д.Г. Щербачевым он попросил последнего принять на себя обязательства Главковерха, в случае если с ним самим что-то случится. В ответ Щербачев порекомендовал Духонину переместить Ставку в Киев, где в то время у власти стояла Центральная Рада, не признавшая советское правительство. То же самое советовал сделать и генерал-лейтенант А.С. Лукомский.

18 ноября сотрудники Ставки стали покидать ее, но сам генерал Духонин остался. Узнав, что в Могилев следует бронепоезд с революционерами, он понял, что участь Ставки уже предопределена. На следующий день, когда командиры передовых батальонов собрались отстаивать Ставку, Духонин приказал им покинуть город. Он не хотел братоубийственной войны. Ночью на 20 ноября генерал отправил в Быхов своих представителей с целью освобождения генерала Л.Г. Корнилова и его соратников. Все прошло успешно, и этой же ночью они покинули город. Сам же генерал Н.Н. Духонин убежать не намеревался. Он допускал, что его арестуют или даже расстреляют, но то, что случилось дальше, превзошло даже самые страшные прогнозы.

20 ноября Н.В. Крыленко прибыл в Могилев, чтобы принять от Духонина пост Верховного главнокомандующего. Духонин решил не ждать Крыленко в опустевшем здании Ставки, где он в любой момент мог стать жертвой солдатского самосуда. Переодевшись в штатскую одежду, он направился на станцию, чтобы из рук в руки передать дела своему «преемнику», но последний уехал в город. Тогда Духонин отправился к коменданту поезда, чтобы подождать Крыленко у него. Через полчаса весть о том, что Духонин сидит в вагоне поезда, разошлась по всему вокзалу. Вскоре около вагона собралась толпа вооруженных людей, пыл которых смогло охладить лишь появление самого Крыленко.

Однако некоторые матросы все же проникли в вагон и бесцеремонно оттолкнули в сторону Крыленко, пытавшегося их обуздать. Когда ситуация полностью вышла из-под контроля, Духонин

вышел к толпе со словами: «Вы хотели видеть генерала Духонина? Я перед вами. Я вышел, чтобы...». Завершить речь генералу не дали. Его ударили штыком в спину и скинули с вагона. Жестоко растерзав тело генерала, матросы отправились в город, чтобы убить его жену. Когда толпа ворвалась в квартиру генерала, его супруги не было дома. Наталья Владимировна была в церкви, где ее нашла подруга и спрятала у себя дома.

Впоследствии А.И. Деникин, который не был согласен со взглядами Духонина, но был ему обязан жизнью, сказал, что Николай Николаевич был честным человеком, который отдавал себе отчет о сущности долга воина перед лицом врага. «Но среди всех этих революционных противоречий Николай безнадежно запутался», – подытожил Деникин.

К 21 ноября ситуация в Могилеве нормализовалась. Крыленко смог прекратить самосуды и установить охрану самых важных объектов. По его приказу труп Н.Н. Духонина уложили в гроб и перенесли в здание вокзала. Утром туда под охраной направилась Наталья Владимировна. Представитель нового Главковерха проводил ее к гробу и принес соболезнования от лица Крыленко. Сам Главковерх так и не показался на глаза вдове. Есть еще одна версия, согласно которой тело Духонина было выкуплено его супругой у распоясавшихся матросов, доставлено в Киев и похоронено на одном из местных кладбищ. Могила Н.Н. Духонина с 1934 года находится на Лукьяновском кладбище в городе Киеве.

ЖЕБРАК-РУСТАНОВИЧ Михаил Антонович (1875–1918)

Михаил Антонович Жебрак-Рустанович родился 29 сентября 1875 года в Гродненской губернии. Происходил он из крестьян. 9 сентября 1894 года Жебрак подал прошение на Высочайшее имя и был определен на службу в 103-й Петрозаводский пехотный полк

на правах вольноопределяющегося 2-го разряда. Меньше чем через год – 11 августа 1895 года он был произведен в младшие унтер-офицеры и уже через двадцать дней зачислен в младший класс Виленского пехотного юнкерского училища, которое через три года успешно окончил по 1-му разряду и Высочайшим приказом от 1 ноября 1898 года был произведен в подпоручики. Первым местом службы молодого офицера стал 188-й пехотный Введенский полк. 20 сентября 1902 года он был командирован в Военно-топографический отдел Генерального штаба, а через восемь дней – прикомандирован к Военно-топографическому училищу для изучения черчения и съемки. 15 апреля 1903 года был произведен в поручики.

Во время Русско-японской войны М.А. Жебрак перевелся в один из Сибирских полков и был награжден орденом Св. Георгия¹⁰. Вот описание его подвига в Высочайшем приказе о награждении: «...18 ноября 1904 года... во время атаки деревни Чжантанхенань, в районе Сандепу, заметив опасность для левого фланга нашего боевого расположения от анфиладного огня неприятеля из занятых им фанз, в сознании гибельной опасности промедления каждой минуты, по собственному почину личным примером поднял одну полуроту 20 стрелкового полка, повел ее на фанзы, выбил из них неприятеля и прекратил его губительный огонь, чем обеспечил на этом фланге свободу действий нашего отряда и тем оказал решительное содействие к занятию означенной укрепленной деревни...». 21 августа 1905 года приказом командующего 2-й Маньчжурской армии № 156 за отличия в боях с 12 по 15 января Жебрак был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (утвержден Высочайшим приказом от 29 октября 1906 года). Был тяжело ранен под Мукденом (остался на всю жизнь хромым). За этот бой был награжден чином штабс-капитана.

После Русско-японской войны, поправив здоровье, М.А. Жебрак поступил и окончил Военно-юридическую академию, служил в военно-судебном ведомстве. В 1914 году произведен в полковники. С началом Первой мировой войны по собственному желанию вернулся в строй и был назначен командиром 2-го Морского полка отдельной Балтийской морской дивизии, которая в конце 1916 года была переброшена в устье Дуная, где вошла в состав 6-й рус-

¹⁰ Рутыч Н.Н. Жебрак-Рустанович Михаил Антонович // Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. – М., 2002. – С. 124–125.

ской армии Румынского фронта. В приказах командования неоднократно отмечались боевые действия 2-го Морского полка полковника Жебрака. В дальнейшем, вплоть до окончательного развала армии, дивизия действовала на Румынском фронте, входя в Отряд обороны устья Дуная и Дунайских гирл. Дивизия активно участвовала в боевых действиях; довелось принять в них участие и полковнику Жебраку (он был произведен в этот чин 6 декабря 1916 года). Приказом командующего Черноморским флотом от 5 июня 1917 года Жебрак был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами «за отличие в делах против неприятеля в феврале 1917 года». А уже летом того же года командир дивизии контр-адмирал князь В.В. Трубецкой писал представление к награждению Жебрака орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

В начале 1918 года М.А. Жебрак на базе морской дивизии организовал в городе Измаил офицерский отряд, с которым выступил в поход на соединение с отрядом полковника М.Г. Дроздовского. Крошечный отряд из 130 человек в походном порядке двигался через охваченную революцией Украину на Дон – в центр Белого движения. Хромавший после старого ранения полковник «невысокого роста, с кристальными светло-серыми глазами» пользовался общим и безусловным уважением добровольцев.

13 марта оба отряда соединились в районе села Новопавловки, однако формально объединились лишь 26 марта, после переправы через Бут. 21 апреля после боя за Ростов Жебрак был назначен командиром офицерского стрелкового полка (после соединения с Добровольческой армией – 2-го офицерского стрелкового полка)¹¹.

Летом 1918-го, во время Второго Кубанского похода Добровольческой армии, части Дроздовского вышли к станции Белая Глина, где наткнулись на крупные соединения красных и их отчаянное сопротивление. В ночь на 23 июня полковник Жебрак вместе с офицерами его штаба лично возглавит атаку 2-го и 3-го батальонов своего полка на станцию, но из боя уже не вернется¹².

Всего в ночном бою дроздовцы потеряют около 400 человек (80 офицеров было убито и до 300 ранено). На следующий день добровольцы все-таки возьмут Белую Глину. «В поле, где только что промчался бой, на целине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба. Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запёк-

¹¹ Полковник М.А. Жебрак-Рустанович // Казачий круг. Вестник казачьего народа: информационный сайт. – 2010. – 8 октября.

¹² Кузнецов Н.А. Михаил Антонович Жебрак // Дроздовский и дроздовцы / Гл. ред. и сост. Р. Гагкуев. – М., 2006. – С. 576–587.

шейся крови, было разможено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его ещё живым, били прикладами, пытали, жгли на огне», – вспоминал А.В. Туркул.

Гневу белогвардейцев не было предела. Узнав о мученической гибели любимого командира, дроздовцы были охвачены желанием жестоко отомстить красным. Месть не заставила себя долго ждать. На мельницу, куда сводили пленных, пришел лично М.Г. Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы отдельных потерянных винтовочных патронов. Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-нибудь лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров. «Вот этого – этим», – говорил он, подавая патрон и указывая на пленного. Пленный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны все оптом. За два дня до того из пленных красноармейцев Дроздовский сформировал Солдатский батальон, однако 24 июня, после смерти Жебрака, новой партии пленных повезло гораздо меньше. М.А. Жебрак-Рустанович был похоронен в братской могиле в Белой Глине, оставшись одним из самых любимых деятелей Белого движения, памяти которого его соратники посвятили две песни.

ИВАНОВ-РИНОВ Павел Павлович (1869–?)

Павел Павлович Иванов родился 26 июля 1869 года в Семипалатинской области в семье потомственного сибирского казака, дворянина, полковника. Был литератором, в 1900 году участвовал в походе в Китай для подавления «Боксерского восстания». Играв в «русскую офицерскую рулетку», выстрелил себе в грудь из ре-

вольвера и едва остался жив. После этого находился на военно-административной службе в Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1906 году был начальником Пржевальского, Ходжентского уездов – «исправником» в Туркестане, потом – помощником военного губернатора.

Узнав о начале Первой мировой войны, в 1914 году выехал на фронт. Помощник командира 2-го Кубанского казачьего полка. Отличился в боях на Карпатах. Полковник. Командовал разными сводными военными отрядами на фронте, временно исполнял должность командира Кубанской казачьей бригады и Кубанской казачьей дивизии. В феврале–мае 1916 года командовал 8-м полком Сибирской казачьей дивизии. Отмечен многими боевыми наградами. 24 мая 1916 года назначен Семиреченским вице-губернатором, отозван с фронта. Во время Среднеазиатского мятежа июля 1916 года при общей пассивности администрации и малочисленности русских воинских сил стал во главе его подавления и к августу того же года решительно и жестоко разгромил банды мятежников с минимальными для российских сил потерями. Этим фактом воспользовался А.Ф. Керенский для критики царского правительства. После Февральской революции Кокандский Совет рабочих и солдатских депутатов сместил Иванова-Ринова с его должности, и он покинул Туркестан.

В апреле 1917 года П.П. Иванов-Ринов был зачислен в офицерский резерв Кавказского военного округа. С конца сентября временно исполнял обязанности командира 1-го Сибирского казачьего полка, с ноября – командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой (по другим данным, дивизией). В начале января 1918 года с Кавказского фронта привел свою бригаду в Петропавловск. К нему прибыли эмиссары Л.Г. Корнилова, предложив начать борьбу против красных, на что он согласился. Обещал вступить в подпольную организацию после расформирования своего подразделения, чтобы снять с себя подозрения в нелояльности советам. Начальник местного военного подотдела антибольшевистской делегации, начал подпольную борьбу против Советской власти. Возглавлял белое подполье Степного края и Омска. На весеннем круге Сибирского казачьего войска сумел подавить «большевиствующих» – казацкую гольтыбу и «фронтovou молодежь», приобретя в казацкой среде еще больший авторитет. В подпольных правых кругах намечался военным диктатором.

Со свержением в Омске Советской власти, в котором он активно участвовал и которое готовил, П.П. Иванов-Ринов фактически правил областью Сибирского казачьего войска до организации власти Временного Сибирского Правительства (ВСП). Один из ру-

ководителей успешного боя под Мариановкой у Омска в июне 1918 года. Командир Сибирского корпуса. Ему ставили в вину то, что он упустил из Омска уходящих большевиков, которые вывезли оттуда наличные деньги, хотя, по мнению общественности, перехватить красную флотилию было возможно. В июле на казачьем круге был избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска. В сентябре вместе с делегацией ВСП Иванов-Ринов совершил поездку на Дальний Восток для организации там военного снабжения. В это время он был противником японской ориентации во внешней политике.

П.П. Иванов-Ринов активно способствовал уходу в отставку А.Н. Гришина-Алмазова, чтобы занять его место, воспользовавшись его конфликтом с советом министров и союзниками. 1 октября – 3 ноября 1918 года занимал пост военного министра. По мнению Г.К. Гинса, его приход вызвал возрождение в армии старорежимных традиций: на первое место были выдвинуты не воинский талант, а чинопочитание, установленная иерархия, старый генералитет. Были вновь введены погоны. Издал приказ, объявлявший офицеров, служащих у большевиков, независимо – добровольно или подневольно, предателями. Совет министров дал ему в его решениях самостоятельность, и он стал своей властью вершить производство и назначения в армии. Это был один из первых шагов к узаконению «атаманщины», что впоследствии нанесло огромный вред белым.

С приходом на пост военного министра Колчака снова направлен на Дальний Восток. Назначен помощником генерала Д.Л. Хорвата по военным делам, которыми тот тяготился. 22 декабря после подавления большевистского восстания в Омске своим приказом, не имея на то права, санкционировал действия военно-полевых судов. Считался одним из главных виновников бессудных расправ над членами Учредительного Собрания в конце декабря 1918 года.

Зимой 1918–1919 годов П.П. Иванов-Ринов был один из главных выразителей японофильства в Белой Сибири. Предлагал развивать отношения с Японией через устройство смешанных русско-японских предприятий, большинство которых должны были обслуживать военные нужды. Будучи в Чите, подружился с атаманом Г.М. Семёновым. Настаивал на признании Семёнова Колчаком, чтобы опереться на дальневосточных атаманов, как на единственную конструктивную силу в регионе, чем способствовал замирению Читы и Омска. Выступал за уступки Семёнову и снятие с него всех обвинений для достижения единства антибольшевистского фронта. В июне–августе 1919 года занимался формированием на Дальнем Востоке казачьего корпуса («Казачья армия»).

Решительно подавлял любую оппозицию к Колчаку и атаманине, чем способствовал неприятию населением Омского правительства. Командир Сибирского казачьего корпуса (август 1919-го – январь 1920 года). В августе – сентябре 1919 года во время Тобольского наступления колчаковской армии, командуя конными казачьими группами, разбил ряд красных частей и вынудил красные войска отойти за Тобол, за что был награжден Георгиевским крестом.

За недельное бездействие на фронте в сентябре 1919 года П.П. Иванов-Ринов был отстранен А.В. Колчаком от командования. Обвинялся общественными и военными кругами в бездействии и провале Тобольского наступления.

В ноябре 1919 года П.П. Иванов-Ринов был назначен А.В. Колчаком начальником штаба по военно-административному управлению на театре военных действий. Во время Великого Сибирского Ледяного похода отстал от своих войск, в январе–марте 1920 года жил в советском Красноярске. Позднее стали считать, что уже тогда он пошел на союз с большевиками и был завербован ими для борьбы с остатками белых сил.

По чужому паспорту, на поезде из красной Сибири П.П. Иванов-Ринов пробрался в белое Забайкалье. В феврале – марте 1920 года – в Дальневосточной армии С.Н. Войцеховского в Чите. В марте приехал в Харбин, формально оставался войсковым атаманом.

В 1921 году П.П. Иванов-Ринов занял должность начальника штаба Г.М. Семёнова. В июле был отправлен Семёновым на переговоры с братьями Меркуловыми и «каппелевцами» о включении «Семёновцев» на довольствие в белом Приморье. При помощи японцев добился этого ценой немедленного отъезда Семёнова из Приморья. После расхождения с ним и отъезда Семёнова в Японию жил во Владивостоке. В 1922 году был начальником тыла Приморской Земской рати и в том же году эвакуировался в Гензан (Корея).

Жил в эмиграции Китае. В первой половине 1920-х годов состоял в Совете войсковых атаманов. Установил контакт с советской разведкой, формировал части из белоэмигрантов для «красного маршала» Фэн Юяна. Осенью 1925 года был разоблачен соратниками по Белому движению и бежал в СССР. 29 ноября 1925 года заседанием Войскового правительства в Зарубежье и представителей командного состава строевых частей Сибирского казачьего войска в Харбине был признан предателем и лишен звания войскового атамана. В том же году репрессирован (расстрелян) по возвращению в СССР.

КАЛМЫКОВ Иван Павлович (1890–1920)

Иван Павлович Калмыков родился на Тереке в станице Грозненской Терской области. Его отец был станичным торговцем из Харькова, а мать – местной казачкой. Хорошо учился в Духовной семинарии, в 1909 году блестяще закончил курс обучения, но был лишен права священства за оскорбление действием одного из преподавателей. Поступил в Чугуевское военное училище, а окончив его, в 1912 году вышел подпоручиком на службу в Приморский саперный батальон. Через год был принят в общество Уссурийских Казаков и перевелся на службу в их полк.

Во время Первой мировой войны И.П. Калмыков как отважный офицер был награжден Золотым оружием и боевым орденом Св. Владимира, но в жизнь полка внес кулачную расправу с подчиненными, не принятую в казачьих частях. После Февральской революции рядовые казаки потребовали его удаления из полка, и подъесаул Калмыков был отчислен в войсковой резерв. Дома на Уссури приняли его как заслуженного казака и простили его строевые грехи.

На проходившем 20–31 января 1918 года 4-м Войсковом круге Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыков был избран войсковым атаманом. Часть казаков не согласилась с этим решением и на 5-м войсковом круге, проходившем 3–5 марта Имане отказались считать Калмыкова атаманом. В марте – апреле Калмыковым в районе станицы Пограничная в полосе отчуждения КВЖД был создан Отряд атамана Калмыкова численностью около 500 человек, который в то время представлял собой одну из внушительных антибольшевистских сил в Приморье,

И.П. Калмыков выступил против красных отрядов Хабаровского Дальсовнаркома и 4 июля 1918 занял станцию Гродеково. Объединившись с чешскими частями генерала М.К. Дитерихса при поддержке 12-й японской дивизии 5 сентября занял Хабаровск.

Когда в результате переворота в Омске 18 ноября 1918 года Верховным правителем России стал адмирал А.В. Колчак, атаманы Г.М. Семёнов и И.П. Калмыков долго не признавали его правительство, сделав это только в марте 1919 года. С февраля 1919 года Калмыков – командир Уссурийского Особого отряда, с сентября – командир Уссурийской отдельной бригады, с января 1920 года – командир Сводной уссурийской отдельной дивизии. Части Калмыкова контролировали Транссиб от Никольска-Уссурийского до Хабаровска.

И.П. Калмыков опирался на японцев и находился в конфликтных отношениях с командующим американскими экспедиционными силами генералом У.С. Грейвсом, войска которого охраняли Транссиб на участке от Владивостока до Никольска-Уссурийского. Установленный им режим в советской историографии получил название «Калмыковщина». Подчиненные Калмыкову немногочисленные воинские части отличались крайне низкой дисциплиной и боеспособностью. Барон А.П. Будберг называл Калмыкова «белым большевиком», так как он грабил китайских купцов, торговцев опиумом и других, из-за чего у Омского правительства возникали дипломатические скандалы с Китаем и другими странами. Неслучайно из-за насилий над мирным населением в Приморье и Приамурье партизанское движение приобрело там особый размах.

Адмирал А.В. Колчак свидетельствовал: «...Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории. Я лично, например, знаю, что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера, аресты чисто уголовного порядка. Там шла, например, правильная охота на торговцев опиумом. По линии Китайской железной дороги ездили постоянно с контрабандой опиума очень много лиц, женщин и мужчин, провозивших опиум, стоивший очень дорого. Здесь очень часто уже не контрразведка, а просто предприимчивые люди под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум и убивали, а в случае обнаружения этого, ссылались на то, что это были большевистские агенты или шпионы...

...У него была крупная история, и я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего отъезда. Калмыков поймал вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Красного Креста, которого он признал за какого-то большевистского агента. Он повесил его, отобрав у него все деньги, большую сумму в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованного в Харбин, меры, принятые консулом,

ничему не помогли. Скандал был дикого свойства, так как его ничем нельзя было оправдать. Хорват чрезвычайно был обеспокоен этим случаем, но сделать было ничего нельзя. Даже денег не удалось получить. Это был случай форменного разбоя. Такие явления по линии железной дороги существовали, и бороться с ними было почти невозможно»¹³.

В феврале 1920 после поражения А.В. Колчака и эвакуации интервентов из Приморья И.П. Калмыков бежал в Маньчжурию, где и был тотчас арестован китайской жандармерией, которая обвинила его в бессудном расстреле представителя шведского Красного Креста С. Хедблумма и обстреле артиллерийским огнем китайской канонерской лодки на Амуре. И.П. Калмыков был расстрелян китайцами в Гиринае.

КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861–1918)

Алексей Максимович Каледин родился 12 октября 1861 года в станции Усть-Хоперской на хуторе войскового старшины Максима Васильевича Каледина. «По заслугам отца его, Сотника Василия Прохорова Каледина», признанный в свое время дворянином Войска Донского, Максим Васильевич позаботился и о подтверждении дворянского звания своих детей: 11 мая 1870 года Войсковое депутатское собрание постановило «их, Василия, Алексея, Елену и Александру Максимовых Калединых... сопричислить к дворянскому роду...».

¹³ Протокол заседания чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет). Заседание Чрезвычайной Следственной Комиссии 23 января 1920 г. *Цит. по:* Окрест Колчака: документы и материалы / Сост. А.В. Квакин. – М., 2007. – С. 411.

А.М. Каледин окончил Михайловскую военную гимназию в Воронеже (бывший кадетский корпус), запомнившись одноклассникам как хороший ученик и надежный товарищ. По своему характеру, скорее флегматичному, он не был расположен к большинству мальчишеских шалостей, но из чувства товарищества обычно принимал в них участие в роли «часового», следя за приближением воспитателя и предупреждая друзей о грозящей опасности.

Военную гимназию сменило 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, куда А.М. Каледин поступил «юнкером рядового звания» неполных 18 лет от роду. Странный для казака выбор пехотного училища (артиллерийским оно станет значительно позже) мог, по словам соученика Каледина, объясняться желанием «по окончании его определить свою дальнейшую деятельность». Решение было принято после того, как Каледин прошел полный курс училища (второй год – фельдфебелем), но вместо производства в офицеры перевелся на старший курс Михайловского артиллерийского училища, обучение в котором продолжалось три года. В офицеры он был произведен 7 августа 1882 года, выйдя в конную артиллерию Забайкальского Казачьего Войска.

В Забайкалье молодой офицер пробыл недолго: по истечении обязательного срока службы в строю, в 1886 году сотник А.М. Каледин поступает в Николаевскую академию Генерального штаба и оканчивает ее в 1889-м, по 1-му разряду и с производством «за отличные успехи в науках» в подьесаулы. Будучи причислен к Генеральному штабу, а через 7 месяцев и переведен в него, Каледин 6 лет служит в приграничном Варшавском военном округе, среди других вопросов занимаясь организацией укрепленных районов на случай будущей войны.

В Варшаве капитан Каледин встретил женщину, которая стала его женой, любовь которой, верная и преданная, доходившая до преклонения, озаряла его жизнь до самых последних дней – Марию-Луизу Оллендорф, урожденную Ионер (она происходила из одного из франкоговорящих кантонов Швейцарии). Свадебным же путешествием для Алексея Максимовича и Марии Петровны (так будут называть ее, хотя в православие она не перешла) станет дорога в Новочеркасск, куда Каледина переводят в 1895 году на заурядную тыловую должность в Войсковой штаб Донского казачьего войска. Служба там продолжается 5 лет, после чего произведенный в подполковники, а затем и в полковники – «за отличие» – Каледин в 1903–1906 годах возглавляет Новочеркасское казачье юнкерское училище и вновь возвращается в Войсковой штаб, теперь на должность помощника его начальника. Но о Ка-

леди не помнят не только как об администраторе или военном педагоге: в 1910 году он – к этому времени уже генерал-майор, и тоже «за отличие по службе», – ни дня не командовавший полком (одно из редких исключений!), принимает бригаду 11-й кавалерийской дивизии, а 12 декабря 1912 года назначается начальником кавалерийской дивизии – и тоже 12-й, во главе которой он выйдет на Первую мировую войну, будучи произведен в генерал-лейтенанты, и придаст дивизии немеркнущую славу одной из лучших в русской армии.

Первые недели Первой мировой войны стали для русской конницы весьма ответственными. «12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» – гласил, как рассказывали, приказ командующего 8-й армией генерала А.А. Брусилова, отданный А.М. Каледину в августовский день 1914 года, когда дивизия своим самопожертвованием выручила остальные силы, и приказ этот многое говорит как о войсках, так и об их начальнике. За те бои Каледин был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, а вскоре получил и Георгиевское оружие – за участие в операции по взятию Львова, куда первыми вошли его драгуны.

«Знающий, честный, утрюмый, настойчивый, быть может упрямый», таковы были первые впечатления многих об А.М. Каледине, и они вполне соответствовали действительности. Лишь изредка прорывался в нем глубоко скрытый темперамент – и тогда генерал мог приказать «пиками загонять» в бой дрогнувших казаков или, в исступлении схватившись за шашку, броситься на обозника, загромоздившего своей повозкой дорогу. Обычно же Каледин казался сухим и педантичным, порою даже мелочным.

С легкой руки генерала А.А. Брусилова, ревнивого и пристрастного к своим подчиненным, укрепилось мнение, что А.М. Каледин во главе корпуса, а затем и 8-й армии, командующим которой он был назначен 20 марта 1916 года на место возглавившего фронт Брусилова, значительно уступал по своим полководческим качествам Каледину – начальнику дивизии, боевому кавалерийскому генералу. Ему будут приписывать инертность и нерешительность, но лучшим возражением на это, наверное, станет его роль в наступлении, получившем в истории имя его начальника...

Из всего Брусиловского наступления самой яркой и славной страницей останутся лишь его первые дни (22–25 мая 1916 года) – сокрушительный прорыв вражеских позиций под Луцком. Луцкий же прорыв был всецело делом рук генерала А.М. Каледина.

Больше суток продолжалась артиллерийская подготовка на участке 8-й армии, после чего поднялись в атаку ее корпуса. Оборона противника была смята, а его войска – деморализованы и

обращены в бегство. К вечеру 25 мая русские стрелки ворвались в Луцк. Более 44 тыс. пленных, 66 орудий, 150 пулеметов стали трофеями 8-й армии за эти легендарные три дня. Однако генерал А.А. Брусилов не смог распорядиться успехом, приостановив наступление А.М. Каледина и предпочтя «выравнивать фронт». А две недели спустя, когда противник частично оправился и значительно усилил свою оборону на новых рубежах, директива Брусилова о возобновлении наступления развела силы 8-й армии по расходящимся направлениям: после громкой победы в мае главнокомандующий армиями фронта, очевидно, уверился в универсальности «удара растопыренной пятерней»...

Лето 1916 года оказалось тяжелым и кровопролитным. Вновь и вновь гонит Брусилов, поддерживаемый Ставкой Верховного, русские корпуса в бессмысленные атаки на берегах реки Стохода. Меняются направления – на Владимир-Волинский, на Ковель и вновь на Владимир. Войска изнемогают, захлебываются кровью, теряют веру в успех. И все, что в этих условиях может сделать генерал Каледин – это вынести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты (неслыханный для командующего армией случай!), дабы быть вместе со своими солдатами в огне. Он уже «полный генерал» – генерал-от-кавалерии, за Луцкий прорыв, но это не окрыляет и не прибавляет сил.

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил летом 1917 года генерал А.И. Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...»

Диагноз был поставлен точно. Русскую армию разложил не Октябрь, а Февраль; не анархическое движение «снизу», а директивы, пришедшие «сверху», – в первую очередь «Приказ № 1» самозванного (никем не избранного) Петроградского Совета и «Декларация прав солдата», объявленная Временным Правительством, – не менее самозванным и неоспоримо разделяющим с советами ответственность за конечное крушение фронта. Приказ, проникнутый недоверием к командному составу армии, ставил офицерство под пристальный и практически всегда враждебный контроль со стороны солдатских комитетов; декларация, подрывавшая основы воинской дисциплины, этики и правил поведения отменной чинопочитания, отдания чести и т. д., провозглашала

допустимость в рядах войск «политических, национальных, религиозных, экономических или профессиональных организаций, обществ или союзов», тем самым разрушая ее монолит. И горше всего было то, что не только среди офицерства, в том числе и кадрового, но и генералитета нашлось немало людей, из карьерных соображений или же в утаре «революционной романтики» присоединившихся к силам, на их глазах разрушавшим Русское Воинство.

В этих условиях одни предпочитали плыть по течению, другие, оставаясь на своем посту, пытались сделать хоть что-нибудь в тщетных надеждах спасти разваливающуюся армию; третьи – из тех, кто мог сломаться, но не согнуться, – просто уходили. Ушел и генерал Каледин.

Фактическому удалению А.М. Каледина из армии (формально – зачисление в Военный Совет с 29 апреля 1917 года) предшествовал конфликт не только с комитетами («Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест...» – вспоминал А.И. Деникин), но и с Главнокомандующим армиями фронта: несколько месяцев спустя Каледин кратко упомянет, что «ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур о[т]пустил поводья армии», Брусилов же в середине апреля заявил Верховному главнокомандующему: «Каледин... не понимает духа времени. Его необходимо убрать».

Приехав ненадолго в столицу, генерал поневоле оказался в гуще политических слухов и сплетен, среди которых были и затрагивающие непосредственно его как возможного кандидата в донские атаманы.

16 июня председатели всех окружных совещаний обратились к А.М. Каледину с просьбой баллотироваться, утверждая: «Долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо на нем – и ни на ком другом – может объединиться весь Дон». Убежденный, наконец, этими настояниями и поверив в возможность реальной и плодотворной работы на благо родного Дона и России, Каледин выразил согласие и на следующий день был избран подавляющим большинством голосов (свыше 600 из 720).

Во время принесения поздравлений седобородый казак, подойдя к А.М. Каледину, дал ему более важный, чем все другие, «наказ»: «Смотри, не измени, Атаман...». «Себе не изменю, станичник», – отвечал генерал, и в словах этих не было ни капли позерства. Каледин теперь не отделял себя от своего поста, от долга перед Отечеством и избравшими его казаками, от Тихого Дона, которому с этой минуты были отданы все его помыслы, все его чувства, вся его жизнь. Отныне атаман Каледин был и перед

внешним миром неразрывен с Доном, становясь единственным выразителем позиций, чаяний и устремлений донского казачества.

Быть может, генерал Каледин и хотел бы в своей деятельности замкнуться исключительно на делах и заботах Войска Донского. Однако в силу как положения Дона – «старшего брата» среди других казачьих войск, – так и личных качеств его атамана, фигура Каледина начинает быстро перерастать донские рамки, и он теперь просто вынужден пристально вглядываться в происходящее «углубление революции», уже вылившееся в попытку большевицкого переворота 3–4 июля в Петрограде.

Практически сразу же по возвращении в Новочеркасск А.М. Каледин начал готовиться к новой поездке, на сей раз – по северным округам Донской Области. Причинами ее были поступавшие с Верхнего Дона «сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения»; планировал атаман использовать посещение северных округов и для обсуждения с казаками вопроса о предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Поездка началась 24 августа, а уже 29-го на полдороге Каледину передали срочную телеграмму из Новочеркасска, от М.П. Богаевского, сообщавшую о трагических событиях, разыгравшихся в Петрограде и Ставке Верховного главнокомандующего и грозивших перекинуться на Дон, – начавшихся «Корниловских днях». В полученной телеграмме говорилось об объявлении Корнилова вне закона, о необходимости присутствия атамана в Новочеркасске и, очевидно, об угрозе, сгущавшейся над самим Калединым.

В ближайших к Дону областях «в инициативном порядке» выносились резолюции о задержании «мятежника Каледина», а в тех условиях любое «задержание» было чревато немедленным и зачастую зверским самосудом. В Царицыне и Ростове собирались отряды, чтобы перехватить атамана по дороге. Все преследователи, однако, вернулись ни с чем: Каледин благополучно добрался до Новочеркасска, хотя по дороге, по его собственным словам, он пережил самые «страшные и тревожные минуты». «...Когда я увидел красногвардейцев, – рассказывал Каледин, – то, признаюсь, не отнимал руки от револьвера...»

Вернувшись, наконец, в свою маленькую столицу, А.М. Каледин нашел там растерянное Войсковое Правительство и... телеграмму А.Ф. Керенского от 31 августа, объявлявшую донского атамана мятежником, отрешавшую его от должности и предписывавшую предать генерала суду. Керенский даже пытался запретить внеочередную сессию Большого Круга, отступив лишь после заявления, что «Каледина казачество не выдаст не только Временному

Правительству, но и никому в мире». Временному Правительству пришлось смириться: «суд» над Калединым превратился в триумф «подсудимого».

При первых же достоверных известиях об октябрьских событиях в Петрограде, «обсудивши положение, созданное произведенным большевиками государственным переворотом, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство вынесли постановление о непризнании власти большевиков, находя, что власть эта, возникнув путем насильственного переворота, не выражает воли страны, а осуществляет диктатуру одного рабочего класса (скоро станет ясно, что рабочий класс тут тоже ни при чем), а по поставленным себе задачам является гибельной как для России в целом, так и для казачества в особенности».

Однако в те же дни проявилась и непоследовательность Войскового Правительства по отношению к приехавшему на Дон генералу М.В. Алексееву. Скованный колебаниями и сомнениями своих сотрудников, атаман Каледин, «познакомившись с планами Алексеева о собирании сил для активного противодействия большевикам и австро-германцам, и выслушав просьбу “дать приют русскому офицерству”, ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области...».

Сыграли свою роль местные политики и при первой же попытке выдвинуть казачество и самого А.М. Каледина для решения общегосударственных задач. В Атаманском дворце состоялось заседание, на котором «Атаман Каледин... высказал необходимость подачи помощи Москве» и заявил, «что находит поход на Москву необходимым». Однако этот план встретил бурю возражений сторонников временной самоизоляции казачьих территорий и собирания там «здоровых элементов» и сил, в том числе и военных. Каледин с Алексеевым остались в явном меньшинстве и уступили: должно быть, оба, каждый по-своему, надеялись на то, что казачьи области менее, чем остальные части летящей в пропасть России, окажутся подверженными разложению. Выборный атаман Каледин и чужак, незванный и не больно-то желанный гость на Дону Алексеев – решили попытаться использовать те возможности, которые у них оставались, не усугубляя внутренних разногласий планами, не встречавшими ничьей поддержки.

Позднее Каледина обвиняли – и подчас в весьма резкой форме – в нерешительности и неуверенности проводимой им политики. Но, кроме чьего бы то ни было влияния, она может быть объяснена

другим, неизмеримо важнейшим обстоятельством, которое хорошо понимал сам атаман: для борьбы необходимы были силы. Сил же не было никаких. Правда, уже в октябре начинается стихийное, но еще сохраняющее относительный порядок и воинскую организацию движение казачьих полков с фронта по домам; но уместен вопрос, в каком состоянии они возвращались?

А между тем в самом сердце «калединского Дона» – Ростове и Новочеркасске были расквартированы запасные пехотные полки, давно уже превратившиеся в рассадник агитации и угроз. Дезорганизованные и буйные солдатские массы могли в любой момент выступить с оружием в руках, и сдерживало их пока лишь отсутствие единого руководящего центра и некоторая боязливая настороженность, все еще сохранявшаяся по отношению к казакам. К 20 ноября чаша терпения войсковых властей, наконец, переполняется: атаман Каледин принимает твердое решение разоружить запасных, но... не находит для этой цели никого, кроме конвойной сотни и юнкеров Новочеркасского военного училища. Нужно было обращаться за помощью к генералу Алексееву.

Супруги Каледины уже оказывали в частном порядке материальную помощь прибывавшим на Дон алексеевским добровольцам; в обход своего осторожного правительства выдавал донской атаман им и оружие, включая бронев автомобили. Все это позволяло ему практически с первых дней существования «Алексеевской организации» рассчитывать на нее как на самостоятельную союзную, если не прямо подчиненную боевую силу. «Организация» решительно выступила для разоружения запасных – генерал Деникин писал: «Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд», – тем более что отобранные у солдат «винтовки и патроны, – свидетельствовал участник событий, – доставлялись в организацию подводами и автомобилями, каждый раз в мере, далеко превышавшей потребность наличного состава». Оставался, однако, не менее опасный Ростов.

25 ноября генерал Д.Н. Потоцкий объявил, «что Ростов с 22-го находится в состоянии гражданской войны». Слово «война» было произнесено вслух, и с утра 26-го по всему городу уже вовсю шла стрельба. Подмоги из Новочеркасска, однако, не было в течение всего дня 26 ноября, что как будто говорило о растерянности войсковых властей; пишущие об этом обычно и рисуют, вольно или невольно, неутешительную картину растерянного, бессильного и выпустившего из рук управление атамана, потерявшего едва ли не целый день и в конце концов явившегося за спасением к Алексееву. По более авторитетному свидетельству, однако, все было совсем не так. Начальник полевого штаба вспоминал год спустя, что

первые известия о ростовском столкновении были получены в Новочеркасске той же ночью, и разбуженный Каледин немедленно распорядился созывать своих ближайших сотрудников.

В ночь на 27 ноября из Новочеркасска на Ростов выступил первый отряд алексеевцев, однако в разыгравшемся на следующий день бою успеха он не добился ввиду численного превосходства противника, тем более значимого, что из трехсот белогвардейских штыков значительную часть составляли необстрелянные юноши – юнкера и кадеты. Неладно было и в самом Ростове, где генерал Потоцкий продержался чуть более двух суток, но утром 28 ноября был выдан ревкомовцам остававшимися с ним казаками.

А тем временем атаман А.М. Каледин всеми силами старался мобилизовать Войско Донское на борьбу. «...Наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей, – рассказывал он впоследствии. – ...Во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка». Генерал тщательно собирает силы и изготавливается к решительному наступлению, сам неоднократно выезжая на позиции, – и 1 декабря он уже может сказать явившимся к нему на переговоры представителям ростовских общественных организаций: «Безусловная сдача, или завтра в 2 часа мои казаки будут в Ростове. Стратегическое окружение закончено».

Генерал сдержал слово. Наступление началось ранним утром 2 декабря, и его участник впоследствии не без иронии писал: «Товарищи, увидев, что под Ростовом не фарс, а почти война, и зная, что на завтра назначен штурм, рассыпались в течение этой последней ночи... Красногвардейцы спешили обратиться в мирных хулиганов, а вожак попрятались и разбежались». Несмотря на отдельные очаги сопротивления, несколько колонн калединских войск почти одновременно вступили в Ростов, встречаясь друг с другом на улицах, уже запруженных толпами радостных обывателей.

«Мне не нужно устраивать оваций... Я не герой, – и мой приход – не праздник, – говорил приветствовавшей его толпе атаман. – Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита кровь, и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданской долг...» Начавшаяся открытая междоусобица глубоко ранила душу Каледина, и недаром, должно быть, перед отъездом на фронт, когда жена передавала ему пистолет, он отверг запасные обоймы: «Сколько раз я тебе говорил, что для меня 14 патронов много, зачем мне две обоймы, для меня достаточно одного патрона...».

А.М. Каледин и его жена Мария Петровна

Урок из ростовских событий извлекли обе стороны. Открывшийся в Новочеркасске 2 декабря, под грохот орудий ростовского фронта, Большой Круг был поставлен А.М. Калединым перед необходимостью решительной реорганизации власти. «Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления, – говорил генерал. – ...Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказание слышать: “не желаем”, “подумаем”. Власть должна быть властью».

Для большевизмской власти ростовские события тоже стали грозным предупреждением, и на «мятежный Дон» двинулись войска Совета народных комиссаров. Через Воронеж и Донецкий каменноугольный бассейн под общим руководством «Главкомандующего по борьбе с контрреволюцией» В.А. Антонова-Овсеенко вели свои «колонны» бывшие прапорщики Г.К. Петров, Ю.В. Саблин и Р.Ф. Сиверс. С юга, на станции Тихорецкой, пытался организовать «революционную армию» хорунжий А.И. Автономов – член Большого Круга, выступавший против Каледина и переходящий теперь от парламентской оппозиции к вооруженной борьбе. А из Петрограда пристально следил за развитием событий на Юге и сам В.И. Ленин...

Стратегический план сопротивления большевизму, складывавшийся у генерала А.М. Каледина в течение декабря 1917 года, представляется следующим: основной фронт с опорными центрами в Киеве, Харькове (там предполагалось разместить объединенное правительство) и Новочеркасске, с Кубанью и Терексом в качестве тылового района, и очаг борьбы в Оренбурге с опорой на относительно спокойную Уральскую Область и назначением двигаться к Волге; картина, которую удалось, и то на краткий срок, реализовать лишь летом 1919 года, ценою многих жертв и дорого обошедшегося народу разочарования в большевизмских обещаниях. Пока же этого разочарования еще не наступило, широкомасштабные проекты военного строительства оставались обреченными на неудачу.

Позиция, занятая А.М. Калединым и его последний призыв к донцам 28-го января, хотя и были окрашены горечью, однако сохранили и уверенность в том, что сопротивление захватчикам возможно и необходимо. Нет иллюзий, но нет и капитулянтства. Есть сознание опасности во всей ее полноте, но есть и стремление противостоять ей. И есть непоколебимая уверенность, что на атаманском посту нужно оставаться до конца.

Однако развязка наступит гораздо быстрее, чем об этом можно догадываться даже из последнего воззвания атамана Каледина.

Уже на следующий день позиция генерала изменится решительно и окончательно: он узнает, что не сказавший на совещании ни да, ни нет генерал А.С. Лукомский, вернувшись в Ростов, 27 января, по собственному его признанию, «доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения»...

И на основании этого Л.Г. Корнилов, очевидно поколебавшись еще около суток, пишет телеграмму атаману, запомнившуюся М.П. Богаевскому так: «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А я согласиться на это не могу». В штабе Корнилова уже было решено двигаться на Кубань: Добровольческая армия отходила на следующую линию обороны, и положение Каледина, никуда уходить не собиравшегося, становилось однозначно безвыходным.

Казаки не поднимаются, «формирования дружин идут очень вяло», поступают панические сообщения, «что последние казачьи части, защищающие Новочеркасск с востока, ушли с фронта и что через часа два или три войдут большевики», – и, по воспоминаниям одного из офицеров штаба походного атамана, после приказа Корнилова находившемуся под Новочеркасском офицерскому батальону «уходить и присоединиться к армии» «на «северном фронте» оставалось бойцов ровно столько, сколько карт в колоде 52 человека. Проигранная игра; а ставкой в ней был Дон».

И перед старым генералом, в эти последние недели уже обротившим: «Круга мы не дождемся, надо кончать дело», необходимость эта – «кончать дело», – встала неотвратимо и насущно.

Телеграмма Л.Г. Корнилова, по свидетельству А.И. Деникина, составленная 28 января, должна была прийти в Новочеркасск ночью или рано утром 29-го, и А.М. Каледин немедленно собирает срочное заседание правительства, а явившийся незадолго до этого с обычным докладом или вызванный специально начальнику штаба походного атамана В.И. Сидорин выслушивает последние оперативные распоряжения, весьма неожиданные в устах героя Луцка и Ростова: «Части добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова; перед донскими партизанами, на Сулинском фронте, встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков. Это недопустимо ни при каких условиях. Прикажите партизанам не стрелять. Больше ни одного выстрела! Объявите мое приказание, что каждый партизан, всякий отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из них хочет, может присоединяться к добровольческой армии; кто хочет – может пе-

рейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергнуть город всем ужасам гражданской войны».

Сделав затем собравшимся членам правительства «спокойный и беспристрастный» доклад об окончательно разразившейся катастрофе, А.М. Каледин произнес ключевые слова, свою запись которых М.П. Богаевский назвал «почти буквальной»: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю». Распустив правительство и уничтожив последние предназначенные к тому документы, генерал А.М. Каледин выстрелом из пистолета покончил с собой.

В исторической литературе существует много объяснений и интерпретаций последнего поступка Каледина: от проявления слабости, малодушия, отчаяния – до трезвого, хотя и страшного в выборе средства, расчета. Слишком велик был соблазн превратить «калединский выстрел» в «калединский сполох» – сигнал тревоги, гневный и горький упрек казачеству, после которого якобы началось отрезвление и возвращение Дона на путь борьбы с большевизмом. Следует, однако, сказать, что последнее вовсе не соответствует истине. Вступивший в исполнение обязанностей Войскового атамана генерал А.М. Назаров за две недели своего атаманства испил ту же горькую чашу, что и его предшественник, был брошен отказавшимися от борьбы казаками на произвол судьбы, мужественно дождался прихода в Новочеркасск предводителей Н.М. Голубовым войск Донского ревкома и был убит.

Старые сослуживцы генерала А.М. Каледина по 12-й кавалерийской дивизии, собравшиеся на Дону и в начале 1919 года сформировавшие Сводный кавалерийский полк, назвали его именем своего любимого начальника, а на острие наступления Донской армии сражался легкий бронепоезд «Атаман Каледин»...

КАППЕЛЬ

Владимир Оскарович

(1883–1920)

Выдающийся русский полководец Владимир Оскарович Каппель получил известность в 1918 году, когда во главе Народной армии Комуча в ходе ряда дерзких боев сумел отбить у красных Казань. Легендарная личность в Белом движении. Но начав как герой, он закончил как мученик...

Отец В.О. Каппеля Оскар Павлович был участником походов в Туркестан под предводительством генерала М.Г. Черняева, а мать, Елена Петровна, происходила из семьи генерала П.И. Постольского – героя обороны Севастополя.

В.О. Каппель продолжил семейную традицию, в 1903 году он окончил Николаевское кавалерийское училище и был направлен служить в 54-й драгунский Новомиргородский полк. В начале 1906 года был произведен в поручики, в годы Первой русской революции он участвовал в разгроме террористических формирований в Пермской губернии. Затем продолжил службу в полку. В 1913 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, а за успехи в изучении военных наук был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Первую мировую войну В.О. Каппель начал как обер-офицер для поручений в штабе 5-го армейского корпуса, в котором прослужил до февраля 1915 года. В это время он стал участником победоносной Галицийской битвы, в ходе которой австрийцы потерпели крупное поражение, и оборонительных боев у Варшавы, где были остановлены германские войска. Затем на должности старшего адъютанта служил в штабах ряда казачьих и кавалерийских дивизий и корпусов, а одно время временно замещал должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии. В марте 1916 года капитан Каппель был прикомандирован к Управлению генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, где участвовал в детальной проработке плана крупномасштабного наступления, вошедшего в историю как Брусиловский прорыв. В августе 1916 года Каппель был произведен в подполковники и занял

должность помощника начальника оперативного отделения. На этой должности он и встретил Февральскую революцию.

Будучи кадровым офицером, а по убеждениям – монархистом, В.О. Каппель весьма тяжело воспринял революционные события. Но, как и многие другие военные, он руководствовался принципом, согласно которому армия должна находиться вне политики, а потому присягнул на верность новой власти: в час тяжелейшей войны необходимо сделать все, чтобы дать отпор врагу внешнему. К сожалению, Временное правительство не только не приложило необходимых усилий для поддержания боеспособности вооруженных сил, но и само способствовало их разложению. Не удивительно, что в офицерской среде начали нарастать требования порядка и законности, которые в то время назывались «контрреволюционными». Одной из видных фигур офицерской «оппозиции» стал Л.Г. Корнилов, который в ходе своего неудачного выступления в конце августа стремился силой восстановить порядок в столице. Вряд ли Каппель был активно вовлечен в подготовку этого выступления, но, несомненно, он всецело сочувствовал чаяниям русских патриотов. Интересно, что согласно заявлению солдат 3-го ординарческого эскадрона (располагался при штабе Юго-западного фронта), В.О. Каппель в числе других (А.И. Деникин, С.Г. Марков и пр.) был назван приверженцем «старого, монархического строя, несомненным участником контрреволюционного заговора». Однако арестован не был, и, более того, начал исполнять обязанности начальника оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера штаба фронта. Впрочем, в период фактически полного развала армии никакой реальной боевой работы фронтовое начальство вести не могло.

В начале октября 1917 года В.О. Каппель взял отпуск (официально по болезни) и уехал к родным в Пермь. Уже у себя дома он пережил Октябрьскую революцию, разгон Учредительного собрания, демобилизацию русской армии, заключение большевиками Брестского мира, первые шаги строительства «военного коммунизма». Для Каппеля развал страны и начавшаяся смута стали в первую очередь личной трагедией.

Жесткая политика большевиков оттолкнула от них многие слои населения. Если на юге благодаря усилиям Л.Г. Корнилова и М.В. Алексева формировалась Добровольческая армия, то по всей стране действовали различные тайные офицерские организации. Существовали они в Поволжье, где весной 1918 года активную подпольную работу разворачивала также партия социалистов-революционеров (эсеры), получившая большинство при выборе в Учредительное собрание.

Одновременно собственные вооруженные силы формировали и большевики. В частности, в штабе Приволжского военного округа (Самара) предполагалось создать армию, которая предназначалась для борьбы с германцами, если они вдруг начнут продвижение вглубь страны. На сотрудничество согласились многие кадровые офицеры, полагавшие, что они будут стоять на защите страны. Для кого-то это был способ выживания в сложившихся условиях, кто-то боялся за собственную семью, которая находилась в заложниках, а те, кто входили в состав тайных военных организаций, не без оснований полагали, что таким образом они получают контроль над большевистской военной машиной. Неизвестно, какими соображениями руководствовался Каппель, когда пошел на службу в Красную Армию. Однако весьма интересно отметить, что от предложенной ему должности заведующего отделом штаба округа он отказался.

В конце мая 1918 года грянуло восстание Чехословацкого корпуса, когда под его контролем оказалась большая часть территории России – от Пензы до Владивостока. Быстро активизировались и различные подпольные организации. 8 июня чехословацкие силы взяли Самару, где власть захватил Комитет членов Учредительного собрания (состоявший из эсеров). Тогда же началось и формирование Народной армии, которая на первых порах состояла из добровольцев. Среди них оказался и Каппель. Уже через несколько дней он добровольно вызвался командовать 1-й добровольческой Самарской дружиной, заявив: «...Я монархист по убеждениям, но встану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками...».

Опыт службы на уровне «дивизия – корпус» в кавалерийских частях как никогда пригодился молодому подполковнику в условиях Гражданской войны. Он быстро сумел понять ее особенности: значение маневренности, быстроты, постоянной активности, изматывающей врага. Каппель на практике воплотил такие суворовские принципы, как «глазомер, быстрота и натиск». При этом он постоянно находился среди простых солдат, на передовой. Как вспоминал служивший с ним полковник В.О. Вырыпаев: «...Добровольцы отряда, видя своего начальника все время перед глазами, живущего с ними одной жизнью, с каждым днем все более и более привязывались к Каппелю. Переживая сообща радость и горе, они полюбили его и готовы были для него на все, не щадя своей жизни...».

Более того, Каппель проявил глубокое понимание психологии гражданской войны. Он утверждал: «...Гражданская война – это не то, что война с внешним врагом... Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг если не погубит, то

сильно повредит делу... В Гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения... И кроме того, раз мы честно любим Родину, нам нужно забыть о том, кто из нас и кем был до революции...». Неудивительно, что попавших в плен простых красноармейцев Каппель обычно разоружал и распускал по домам.

Результаты подобного управления сказались очень скоро. Уже 11 июня в ходе дерзкой атаки была взята Сызрань: население с ликованием встретило войска В.О. Каппеля. Затем его отряд был передвинут вверх по Волге, где он очистил от противника ряд деревень напротив Ставрополя. Потом подполковник снова оказался под Сызранью, где разбил красную Пензенскую пехотную дивизию и захватил Бутуруслан и Бузулук. В середине июля вместе с приданными подразделениями чехословаков Каппель начал наступление на Симбирск. Его оборонял отряд известного красного героя Гражданской войны Г.Д. Гая: под его началом находилось около 2 тыс. человек и сильная артиллерия. Каппель пошел на военную хитрость: чехословацкие legionеры, двигавшиеся по Волге на пароходах, отвлекли внимание врага, в то время как сам подполковник 21 июля сделал резкий бросок и с тыла захватил город. Население приветствовало его войска цветами. Через несколько дней дружина Каппеля была развернута в дивизию (около 3 тыс. человек).

Слава В.О. Каппеля быстро распространялась по Поволжью. В одной большевистской газете его даже называли «маленьким Наполеоном», а противник назначил награду за его поимку в 50 тыс. рублей. Яркие победы каппелевцев на фоне общего подъема антибольшевистского движения заставили командование красных обратить повышенное внимание на события на Востоке: в спешном порядке в районе Симбирска и Самары была сформирована армия М.Н. Тухачевского, а у Казани усиливалась 5-я армия под непосредственным руководством командующего Восточным фронтом И.И. Вацетиса.

В августе 1918 года Главный штаб белых в Самаре планировал активно наступать в юго-западном направлении: захватить Саратов и объединить усилия с восставшими уральцами. Каппель же настаивал, что необходимо двигаться на северо-запад, занять крупные промышленные центры, а затем идти на Москву. Военное руководство в Самаре согласилось лишь на проведение демонстрации против Казани. Однако задача была перевыполнена: утром 6 августа Каппель с тыла ворвался в город, чем вызвал переполох в стане противника. К вечеру следующего дня Казань была взята. Ни численное превосходство, ни имеющаяся сильная артиллерия не помогли Красной Армии, чьи части в большинстве

просто бежали (исключение составил занявший упорную оборону 5-й Латышский полк). Потери же Каппеля составили 25 человек, и в его руках остались огромное количество военного имущества и большая часть золотого запаса Российской империи (650 млн золотых рублей), которая была поспешно вывезена и стала финансовой основой деятельности Белого движения. Более того, на сторону Народной армии в полном составе перешла находившаяся здесь Академия Генштаба, а казанская победа способствовала успеху Ижевско-Воткинского восстания рабочих против советской власти. Казань стала самой западной точкой, до которой удалось дойти белым войскам на Восточном фронте. Не менее удачно протекали оборонительные сражения на реке Тобол (против 5-й армии РККА).

Однако эти частные успехи ничего не решали. Попытка удержать Омск закончилась для белых катастрофой. По приказу Колчака командующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров был арестован и заменен В.О. Каппелем, который здраво оценил обстановку, предложив отвести войска за Енисей для переформирования и последующего контрудара. В один кулак он сумел сосредоточить все сохранившие боеспособность части – остатки 1-го Поволжского корпуса, ижевских и воткинских бригад, отдельные отряды оренбургских казаков.

В январе 1920 года все это разномастное войско гордо именовало себя каппелевцами и с боями пробивалось вдоль железной дороги на восток по старому Сибирскому тракту. По аналогии с походом Корнилова на Екатеринодар марш этот именовался Великим Сибирским Ледяным походом. При этом на хвосте у Каппеля висела 5-я армия М.Н. Тухачевского, с фронта и с флангов атаковали отряды сибирских партизан. Бойцы мерзли и умирали от тифа, а со всех сторон грозили предательство и измена. С большим трудом добравшись до Красноярска, Каппель узнал, что в городе началось восстание рабочих...

В довершение всего, как предел наглости и самоуправства чехословаков, вскоре генералом В.О. Каппелем была получена из Нижнеудинска телеграмма от адмирала А.В. Колчака. В ней сообщалось, что для пропуска чехословацких эшелонов движение русских поездов полностью остановлено и что чехословаки силой забрали два паровоза из эшелонов адмирала.

Перед генералом В.О. Каппелем встал вопрос: что делать? На стороне чехов были союзники во главе с французским генералом М. Жаненом. Выступать против чехов с оружием? Это бы открыло новый фронт, и еще более осложнило положение адмирала А.В. Колчака, находящегося в их руках...

В отчаянии Каппель шлет тревожную телеграмму командующему чешскими войсками генералу Я. Сыровому, копии – адмиралу А.В. Колчаку, а также главнокомандующим союзными войсками генералам М. Жанену, А. Ноксу, Оою Сигэмото, атаману Г.М. Семёнову и другим:

«...Сейчас мною получено извещение, что в силу вашего распоряжения об остановке движения всех русских эшелонов, задержан на станции Нижнеудинск поезд Верховного Правителя, с попыткой отобрать у него силой паровоз. При этом Верховному Правителю был нанесен ряд оскорблений. В силу этого же распоряжения уже потеряно 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте солдат и офицеров.

Я, как Главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным Правителем за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного Правителя, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя вправе вовлечь измученный русский народ и его армию в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе, уважая друг друга, дрались в одних рядах, решились нанести оскорбление Русской армии и ее Верховному Главнокомандующему, то я, как ее Главнокомандующий, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной.

Главнокомандующий армиями восточного фронта, Генерального штаба Генерал-лейтенант Каппель».

Посылая эту телеграмму, В.О. Каппель наивно полагал, что имеет дело с порядочными людьми, офицерами долга и чести, но и на этот раз он горько ошибся. Ответа на телеграмму не последовало.

23 января во время 100-километрового перехода по замерзшей реке Кан сани, в которых ехал В.О. Каппель, провалились под лед. Вытащенный из воды на 30-градусном морозе генерал продолжил путь, даже не сменив обуви. Обмороженные пальцы пришлось ампутировать, однако уже на следующий день после операции (проведенной без наркоза) Каппель отдал свои сани раненым и продолжил путь верхом.

Под Нижнеудинском произошел его последний бой с партизанами и частями Восточно-Сибирской Красной Армии. В очередной раз красные были опрокинуты, но к тому времени от полученного переохлаждения Каппель уже заболел тифом и воспалением легких. Выбравшись к железной дороге, бойцы погрузили своего командира в один из проходивших румынских эшелонов. Здесь

Могила В.О. Каппеля на кладбище Донского монастыря (13 января 2007 года прах генерала Каппеля был перезахоронен на кладбище Донского монастыря — у южной его стены — рядом с могилами генерала А.И. Деникина и философа И.А. Ильина)

Владимир Оскарович Каппель и скончался 26 января 1920 года. Тело генерала было перевезено в Читу и там с большим почетом и при огромном стечении народа временно захоронено.

В Чите весной 1920 года каппелевцы в последний раз столкнулись с генералом Я. Сыровым. Финальный инцидент произошел в его штабном вагоне. Есаул А. Котомкин, бывший в то время связным между атаманом Г.М. Семёновым и чехословаками, находившийся во время этого инцидента в штабе, вспоминал: «...У вагона остановился конный вестовой... с казенным пакетом в руках... и на желание адъютанта, капитана Skeцеля, принять от него этот пакет, молодцевато ответил, что ему приказано передать его лично в руки Его Превосходительства Генерала Сырового! Сыровый поднялся и принял пакет. Отдав честь по-воински, вестовой удалился. Сыровый вскрыл пакет... и к нашему удивлению из пакета посыпались серебряные монеты. То бледнея, то краснея, Сыровый прочел содержание бумаги и затем-то передал ее мне. Я взял бумагу, в которой приблизительно стояло следующее: "...Командующему Чехословацкими Войсками генералу Сыровому... Офицеры и солдаты Ижевской и Боткинской дивизий – посылают генералу Яну Сыровому тридцать серебряников – цена крови иуды предателя..."»¹⁴.

КОЛЧАК Александр Васильевич (1874–1920)

Родоначальник Колчаков (фамилию можно перевести с турецкого как «рукавица») был уроженцем Боснии, не то сербом, не то хорватом по национальности. Приняв мусульманство, он со временем дослужился до должности наместника Хотинской крепости и даже

¹⁴ Котомкин А.Е. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. – Париж, 1927. – С. 148–149.

до высшего в Османской империи звания визиря. В 1739 году войска фельдмаршала Б.Х. Миниха овладели Хотинем, и Колчак-паша в качестве пленника был отправлен в Петербург. После заключения мира он получил свободу, но, справедливо решив, что в Турции ничего кроме удавки его не ожидает, предпочел осесть во владениях своего друга и союзника польского гетмана Потоцкого.

Со временем земли эти вошли в состав России, и в 1803 году правнук экс-визиря Лукьян Колчак был зачислен сотником в Бугское казачье войско. Внук его, Василий Иванович, избрал флотскую карьеру, принимал участие в обороне Севастополя и даже побывал во французском плену. В 1873 году, будучи уже одним из начальников Обуховского сталелитейного завода, он женился на 18-летней Ольге Ильиничне Посоховой, происходившей из донских казаков и херсонских дворян. 4 ноября 1874 году в Петербурге от этого брака родился сын – Александр.

Будущий Верховный правитель России в 1894 году окончил Морской кадетский корпус в звании мичмана и вскоре на броненосном крейсере «Рюрик» отправился в свое первое плавание, на Дальний Восток. Молодой офицер с увлечением занимался гидрологией и океанографией, благодаря чему добился назначения в полярную экспедицию барона Э.В. Толля, которой предстояло на шхуне «Заря» пройти по Северному морскому пути.

Весной 1902 года барон Э.В. Толль с тремя спутниками принял отчаянную попытку пешком достигнуть мифической «земли Санникова». По приказу начальника А.В. Колчак довел потрепанную «Зарю» до устья Тикси, а через год возглавил спасательную экспедицию, которая, пройдя по следам Толля, добыла бесспорные доказательства гибели его группы.

Вернувшегося на материк Колчака уже ждала его невеста – Софья Федоровна Омирова. 5 марта 1904 года в Иркутске состоялась их свадьба. Правда, медового месяца у молодоженов не получилось. В связи с начавшейся войной против Японии Колчак отбыл в район боевых действий. В течение последующих 9 месяцев он находился в осажденном Порт-Артуре: командовал минным заградителем «Амур», миноносцем «Сердитый», затем сражался на суше в качестве артиллерийского офицера. После падения крепости оказался в плену, однако не чуждый джентльменства противник позволил всем больным и раненым офицерам вернуться домой.

В начале 1906 года новоиспеченный капитан-лейтенант А.В. Колчак сделал в Географическом обществе доклад о своей полярной экспедиции, через 3 года вышла в свет написанная им монография «Лед Карского и Сибирского морей». Колчак стал заметной

фигурой в мире науки, а на карте Таймыра появились мыс и остров его имени (в конце 1930-х спохватившиеся советские власти переименовали мыс в Случевский, в честь популярного писателя, а остров – в Расторгуев, по фамилии одного из матросов «Зари»). В 1909–1910 годах Колчак руководил еще одной полярной экспедицией – на транспортах «Таймыр» и «Вайгач», но это был уже своеобразный эпилог его арктической деятельности.

Во время Первой мировой войны капитан 1 ранга А.В. Колчак фактически стал правой рукой командующих Балтийским флотом Н.О. Эссена и его преемника В.А. Канина. В апреле 1916 года он был произведен в контр-, а уже через месяц – в вице-адмиралы и назначен на должность командующего Черноморским флотом. В короткое время ему удалось значительно уменьшить активность турецко-германских судов на южном театре военных действий и подготовить операцию по захвату Босфора. В случае успеха это предприятие могло радикально изменить ход войны, но Февральская революция спутала все карты.

6 июня 1917 году собрание моряков-черноморцев вынесло решение об аресте своего командующего. Впрочем, до ареста дело не дошло, но для А.В. Колчака стала очевидной бесполезность каки-либо попыток спасти флот от разложения. Он отбыл в Петроград, а затем во главе специальной морской миссии – в Лондон.

Будучи ярым сторонником войны до победного конца, А.В. Колчак не принял ни Октябрьскую революцию, ни мир с немцами. Ища применения своей нерастроченной энергии, он за сравнительно небольшой промежуток времени посетил Англию, Соединенные Штаты, Китай и Японию. В Стране восходящего солнца увлекся буддизмом и самурайской философией. При этом за время своих заграничных скитаний Колчак обзавелся неплохими связями в дипломатических и военных кругах союзных держав, что сыграло огромную роль в его дальнейшей судьбе.

В сентябре 1918 года Колчак прибыл во Владивосток. В это же время в Уфе при поддержке восставшего против Советов Чехословацкого корпуса было сформировано эсэро-кадетское правительство Директории. Новая власть переехала в Омск и вскоре была признана на большей части освобожденных от большевиков территорий Сибири и Дальнего Востока. Однако в реальности это правительство не пользовалось авторитетом у союзников, а у казаков и монархически настроенного офицерства вызывало настоящее раздражение.

17 ноября при поддержке союзников в Омске произошел «правый» переворот. Директория была свергнута, а министры-социалисты арестованы или ушли в подполье. Вплоть до созыва

Александр Васильевич Колчак

Всероссийского Учредительного собрания Колчак получал звание Верховного правителя России и наделялся диктаторскими полномочиями. Кроме того, он был произведен в очередное воинское звание – адмирала.

Среди всех находившихся в Сибири военных деятелей А.В. Колчак являлся наиболее популярной и авторитетной фигурой. В течение последующего года другие вожди белогвардейщины (А.И. Деникин, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич) также признали его в качестве Верховного правителя, что способствовало укреплению антибольшевистского фронта. Бывший царский министр С.Д. Сазонов, называвший Колчака «русским Вашингтоном», незамедлительно стал его официальным представителем во Франции. В Лондоне и в Париже Колчаку расточали похвалы. Сэр С. Хор объявил во всеуслышание, что он – «джентльмен». У. Черчилль утверждал, что Колчак «честен», «неподкупен», «умен» и «патриот». «Нью-Йорк таймс» видела в нем «сильного и честного человека», опирающегося на «прочное и более или менее представительное правительство».

За короткое время А.В. Колчаку удалось наладить на подконтрольной территории систему собственных административных органов, создать мощную регулярную армию и более или менее восстановить разрушенное войной хозяйство. Поставившие на Колчака союзники, а в особенности англичане, щедро снабжали его боеприпасами, оружием и деньгами. «Мы отправили в Сибирь, – гордо сообщал командующий английскими войсками в Сибири генерал А. Нокс, – сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни тысяч комплектов обмундирования и пулеметных лент и т. д. Каждая пуля, выпущенная русскими солдатами в большевиков в течение этого года, была изготовлена в Англии, английскими рабочими, из английского сырья и доставлена во Владивосток в английских трюмах».

Тем не менее все эти плюсы перевешивались гораздо более внушительными минусами. Не имея опыта командования полевыми армиями, Колчак был вынужден передоверить ведение боевых действий своим генералам, среди которых имелись талантливые самородки, но не было ни одного, кто имел бы за спиной опыт командования крупными соединениями в Первой мировой войне (цвет русского офицерства и генералитета находился на Юге, у Деникина). Проводимые массовые мобилизации и реквизиции вели к недовольству населения и появлению красных партизанских отрядов.

Командующий американскими экспедиционными силами в Сибири генерал У.С. Грейвс, которого трудно заподозрить в симпатии к большевикам, не разделял восторга союзников в отноше-

нии А.В. Колчака. Каждый день офицеры его разведки снабжали его новыми сведениями о царстве террора, которое учредил Верховный правитель России. В армии адмирала было 100 тыс. солдат, и новые тысячи людей вербовались в нее под угрозой расстрела. Тюрмы и концентрационные лагеря были набиты до отказа. Сотни русских, осмелившихся не подчиниться новому диктатору, висели на деревьях и телеграфных столбах вдоль Сибирской железной дороги. Многие покоились в общих могилах, которые им приказывали копать перед тем, как колчаковские палачи уничтожали их пулеметным огнем. Убийства и грабежи стали повседневным явлением.

Жестокие репрессии против восставших лишь усугубляли ситуацию и впоследствии легли темным пятном на репутацию Верховного. Что касается помощи союзников, то она носила отнюдь не альтруистический характер и объяснялась надеждами на будущие концессии и торговые привилегии. Наконец, сами союзники вели между собой борьбу за сферы влияния. При этом Колчак имел репутацию ставленника англичан и американцев. Неудивительно, что их оппоненты, японцы, предпочитали поддерживать свою креатуру – атамана Г.М. Семёнова, который хотя и признавал власть верховного, но «де-факто» основал собственное «сибирское царство» со столицей в Чите. Наконец, войска союзников в Сибири (в том числе многочисленные чехословацкие части) имели собственного командующего в лице французского генерала М. Жанена, чьи отношения с Колчаком можно охарактеризовать как весьма прохладные.

Едва заступив на пост Верховного правителя, А.В. Колчак был объявлен «злейшим и опаснейшим врагом» советской власти. Уже в ходе зимы 1918–1919 годов его войска обменялись ощутимыми контрударами с армиями красного Восточного фронта. В декабре белогвардейский корпус А.Н. Пепеляева овладел Пермью. В ответ красные предприняли наступление на юге и под новый год взяли Уфу. Решающий поединок был отложен до весны. К этому времени войска Колчака насчитывали 137 тыс. штыков, силы красных – 125 тысяч.

В ходе нового наступления белых в марте – апреле 1919 года действовавшая на Севере Сибирская армия чешского генерала Р. Гайды заняла Сарапул и Ижевск, на юге Западная армия М.В. Ханжина отбила Уфу, взяла Бугульму и Белебей, но уже 1 мая Южная группа красных под командованием М.В. Фрунзе нанесла мощный контрудар по войскам Ханжина. Этот удар решил судьбу кампании...

В течение лета и осени 1919 года колчаковские войска с боями отходили на восток. 12 ноября эшелон с Верховным правителем

выехал из Омска в Иркутск. Из-за хаоса на Транссибирской магистрали лишь 27 декабря он добрался до Нижнеудинска (в 500 км от Иркутска), и в тот же день красные подняли здесь восстание. Вступив в переговоры с большевиками, белочехи объявили станцию нейтральной территорией. Отцепив от поезда А.В. Колчака паровоз, бывшие союзники фактически взяли адмирала под арест. Подоплека дальнейших событий не совсем ясна, но, судя по всему, в обмен на Колчака чехам был обещан беспрепятственный выезд из страны со всем награбленным в России добром.

5 января 1920 года адмирал подписал указ о передаче своих полномочий Верховного правителя генералу А.И. Деникину. Вагон с Колчаком был прицеплен к эшелону 6-го чехословацкого полка и доставлен в Иркутск, власть над которым уже находилась в руках весьма пестрой компании из большевиков, меньшевиков и эсеров. Несмотря на огромную разницу во взглядах, все они имели причины посчитаться с бывшим Верховным. Для расследования его деятельности была создана специальная следственная комиссия, работавшая в течение трех недель.

Между тем на выручку плененному Колчаку бросились отряды генерала С.Н. Войцеховского. 30 января его 5-тысячное войско начало наступление на Иркутск. Угроза возможного освобождения адмирала стала вполне реальной и заставила следователей поторопиться. В ночь на 7 февраля А.В. Колчак и глава сибирского правительства В.Н. Пепеляев (брат белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева) были расстреляны на берегу Ангары. Тела казненных палачи спустили под лед.

Спутница последних дней Колчака и его любовница Анна Васильевна Тимирева избегла столь трагической участи. За былую близость к адмиралу она много лет мыкалась по советским лагерям, но в конце концов была реабилитирована и скончалась в 1975 году в возрасте 82 лет. Жена адмирала Софья Федоровна и его сын Ростислав еще в 1919 году были вывезены союзниками из Севастополя и впоследствии осели во Франции. В настоящее время в Париже живет внук Верховного правителя Александр Ростиславович Колчак.

Есть много общего в гибели А.В. Колчака и семьи Николая II. В газете «Версия» № 17 за 2004 год опубликовано интервью профессора, доктора исторических наук В.Г. Сироткина, в котором речь идет о «русском золоте», находящемся за границей и незаконно присвоенном «союзниками»¹⁵. Это золото состоит из трех частей – «царской», «колчаковской» и «большевистской».

¹⁵ См.: *Богданов К.А.* Колчак. – СПб., 1993. – С. 121; *Новиков И.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. – М., 2005. – С. 183; *Сахаров К.* Белая Сибирь //

Царская часть включает в себя:

1) золото, добытое на приисках и пиратски захваченное Японией в марте 1917-го во Владивостоке;

2) не менее десяти пароходов драгоценного металла, отправленных русским правительством в 1908–1913 годах в США на создание международной валютной системы. Там оно и осталось, а проекту помешала «случайно» начавшаяся Первая мировая война;

3) примерно 150 чемоданов с драгоценностями царской семьи, уплывших в январе 1917 года в Англию.

И вот «союзные» спецслужбы руками большевиков организовали ликвидацию всей царской семьи. Это жирная точка в истории «царского» золота. Его можно не отдавать, и отчета более спросить некому.

Второй по размерам частью русского золота является золото «колчаковское» – это средства, направленные в Японию, Англию и США на закупку вооружения. Своих обязательств перед А.В. Колчаком не выполнили как японцы, так и правительства Англии и США. Сегодня только золото, переданное Японии, тянет на сумму около 80 млрд долларов. Те, кто не верит в политику, поверьте в экономику! Продать и предать Белое движение было очень выгодно.

Именно так и поступили с ним генерал М. Жанен и белочехи, а если быть совсем точным – обменяли. За выдачу А.В. Колчака красные разрешили чехословакам увезти с собой одну треть золотого запаса российской казны, хранимой адмиралом. Эти деньги лягут потом в основу золотого запаса независимой Чехословакии. Ситуация та же – физическое уничтожение Колчака ставило точку в финансовых взаимоотношениях Антанты с белыми правительствами. Нет Колчака, некому спросить отчета.

Заметьте, что белогвардейское золото было именно колчаковским, а не деникинским, не красновским и не врангелевским. Сопоставим факты, и «бриллиант» предательства союзников засверкает еще одной гранью. Никто из белых руководителей не был выдан красным и не погиб во время Гражданской войны, за исключением Корнилова, погибшего в бою. А.И. Деникин уехал в Англию, П.Н. Краснов – в Германию, П.Н. Врангель эвакуировался из Крыма вместе с остатками своей разбитой армии. Погиб только адмирал А.В. Колчак, распоряжавшийся огромным золотым запасом.

Восточный фронт адмирала Колчака. – М., 2004. – С. 120; Семенов Г.М. Атаман Семенов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. – М., 2007. – С. 186.

Справедливости ради скажем, что факт гибели Колчака был настолько вопиющим, что вызвал нешуточный резонанс. Правительством союзников пришлось даже создать особую комиссию для расследования действий генерала М. Жанена. «Однако дело ничем не кончилось, – пишет великий князь Александр Михайлович. – На все вопросы генерал Жанен отвечал фразой, которая ставила допрашивавших в неловкое положение: “Я должен повторить, господа, что с Его Величеством Императором Николаем II поцеремонились еще меньше”».

Не зря упоминал французский генерал о судьбе Николая Романова. Приложил генерал М. Жанен свою руку и к исчезновению материалов об убийстве царской семьи. Первая их часть «загадочно» исчезла по дороге из России в Великобританию. Это, так сказать, вклад английской разведки.

Французы вносят в эту темную историю свою лепту. Уже после смерти Колчака, в начале марта 1920 года, в Харбине состоялась встреча основных участников расследования: генералов М.К. Дитерихса и Н.А. Лохвицкого, следователя Н.А. Соколова, англичанина Р. Вильтона и учителя царевича Алексея П. Жильяра. Собранные Соколовым вещественные доказательства и все материалы следствия находились в вагоне британца Вильтона, имевшего дипломатический статус. Решался вопрос об отправке их за границу. В этот момент, как по заказу, на КВЖД вспыхнула забастовка. Обстановка накалилась, и даже выступавший против увоза материалов генерал Дитерихс согласился с мнением остальных. Письменно обратившись к генералу Жанену, участники импровизированного совещания просили его обеспечить сохранность документов и останков царской семьи, находившихся в специальном сундуке. В нем кости, фрагменты тел. Из-за отступления белых следователь Соколов экспертизы сделать не успел. Забрать их с собой он не имеет права: следователь только тогда имеет доступ к материалам, когда он лицо официальное. Исчезает власть – исчезают и его полномочия. Не имеют никакого права на вывоз документов и реликвий и остальные участники расследования.

Единственный вариант спасти доказательства и оригиналы документов следствия – передать их М. Жанену. В середине марта 1920 года М.К. Дитерихс, Н.А. Соколов и П. Жильяр передали Жанену все имеющиеся у них материалы, предварительно сняв копии с документов. Вывезя их из России, французский генерал должен был передать их в Париже великому князю Николаю Николаевичу. К великому удивлению всей эмиграции великий князь отказался принять у Жанена материалы и останки. Мы удивляться не будем: вспомним только, что бывший главнокомандующий

русской армией великий князь Николай Николаевич в числе других «узников» охранялся отрядом матроса Ф.Л. Задорожного и был вывезен вместе со всеми на британском дредноуте в Европу. Именно таких покладистых членов семьи Романовых и спасли от гибели.

После отказа Романова принять реликвии генерал М. Жанен не нашел ничего лучшего, как передать их в руки... бывшего посла Временного правительства М.Н. Гирса. После этого документов и останков больше никто никогда не видел, а их дальнейшая судьба точно неизвестна.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870–1918)

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 года в станице Каркаралинская в семье отставного хорунжего. Окончив по месту жительства приходскую школу, в возрасте 13 лет с большим трудом сдал экзамен в Сибирский кадетский корпус (в Омске). Пробелы в образовании ликвидировал при помощи упорных занятий, благодаря чему в 1889 году закончил военно-учебное заведение первым учеником на курсе. Вскоре его как наиболее способного из кадет определили в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге.

Уже в училище Л.Г. Корнилов явно выделялся среди сокурсников своими радикальными взглядами и вскоре стал вожаком юнкеров. Конфликт с одним из преподавателей грозил ему отчислением, от которого спасло лишь покровительство начальника училища.

В 1892 году Л.Г. Корнилов получил звание подпоручика и был направлен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Через три года блестяще сдал экзамены в Николаевскую академию Гене-

рального штаба, которую закончил в 1898 году с серебряной медалью. Возвратился в Среднюю Азию и служил штабным офицером Туркестанского военного округа. С 1901 года командовал 4-й линейной бригадой на границе Бухарского эмирата и Афганистана.

Русско-японская война застала Л.Г. Корнилова в Главном штабе. Он участвовал в сражениях при Сандепу, под Мукденом и Телином. В феврале 1905 года 1-я стрелковая бригада была окружена около местечка Вазые. Положение спас начштаба бригады Корнилов: возглавив ночную атаку, он с тремя полками и ранеными вырвался из окружения. За этот подвиг он получил первую награду – орден Св. Георгия 4-й степени, а также звание полковника.

В 1907–1911 годах Л.Г. Корнилов занимал должность военного атташе в Китае. Вернувшись на Родину, командовал Эстляндским пехотным полком под Варшавой, затем получил новое назначение в Заамурский пограничный округ на должность начальника отряда пограничной стражи. Однако вскоре из-за столкновения с будущим премьер-министром В.Н. Коковцевым, курировавшим в то время пограничную стражу, подал рапорт о переводе в армию. Генерал-майора Корнилова переводят во Владивосток, где он исполнял обязанности командира 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

С августа 1914 года во главе 48-й пехотной дивизии Л.Г. Корнилов участвовал в боях под Львовом и за проявленную доблесть получил звание генерал-лейтенанта. Тем не менее из-за больших потерь в дивизии командарм А.А. Брусилов был недоволен действиями своего подчиненного. Осенью отряды Корнилова прорвали укрепления австро-венгров. Преследование противника было продолжено уже на западных склонах Карпат, но здесь дивизия попала в окружение. С тяжелыми боями, потеряв всю артиллерию и часть обоза, Корнилов все же сумел пробиться к своим. Однако урок не пошел впровк: в апреле 1915 года неприятель опять запер горячего комдива на высоте Хирова-гора. Штаб во главе с раненым Корниловым кинул остатки дивизии на произвол судьбы и, проплывав по лесистым карпатским горам, в конце концов сдался австрийцам. Удивительно, но главнокомандующий Юго-Западным фронтом счел действия командира дивизии достойными награды и представил его к очередному Георгию. Между тем австрийцы держали пленного генерала сначала в замке Нейгенбах близ Вены, а затем перевели в Венгрию. Первая из предпринятых Корниловым попыток побега не удалась – подкупленный кастелян замка доложил о ней охране. Видимо, это вызвало у Корнилова нервное расстройство, и его перевели в военный госпиталь, от-

куда ему удалось скрыться, переодевшись в форму австрийского солдата. Через румынскую границу он вернулся в Россию.

Побег генерала из плена был первым подобным случаем за всю войну. Л.Г. Корнилов превратился в национального героя. Николай II принял его в своей Ставке в Могилеве и наградил Георгиевским крестом за храбрость. Портреты Корнилова и интервью с ним мелькали на полосах центральных газет и журналов. Осенью 1916 года он был вновь отправлен на фронт командовать 25-м пехотным корпусом.

Головокружительная карьера уже создавшего себе рекламу генерала продолжилась и после Февральской революции. 2 марта 1917 года глава Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко назначил Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа. Генерал приветствовал новую власть, тут же заявив, что надеется на победоносное завершение войны обновленной армией.

7 марта Л.Г. Корнилов арестовывал по приказу Временного правительства царскую семью. Во время апрельского кризиса предлагал разогнать антивоенные демонстрации силой. Однако распоряжения командующего округом были саботированы собранием солдат и офицеров. После этого главнокомандующий столичного округа стал просить о возвращении в действующую армию.

Запрашиваемый пост командующего Северным фронтом Корнилов не получил, но возглавил 8-ю армию Юго-Западного фронта. Во время так называемого наступления Керенского в июне 1917 года войска Корнилова овладели городами Галич и Калуж, взяли 10 тыс. австрийцев пленными и более 100 орудий. 27 июня Корнилов был произведен в генералы от инфантерии, а 7 июля назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта.

На следующий день Л.Г. Корнилов отправил телеграмму на имя военного министра и главы правительства А.Ф. Керенского, в которой указал на необходимость наведения порядка в армии и, в первую очередь, введения смертной казни и учреждения революционно-полевых судов. Керенский незамедлительно ответил: «Приказываю остановить отступление... всеми мерами». Начались расстрелы дезертиров, были запрещены митинги и ввоз в армию большевистской литературы и газет.

Несмотря на то, что телеграммы носили секретный характер, их опубликовала газета «Русское слово». У читающей публики складывалось впечатление, что Л.Г. Корнилов хочет навести порядок, а правительство ему в этом препятствует. За пару недель вокруг генерала сложился имидж спасителя страны, со всей Рос-

сии в ставку командующего фронтом пошел поток поздравлений. Уязвленный Керенский потребовал отдать под суд людей, предавших огласке документ, но было уже поздно.

Вскоре «спаситель страны» пошел еще дальше, отметив в следующей телеграмме необходимость одновременно с репрессиями принять меры «к оздоровлению и омоложению офицерского командного состава», а также упразднить комиссаров и солдатские комитеты.

19 июля Л.Г. Корнилов был назначен верховным главнокомандующим. Первым из условий, на которых он принял столь высокий пост, была «ответственность перед собственной совестью и всем народом», а вскоре «Русское слово» напечатало полный перечень «Условий генерала Корнилова», уже откровенно пахнущих диктатурой. Власть Временного правительства Корнилов считал гибельной для России, из-за чего не раз вступал в дебаты с Керенским. Но последний никак не желал уходить со своего поста, и, более того, позволял себе высокомерный тон в разговоре с генералами. Нужно ли говорить, что такая манера общения отнюдь не поднимала авторитет Керенского среди высших офицеров. Отношения между главковерхом и главой правительства начали резко портиться.

От слов обе стороны перешли к действиям: Л.Г. Корнилов отдал приказ стянуть к Петрограду верные ему войска (3-й конный корпус, 5-ю Кавказскую «дикую» дивизию и т. д.), а А.Ф. Керенский начал «чистку» военного ведомства, где, по его мнению, засело слишком много противников Временного правительства. Министр-председатель уже всерьез подумывал о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего.

Узнав об этом, Корнилов явился в Зимний дворец с отрядом солдат и пригрозил Керенскому вооруженным восстанием в случае его смещения. Главнокомандующий не терял времени даром: он вел переговоры с представителями правых сил и предпринимателями, заручился поддержкой Союза казачьих войск и Союза георгиевских кавалеров. На Государственном Собрании в Москве борьба за власть разгорелась с новой силой: «бешеной» агитации за Корнилова не уступала речь Керенского о священности воли и власти Временного правительства в армии. К, казалось бы, логичному примирению и сплочению не привели ни успехи немцев в Прибалтике (и как следствие – прямая угроза Петрограду), ни резкое усиление позиций большевиков.

26 августа потерявший терпение Корнилов потребовал от Керенского роспуска правительства и передачи всей власти верховному главнокомандующему. Министр-председатель отказался

выполнить эти условия и приказал генералу явиться в Петроград для объяснений. Последовал обмен телеграммами со взаимными обвинениями в предательстве. Мятеж главковерха оказался быстро подавлен совместными действиями социалистических партий и верных правительству войск. Корнилов был арестован и посажен в тюрьму города Быхова. Та же участь постигла и сочувствующих ему командиров фронтов и армий. В тюрьме Корнилов не сидел сложа руки, составив «Быховскую программу», предполагавшую созыв Учредительного собрания и возрождение армии для продолжения войны с Германией.

Заточение его продолжалось недолго, после Октябрьского переворота генерал Н.Н. Духонин, заместивший на посту главнокомандующего скрывшегося от большевиков А.Ф. Керенского, приказал освободить быховских узников. В конце ноября Л.Г. Корнилов во главе верных текинцев отправляется на Дон, где уже зарождалось Белое движение.

Вместе с генералами М.В. Алексеевым и А.М. Калединым Л.Г. Корнилов вошел в состав так называемого триумvirата основателей Белого дела на Юге России. Правда, довольно быстро в этом триумvirате начались разногласия. Причиной вновь стала неумная амбициозность Корнилова и его тяга к единоличной власти.

Тем временем Красная Армия росла количественно и качественно и уже показала себя в боях за Ростов, Новочеркасск и Таганрог, тогда как и без того малочисленная Добровольческая армия таяла на глазах. Со всей остротой встал вопрос о самом существовании Белого движения. На совещании руководителей движения было решено пробиваться на Кубань, к Екатеринодару, где, по докладам разведки, все еще продолжалась борьба между сторонниками советской власти и казаками краевого правительства.

9 февраля 1918 года Добровольческая армия выступила из Ростова в Первый Кубанский (Ледовый) поход. Уже позднее некоторые из участников этого 250-километрового марша отмечали, что главной причиной страданий были не тяжелые дороги, страшная грязь, морозы и жестокие бои с красными, а осознание того, что на своей земле они чувствовали себя чужими. Местное население нередко проявляло открытую враждебность, отказывалось давать приют и продовольствие. Страсти подогревал и сам Корнилов, приказавший пленных не брать: «Чем больше террора, тем больше победы». Авторитет генерала среди добровольцев поднялся на небывалую высоту. «Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление», – писал «рядовой» офицер Р.Б. Гуль.

Лавр Георгиевич Корнилов

14 марта стало известно о захвате частями Красной Армии Екатеринодара. Отряды белых под командованием В.Л. Покровского и казаки А.П. Филимонова, оказавшись под угрозой окружения, вынуждены были отступить и позднее влились в состав Добровольческой армии.

Штаб Л.Г. Корнилова разработал довольно смелый и грамотный план взятия столицы Кубанской области с захватом складов с боеприпасами в станице Елисаветинской. 28 марта добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара, на следующий день ими были захвачены предместья. Утром 31 марта Корнилов отдал приказ о решающем штурме города. Несмотря на крайне опасное положение добровольцев, их командующий пребывал в отличном настроении и пил чай у себя в штабе.

В этот момент раздался сильный взрыв. Снаряд прямым попаданием разнес в щепки ветхое строение. Генерал был отброшен взрывной волной и придавлен обломками стола и кровати. Его, находящегося без сознания, вытащили из развалин, через час Лавр Георгиевич Корнилов скончался.

Скрыть смерть командующего не удалось, дух атакующих город добровольцев был сломлен. А.И. Деникин, взявший на себя командование армией, вечером того же дня отдал приказ об отходе от Екатеринодара.

Л.Г. Корнилов был тайно похоронен на территории немецкой колонии Гначбау, в 50 километрах от города. Большевикам все же удалось найти могилу генерала. Бойцы из отрядов И.Л. Сорокина и Ф. Золотарева отвезли труп в Екатеринодар, где попытались его повесить, однако веревка оборвалась. Несколько часов тело Корнилова валялось на площади и подвергалось надругательствам пьяной толпы. Затем останки генерала отвезли на городские бойни, где обложили соломой и сожгли, развеяв пепел по ветру.

Любая Гражданская война предполагает хаос. В моменты, когда этот хаос достигает предела, на повестку дня встает вопрос о военной диктатуре. Гражданская война во Франции породила Наполеона. Гражданская война в России выдвинула целую плеяду «несостоявшихся бонапартов» (как со стороны белых, так и со стороны красных). Честолюбец Лавр Георгиевич Корнилов вошел в летописи «как бескорыстный и самоотверженный рыцарь Белого дела». Проиграв на фронтах Гражданской войны практически все свои крупные сражения, он все же остался в памяти потомков выдающимся полководцем.

КРАСНОВ

Петр Николаевич
(1869–1947)

Петр Николаевич Краснов, лютый враг большевизма и талантливый литератор, принадлежал к очень известному казачьему дворянскому роду. Родился он 10 сентября 1869 года в Санкт-Петербурге, где в 1880 году поступил в 1-ю Петербургскую гимназию. Но мечтая о карьере военного, перевелся в Александровский кадетский корпус, закончив который в чине унтер-офицера, был зачислен в Первое военное Павловское училище.

В 1889 году П.Н. Краснов выпущен хорунжим в лейб-гвардии Атаманский полк; через 4 года повышен до сотника. Тогда же началось его становление как писателя и журналиста. В 1897 году он был назначен в российскую императорскую миссию в Эфиопию начальником конвоя. Годом позже совершил трудный переход на муле в город Джибути на северо-востоке Африки с целью доставить документы особой важности, затем не менее сложным путем отправился в Петербург. Этот марш-бросок стяжал офицеру немалую славу и принес сразу несколько наград: орден Св. Станислава 2-й степени, офицерский крест Эфиопской звезды 3-й степени и орден Почетного Легиона Франции. О своих приключениях в Африке Краснов написал книгу «Казачи в Африке: Дневник начальника конвоя российской императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.».

В 1901 году П.Н. Краснов – военный корреспондент во время Боксерского восстания в Китае. В 1904–1905 годах – военный корреспондент на театре Русско-японской войны; участвовал в боевых действиях, заслужил ордена Св. Анны 4-й степени и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1910 году Краснов дослужился до звания полковника, вместе со своим 1-м Сибирским полком стоял на Китайской границе. С 1913 года командовал 10-м Донским полком на границе с Австро-Венгрией, с которым и встретил Первую мировую войну.

В первые же дни войны за боевые заслуги П.Н. Краснов был награжден Георгиевским оружием, в ноябре 1914 года произведен

в генерал-майоры, а в мае 1915-го назначен командиром Кавказской туземной конной дивизией. Награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. С сентября 1915 года командует 2-й Сводной казачьей дивизией, принимает участие в Брусиловском прорыве.

Во время Февральской революции П.Н. Краснов участия в политике не принимал, а во время Октябрьского переворота оказался единственным из военачальников, кто откликнулся на призыв А.Ф. Керенского подавить большевистский мятеж. Но вследствие малочисленности и разложения левыми агитаторами личного состава его корпуса, попытка не удалась. Краснов был арестован большевиками, но вскоре бежал и отбыл на Дон.

Весной 1918 года на Дону вспыхнуло восстание казаков против Советской власти, и 3 мая П.Н. Краснов был избран Донским атаманом. Дон был провозглашен независимым государством, ориентированным на Германию. Это явилось причиной его конфликта с А.И. Деникиным, который ориентировался на Антанту. Однако после капитуляции Германии, Краснов согласился на объединение с Добровольческой армией.

В феврале 1919 года после поражений, понесенных от Красной Армии, П.Н. Краснов подал в отставку. Он уехал в эмиграцию в Германию, где продолжил борьбу против большевиков. Был членом Высшего монархического совета и основателем «Братства Русской Правды», которое вело подпольную борьбу против СССР.

С началом Великой Отечественной войны П.Н. Краснов обратился с воззванием к казакам с призывом поддержать Гитлера. В 1942 году предложил немецкому командованию помощь в создании казачьих частей в составе вермахта. В сентябре 1943 года Краснов возглавил Главное управление казачьих войск в фашистской Германии и участвовал в формировании казачьего соединения – так называемого Казачьего стана (отдельного корпуса). При отступлении немцев с Дона вместе с ними в составе Казачьего корпуса ушли на Запад тысячи казаков с семьями. В 1944 году этот корпус участвовал в подавлении Варшавского восстания, а в дальнейшем был переброшен в Италию для борьбы с партизанами.

10 мая 1945 года Казачий стан перешел в зону оккупации союзников в австрийский город Ленц и сдался английскому командованию. 28 мая англичане выдали П.Н. Краснова вместе с 2400 казаков СМЕРШу. 16 января 1947 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР П.Н. Краснов вместе со своими соратниками А.Г. Шкуро, К.Ш. Султан-Гиреем и Г. фон Паннвицем был казнен в Лефортовской тюрьме.

П.Н. Краснов оставил после себя более сорока изданных книг, в основном исторического характера. В постсоветскую эпоху мо-

нархические и казачьи организации делали попытки реабилитировать Краснова, но в 1997 году Военная прокуратура Верховного суда РФ постановила, что он был осужден обоснованно и реабилитации не подлежит. На территории храма Всех Святых в Москве в 1994 году был установлен белый обелиск «Вождам Белого движения и Казачьим атаманам», на котором фамилия Краснова была выбита золотыми буквами наряду с фамилиями других участников Белого движения. 8 мая 2007 года неизвестными лицами обелиск был уничтожен. В том же году в августе на частном подворье в станице Еланской Ростовской области установлен мемориальный комплекс «Донские казаки в борьбе с большевиками». Включает в себя здание музея, пять крестов из цельного серого мрамора и четырехметровую бронзовую фигуру П.Н. Краснова, который держит в правой руке булаву. В основании памятника – барельефы атаманов – соратников по борьбе.

КУТЕПОВ

Александр Павлович
(1882–1930)

Александр Павлович Кутепов происходил из потомственных дворян Новгородской губернии. Родился предположительно 16 сентября 1882 года в городе Череповце, однако точные даты рождения и гибели А.П. Кутепова неизвестны. Серьезные сомнения вызывают место рождения и истинное происхождение генерала. Обычно считается, что человек, который впоследствии называл себя Александром Павловичем Кутеповым, родился в семье личного дворянина Константина Михайловича Тимофеева и его жены Ольги Андреевны, которая после смерти мужа в 1892 году вышла замуж за Павла Александровича Кутепова. Однако факт рождения А.П. Кутепова в Череповце подтверждается лишь биографическим очерком, который был написан на основе воспоми-

наний Кутепова его секретарем М.А. Критским. Между тем семья личного дворянина Тимофеева в Череповце никогда не проживала.

Вопреки воле родителей, не окончив курса гимназии, А.П. Кутепов вышел вольноопределяющимся на военную службу. В 1904 году он по 1-му разряду оканчивает Владимирское пехотное училище в Санкт-Петербурге и сразу же попадает на фронт.

Во время Русско-японской войны А.П. Кутепов служил в 85-м пехотном Выборгском полку, неоднократно отличился в боях. Был награждён орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1907 году поручик А.П. Кутепов без всякой протекции, лишь «за оказанные боевые отличия», был переведён в элитный Лейб-гвардии Преображенский полк, расквартированный в Петербурге. Именно в составе Преображенского полка Кутепов принимает участие в Первой мировой войне.

В начале 1917 года полковник А.П. Кутепов находился в отпуске в Петрограде, где стал непосредственным участником февральских событий. Волей случая он оказался единственным старшим офицером, который пытался организовать действенное сопротивление восставшим. После победы Февральской революции вернулся на фронт. С 27 апреля 1917 года командовал Лейб-гвардии Преображенским полком, который был одной из немногих частей, сохранявших боеспособность в условиях активной антивоенной агитации.

За особое отличие в штыковом бою у деревни Мшаны во время Тарнопольского прорыва А.П. Кутепов был представлен к ордену Св. Георгия 3-й степени, но не получил его из-за прихода к власти большевиков. Даже в условиях всеобщей революционной анархии Кутепов оставался одним из верных своему долгу офицеров, которые продолжали служить не революции, не партиям, не политикам, а России.

После Октябрьской революции с группой своих офицеров А.П. Кутепов двинулся на Дон. 24 декабря 1917 года он вступает в ряды Добровольческой армии. В декабре 1917-го – январе 1918 года в должности начальника гарнизона города Таганрога Кутепов дважды разбил красные войска под командованием Р.Ф. Сиверса у Матвеева Кургана. По словам А.И. Деникина, «...это был первый серьезный бой, в котором яростному напору неорганизованных и дурно управляемых большевиков, преимущественно матросов, противопоставлено было искусство и воодушевление офицерских отрядов».

А.П. Кутепов принимает участие в Первом Кубанском (Ледовом) походе. После гибели полковника М.О. Неженцева, коман-

дира Корниловского полка, он возглавляет легендарный полк. Во Втором Кубанском походе Кутепов сменил погибшего генерала С.Л. Маркова на посту командующего 1-й пехотной дивизией. Он успешно руководил дивизией во время боёв под Тихорецкой и на Кущевском направлении.

После взятия белыми войсками Новороссийска полковник Кутепов был назначен Черноморским военным губернатором. 12 ноября 1918 года «за боевые отличия» произведён главнокомандующим ВСЮР А.И. Деникиным в генерал-майоры.

Действия А.П. Кутепова по жёсткому наведению порядка вызвали резкую критику со стороны общественных деятелей, называвших его режим «Кутепией». Именно тогда за свою непримиримость, стремление железной рукой навести порядок и поддержать воинскую дисциплину, военный губернатор снискал прозвище «вешателя». Однако, по свидетельствам очевидцев, генерал Кутепов вешал и расстреливал без суда лишь мародёров и дезертиров, пойманных с поличным.

С января 1919 года А.П. Кутепов – командир 1-го Армейского корпуса в Донецком бассейне. Во время Харьковской операции проявил себя волевым командиром, за что 23 июня был произведён в генерал-лейтенанты («за боевые отличия»). Тогда же ему в вагон кем-то из «обиженных» на его жёсткие действия в армии была подброшена бомба. Лишь чудом генерал уцелел.

В Московской директиве А.И. Деникина корпусу генерала А.П. Кутепова была отведена центральная роль. Он должен был возглавить наступление на Москву и провести Орловско-Кромскую операцию, которая стала, по сути, переломным моментом в истории всей Гражданской борьбы на юге России. К октябрю 1919 года 1-й Армейский корпус Кутепова взял Воронеж и Курск, но красные стянули на это направление практически все имевшиеся в их распоряжении войска. Кутепов должен был занять Орёл, чтобы продолжать наступление на Москву и в то же время повернуть на юго-запад, на Кромы, где разбить сильнейшую ударную группу противника, заходившую ему в тыл. Силы корпуса оказались разорванными.

Командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, за неимением резерва, вместо того, чтобы поддержать Кутепова, превратился в безмолвного зрителя кровавой бойни под Орлом. 13 октября 1919 года Корниловская дивизия, входившая в состав 1-го Армейского корпуса, заняла Орёл. Но разбить мощную группу красных, сосредоточенную у Кром, ей оказалось не по силам. На Московской директиве Деникина был поставлен жирный крест.

В поражении под Кромами и Орлом А.П. Кутепова никто не винил: в сложившихся условиях даже самый талантливый полководец не смог бы выиграть это сражение. П.Н. Врангель и его сторонники были склонны обвинять в стратегических ошибках деникинское командование. Сам А.И. Деникин сетовал на отсутствие резервов, нечёткие действия тыловых служб и недостаточную помощь со стороны союзников.

Принято считать, что в последующем противостоянии П.Н. Врангель – А.И. Деникин А.П. Кутепов сознательно принял сторону Врангеля. В своих воспоминаниях Деникин говорит, что окончательно решил оставить пост Главнокомандующего, когда даже генерал Кутепов с присущей ему прямоотой заявил, что Белое дело проиграно. К Деникину, пока тот стоял во главе белых армий на юге, Кутепов относился с большой симпатией. Деникин тоже считал Кутепова хоть и «гвардейцем», но одним из самых близких ему по духу военачальников.

В марте 1920 года генерал А.П. Кутепов прибыл в Крым, где был назначен П.Н. Врангелем командиром 1-го Армейского (Добровольческого) корпуса в составе Русской армии. Корпус участвовал в боях в Северной Таврии. После разделения Русской армии генерала Врангеля на две армии, 4 сентября 1920 года Кутепов был назначен командующим 1-й армией.

Эвакуация Русской армии из Крыма в ноябре 1920 года стала тем событием, которое определило, быть может, многие дальнейшие пути русского Зарубежья.

Положение, действительно, было отчаянным. И только воля самого главнокомандующего П.Н. Врангеля и крепкие руки «главного мастера» и исполнителя А.П. Кутепова помогли спасти Русскую армию от полного распыления и гибели.

На острове Лемнос и полуострове Галлиполи (Турция), где союзники позволили разместить беженцев и военных, условия были мало совместимы с человеческой жизнью. В состав 1-го Армейского корпуса генерала А.П. Кутепова в Галлиполи были сведены все части Русской армии, кроме казачьих, которые базировались на Лемносе. Генералу Кутепову даже в условиях постоянных физических лишений, голода и всеобщего разочарования ценой невероятных усилий удалось сохранить армию как боевую единицу. Правда, возникает вопрос: зачем? Все жизни уже спасены. Вчерашним воинам белых армий, казалось бы, уже ничто не угрожает. Ничто, кроме их собственного отчаяния...

Введение А.П. Кутеповым железной дисциплины и самых жёстких мер, вплоть до смертной казни, как ни странно, значительно

сократило число самоубийств в лагерях Галлиполи. Для разрешения конфликтов между офицерами был введён дуэльный кодекс, создан клуб, проводились футбольные матчи, издавались газеты. В Галлиполи Кутепов был произведён П.Н. Врангелем в генералы от инфантерии.

В августе–декабре 1921 года Врангелю удалось добиться перевода корпуса Кутепова в лояльно настроенную к белым Болгарию. Но после падения правительства Стамболийского наиболее активных врангелевцев выслали и оттуда. Ставка главнокомандующего перебазировалась в Сербию, куда переехал и генерал Кутепов. Вскоре Врангель признал над собой власть великого князя Николая Николаевича. В 1924 году А.П. Кутепов был откомандирован в Париж для работы «специального назначения».

Точная дата смерти генерала А.П. Кутепова неизвестна. 26 января 1930 года он был похищен агентами советской разведки в Париже. В операции похищения, как потом выяснилось, были задействованы и завербованные агенты из ближайшего окружения председателя РОВС. В 1989 году была опубликована информация о том, что генерал скончался от сердечного приступа на советском пароходе по пути из Марселя в Новороссийск. Возможно, что приступ спровоцировала большая доза морфия, которую генералу ввели при похищении.

По версии, изложенной в воспоминаниях советского разведчика П.А. Судоплатова «Разведка и Кремль», Кутепов был задержан на одной из улиц Парижа тремя сотрудниками иностранной резидентуры ОГПУ, одетыми в полицейскую форму. Вынужденный сесть с ними в автомобиль, генерал оказал физическое сопротивление и получил ранение ножом, после чего ему ввели избыточную дозу морфия. Кутепов скончался то ли от раны, то ли от сердечного приступа. Был тайно захоронен в саду частного дома, принадлежавшего одному из советских нелегалов в пригороде Парижа.

Личная судьба офицера долго не складывалась. Настоящей семьёй для Кутепова был Преображенский полк. После 1917 года с родственниками он почти не общался, был замкнутым одиночкой, очень тяжело сходилась с людьми. Есть версия, что Кутепов неспроста зарекомендовал себя «женоненавистником», для которого долг чести выше всех личных побуждений и семейного счастья. В бою у деревни Петрилово в 1915 году он получил осколочную рану в паховую область, которая давала о себе знать на протяжении многих лет. Тем не менее в 1925 году у Лидии Давыдовны родился сын Павел. Кутепов-младший в 1944 году в Юго-

славии вступил в Красную Армию, был вывезен в СССР, арестован. С 1960 по 1983 годы работал переводчиком в отделе внешних сношений Московского патриархата¹⁶.

ЛЕБЕДЕВ

Дмитрий Антонович
(1883–1928)

Дмитрий Антонович Лебедев родился 6 января 1883 года, происходил из дворян Саратовской губернии, и его даже иногда называют уроженцем Саратова, однако сам он указывал в качестве места рождения и крещения город Царицын Саратовской губернии. Иногда недоброжелатели приписывали ему, уже генералу и одному из руководителей Белого движения в Сибири, отстаивание интересов «офицеров-помещиков», но обоснованность подобных обвинений сомнительна, а сам Лебедев никакой недвижимой собственности не имел и, судя по всему, как и большинство русских офицеров, жил на одно жалование.

Родные места Д.А. Лебедев покинул достаточно рано: образование он получал сначала в Симбирском кадетском корпусе, потом в Петербурге – в Михайловском артиллерийском училище, и после службы в строю и участия в Русско-японской войне окончил Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба.

На Первой мировой войне Д.А. Лебедев заслужил орден Св. Георгия 4-й степени, а после Февральской революции, когда при попустительстве Временного правительства началось разложение армии, выступил одним из организаторов офицерского союза при Ставке, имеющего целью сплотить бесправных и гонимых рево-

¹⁶ См.: *Зинкевич М.М.* Генерал Александр Павлович Кутепов // Наши вести. – № 459; *Родин И.* Нож в спину... Александр Кутепов: жизнь отдана долгу // Украина криминальная. – 2008. – 29 июля URL: <http://cripo.com.ua/persons/?p=57119/>.

люционерами защитников «монаршего Отечества». Летом 1917 года он относился к тем, кто считал необходимыми решительные меры по обузданию революции, и неудивительно, что после большевистского переворота Лебедев уже в начале ноября оказывается в Новочеркасске, где генерал М.В. Алексеев собирал первых добровольцев.

Д.А. Лебедев заведовал в «Алексеевской организации» разведкой и контрразведкой, затем недолго возглавлял «военно-гражданское управление» при М.В. Алексееве, а в январе 1918 года был направлен... вовсе не в Сибирь, как часто считают (и как ошибочно вспоминал даже А.И. Деникин), а в Москву. Там он должен был выяснить возможности для организации белого подполья, а также «добыть в монархических кругах средства для организации спасения Царской семьи». Знакомство со столичным подпольем разочаровало Лебедева, и, возможно на основании приходивших от него докладов летом 1918 года М.В. Алексеев писал ему: «Весьма было бы желательно, если бы Вы переехали в гор[од] Саратов... главным образом для подготовки движения армии в направлении на Царицын или к западу от него. Если Вы признаете работу в Саратовском районе возможной, то прошу Вас взять на себя быть моим представителем этого района, для чего присылаю Вам на это полномочия». Вплоть до поздней осени в штабе Добровольческой армии Лебедева считали начальником подпольного «Саратовского центра», однако он (может быть, и не получив письма Алексеева) вместо Саратова отправился в Сибирь.

В ночь на 18 ноября 1918 года в Уфе группой офицеров были арестованы некоторые из членов Временного всероссийского правительства, называемого также Уфимской Директорией. Эта Директория была сконструирована в сентябре на совещании политических и общественных деятелей в Уфе и претендовала на то, чтобы объединить и возглавить все антибольшевистские силы, но на выполнение таких задач была абсолютно неспособна. Во-первых, она явно дистанцировалась от Добровольческой армии, сражавшейся с большевиками на Дону с ноября 1917 года – представителю этой армии даже было отказано в праве участвовать в Уфимском Совещании. Во-вторых, Директория признала безусловное верховенство Учредительного Собрания созыва 5 января 1918 года, но последнее не вызывало уважения у консервативно настроенной части общества. Не успела Директория принять бразды правления, как появились вполне обоснованные подозрения, что часть ее членов действует по тайной указке... главы партии эсеров В.М. Чернова, председателя Учредительного собрания, на которого еще летом 1917 года указывали как на человека

«неверного», подозрительного по своим связям с германской разведкой.

И всё же произошедшее 18 ноября вовсе не было тем «колчаковским переворотом», каким его любили представлять и коммунистические авторы, и радетели «российской демократии» из более умеренных социалистических кругов. Группа возмущенных офицеров самочинно арестовала нескольких должностных лиц нового правительства, однако на свободу и полномочия троих из пяти членов Директории (в том числе премьер-министра и верховного главнокомандующего) никто не покушался, а через несколько часов были отпущены и остальные. Однако власть оказалась напуганной до крайности, и действиями офицеров был спровоцирован правительственный кризис – взволнованные члены Директории и остальные министры пришли к выводу, что необходимо заменить Директорию единоличным Верховным правителем, и на должность эту был избран (закрытым голосованием и в его отсутствие) адмирал А.В. Колчак. В первом же официальном заявлении Верховного правителя прозвучали слова: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности», и именно они отвечали тем задачам, которые ставила перед Россией история. Проникнутая духом левой партийности Директория успешно борьбу с большевиками вести не смогла бы и вернее всего рухнула бы под их ударами в ближайшие же месяцы.

Сам А.В. Колчак отнюдь не воспринимал себя как «диктатора-переворотчика», захватчика власти. Власть была для него тяжким крестом, в том числе и с религиозной точки зрения, – и неслучайно Верховный правитель по собственному настоятельно выраженному желанию вскоре публично принял присягу «перед Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом ...».

Полковника Д.А. Лебедева (в генералы он будет произведен 6 января 1919 года) нередко называют «одним из главных организаторов переворота», но, как мы только что видели, и о перевороте-то как таковом можно говорить только с весьма большой натяжкой. Один из первых обстоятельных исследователей борьбы адмирала Колчака, эмигрантский историк С.П. Мельгунов, осторожно писал: «По-видимому, Лебедев играл первенствующую роль в психологической подготовке сознания “необходимости новой власти” – и особенно в военных кругах. Но от нас ускользает его участие в организационной части заговора». Да и вообще существование какой-либо подпольной структуры, имеющей целью свержение существующей власти или возведение на вершину власти Колчака, никем не доказано. А вот роль «возмутителя спокой-

ствия» в офицерской среде Лебедев безусловно играл, тем более что его собственное возмущение было явным и обоснованным.

Д.А. Лебедев гордо носил трехцветный нарукавный шеврон Добровольческой армии, который ярко выделял его на общем сибирском фоне, и широко знакомил собеседников со своей точкой зрения о желательности централизованной, сильной государственной власти. Говорил он об этом в штабе Северо-Уральской группы войск, куда приезжал специально, говорил и Колчаку, с которым познакомился еще до 18 ноября (точная дата неизвестна). Адмирала интересовали сведения, которыми полковник мог обладать как «официальный представитель южной Добровольческой армии, посланный в Сибирь для связей и информации», – и Лебедев решительно заявил, что к Директории «доверия... в этой армии нет». В каком-то смысле слова он мистифицировал собеседника, поскольку полномочий для таких уверений не имел, однако по существу был абсолютно прав – обладая главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин полной информацией о том, что собою представляла Директория, он сказал бы ровно то же самое.

Нельзя не упомянуть и позицию адмирала А.В. Колчака после того, как он стал Верховным правителем и услышал от Лебедева о некоторых подробностях совершившегося. Как рассказывал впоследствии адмирал, он попросил Лебедева не называть ему имена закулисных участников, «считая, что это создало бы между мной и ими ложные отношения, которые могли бы вести к попыткам с их стороны влияний на меня». И впоследствии даже пристрастный критик Колчака и Лебедева резко отвергал версию о том, будто последний был назначен начальником штаба верховного главнокомандующего, поскольку-де «способствовал возвышению Колчака».

Многие историки считают, что по молодости и малому опыту Д.А. Лебедев не справился с обязанностями начальника штаба Ставки Вооруженных сил Сибири: многочисленность армий при одновременной малочисленности в них солдат, необъятные просторы Сибири при ее бездорожье, частые конфликты с отдельными командующими, амбиции и другие факторы послужили причиной неудач и поражений; генерал Лебедев (как начальник штаба армии адмирала Колчака) не смог квалифицированно проанализировать все эти факторы и интегрировать их, сообразуясь с текущими ситуациями на линии фронта, чтобы безусловно добиться успеха и побед. Наряду с генералами К.В. Сахаровым и П.П. Ивановым-Риновым, генерала Д.А. Лебедева многие военные историки считают одним из главных виновников поражений

и трагического отступления колчаковских армий из Сибири в Забайкалье.

Около двух с половиною месяцев в 1919 году Д.А. Лебедев совмещал с должностью начальника штаба должность военного министра, потом командовал армейскими группировками разного уровня и покинул родную землю лишь осенью 1922 года (вместе с адмиралом Ю.К. Старком и генералом Ф.Л. Глебовым он оказался последним, кто безуспешно настаивал на продолжении борьбы, когда уже была объявлена эвакуация из Владивостока).

В эмиграции, живя в Китае, Д.А. Лебедев считал необходимым накопление сил для возобновления борьбы, что было хорошо известно и в Советской России. 1920-е годы были временем активных попыток большевиков сделать Китай, где и без того уже десять лет шла гражданская война, следующим за Россией «полюсом в костер мировой революции», для чего использовались как доморощенные коммунисты и социалисты, так и продажные военачальники и администраторы. По наущению советской агентуры генерал Д.А. Лебедев был арестован китайцами, и хотя вменить в вину ему ничего не сумели, из китайской тюрьмы он вышел с больными почками, поправить здоровье ему так и не удалось, и 6 марта 1928 года генерал Д.А. Лебедев скончался в Шанхае 45 лет от роду.

ЛОХВИЦКИЙ Николай Александрович (1867–1933)

Николай Александрович Лохвицкий происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Сын присяжного поверенного, брат поэтессы Мирры (Марии Александровны) Лохвицкой и писательницы Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой, по мужу – Бучинской). Его женой стала Анна Николаевна Головина (1875–1958), дочь генерала от инфантерии Николая Михайловича

Головина, сестра генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. От этого брака родились две дочери – Анна и Наталия.

В 1887 году Н.А. Лохвицкий окончил 4-й Московский кадетский корпус, в 1889-м – 2-е Константиновское военное училище, и в 1900 году – Николаевскую академию Генерального штаба, откуда он был выпущен по 2-му разряду.

Служил в 105-ом пехотном Оренбургском полку. Командный ценз отбыл в Лейб-гвардии Измайловском полку. Некоторое время служил в Павловском военном училище с зачислением по гвардейской пехоте, в должностях библиотекаря, квартирмистра, адъютанта училища.

Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 года. В декабре 1906 года был произведен в полковники, в 1907-м переведён в 145-й пехотный Новочеркасский императора Александра III полк и назначен младшим штаб-офицером. С 30 мая 1912 года – командир 95-го пехотного Красноярского полка. С началом Первой мировой войны вместе с полком выступил на фронт и в составе 2-й армии генерала А.В. Самсонова принял участие в Восточно-Прусской операции.

Во время Лодзинской операции Н.А. Лохвицкий был тяжело ранен под Праснышем и награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в бою 8-го декабря 1914 г., командуя бригадой, после занятия неприятелем части наших позиций на правом боевом участке и опорного пункта, что грозило очищению позиций и на остальных участках, по собственной инициативе двинул один полк вперёд для атаки прорвавшегося противника, а другой направил для действий во фланг его. Своими распоряжениями, искусным действием и личным управлением атакующими частями, находясь всё время под губительным огнём противника, выбил неприятеля из опорного пункта и из занятых им окопов, чем не только обеспечил удержание в наших руках левого боевого участка, но и предотвратил потерю всей позиции».

Широкая известность пришла к Н.А. Лохвицкому в 1916 году, когда его, уже произведённого в генерал-майоры, назначили командиром 1-й Особой пехотной бригады, направляемой во Францию. Нация, веком раньше истощённая революциями и походами Наполеона, изнемогала под натиском немцев, и чтобы спасти её опять требовались русские жизни... Французское правительство готово было оплачивать их поставками оружия, нехватка которого наблюдалась на русском фронте.

Во Франции русских богатырей встречали с восторгом. В Марселе все дома были украшены коврами и гирляндами из русских и французских флажков, жители наперебой стремились угостить солдат какими-нибудь яствами или вином, одарить цветами.

В Русский экспедиционный корпус были отобраны лучшие солдаты, командный состав состоял преимущественно из офицеров императорской лейб-гвардии.

Боевое крещение 1-я Особая бригада получила вскоре по прибытии на фронт в районе Шампани. 27 июня 1916 года после мощной артподготовки немцы пошли в атаку. Части 1-го полка не выдержали натиска неприятеля и бросились бежать. Однако, подпоручик Г. Быковский сумел остановить бегущих и, собрав их вокруг себя, отбить атаку.

В июле – ноябре 1916 года 1-я Особая бригада принимала участие в битве на реке Сомма. 5 сентября русские солдаты в течение 12 часов отбили пять сильнейших атак противника, не раз сходясь с немцами в рукопашной. В страшный тот день бригада потеряла 35 % своего личного состава.

В 1917 году развернулась наступательная операция французов. В России тем временем уже произошла Февральская революция, и первые ядовитые споры её стали достигать доблестных солдат Русского экспедиционного корпуса. Однако, были они ещё весьма слабы, и потому даже возникшие полковые советы постановили, как прежде, честно исполнять свой долг и подчиняться командирам.

16 апреля 1917 года передовые роты 1-й Особой бригады пошли в атаку и были встречены сильным пулемётным и артиллерийским огнём противника. Несмотря на это, русским удалось прорвать фронт и занять деревню Курси. Между тем, германская артиллерия продолжала ожесточённый обстрел русских батальонов, нанося им тяжёлые потери. Сам генерал Н.А. Лохвицкий был дважды контужен.

Французы оценили атаку под Курси высочайшим образом. В приказе о награждении русских героев Военными крестами с пальмовой ветвью говорилось: «Отборная бригада 16 апреля 1917 г. под энергичным командованием своего командира генерала Н.А. Лохвицкого блестяще овладела всеми объектами атаки. Доведя до конца своё усилие, несмотря на тяжёлые потери, особенно в офицерском составе, отразила все попытки врага отобрать потерянный им участок».

На других участках фронта дела сложились куда хуже. Французское наступление захлебнулось, и русские части понесли ощутимые потери. Восстановить их не представлялось возможным, так как пополнений из охваченной революционным брожением России почти не приходило.

Выведенные в тыл, обескровленные русские бригады начали поддаваться вирусу разложения. Уже 1 мая солдаты устроили демонстрацию с красным полотнищем и исполнением «Интернационала». Они требовали прекращения войны и отправки их в

Россию. Н.А. Лохвицкому пришлось разделить своих подчинённых. Бунтовщики были оставлены в лагере Ля-Куртин, а верные войска утром 11 июля 1917 года оставили лагерь, пройдя между двух стен разъярённой толпы своих бывших сослуживцев, оцетинившись штыками и направленными на обе стороны заряженными пулеметами...

Лагерь, в котором остались восставшие, был окружён и после артиллерийского обстрела взят под контроль правительственных войск. 80 предводителей бунта были осуждены военным судом. Часть мятежников бросили в тюрьмы, несколько тысяч направили на каторжные работы в Северную Африку, оставшихся – на работы в тылу во Франции. Можно лишь глубоко сожалеть, что подобные жёсткие и необходимые меры не были своевременно предприняты в России, где вседозволенность и самовластие дезертирских комитетов довело армию и всю страну до полной катастрофы.

Из верных солдат и офицерского корпуса генерал Н.А. Лохвицкий сформировал Русский Легион. Это подразделение вошло в Марокканскую дивизию Иностранного легиона французской армии, сражавшуюся на самых тяжёлых участках фронта. «...кто же эти чудесные люди, которые крича непонятные слова, совершают казалось бы невозможное – проходят ту зону смерти, которую ни зуавы, ни стрелки пройти не могли. Это русские Марокканской Дивизии. СЛАВА ИМ», – писал штабс-капитан 2-го Особого полка В.А. Васильев.

В мае 1918 года русские совершили последний подвиг, в очередной раз спасший Францию от уже гибнущей Германии. В те дни немцы предприняли своё последнее наступление. Они прорвали фронт и устремились к Парижу. Брошенные им навстречу зуавы были сметены, и тогда в бой был послан последний резерв – Русский Легион Н.А. Лохвицкого. Русские богатыри, предводительствуемые офицерами, бросились вперёд. В атаку вместе с солдатами пошли даже доктора. Прорыв немцев был остановлен, но Русский Легион потерял в этом сражении 85 % своего состава и почти всех офицеров... «Русский Легион Чести», – так с той поры именовали его французы.

Получив пополнение из волонтёров особых полков, сведённый в батальон Легион, продолжил сражаться за Францию и русскую честь. Русские солдаты участвовали в прорыве линии Гинденбурга, а после перемирия всё-таки водрузили победное русское бело-синее-красное знамя на берегах Рейна в отведённом им для оккупации городе Вормс. Лишь 500 человек дошли до этого часа сквозь огонь войны и предательства революций... «Тем, что Франция не была стёрта с карты Европы, мы обязаны прежде всего России», – искренне признавал маршал Ф. Фош.

Между тем, в России полыхала Гражданская война. Исполнив долг перед союзниками, Н.А. Лохвицкий поспешил вернуться на Родину. Шёл 1919 год. Лохвицкий отправился к Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку. В Сибири он командовал 3-м Уральским горным корпусом, затем 1-й армией и, после реформирования, 2-й армией. В дни крушения фронта генерал был командирован Колчаком в Иркутск для подготовки переезда туда Ставки и правительства, а также для переговоров с атаманом Г.М. Семёновым.

В октябре 1920 года Н.А. Лохвицкий вышел с частью войск из подчинения атаману Семёнову и признал единственным главнокомандующим российскими вооруженными силами барона П.Н. Врангеля.

В декабре 1920 года Н.А. Лохвицкий вернулся в Европу. С 1923 жил в Париже. С 1927 года – председатель Общества монархистов-легитимистов, Совета по военным и морским делам при великом князе Кирилле Владимировиче. Состоял в Корпусе императорских армии и флота (КИАФ), в начале 1930-х годов был произведён в генералы от инфантерии (Русский Общевоинский союз (РОВС) не признавал таких производств). Стремился к сближению РОВС и КИАФ. Одновременно служил в военно-исторической комиссии французского военного министерства. Регулярно выступал с докладами перед эмигрантами.

Скончался Н.А. Лохвицкий в 1933 году и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

МАМОНТОВ Константин Константинович (1869–1920)

Константин Константинович Мамантов (в настоящее время более известен как Мамонтов) родился 16 октября 1869 года в Петербурге в семье отставного гвардейского офицера Константина Нико-

лаевича Мамантова. Он рано осиротел, и его воспитывал дядя – сенатор Валерий Николаевич Мамантов, женатый на родной сестре будущего премьер-министра России графа В.Н. Коковцова. Согласно семейной традиции мальчика ждала карьера военного.

В 1888 году Константин Мамантов закончил Николаевский кадетский корпус и поступил в привилегированное учебное заведение – Николаевское кавалерийское училище. Сиротство и свойственная юности горячность стали причинами того, что уже с юношеских лет он начал утверждать себя в обществе, будь то сверстники-юнкера с традиционным училищным цуком или окружавшие его позднее сослуживцы в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, в который Мамантов был выпущен корнетом в 1890 году. К людям он относился доверчиво и трудно расставался со своими представлениями в отношении окружающих, но был беспощаден к тем, кто не оправдывал его доверие. Вел здоровый образ жизни, даже в зрелом возрасте не оставил увлечения шведской гимнастикой.

Его увлечением была парфорсная охота, истинной страстью – скачки. Знаток и любитель лошадей, он был вынослив и неутомим в верховой езде. Эта страсть стала причиной исключения К.К. Мамантова из Николаевской академии Генерального штаба. По свидетельству А.К. Кельчевского, сразу после сдачи экзаменов и зачисления в Академию Мамантов попросился в отпуск в Варшаву на скачки. Ему было отказано, и тогда он самовольно отправился туда, принял участие в состязании и выиграл приз. Вернувшись, он доложил командованию о содеянном и был отчислен за этот легкомысленный поступок.

Уже в молодые годы Мамантов, «прямолинейный человек с независимым суждением», обладавший гордостью и готовностью отстаивать свои убеждения и офицерскую честь, проявлял свой решительный характер. В мае 1893 года он стрелялся на дуэли и по постановлению суда чести полка был исключен из его рядов. Мамантов считал это решение несправедливым и болезненно переживал случившееся; это означало также и «исключение» из светского столичного Петербурга.

В Харьковском драгунском полку К.К. Мамантов дослужился до штаб-ротмистра и в 1898 году был отчислен в запас армейской кавалерии, но на следующий год «по особому ходатайству» был причислен к Войску Донскому. С тех пор он навсегда связал свою судьбу с казачеством, с Доном. Среди казаков Мамантов «нашел» себя и был по достоинству оценен и признан казачьим сообществом, отличавшимся сословной замкнутостью. Он легко вошел в «тон казачьего общественного духа гордой простоты и сердечной

теплоты взаимных отношений». Для подчиненных-казаков он быстро стал командиром-орлом, «нашим Маминтом».

Впоследствии один из современников отмечал, что есаул Мамантов «был казаком по духу, знал казаков, и они его любили». Добровольцем отправился Мамантов на Русско-японскую войну. Его 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска в составе отдельной Забайкальской казачьей бригады генерала П.И. Мищенко совершал рейды по японским тылам. Война для Мамантова была чем-то вроде спорта; в бою он испытывал спортивный азарт и не имел личной ненависти к противнику; его интересовало решение поставленной задачи, а не количество убитых и плененных врагов. За смелость и инициативность К.К. Мамантов был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени.

В феврале 1906 года Мамантов вновь поступил на службу в Донское казачье войско. 26 февраля 1908 года был произведен в войсковые старшины. Последовательно занимал должности помощника командира в 3-м и 1-м Донском генералиссимуса князя Суворова полку, дислоцированном в Москве. Вскоре женился на баронессе фон Штемпель, и у супругов родилась дочь Илария. Однако брак оказался непрочным, и семья распалась.

Незадолго до Первой мировой войны К.К. Мамантов получил в командование 19-й Донской казачий полк 4-й Донской дивизии. Полк участвовал в разведках и неглубоких рейдах в тыл противника, но в октябре 1914 года Мамантов был снят с должности за низкую дисциплину в полку (незаконные реквизиции у мирного населения) и прикомандирован к 6-му Донскому казачьему полку. Это, однако, не помешало ему получить в ноябре 1914 года звание полковника.

По воспоминаниям очевидцев, К.К. Мамантову покровительствовали, но тормозили в чинах. В 1916 году он дважды выезжал в столицу узнать о производстве в генералы. В апреле 1915 года Мамантов принял командование 6-м Донским генерала Краснощекова полком, а с марта 1917-го командовал бригадой в 6-й Донской казачьей дивизии, действовавшей на Северо-Западном и Северном фронтах.

Февральскую и Октябрьскую революции К.К. Мамантов не принял. Для боевого офицера они означали лишь деморализацию армии и крушение государственной власти. Несмотря на прогрессирующее разложение армии, Мамантов за счет своего авторитета и знания «казачьей души» сумел удержать дисциплину в бригаде, не допустил расправ над офицерами и сдачи оружия. В конце 1917

года возглавляемая им бригада вернулась на Дон и была демобилизована, а сам командир поселился в станице Нижне-Чирской 2-го Донского округа.

22 ноября 1917 года область Войска Донского была объявлена на военном положении, а в декабре Добровольческая армия начала первые бои с отрядами ростовских большевиков. В январе 1918 года К.К. Мамантов создал партизанский отряд для борьбы с большевиками, а 19 января был назначен исполняющим обязанности атамана 2-го Донского округа. Когда же к Новочеркасску подходили советские войска, он привел свой отряд на защиту города. В феврале отряд Мамантова влился в войска походного атамана П.Х. Попова и выступил вместе с ним в Степной поход, участники которого подвергли себя непрерывным лишениям, испытывая «замораживающий душу и тело ледяной холод и почти хронический голод». В походе Мамантов командовал отрядом из двух пеших сотен в 205 человек при 4 пулеметах (по данным генерала С.В. Денисова, отряд насчитывал 250 казаков при 1 орудии и 7 пулеметах). В походе отряд имел отличительный знак: белый с золотой оторочкой флажок с золотым шестиконечным крестом на одной стороне, и с золотыми буквами «О.М.» («Отряд Мамантова») – на другой.

По возвращении из похода атаман Попов направил Мамантова во 2-й Донской округ на помощь восставшим против местной власти казакам, и в знак признательности генералу за оказанную помощь окружная станица Нижне-Чирская провозгласила его своим почетным казаком.

На проходившем в мае 1918 года в Новочеркасске Круге спасения Дона войсковым атаманом был избран генерал П.Н. Краснов. На основе казачьих партизанских отрядов началось формирование Донской армии. К 1 июня отряды были сведены в шесть соединений, войсками на Царицынском направлении командовал произведенный атаманом в генерал-майоры К.К. Мамантов.

Известность Мамантова как борца с большевиками и донского партизана – организатора казачьего отряда – в это время необыкновенно возросла. Краснов отмечал, что в бою казаки-партизаны ревностно следили за своими офицерами и если убеждались в личной храбрости командиров, то безоговорочно признавали их право командовать. Мамантов, действовавший на казаков «умом, волею и храбростью», пользовался среди них беспрекословным авторитетом. Уже будучи генералом и начальником группы войск, он лично участвовал в боях и был трижды ранен.

Один из офицеров 4-го Донского корпуса впоследствии вспоминал: «Я часто с любопытством наблюдал за мгновенной пере-

меной в настроении казаков, когда на каком-нибудь тяжелом переходе, когда от усталости уже не поется, не говорится, не курится и лишь смертная усталость да непреодолимая дремота видны как в коне, так и во всаднике, когда вдруг по колонне передают: “Генерал Мамантов едет!”, – все сразу преобразовывалось...”.

С июля 1918-го по конец февраля 1919 года К.К. Мамантов командовал войсками Чирского и Цимлянского районов, затем Восточным фронтом, задачей которого был Царицын. Но Мамантову не суждено было овладеть им. После неудачного решающего наступления в декабре 1918 года он отвел свои части к Великокняжеской. Поражение под Царицыном вписало неудачную страницу в военную биографию Мамантова, но ему удалось сберечь личный состав и сохранить боеспособность частей. Оставить позиции под Царицыном заставил начавшийся тиф, «всегдашний спутник войны», сказалось и утомление людей постоянными боями.

В конце 1918 года А.И. Деникин, стремившийся объединить Добровольческую и Донскую армии под своим командованием, усилил давление на П.Н. Краснова. В ходе состоявшихся 26 декабря 1918 года на станции Торговой переговоров атаман заявил Деникину: «Генерал Мамантов – в военном отношении посредственный человек. Начальник штаба у него генерал Кельчевский – несомненно талантливый человек..., но этой замены не поддержат казаки 2-го Донского округа... Уйдет Мамантов – уйдут и все казаки 2-го Донского округа».

В условиях крушения фронтов дни атаманства Краснова были сочтены. В начале февраля 1919 года он был вынужден подать в отставку. Новым войсковым атаманом был избран генерал-лейтенант А.П. Богаевский, готовый к сотрудничеству с Вооруженными силами Юга России, а командующим Донской армии назначен В.И. Сидорин, находившийся в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР.

С уходом атамана П.Н. Краснова для К.К. Мамантова начался новый этап жизни и службы. В марте 1919 года потрепанные части его войск соединились с Кавказской Добровольческой армией П.Н. Врангеля. По приказу Сидорина части Мамантова были подчинены Врангелю. Большая часть его казаков перешла в резерв. С момента соединения с добровольцами жизненные пути Врангеля и Мамантова пересеклись.

П.Н. Врангель относился к К.К. Мамантову с нескрываемой неприязнью, считал его (как и кубанца А.Г. Шкуро) неспособным командовать крупными соединениями. Врангелю был чужд партизанский принцип ведения войны, к тому же он не доверял казачьим военачальникам, а сам, в отличие от Мамантова и Шкуро, не имел базового военного образования...

В результате реорганизации Мамантов получил 2-й сводный казачий корпус: Сидорин уступил давлению мамантовских казаков, действовавших через войсковой круг. «Дед» снова оказался в привычной для него роли командира-орла, за которым шли казаки, готовые выполнить любой приказ.

В мае Донская армия соединилась с казаками-повстанцами, а конница К.К. Мамантова и пластуны полковника А.М. Сутулова форсировали Дон и при поддержке флотилии овладели станицей Константиновской. Оборонявшие станицу красные части были полностью вырублены казаками. Через два дня после освобождения Константиновской удалось выбить красных и из станицы Морозовской. Здесь Мамантов пошел на военную хитрость: ворвавшись с разведчиками на железнодорожную станцию, он приказал обомлевшему телеграфисту срочно вызвать с соседней станции подкрепление против «банд белых», подходивших к Морозовской. Посланные на станцию эшелоны красных с пушками и пулеметами легко попали в руки казаков.

Не давая красным опомниться, Мамантов повернул на восток и с ходу овладел станицей Нижне-Чирской. После освобождения Усть-Медведицкого округа казаки Мамантова у станции Арчада перерезали линию железной дороги Царицын–Поворино. Здесь они захватили несколько бронепоездов. Под селом Дубовка близ Царицына казаки сражались с 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями корпуса С.М. Будённого.

Воодушевленный успехом и наблюдая подъем среди казаков, самолюбивый Мамантов решил все-таки овладеть «Красным Верденом» и добивался от командования Донской армии совместных действий с добровольцами с целью овладения Царицыном и ликвидации оборонявшей его группировки красных. Однако Сидорин не согласился и приказал Мамантову двинуться в станицу Урюпинскую. Мамантов подчинился. В итоге Царицын был взят в июне 1919 года Врангелем, что усилило взаимную неприязнь двух военачальников. К лету 1919 года Дон был полностью очищен от красных. За время этого рейда конница Мамантова захватила около 5 тыс. пленных, 5 бронепоездов, 40 орудий и 107 пулеметов.

Вероятно, успех мамантовских казаков вызвал появление в штабе Донской армии замысла о глубоком рейде в тыл красных. Началась тщательно скрываемая подготовка к ставшему впоследствии знаменитым «Мамантовскому рейду» – прорыву советского Южного фронта 4-м Донским конным корпусом и походу по центральным губерниям. Рейд рассматривался как часть планируемого общего наступления на Москву во исполнение подписанной Деникиным 3 июля 1919 года Московской директивы.

Константин Константинович Мамантов

К началу июля Донская армия вытеснила из области красных и вышла на границы Тамбовской и Воронежской губерний. Подготовка к рейду продолжалась до августа 1919 года. Был сформирован 4-й Донской конный корпус в составе двух Донских конных дивизий. 9-я дивизия насчитывала 3180 сабель, 62 орудия, 12 пулеметов; 10-я – 5400 сабель, 72 орудия, 16 пулеметов, три бронеавтомобиля. Корпус получил приказ: «Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровом и, разрушив тыл красных, способствовать быстрейшему продвижению Донской армии в ее полосе, имея конечной целью овладение Москвой».

На исходе июля корпус выступил из станицы Урюпинской. Прорыв Южного фронта красных произошел утром 10 августа западнее Новохоперска на стыке 8-й и 9-й армий. Развивая наступление, корпус устремился на Воронеж с целью разгрома советской группировки и захвата важной в стратегическом отношении железнодорожной станции Лиски. Из-за затяжных проливных дождей и сопротивления красных Мамантов не смог овладеть Вороном и двинул свой корпус в тыл Южного фронта.

Крестьянское население центральных губерний страны первоначально встретило казаков настороженно, но не враждебно, опасения подвергнуться грабегам не подтвердились. Командование корпуса разъяснило казакам, что в этом рейде за грабежи мародеры поплатятся головой. По приказу Мамантова закупка фуража у населения производилась организованно через сельский совет за наличные.

К середине месяца корпус Мамантова беспрепятственно подошел к Тамбову. В Тамбове казаки захватили около 10 тыс. пленных. Мамантов приказал взорвать пороховой завод и, пополнив запас боеприпасов, уничтожил артиллерийские склады на станции Пушкари. Через три дня корпус оставил Тамбов и двинулся к Козлову; красным пришлось поспешно эвакуировать штаб Южного фронта из Козлова в Орел.

Козлов, являвшийся крупной армейской базой, обороняли значительные силы красных, но 22 августа 9-я дивизия овладела городом. В плен было взято 1700 красноармейцев. Казаки, соблюдая «сухой закон», захватили и вылили тысячи ведер спирта. «Плакали, но выливали, исполняя приказ». В городе были захвачены инженерный и санитарный склады, огромный артиллерийский склад, уничтожены аэропланы, автомобили, мотоциклы.

Захватывая города, казаки не только уничтожали оружейные склады, но и рассеивали живую силу противника. Только при занятии Тамбова и Козлова были распущены 20 тыс. мобилизованных красноармейцев.

27 августа передовой отряд в 300 казаков захватил город Рязань Рязанской губернии. До Москвы по прямой оставалось приблизительно 280 км. Для решения о дальнейшем направлении движения корпуса в деревне Кочетовке было проведено совещание. Начальники дивизий и командиры бригад высказались против движения на Москву и настаивали на возвращении. Они считали, что силы корпуса слишком малы для такой серьезной задачи, боеспособных казаков насчитывалось не более 4 тыс., и даже в случае взятия столицы вряд ли удалось бы ее удержать.

На продолжении движения и захвате Москвы настаивал только К.К. Мамантов, оставшийся в одиночестве. Командование ВСЮР дважды посылало к нему аэропланы с приказами о возвращении на Дон. Мамантов был вынужден подчиниться. Решено было двигаться через Елец и уничтожить в нем артиллерийскую базу красных.

Корпус повернул на юг; 28 августа захватил Лебедянь, 31-го – Елец. Там в руки казаков попал поезд Л.Д. Троцкого, убранство которого с любопытством рассматривали казаки и горожане; добычей стали 50 млн советских рублей, принятых по описи особой комиссией. В одном из небольших городков, вероятно в Задонске, занятом казаками 5 сентября, местное духовенство благословило Мамантова и передало ему «для спасения» богатую церковную утварь: золотые кресты, иконы, евангелия и пр.

Корпус прорвал линию фронта 18–19 сентября западнее Коротояка, где в результате наступления 3-го Кубанского корпуса А.Г. Шкуро образовалась брешь в 25 верст; через нее мамантовцы вошли в расположение Добровольческой армии и соединились с казаками Шкуро. Продолжавшийся 40 дней рейд завершился.

На Дон К.К. Мамантов возвратился с триумфом. Его считали героем и выдающимся военачальником. Однако военно-политическое руководство Белого движения признало рейд в целом неудачным. Командующий Вооруженными силами Юга России А.И. Деникин писал: «...Будем справедливы: Мамантов сделал большое дело, и не даром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами...». Однако П.Н. Врангель был категоричен: «Я считал действия генерала Мамантова не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения для разгрома войск противника, но явно избегал боя, все время уклоняясь от столкновений...».

По возвращении из рейда К.К. Мамантов был назначен командиром конной группы. В начале октября 1919 года она противостояла наступавшим на Воронеж красным частям. Сосредоточен-

ная в районе железнодорожного узла Валуйки группа Мамантова насчитывала 3500 донцов, около 1000 кубанцев и 1350 стрелков. Генерал доносил командованию об усталости казаков в результате непрерывных боев, об измотанности конского состава и падении морального духа бойцов, особенно кубанцев; свирепствовал тиф.

10 декабря командующим Добровольческой армией был назначен П.Н. Врангель. Назначая его, А.И. Деникин полагал, что тот сможет объединить конницу и разбить силы С.М. Будённого. В тот же день конная группа К.К. Мамантова была изъята из подчинения Донской армии и передана Добровольческой. Принимая назначение, Врангель потребовал заменить Мамантова во главе конной группы.

Сменивший Мамантова кубанец генерал В.Г. Науменко не смог организовать успешную борьбу с противником: оставшись без своего «деда», казаки побежали. Связывая падение боеспособности 4-го корпуса с отрешением Мамантова от должности и стремясь остановить развал конной группы, В.И. Сидорин просил А.И. Деникина отменить несправедливый приказ Врангеля. Осознав пагубность принятого решения, Деникин внял этой просьбе. В результате переговоров 4-й Донской корпус был выведен из-под командования Добровольческой армии, и Мамантов вновь стал его командиром. Недельный конфликт внутри белого генералитета в условиях прогрессирующего разложения конной группы и успешного наступления красных обрел черты бессмысленного фарса. К 25 декабря 1919 года конница Мамантова вместе с Добровольческой армией откатилась на юг на 150–200 верст.

В конце декабря начались бои за Ростов и Новочеркасск. Центральный участок обороны держал 4-й Донской корпус, ему даже удалось в боях 28 декабря – 2 января разгромить две стрелковые дивизии красных.

К.К. Мамантов, почувствовавший уверенность в своих силах после восстановления в должности и одержанной победы, решил вмешаться в политику. Еще 28 декабря он направил в штаб Донской армии донесение, содержавшее предложение командованию оставить тыл, присоединиться к коннице и всей мощью обрушиться на кавалерию красных. В случае успеха Мамантов рассчитывал «поднять весь Дон», при неудаче – можно было выйти на оперативный простор и прорываться на «колчаковский или польский фронт».

12 января 1920 года К.К. Мамантов в сопровождении генералов Г.Д. Каргальского и В.И. Постовского выехал в Екатеринодар. В классных вагонах мест для генералов не нашлось, и они, недолго думая, забрались в переполненную казаками и солдатами теп-

лушку. Переночевав на полу вагона, они благополучно прибыли в город. В тот же день находившаяся в Новороссийске супруга Мамантова, получив телеграмму от мужа, прибыла в Екатеринодар. Скорее всего, именно в этой вагонной тесноте он заразился тифом.

Мамантов чувствовал недомогание, но от предложения супруги обратиться за медицинской помощью отказался. 19 января он отправился в городской театр на заседание Верховного круга. Узнав прославленного генерала, молодые офицеры устроили ему овацию. В своей речи генерал призвал к единству действий фронта и тыла, к всеобщей мобилизации на Кубани.

21 января он отправился на фронт; ехать пришлось в вагоне с выбитыми стеклами, и к сыпному тифу добавилось воспаление легких и почек. В тот же день он вернулся в Екатеринодар и слег. В госпитале, когда его увидела там супруга, Мамантов выглядел как «форменный скелет... кожа да кости». Постепенно началось выздоровление, возвращались силы. Во время болезни Мамантова его несколько раз посещал английский доктор и интересовался ходом болезни. На состоявшемся врачебном консилиуме было принято решение о возможности выписать больного и отправить в Батум, в Цихисдзир – имение Мамантовой. Но для укрепления сил и здоровья пациента его решили оставить в больнице еще на два-три дня.

Около 2 часов ночи 13 февраля в палату к Мамантову зашел фельдшер со шприцем. На вопрос проснувшейся супруги, «зачем он пришел и что ему надо», фельдшер ответил, что по распоряжению лечащего врача должен сделать пациенту впрыскивание «успокоительного лекарства». Мамантова попыталась помешать фельдшеру, но тот грубо оттолкнул ее и сделал больному инъекцию. После этой инъекции здоровье Мамантова резко ухудшилось, он впал в бессознательное состояние и скончался, не придя в себя, 14 февраля в 12.30 пополудни. Вскрытие тела не проводили. Отпевание и погребение усопшего прошло 17 февраля в Екатерининском соборе.

Слух об отравлении генерала Мамантова пошел по городу уже утром после трагической ночи. За два часа до смерти больного осматривал профессор Сиротинин, сообщивший об отравлении двоюродному брату Мамантова Н.Н. Коковцову. В 1923 году в Софии протопресвитер Георгий Шавельский, причащавший умиравшего генерала, подтвердил Е.В. Мамантовой версию об отравлении¹⁷.

¹⁷ См.: Голубинцев Г.М. Рейд генерала Мамантова // Первопоходник. – 1972. – № 9; Гордеев А.А. История казаков. Ч. 4. – М. 1993; Дайнес В. «Казачий

МАРКОВ

Сергей Леонидович
(1878–1918)

Сергей Леонидович Марков родился 7 июля 1878 года в семье потомственного офицера. Блестяще закончил 1-й Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. В 1898 году был произведен в подпоручики и назначен в Лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду.

Перспективный офицер продолжил образование в Николаевской военной академии, получив эполеты генштабиста перед самой Русско-японской войной. За участие в боевых действиях на Дальнем Востоке С.Л. Марков был награжден несколькими орденами, в том числе весьма престижным среди армейцев орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

С лета 1905 года С.Л. Марков занимал должности сначала старшего адъютанта штаба 1-го Сибирского армейского корпуса, а затем помощника старшего адъютанта при штабе Варшавского военного округа. Вскоре после перевода в Генеральный штаб (январь 1908 года) он женился на Марианне Павловне Путятиной. Брак оказался счастливым и многодетным. Супругу свою Марков называл шутливо-ласково Мухой, Мирой.

В Петербурге С.Л. Марков не только занимался штабной работой, но и преподавал в Николаевской академии, Михайловском артиллерийском и Павловском военных училищах. Курс его включал в себя тактику, историю военного искусства петровских

вождь» // Ориентир. – 2002. – № 4; Ковалев Е.К. 40-летию мамантовского рейда (1919–1959) // Родимый край. – 1959. – № 24; Ковалев Е.Е. Мамонтовский рейд. 1919 г. // Русский инвалид. – 1969. – № 162; Матвеев П. Рейд генерала Мамонтова // Вестник первопоходника. – 1965. – № 42; Рымиан М. Рейд Мамонтова. Август–сентябрь 1919 г. – М., 1926; Скрябин Н. Мамонтовский рейд // Военная быль. – 1956. – № 19; Турчанинов Б. Слава и память Донскому корпусу генерала Мамонтова // Первопоходник. – 1974. – № 22; Цветков В. Донская стрела. Генерал Константин Мамантов и его соратники // Родина. – 2003. – № 2; Шейкин А.Л. Опрокинутый рейд. – Л., 1987.

времен и военную географию. Отлично разбираясь в теоретических вопросах, Марков постоянно твердил ученикам: «...Не придерживайтесь устава как слепой стены. Дело военное – дело практическое, никаких трафаретов, никаких шаблонов. Дух возбуждает идеи, ум их творит, воля их осуществляет. От хорошего офицера требуется гармония этих трех элементов. Дух должен быть свободным от теорий... но книги все же надо читать...».

С началом Первой мировой войны С.Л. Марков получил великолепную возможность применить все вышеизложенные тезисы на практике. Полученное им назначение – начальник штаба 4-й стрелковой бригады – было столь же почетным, сколь и рискованным. Часть эта всегда находилась на самых опасных участках фронта и уже за первые месяцы боев успела завоевать почетный титул «Железной».

С самого начала между С.Л. Марковым и командиром бригады А.И. Деникиным установились отличные рабочие и личные отношения. К своему начальнику Марков относился с огромным уважением и даже отпустил себе небольшие темные усы и бородку а-ля Деникин.

В апреле 1915 года «Железная» бригада получила подкрепления и была развернута в дивизию. Под натиском австро-германцев русские войска в это время отступали из Галиции. Рассказывая о жестоких боях под Перемышлем, мемуаристы вспоминали, как, выводя из-под огня остатки своих потрепанных рот, С.Л. Марков шагал рядом с командиром 14-го полка. Внезапно снарядный взрыв накрыл их обоих. Соседу Маркова оторвало голову, а он сам, заляпанный грязью и залитый кровью товарища, безмолвно продолжил свой путь.

В декабре 1915 года С.Л. Марков был произведен в звание генерал-майора. Во время Брусиловского прорыва «Железная» дивизия сполна отыгралась за предшествующие неудачи. Во время наступления на Чарторыйск Марков по телефону докладывал командованию: «Очень оригинальное положение! Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!» Тем не менее Чарторыйск взяли и вышли в тылы противника. Наткнувшись на австрийскую бригаду, 13-й полк под командованием Маркова двинулся на австрийцев развернутым строем, под музыку и без единого выстрела (в Гражданскую войну за такими атаками закрепится прозвище психических). Впавший в транс противник, даже не пытаясь сопротивляться, сложил оружие.

Февральскую революцию С.Л. Марков встретил в должности генерала для поручений при командующем 10-й армией. Временное правительство назначило А.И. Деникина начальником штаба

Ставки верховного главнокомандующего, и тот по старой памяти взял к себе Маркова вторым генерал-квартирмейстером. В эти дни Марков писал в своем дневнике: «Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи... Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию». При этом Марков лучше любого другого генерала умел разговаривать и с депутатами, и с советами. Виртуозно матерясь и сыпая грубоватыми шутками, он всегда казался солдатам таким «рубахой-парнем» и пользовался у них громадной популярностью.

В начале августа А.И. Деникин переместился в Бердичев на пост командующего Юго-Западного фронтом. В очередной раз Марков последовал за своим «патроном», заняв при нем уже привычную должность начальника штаба. Одновременно он был произведен в звание генерал-лейтенанта.

Менее чем через месяц главком Л.Г. Корнилов выступил против Временного правительства. А.И. Деникин и его штаб как лица, «поддержавшие мятежника», подверглись аресту и вместе с самим Корниловым были заключены в Быховскую тюрьму.

После прихода большевиков к власти в обстановке всеобщей неразберихи тогдашний главком Н.Н. Духонин отдал приказ об освобождении Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, А.С. Лукомского, И.П. Романовского и С.Л. Маркова. Оказавшись на воле, генералы решили пробираться на Юг к донскому атаману А.М. Каледину, объявившему о своем непризнании советской власти. Романовский и Марков решили ехать вместе, причем Романовский переоделся прапорщиком, а Марков взялся разыгрывать роль его денщика. За Харьковом во время пересадки на ростовский поезд они случайно пересеклись с Деникиным и дальнейший путь проделали уже втроем. Марков за время пути успел передружиться со всем составом. Он постоянно бегал за кипятком и сигаретами для «своего офицера», болтал с «революционными солдатами» и даже участвовал в стихийных провокационных митингах.

В Ростове-на-Дону С.Л. Марков задержался на пару недель, чтобы навестить родных, и затем вновь воссоединился со своими спутниками в Новочеркасске. Здесь, в столице Всевеликого Войска Донского, два бывших главкома – М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов – объявили о создании антибольшевистской Добровольческой армии. Здесь же 7 января 1918 года состоялась свадьба А.И. Деникина и К.И. Чиж. Свидетелями на венчании оказались два бывших сослуживца «молодожена» по «Железной» бригаде – С.Л. Марков и Н.С. Тимановский. Вскоре вслед за этим свадебным пиром последовал другой пир – кровавый.

Со всех сторон на Дон надвигались отряды красных. Видя общее нежелание казаков сражаться, застрелился атаман А.М. Каледин. С его смертью Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев лишились союзника и приняли решение прорываться на Кубань. 28 февраля Добровольческая армия (около 4 тыс. человек, не считая беженцев) выступила из Ростова-на-Дону. С.Л. Марков в этом походе командовал главной ударной силой добровольцев – 1-м Сводно-офицерским полком (1-й, 2-й и 3-й офицерские батальоны, военно-морская рота, дивизион смерти Кавказской кавалерийской дивизии – всего около 800 человек). Принимая полк, он произнес вдохновенную речь: «Немного же вас здесь... Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, – я все равно скажу, что мы идем к черту на рога за синей птицей... Вижу, что у многих нет погон. Чтоб завтра же надели – сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек...».

Ночью на подходе к занятой красными станице Ново-Дмитриевской «добровольцы» обнаружили, что вздувшаяся река снесла мост. Марков увлек своих подчиненных вброд. Погода была морозная, вокруг бушевала пурга. Мокрые шинели на бойцах заледенели, и взяты станицу теперь было необходимо хотя бы ради того, чтобы выжить. После свирепой рукопашной схватки красных вытеснили из Ново-Дмитриевской, а утром, увидев Маркова, одна из медсестер воскликнула: «Это был настоящий Ледяной поход!» Под этим названием 1-й Кубанский поход Добровольческой армии вошел в историю Гражданской войны.

В ходе непрерывных боев белые добрались до Екатеринодара. 10 апреля Л.Г. Корнилов начал штурм города. Первый приступ был отбит, и на следующий день в наступление пошла подтянутая бригада С.Л. Маркова. Сергей Леонидович лично возглавил атаку, в ходе которой удалось овладеть хорошо укрепленными артиллерийскими казармами. Тем не менее и на этот раз штурм закончился неудачей.

13 апреля командующий планировал предпринять последнюю попытку овладеть Екатеринодаром. Узнав об этом, Марков сказал подчиненным: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем». Однако решающий штурм так и не состоялся. В 8 часов утра Л.Г. Корнилов погиб от взрыва артиллерийского снаряда. Его преемник генерал А.И. Деникин принял решение отступить обратно на Дон.

Двинувшись на север, Добровольческая армия вышла к занятой большевиками станции Медведовская. С отрядом разведчиков С.Л. Марков захватил будку у железнодорожного переезда

и, выдав себя за служащего станции, по телефону попросил подогнать единственный имевшийся у красных бронепоезд. Когда состав появился у переезда, Марков верхом подъехал к паровозу и зашвырнул гранату в кабину машинистов. Раздался взрыв. Со всех сторон на остановившийся бронепоезд устремились сидевшие в засаде бойцы Маркова. Топорами они рубили крыши вагонов, бросали внутрь гранаты, стреляли через бойницы. В результате почти весь экипаж бронепоезда был перебит. За это же время другой белый отряд (под командой А.А. Боровского) успел овладеть станцией. Победителям достались 400 снарядов и 100 тыс. патронов. Эти трофеи помогли добровольцам оправиться от неудач и продолжить борьбу.

1 мая войска А.И. Деникина заняли Новочеркасск. Спустя месяц окрепшая Добровольческая армия уже насчитывала 10 тыс. штыков и сабель, причем С.Л. Марков командовал в ней уже не полком, а дивизией. 22 июня из станицы Мечетинской добровольцы выступили во 2-й Кубанский поход. Через два дня с юга и востока они атаковали станцию Торговую (город Сальск). Большевикам пришлось отступать на север к станции Шаблиевке, но здесь их встретила и окончательно разбила дивизия Маркова...

И все же один из бронепоездов красных при помощи своих мощных орудий сумел вырваться из капкана. Предпоследний выстрел (посланный практически наугад) нашел свою жертву. Осколок снаряда ударил Маркова в затылок и снес часть левого плеча. «Как мост?» – успел спросить он перед смертью. Известие, о том, что мост взяли, генерал, видимо, уже не слышал...

Внезапная смерть всеобщего любимца потрясла Добровольческую армию и смазала весь эффект от одержанной победы. А.И. Деникин почтил его память трогательными словами: «...Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам...».

28 июня 1918 года тело Сергея Леонидовича Маркова было торжественно захоронено на военном кладбище Новочеркасска.

МАРТЫНОВ
Матвей Филаретович
(1881–1919)

Матвей Филаретович Мартынов в 1901 году окончил Уральское реальное училище и в 1904-м – Московское пехотное юнкерское училище (1904). Участник Первой мировой войны, в 1917 году командовал 3-м Уральским казачьим полком в 3-м конном корпусе генерала А.М. Крымова.

После Октябрьской революции 22 декабря 1917 года возглавил попытки разоружить красных казаков-фронтовиков 7-го Уральского казачьего полка, однако потерпел неудачу. В декабре 1917-го – марте 1918 года руководил уральскими белоказаками, выступал против советской власти на Урале. С февраля по июль 1918 года – Командующий Уральской армией. Выступил на фронт с отрядом казаков в район Самары. Участвовал в боевых действиях в этом районе. В августе, получив ранение, с помощью верных ему казаков пересел с коня в автомобиль и повел войска в контратаку. После выздоровления командовал отрядами на отдельных участках фронта. Вновь командовал Уральской армией в сентябре – ноябре 1918 года. В боях за Уральск в декабре 1918-го – марте 1919 года командовал корпусом. В этих боях получил второе, смертельное, ранение. Умер от ран 31 марта 1919 года в Гурьеве.

МАЙ-МАЕВСКИЙ Владимир Зенонович (1867–1920)

Владимир Зенонович (Зиновьевич) Май-Маевский родился 27 сентября (15 сентября) 1867 года. Он вошел в историю как один из виднейших военачальников русской армии и Белого движения и послужил прообразом генерала Владимира Зеноновича Ковалевского в фильме «Адьютант его превосходительства».

В.З. Май-Маевский происходил из семьи мелких безземельных шляхтичей Могилевской губернии. Род Май-Маевских (Maj-Majewski), исконно польский и древних корней, возник в результате породнения двух старых и разветвленных шляхетских фамилий – Маев и Маевских (обе они относятся к обширной группе шляхетских родов, имеющих так называемый герб «старыконь» – «старый конь»).

Будущий генерал окончил 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1897 года служил в должности старшего адъютанта штаба 13-й пехотной дивизии, с мая 1898-го – 15-й кавалерийской дивизии. В 1900 году был назначен начальником штаба Осовецкой крепости, затем исполнял должность штаб-офицера при управлении 7-й Туркестанской стрелковой бригады. Принял участие в Русско-японской войне в должности начальника штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. В Первую мировую войну служил командиром 44-го Камчатского пехотного полка, начальником штаба 11-й пехотной дивизии, генералом для поручений при командующем 11-й армией. 17 декабря 1915 года был назначен командиром 35-й пехотной дивизии, с октября 1916-го по июль 1917 года возглавлял 4-ю пехотную дивизию.

Во время Первой мировой войны Май-Маевский прославился редкой личной храбростью. Он был награжден орденами Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава 1-й степени, золотым Георгиевским оружием (за бои 6–22 октября 1914 года на Сане), Георгиевскими

крестами 3-й и 4-й степени, солдатским Георгиевским крестом с веточкой (за храбрость, проявленную в июне 1916 года во время наступления под Тарнополем). 8 июля 1917 года Май-Маевский был назначен командиром Первого гвардейского корпуса, став последним в истории главой этого знаменитого соединения.

В 1918 году 50-летний генерал бежал на Дон и в марте встал в ряды Добровольческой армии простым солдатом. Он был зачислен в Третью стрелковую («Дроздовскую») дивизию. После ранения М.Г. Дроздовского в ноябре 1918 года В.З. Май-Маевский был назначен А.И. Деникиным временно исполняющим его должность. После смерти Дроздовского в январе 1919 года вступил в командование дивизией и был переброшен вместе с ней в Каменноугольный район. К концу января 1919 года карьера храброго генерала в Добровольческой армии быстро «пошла в гору». Он был назначен командиром Второго «Добровольческого» корпуса, затем – Донецкой группой войск. 22 мая 1919 года Донецкая группа была преобразована в Добровольческую армию. Май-Маевский стал её командующим.

В начале мая 1919 года красные предприняли решительное наступление в Каменноугольном районе. В.З. Май-Маевский, испросив разрешения Деникина, приступил к эвакуации станции Иловайской, где находился его штаб. Вскоре снаряды красных стали рваться на станции. Бывшие на ней составы уходили один за другим. Наконец на путях остался один только поезд Май-Маевского, который дожидался подхода своих последних частей, отступавших к станции. С усилением артобстрела железнодорожники разбежались. Начштаба Май-Маевского генерал В.П. Агапеев, струсив, тоже хотел сбежать. По словам генерала А.Г. Шкуро, «Май-Маевский, сохранял, однако, полное спокойствие и хладнокровие; он успокаивал всех». Простояв три часа на станции, генеральский штабной поезд дождался и своих отступавших частей, и подкреплений, переломивших сражение и сделавших отступление ненужным.

После занятия Добровольческой армией Харькова 25 июня 1919 года В.З. Май-Маевский был назначен Главноначальствующим Харьковской области (в неё вошли Харьковская, Екатеринославская, Курская, а с октября – Орловская и до сентября 1919 года – Полтавская, частично Киевская и Черниговская губернии).

Сурово управляя завоеванными территориями, Май-Маевский говорил, что с корнем вырвет из них «пролетарский дух», и местные большевики подвергались с его стороны частым расстрелам. Однако и в подобных делах он стремился проявлять справедливость, так что в Каменноугольном районе к нему шли, по свиде-

тельству даже и его недоброхотов, как правые, так и умеренно левые. Впоследствии, однако, слухи о беспробудном пьянстве генерала, его неспособность удержать развал тыла и разгул казачьих войск оттолкнули от Май-Маевского горожан.

Будучи человеком практической складки, генерал Май-Маевский считал необходимым срочное разрешение аграрного и рабочего вопросов на вверенных ему территориях. В разговорах по прямому проводу с Деникиным он упорно настаивал на немедленном разрешении аграрного вопроса в желательном для крестьян духе, чем вызвал недовольство Главнокомандующего. С позицией Май-Маевского резко не соглашался и Врангель. Он считал, что решение столь важных вопросов возможно лишь на основании твердой законности и после полной победы белых. Уступки вожделям пробольшевистски настроенных масс командование считало абсолютно недопустимыми.

К июню 1919 года Добровольческая армия В.З. Май-Маевского выросла с 9600 до 26 тыс. человек. Опорой Добровольческой армии являлась Корниловская дивизия, состоявшая из четырех ударных полков, а 4-й ударный полк дивизии состоял почти исключительно из шахтеров Донбасса.

Вопреки всем советским установкам, в известном фильме «Адъютант его превосходительства» актёру В.И. Стржельчику удалось создать весьма положительный образ генерала. Симпатичный, доверчивый интеллигент Владимир Зенонович выступает едва ли не поверенным в любовных делах своего предателя-адъютанта, проявляет прекрасные человеческие качества: великодушные, порядочность, гуманизм. В реальности всё выглядело несколько иначе.

За время управления генерала В.З. Май-Маевского Каменноугольным районом и Харьковской областью на их территории от руки его подчиненных погибло (по данным красных) до 20 тыс. человек. Большинство из них были убиты при борьбе с повстанцами Н.И. Махно и других атаманов, при подавлении бунтов, в ходе военных действий или являлись действительно уличенными в большевизме лицами. При разгроме отрядов Махно летом 1919 года казаками А.Г. Шкуро было расстреляно около 5 тыс. уже безоружных повстанцев. Много людей погибло в результате карательных походов екатеринославского губернатора С.С. Щетинина, в том числе за уклонение от мобилизации. До 400–500 евреев было убито при погромах. Однако никакой «политики белого террора», понимая под ним организованные групповые наказания или наказания невиновных, добровольцы не чинили; в то же время эксцессы подобного рода неоднократно имели место и не

получали достойного наказания, в том числе по недостаточной силе военной власти и по вине самого Май-Маевского.

Генерал Май-Маевский, безусловно, был личностью эмоциональной и во многом привлекательной. Его нельзя было назвать прирождённым лидером или выдающимся оратором, но личной храбростью, волевым спокойствием, уверенностью в своих действиях он мог завоевать доверие масс, вызывать как симпатии, так и резкое осуждение близких соратников и потомков.

В бытность генерала главой Харьковской области о нём распространялась масса забавных слухов и реальных историй, похожих на анекдоты. Некоторые из них, возможно, не понравились бы любителям рядить всех белогвардейцев в одежды рыцарей и христолюбивых воинов. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь...

Будучи человеком неверующим, к тому же несколько грубоватым, В.З. Май-Маевский с нескрываемой иронией отнесся к рассказу митрополита Киевского о святых мощах Киево-Печерской лавры, спасенных им от большевиков. То ли генералу стало любопытно, то ли он и вовсе не был уверен в существовании этого артефакта, но он велел вскрыть мощи, несмотря на вежливое сопротивление митрополита. (По религиозным законам делать этого было нельзя). Когда же митрополит Киевский поднес Май-Маевскому серебряную ложку пещерной воды, считавшейся святой, генерал, не желая компрометировать себя и монахов, принял ее, «как противное лекарство», а затем, отвернувшись, выплюнул, попав при этом, собственно, на святые мощи.

Как и многие из числа тех этнически нерусских граждан России, что хранят ей верность, поляк Май-Маевский был свиреп по отношению к сепаратистским попыткам силой учредить на территории России независимые национальные государства. Уже завоевав Украину, летом 1919 года В.З. Май-Маевский издал указ № 22, по которому в государственных школах на Украине запрещались украинские учебные пособия и преподавание на украинском языке, а национальные украинские школы и преподавание украинского языка больше не должны были финансироваться государством. Им разрешалось действовать на муниципальные, общественные и частные средства. Указ этот вызвал бурю негодования в разных слоях украинцев, от самостийников до Махно. Договаривались до того, что этим указом Май-Маевский запрещал преподавать на украинском вообще, чего, естественно, не было.

В.З. Май-Маевский крайне отрицательно относился к движению С.В. Петлюры на Украине, не раз вступал в конфликты с казачьими сепаратистами. Его самоуправные действия в отношении

генерала П.Н. Краснова, а также посла гетмана Украины на Кубани барона Ф.К. Боржинского не нашли понимания в Ставке ВСЮР. Расстрел Боржинского и конфликт с Красновым добавили Май-Маевскому дешёвой популярности в среде великодержавно настроенных белых, однако восстановили против генерала казачество и украинских националистов.

Ещё один небезызвестный анекдот, связанный с В.З. Май-Маевским, вошёл в историю под именем «генерала Харькова». Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж в своих публичных выступлениях несколько раз в ряду антибольшевистских лидеров упоминал некоего «генерала Харькова». Очевидно, не говоривший по-русски премьер просто перепутал название украинского города со столь же чуждой его слуху русской фамилией. Король Георг V тоже не слишком хорошо разбирался в российских событиях. Поэтому летом 1919 года он сделал мифического «генерала Харькова», наряду с А.И. Деникиным и А.В. Колчаком, почётным членом ордена Михаила и Георгия «за заслуги в борьбе с большевизмом как мировым злом».

Когда британская миссия прибыла в Таганрог, ставку Главкома ВСЮР Деникина, никакого генерала Харькова там, естественно, не нашли. По прибытии англичан в город Харьков, где располагался штаб командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, вопрос разрешился окончательно: генерала Харькова нет и никогда не было, а награду и королевский патент вручать некому. Тогда, в Харькове, за неимением «Харькова», знак ордена и королевский патент были вручены английским представителем генералом Ч.Д. Бриггсом В.З. Май-Маевскому, о чём пишет его адъютант П.А. Макаров. Генерал Май-Маевский «в сильно возбужденном состоянии засвидетельствовал свою преданность Георгу в лице генерала Бриггса. Разговор их принял совсем дружественный характер». На другой день на вопрос адъютанта об их беседе, Май-Маевский, будучи «в хорошем расположении, с улыбкой ответил: – Они Россией интересуются постольку, поскольку имеют личные выгоды. Англичане народ хитрый!.. Их интересует исключительно экспортный вопрос».

Что же касается «адъютанта его превосходительства» Павла Андреевича Макарова, то на этой личности стоит остановиться поподробнее. Макаров – прототип адъютанта Кольцова – был выходцем из семьи железнодорожного кондуктора. Во время Первой мировой войны он окончил школу прапорщиков и попал на фронт. В 1918 году молодой прапорщик добровольно примкнул к большевикам. Он был направлен ими для формирования частей Красной Армии на Украину. Под Мелитополем Макаров попал к

дроздовцам. Спасая свою жизнь, он назвался офицером, сам «повысил» себя в чине до штабс-капитана, был зачислен в Добровольческую армию.

Несмотря на отсутствие образования (писал с орфографическими ошибками) и хороших манер, расторопный лжекапитан сумел попасть в доверие к командующему армией В.З. Май-Маевскому. По свидетельствам очевидцев, адъютант имел большое влияние на своего генерала. Этого влияния было достаточно, чтобы манипулировать им в вопросах назначения офицеров. В частности, Макарову удалось убедить Май-Маевского избавиться от начальника конвоя, подозрительно относившегося к выскочке-капитану. Генерал настолько доверял Макарову, что принял на службу ординарцем его брата Владимира, тоже являвшегося большевиком. Впрочем, как вспоминал генерал Б.А. Штейфон, главная функция Макарова при Май-Маевском состояла в «добыче вина». Генерал относился к Макарову так, как относятся к денщику, а не к офицеру. Адъютант Макаров сыграл известную роль в спаивании Май-Маевского. Генерал и раньше страдал запойным алкоголизмом, но до появления братьев Макаровых умел держать себя в руках. Благодаря же их небескорыстным услугам, покотился по наклонной плоскости.

О связях самого П.А. Макарова с большевиками-подпольщиками известно лишь с его слов. В своих воспоминаниях адъютант писал, что пытался сообщить в штаб Красной Армии о своём положении, но были ли эти сведения переданы, он не знал.

После разоблачения и ареста брата П.А. Макаров тоже был арестован (по другим сведениям – попал на гауптвахту в результате пьяного скандала), но смог сбежать и примкнул к «зелёной» повстанческой армии, действовавшей в Крыму. За проведение успешных операций против белогвардейцев был награждён именными часами. После занятия Крыма красными Макаров был направлен на работу в ЧК. Позднее работал в милиции, затем в Управлении исправительно-трудовых учреждений при Наркомате юстиции Крыма. В 1927 году вышла книга воспоминаний Павла Макарова «Адъютант генерала Май-Маевского». За два года она выдержала пять изданий. Впоследствии по мотивам этого произведения был написан роман, затем сценарий, и снят художественный фильм. Сам адъютант Макаров прожил долгую жизнь. Во время Великой Отечественной войны он принимал участие в партизанских действиях, написал об этом мемуары, скончался лишь в 1970 году.

27 ноября 1919 года В.З. Май-Маевский был освобожден генералом Деникиным от должности за отход от Тулы и Орла, а также

за моральное разложение и запойное пьянство. Сменивший его генерал П.Н. Врангель, отвечая на вопрос, что оставил Май-Маевский ему в наследство, отвечал: «Пьянство и грабежи, повальные грабежи».

Однако, несмотря на множество свидетельств о грабежах Добровольческой армии В.З. Май-Маевского, сам генерал никаких богатств на службе не собрал. После увольнения из армии он сначала жил в своем вагоне у станции, а потом переехал в номер гостиницы «Кист», где, по выражению А.И. Деникина, жил «в нищете и забвении». Единственным источником существования для него была постепенная распродажа мебели из занятого номера. От предложения коменданта Севастополя генерала В.Ф. Субботина занять особняк он отказался. В Крыму Май-Маевский посещал лишь адмирала Д.В. Ненюкова и генерала Субботина, много пил и увлекался чтением Диккенса.

26 апреля 1920 года В.З. Май-Маевский снова был определен на службу и зачислен в резерв чинов при Военном управлении ВСЮР. Он умер 30 ноября 1920 года, в день Крымской эвакуации от инфаркта в возрасте 53 лет. Удар постиг генерала, когда он ехал в двухолке по Севастополю в порт. Он скончался в одной из городских больниц.

Сохранились также воспоминания известного советского кинорежиссера С.И. Юткевича, в 1920 году шестнадцатилетним подростком находившегося в белом Севастополе: «Я и сейчас с ужасом вспоминаю то невообразимое, что творилось в Севастополе, когда к городу подходили красные. Обезумевшие люди рвались к порту. На моих глазах генерал Май-Маевский, привстав в машине, выстрелил себе в висок». Но это единственное свидетельство, больше оно ничем и никем не подтверждается.

Где и как похоронили В.З. Май-Маевского неизвестно. В суматохе эвакуации его смерть прошла практически незамеченной. По бытующей в Севастополе легенде, могила генерала находится на старом городском кладбище, что на улице Пожарова. Так или иначе, генерал-лейтенант Май-Маевский не пережил грядущего расставания с Родиной и остался с ней навсегда¹⁸.

¹⁸ См.: *Бондаренко В.В.* Легенды Белого дела. – М., 2017; *Гончаренко О.Г.* Белое Движение: Поход от Тихого Дона до Тихого океана. – М., 2007; *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. – М., 2003; *Костин А.Л.* Посеяли ветер – пожали бурю. – М., 2004. – С. 94; *Крикунов Вл.* Баллада о доблестном рыцаре Харькове // Очевидное и невероятное. – 2008. – № 3. – С. 89–92; *Кручинин А.* «Тот самый тучный алкоголик»? Смерть генерала Май-Маевского // Родина. – 2008. – № 3. – С. 53–57; *Макаров П.В.* Адъютант Его Превосходительства: кто он? – М., 1992; *Прохоров Д.* Адъютант Май-Маевского – правда и мифы // Секретные материалы 20 века. – 2002. – № 17 (87). – С. 14–15.

МИЛЛЕР Евгений Карлович (1867–1939)

Евгений Карлович Миллер в 1884 году окончил Николаевский кадетский корпус, в 1886-м – Николаевское кавалерийское училище и в 1892 году – Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898–1901 годах был военным атташе в Бельгии, произведен в чин полковника. В 1907–1909 годах – военный атташе в Италии. В 1909 году произведен в генерал-майоры, назначен квартирмейстером Главного управления Генерального штаба. В 1910–1912 году был начальником Николаевского кавалерийского училища.

Участник Первой мировой войны. В конце 1914 года получил звание генерал-лейтенанта. В июне–декабре 1916 года был начальником штаба 5-й армии, в январе–апреле 1917-го командовал 26-м армейским корпусом.

После Февральской революции Е.К. Миллер пытался пресечь революционное брожение в своем корпусе, 7 апреля в схватке с солдатами был ранен, арестован и под конвоем отправлен в Петроград. Зачислен в резерв русской армии и командирован в Италию в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования в итальянской армии.

После Октябрьского переворота Е.К. Миллер отказался признать власть большевиков. С августа 1917-го по ноябрь 1918 года, находясь в Париже, занимался решением вопроса о расформировании и переброске в Россию частей русских бригад, во время Первой мировой войны действовавших во Франции и Македонии.

2 ноября 1918 года возглавляемое Н.В. Чайковским правительство Северной области в Архангельске пригласило генерала Е.К. Миллера на пост генерал-губернатора Северной области. Прибыв в Архангельск 1 января 1919 года Миллер был назначен управляющим иностранными делами правительства Чайковского и занимал эту должность вплоть до августа. Одновременно уже 15 января он был назначен генерал-губернатором Северной области, в мае – Главнокомандующим войсками Северной области – Се-

верной армии, а 10 июня – Главнокомандующим Северным фронтом. В сентябре 1919 года Миллер занял пост Главного начальника Северного края.

Тем временем 10–12 августа, обеспечив временный успех наступлением части войск английского Экспедиционного корпуса под командованием генерала Л. Садлер-Джексона в районе Северной Двины, англичане получили возможность для подготовки и организации эвакуации. 27 сентября интервенты были полностью эвакуированы из Архангельска на кораблях Антанты. Оставшиеся без поддержки англичан Белоповстанческая армия (Мурманская и Олонецкая армии) и войска Северной области (Северная армия) были полностью разгромлены.

19 февраля 1920 года генерал Е.К. Миллер отплыл из Архангельска на яхте «Ярославна». Вместе с ним на ледоколе «Канада» покинули Архангельск еще около 600 военных, чиновников, женщин и детей. Возглавлял и руководил операцией эвакуации Северной армии, проводкой и переходом отряда указанных судов контр-адмирал Б.А. Вилькицкий, одновременно командовавший ледокольным пароходом «Косьма Минин», на борту которого эвакуировалось еще около 200 военных и членов их семей (женщин и детей). По пути, приняв под свою команду в районе полуострова Рыбачий еще пароходы «Кильдин» и «Ломоносов», которые вышли с такими же пассажирами из Мурманска, Вилькицкий 26 февраля привел корабли в Норвегию. Так закончилась борьба Северной армии генерала Е.К. Миллера с советской властью на Севере России.

В 1920-м – 1937 годах Е.К. Миллер жил в эмиграции во Франции. В мае 1930 года он был выбран председателем РОВС и возглавлял эту организацию вплоть до 22 сентября 1937 года, когда он был похищен агентами НКВД в Париже (с помощью известной русской певицы Надежды Плевицкой и ее мужа генерала Н.В. Скоблина). Миллер был вывезен в СССР из Марселя (Франция) на советском пароходе «Мария Ульянова» и заключён в тюрьму НКВД на Лубянке, где содержался под именем Петра Васильевича Иванова. На допросах не сообщил никакой информации, способной причинить вред деятельности РОВС. Был приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян во внутренней тюрьме НКВД 11 мая 1939 года.

МОЛЧАНОВ Викторин Михайлович (1886–1975)

Викторин Михайлович Молчанов был сыном начальника почтово-телеграфной станции. Он окончил Елабужское реальное училище, с 1903 года учился в Московском пехотном юнкерском училище. В апреле 1906-го был произведён в прапорщики и направлен во 2-й Кавказский сапёрный батальон. В 1910 году переведён в 6-й Сибирский сапёрный батальон в чине штабс-капитана.

Во время Первой мировой войны В.М. Молчанов командовал ротой в 7-м Сибирском сапёрном батальоне, затем был командиром 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии, капитан. Участвовал в боях на реке Бзура, где в июне 1915 года немцы произвели газовую атаку, повлекшую гибель около 10 тыс. русских военнослужащих. В этом бою погибли три взвода из роты штабс-капитана Молчанова. Сам он, находясь с 4-м взводом своей роты, получив доклад о начале газовой атаки, приказал подчинённым немедленно намочить тряпки и дышать только через них, при этом заняв позиции вместо отравленных газами солдат. Попытка немцев захватить позиции русских войск после газовой атаки окончилась неудачей. Однако сам Молчанов, отдавая команды и управляя стрельбой из пулемёта, получил отравление. Был ненадолго эвакуирован в тыл. Награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1917 году В.М. Молчанов в чине подполковника служил инженером корпуса. 20 февраля 1918 года, находясь в штабе корпуса на станции Вольмар, неожиданно был атакован группой немецких солдат. Занял оборону вместе с несколькими сапёрами, но был ранен в обе ноги осколками гранаты и стёкол и попал в плен.

В апреле 1918 года В.М. Молчанов бежал из плена и вернулся в родную Елабугу, где возглавил крестьянский отряд самообороны. Местное население передало подполковнику всю военную и гражданскую власть в волости. Позднее Молчанов вспоминал, что во всей волости нашлось всего лишь 6 винтовок, несколько шашек, 2 револьвера и 1 пулеметная обойма. В то же время людей «...яви-

лось сотни, и я выбрал из них дружину полностью. Назначил командиров рот и эскадронов. Эскадрон пополнили исключительно татары – рослые, красивые молодцы на великолепных конях. Приказал остальным вооружиться дробовиками, сноповыми вилами...». Восстание распространилось и на соседние волости, всего в состав отряда вошло около 9,5 тыс. человек. К сентябрю 1918 года отряд подполковника Молчанова, присоединившийся к Народной армии Комуча, несколько сократился в численности, но всё равно насчитывал около 4,5 тысяч человек.

В конце 1918 года В.М. Молчанов был произведён в полковники армии адмирала А.В. Колчака и в январе 1919-го назначен командиром Ижевско-Воткинской отдельной стрелковой бригады в составе 2-го Уфимского армейского корпуса Западной армии. Бригада была сформирована на основе частей Ижевской народной армии и Воткинской народной армии, созданных в 1918 году Ижевскими и Воткинскими рабочими, восставшими против большевиков.

За успешные действия во время весеннего наступления армии А.В. Колчака в 1919 году В.М. Молчанов был произведён в генерал-майоры. Участвовал в неудачной для белых Челябинской операции, но смог сохранить боеспособность своих войск. За успешные бои на Тоболе в сентябре 1919 года был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. За боевые отличия Верховный правитель А.В. Колчак вручил Ижевской дивизии Георгиевское знамя, к знаменам ряда полков прикрепил Георгиевские кресты. Во время Великого Сибирского Ледяного похода Молчанов командовал арьергардом 3-й армии, прикрывал отступление основных сил генерала В.О. Каппеля. Смог прорваться по льду Енисея к деревне Подпорожье, расположенной выше по течению на реке Кан, на 108 км ниже Красноярска, где соединился с основными силами белых, отступавших на восток. Когда после смерти Каппеля командование принял генерал С.Н. Войцеховский, Молчанов возглавил авангард белых войск.

На подступах к Красноярску от тифа скончался старший брат Молчанова Александр (служивший в дивизии казначеем), а младший брат Сергей вместе со своими однополчанами перешел на сторону большевиков. Уже в самом конце Великого Сибирского Ледяного похода сам В.М. Молчанов был ранен в бою с партизанами у деревни Харузное. И все же остатки дивизии пробились на контролируемый японцами Дальний Восток.

В Чите 900 уцелевших ижевцев были сведены в один из полков Сводной дивизии, а та, в свою очередь, вошла в состав возглавленного Молчановым 3-го стрелкового корпуса. Преемник

А.В. Колчака атаман Г.М. Семёнов присвоил Виктору Михайловичу чин генерал-лейтенанта, однако Молчанов настолько презирал своего нового командующего, что и в дальнейшем именовал себя генерал-майором...

Большевики между тем создали в Западной Сибири марионеточную Дальневосточную республику (ДВР). Японцы согласились уступить новому государству Приамурье, однако при помощи белых рассчитывали удержать за собой Приморский край со столицей во Владивостоке. Проблема заключалась в том, что белогвардейцы к подобному компромиссу отнюдь не стремились.

В.М. Молчанов выдвинул простой, но эффектный лозунг «Вперед, к Кремлю!» и для начала 22 декабря 1921 года отбил у противника Хабаровск. Однако после первых успехов фронт стабилизировался у станции Ин. В феврале следующего года части ДВР под командованием В.К. Блюхера перешли в контрнаступление и вышли на главный оборонительный рубеж белых у станции Волочаевка. Обороной этого участка командовал Молчанов, и именно ему адресовал Блюхер свое письмо-агитку: «...Я – солдат революции и хочу говорить с вами прежде, чем начать последний разговор на языке пушек. Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согреть нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы?». Ответа на свое послание Блюхер не получил.

10 февраля 1922 года войскам В.М. Молчанова удалось отразить все атаки красных, но уже вечером следующего дня он допустил роковую ошибку. Опасаясь обхода противником своего северного фланга, Молчанов перебросил туда резервы с центрального участка. Однако именно по ослабленному центру и нанес свой удар Блюхер...

Хабаровск пал, и все же В.М. Молчанов рассчитывал остановить красных на следующем оборонительном рубеже – в районе Спасска. Здешние укрепления белогвардейская пропаганда, явно преувеличивая, любила сравнивать с твердынями Вердена. Тем не менее 7 укрепленных фортов вокруг города действительно представляли собой внушительную силу. К тому же под началом Молчанова еще было около 9 тыс. человек при 24 орудиях, 80 пулеметах и 4 бронепоездах. Точные силы красных установить довольно трудно, но они явно были значительнее. Сменивший В.К. Блюхера И.П. Уборевич разделил свои войска на три ударные группы под командованием С.С. Востречева, Г.В. Кондратьева и Я.З. Покуса.

После упорных боев 4 и 5 октября В.М. Молчанову удалось отбросить противника на исходные рубежи. Однако на следующий

день, произведя глубокий обход, части С.С. Вострцова вышли в тылы белых и решили исход сражения...

10 октября красные заняли Спасск, а 25 октября – Владивосток. Вместе с остатками своих войск В.М. Молчанов эвакуировался в Китай, откуда Молчанов переехал в США и поселился в Лос-Анджелесе. Попытка завести там собственный бизнес закончилась неудачей; по словам родственников, «он завел куриную ферму, но куры передохли от какой-то эпидемии». Скончался генерал Молчанов 10 января 1974 года в Сан-Франциско. В последний путь его провожали соратники по Ижевской дивизии.

ПЕПЕЛЯЕВ

Анатолий Николаевич
(1891–1938)

Личность и биография генерала А.Н. Пепеляева, к сожалению, мало известны широкому кругу лиц. Его незаслуженно забыли и старались не упоминать в советские времена.

Анатолий Николаевич Пепеляев появился на свет в Томске 15 июля 1891 года. Семья была большой: две сестры и пятеро братьев. Отец, генерал-лейтенант Николай Михайлович Пепеляев, отправил учиться сына в Омский кадетский корпус. Преподаватели находили его добрым, вспыльчивым, гордым, упрямым, но правдивым. Отмечались случаи проявления дерзости по отношению к преподавателям. Но по всему было видно, что мальчишке нравилось кадетство. Впрочем, все сыновья Н.М. Пепеляева, исключая старшего, получили прекрасное военное образование.

Наступил 1908 год, и А.Н. Пепеляев поступил в Павловское военное училище в Санкт-Петербурге. Его полностью поглотила учеба: тактика, военная история, иностранные языки, химия, военная топография – это далеко не весь список изучаемых дисциплин. В училище он стал серьезнее относиться к обучению, но дисциплина по-прежнему хромала. Будущий генерал умудрился за

два года получить 16 взысканий. Если судить по характеристике, которую оставили преподаватели, юнкер Пепеляев очень легко попадал под влияние товарищей, пользующихся дурной славой. При этом он неплохо обращался со стрелковым оружием и был физически развитым и крепким, а его натура требовала кипучей деятельности. Даже имея огрехи по дисциплине, он умудрился окончить училище в звании подпоручика, то есть был выпускником 1-го разряда. А для этого необходимо было набрать не менее 8 баллов из 10 возможных по военным дисциплинам, а в знании строевой службы получить не менее 10 баллов.

Подпоручик А.Н. Пепеляев вернулся в родной Томск в 1910 году и был направлен для прохождения службы в пулеметную команду. Это подразделение ротного уровня состояло из 99 человек, включая командира и 3 обер-офицеров (одного старшего и двух младших). Одним из младших обер-офицеров и начал свою карьеру Пепеляев.

Спустя два года после начала прохождения службы в составе 42-го Сибирского стрелкового полка подпоручик Пепеляев сошелся узами брака с Ниной Ивановной Гавронской. Но счастью помешала Первая мировая война. Незадолго до ее начала Пепеляев получил звание поручика и новую должность – начальника команды разведчиков полка. Спустя три недели после объявления войны его полк был отправлен на Северо-Западный фронт.

Разведчики под командованием поручика А.Н. Пепеляева проявили себя уже в первые месяцы после прибытия на фронт. Было произведено несколько успешных рейдов в районе местечка Граево, городка Маркрабово. За это Пепеляева награждали орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, орденом Св. Станислава 3-й степени. Разведчикам везло, и они гордились своим командиром.

1915 год был богат на события, проверяющие на прочность мощь и силу духа российской армии. Речь, в частности, идет о шестидневном Праснышском сражении. 30 июля 1915 года наступающие немецкие войска имели почти двукратное превосходство над оборонявшимися сибиряками. 11-я Сибирская стрелковая дивизия, в которой служил поручик А.Н. Пепеляев, насчитывала 14500 штыков. Уже к вечеру боеспособных бойцов осталось не больше 5 тыс. Бойцы, проявляя чудеса мужества, ощутили на себе всю силу главного удара немцев, но не дрогнули и остались до конца верными присяге и воинскому долгу. Им пришлось отойти, но замысел немецкого командования был сорван: окружить российскую группировку в Польше им не удалось.

Судьба хранила А.Н. Пепеляева от штыка и пули, но от осколка не уберегла. После операции он рвался в бой и все уговоры об

эвакуации категорически отметал. Он чувствовал, как нуждаются в нем его солдаты и боевые товарищи. И бросить всех из-за легкого, на его взгляд, ранения не представлялось возможным для чести русского офицера. Не успев как следует отойти от ранения, поручик снова бросается в бой, и командование повышает его в чине до штабс-капитана. Он продолжает командовать своими разведчиками-сибиряками и проявлять чудеса героизма.

18 сентября 1915 года в бою у деревни Боровая возникла опасная ситуация. Отряд А.Н. Пепеляева охранял правый фланг и проводил разведку боевого участка 11-й Сибирской стрелковой дивизии. Немцы, имея четырехкратное превосходство, практически вплотную подошли к позициям наших войск, и если бы они ими овладели, то создали бы крайне неприятные условия для обороны целой дивизии. Времени на раздумье не оставалось. Штабс-капитан лично возглавил контратаку своих разведчиков, и сибиряки не сплосхвали. Они не просто отбросили ворвавшегося врага, но и вернули свои позиции. В этом бою было уничтожено свыше сотни немцев, сам же Пепеляев потерял всего двоих солдат.

Можно и дальше перечислять не менее славные эпизоды в биографии А.Н. Пепеляева, однако уже намечались тревожные тенденции, происходившие в российской армии. Люди начинали медленно, но верно уставать от военной неразберихи и бессмысленности происходящего. Только у отряда разведки Пепеляева не было времени на грусть и всеобщее уныние. Слишком яркой была череда событий в той ужасной мясорубке. Но командование оценило богатый боевой опыт храброго офицера и направило его в прифронтовую школу.

Потери российской армии были колоссальными. Общество все чаще задавалось вопросами о целесообразности продолжения такой войны. К этому можно добавить и агитацию, которую большевики к тому времени уже успешно развернули на фронтах. Все эти и многие другие причины вызвали разброд и шатание, породив в душе простого русского солдата вопрос: «А за что я должен умирать?» На развал армии и утрату ее боеспособности повлияло множество факторов. Вместе с этим происходило уничтожение всего старого, появлялось новое – непонятное. Например, выборность командиров, демократизация в вооруженных силах. Как это влияло на мощь армии, объяснять не стоит. В военной среде, не без оснований, в происходящем считали виновным бездарного Николая II и его правительство, поэтому многие встретили Февральскую революцию и отречение царя от престола абсолютно спокойно. Русские патриоты еще надеялись на победу, но с каждым днем эта надежда таяла. Октябрьская революция и подпи-

санный сепаратный Брест-Литовский мир – почва уходила из-под ног. Все, во что верили русские патриоты, рушилось на глазах.

По воспоминаниям самого Пепеляева, революцию он встретил на фронте. Он не мог изменить ситуацию, но и мириться с ней не собирался. Ему необходимо было время обо всем хорошенько подумать. И он направился в родной Томск.

Когда 31 мая 1918 года Томск был очищен от большевиков, А.Н. Пепеляев и его соратники смогли выйти из подполья. Ими был сформирован Средне-Сибирский корпус, и результаты его боевой деятельности не заставили себя ждать. Поочередно наступало освобождение Красноярска, Иркутска, Верхнеудинска. Карьера военного продолжила свой головокружительный взлет. 27-летнему Пепеляеву было присвоено звание генерал-майора.

Но при всех талантах и феноменальном везении А.Н. Пепеляева были у него некоторые особенности в поведении, которые настораживали окружающих. Он принципиально отказывался носить погоны, считая, что власть должна перейти крестьянству и деревне. Старый режим он не просто презирал, но и люто ненавидел, был готов бороться с оружием в руках, чтобы не допустить его возвращения. Его взгляды и некоторые действия свидетельствовали об экзальтированности и незрелости личности. Пепеляев гордился тем, что ни разу не отдал приказа о расстреле, но это не означало, что террор не набирал обороты с обеих сторон. Находясь в своем иллюзорном мире, он отказывался понимать, что Гражданская война – это качественно новый уровень противостояния. Молодой генерал Пепеляев свято верил в свои идеалы, и это впоследствии сыграло с ним и с теми, кто отправился с ним в знаменитый Якутский поход, злую шутку.

Будучи солдатом, он так и не смог принять и смириться с той варварской нечеловеческой жестокостью, которую несла в себе Гражданская война. А.Н. Пепеляев и его войска прибыли на Урал. Они рвались к Перми, но им противостояла 3-я армия РККА. Нельзя сказать, что у красных ситуация была стабильной. Существовали проблемы со снабжением и моральным духом бойцов. Кроме того, в рядах большевиков служило значительное количество людей, которые симпатизировали белому движению. Еще одним значительным фактором, влияющим на ход общего сражения, было то, что планирование операций носило спонтанный характер, да и уровень подготовки офицеров оставлял желать лучшего.

Белый генерал А.Н. Пепеляев и его войска выгодно отличались от своих противников: они были лучше подготовлены и имели прекрасный боевой опыт. Кроме того, они имели агентуру в

штабе 3-й Красной Армии. Штурм города начался 24 декабря 1918 года в 30-градусный мороз. Сопротивление красных удалось подавить в течение дня. Оставшиеся красноармейцы в спешке переправлялись за реку Каму. Пермь была взята, но необходимо было продолжать наступление, и Пепеляев продолжил поход на запад. Усилились морозы, и продвижение заглохло. Наступление продолжилось только в марте. Пепеляев упорно продвигался к Вятке. Всем остальным полководцам Белого движения везло куда меньше: их попытки наступления были отбиты Красной Армией, и даже сложилась ситуация, угрожавшая всей группировке А.В. Колчака. Отступление белых все больше походило на бегство. Армия А.Н. Пепеляева, прикрывавшая отход В.О. Каппеля и С.Н. Войцеховского, в конце концов была полностью уничтожена, а сам генерал заболел тифом. Но судьбе было угодно, чтобы он выжил.

Это был уже другой человек: он разочаровался в Белом движении, а с красными ему было явно не по пути, он и решил эмигрировать. Пепеляев мужественно встретил все невзгоды и лишения на чужбине. Быстро овладел профессиями плотника и рыболова. Перебивался другими случайными заработками. Учился жить без войны и быть кормильцем. И это у него получалось. Он был деятельной личностью и поэтому вскоре основал артели грузчиков, плотников. Но прошлое не хотело отпускать его. К нему постоянно обращались за помощью непокоренные из разбитой армии Колчака. Все мечтали о возвращении в родную Россию. Мечтал об этом и сам А.Н. Пепеляев, иначе, чем объяснить, что он, в конце концов, позволил вновь себя уговорить на явную авантюру.

Предстоял поход в Якутию, чтобы поддержать повстанцев. Чем объяснить такое решение – неплохая тема для споров и диспутов. И финансирование для этой явно безумной идеи нашлось. Дельцы быстро смекнули, что там можно будет организовать явно бесконтрольный промысел пушнины и, сопоставив все риски, скрепя сердце выделили средства. Генерала А.Н. Пепеляева были готовы поддержать 750 человек. Имея 2 пулемета и около 10 тыс. штыков и сабель, отряд был готов выдвинуться в негостеприимные пустоши Якутии.

В начале сентября 1922 года в Охотске и Аяне высадились бойцы Сибирской добровольческой дружины. Тунгусы тепло их встретили, считая своими избавителями, и передали около 300 оленей – главную тягловую силу в тех местах. Несмотря на это, было очевидно, что поход подготовлен плохо, хотя имелось дополнительное подкрепление людьми и провиантом.

Зимняя дорога Дружины генерала А.Н. Пепеляева стала серьезным испытанием. Но ещё страшнее были боевые действия в тех

условиях. Встреча с красноармейским отрядом И.Я. Строда помешала планам Сибирской добровольческой дружины. Пепеляев вдруг решил во что бы то ни стало разбить это подразделение красноармейцев. Но его подопечные были обречены. Они с боями отступали до Аяна, где и сдались в плен. Пепеляев и Строд, будучи противниками, оба оставались романтичными и благородными людьми. Строд всячески защищал Пепеляева, отмечая, что тот не применял зверств и расстрелов. Но суд был неумолим. А.Н. Пепеляева направили отбывать наказание в Ярославский политизолятор.

Прошли годы в одиночной камере, после чего ему милостиво разрешили писать жене письма. Лишь 6 июля 1936 года Пепеляева освободили. Но ненадолго. Приближался страшный 1937 год, и уже в августе он был снова возвращен за решетку. В Новосибирске в январе 1938 года ему зачитали смертный приговор.

РОДЗЯНКО Александр Павлович (1879–1970)

Александр Павлович Родзянко был одним из сыновей Павла Владимировича Родзянко, родного брата Михаила Владимировича – председателя Государственной думы III и IV созывов. Мать, Мария Павловна, урожденная княжна Голицына, унаследовала от своей матери, графини Строгановой, огромное состояние.

Как и его отец, А.П. Родзянко по достижении трех лет 15 октября 1882 года был зачислен в пажи-кандидаты Высочайшего двора. Определен в Пажеский Его Императорского Величества корпус 4 октября 1894 года. 6 октября 1898 года произведен в камер-пажи Высочайшего двора.

9 августа 1899 года А.П. Родзянко был произведен в корнеты по экзамену и вышел в Кавалергардский Ее И.В. Государыни Им-

ператрицы Марии Федоровны полк. Будучи еще корнетом, был командирован в Италию, где в Турине участвовал в международных конных состязаниях. Награжден Кавалерским Крестом Итальянского ордена Короны, на принятие и ношение которого получил Высочайшее разрешение 14 апреля 1903 года.

9 августа 1903 года А.П. Родзянко был произведен в поручики. С 8 по 20 ноября 1904 года был временно командующим эскадром Его Величества. В ноябре 1905 года командирован в Офицерскую Кавалерийскую школу, которую окончил с отличием в 1907 году, начав курс еще при строгом и требовательном начальнике школы – генерале А.А. Брусилове. 2 октября 1907 года был произведен в штаб-ротмистры, и тогда же было высочайше разрешено командировать его «на собственный счет во французскую Офицерскую Кавалерийскую школу в Сомюре на 10 месяцев, с содержанием содержания».

А.П. Родзянко вернулся в полк из Франции 26 августа 1908 года, 27 сентября был снова назначен временно командующим эскадром Его Величества и с небольшими перерывами исполнял эту должность до 30 июня 1909 года. В ноябре 1912-го он сдал должность командира эскадрона и был назначен помощником командира полка по хозяйственной части. С 25 мая по 1 июня 1912 года временно командовал полком, в декабре был произведен в полковники. Помимо службы в полку Родзянко много времени и сил отдавал международным конным состязаниям: в мае–июле 1911 года находился в командировке в Лондоне, с 18 июня по 8 июля 1912 года выступал на Олимпийских играх в Стокгольме, в мае – июне 1913-го – на международных конных состязаниях в Лондоне.

С началом Первой мировой войны полковник А.П. Родзянко был Высочайшим приказом от 30 августа 1914 года переведен во 2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. Затем в октябре приказом генерала А.А. Брусилова по 8-й армии прикомандирован к 1-му Линейному казачьему генерала Вельяминова полку Кубанского казачьего войска, где был назначен помощником командира полка по строевой части. Но и на этой должности Родзянко оставался недолго: с 17 по 25 ноября он временно командовал 16-м Донским казачьим генерала Грекова полком.

После всех этих перемен в служебной карьере гвардейского полковника, наконец, сыграли свою роль связи «наверху» и знакомство с А.А. Брусиловым, ибо он был откомандирован «по словесному приказанию командующего 8-й армией». Обрыв в послужном списке не позволяет выяснить, на какую именно должность полковник А.П. Родзянко был назначен генералом Брусиловым, но судя по наградам (орден Св. Анны 4-й степени

с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом), он доблестно участвовал в боевых действиях 8-й армии в трудную зиму 1914–1915 годов.

Высочайшим приказом от 17 июля 1915 года А.П. Родзянко был переведен обратно в Кавалергардский полк в качестве штаб-офицера, а год спустя 1 мая 1916-го назначен командиром полка Офицерской кавалерийской школы. Это назначение было, конечно, признанием полковника Родзянко как выдающегося кавалериста. Оставаясь командиром полка, Родзянко с 17 января по 23 февраля 1917 года временно командовал 1-й бригадой 17-й кавалерийской дивизии, а 22 апреля приказом по армии и флоту был назначен командующим бригады. 17-я кавалерийская дивизия входила в состав 12-й армии, занимавшей фронт по реке Двине. С 26 июня по 10 июля 1917 года Родзянко занимал должность начальника гарнизона Риги, после чего вернулся в свою бригаду. Во время наступления немцев на рижском участке фронта за бои у дачи Зегевольд 30 августа был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Весьма вероятно, что в последние месяцы 1917 года полковник А.П. Родзянко был представлен к производству в генерал-майоры, но приказ об этом по армии и флоту так и не был отдан в силу падения Временного правительства. Откомандовав полком, бригадой и временно даже дивизией, полковник Родзянко считал себя вправе претендовать на чин генерал-майора.

После расформирования 17-й кавалерийской дивизии, которой он командовал с октября 1917 года, ко времени заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 года А.П. Родзянко вместе с частью бывшего штаба Северного фронта оставался во Пскове, откуда занявшими город немцами был отправлен в качестве интернированного в Германию. В августе 1918 года он был отпущен и поселился в Риге, где проживала его супруга. В сентябре Родзянко узнал, как он сам пишет, о начале создания «противобольшевистской организации» в Пскове, куда и выхлопотал себе разрешение на проезд, чтобы получить более достоверные сведения.

Убедившись во Пскове, что немцы не торопятся ни со снабжением, ни с вооружением первых русских добровольцев, Родзянко вернулся в Ригу, где уже только после капитуляции Германии на западном фронте командование 8-й германской армии согласилось на формирование стрелковых батальонов в Риге. В удостоверении, выданном штабом 8-й германской армии 20 ноября 1918 года на имя А.П. Родзянко, он указан как полковник. Но другой документ – командировочное предписание штаба Псковского Доб-

ровольческого корпуса от 23 ноября 1918 года, за подписью командующего корпусом полковника Г.Г. Нефа – выдан уже на имя генерал-майора А.П. Родзянко. Однако приказа о производстве полковник Неф отдать так и не успел. 25 ноября 1918 года Псков был сдан красным.

Северный корпус отступил в Эстонию, а генерал-майор А.П. Родзянко вернулся в Ригу, где, сдав свое условное командование стрелковым батальоном, отправился вместе с ротмистром Кавалергардского полка Светлейшим князем А.П. Ливеном на встречу с командующим английской эскадрой адмиралом Э. Синклером в Балтийское море. В итоге этой встречи и Ливен, и Родзянко пришли к выводу, что ожидать немедленной помощи снабжением и вооружением от союзников не приходится. Поэтому Ливен согласился возглавить русский отряд, отходивший из Риги в Либаву, которая оставалась под немецким контролем, а генерал-майор Родзянко, оставив письменный доклад о русской Северной армии у адмирала Синклера, 20 января 1919 года отплыл на эстонском корабле «Ваза» в Ревель к новому командующему Северным корпусом полковнику К.К. Дзерожинскому. Полковник Дзерожинский оставил его у себя «в распоряжении».

В конце февраля 1919 года генерал-майор А.П. Родзянко получил назначение принять командование в районе Юрьева южной группой корпуса, состоящей из отдельных отрядов, с задачей сформировать из них 2-ю бригаду корпуса. Взяв с собой в качестве начальника штаба энергичного поручика В.К. Видякина, генерал-майор Родзянко сформировал из Талабского отряда ротмистра Б.С. Пермикина Талабский полк, из отряда полковника Д.Р. Ветренко – Волынский полк (этот отряд полковник Ветренко привел с Украины) и из отряда полковника С.Н. Булак-Балаховича – Конный полк. С этой бригадой ему удалось в самом конце февраля 1919 года ударом во фланг группе красных войск, наступавших от Пскова в направлении Верро (Выру), заставить ее отойти обратно к Пскову. Этот успех вызвал прибытие в Юрьев главнокомандующего эстонской армии генерала Й. Лайдонера, с которым Родзянко успел познакомиться и уже тогда затронуть вопрос о своем возможном назначении командиром Северного корпуса.

В начале апреля, пользуясь затишьем на фронте, А.П. Родзянко прибыл в Ревель и несколько раз встречался с командиром корпуса полковником К.К. Дзерожинским. «Для пользы дела» Родзянко готов был принять командование корпусом. Такое мнение активно поддерживали близко знавшие Родзянко по службе в гвардии конногвардейцы – полковник граф А.П. Пален и начальник штаба корпуса энергичный полковник В.В. фон Валь. Пол-

ковник О.А. Крузенштерн, заменивший фон Валя на посту начальника штаба корпуса по приказу генерала Лайдонера, был одного выпуска с Родзянко из Пажеского корпуса. Сам генерал Й. Лайдонер как главнокомандующий и эстонскими, и русскими войсками сочувствовал назначению А.П. Родзянко – ближайшего родственника бывшего председателя Государственной думы, являвшегося в глазах эстонского правительства наименее опасным для независимости Эстонии в случае успеха русских на Петроградском фронте.

В ходе переговоров и совещаний по этому вопросу выяснилось, что большинство начальников частей считают необходимым как можно скорее перейти к наступательным действиям и, заняв часть территории Псковской и Петроградской губерний, уже не зависеть от Эстонии как базы. А.П. Родзянко сумел убедить эстонское командование в необходимости перебросить его 2-ю бригаду с псковского направления на нарвское и таким образом сосредоточить все войска корпуса в кулак в районе Нарвы. Хотя сам предпочитал псковское направление для наступления, он все же согласился после получения директив от генерала Н.Н. Юденича начать без промедления наступление в направлении Ямбург – Гатчина – Петроград. Полковник К.К. Дзержинский, не сдав командования, вынужден был передать подготовку и проведение наступления генералу Родзянко.

Став фактически во главе корпуса, А.П. Родзянко подготовил план наступления с ограниченной целью: выход на правый берег реки Наровы, занятие отрядом С.Н. Булак-Балаховича Гдова на юге и Ямбура на севере путем выхода в тыл главным силам 19-й стрелковой дивизии 7-й армии красных в районе станции Веймарн. Перерезав там и Балтийскую железную Дорогу, и Петроградское шоссе, он рассчитывал окружить ябургскую группу 7-й армии противника. Дальнейший план наступления, как писал сам Родзянко, «в деталях разработан не был», что фактически означало отсутствие операционной цели в самом замысле наступления.

Наступление Северного корпуса началось 13 мая 1919 года. Оно, несмотря на недостаток вооружения и снабжения, воодушевило войска и позволило командирам частей проявить инициативу, часто весьма рискованную. Успех наступления превзошел все ожидания. 20 мая вооруженные суда Чудской флотилии подняли Андреевские флаги, перешли на сторону белых, что позволило Балаховичу занять базу флотилии Роскопёнь.

Управление войсками белых не отвечало требованиям быстрого и часто непредвиденного (в силу деморализации или перехода

частей Красной Армии на сторону белых) продвижения вперед. «Во время этого первого наступления, – вспоминал А.П. Родзянко, – штаб мой был весьма малочислен, средств связи почти не было, а поэтому большую часть приказаний мне приходилось отдавать лично, разъезжая по фронту корпуса». И при этом, как правило, верхом. Описывая свою встречу на фронте с командующим армией, командир батареи капитан А.С. Гершельман рассказывал: «Выехав вперед, я вдруг неожиданно встретил генерала Родзянко. На своей свежей породистой лошади он объезжал части и подгонял их. Я ему доложил о наших затруднениях, и мы одно время ехали вместе... Затем, перепрыгнув через какое-то срубленное дерево (я на своей кляче, конечно, не последовал его примеру), он рысью поехал подгонять другие колонны». Победы молодого гвардейского ротмистра Родзянко на фешенебельных скачках Турина и Лондона подготовили его к такому личному вождению войск во время Гражданской войны.

Командующий Западным фронтом, а затем 7-й армией РККА, многоопытный генерал-лейтенант Д.Н. Надежный так оценивал деятельность своего противника: «В общем, нельзя не признать, что генерал Родзянко обладал энергией и организаторскими способностями, что в значительной мере оправдывает его стремление стать у власти, так как, по-видимому, полковник Дзерожинский был далеко не самостоятелен и не энергичен».

По возвращении с фронта А.П. Родзянко, воспользовавшись отсутствием в штабе полковника К.К. Дзерожинского, 25 мая 1919 года отдал приказ о своем временном вступлении в командование Северным корпусом. Этот приказ был подтвержден эстонским главнокомандующим генералом Й. Лайдонером, утвердившим окончательную передачу командования корпусом Родзянко начиная с 1 июня 1919 года.

Несмотря на успехи Северного корпуса в майском наступлении, превзошедшие все ожидания, отсутствие налаженного тыла, средств связи и главное – ясно определенной операционной цели, в силу чего небольшие силы корпуса оказались разбросанными на очень широком фронте, привели А.П. Родзянко к решению приостановить наступление. Иначе говоря, он склонялся к переходу к обороне, а это вело к утрате инициативы и при существовавшем соотношении сил – к неизбежному отступлению.

В ходе частых перемен в штабе Северного корпуса, а затем Северо-Западной армии, страдала, прежде всего, разведка. Неожиданным для белого штаба оказался переход Семёновского полка к белым 29 мая, присоединение в те же дни батареи красных курсантов к Островскому полку полковника М.В. Ярославцева и мно-

гие другие события. «О желании гарнизона Красной Горки и части Балтийского флота перейти на нашу сторону, – писал А.П. Родзянко, – я уже знал раньше и сообщил об этом Английской Военной Миссии через капитана 1 ранга Кньюфера». Однако никаких мер усиления на этом участке фронта, равно как и предупредительный командиров Островского полка, сделано не было.

Когда в ночь с 12 на 13 июня началось восстание на форте Красная Горка, в штабе Северного корпуса не было получено никаких известий ни от командования английской эскадрой, принявшей сообщение радио из форта, ни от Ингерманландского отряда. В то же время командовавший фортом поручик Н.М. Неклюдов и его помощник – командир артиллерийского дивизиона капитан Н.И. Лощинин, умело проведя подготовку восстания, послали, в частности, накануне восстания к белым делегатов-офицеров, с тем чтобы предупредить их и организовать взаимодействие... Однако эти парламентарии дальше финского поста не продвинулись...

Изолированный и не поддержанный, хотя бы морально, белыми, гарнизон форта Красная Горка с примкнувшим к нему гарнизоном форта Серая Лошадь вступил в артиллерийскую дуэль с флотом в Кронштадте и единоборство с подошедшим из Ораниенбаума, спешно собранным морским экспедиционным отрядом и сборной бригадой А.А. Стороженко.

Гарнизон форта, состоявший помимо артиллерийского дивизиона и технических команд из 1-го и 2-го Кронштадтских крепостных полков, насчитывал первоначально свыше 5 тыс. штыков. Передовые части гарнизона заняли поселок Большие Ижоры на берегу Финского залива недалеко от Ораниенбаума. Попав здесь под сильный обстрел с трех подошедших к берегу эсминцев и не видя никакой поддержки с юга, где проходил белый фронт, части гарнизона отступили обратно в форт, уже полуразрушенный артиллерийским огнем линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Началось разложение.

О восстании на форте Красная Горка А.П. Родзянко узнал на третий день от прибывшего к нему в Нарву 16 июня начальника сухопутной обороны форта полковника Р.Ф. Делля, который рассказал о драматическом ходе событий, пережитых за три дня гарнизоном форта. Разъяренный Родзянко немедленно выехал в Ямбург, куда был вызван начальник Ингерманландского отряда капитан Тополайнен. Последний заявил, что он не подчиняется генералу Родзянко, после чего был выгнан вон.

Обострение отношений А.П. Родзянко с эстонским командованием и выход из подчинения генералу Й. Лайдонеру привели к резкому сокращению снабжения Северо-Западной армии боепри-

пасами и другим снаряжением с эстонской стороны. А прекращение наступления лишило ее англо-французского трофейного вооружения и боеприпасов и поставило в катастрофическое положение. Генерал Родзянко в наивном ожидании иностранной помощи своей раздетой армии посчитал более выгодным отойти на севере на рубеж реки Луги и занять удобную для обороны позицию до поступления вооружения и усиления артиллерией, танками и другими техническими средствами.

Войска Нарвского участка 7-й армии красных могли в любой момент начать наступление. Но в самом начале августа в Нарву прибыл со своим штабом генерал Н.Н. Юденич. Как пишет генерал П.А. Томилов, Юденич настаивал на удержании города Ямбурга и предмостного плацдарма на правом берегу Луги, однако А.П. Родзянко «вопреки желанию Главнокомандующего во что бы то ни стало оборонять Ямбург, приказал графу Палену в случае нажима противника бросить город и отойти на левый берег реки Луги, а затем приказал полковнику Бибикову отойти, не принимая боя, и взорвать мост через Лугу, несмотря на запрещение Главнокомандующего».

Так начался конфликт между Н.Н. Юденичем и А.П. Родзянко. В его основе лежало коренное расхождение по вопросу главного стратегического направления при наступлении на Петроград. Уже сразу после прибытия Юденича в Нарву Родзянко представил ему письменный доклад, где противопоставлял идее прямого, короткого удара по направлению Нарва-Ямбург – Гатчина – Петроград, сосредоточение главных сил в Пскове. Генерал Юденич не разделял этих взглядов на перенос главного удара на Псковское направление и настойчиво повторял: «А всё-таки от Ямбурга до Петрограда ближе, чем от Пскова», считая Нарвское направление более реальным для немногочисленной Северо-Западной армии.

Желая опровергнуть слухи об удалении А.П. Родзянко, Н.Н. Юденич написал ему 4 сентября 1919 года личное письмо, где, высказав свое возмущение распространителями этих слухов, заверил Родзянко, что они «...могут иметь одну цель: восстановить Вас против меня и тем помешать нашей дружной работе на пользу общего дела...».

Поручив А.П. Родзянко и его штабу разработать и подготовить план наступления на Петроград в направлении Ямбург – Гатчина, Н.Н. Юденич перед началом наступления отдал приказ о производстве генерал-майора Родзянко в генерал-лейтенанты. В то же время, 2 октября, он объявил о своем вступлении в должность командующего Северо-Западной армией, назначив генерала Родзянко своим помощником. Это вызвало бурное объяснение. Родзян-

ко ушел от генерала Юденича с решением покинуть армию. Однако на следующий день старшие начальники во главе с генерал-майором графом А.П. Паленом уговорили его согласиться, обещая уладить личный конфликт с Юденичем.

В наступлении на Петроград, начатом 10 октября, генерал А.П. Родзянко участвовал, находясь, как всегда, впереди. 13 октября передовые части 3-й дивизии заняли станцию Преображенскую (Толмачево) на Варшавской железной дороге, выйдя в тыл лужской группе красных. 16 октября Родзянко одним из первых вошел в Гатчину.

С целью получения финансовой и материальной помощи для восстановления боеспособности Северо-Западной армии Н.Н. Юденич объявил о командировании Родзянко в Англию. Однако последний так и не дождался ни командировочного удостоверения, ни дополнительных указаний, что сделало его миссию бесперспективной.

В первых числах января 1920 года А.П. Родзянко удалось выехать в Германию, где он закончил работу над книгой «Воспоминания о Северо-Западной армии», изданной в Берлине в 1921 году. Он писал: «Огромная ответственность за гибель армии лежит на самом генерале Юдениче, человеке безвольном и упрямом, которому были совершенно чужды стремления и желания борцов за правое дело. Этот дряхлый старик не имел права брать на себя столь ответственную роль; большими преступниками перед погибшими борцами являются те русские общественные деятели, которые выдвинули эту мумию на столь ответственный пост...»

Оставим на совести генерала подобные высказывания. Обзор причин поражения Северо-западной армии, сделанный А.П. Родзянко, не вышел за пределы его профессионального кругозора и явился иллюстрацией чисто субъективного восприятия исторических явлений и ограниченно-высокомерного мирозерцания русских белых вождей. Отметим все же, что Н.Н. Юденич в военном отношении бесспорно был «более талантлив», а Северо-Западная армия волею многих обстоятельств при любом выборе была неминуемо обречена на поражение в затеянной военной авантюре.

В дальнейшем жизнь А.П. Родзянко прошла почти целиком в Соединенных Штатах Америки «...в беженской и подчас очень трудной обстановке...». Генерал скончался 6 мая 1970 года в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище Успенского монастыря Ново-Дивеево в Спринг-Валли.

РОЗАНОВ Сергей Николаевич (1869–1937)

Сергей Николаевич Розанов получил образование в Михайловском артиллерийском училище, откуда был выпущен в 3-ю резервную артиллерийскую бригаду. Позже служил в 1-й гренадерской артиллерийской бригаде.

В 1897 году С.Н. Розанов окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. С 6 мая 1898 года служил обер-офицером для поручений при штабе Киевского военного округа. Цензовое командование ротой отбывал в 132-м пехотном Бендерском полку с 25 октября 1900-го по 25 октября 1901 года. С 25 октября 1901 года – штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа, со 2 сентября 1903 го – столоначальник Главного штаба.

В Русско-японской войне С.Н. Розанов участвовал в качестве старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии. С 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем ГУГШ, а 14 июля 1910 года – командиром 178-го пехотного Венденского полка и с этим полком вступил в Первую мировую войну.

В сентябре 1914 года С.Н. Розанов был поставлен во главе 2-й бригады 45-й пехотной дивизии. С 19 января 1915 года назначен начальником штаба 3-го Кавказского армейского корпуса (командующий корпусом В.А. Ирманов). В 1916 году произведен в генерал-майоры.

В 1917 году карьера С.Н. Розанова сделала большой скачок: 18 февраля он стал командующим 162-й пехотной дивизией, а 25 августа – 41-го армейского корпуса. Во время выступления Л.Г. Корнилова Розанов доказал свою лояльность Временному правительству, и 2 сентября комиссар 7-й армии даже просил Петроград назначить Розанова командующим армией вместо скомпрометированного генерала В.И. Селивачева.

В 1918 году С.Н. Розанов поступил на службу в Красную Армию и был назначен в управление Всероглавштаба, но в сентябре в

Поволжье перешел на сторону антибольшевистского Самарского правительства. С 25 сентября по 18 ноября исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Комуча (Уфимской директории) генерала В.Г. Болдырева.

В ноябре 1918 года в Омске С.Н. Розанов зарекомендовал себя сторонником военной диктатуры, но из имеющихся кандидатов на роль диктатора отдавал предпочтение генералу В.Г. Болдыреву. После прихода к власти адмирала А.В. Колчака был уволен в отпуск «по болезни». 22 декабря 1918 зачислен в резерв чинов при штабе Омского военного округа.

13 марта 1919 года С.Н. Розанов прибыл в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа и 31 марта был назначен генерал-губернатором Енисейской губернии и особоуполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии. Разгромил основные очаги партизанского движения в Восточной Сибири. Известен приказ генерала Розанова от 27 марта 1919 года, который считается одним из свидетельств белого террора:

«...Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, – расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны. Примечание. Всё отобранное должно быть проведено приказом по отряду...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно...».

С 18 июля 1919-го по 31 января 1920 года С.Н. Розанов – главный начальник Приамурского края. 26 сентября во Владивостоке он получил от межсоюзного комитета военных представителей требование вывести русские отряды из Владивостока, сопровождавшееся угрозой применения военной силы. Розанов запросил по телеграфу Омск и получил от А.В. Колчака приказ оставить войска во Владивостоке, что и исполнил. Розанов легализовал атаманское управление, назначив С.М. Семёнова и И.П. Калмыкова уполномоченными по охране общественного порядка с правами генерал-губернаторов.

В октябре 1919 года С.Н. Розанов доносил А.В. Колчаку о росте оппозиционных настроений к омскому правительству в крае и о готовящемся выступлении против правительства с Р. Гайдой во главе. 17–18 ноября 1919 года, когда восстание Гайды и его сторонников (эсеров и чехов) во Владивостоке всё-таки произошло, Розанов отстранился от подавления восстания и, вопреки приказу Колчака, выпустил мятежника Гайду из города.

Во время антиколчаковского переворота в Иркутске манифестом Политцентра Розанов был объявлен врагом народа.

После восстания во Владивостоке 31 января 1920 года С.Н. Розанов уехал в Японию. В дальнейшем жил в Пекине, а затем во Франции. Умер в Мёдоне в 1937 году.

РОМАНОВСКИЙ Иван Павлович (1877–1920)

Иван Павлович Романовский родился 16 апреля 1877 года в городе Луганске, в семье офицера-артиллера. В историю вошел как один из организаторов Добровольческой армии, первопоходник, начальник штаба Вооружённых сил Юга России, близкий друг и соратник А.И. Деникина.

О генерале И.П. Романовском написано мало, а отношение к нему современников и историков Белого движения всегда было неоднозначным. Ещё при жизни его называли «тенью» А.И. Деникина, «серым кардиналом», «злым гением», который всё время выглядывал из-за плеча Главнокомандующего ВСЮР, оказывая влияние на все его решения и поступки. Враждебно настроенные к Деникину белые военачальники, которые и сами стремились влиять на решения Главкома, весьма ревниво относились к авторитету Романовского в Ставке. В период военных побед ВСЮР они лишь посмеивались над внешней зависимостью Деникина от своего начштаба, а после поражений осени 1919 года наклепили на

Романовского ярлык «дурного советчика» и основного виновника случившейся катастрофы. Благодаря выпадам оппозиции П.Н. Врангеля, поставившей своей целью устранить Деникина от командования, за генералом Романовским настолько закрепились репутация бесталанного «фаворита» и «худшего» друга «безвольного добряка» Антона Ивановича, что выйти из этой роли ему не удаётся и по сей день.

Современная историография, обращаясь лишь к обстоятельствам трагической гибели генерала Романовского в Константинополе, почему-то не освещает его реальную деятельность на посту начальника штаба ВСЮР в самый ответственный, переломный момент Гражданской войны. Следуя на поводу у враждебно настроенных «врангелевцев», современные историки говорят лишь о негативном отношении к Романовскому в армии. Перечисляя его очевидные ошибки и неудачи, они не раскрывают ни их причин, ни меры влияния «серого кардинала» на принимаемые Деникиным решения.

Личность и судьба генерал-лейтенанта И.П. Романовского заслуживают внимания уже потому, что именно его, а не П.Н. Врангеля, А.И. Деникин видел своим единственным преемником на посту Главкома ВСЮР. Сам Деникин, в отличие от многих своих современников и соратников, очень высоко оценивал военные и личные качества Романовского, не раз отзывался о нём, как о честном, смелом и порядочном человеке, всецело преданном идее Белого дела. Известно, что в завещании, составленном войскам в форме приказа, Деникин, в случае своей смерти, назначал на своё место генерал-лейтенанта Романовского. «...Этим актом я готовил ему тяжёлую долю, – писал впоследствии Деникин. – Но его я считал прямым продолжателем моего дела и верил, что армия, хотя в её среде и было предвзятое, местами даже враждебное отношение к Романовскому, послушается последнего приказа своего Главнокомандующего. А признание армии – всё...» «Признания» в армии Романовский так и не получил, а предсказанная Деникиным «тяжёлая доля» обернулась для боевого генерала бесславной и несвоевременной гибелью.

Но вернемся к биографии. В 1887 году И.П. Романовский поступил во 2-й Московский кадетский корпус. В 1894 году окончил Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. В 1897 году служил во 2-й Лейб-гвардии Артиллерийской бригаде, а спустя 3 года продолжил образование в Николаевской академии Генштаба. По окончании курса командовал ротой Лейб-гвардии Финляндского полка.

В 1903 году И.П. Романовский женился на 18-летней Елене Михайловне Бакеевой, выпускнице Екатеринбургского института

благородных девиц, дочери курского помещика Михаила Алексеевича Бакеева. Брак сложился счастливо. Елена Михайловна родила ему троих детей: в 1904 году – сына Михаила и в 1906-м и 1910 годах – дочерей Ирину и Ольгу.

В период Русско-японской войны капитан И.П. Романовский исполнял должность старшего адъютанта при штабе 9-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. После войны работал при штабе Туркестанского военного округа. В 1909 году был переведен в Главное управление Генштаба помощником делопроизводителя мобилизационного отдела. В это время Романовский с семьёй переехал в Петербург. В 1910 году он стал помощником начальника отделения в отделе дежурного генерала Главного штаба, а спустя 2 года – полковником и начальником этого отделения, ведавшего назначениями в армии. Фактически Романовский работал в «отделе кадров».

По свидетельствам сослуживцев, И.П. Романовский терпеливо выслушивал всех, делал, что мог, не поступаясь совестью, а если отказывал просителю, то брал ответственность на себя, не сваливая на вышестоящее начальство и понапрасну никого не обнадёживая. Впоследствии эту «прямоту характера» и «опыт» Романовского в таких делах не раз использовал А.И. Деникин, когда необходимо было кому-нибудь отказать.

Перед Первой мировой войной офицеры Генерального штаба, служившие в главных управлениях, специализировались каждый на своём узком участке. Как правило, они не владели общей стратегией и боевой тактикой. Чтобы раскатать это «сонное царство», группа молодых штабистов, уже обладавших немалым боевым опытом, во главе с И.П. Романовским, С.Л. Марковым и Ю.Н. Плющевским-Плющиком организовала военную игру. Один из её участников вспоминал: «...Среди нас особенно крупной фигурой выделялся Иван Павлович. Спокойный, скромный, но, вместе с тем, уверенный в себе, он поражал нас верностью и обоснованностью своих решений...».

Тотчас после начала войны И.П. Романовский был назначен начальником штаба 25-й пехотной дивизии. В октябре 1915 года он вступил в командование одним из лучших воинских соединений – 206-м Сальянским пехотным полком. В 1916 году произведён в генерал-майоры. За проявленную воинскую доблесть Романовский был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами, который постоянно носил на шее. Военная карьера его развивалась стремительно. В 1916 году Романовский занял должность начальника штаба 52-й пехотной дивизии, а с 14 октября 1916 года стал генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии. На этом посту его и застала Февральская революция.

Буржуазно-демократических идей Февральской революции Романовский категорически не принял, оставшись в душе монархистом. Однако будучи вполне здравомыслящим человеком, он прекрасно понимал всю невозможность реставрации монархии.

В командовании армией началась череда новых назначений, появились солдатские комитеты, ограничившие власть командиров. 9 апреля 1917 года И.П. Романовский оказывается уже в должности начальника штаба 8-й армии, которой потом командовал генерал Л.Г. Корнилов. С 10 июня он назначен 1-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем – сперва при А.А. Брусилове, затем при Л.Г. Корнилове.

В событиях, названных впоследствии «Корниловским мятежом», И.П. Романовский непосредственного участия не принимал, но, тем не менее, 1 сентября 1917 года он был арестован вместе с Корниловым и большинством офицеров ставки Верховного главнокомандующего, препровождён в Могилёв, а затем в Быховскую тюрьму. Во время «быховского сидения» именно Романовский записал в рукописном альманахе сидельцев: «...Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но “корниловщина” в России не погибнет, так как “корниловщина” – это любовь к Родине, желание спасти Россию, а эти высокие побуждения не забросать никакой грязью, не затоптать никаким ненавистникам России...» В Быхове по существу начинается дружба Романовского с Деникиным. Генералы Деникин, Марков и Романовский жили в одной комнате.

Тогда ещё невеста, а впоследствии жена А.И. Деникина Ксения Васильевна Чиж так вспоминала об этом периоде: «...Все генералы собирались всегда в нашей комнате, отчасти потому, что она была больше других и “женский элемент” вносил оживление. Особенно жена генерала Романовского, Елена Михайловна, очень оживлённая и остроумная...». Ироничный, искромётный Марков произвёл на будущую Деникину не самое выгодное впечатление, а вот генерал Романовский и его супруга понравились.

Тепло писала Ксения Васильевна и о самом И.П. Романовском: «...Помню мою первую встречу с ним. После некоторых официальных перипетий я пришла в первый раз в быховскую тюрьму. Небольшая светлая комната, два окна в сад, вдоль стен – три узенькие горбатые кровати, столик и три стула. Хозяйка комнаты всегда сидела на стульях; под окнами гулял часовой. Антон Иванович познакомил меня со своими сожителями – генерал Марков, генерал Романовский. Подтянутый, несколько массивный, но ладно скроенный, в прекрасно сшитой форме, он показался мне сразу замкнутым и холодным. Потом, проводя целые дни у быховских

узников, я поняла его и ту большую душевную близость, которая сроднила его навсегда с Антоном Ивановичем. ...Все быховцы после пережитого большого морального напряжения и волнений “отдыхали” в тюрьме, и настроение бывало часто «детское». Тогда много смеялись, шутили и с бодростью и верой готовились к будущей борьбе. Потом, на Юге России, я уже не слышала в голосе Ивана Павловича тех беззаботных ноток и весь внешний облик его очень изменился...»

По воспоминаниям других очевидцев, в период быховского сидения генералы Романовский и Деникин, напротив, представляли собой весьма «мрачную парочку», которая больше всех тяготилась вынужденным бездействием. Внешняя замкнутость и холодность, так роднившая обоих генералов, впоследствии сыграли с ними злую шутку: людская масса, как правило, склонна доверять приятным в общении подлецам, нежели замкнутым, но честным и преданным делу, суровым воинам.

19 ноября 1917 года исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин приказал освободить быховских узников. Он послал в тюрьму полковника П.А. Кусонского, чтобы предупредить Л.Г. Корнилова о приближении бронепоезда с революционными матросами. А на следующий день, как известно, Духонин сам был растерзан этими матросами в Могилёве.

Избегав расправы, генералы решили ехать на Дон. Лишь Л.Г. Корнилов пошёл открыто, с верными ему текинцами, а остальные «замаскировались», воспользовавшись поддельными документами. Генерал А.С. Лукомский превратился в немецкого колониста, А.И. Деникин – в польского негоцианта, С.Л. Марков переоделся простым солдатом. Только И.П. Романовского с его явно «офицерской» наружностью и манерами невозможно было спрятать ни за штатской одеждой, ни за солдатской шинелью. П.А. Кусонский предложил ему не маскироваться, а остаться в офицерской форме, заменив лишь погоны генерала погонами прапорщика. Марков любезно согласился на время пути исполнять роль офицерского денщика.

И.П. Романовский и С.Л. Марков прибыли в Новочеркасск раньше А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и других беглецов (не позднее 23 ноября) и приняли самое деятельное участие в формировании Добровольческой армии. Романовский стал начальником строевого отдела, а с февраля 1918 года – бессменным начальником штаба Добровольческой армии и затем Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР).

Как ни трудно было И.П. Романовскому на фронтах Первой мировой войны – в штабе Добровольческой армии и физически, и

морально оказалось гораздо тяжелее. Сформировать армию, обеспечить её хотя бы самым необходимым и добиться боеспособности во враждебной атмосфере постоянно вспыхивающих разногласий между офицерством и казачеством – задача очень сложная. Романовский, возможно, не обладал талантом дипломата. В силу своего характера, с первых дней становления Белого движения на юге, он слишком много брал на себя и своей прямой нажил себе немало врагов.

На Дон тогда ехало немало амбициозных офицеров, желающих служить в Добровольческой армии командирами, но в декабре 1917-го – январе 1918 года таких офицеров в маленькой армии было несравненно больше, чем солдат. Поэтому даже самым заслуженным генералам Романовский мог предложить лишь быть в резерве при штабе. Далеко не все, подобно генералам Б.И. Казановичу и В.З. Май-Маевскому, готовы были встать в строй рядовыми. Особо амбициозным чинам Иван Павлович отказывал, может быть, слишком резко, чувствуя их эгоизм и заботу, прежде всего, о собственной персоне, чем о спасении России.

И.П. Романовский писал жене 27 декабря 1917 года: «...Меньше всех мы имеем право обвинять ту тёмную массу, которая губит Россию по темноте, по неразумию. Что с них взять, ведь их держали во тьме. Но выше, ведь и выше не лучше. Как мало идейных людей, как мало даже добросовестных людей: все думают о своей шкуре, пьянствуют, развратничают!..».

Когда во главе ВСЮР встал его личный друг А.И. Деникин, И.П. Романовскому приходилось своими силами улаживать возникающие конфликты. Щадя авторитет Главнокомандующего, начштаба не раз выступал в роли «мальчика для битья», брал на себя непопулярные решения, исполнял самую «чёрную», неблагодарную работу.

Показателен случай, когда в сентябре 1918 года А.И. Деникин подверг вполне обоснованной критике действия 3-й стрелковой дивизии М.Г. Дроздовского под Армавиром. В ответ он получил резкий до неприличия рапорт, в котором полковник Дроздовский напомнил Главнокомандующему о своих немалых заслугах, потребовал оградить себя от рекомендаций начштаба армии и избавиться от критики. Это являло собой прямое неподчинение и попахивало сепаратизмом. Деникин встал перед вопросом: что делать? Репрессивные меры неизбежно привели бы к уходу Дроздовского. За ним бы ушла и верная ему дивизия.

Дуэт Деникин – Романовский не щадил себя и работал буквально на износ.

Противники А.И. Деникина часто приписывали И.П. Романовскому авторство печально известной Московской директивы. Раз-

деление белых сил на три части и оставление стратегически важного царицынского направления, по мнению умных постфактум врангелевцев, стало той самой роковой ошибкой, которая привела к катастрофе. С другой стороны, следует признать тот факт, что после смерти генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева и С.Л. Маркова в штабе ВСЮР, кроме Деникина и Романовского, не осталось ни одного военачальника, который был бы способен разрабатывать масштабные стратегические операции.

Историки Гражданской войны не раз обвиняли И.П. Романовского в том, что во время осеннего продвижения корпуса А.П. Кутепова на Тулу и Москву, он снимал с фронта самые лучшие, боеспособные части, направляя их на подавление крестьянских восстаний в тылу. Латая то и дело возникающие «дыры» в оборонительной стратегии, начальник деникинского штаба лишал белые армии резервов и ослаблял тем самым их наступательную мощь, что привело к их полному поражению.

В декабре 1919 года, незадолго до своего скандального отъезда в Константинополь, П.Н. Врангель написал А.И. Деникину резкое «обличительное» письмо. Полный текст этого письма не был приведён в мемуарах ни Врангелем, ни Деникиным. Главной мишенью стал, конечно, генерал Романовский. «Серого кардинала» и «злого гения» винули во всех неудачах. В армии уже открыто говорили о том, что настало время его пристрелить. Чтобы сохранить жизнь своему другу и соратнику, Деникин решился на его отстранение. Романовский должен был уйти с должности начальника штаба, как только Ставка переберётся в Крым.

Однако ещё до его официального ухода произошла трагедия эвакуации белых войск из портов Одессы и Новороссийска. Эта катастрофа, казалось, вышибла последний камень из-под ног обречённого на гибель генерала Романовского. Насколько он был виноват в ней? Рассудит история.

Как утверждает в своих воспоминаниях А.И. Деникин, первоначально штабом ВСЮР планировалась постепенная эвакуация артиллерии и конных частей с Таманского полуострова. Когда же настал момент осуществить этот план, и готовые принять армию суда отправились к Тамани, командование дало директиву Добровольческому корпусу и Донской армии оборонять полуостров. А.П. Кутепов получил приказ занять Тамань и прикрывать северную дорогу до Темрюка. Ни Кутепов, ни командующий Донской армией В.И. Сидорин, вставшие к тому времени на сторону оппозиции, приказа командующего не выполнили. Все остатки обречённой армии бросились к порту Новороссийска. Катастрофа стала неизбежной.

А.И. Деникин и И.П. Романовский одними из последних покинули Новороссийск на миноносце «Капитан Сакен». В тот же день Деникин написал своей жене, эвакуировавшейся с семьёй в Константинополь: «...Освободил от должности Ивана Павловича Романовского. Полное одиночество. Как тяжело. Злоба против него стала истеричной. Хотели его убить: как слепы и подлы люди! Душа моя скорбит».

4 апреля 1920 года А.И. Деникин сложил с себя полномочия и передал пост Главнокомандующего генералу П.И. Врангелю. Назначенный в этот день в гостинице «Астория» прощальный обед И.П. Романовскому стал одновременно и проводами Деникина. В сопровождении английского генерала Г. Хольмана бывший Главнокомандующий ВСЮР и его начштаба отплыли в Константинополь, где находилась семья Деникина.

Англичане хорошо относились к обоим генералам. И.П. Романовский был награждён британским Почтеннейшим Орденом Бани, четвёртым по старшинству среди королевских орденов, дающим право называться рыцарем-командором. 5 апреля около 16 часов прибывших генералов на пристани встретили английский офицер и генерал В.П. Агапеев, русский военный представитель при британском и французском командовании в Константинополе.

Настроения в городе и в посольстве были самые агрессивные. Полковник А.А. фон Лампе, командированный генералом Н.Н. Шиллингом в Константинополь, в своём дневнике так характеризует общую обстановку тех дней: «...Русских в Константинополе всё больше и больше. Офицеры такого вида, что хочется снять форму и самому. По-видимому, офицерство совсем развалилось, а тогда дни нашей армии сочтены...».

В посольстве все прекрасно знали о прибытии А.И. Деникина и И.П. Романовского. В Константинополе в те дни находились и ярые противники Деникина: П.Н. Врангель и П.Н. Шатилов. Они продолжали обвинять прежнее командование в ошибках, собирали вокруг себя сторонников для дальнейшей борьбы.

В общей неразберихе и многолюдности перенаселённого здания убийца имел возможность заранее ожидать Романовского возле комнат супруги Антона Ивановича, мог, оставаясь незамеченным, следить за его передвижениями.

Генерал Г. Хольман сразу предложил Деникину уехать на английский корабль, но тот очень хотел увидеть семью. Адьютанты генералов ещё не прибыли, поэтому Романовский сам отправился давать необходимые распоряжения.

К.В. Деникина так писала о разыгравшейся трагедии: «...В это время кто-то сказал что-то про автомобили, и Иван Павлович от-

ветил: “Я сам распоряжусь”. И, передав мне ребёнка, вышел из комнаты. Вышел навстречу смерти...».

И.П. Романовский был убит в бильярдной комнате посольства, через которую проходил, двумя или, по другим свидетельствам, тремя выстрелами в спину неизвестным офицером. По словам очевидцев, убийца шёл за своей жертвой буквально по пятам. Лакей, прибивавший в это время помещение, принял его за адъютанта генерала.

Убийство было, по сути, публичным. В бильярдной находилась Наталья Корнилова. Соседние комнаты также были полны людей. Полковник Б.А. Энгельгардт поспешил с докладом к Деникину. Когда привели врача, Иван Павлович был уже мёртв.

А.И. Деникин, потрясённый известием о смерти близкого друга, упал в обморок. Убийце удалось скрыться. Проведённое наспех следствие не дало никаких результатов. Убийство Романовского стало не только «выстрелом в спину» уходящему Главнокомандующему, но и веской пощёчиной авторитету его преемника.

Имя наиболее вероятного преступника стало известно только в 1936 году, когда писатель Р.Б. Гуль опубликовал в эмигрантской газете «Последние новости» статью «Кто убил генерала Романовского?». Согласно расследованию, проведенному Гулем, убийцей оказался член тайной монархической организации поручик М.А. Харузин. Одно время он служил в отделе пропаганды при русском посольстве в Константинополе, а в Гражданскую войну устроился в контрразведку штаба генерала Деникина. Ультраправые монархисты скрывали Харузина около месяца, а затем решили избавиться от него и отправили в «командировку» якобы для установления связей с турецкими повстанцами, из которой он не вернулся. В любом случае, поручик Харузин был лишь исполнителем преступления, а кто управлял им на самом деле – неизвестно до сих пор.

В последнем письме к жене Иван Павлович Романовский писал, что очень не хочет уезжать из России. Жить на чужой земле ему довелось меньше часа. Уже вечером 5 апреля состоялась первая панихида об убиенном генерале. Похоронили его на местном кладбище. Е.М. Романовская получила известие об убийстве мужа, находясь в сербском городе Нови-Сад. В 1924 году она с дочерьми переехала в Бельгию. Сын Романовских Михаил скончался от холеры ещё в 1919 году. В Брюсселе Елена Михайловна открыла ателье по пошиву костюмов, преимущественно в русском стиле. Эти уникальные костюмы пользовались хорошим спросом у русских певиц, выступавших в европейских ресторанах. Скончалась вдова генерала 5 октября 1967 года.

САВЕЛЬЕВ Николай Антонович (1866–1934)

Николай Антонович Савельев в 1887 году окончил Виленское пехотное юнкерское училище и был выпущен в 101-й пехотный Пермский полк. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, был контужен, за боевые отличия произведен в чин подполковника. С начала Первой мировой войны командовал 18-м Сибирским полком, с января 1916 года – бригадой 13-й Сибирской стрелковой дивизии, а с 22 апреля 1917 года – самой дивизией. Был произведен в чин генерал-лейтенанта.

После Октябрьской революции Н.А. Савельев примкнул к Белому движению. В ноябре 1918-го – апреле 1919 года командовал Уральской армией. С апреля по июль 1919-го – командир 1-го Уральского казачьего корпуса. Участвовал в походе остатков частей Уральской армии на восток. По приходе в Читу в апреле 1920 года был назначен командиром 1-го Забайкальского корпуса Дальневосточной армии, а в ноябре приказом атамана Г.М. Семёнова – командующим Дальневосточной армией, заменил на этом посту генерала Г.А. Вержбицкого. При этом атаман Семёнов, в соответствии с последним приказом адмирала А.В. Колчака, оставался Главкомом Вооруженных сил в Сибири.

После разгрома Дальневосточной армии в Забайкалье в ноябре 1920 года Н.А. Савельев вместе с остатками армии перешел через Маньчжурию по КВЖД в Приморье, командовал группировкой, сосредоточенной в Гродеково. Совместно с армией генерала В.М. Молчанова принимал участие в боевых действиях против Красной Армии, участвуя в походе и захвате Хабаровска. После поражения у Волочаевки в ноябре 1921 года и позднее в составе войск Земской Рати генерала М.К. Дитерихса «семёновцы» были окончательно разгромлены в октябре 1922 года.

С ноября 1922 года Н.А. Савельев жил в эмиграции в Китае. Умер в Шанхае в 1934 году.

САХАРОВ Константин Вячеславович (1881–1941)

Константин Вячеславович Сахаров окончил Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и, в 1908 году, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны.

В августе 1917 года К.В. Сахаров принял участие в мятеже генерала Л.Г. Корнилова. В 1918-м вступил в борьбу с советскими властями, в январе был арестован большевиками, в августе бежал из тюрьмы в Астрахани и примкнул к Белому движению.

С августа 1918 года – начальник гарнизона острова Русский во Владивостоке, в ноябре произведен в генерал-майоры. В январе – марте 1919 года был представителем генерала А.И. Деникина в Ставке адмирала А.В. Колчака, в апреле–мае – генералом для поручений в штабе Ставки.

22 мая 1919 года К.В. Сахаров был назначен начальником штаба Западной армии, а 22 июля – командующим 3-й армией. Получил звание генерал-лейтенанта. С октября по ноябрь командовал Московской группой войск, а с ноября по декабрь 1919 года – Восточным фронтом.

К.В. Сахаров был назначен А.В. Колчаком командующим фронтом после отказа М.К. Дитерихса защищать Омск, что вызвался сделать Сахаров и результатом чего стало попадание в руки красных значительных запасов армий Колчака. На Сахарова падает также доля вины за невывоз из Новониколаевска, накануне его сдачи, многомиллионного имущества. Еще обучаясь в кадетском корпусе, он получил от товарищей прозвище «Бетонная голова» за склонность к неадекватным обстановке действиям.

К.В. Сахаров проделал Великий Сибирский Ледяной поход. Был снят с должности, арестован за сдачу Иркутска, хотя настаивал на его возвращении белым путем атаки. Освобожден из-под ареста после прихода армии в Читу в марте 1920 года. Пытался помочь Г.М. Семёнову в устройстве войск, но под давлением «каппелевцев» вскоре отбыл в эмиграцию.

С мая 1920 года К.В. Сахаров жил в Германии, написал и опубликовал ряд научных работ и воспоминаний, в которых стремился снять с себя значительную долю ответственности за поражение белых в Сибири. Умер в Берлине в 1941 году.

СЕМЁНОВ Григорий Михайлович (1890–1946)

Григорий Михайлович Семёнов в 1911 году окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и получил чин хорунжего. Проходил службу в военно-топографической команде во Внешней Монголии, где производил маршрутные съёмки. Наладил хорошие отношения с монголами, для которых перевёл с русского языка «Устав кавалерийской службы русской армии», а также стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Близко сошёлся с видными представителями монгольского общества и даже принял определённое участие в подготовке и осуществлении государственного переворота, в результате которого 11 декабря 1911 года была провозглашена независимость Внешней Монголии от империи Цин.

Весной 1913 года Г.М. Семёнов командировается в 1-й Читинский полк, а в конце того же года переводится в Приамурье, в 1-й Нерчинский полк, где оказался в одной части с бароном П.Н. Врангелем – командиром полка.

В конце сентября 1914 года Уссурийская бригада, куда входил полк, прибыла под Варшаву. В первые же месяцы Первой мировой войны Г.М. Семёнов был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени, а в декабре 1916 года удостоен Георгиевского оружия.

В начале 1916 года Г.М. Семёнов принял командование над 6-й сотней Нерчинского полка. В конце того же года по ходатайству перешёл в 3-й Верхнеудинский полк, находившийся в Персии, куда прибыл в январе 1917 года. Воевал на Кавказе, затем в составе ди-

визии В.А. Левандовского совершил поход в персидский Курдистан. Вскоре получил звание есаула. В июне 1917 года назначен комиссаром Временного правительства по формированию добровольческих частей из монголов и бурят в Забайкальской области.

После Октябрьской революции Г.М. Семёнов, имея разрешение не только от Временного правительства, но и от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, продолжал формировать в Забайкалье конный Бурято-монгольский казачий отряд. Но в отряд он принимал не только монголов и бурят, но и русских. Условием принятия в полк был отказ от революционных завоеваний: комитетов, отмены дисциплины и чинопочитания и пр.

Поняв, что Г.М. Семёнов создаёт антибольшевистские части, в конце ноября 1917 года большевики в Чите попытались его арестовать. Но Семёнов действовал более решительно и, обманув членов местного Совета, с верными ему казаками убыл на станцию Даурия, где продолжил формировать свой отряд. В декабре 1917 года на станции Маньчжурия он разоружил и распустил разложившиеся и дезорганизованные части русской армии (всего до 1500 человек), разогнал Маньчжурский городской совет, придерживающийся социалистических взглядов. Затем, преодолевая сопротивление генерала Д.Л. Хорвата (управляющий КВЖД от имени России в Маньчжурии), занявшего выжидательную позицию, и китайских властей, Семёнов пополнил и хорошо вооружил свой отряд в 559 человек и в начале 1918 года вторгся в Забайкалье, заняв его восточную часть – Даурию.

Так образовался один из первых фронтов Гражданской войны – Даурский. Однако, под натиском отрядов красногвардейцев, состоявших из рабочих забайкальских горных заводов, железнодорожников и бывших пленных солдат Чехословацкого корпуса под командованием С.Г. Лазо, весной 1918 года Г.М. Семёнов был вынужден отступить в Маньчжурию.

В марте 1918 года в войсках атамана Г.М. Семёнова были сформированы три новых полка: 1-й Ононский, 2-й Акшинско-Мангутский и 3-й Пуринский, общей численностью в 900 сабель. К началу апреля 1918 года формирование, именовавшееся Особым Маньчжурским отрядом (ОМО), имело численность около 3000 человек. В ОМО входили: японский отряд капитана Окумуры, состоявший из 540 японских солдат и 28 офицеров и имевший 15 орудий; две офицерские роты; отряд сербов из числа бывших солдат Австро-Венгрии; 3 кавалерийских полка по 4 сотни; два пехотных полка, состоявших из китайцев; команды 4-х бронепоездов. В апреле Г.М. Семёнов вновь перешёл в наступление.

Одновременно началось восстание забайкальского казачества против большевиков в приграничных с Маньчжурией станицах по рекам Аргунь и Онон. К маю, пополнившись восставшими казаками, войска Г.М. Семёнова (7 тыс. штыков и сабель) подошли к Чите. Но местные большевистские советы, стянув отовсюду силы, отбили наступление казаков и сами перешли в контрнаступление. На фронт в район Адриановки стали прибывать красногвардейские отряды железнодорожников со станций Чита I и Хилок, горняков Черновских и Арбагарских копей. Бывшие военнопленные венгры организовали интернациональный красногвардейский отряд. Александровский завод выслал отряд в 300 бойцов во главе с П.Н. Журавлёвым, ставшим впоследствии руководителем партизанского движения в Забайкалье и первым командующим Восточно-Забайкальским партизанским фронтом. Послали свои отряды также посёлки Унда – 400 бойцов, Ломовский – 250, Нерчинск и Нерчинский завод – 360, Акша – роту красногвардейцев. Рабочие Читинских железнодорожных мастерских оборудовали для Даурского фронта бронепоезд. Насильственные мобилизации и издевательства семёновцев вызвали рост партизанского движения среди крестьянства и беднейшего казачества. В посёлках и станицах Курунзулай, Онон-Борзя, Ложниково, Кударино, Нижне- и Верхне-Гирунино и Ольдонда 17 апреля сформировался первый партизанский кавалерийский полк в 680 сабель. В 20-х числах апреля селения Копунь, Зоргол и Газимурский завод выставили свои отряды общей численностью до 1400 человек. Эти отряды объединились в бригаду «Коп-Зор-Газ». В начале мая 1918 года на станцию Адриановку стали прибывать отряды Красной гвардии из Амурской области и из Западной Сибири (из Омска), снабжённые артиллерией. Прибыл 1-й Дальневосточный социалистический отряд, сформированный из матросов и портовых рабочих Владивостока, Благовещенска, Хабаровска. Отряд насчитывал до тысячи бойцов и имел артиллерию. Во главе отряда стояли большевики В.А. Бородавкин и М.И. Губельман. План наступления разработал командующий Даурским фронтом С.Г. Лазо совместно с начальником штаба, бывшим лейтенантом Амурской военной флотилии В.И. Радыгиным.

Начав наступление 15 мая 1918 года, отряды Красной гвардии в нескольких крупных боях нанесли семёновцам поражение у населённых пунктов Бурятская, Могойтуй, Ага, Оловянная. После потери Оловянной Г.М. Семёнов намеревался закрепиться на правом берегу реки Онон. Но красногвардейские отряды в конце мая перешли в наступление. Бросив всё, что удалось вывезти из Оловянной – артиллерию, пулемёты и около 240 раненых, семёновцы

поспешно отступили к станции Мацневской. Войска Даурского фронта преследовали их и в июле после ожесточённого боя овладели Мацневской. Отступив к маньчжурской границе, остатки семёновских отрядов закрепились в районе 86-го и 87-го разъездов.

Пользуясь близостью границы и поддержкой китайских властей, семёновцы совершали вылазки на советскую территорию. Трудность их ликвидации заключалась в том, что при попытке наступления красногвардейских отрядов они тотчас же уходили за границу. Для ликвидации семёновцев С.Г. Лазо в конце июля 1918 года организовал сводный отряд из нескольких сотен 1-го Аргунского казачьего полка и Интернационального отряда. В одну из июльских ночей красногвардейцы бесшумно подошли к лагерю противника и, пустив в ход штыки и приклады, ликвидировали большую часть отряда Г.М. Семёнова. Уцелевшие семёновцы, бросив имущество и снаряжение, бежали в Маньчжурию. В конце июля войска Даурского фронта заняли станцию Маньчжурия. С китайской делегацией, присланной для переговоров, Лазо заключил соглашение, по которому китайские власти обязались разоружить семёновцев и больше не допускать перехода ими советской границы. Это обязательство китайцы под давлением Японии не выполнили.

Бои между остатками отрядов Г.М. Семёнова, действовавшими с китайской территории, и красными отрядами в Забайкалье продолжались и в августе 1918 года, когда Семёнову при поддержке интервентов и мятежных частей Чехословацкого корпуса удалось нанести поражение большевикам и захватить Читу.

9 мая 1919 года третьим Войсковым кругом Г.М. Семёнов был избран войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. По соглашению с атаманами Амурским и Уссурийским он принял должность Походного атамана Забайкальцев, Амурцев и Уссурийцев со штабом на станции Даурия Забайкальской железной дороги. Приказом А.В. Колчака от 25 мая 1919 года Семёнов был назначен командиром 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, в который по приказу Колчака была переформирована Отдельная Восточно-Сибирская армия, входившие в которую корпуса стали дивизиями. 18 июля Семёнов был назначен помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры, 23 декабря – командующим войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов на правах главнокомандующего армиями с производством в генерал-лейтенанты.

После расстрела А.В. Колчака Забайкалье на период с января по ноябрь 1920 года стало последним оплотом Белого движения в Сибири. В начале 1920 года генерал-лейтенант Г.М. Семёнов возглавил читинское Правительство Российской восточной окраины.

В феврале 1920 года остатки частей В.О. Каппеля под командованием С.Н. Войцеховского соединились с войсками Г.М. Семёнова. 20 февраля 1920 года в Забайкалье Верховный главнокомандующий Восточным фронтом Семёнов из трёх корпусов войск Восточного фронта Русской армии сформировал Дальневосточную армию.

С февраля по август 1920 года Читинским отделением Госбанка по указанию Г.М. Семёнова были выпущены денежные знаки в 100 и 500 рублей, получившие название «воробы» и «голубки» (по характерным цветам печати). В условиях галопирующей инфляции и роста цен принимались населением эти знаки плохо. Впоследствии они были аннулированы Дальневосточной республикой (ДВР) на основании законов 1920 и 1921 годов.

В 1920 году приказом Г.М. Семёнова был учреждён Крест Особого Маньчжурского отряда, которым награждались за храбрость, проявленную в боях с большевиками, лучшие бойцы ОМО.

С апреля по октябрь 1920 года войска под командованием Г.М. Семёнова вели ожесточённые бои с Народно-революционной армией ДВР. Дисциплина в семёновской армии начала падать. Под давлением превосходящих сил Народно-революционной армии в конце октября 1920 года семёновцы оставили Читу и отступили из Забайкалья в Маньчжурию. Сам Семёнов, бросив свою армию, бежал из Читы на аэроплане. Остатки его отрядов частью рассеялись или остались в Монголии, частью по КВЖД добрались до Харбина и весной 1921 года перебрались в Приморье, где принимали участие в боях с большевиками на стороне правительства братьев Меркуловых.

Сам Г.М. Семёнов появился в Харбине в начале ноября 1920 года за три недели до прихода туда эшелонов с остатками его отрядов. Он встретился с начальником тыла своей армии генерал-майором П.П. Петровым, сообщившим ему, что казаки и офицеры настроены против него весьма решительно, а командование 2-го Сибирского (генерал-майор И.С. Смолин) и 3-го Поволжского (генерал-майор В.М. Молчанов) корпусов открыто обвиняет его в трусости и отказывается дальше подчиняться. Пытаясь сохранить контроль над войсками и отстранить от командования генералов Смолина и Молчанова, Семёнов издал приказы, в которых все штабы и учреждения Дальневосточной армии были объявля-

ны расформированными и находившимися в состоянии реорганизации. Но его уже никто не слушал.

В конце мая 1921 года Г.М. Семёнов в Японии встретился с бывшим военным агентом (атташе) Российской империи в Японии генералом М.П. Подтягиным и послом Д.И. Абрикосовым и потребовал передать ему деньги и золото, которые направлялись на закупку снаряжения для армии А.В. Колчака и его отрядов в Забайкалье. Однако ему удалось получить только 338 тыс. иен. После этого Семёнов на пароходе отправился во Владивосток, с надеждой возглавить войска Приамурского земского края, в которых служило много казаков из Забайкалья. Но в порту Владивостока казаки узнали его, припомнили ему бегство из Читы и даже не дали возможности сойти на берег.

Окончательно покинув Россию, Г.М. Семёнов эмигрировал в Японию, затем в Китай и, наконец, в США. Не получив какой-либо помощи, он обосновался в Японии. С образованием в 1932 году подконтрольного Японии государства Маньчжоу-Го Семёнов вновь попытался вернуться в политику. Японцы предоставили атаману дом в Дайрене (Китай), где он прожил до августа 1945 года, и назначили ежемесячную пенсию в 1000 золотых иен.

Г.М. Семёнов возглавлял Дальневосточный союз казаков. С 1934 года участвовал в работе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. На самом деле это был японский центр подготовки разведывательно-диверсионных групп из числа белоэмигрантов для заброски на территорию СССР. В 1938 году в Харбине вышла его книга мемуаров «О себе: Воспоминания, мысли и выводы».

В августе 1945 года, после разгрома советскими войсками Японии, Г.М. Семёнов был арестован в Маньчжурии. По распространённой легенде, японский лётчик, пилотировавший самолёт, в котором находился атаман, ошибся и случайно посадил машину на аэродроме уже занятом советскими войсками.

30 августа 1946 года Г.М. Семёнов был казнён через повешение. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР привели в исполнение в Москве.

СИДОРИН Владимир Ильич (1882–1943)

Владимир Ильич Сидорин родился зимой 1882 года в станице Есауловской Области Войска Донского, происходил из дворян. Окончил блестяще Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, академию Генштаба и Офицерскую воздухоплавательную школу. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах в должности начальника штаба 102-й пехотной дивизии. В последующие годы вплоть до революции 1917 года служил начальником штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем – в штабе Западного фронта. В Союзе офицеров армии и флота являлся заместителем председателя.

В.И. Сидорин принимал деятельное участие в борьбе с властью большевиков. В ноябре 1917 года состоял членом вербовочных организаций в Москве и Петрограде, затем выезжал на Дон. Участвовал во взятии Ростова. Состоял начальником полевого штаба атамана А.М. Каледина, вплоть до трагической смерти последнего. Затем был начальником штаба в боевых частях Белого движения.

Начальник штаба ВСЮР П.С. Махров так описывает свои впечатления о первой встрече с В.И. Сидориным: «...Это был высокого роста светлый блондин, тонкий, стройный, сухой, мускулистый – настоящий казак, лихой наездник. Лицо его было красивым и свежим. Он носил маленькие светлые усики. Глаза – умные, живые. Весь его облик вызывал симпатию. Ему было около сорока лет. Сидорин блестяще окончил Военную академию и в войну 1914–1916 гг. был награждён Георгиевским крестом. К тому же он был отважным летчиком, и трудно сказать, что он больше любил – боевого коня или аэроплан. В нем не было “генеральской важности”. Он был скромен, тактичен и прост, но вместе с тем чувствовалось, что это человек энергичный и волевой...».

Бывший в то время начальником штаба Донской армии полковник И.А. Поляков оставил в своих мемуарах такие впечатления

о Сидорине: «...Эта была моя первая встреча с полк. Сидориным и, признаюсь, она не произвела на меня благоприятного впечатления. Быть может, имела значение и та отрицательная характеристика, которую я слышал о нем еще раньше, как о человеке не особенно талантливым, без достаточного опыта и авторитета, чрезвычайно склонного к спиртному и наряду с этим, с большой долей самомнения и особого умения использовать обстоятельства в личных целях и выгодах. Была подозрительна и его темная деятельность в дни Корниловского выступления, о чем упорно ходили нелестные для него слухи. "Один из некудышних говорливого и неудачного окружения Донского Атамана", – так характеризовал полк. Сидорина один мой друг, давно его знавший. Вскоре я имел возможность лично в этом убедиться, а примерно через два года, названный полковник, в то время уже генерал, кончил свою военную карьеру, будучи в Крыму предан суду Главнокомандующим Русской Армией...».

Из публикации тех лет года автора В. Севского «Степные генералы» о Сидорине: «...Владимир Ильич был в штабе всем. В худошавом молодом полковнике залежи спокойствия. Казаки потеряли Дон, Сидорин, казак Есауловской станицы, не потерял головы. Заметала выюга пути и тропинки маленькой степной армии. Сидорин фонариком военного разума освещал ее путь...».

В.И. Сидорин участвовал в драматическом Степном походе по Сальским степям как начальник штаба походного атамана Войска Донского П.Х. Попова. В приказе о победе белой Усть-Медведицкой конной дивизии над 39-й советской дивизией в районе станицы Трехостровской говорилось:

«Считаю своим долгом подчеркнуть ещё и ту доблесть частей 14-ой конной бригады, которая была проявлена ими при переправе красных в районе Трех-Островянской 26 августа, и в особенности 9-го сентября у станицы Кременской.

Следя за действиями 14-ой конной бригады с самого начала ее формирования, все более убеждаюсь в том, что полки славной бригады в будущих боях с красными будут выходить только победителями. От лица Донской армии приношу всем чинам бригады мою глубокую благодарность.

Ген.-лейтенант Сидорин, Ген.-майор Алексеев».

С мая 1918 года В.И. Сидорин, вследствие разногласий, был отправлен в отставку.

В декабре Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, по соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского, стал генерал-лейтенант А.И. Деникин. А в феврале 1919 года при молчаливом согласии Деникина с поста атамана

Всевеликого Войска Донского был уволен П.Н. Краснов вместе с его верным сподвижником генералом С.В. Денисовым. На место Денисова, командовавшего Донской армией, Деникин назначил В.И. Сидорина. Опальный П.Н. Краснов писал: «Первым действием генерала Сидорина было разрешение генералу Семилетову формировать из молодежи партизанские отряды. Потянулись пятнадцатилетние мальчишки, кадеты, гимназисты... Генерал Сидорин стал употреблять партизан Семилетова, 10-ю Донскую казачью дивизию генерала Абрамова, и вообще постоянную армию, состоящую из низовых казаков, цвет Донского войска, на самые опасные дела. Погибли дети в боях на Маныче, отстаивая Новочеркасск, а те которые остались живыми, вышли из этих боев с навеки искалеченной молодой жизнью. Они повидали насилия, грабежи, неистовство над жителями, они узнали убийство и ужас войны».

4 июля 1919 года в Царицыне генерал А.И. Деникин объявляет войскам знаменитую, но неперспективную Московскую директиву, направленную на захват Москвы. Сидорин должен был выходить на фронт Камышин – Балашов. Однако поход на Москву провалился. Белые отступали, в тылу нарастал развал и паника. «...Высшие военные и гражданские чины стали сомневаться в способности Деникина осуществлять верховное командование».

Командующий Донской казачьей армией В.И. Сидорин и начальник штаба А.П. Кельчевский открыто возлагали значительную часть вины на Деникина. П.Н. Врангель стремится занять пост главкома Деникина, к чему старался и склонить Сидорина. Для отстранения Деникина он предложил провести совещание командующих, но Сидорин отказался.

Белые полки после сдачи Харькова откатывались к югу... В.И. Сидорин возглавлял общее командование на Новороссийской и Ростовской позициях. И его при формировании войск, эвакуированных из Новороссийска, ставят командиром Донского корпуса.

В апреле 1920 года генерал П.Н. Врангель, ставший вместо Деникина главкомом ВСЮР, внезапно сместил В.И. Сидорина с этого поста и вместе с начальником штаба корпуса генералом А.К. Кельчевским, бывшим начальником Царицынского фронта, отдал под суд, подозревая в тяжкой измене Белому делу.

За что? Ответ находим в издании «Вестник Донской армии», несогласного с подчинением донских казаков П.Н. Врангелю: «...Какое нам дело до России? Хочет она себе коммуны – пусть себе живет, хочет царя – пусть себе наслаждается, мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велют. Истекли мы,

казаки, кровью до последней степени... Мы еще можем драться с врагом по пути нашего движения в родные опустевшие станицы, но нет у нас сил для борьбы с врагом по пути к сердцу русского народа – Москве...».

Нашумевший процесс по делу генералов Сидорина и Кельчевского, состоявшийся в Севастополе в мае 1920 года, подробно описан в воспоминаниях полковника И.М. Калинина «Под знаменем Врангеля», изданных в 1925 году в Ленинграде. П.Н. Врангель в своих мемуарах констатировал: «...Суд под председательством генерала Драгомирова приговорил обоих генералов к каторжным работам, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы с лишением мундира...».

В.И. Сидорин после помилования Врангелем выехал за пределы России. Унес с собой он в изгнание полученные на фронтах раны, орден Св. Георгия 4-й степени, Георгиевское оружие и награды.

С мая 1920 года В.И. Сидорин жил в эмиграции сначала в Болгарии, потом в Югославии, а затем в Чехословакии служил в Генеральном штабе на должности чертежника. Публиковал статьи по истории Гражданской войны. В частности, вместе с генералом Т.М. Стариковым был соавтором многочисленных статей по истории Донской армии. Эти статьи регулярно публиковались в журнале «Вольное казачество» и в 1936–1938 годах под заглавием «Трагедия казачества» были опубликованы отдельной книгой в четырех частях в Париже (без упоминания имен авторов).

Во время Второй мировой войны В.И. Сидорин выехал в фашистскую Германию. Почему? Что привлекло его в ней? Чем занимался он при гитлеровском режиме?.. В открытых источниках нам не удалось найти сколь-нибудь убедительной информации о последнем периоде его жизни...

Скончался В.И. Сидорин 20 мая 1943 года и был похоронен в Берлине на русском кладбище Тегель¹⁹.

¹⁹ См.: *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. – СПб., 1994. – С. 161–162;

Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. – М., 2007; *Раковский Г.Н.* В стане белых (От Орла до Новороссийска) – Константинополь, 1920.

СКОБЕЛЬЦЫН Владимир Степанович (1872–1944)

Владимир Степанович Скобельцын родился в Курске в дворянской семье. Образование получил в Орловском Бахтина кадетском корпусе, которое закончил в 1890 году. В 1892 году окончил 1-е военное Павловское училище и был выпущен в лейб-гвардии Московский полк. В 1899-м по 1-му разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Состоял при Одесском военном округе. Цензовое командование ротой отбывал в лейб-гвардии Московском полку в 1901–1902 годах. В 1902–1903 годах – обер-офицер для особых поручений при штабе 7-го армейского корпуса. В 1903–1905 годах – столоначальник Главного штаба, в 1905–1906-м – столоначальник Главного управления Генерального штаба, в 1906–1907 – помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. Был прикомандирован к Павловскому военному училищу для преподавания военных наук. Цензовое командование батальоном отбывал в лейб-гвардии Московском полку в 1909 году после чего в феврале 1910 года был назначен начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады. В 1913 году назначен командиром 2-го Финляндского стрелкового полка.

Во время Первой мировой войны В.С. Скобельцын был начальником штаба 40-го армейского корпуса (с июня 1915 года) и начальником штаба 17-го армейского корпуса (с декабря 1915-го по март 1917 года). Участвовал в Брусиловском прорыве 1916 года.

После Февральской революции в марте 1917 года был назначен командующим 2-й Туркестанской стрелковой дивизией, а в апреле – командующим 1-й Финляндской стрелковой дивизией. В июле назначен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа и в октябре вновь назначен командующим 1-й Финляндской стрелковой дивизией.

В 1918 году В.С. Скобельцын некоторое время состоял на службе в армии Украинской Державы после чего примкнул к Белому

движению на Севере России. В 1919–1920 годах командовал группой войск, преобразованной в Олонецкую Добровольческую армию, на Петрозаводском направлении. Занимался организацией работ по развертыванию белых войск Мурманского района и, в том числе, был организатором концентрационных лагерей для пленных красноармейцев в г. Александровске и на Торос-Острове. В сентябре 1919 года был председателем Георгиевской думы для рассмотрения представлений о награждении орденом Св. Георгия и о награждении Георгиевским оружием на станции Медвежья Гора.

К концу 1919 года беспрецедентный рост Белой армии до предела выжал ресурсы Северной области. Нагрузка, ложившаяся на население, была такова, что, по свидетельству очевидцев, для обслуживания транспорта гражданские власти за неимением трудоспособных мужчин, поголовно служивших в армии, привлекали женщин, даже находившихся на последних месяцах беременности. Как командующий Мурманским фронтом, генерал В.С. Скобельцын в январе 1920 года вынужден был признать: «...мы взяли от населения все, что оно могло дать. Все, что еще не в рядах войск, то на работе в земских и городских учреждениях или обслуживает те же войска, неся службы на железной дороге...». Действительно, больше мобилизовывать было некого и нечего.

В феврале 1920 года под давлением 6-й армии РККА началась поспешная эвакуация основных сил Северной армии генерала Е.К. Миллера из Архангельска в норвежский порт Варде. В распоряжении командующего практически не осталось боеспособных войск, поэтому власть в городе перешла в руки временного исполкома совета. Мурманск смогли покинуть только несколько российских граждан, 25 бельгийских добровольцев и 2 английских офицера-летчика, находившихся на борту парохода «Ломоносов». Почти все члены белой администрации во главе с начальником края В.В. Ермоловым, так и не успевшим получить отставку, были арестованы и отправлены в тюрьму.

Сведения о перевороте в Мурманске оказались последним толчком, развалившим Мурманский фронт. Солдаты стали расходиться по домам тем более охотно, что за некоторыми приезжали их жены, слышавшие об «окончании гражданской войны» и желавшие забрать своих мужей домой. Лишь 1001 человеку удалось пробраться по заснеженным дорогам в Финляндию. Отдельные отряды от безысходности продолжили сопротивление до конца марта 1920 года, а часть полков просто капитулировала.

С февраля 1920 года В.С. Скобельцын жил в эмиграции – сначала в Финляндия, а с 1921 года – во Франции. Член Общества

офицеров Генерального штаба и Объединения лейб-гвардии Московского полка во Франции. Умер в Мезере (Мазере), район города По (Франция).

СКОБЛИН Николай Владимирович (1893–1937?)

Николай Владимирович Скоблин родился в 1893 году в городе Нежин. По происхождению был дворянином. Выпускник Чугуевского военного училища. Это учебное заведение, которое готовило офицеров для пехоты Русской Императорской армии.

В качестве офицера царской армии Н.В. Скоблин принимал участие в Первой мировой войне. Был назначен прапорщиком в 126-м Рыльском пехотном полку. Затем служил в звании подпоручика. Проявил себя в качестве храброго и отважного офицера, получив в декабре 1915 года орден Св. Георгия 4-й степени. Награда досталась Скоблину за отвагу, проявленную в бою против австрийцев в июне 1915 года у сел Космержин и Сновидова. Находясь под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, он подбадривал солдат, увлекая за собой в наступление. В результате его роты нанесли удар по батальону австрийцев, захватив два пулемета и большое количество пленных. В 1917 году уже в звании штабс-капитана вступил в Первый ударный отряд, позже получивший название Корниловского.

С началом Белого движения Н.В. Скоблин вступил в Добровольческую армию с самого ее основания, фактически был первопроходцем. Получил звание капитана в Корниловском ударном полку, находясь под шефством самого генерала Л.Г. Корнилова. Во время Гражданской войны неоднократно успешно проявлял себя на фронте, за что регулярно получал повышения. Стал командиром роты, затем батальона, а вскоре и помощником коман-

дира полка. В конце 1918 года в звании полковника возглавил Корниловский полк. В 1919 году уже руководил Корниловской дивизией. Стал самым юным начальником дивизии среди всех белогвардейцев. Был произведен в звание генерал-майора в возрасте 26 лет.

После поражения Белого движения в Гражданской войне Н.В. Скоблин уехал в эмиграцию. На момент окончания противостояния советским властям он командовал Корниловским полком в Галлиполийском лагере, который был сформирован из остатков одноименной дивизии. Когда стало очевидным поражение Белого движения в России, он уехал вместе с полком в Болгарию, где в 1923 году был отлучен от командования приказом П.Н. Врангеля. Спустя еще шесть лет его восстановили в руководстве Корниловского объединения по приказу генерала А.П. Кутепова. Такое решение белые офицеры были вынуждены принимать, уже находясь в Париже.

По некоторым данным, генерал Н.В. Скоблин стал одним из ключевых фигурантов так называемого дела М.Н. Тухачевского. Как утверждал начальник внешней разведки службы безопасности СС В. Шелленберг, именно Скоблин передал начальнику немецкой Тайной государственной полиции Р. Гейдриху и немецкому разведчику К. Янке материалы о возможном заговоре против И.В. Сталина и вероятном союзе генералитетов Красной Армии и вермахта. Позднее, по утверждениям того же Шелленберга, именно эти документы легли в основу дела Тухачевского. Это было сфабрикованное обвинение против группы высших советских офицеров, которых обвинили в организации заговора с целью захвата власти. Это был первый процесс, за которым последовали дальнейшие репрессии в отношении руководства Красной Армии. По решению Верховного суда, подсудимые были приговорены к расстрелу, в том числе Тухачевский. Только в 1957 году обвиняемые были реабилитированы из-за отсутствия состава преступления. Как стало известно, двойной агент НКВД генерал Скоблин сообщил о заговоре Тухачевского против Сталина, не предоставив никаких доказательств. Тогда Гейдрих вместе с Г. Мюллером и Г. Гиммлером принялись их фабриковать.

В частности, Г. Мюллер предоставил несколько уголовников, которые отбывали срок в концлагере за подделку документов. Они сфабриковали досье с записками и подписями Тухачевского. При этом сами подписи были подлинными, изменению подверглись только даты на документах. Одно из этих досье отправили в Москву, а второе чехословацкому президенту Э. Бенешу. Непосредственно И.В. Сталину эти документы передал Бенеш в качестве жеста доброй воли, как он сам позже признавался в мемуарах.

Оказавшись в эмиграции, генерал Н.В. Скоблин стал работать двойным агентом. В 1930 (по другим данным в 1931 году) его завербовал бывший однополчанин П.Г. Ковальский, имевший кличку Фермер. На тот момент он был агентом ГПУ. Вербовка белых офицеров советской властью осуществлялась по уже отработанному образцу. Их убеждали, что Россия находится в опасности, ее стремятся поделить между собой иностранцы. Ковальский настаивал, что белая армия, в конечном счете, сражалась в пользу Франции и Англии. Теперь же 70 % офицеров Генерального штаба создали Красную Армию, которая изгнала интервентов, а Скоблин – способный офицер, в нем нуждается Родина.

На НКВД генерал Н.В. Скоблин работал до самой своей смерти. Известно, что в феврале 1935 года он попал в серьезную автомобильную катастрофу под Парижем и получил травмы лопатки и ключицы средней тяжести. В сентябре 1937 года по указу НКВД принимал участие в организации похищения председателя Русского общевойскового союза Е.К. Миллера. Главной целью этого похищения стало продвижение на пост руководителя РОВС самого Скоблина. Он и заманил Миллера на встречу с агентами НКВД, которые действовали под видом немецких дипломатов. Однако, отправляясь на эту встречу, Миллер предчувствуя неладное, оставил записку своим подчиненным, в которой указал, куда отправляется и с кем, предположив, что это может быть ловушка. Благодаря этой записке, планы советской разведки были сорваны, а Скоблин был вынужден бежать. Самого Миллера привезли в СССР на теплоходе «Мария Ульянова» и поместили на Лубянке под именем Петра Иванова.

После провала этой операции Н.В. Скоблин, по одной версии, скрывался на казенной даче в Болшево в Подмоскowie, по другой – представители Белого движения попытались выдать его французской полиции, однако он сумел укрыться в советском посольстве в Париже.

Эти и иные версии приведены в книге А. Гаспаряна «Генерал Скоблин: Легенда советской разведки». В книге автор рассказывает судьбу этого персонажа, пытаясь разобраться в его яркой и неоднозначной личности. Он отмечает, что советской разведке удалось его завербовать, только сыграв на патриотических чувствах генерала. При этом до сих пор одни считают его предателем, а другие патриотом. Работая над биографией Скоблина, Гаспарян изучил много десятков документов и воспоминаний очевидцев, которые были непосредственно знакомы со Скоблиным, даже встречался лично с его родственниками.

Официальные лица Советского Союза вплоть до 1991 года отрицали ответственность в убийстве Скоблина. После распада

СССР в СМИ появились несколько противоречащих версий его гибели. Утверждалось, что план ликвидации Скоблина был инициирован лично Сталиным.

После распада Советского Союза фрагменты биографии Скоблина стали появляться не только в документальных исследованиях, но и в художественных произведениях. В частности, в сериале М.М. Казакова «Очарование зла», а также трилогии А.Н. Рыбакова «Дети Арбата».

Н.В. Скоблин был женат. Его супругой была исполнительница русских народных песен и романсов Надежда Васильевна Плевицкая. Слава к ней пришла еще до революции, император Николай II называл ее «курским соловьем». Решающим в ее судьбе стал 1909 год, когда ее услышал на Нижегородской ярмарке известный оперный певец Л.В. Собинов. Он организовал ее выступление в столичной консерватории, познакомил с Ф.И. Шаляпиным. Плевицкая стала часто выступать при дворе. Однажды вдовствующая императрица Мария Федоровна даже подарила ей бриллиант в виде жука. Плевицкая исполнила несколько ролей в кино. Главные роли ей достались в картинах «Власть тьмы» и «Крик жизни», снятых В.Р. Гардиным. В 1918 году ленты были перемонтированы в один фильм, который вышел под названием «Агафья». Во время Первой мировой войны Плевицкая отправилась на фронт, где работала в лазарете сиделкой. За Скоблина она вышла замуж в 1921 году, он стал ее последним супругом. Плевицкая была на 9 лет старше мужа.

Когда в газетах стала распространяться информация, что русский белоэмигрант Скоблин якобы бежал в СССР, Н.В. Плевицкая была арестована французской контрразведкой. Ее обвинили в сотрудничестве с НКВД. Как удалось выяснить следствию, агентом советской разведки она была с 1930 года. Суд приговорил ее к 20 годам каторги, признав виновной в участии в похищении Е.К. Миллера. Она просила о помиловании, но французский президент А. Лебрен отказал ей в этом. В 1940 году Плевицкая умерла в женской тюрьме на территории города Ренн. На тот момент ей было 56 лет.

А разоблаченного Н.В. Скоблина в 1937 году вывезли из Парижа на самолете в Испанию, где он не погиб во время воздушного налета на Барселону, а по версии советского чекиста П.А. Судоплатова, был «...убит ещё в самолёте, а тело сбросили в испанские воды...»²⁰.

²⁰ См.: Антонов В. Надежда Плевицкая – «курский соловей» советской разведки // Независимое военное обозрение. – 19.02.2010 (<http://nvo.ng.ru/>)

СМОЛИН Иннокентий Семёнович (1884–1973)

Караимы – небольшой народ, проживающий на территории Крыма. По языку – турки со значительным влиянием иврита. По вере в большинстве своём – иудеи особого неравнинистического толка. Трудно себе представить что-нибудь общее между этими людьми, живущими своим замкнутым мирком, и армией А.В. Колчака, борющейся за Единую и Неделимую Россию и ставившей перед собой общеимперские задачи. Тем не менее, связь эта существует. Через человека, который снискал себе громкую славу в белогвардейских кругах, и не только, более ста лет тому назад – летом 1918 года.

Иннокентий Семёнович Смолин – русский офицер, видный деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Под этой фамилией его знали сослуживцы. Но, согласно паспорту, когда-то у него было другое имя – Иннокентий Константинович Муттерперль. Какими судьбами его предков из солнечного Крыма забросило на бескрайние сибирские просторы, неизвестно – возможно, ответ на этот вопрос знают сибирские краеведы.

И.К. Муттерперль родился 1 января 1884 года в Якутске. В Российской империи не было никаких препятствий для караимов, и он благополучно поступил в Иркутское военное училище, которое окончил в 1905 году. В качестве офицера 44-го Сибирского стрелкового полка он успел принять участие в Русско-японской войне на финальном её этапе, затем служил в 11-м Сибирском стрелковом полку. Первую мировую войну встретил офицером 43-го Сибирского стрелкового полка (такие переводы из одной воинской

[spforces/2010-02-19/12_plevitskaya.html](https://topwar.ru/37562-nikolay-skoblin-belyy-general-v-sovetskoj-razvedke.html)); *Гаспарян А.* Генерал Скоблин. Легенда советской разведки. – М.: Вече, 2012; *Ромахина М.* Николай Скоблин: белый генерал в советской разведке // Военное обозрение. – 20.12.2013 (<https://topwar.ru/37562-nikolay-skoblin-belyy-general-v-sovetskoj-razvedke.html>); *Шелленберг В.* Мемуары. – Минск; Конец агента «13» // Московские новости. – 1995. – 17–24 декабря.

части в другую для Русской Императорской армии были в порядке вещей – офицера направляли туда, где после повышения в чине для него открывалась вакансия). Однако уже вскоре стал командиром роты в рядах 4-го Финляндского стрелкового полка. Муттерперль принимал участие во всех боях этого полка, был дважды ранен, дослужился до командира батальона. К концу Первой мировой войны он занимал должность командира 3-го Финляндского стрелкового полка.

И.К. Муттерперль категорически не принял большевистский переворот. Фронт стремительно разваливался, новая самозванная власть завела с немцами переговоры о мире, и недавно произведённый в чин полковник 3-го Финляндского стрелкового полка отбыл к родственникам в Сибирь. Он поселился в Туринске (Тобольской губернии), где создал антибольшевистское подполье. Точно не известно, сменил ли он фамилию и отчество в связи со своей подпольной деятельностью, или же сделал это раньше, как утверждают некоторые источники, ещё в царские времена, чтобы легче было делать военную карьеру. Факт состоит в том, что в годы Гражданской войны он получает известность как Иннокентий Семёнович Смолин.

В это время в Тобольске проживал ссыльный император Николай II со своей семьёй. И И.С. Смолин начинает планировать освобождение царской семьи. Для этих целей им создается партизанский отряд. Но Смолин не успел – царскую семью по частям перевели на Урал. Преследуемый большевиками партизанский отряд был разбит, а его остатки Смолин сумел вывести через линию фронта. Сам он добрался до Кургана, освобождённого от красных, а затем – и до столицы белой Сибири Омска, где шло формирование Сибирской народной армии. Смолин охотно поступил в эту армию и развернул формирование нового отряда для рейдов по красным тылам. Отряд был создан 7 июня 1918 года и ушёл громить тылы большевиков, имея одной из своих целей Алапаевск, где красные содержали в заточении нескольких великих князей (включая преподобномученицу великую княгиню Елизавету Фёдоровну).

В отряд И.С. Смолина, вступивший в единоборство с многократно превосходящими, но куда хуже мотивированными и организованными отрядами красногвардейцев, входили 44 русских и 35 чехов. Среди русских бойцов преобладали офицеры (25 человек), остальные – 6 солдат, 4 вольноопределяющихся и 9 человек учащейся молодёжи. Пёстрый состав, от которого ещё предстояло добиться необходимой слаженности, – однако Смолину эта задача оказалась по плечу. В составе корпуса П.П. Иванова-Ринова отряд

Смолина успешно действовал в тылу красных в районе Тугулыма и на железной дороге Екатеринбург – Тюмень. Отряд захватил два бронепоезда красных, потом содействовал генералу Г.А. Вержбицкому в освобождении Тюмени. 20 июля 1918 года в Тюмени Смолин командовал парадом белых войск.

Примечательно, что вскоре после того, как отряд И.С. Смолина ушёл по тылам красных, в штаб П.П. Иванова-Ринова поступил донос, будто Смолин служит у большевиков и фанатично предан красным. И полетели из Омска в Курган телеграммы, выехали вслед за смолинским отрядом агенты контрразведки (только что учреждённой!) с приказом найти и задержать Смолина. Известно, чем бы кончилось дело, если бы в штаб не полетели донесения (не только от Смолина, но и от других белых командиров, взаимодействовавших с его отрядом) об успехах этого отряда в боях с большевиками, о захваченных бронепоездах и освобождённых городах, и последние подозрения в отношении Смолина отпали. По свидетельству Б.Б. Филимонова, эти сведения «доставили радость белому командованию, а для некоторых лиц – и порядочный конфуз».

Вскоре после первых успехов отряд И.С. Смолина был переименован в 1-й Степной полк, а затем влился в состав 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка, командование над которым получил Смолин. 28 сентября 1918 года Смолин с полком освободил, наконец, вожделенный Алапаевск, однако ещё 18 июля большевистские палачи сбросили царственных узников в шахту.

И.С. Смолин принял участие в эксгумации останков новомучеников. «...Мы стали там копать и скоро добрались до первого трупа, – вспоминал он об этом событии. – ...Со временем добрались до дна и обнаружили их всех. Ужасно, но они точно не были убиты гранатами, так как лежали на разных уровнях, их рты и ногти были полны земли, потому что они пытались рыть руками и зубами, чтобы выбраться наружу. Великая княгиня разорвала свою рубашку, чтобы перевязать ногу одного из своих племянников, перед тем как они оба умерли от удушья! Мы положили трупы на козлы и сфотографировали их. Это те снимки, которые вы можете видеть сейчас во всех документальных книгах, посвященных ужасному эпизоду...». Собранные Смолиным сведения были переданы в комиссию по расследованию обстоятельств гибели царской семьи.

21 декабря 1918 года И.С. Смолин получил под командование дивизию. В феврале 1919 года его производят в генерал-майоры, в мае того же года он назначен командиром 3-го Степного Сибирского корпуса в армии А.В. Колчака.

И.С. Смолин в числе прочих колчаковцев принимал участие в Великом Сибирском Ледяном походе. В начале марта 1920 года он во главе группы в 1800 бойцов вышел к Чите и поступил под командование атамана Г.М. Семёнова.

С Семёновым Смолина связывали непростые отношения. В 1918 году нередко были случаи, когда дисциплину приходилось восстанавливать силой. Так, во время одной из совместных операций отряд Семёнова занял станцию и захватил красный бронепоезд. В вагоне-госпитале нашли множество раненых красногвардейцев. Семёнов распорядился перебить раненых, а сёстры милосердия подверглись изнасилованиям, после чего девушек, ещё живых, сожгли в топке паровоза. Виновных в столь варварской расправе установить смогли достаточно быстро. И Смолин, в назидание последующим поколениям мародёров и насильников, распорядился поступить с ними по принципу «око за око» – сжечь в той же самой топке. Однако теперь Белое движение находилось в столь отчаянном положении, что атаману в интересах борьбы пришлось смирить свой неукротимый нрав и первому протянуть Смолину руку.

В войсках Г.М. Семёнова И.С. Смолин получил под командование 2-ю Омскую стрелковую бригаду (позже развёрнутую в дивизию). В апреле 1920 года Семёнов произвёл его в генерал-лейтенанты. С августа 1920 года Смолин снова командовал корпусом (2-м Сибирским стрелковым), в 1921 году был начальником гарнизона Никольска-Уссурийского, в 1922 году – сражался в рядах Земской рати генерала М.К. Дитерихса, после поражения которой эмигрировал в Шанхай.

В эмиграции И.С. Смолину поначалу пришлось туго. Ему приходилось перебиваться случайными заработками – в страховой фирме, управдомом и даже жокеем. Потом бывший генерал перебирается на Таити, где становится бухгалтером. С этого момента начинается его карьерный рост на новом поприще. Он пользуется заслуженным авторитетом не только как высококлассный специалист, но и как безукоризненно честный человек. Одновременно И.С. Смолин работает в обществе ветеранов Первой мировой войны и пишет мемуары.

В 1961 году И.С. Смолина на Таити разыскал географ Г.Б. Удинцев. Смолин поневоле вызывал симпатии даже у советских специалистов, Удинцева же интересовало самоощущение белой эмиграции. На вопрос, не тянет ли его на Родину, Смолин ответил: «...Тянет, конечно. Но слишком уж много тяжёлых воспоминаний связано с гибелью адмирала и всей нашей армии. Правда, признаюсь, что хотелось бы хоть на минутку побывать на могиле

моей жены, – добавил он. – Она была сестрой милосердия, умерла от сыпного тифа и похоронена в Никольске-Уссурийском...».

До конца своих дней Смолин сохранял верность идеалам своей юности, традициям русского офицерства и лично адмиралу А.В. Колчаку²¹.

СУВОРОВ Михаил Николаевич (1876–1948)

Михаил Николаевич Суворов родился 15 августа 1876 года в семье потомственных дворян Калужской губернии. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Московское пехотное юнкерское училище. 12 августа 1896 года был произведен в подпоручики и зачислен в 10-й гренадерский Малороссийский полк. В 1899 году переведен в Лейб-гвардии Егерский полк, в 1900-м произведен в подпоручики и назначен на должность батальонного адъютанта 2-го батальона.

В 1903 году М.Н. Суворов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, на следующий год был произведен в штабс-капитаны, а в 1906 году по окончании академии причислен к Генеральному штабу и прикомандирован на два года к лейб-гвардии Егерскому полку, где был назначен командиром 11-й роты.

В 1908 году М.Н. Суворов был произведен в капитаны и начал службу по Генеральному штабу, будучи назначен помощником

²¹ См.: *Маркитанов М.Ю.* Иннокентий Смолин: караим в армии Колчака – <https://white-idea.livejournal.com/166895.html>; *Обухов Г.* Судьба генерала Смолина: триллер длиною в жизнь // Коммунар. Уссурийская газета. – 17.01.2019 (<http://kommunar.info/obshchestvo/istoriya/1875-sudba-general-a-smolina-triller-dlinoyu-v-zhizn.html>); Смолин Иннокентий Семенович // Белая гвардия (<http://ruguard.ru/glossary/o-100.html>); *Уфимцев Ю.* Дальневосточник непростой судьбы // МК.RU (Владивосток). – 16.10.2013 (<https://vlad.mk.ru/article/2013/10/16/931448-dalnevostochnik-neprosto-y-sudbyi.html>).

старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1909 году награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1913-м – орденом Св. Анны 3-й степени. Высочайшим приказом от 14 августа 1913 года назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа. 6 декабря 1913 года произведен в подполковники.

С началом Первой мировой войны М.Н. Суворов был назначен штаб-офицером для поручений при главнокомандующем 6-й армией. С сентября 1914 года – штаб-офицером при командующем 9-й армии. Временно исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 31 января 1915 года за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, 24 февраля – мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени, 18 мая – орденом Св. Владимира 4-й степени. 15 июля произведен в полковники, 1 ноября 1915 года назначен исполняющим должность начальника штаба Гвардейской стрелковой бригады, а с начала 1916 года – Гвардейской стрелковой дивизии. Приказом по армиям Юго-Западного фронта от 30 января 1916 года награжден мечами и бантом к ордену Св. Владимира 4-й степени.

7 сентября 1916 года М.Н. Суворов был назначен командиром 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка. В 1917-м переведен в штаб Петроградского военного округа и произведен в генерал-майоры. В конце 1917 года находился в Могилеве в штабе Верховного главнокомандующего, откуда после ликвидации Ставки вернулся в Петроград для демобилизации.

В 1918 году М.Н. Суворов вступил в наиболее активную подпольную антисоветскую организацию Национальный Центр и по свидетельству представителя этой организации в Финляндии А.В. Карташева был членом петроградского отделения Национального Центра. Согласно свидетельству видного члена Национального Центра в Петрограде инженера Г.И. Новицкого, перешедшего в декабре 1918 года границу Финляндии и поддерживавшего постоянные конспиративные сношения с руководителем петроградской организации Национального Центра инженером В.И. Штейннигером, генерал-майор Суворов в Петрограде «...работал с эсэровской военной организацией, затем с “Союзом Возрождения” и “Национальным Центром”...».

В январе 1919 года М.Н. Суворов с женой пересек границу Финляндии. В Гельсингфорсе он не только сблизился с А.В. Карташевым, но и стал его ближайшим сотрудником. 24 мая генерал Н.Н. Юденич утвердил составленный Карташевым проект Поли-

тического Совещания при главнокомандующем Северо-Западным фронтом, которое по образцу Особого Совещания при главнокомандующем ВСЮР генерале А.И. Деникине должно было выполнять функции «зачаточного временного правительства для Северо-Западной области». Карташев как заместитель Юденича на посту председателя Политического Совещания рекомендовал для занятия военными делами, а также гражданским управлением в занятых войсками областях генерала Суворова.

Реальной правительственной деятельности весной 1919 года в Гельсингфорсе, естественно, еще быть не могло. Поэтому помимо переписки со штабом генерала А.П. Родзянко, как справедливо отмечает Н.Г. Думова, «через генерала М.Н. Суворова, А.В. Карташева и его ближайшего помощника Г.Н. Новицкого, Политическое Совещание и ставка Юденича, посредством курьеров, поддерживали тесные связи с петроградским отделением “Национального Центра”».

В связи с назначением генерала М.Н. Суворова членом Политического Совещания, о нем сохранился целый ряд отзывов и характеристик. Ставший в августе 1919 года государственным контролером в Северо-Западном правительстве меньшевик В.Л. Горн, не очень расположенный к военным вообще, вспоминал: «Генерал Суворов ведал в Совещании “внутренними делами”. Академик, слывший либералом в военной среде, он производил крайне неопределенное впечатление. Этому человеку явно не хватало твердости воли; и на него не могли опереться ни левые, ни правые. Порядки, установившиеся в полосе белых, он осуждал. Но решительно ничего не делал для их исправления».

Близко знавший генерала Суворова Г.Н. Новицкий писал П.Б. Струве: «Генерал Суворов (генерального штаба) представляет собой хаотическую смесь достоинств и недостатков. Он средних лет, живой, не глупый, без архаизмов и предрассудков, энергичный и, вероятно, хороший работник. Но, в то же время, он крайне неустойчив, чрезвычайно авторитетен и безапелляционен в своих суждениях...» Далее Новицкий жаловался, что Суворов «находится под влиянием своей жены, абсолютно апатриотичной и занятой лишь карьерными побуждениями».

Едва ли можно согласиться с обвинением жены М.Н. Суворова в отсутствии патриотизма, зная, что она вместе с ним участвовала в подпольной деятельности в Союзе Возрождения и Национальном Центре в условиях чекистского террора в Петрограде. Из дневника министра Северо-Западного правительства М.С. Маргулиеса видно, что жена генерала Наталия Романовна, урожденная Бобрищева-Пушкина, поддерживала своего мужа, когда он соби-

рался уйти из Политического Совещания, после отказа генерала Н.Н. Юденича подписать составленную им Декларацию. Маргулиес считался с её мнениями и после одного из визитов к ней написал (относительно Декларации Политического Совещания): «А ведь, в сущности, г-жа Суворова глубоко права».

Н.Р. Суворова активно помогала своему мужу в его общественной и политической деятельности и во время Гражданской войны, и в эмиграции. Она скончалась через два месяца после смерти мужа 25 марта 1948 года и была похоронена вместе с ним в одной могиле на русском кладбище под Парижем в Сент-Женевьев-де-Буа.

10 августа 1919 года члены Политического Совещания, в том числе генерал М.Н. Суворов, были срочно вызваны в Ревель. На пристани их встретил английский офицер и пригласил немедленно прибыть в британскую военную миссию, где их уже ожидал заместитель начальника миссии генерал Ф.Г. Марш. Он потребовал от собравшихся членов Совещания и ряда общественных деятелей немедленно сформировать правительство Северо-Западной области, угрожая в случае отказа прекращением какого-либо военного и иного снабжения Северо-Западной армии. Правительство должно было быть сформировано с целью признания независимости Эстонии. Военным министром нового правительства генерал Марш предложил назначить генерала М.Н. Суворова.

Не желая вызвать разрыв между Северо-Западной армией и Великобританией, М.Н. Суворов согласился на формирование правительства, но с условием, что оно будет образовано с согласия главнокомандующего генерала Н.Н. Юденича. Лично он отказался подписать «предварительное заявление» о согласии на вхождение в состав правительства, мотивируя это тем, что он, «как военный генерал, принимать звание военного министра без разрешения главнокомандующего, а тем более даже без его ведома, не имеет права».

С прибытием в Ревель 12 августа генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко, генерал Ф.Г. Марш понял (очевидно, после визита к нему генерала Родзянко), что армия не допустит смещения генерала Юденича, назначенного Верховным правителем адмиралом А.П. Колчаком и предложил Юденичу занять пост военного министра в создаваемом им правительстве, оставаясь в то же время главнокомандующим Северо-Западного фронта. В силу сложившейся обстановки и необходимости сохранить снабжение армии, Юденич принял это предложение и получил от Марша и главы британской миссии генерала Х. Гофа заверения, что помощь армии будет усилена настолько, что он сможет завершить операцию по овладению Петроградом.

С образованием Северо-Западного правительства Политическое Собрание прекратило свою деятельность, что и было зафиксировано в журнале его последнего заседания 12 августа 1919 года. Как писал М.Н. Суворов, вместе со своими коллегами по Собранию «мы с болью в сердце уехали 14 августа из Ревеля, но наша совесть была спокойна».

Осенью 1919 года генерал М.Н. Суворов оставался «в распоряжении» генерала Н.Н. Юденича. Вскоре после ликвидации армии в январе 1920 года он вслед за А.В. Карташевым переехал в Париж, где 5–12 июля 1921 года участвовал в Съезде Русского Национального Союза, на котором был создан Русский Национальный Комитет. Во главе его встали бывшие лидеры Национального Центра – А.В. Карташев, М.М. Федоров и примкнувший к ним П.Б. Струве. Одно время в деятельности этого комитета участвовал и Суворов, который был также избран в Бюро конференции Русского Национального Комитета, состоявшейся 11–15 сентября 1924 года в Париже.

Согласно газете «Возрождение», 14 января 1928 года М.Н. Суворов выступил в прениях по докладу Н.Н. Львова «Восстановление национальной России», а 25 апреля 1930 г. – на собрании в Париже, посвященном памяти белых вождей. С 27 сентября по 1 октября 1932 года он участвовал в работе Съезда Национальных группировок французской провинции, на который в качестве гостей прибыли генералы Е.К. Миллер, Ф.Ф. Абрамов, А.И. Драгомиров, П.Н. Шатилов, Н.Н. Стогов и другие.

В июне 1935 года М.Н. Суворов выступал на банкете по поводу пятилетнего существования «Русского Балета», созданного В.Г. Базили в Париже. Он подчеркнул, что бывший офицер Добровольческой армии полковник Базили создал балет, достигший мировой известности, без «тех материальных и художественных возможностей, которые были в дореволюционной России».

В конце 1930-х годов М.Н. Суворов сблизился с издательством «Возрождение», субсидируемым А.О. Гукасовым. 18 февраля 1938 года он был избран членом главного правления Российского Национального Объединения, где председателем Совета был тогда же избран профессор М.В. Бернацкий, а председателем Главного Правления А.О. Гукасов. 14 июля 1938 года Суворов выступил в прениях по докладу полковника А.А. Зайцова «Гражданская война в Испании и Коминтерн», состоявшемся в помещении издательства «Возрождение» (Елисейские Поля).

В годы Второй мировой войны М.Н. Суворов, как и многие эмигранты, жил в нелегких условиях немецкой оккупации Парижа. Насколько известно, он, будучи еще со времени Первой миро-

вой войны кавалером французского ордена Почетного Легиона, уклонился от какой-либо политической или общественной деятельности.

М.Н. Суворов скончался 1 февраля 1948 года в Париже и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

СЫРОВЫЙ Ян (1888–1970)

Ян Сыровый родился в семье ремесленника 24 января 1888 года в городе Тршебич (Моравия, Австро-Венгрия). В 1908 году окончил высшую промышленную школу в городе Брно по специальности «инженер-строитель». В течение года служил в 8-м пехотном полку австро-венгерской армии, после чего приехал в Россию, где работал строительным чиновником, инженером в частной строительной фирме в Варшаве.

С началом Первой мировой войны Я. Сыровый добровольно вступил в Киеве в Чешскую дружину (формирование, предшествовавшее Чехословацкому корпусу), был зачислен рядовым стрелком в 4-ю роту, в мае 1915 года произведен в прапорщики. С декабря 1915 года – командир 8-й роты 1-го Чехословацкого стрелкового полка. Отличился в разведывательных операциях в районе реки Припять в январе 1916 года. В сражении у местечка Зборов 18 июня 1917 года был тяжело ранен, потерял глаз (из-за чего впоследствии получил прозвище Зборовский Жижка).

В апреле 1918 года, когда началось продвижение Чехословацкого корпуса на восток, Я. Сыровый был назначен командиром 2-го Чехословацкого им. Йиржи из Подебрад стрелкового полка. Он был делегатом съезда Чехословацкого корпуса (12 мая) и участником экстренного совещания Чехословацкого Национального Совета (20 мая) в Челябинске, принявших решения об отказе от разоружения и продолжении продвижения корпуса во Владиво-

сток. В конце мая Сыровый стал одним из организаторов и участник выступления Чехословацкого корпуса. С начала июня 1918 года командовал Северо-Западной группой Чехословацкого корпуса, действовавшей в районе Челябинск – Петропавловск. В июле ему был присвоен чин полковника, а в августе – генерал-майора.

С 29 августа 1918 года Я. Сыровый стал командиром Чехословацкого корпуса, а с октября – командующим Западным фронтом чехословацких войск и союзнических сил в Поволжье, на Урале и в Сибири. Со штабом фронта и корпуса до весны 1919 года находился в Челябинске. Участвовал в решении военных, хозяйственных и административных вопросов по Челябинску и Челябинскому уезду. Принял участие в проектировании и организовал сооружение памятника-часовни павшим чехословацким легионерам на Казанско-Богородицком кладбище Челябинска (уничтожен в 1919 году). В июне 1919 года в районе Иркутска подавил мятеж в частях корпуса.

В период командования Я. Сыровым Чехословацким корпусом проводилось масштабное обращение в собственность российских ценностей и имущества. Взятие корпусом под единоличный контроль Транссибирской железнодорожной магистрали на участке Омск – Иркутск способствовало военным неудачам белых в конце 1919-го – начале 1920 года. По решению Сырового адмирал А.В. Колчак в январе 1920 года был выдан иркутскому эсэро-меньшевистскому Политцентру, который затем передал его большевикам.

Я. Сыровый руководил эвакуацией Чехословацкого корпуса из России и выехал из Владивостока в Чехословакию 27 апреля 1920 года.

В последующие годы Я. Сыровый был командующим земским военным округом в Праге (1920–1924 годы), заместителем начальника (1924–1925 года) и начальником (1925–1933 годы) Генерального штаба чехословацкой армии. В 1926 году в течение нескольких месяцев был министром национальной обороны республики. В 1933–1938 годах – генеральный инспектор чехословацкой армии, в 1938–1939 годах – министр национальной обороны Чехословацкой Республики.

С 22 сентября по 1 декабря 1938 года Ян Сыровый занимал пост председателя правительства Чехословацкой Республики. Во время «мюнхенского кризиса» занял капитулянтскую позицию (что стало одной из причин германской оккупации Чехословакии). 15 марта 1939 года отдал приказ, запрещавший Чехословацкой армии давать отпор германской агрессии.

В апреле 1939 года Я. Сыровый вышел в отставку. До осени работал в министерстве просвещения правительства Протектората

Чехии и Моравии, затем, оставив службу, проживал в местечке Добршиховице. После освобождения Чехословакии Красной Армией был арестован, в апреле 1947 года осужден новыми чехословацкими властями на 20 лет заключения за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами; лишен пенсии, званий и наград. После амнистирования в 1960 году работал сторожем.

Я. Сыровый имел 39 наград, в том числе ряд российских – Георгиевский крест, ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени, – 14 наград Чехословацкой Республики, а также награды Бельгии, Греции, Италии, Латвии, Литвы, Марокко, Польши, Румынии, Туниса, Франции, Эстонии, Югославии и Японии.

Я. Сыровый скончался в Праге 17 октября 1970 года. В 1995 году посмертно реабилитирован.

ТУРКУЛ Антон Васильевич (1892–1957)

Антон Васильевич Туркул родился 11 декабря 1892 года в Тирасполе (по другим, в городе Бендеры на Западной Украине) в дворянской семье. Его отец был государственным служащим.

В начале Первой мировой войны А.В. Туркул поступил в юнкерское училище, после ускоренного курса был произведён в прапорщики и зачислен в 75-й пехотный Севастопольский полк. Трижды был ранен, награждён орденом Св. Георгия 4-й степени и Золотым Георгиевским оружием, произведён в штабс-капитаны.

В 1918 году А.В. Туркул вступил в формируемую М.Г. Дроздовским в Румынии добровольческую бригаду. Участвовал в походе дроздовцев Яссы – Дон. Во Втором Кубанском походе Добровольческой армии командовал ротой офицерского полка 3-й пехотной дивизии Дроздовского. В боях под Кореневкой 16 июля был тяжело ранен в ногу, лечился в госпиталях Ростова и Екатеринодара.

Вернулся в строй только в начале 1919 года, когда начдива Дроздовского уже не было в живых.

С января 1919 года А.В. Туркул командовал 1-м батальоном 2-го Офицерского генерала Дроздовского полка. 24 октября 1919 года уже в чине полковника принял командование 1-м Офицерским стрелковым полком Дроздовской дивизии. 7 апреля 1920 года за успешную десантную операцию Перекоп – Хорлы приказом главнокомандующего Русской армии П.Н. Врангеля был произведён в генерал-майоры.

6 августа 1920 года А.В. Туркул в боях у колонии Фридрихсвелд в Северной Таврии принял командование Дроздовской стрелковой дивизией. Дивизия сыграла решающую роль в контрнаступлении стратегического резерва Русской армии под Юшунью в конце октября – ноября 1920 года, обеспечила успешную эвакуацию армии и беженцев, понеся при этом наименьшие потери. 16 сентября Туркул был награжден вновь учреждённым орденом Св. Николая Чудотворца, который получили только 338 человек. В конце октября тяжело заболел тифом и сдал командование дивизией генерал-майору В.Г. Харжевскому.

14 ноября 1920 года А.В. Туркул эвакуировался в Константинополь из Килен-бухты (Севастополь) на транспорте «Херсон». За время революции и Гражданской войны Туркул потерял трёх своих братьев, замученных большевиками.

После эвакуации из Крыма в Галлиполи генерал А.В. Туркул принял на себя командование Дроздовским стрелковым полком. В эмиграции занимался активной деятельностью, стремился продолжить борьбу с большевизмом.

Одни историки эмиграции называли А.В. Туркула «русским фашистом», инициатором раскола белого лагеря накануне Второй мировой войны, беспринципным прислужником гитлеровцев, «марионеткой» в руках явных врагов России и русского народа. Другие, напротив, видели в туркуловском движении попытку возродить утраченные в 1930-е годы идеалы Белого Дела, повести за собой молодёжь, вдохнуть новые, свежие силы в борьбу эмигрантов за потерянную Родину.

С осени 1921 года А.В. Туркул жил в Болгарии, затем в Париже. Возглавлял полковое Дроздовское объединение, был деятельным членом РОВС (Русского общевоинского союза). В 1923 году в Болгарии вместе с генералом В.К. Витковским принял активное участие в формировании русских отрядов, сыгравших важнейшую роль в подавлении осеннего коммунистического восстания.

А.В. Туркул был бессменным издателем и редактором журнала «Доброволец», вокруг которого постепенно сложилась оппозиция

«бездейтельному» командованию РОВС. Туркул и его «Доброволец» были выразителями настроений активно настроенной русской военной эмиграции. Несмотря ни на какие происки советских спецслужб и «сдерживающую» политику генерала Е.К. Миллера, председателя РОВС, сторонники продолжения активной борьбы с большевизмом среди военных эмигрантов ещё существовали. В 1933 году люди Туркула готовили покушение на выдворенного из СССР Л.Д. Троцкого. Покушение не удалось из-за противодействия советской агентуры, которая к тому времени в значительной степени проникла в ряды белых «активистов».

23 февраля 1935 года вместе с генерал-майором А.В. Фоком и 14 старшими начальниками РОВС А.В. Туркул подписал открытый меморандум, адресованный председателю РОВС генерал-лейтенанту Е.К. Миллеру, потребовав от него превращения организации в единый центр Русской эмиграции и настаивая на продолжении активной работы в СССР.

Желая «сплотить всех тех, кто в тяжелой эмигрантской ночи... не оторвался от своего отечества и народа, кто... сражался и стоял в боевом огне за Отечество, был белым воином России и таковым воином остался», 16 июля 1936 года А.В. Туркул создал на базе Дроздовского объединения военно-политическую организацию Русский Национальный союз участников войны (РНСУВ) с центром в Париже. В скором времени отделы РНСУВ возникли в Албании, Аргентине, Бельгии, Греции, Китае, Уругвае, Чехословакии, Югославии и других странах. Организация издавала газету «Сигнал» и журналы «Военный журналист» и «Всегда за Россию» (последние слова также помещались и на нагрудном членском знаке туркуловцев).

«Лучшим способом поссорить эмиграцию до сих пор выступала попытка её объединить», – справедливо замечал в своём дневнике один из врангелевских генералов А.А. фон Лампе. И, действительно, создание РНСУВ не привело ни к чему, кроме официального исключения Туркула и его сторонников из РОВС и очередного раскола в рядах военной эмиграции. Согласно уставу Русского общевойскаского союза, его члены не должны были состоять в каких-либо аналогичных организациях, партиях и т. д. Выход группы Туркула из РОВС по причине принципиального расхождения с его руководством эмигранты называли «вторым дроздовским походом». И хотя программные документы РНСУВ в общих чертах не противоречили программе РОВС, явный «профашистский», националистический уклон туркуловцев и их охотное сотрудничество с гитлеровцами оказались неприемлемыми для старого руководства организации.

Девиз РНСУВ был: «Бог – Нация – Социальная справедливость». Союз открыто объявлял о своих монархических пристрастиях: «...Несомненно, возрождение Российской Империи возможно лишь через возрождение её исторического, национального стержня – монархии. Если Российская Империя будет, то она будет только монархической... Задача национальной диктатуры – помочь Российской нации встать на ее исторический путь. Эта задача нелегкая... Поэтому как Российская нация должна будет служить своего Императора, так и Российский Император – заслужить Россию». Особо оговаривалась «ведущая роль Русского Народа»: «Высокий жребий, павший на долю Русского Народа (великороссы, украинцы – малоросы и белорусы), налагает на него и особую историческую ответственность». Поэтому он должен будет занимать «ответственное положение руководящего арбитра Империи...».

А.В. Туркул заявлял: «...В основу нашего политического мышления мы взяли фашизм и национал-социализм, показавшие на деле свою жизнеспособность и победившие у себя на родине коммунизм. Но, конечно, доктрины эти мы преломляем в русской истории и применяем к русской жизни, к чаяниям и нуждам Российского народа... Наш идеал – фашисты всех стран и народов, в которых горит их национальная честь, в которых сильна их национальная правда и которые понимают и отдают должное и чужой чести, и чужой правде. Не использование и эксплуатацию, но взаимное уважение и добрососедский мир и союз – вот, что мы ждем и что мы видим от фашистской идеи...».

В области финансово-экономической программой РНСУВ предусматривалось безусловное ограничение «самовластия финансового капитала»: «...Единый правительственный банк может прекрасно выполнить экономическую функцию частных банков, без их безответственного политиканства. Это особенно важно для России. Допустить свободу капиталистической деятельности после свержения комвласти – значит сознательно отдать страну на поток и разграбление международному хищническому капиталу. Но, конечно, совершенно обойтись без иностранного капитала обнищавшей России невозможно. Дело специального контроля установить, как может быть использован частный иностранный капитал...».

Считая, что необходим «взрыв действительности для освобождения России от кровавых лап иудо-марксизма», руководство РНСУВ в сентябре 1937 года вошло в Российский национальный фронт, объединивший ряд национально-патриотических организаций эмиграции. Туркуловцы поддерживали постоянные контакты

с японской разведкой, через японского военного атташе в Берлине Хироси Осиму. От него же они получали главные финансовые средства для своей организации. Наиболее близко движение Туркула сотрудничало с Национально-трудовым союзом нового поколения (НТСНП) – организацией активно настроенной эмигрантской молодёжи.

В апреле 1938 года генерал А.В. Туркул, капитан В.А. Ларионов и несколько правых русских эмигрантов решением прокоммунистического французского правительства М. Блюма были высланы как «нежелательные лица» в Германию.

А.В. Туркул проживал сначала в Берлине, где поддерживал дружеские отношения с Г. Гиммлером, а после подписания советско-германского пакта в августе 1939 года переехал в Рим.

Накануне Второй мировой войны А.В. Туркул писал: «...Всякий удар по Коминтерну на территории СССР вызовет неизбежно взрыв противокommунистических сил внутри страны. Нашим долгом будет присоединиться к этим силам. Мы будем добиваться тогда, чтобы где-нибудь, хоть на маленьком клочке русской земли, поднялось все же Русское трехцветное знамя...». Эти планы не противоречили основным задачам РОВС, но генерал А.А. фон Лампе – начальник II отдела РОВС в Германии, преобразованного в 1938 году в самостоятельную организацию (ОРВС – Объединение русских воинских союзов), весьма осторожно относился к деятельности Туркула и его организаций. ОРВС однозначно германский фашизм не поддерживало. Молчаливая роль «прислужников» немецких хозяев не устраивала бывших белых генералов.

После вступления Германии в войну с СССР руководство ОРВС в Берлине, как и руководство РОВС, изолированное нацистами в Брюсселе, предлагало германскому командованию сотрудничество, но положительного ответа так и не получило. Когда в 1943 году белая эмиграция узнала о набирающем силу Власовском движении, её военные лидеры заняли выжидательную позицию. С их точки зрения, красный генерал А.А. Власов являлся «перелётом», «двойным предателем», который в час испытаний подло изменил своей родине и теперь пляшет под немецкую дудку. Ни для А.А. фон Лампе, ни для главы российской эмиграции в Германии В.В. Бискупского не было секретом, что фашисты активно «сватают» Власову русского националиста А.В. Туркула. Сам генерал Власов никогда не являлся самостоятельной фигурой в затеянной немцами игре. Его «хозяева» так и не позволили главе Русской освободительной армии (РОА) открыто позвать под знамёна всех белоэмигрантов. Гитлеровское командование, выступая как против объединения разрозненных русских батальонов в единую

РОА, так и против использования организационных структур военной эмиграции, стремилось окончательно разобщить бывших белых и вчерашних красных.

Выступление на стороне РОА генерала А.А. Власова лидеры российской военной эмиграции считали неприемлемым. У них не было «хозяев», а потому оставалось право самостоятельно принимать решения. Лишь в марте 1945 года А.А. фон Лампе решается на вступление во власовский Комитет освобождения народов России (КОНР). К тому времени большинство чинов ОРВС уже было задействовано в Русской национальной армии (РНА) Артура Хольмсена (Б.А. Смысловского). Армия офицера вермахта Смысловского, как известно, должна была соединиться с корпусом генерала Б.А. Штейфона и вооруженными силами КОНР на границе Швейцарии, однако этого так и не произошло.

Давний противник РОВС генерал А.В. Туркул, напротив, не брезговал сотрудничеством ни с бывшими красными военачальниками, ни с немецкими нацистами. В 1941–1943 годах он пытался восстановить деятельность РНСУВ в занятой гитлеровцами Европе, но успеха практически не имел. В 1943 году совершил поездку в оккупированный Севастополь, где безуспешно пытался отыскать могилы М.Г. Дроздовского и полковника В.Б. Туцевича в районе Малахова кургана. По возвращению в Германию в 1944 году после личной встречи с А.А. Власовым Туркул был зачислен в РОА. 17 декабря 1944 года кооптирован в КОНР.

В марте – апреле 1945 года А.В. Туркул, опираясь преимущественно на дроздовцев, участников Белого движения и бывших чинов РНСУВ, формировал Отдельный корпус вооруженных сил КОНР. Его штаб располагался под Зальцбургом, а части в Линце, Любляне и Филлахе. Корпус состоял из 5 тыс. чинов. В него входили следующие части: отдельный полк полковника Кржижановского, полк СС «Варяг» полковника М.А. Семёнова и отдельный казачий полк генерал-майора ВС КОНР С.К. Бородина. Фактически корпус сформирован не был. В марте 1945 года корпус переименовали в бригаду. Он участвовал в боевых действиях в Австрии. Полк Семёнова «Варяг» закончил войну в Словении, где и дислоцировался всё время. Часть чинов полка избежала выдачи СССР и спаслась вместе с остатками Русского корпуса полковника А.И. Рогожина.

В мае 1945 года А.В. Туркул был арестован союзниками. До 1947 года находился в заключении, затем жил под Мюнхеном. В 1950 году вновь вернулся к активной политической деятельности и в августе того же года организовал съезд ветеранов РОА под Шляйхсхеймом, где был избран председателем Комитета объеди-

нённых власовцев (КОВ), который возглавлял до смерти. КОВ пытался представить власовское движение и Русское освободительное движение в целом как продолжение Белого движения, хотя РОВС во главе с генералом А.П. Архангельским никогда подобных взглядов не разделял. Усилиями А.В. Туркула вновь начал выходить печатный орган КОВ – газета «Доброволец» (1950–1957 годы).

В 1937 году А.В. Туркул написал воспоминания о Гражданской войне – «Дроздовцы в огне» (другое название «За Святую Русь»), которые были подвергнуты литературной обработке писателем И.С. Лукашем. Данное произведение признано одной из наиболее эмоциональных, живых книг, повествующих о Гражданской войне. Книга неоднократно переиздавалась, выходила в свет в Мюнхене, Нью-Йорке, других городах. С начала 1990-х годов труд Туркула выдержал несколько изданий и в России.

Умер А.В. Туркул в ночь с 19 на 20 августа 1957 года. Его прах покоится на русском мемориальном кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем²².

УНГЕРН Роман Федорович (1885–1921)

Барон Роберт-Николай-Максимилиан Унгерн фон Штернберг (в дальнейшем Роман Федорович) родился по одним сведениям, 22 января 1886 года на острове Даго (Балтийское море), по другим –

²² См.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерала А.А. Власова. 1944–1945 гг. – СПб., 2001; Жакота А. Загадки генерала А.В. Туркула // Русин. – 2008. – № 1–2; Окороков А.В. Фашизм и Русская эмиграция. – М., 2002; Цурканов Ю. Белая эмиграция во Второй Мировой войне. Неудавшийся реванш. – М., 2001; Широкова Е. 23 декабря 1892 года (127 лет назад) родился А.В. Туркул // http://ptiburdukov.ru/История/родился_А.В._Туркул.

29 декабря 1885 года в городе Граце (Австрия), но уже в ранней молодости вместе с семьей вернулся в Прибалтику.

Его древний род брал своё начало от Ганса фон Унгерна, бывшего в 1269 году вассалом рижского архиепископа. История сохранила свидетельства об этом «аристократическом» семействе прибалтийских баронов, добывших себе состояние морским разбоем. Сам же барон Р.Ф. Унгерн рассказывал, что его предки «принимали участие во всех легендарных крестовых походах». Один из Унгернов погиб в Иерусалиме, где сражался за освобождение гроба Христа, на службе короля Ричарда Львиное Сердце. В XII веке Унгерны служили монахами в Тевтонском ордене и распространяли огнем и мечом христианство среди литовцев, эстов, латышей и славян. Другой предок Унгернов был знаменитым рыцарем-разбойником, наводившим страх на купцов, которых он грабил на больших дорогах. Третий сам был купцом и имел корабли в Балтийском море. Р.Ф. Унгерн писал: «...Мой дед прославился как морской разбойник, грабивший английские корабли в Индийском океане... Я сам создал в Забайкалье орден монахов-воинов-буддистов для борьбы с коммунистами...».

Отношения Р.Ф. Унгерна как с отчимом (даже после смерти матери в 1907 году), так и с единоутробным братом и сестрой были самые родственные. С 1900 по 1902 год он недолго посещал Николаевскую гимназию (ныне Гимназия Густава Адольфа) в Ревеле (совр. Таллин), откуда был отчислен в связи с тем, что перестал посещать занятия, так как заболел воспалением лёгких и уехал на лечение на юг и за границу. К тому же во время учёбы его поведение было неровным, своевольным и постепенно ухудшалось. В результате в феврале 1905 года Роман Унгерн был взят на попечение родителей.

В 1908 Р.Ф. Унгерн с трудом оканчивает Павловское военное училище и зачисляется в Забайкальское казачье войско. Вот какую «блестящую» характеристику дал ему в то время командир полка: «...Есаул барон Унгерн Штернберг... в состоянии сильного опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира, за что и был отчислен в резерв чинов...». Его весьма странные и непонятные взгляды и пристрастия проявились задолго до Гражданской войны: в 1913 году он подал в отставку, покинул армию и отправился в Монголию, загоревшись желанием поддержать монгольских националистов в борьбе с Китаем. Монголы Унгерну не дали ни солдат, ни оружия; он был зачислен в конвой русского консульства.

В Первую мировую войну начинается и боевой путь одной из колоритнейших фигур Гражданской войны: «подъесаул барон» –

так звали Р.Ф. Унгерн фон Штернберга казаки в бытность его командиром 5-й сотни 1-го Нерченского полка, – был человеком безудержной, а иногда безумной отваги²³.

До конца войны войсковой старшина Унгерн фон Штернберг умудрился стать кавалером всех российских орденов, которые мог получить офицер подобного звания (включая Георгиевское оружие и орден Св. Георгия). Однако была у него и темная сторона: его полковой командир, П.Н. Врангель писал, что Унгерн, «...будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося». Его хамское и нетрадиционное поведение отражалось на службе: постоянные уставные наказания, многочисленные частные беседы, драки с сослуживцами (в ходе одной из них Унгерн получает мощный удар шашкой по голове: до конца жизни его будут мучить головные боли и психическое расстройство). Однажды монгольская колдунья сказала, что видит его в реке крови и что он убьет ее. После гадания барон, усмехнувшись в рыжие усы, вышел из юрты.

В конце 1916 года после очередного нарушения воинской дисциплины Р.Ф. Унгерн был всё-таки удален из полка и отправлен на Кавказ²⁴. Там вновь проявилась его тяга к иностранцам неевропейского происхождения; в Персии барон участвовал в организации добровольческих отрядов из ассирийцев. Эти абсолютно бесполезные отряды никак не влияли на ход войны, однако их содержание стоило русской казне немалых средств.

После Февральской революции Р.Ф. Унгерн, как и большинство офицеров, присягнул Временному правительству и продолжил службу. Вместе с есаулом Г.М. Семёновым он отправляется в Забайкалье для формирования инородческих частей из бурят и других коренных народов восточных губерний.

В октябре – ноябре 1917 года Р.Ф. Унгерн с 10–16 сторонниками создал в Иркутске контрреволюционную группу и присоединился к Г.М. Семёнову. Узнав об Октябрьской революции, они уехали в Читу, оттуда – на станцию Даурия в Забайкалье, где было решено формировать полк.

В декабре 1917 года Г.М. Семёнов, Р.Ф. Унгерн и ещё 5 казаков разоружили деморализовавшийся русский гарнизон станции Маньчжурия. Здесь Семёнов начал формировать Особый Маньчжурский отряд (ОМО) для борьбы с красными. В начале 1918 года

²³ Соколов Б.В. Барон Унгерн. Чёрный всадник. – М., 2007. – С. 38.

²⁴ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. – М., 2011. – С. 67–70.

Унгерн назначается комендантом станции Хайлар. Барон разоружил все находившиеся там пробольшевиcтски настроенные части. Успешные операции вдохновили Семёнова и Унгерна на расширение своих действий, и они занялись формированием национальных отрядов, в том числе из представителей монголов и бурят. По словам А.Н. Кислова, «зверски уничтожая коммунистов, партизан, советских служащих и евреев вместе с женщинами и детьми, Унгерн удостоился от атамана Семёнова чина генерал-лейтенанта и стал начальником конной азиатской дивизии в его армии в Забайкалье...».

С декабря 1917 года во главе созданной им конной дивизии Р.Ф. Унгерн вел непрерывную борьбу с советской властью. Подобно другим белым и красным, Унгерн широко применял реквизиции для снабжения своих войск. Реквизициям подвергались, прежде всего, красные и заподозренные в сочувствии им, а также те, кто большими партиями вывозил деньги и товары за границу. Шла массовая вербовка добровольцев. Дисциплина держалась на заботе о личном составе и жестоких наказаниях.

Тяга к садизму и извращенным наказаниям не ограничивалась евреями и «коммунистами», в число которых слишком часто попадали несчастные мирные жители, бежавшие с большевических территорий к «белому» Унгерну. Отношения Унгерна со своими подчиненными – это длинный перечень откровенного беспредела, включая убийство легендарного на Алтае белогвардейского полковника Н.Н. Казангради. Один из героев Гражданской войны на востоке России был до смерти заперт плетьюми.

Р.Ф. Унгерн разрабатывал план восстановления монархий и борьбы с революциями в Евразии, начиная от Маньчжурии, Монголии и Китая и далее на запад. В контексте этого плана, в феврале – сентябре 1919 года он ездил в Маньчжурию и Китай. Там наладил контакты с монархическими кругами, а также готовил встречу Г.М. Семёнова с маньчжурским милитаристом Чжан Цзолинем. В июле 1919 года Унгерн в Харбине по православному обряду вступил в брак с принцессой Цзи, представительницей свергнутой династии Цин. Она получила имя Елена Павловна Унгерн-Штернберг. Общались они на английском. Цель брака была политическая: Цзи была родственницей генерала Чжана Куйву, командира китайских войск западной части КВЖД и губернатора Хайлара.

В июне–июле 1920 года белые развернули своё последнее широкое наступление в Забайкалье. Р.Ф. Унгерн действовал в направлениях на Александровский и Нерчинский заводы в координации с войсками генерала В.М. Молчанова. Белые не смогли

выдержать давление превосходящих сил красных. Унгерн стал готовить отход в Монголию. 7 августа 1920 года Азиатская дивизия была преобразована в партизанский отряд²⁵.

Отделившись от Семёнова, по указанию последнего и с одобрения японских интервентов Унгерн в конце 1920 года двинул свой «отряд», насчитывавший до 10 тыс. человек, в Монголию. Его ядро составляли восемь сотен забайкальских и оренбургских казаков-головорезов. Тем временем китайский генералитет, отказавшись подчиняться Чэнь И, арестовал местного предводителя Богдо-гэгэна. Тогда Богдо-гэгэн решил обратиться за помощью к Унгерну. В конце 1920 года он направил к нему главу Шабинского ведомства Хушиктен-ламу с официальной просьбой об освобождении Халхи от китайцев, а также с пророчеством о том, что в феврале 1921 года Унгерн выбьет китайский гарнизон из Урги, благословив халхаских князей на создание объединённой армии ему в помощь. Когда отряд Унгерна 29 января перешел в долину У-Булан перед решающим штурмом Урги, от Богдо-гэгэна к Унгерну прибыл другой лама, передавший его личное письмо с благословением на изгнание китайцев из Урги.

В ночь на 3 февраля смешанный отряд из тибетцев, монголов, бурят и русских под командованием хорунжего Ц. Тубанова и тибетца Саж-ламы Жамьянданзана организовал освобождение Богдо-хана из-под ареста в ургинской резиденции у северного подножья Богдо-улы и его препровождение в монастырь Манджушри-хийд на противоположный склон горы в то время, как войска Унгерна начали бои с китайским гарнизоном Урги. Известия об освобождении Богдо-хана оказали сильнейшее деморализующее воздействие на китайцев. На следующий день Азиатская дивизия заняла столицу.

В результате в Монголии была восстановлена абсолютная монархия во главе с Богдо-ханом; 22 февраля 1921 года в Урге им было сформировано новое правительство. Он даровал Р.Ф. Унгерну, как и другому генералу Азиатской дивизии Б.П. Резухину, княжеские звания. Унгерн остался командующим Азиатской конной дивизией. Широко распространенные утверждения, что Унгерн якобы стал всемогущим диктатором или ханом Монголии, не соответствуют действительности²⁶.

²⁵ Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. С.Л. Кузьмин. – М., 2004. – С. 94–96.

²⁶ Роцин С.К. Унгерн в Монголии // Восток. – 1998. – № 6. – С. 20–33; Торновский М.Г. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. – М., 2004. – С. 181; Уланов М.С. Барон Унгерн и буддизм // Буддийская культура: история, источни-

Японские империалисты стремились руками Р.Ф. Унгерна не только захватить Монголию, но и превратить ее в плацдарм для нападения на Советскую Россию. Находясь в Урге, барон налаживает связь с монархистами Монголии, Тибета, Китая. Он собирает семёновцев и колчаковцев, сосредоточившихся на русско-китайско-монгольской границе, пишет воззвания, манифесты.

Зверства Унгерна, любившего лично принимать участие в пытках и казнях, казались омерзительными даже его собутыльникам. Так, один из офицеров его банды писал: «...С наступлением темноты на сопках только и слышен был жуткий вой волков ... На эти сопки, где всюду валялись кости, черепа, скелеты и гниющие части обглоданных волками тел, и любил ездить для отдыха барон Унгерн...».

Кочуя со своими отрядами по монгольским степям, грабя местное население, барон Р.Ф. Унгерн 21 мая 1921 года издает приказ о наступлении против Красной Армии в Сибири. В июне, отбросив отряды Унгерна в Монголию, части Красной Армии по просьбе образовавшегося Временного народного революционного правительства Монголии двинулись на освобождение Урги. 6 июля Красная Армия вступила в Ургу. Тогда и Богдо-гэгэн выступил против Унгерна, призывая народ уничтожить этого «распутного вора».

Тем временем сам Унгерн перешел границу в другом месте и бросил свои силы на север Забайкалья, намереваясь прорваться к Сибирской железной дороге, взорвать тоннели и прекратить сообщение на этой важнейшей магистрали. Вполне реальной стала угроза прорыва Унгерна к станции Мысовой.

В кратчайший срок из тыловиков и выздоравливающих красноармейцев 35-й стрелковой дивизии и 5-й Кубанской кавалерийской бригады под началом К.К. Рокоссовского был сформирован и хорошо вооружен (в его распоряжении были даже два орудия) сводный отряд – около 200 конных и 500 пеших бойцов. Потерпев поражение в боях 5–6 августа от войск Красной Армии, возвратившихся из Монголии, Унгерн едва вырвался из их кольца и вновь бежал на юг...

Бойцы К.К. Рокоссовского и П.Е. Щетинкина две недели гнали за унгерновцами по монгольской степи, испытывая жажду и голод, то отражая атаки, то атакуя, то преследуя остатки унгер-

коведение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения: Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г. – СПб., 2008; *Цветков В.Ж.* На сопках Монголии. Белое дело барона Унгерна // <https://rucont.ru/efd/145724>; *Цибиков Б.* Разгром унгерновщины. – Улан-Удэ, 1947; *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. – М., 1993.

новского воинства, и наконец 22 августа 1921 года юго-западнее горы Урт настигли барона. В мемуарах очевидцев из России и Монголии сохранилось несколько версий ареста барона Унгерна, на основании которых сделана следующая реконструкция²⁷.

Утром 19 августа Унгерн встретил свой монгольский дивизион. Барон попробовал склонить его на свою сторону. Возможно, он также приказал арестовать и расстрелять находившихся в дивизионе русских инструкторов. Однако монголы не хотели продолжать борьбу и помогли бежать, по крайней мере, некоторым из них. Чтобы выйти из борьбы, командир дивизиона Бишерельту-гун Сундуй с подчинёнными утром 20 августа связали Унгерна и повезли к белым. К тому времени красные из отряда Щетинкина узнали от пленных о том, что произошло в бригаде Унгерна. Они направили разведгруппу и наткнулись на связанного барона.

Смертный приговор барону фактически был вынесен руководством страны – 26 августа 1921 года В.И. Ленин передал по телефону своё мнение о деле барона: «...Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения, и в случае если доказанность полнейшая, в чём, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять...»

Слушание дела заняло 5 часов 20 минут. Р.Ф. Унгерну предъявили обвинение по трём пунктам: во-первых, участие в вооружённой борьбе против советской власти под покровительством Японии (что, в частности, выразилось в планах создания «центральноазиатского государства»), во-вторых, участие в зверских расправах над мирным населением в районе вооружённых действий, в-третьих, участие в массовом уничтожении населённых пунктов и граждан. Приговор был приведён в исполнение (по не подтверждённому пока данным) в Новониколаевском ГПУ.

²⁷ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. – С. 277–288.

ФИЛАТЬЕВ Дмитрий Владимирович (1866–1932)

Дмитрий Владимирович Филатьев вступил на военную службу в 1885 году после окончания Московского 2-го кадетского корпуса, в 1886 году после окончания Александровского военного училища был произведён в подпоручики и выпущен в 9-й Туркестанский стрелковый батальон. В 1890 году произведён в поручики, в 1894-м – в штабс-капитаны.

В 1898 году после окончания Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду Д.В. Филатьев был произведён в капитаны с назначением старшим адъютантом штаба 43-й пехотной дивизии. С 1900 года – обер-офицер для поручений, с 1902 года – штаб-офицер для особых поручений и старший адъютант при штабе, с 1904 года – при командующем Виленского военного округа. В 1902 году произведён в подполковники.

В 1904 году Д.В. Филатьев был назначен старшим адъютантом управления генерал-квартирмейстера 2-й Манчжурской армии, участвовал в Русско-японской войне, за храбрость был награждён орденами Св. Анны и Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1906 году Д.В. Филатьев был произведён в полковники с назначением делопроизводителем Главного управления Генерального штаба. В 1912 году произведён в генерал-майоры, был экстраординарным, а с 1914 года ординарным профессором Императорской Николаевской военной академии и делопроизводителем Канцелярии Военного министерства Российской империи. Разработал новое Положение о полевом управлении войск в военное время (1914 год).

Во время Первой мировой войны Д.Ф. Филатьев занимал должность помощника главного начальника снабжений армий Западного и Северо-Западного фронтов. В 1916 году был произведён в генерал-лейтенанты с назначением помощником начальника, а с 1917 года – начальником Канцелярии Военного министер-

ства. В 1916–1917 годах был членом Военного совета Российской империи. С конца 1917 года – помощник военного министра. Был награждён всеми российскими орденами вплоть до ордена Св. Владимира 2-й степени, пожалованного ему 9 апреля 1915 года.

После Октябрьской революции Д.В. Филатьев участвовал в Белом движении в Вооружённых силах Юга России. С сентября 1918 года находился в киевском центре Добровольческой армии, занимал должность начальника снабжения, представителя Добровольческой армии в Киеве.

В конце 1918 года вступил в армию Директории УНР, скрыв при этом свою связь с Добровольческой армией, и получил назначение начальником 6-й пешей дивизии на юге Украины. Исполнял обязанности командира 3-го Херсонского корпуса армии УНР.

В начале 1919 года Д.В. Филатьев оставил украинскую службу и принял участие в развернувшейся в Одессе организации десантной армии для захвата Петрограда (вместе с генералом А.В. Шварцем), в марте выехал по ее делам в Париж, а оттуда – на Дальний Восток. С октября 1919 года находился на службе в Ставке адмирала А.В. Колчака. 5 ноября был допущен к исполнению должности помощника Главнокомандующего Восточным фронтом по части снабжения. 29 февраля 1920 года назначен главным начальником снабжения вооружённых сил Российской Восточной окраины, руководитель комиссии по заграничным заготовкам в Харбине (апрель–июнь 1920 года). Летом 1920 выехал из Харбина для закупки патронов для атамана Г.М. Семёнова. Остался в эмиграции во Франции. В 1931 году в Париже выступил с докладом на собрании, посвященном 50-летию служения в офицерских чинах Н.Н. Юденича.

Судьбы Юденичей и Филатьевых переплелись еще с Ташкента 1890 года, когда молодая чета Юденичей поселились на Пушкинской улице, позднее Лагерном проспекте. Именно там в похожих одноэтажных особняках с неизменными колоннами по фасаду и фруктовым садом жило большинство офицеров штаба округа. Отсутствие детей и значительные свободные средства позволяли Юденичам держать дом открытым для гостей.

И так было всегда до последних дней жизни Н.Н. Юденича в эмиграции. Все без исключения сослуживцы вспоминали о необыкновенном гостеприимстве хозяев, легкости и удовольствии, с которым они посещали Юденичей. Уже тогда проявлялся живой, энергичный, деловой характер Александры Николаевны, ее умение вести хозяйство и распоряжаться значительными средствами. Юденичей охотно посещали начальники и подчиненные, офицеры ташкентского гарнизона, с которыми он хотя бы раз сталки-

вался близко по службе. Сдержанность мужа дополнялась бурей эмоций жизнерадостной жены.

Очень близкой подругой Александры Николаевны была Софья Александровна Филатьева. Мужья их тоже очень скоро дружески сошлись, прежде всего, как бывшие юнкера-александровцы, и не расставались до самого отъезда Филатьева в академию Генштаба. Впоследствии Юденич еще не раз встретится с Филатьевым и его женой, но дружески они сойдутся и постараются не расставаться только на склоне лет в эмиграции в Париже и Ницце. Оба прожили довольно беспокойную жизнь в штабах различных соединений и в мирное время, и во время Русско-японской и Первой мировой войн, дослужились до всевозможных наград и генеральских званий...

Д.В. Филатьев останется видным военным теоретиком и историком, прославится своей работой «Катастрофа Белого движения в Сибири», а умрет на полгода раньше Н.Н. Юденича. Оба они будут похоронены на одном кладбище Кокад в Ницце.

ФИЦХЕЛАУРОВ Александр Петрович (1878–1928)

Александр Петрович Фицхелауров в 1897 году окончил Донской кадетский корпус, а в 1900-м Николаевское кавалерийское училище.

В годы Первой мировой войны служил офицером в 20-м Донском полку, в 1914 году был назначен командиром 36-го Донского полка и оставался на этой должности до 1917 года. В 1915 году был произведен в чин полковника.

После Октябрьской революции примкнул к Белому движению. С апреля 1918 года А.П. Фицхелауров командовал партизанским отрядом, в мае был назначен командиром Северного отряда и Се-

верной группы, а в июле – командиром Царицынского отряда. В мае 1918 года произведен в генерал-майоры.

Во второй половине 1918 года А.П. Фицхелауров командовал войсками Усть-Медведицкого района, 12-м Донским полком, в декабре 1918 года некоторое время занимал пост губернатора Старобельского района.

В 1919 году А.П. Фицхелауров был командующим войсками Чертковского района. В марте – сентябре – командир 5-й Донской дивизии (до 12 мая 1919 года именовалась 5-м Донским армейским корпусом), затем назначен командиром 9-й Донской пластунской бригады. В сентябре 1919 года Фицхелаурову было присвоено звание генерал-лейтенанта. Весной 1920 года – командир 8-го пешего полка и 2-й бригады в 3-й Донской дивизии. После эвакуации в Крым находился в резерве Донского корпуса в Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

С ноября 1920 года жил в эмиграции в Турции, с 1925 года в Болгарии, затем во Франции. Умер от туберкулеза в Париже в 1928 году.

ХАНЖИН

Михаил Васильевич
(1871–1961)

Михаил Васильевич Ханжин происходил из семьи войскового старшины станицы Степной 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Родился 17 октября 1871 года в Самарканде. Получил блестящее военное образование: закончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию в Санкт-Петербурге. Служил в Туркестанской бригаде, за отличную службу был произведён в капитаны. В 1903 году окончил Офицерскую артиллерийскую школу, которая готовила командиров артиллерийских батальонов.

Участник Русско-японской войны в качестве штаб-офицера Офицерской артиллерийской школы. Участвовал в работе комиссий по реформированию русской армии. В 1910–1914 годах командовал артиллерийской бригадой, в 1913 году посетил Францию в составе военной миссии. В начале 1914 года М.В. Ханжину было присвоено звание генерал-майора.

В Первую мировую войну М.В. Ханжин вступил в должности командира 19-й артиллерийской бригады. Исполнял обязанности командующего 19-й пехотной дивизии. С июля 1915 года – командир 12-й пехотной дивизии. Был Награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 3-й степени.

В апреле 1916 года М.В. Ханжин был назначен инспектором артиллерии 8-й армии. Сыграл выдающуюся роль в организации наступления Юго-Западного фронта – Брусиловского прорыва, – за что был произведен в генерал-лейтенанты. Инспектор артиллерии 8-й армии (1916). С конца 1916 года – инспектор артиллерии Румынского фронта. С апреля 1917-го – полевой инспектор и генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем.

После большевицкого переворота М.В. Ханжин был уволен из армии. С семьей переехал в Оренбургскую губернию, проживал в городе Троицке, а затем в одной из станиц. В 1918 году поступил на службу в войска Временного Сибирского правительства.

После установления власти адмирала А.В. Колчака в связи с реорганизацией войск М.В. Ханжин был назначен командующим Западной армией, за успешные действия в ходе весеннего наступления 1919 года к Волге произведен в генералы от артиллерии.

В апреле 1919 года Красная Армия начала наступление комбинированным ударом – с фронта и во фланг и тыл армии М.В. Ханжина. Так началась Бугурусланская операция, продолжавшаяся до 13 мая. Красные прорвали фронт, громя белых по частям и устремились с юга на север, на Бугуруслан. М.В. Фрунзе, не мешкая, бросил в прорыв свежие силы. Оренбургская кавбригада провела рейд, громя тылы белых. Положение Западной армии Ханжина стало отчаянным. Белые понесли большие потери, за неделю боев на главном направлении – около 11 тыс. человек. В армии Колчака постоянно ощущался кадровый голод. Хороших управленческих, военных кадров не хватало. Мобилизованные сибирские мужики, нередко из уездов, где прошли белые каратели, всё чаще сдавались и переходили на сторону красных.

Войска М.В. Ханжина сосредоточились в районе Белебея, на подмогу прибыл корпус В.О. Каппеля. Колчаковцы готовились к упорной обороне и надеялись при благоприятной ситуации перейти в контрнаступление. Однако это лишь продлило агонию.

Стратегически и тактически неоправданное сохранение основных сил Сибирской армии на вятском направлении привело к окончательному поражению Западной армии М.В. Ханжина, выходу красных войск в тыл сибирцам и крушению всего Восточного фронта А.В. Колчака.

В июне М.В. Ханжин по личной просьбе был смещен с поста командующего и назначен в распоряжение Верховного правителя и главнокомандующего, а в октябре назначен военным министром правительства адмирала А.В. Колчака. Занимался мобилизацией гражданского населения на военную службу и вопросами снабжения войск.

В период эсэро-меньшевистского мятежа в Иркутске, вспыхнувшего в декабре 1919 года, вместе с другими членами правительства отправил Верховному правителю телеграмму с предложением отречься от власти в пользу генерала А.И. Деникина. В период переговоров о передаче власти эсэро-меньшевистскому Политцентру в Иркутске в одном из эшелонов иностранной военной миссии бежал из города.

Вскоре М.В. Ханжин эмигрировал в Китай. Стал совладельцем мыловаренного завода в Дайрене. В Чаньчуне в 1922–1925 годах заведовал автомобильной конторой Ковальского по перевалке бобов. В 1925–1926 годах работал на химическом заводе военного арсенала в Мукдене. Состоял членом Мукденского артиллерийского кружка. В 1926–1931 годах работал в правлении Южно-Маньчжурской железной дороги руководителем отделения счетно-экономического отдела. С 1928-го по 1930 год возглавлял дальневосточный отдел Русского общевосточного союза (РОВС), потом некоторое время жил в Шанхае и вернулся в Дайрен. С октября 1933 года работал чертежником русского отделения управления Южно-Маньчжурской железной дороги. Председатель военного кружка в Дайрене в 1927–1933 годах.

По личной инициативе М.В. Ханжин организовал попечительский совет по охране и приведению в порядок Порт-Артурского и других русских военных кладбищ в Маньчжоу-Го и Квантунской области, являлся первым его председателем с августа 1935 года. Председатель Союза Георгиевских кавалеров в Шанхае. В первой половине 1940-х годов возглавлял драмкружок при Русском клубе в Дайрене.

В сентябре 1945 года М.В. Ханжин был арестован советской контрразведкой «Смерш» в Дайрене и депортирован в СССР. По решению Особого Сопределения при МГБ СССР в 1946 году приговорен к 10-летнему тюремному заключению. По амнистии вышел на свободу в 1954 году. Умер и был похоронен в городе Джамбул Казахской ССР. Реабилитирован посмертно в 1992 году.

ХОРВАТ Дмитрий Леонидович (1859–1937)

Дмитрий Леонидович Хорват, первый начальник Уссурийской железной дороги, управляющий Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1903–1918 годах, 35 лет своей жизни отдал делу строительства и эксплуатации железных дорог в экстремальных условиях Средней Азии, Дальнего Востока и Китая (Маньчжурии). Он принадлежал к числу лучших знатоков железнодорожного дела царской России. После революционных событий 1917 года являлся одним из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. В советское время его имя было несправедливо подвергнуто забвению.

Д.Л. Хорват родился 25 июля 1859 года в Кременчуге Херсонской губернии в зажиточной дворянской семье, принадлежащей к родовитой военной фамилии сербского происхождения. Он приходился внучатым племянником знаменитому фельдмаршалу М.И. Кутузову-Голенищеву. С 1887 года по окончании Николаевского инженерного училища служил в Лейб-гвардии саперном батальоне в Санкт-Петербурге. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. С 1881-го по 1883 год учился в Николаевской инженерной академии.

В 1885 году поручика Д.Л. Хорвата командировали на строительство Закаспийской военной железной дороги с назначением на должность чиновника по особым поручениям при генерале М.Н. Анненкове, который заведовал постройкой. Хорват работал на самом сложном участке Закаспийской дороги от Мерва (Мары) до Чарджуй (Чарджев) протяженностью 240 км (территория современного Туркменистана). Более половины пути пролегало по крупнейшей в Средней Азии пустыне Каракумы. Он руководил сооружением известного в инженерном мире по техническим трудностям деревянного моста длиной 2,5 км через многоводную реку Амударью, который был построен за 4 месяца. Впервые в крае им были проведены работы по укреплению сыпучих песков.

14 июня 1895 года подполковник Д.Л. Хорват получил назначение на пост командира 1-го Уссурийского железнодорожного батальона. Сформированный в мае батальон был задействован на строительстве конечного участка Великого Сибирского рельсового пути – Уссурийской дороги, которое началось в 1891 году. Спустя три месяца, 15 сентября 1895 года, Хорват получает еще одно назначение – начальником Южно-Уссурийской дороги, рабочее движение по которой от Владивостока до Имана (ныне Дальнереченск) открылось 1 января 1895 года. Одновременно продолжалось строительство северного участка магистрали до Хабаровска силами, в том числе, нижних чинов и офицеров железнодорожного батальона.

Военные в Уссурийском крае не только строили рельсовый путь, но и осуществляли эксплуатацию железной дороги. Для этих целей при батальоне действовали школы, где солдаты обучались рабочим специальностям: дорожных мастеров, машинистов, телеграфистов и т. д. По прибытии Д.Л. Хорвата во Владивосток Южно-Уссурийская дорога с 1 февраля 1896 года перешла из ведения управления по сооружению Уссурийской железной дороги, возглавляемого О.П. Вяземским, в ведение отдельного учреждения – управления Южно-Уссурийской железной дороги, которое осуществляло ее эксплуатацию и ремонт. 1 ноября 1897 года вся Уссурийская железная дорога от Владивостока до Хабаровска длиной 764 км с 23 станциями и 7 разъездами была сдана в эксплуатацию. Рельсовый путь сократил расстояние между Владивостоком и Хабаровском с двух недель до двух дней, дал мощный толчок развитию всех производительных сил края, притоку новых переселенцев, становлению дальневосточной экономики.

В 1899 году Д.Л. Хорват вновь был переведен в Среднюю Азию, где возглавил эксплуатацию и достройку Закаспийской (Среднеазиатской) железной дороги. Здесь же произошло знаменательное событие – женитьба на Камилле Альбертовне Бенуа из семьи известного художника-акварелиста А.Н. Бенуа.

1 июля 1903 года Д.Л. Хорват получил самое главное в своей жизни назначение – на должность управляющего Китайско-Восточной железной дорогой, в которой проработал бессменно 15 лет. Обеспечение нормального функционирования громадного русского железнодорожного предприятия в сложных политических и бытовых условиях Северной Маньчжурии требовало от его руководителя проявления недюжинных способностей, опыта и исключительного такта. Хорват вполне удачно справился с порученной ему задачей. Он показал себя искусным администратором обширной полосы отчуждения дороги, где проживало 25 тыс. русских людей и которая получила при нем название «Счастливая Хорватия».

КВЖД была единственной коммуникационной линией на театре войны с Японией 1904–1905 годов. В первые десять месяцев войны были завершены работы увеличения пропускной способности поездов. В результате она увеличилась в два раза с 7 до 18 пар поездов в сутки, опередив показатели на других участках Великого Сибирского рельсового пути. Дорога успешно работала по снабжению воюющей России в годы Первой мировой войны, став в этот период высокорентабельной. С 1915 года КВЖД впервые стала бездефицитной, то есть доходы от эксплуатации стали превышать ее расходы, включая суммы, истраченные на содержание инфраструктуры.

Д.Л. Хорват участвовал в учреждении Харбинского отделения Общества востоковедения в 1903 году. Держал под Харбином образцовую молочную ферму и состоял членом Маньчжурского сельскохозяйственного общества. Был почетным председателем местного аэроклуба с 1916 года. Одна из харбинских гимназий в 1906–1935 годах носила имя своего покровителя. Историограф Китайско-Восточной дороги Е.Х. Нилус писал: «Самый физический облик Д.Л. Хорвата как нельзя лучше гармонировал с его ролью стойкого защитника русских интересов на Дальнем Востоке. Высокий рост, богатырское сложение, лицо с крупными характерными чертами и столь популярная на всем Дальнем Востоке патриархальная борода, удивительно простое и ровное обращение со всеми без различия рангов и положений оставляли после первой же встречи с ним неизгладимое впечатление».

Первоклассный организатор и специалист железнодорожного дела, имевший явное призвание к административно-технической деятельности, Д.Л. Хорват не принимал активного участия в политической жизни страны, симпатизируя конституционно-монархической программе партии кадетов. Однако волна революционных событий 1917 года, докатившаяся до Маньчжурии, нарушила налаженный уклад жизни и в «Счастливой Хорватии». После Февральской революции Временное правительство предоставило управляющему КВЖД Д.Л. Хорвату права комиссара в полосе отчуждения дороги.

9 июля 1918 года генерал Д.Л. Хорват, остановившись со своим отрядом у станции Гродеково (на восточной границе КВЖД), обратился к населению с воззванием, в котором объявил себя Временным верховным правителем России «до восстановления порядка в стране и созыва Учредительного собрания, которое должно установить образ правления государства». После создания в Омске Временного Сибирского правительства во главе с А.В. Колчаком Хорват получил звание «верховного уполномочен-

ного Временного правительства на Дальнем Востоке». С падением режима Колчака в январе 1920 года прекратилась и активная роль Хорвата в Белом движении. 16 марта 1920 года в результате всеобщей политической забастовки, организованной Объединенной конференцией профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения, он ушел в отставку.

Китайское правительство, ценя заслуги Д.Л. Хорвата, предложило ему переехать в Пекин, при этом номинально оставаясь во главе Китайско-Восточной дороги. С 6 ноября 1920 года он получил должность «высокого советника Правления Общества КВЖД», а с 1 декабря того же года еще и «почетного вице-председателя Особого комитета по делам КВЖД». По существу, это было почетное пленение старого мудрого генерала, потому что китайцы его из Пекина не выпускали.

Последние годы жизни Д.Л. Хорват провел в большой нужде, на средства, выручаемые от маленькой молочной фермы и от уроков супруги. Стоически выносил он подобные «мелочи быта», до конца дней своих оставался бодрым физически и духовно, не сгибал своего богатырского роста даже под тяжестью семи десятков лет. Умер 16 мая 1937 года на 78-м году жизни. Был похоронен рядом с храмом Всех Святых Мучеников, находившимся на территории Российской духовной миссии в Китае (РДМК) в Пекине и разрушенном в 1956 году после передачи имущества РДМК властям СССР.

ЧАПЛИН

Георгий Ермолаевич
(1886–1950)

Георгий Ермолаевич Чаплин родился в Тверской губернии в дворянской семье действительного статского советника Ермолая Николаевича Чаплина. Владел английским, французским и немецким языками. В 1903 году окончил реальное отделение Пе-

тербургского училища Святой Анны, учился в Петербургском технологическом институте. С сентября 1905 года – юнкер флота в 18-м флотском экипаже. В 1906 году награждён серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте «в воздаяние честно исполненного воинского долга и присяги при подавлении мятежа на учебном судне “Рига” в ночь с 19 на 20 июня». В мае 1907 года был произведён в корабельные гардемарины.

В 1907–1908 годах Г.Е. Чаплин совершил заграничное плавание на линейном корабле «Слава», во время которого участвовал в спасении пострадавших от землетрясения в городе Мессина (Италия), за что был награждён итальянской серебряной медалью. В 1908 году произведён в мичманы. Служил на Балтийском флоте на линейных кораблях «Слава», «Цесаревич» и «Андрей Первозванный».

Уже молодым офицером Г.Е. Чаплин проявил себя решительным сторонником монархии, во время дискуссий в офицерской среде критиковал либеральные реформы Александра II как расшатывавшие устои самодержавия. Сторонник жёсткой дисциплины. С 1912 года – лейтенант. В 1914 году по 1-му разряду окончил военно-морской отдел Николаевской морской академии, за что награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

После начала Первой мировой войны в октябре 1914-го – июле 1915 года Г.Е. Чаплин служил на базировавшейся в русском порту Либаве британской подводной лодке E1, принимал активное участие в боевых действиях. Награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом в 1914 году, Георгиевским оружием «за подвиги мужества и храбрости, связанные с выполнением или содействием к выполнению опасных операций» в 1915-м, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и британским Крестом за отлично-усердную службу в 1916-м и орденом Св. Георгия 4-й степени «за отличия в делах против неприятеля» в 1917 году. С 1915 года – исполняющий должность старшего флаг-офицера по оперативной части штаба начальника Минной обороны Балтийского моря. В 1916 году получил звание старшего лейтенанта, а в июле 1917 года – капитана 2-го ранга («за особые заслуги по военным обстоятельствам»).

В 1917 году Г.Е. Чаплин командовал эсминцами «Михаил» и «Туркестанец-Ставропольский» (впрочем, приказ о его назначении командиром последнего был опротестован судовым комитетом, и Чаплину пришлось 18 октября 1917 года сдать командование). Некоторое время командовал отрядом миноносцев.

После Октябрьской революции Г.Е. Чаплин состоял в подпольной петроградской организации доктора В.П. Ковалевского, а

весной 1918 года в условиях развала русского флота, обратился к представителям Великобритании в Петрограде с просьбой о зачислении на британскую военную службу и по рекомендации британского военно-морского агента Ф.Н.А. Кромби был направлен с документами британского офицера капитана Томсона на Север России.

В ночь на 2 августа 1918 года Г.Е. Чаплин возглавил военный переворот в Архангельске, в результате которого в городе была свергнута советская власть. Стал командующим всеми морскими и сухопутными вооружёнными силами Верховного управления Северной области. Выступал за решительную борьбу с большевиками, негативно относился к Верховному управлению, составленному из представителей социалистических партий.

В ночь на 6 сентября 1918 года во главе группы офицеров при поддержке губернского правительственного комиссара Н.А. Старцева совершил переворот, отстранив от власти социалистов. Однако по требованию дипломатического корпуса стран Антанты власть Верховного управления была восстановлена, а Чаплин выслан в деревню Исакогорку.

С весны 1919 года Г.Е. Чаплин – командир 4-го Северного стрелкового полка, отличился в боях против большевиков в марте 1919 года, за что был награждён британским орденом «За выдающиеся заслуги». С июля 1919 года – капитан 1-го ранга, командующий речными и озёрными флотилиями Северной области, активно содействовал наступлению белых войск осенью 1919 года. Распорядился установить корабельные орудия на баржи, которые были приведены на буксирах на реку Северная Двина и существенно помогли наступающим войскам. В декабре награждён орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами и бантом.

После неудач белых войск на фронте в начале 1920 года Г.Е. Чаплин был одним из руководителей их эвакуации из Архангельска в феврале того же года.

С 1920 года Г.Е. Чаплин жил в эмиграции в Англии. Был членом Союза взаимопомощи бывших военнослужащих русского флота. Сохранил правые политические взгляды, в 1921 году участвовал в Рейхенгальском монархическом съезде, был сторонником великого князя Кирилла Владимировича, которому в 1923 году предлагал апеллировать за поддержкой к российскому крестьянству: «...Ввиду того что за 6 лет революции интеллигенция частью погибла, частью же вынуждена служить у большевиков в трудных материальных условиях за границей, все более и более развращаясь, единственным сравнительно здоровым элементом в России осталось лишь крестьянство, и лишь на крестьянстве можно стро-

ить расчеты, как по свержению большевиков, так и по будущему государственному строительству освобождённой России...» В то же время Чаплин старался дистанцироваться от эмигрантской политики, «споры и раздоры» которой представлялись ему ничтожными по сравнению с реальными задачами.

С августа 1930 года Г.Е. Чаплин – председатель Союза участников гражданской войны в Англии, входившего в состав Русского Общевоинского союза (РОВС), главой которого в это время стал хорошо знакомый Чаплину по службе в Архангельске генерал Е.К. Миллер. С февраля 1939 года – один из организаторов Российского национального объединения в Лондоне. Мемуарист. После начала Второй мировой войны предложил британскому Генштабу образовать русский добровольческий корпус, который воевал бы против Германии, а затем, возможно, и против СССР. Также выступал с проектом формирования русского добровольческого отряда для помощи Финляндии во время Советско-финской войны. Однако эти предложения не были реализованы.

Для участия в войне против Германии Г.Е. Чаплин вступил в британскую армию в чине майора, командовал 120-й ротой Королевского корпуса пионеров (инженеров), расквартированной на Шетландских островах, где руководил проектированием и строительством оборонительных сооружений. По некоторым данным, участвовал в боевых действиях в Норвегии в 1940 году.

6 июня 1944 года во главе своей воинской части Г.Е. Чаплин высадился на побережье Нормандии. По ошибке высадка инженерного подразделения была произведена на участке побережья, упорно оборонявшемся немцами, и Чаплину пришлось возглавить прорыв с боем к основным силам британцев. В ходе прорыва была разгромлена одна из немецких воинских частей. За успешные действия Чаплин был награждён орденом Британской империи.

В июле 1944 года рассматривался вопрос о назначении Г.Е. Чаплина командиром части из бывших советских военнопленных, служивших в немецких «восточных батальонах» на территории Франции и сдавшихся союзникам. Однако власти СССР резко выступили против этого проекта, и он не был осуществлён.

В 1944–1945 годах Г.Е. Чаплин участвовал в боевых действиях в Бельгии. Затем служил в британской оккупационной зоне Германии, некоторое время был комендантом лагеря военнопленных. В 1947 году был начальником офицерской школы Королевского корпуса пионеров, вышел в отставку в чине подполковника.

В последние годы жизни Г.Е. Чаплин продолжал работу в Российском национальном объединении. Скончался от приступа стенокардии, похоронен в Лондоне.

ЧЕЧЕК

Станислав

(1886–1930)

Станислав Чечек родился 29 мая 1886 года в местечке Лишна у Бенешова на территории Австро-Венгерской империи в семье чешского лесничего. В 1904 году окончил Пражскую торговую академию, а затем высшую торговую школу в Лейпциге. По окончании учебы в течение года проходил службу в австро-венгерской армии в 102-м имени Людвиг Фабини пехотном полку и получил чин офицера запаса. Затем служил в частном банке в Праге и в Черновцах на Буковине. С 1911 года работал в Москве бухгалтером филиала фирмы «Laurin a Klement».

С началом Первой мировой войны в Киеве С. Чечек добровольно вступил в формирующуюся Чешскую дружину, был зачислен в 1-ю роту и 9 октября 1914 получил звание подпоручика. Отличился в нескольких разведывательных операциях, в том числе по организации добровольного сложения оружия и перехода в расположение русских войск ряда подразделений и частей австро-венгерской армии, укомплектованных чехами и словаками. С июля 1915 года – командир роты, а 6 сентября 1917 года назначен командиром 4-го стрелкового полка имени Прокопа Голого.

С. Чечек был делегатом съезда Чехословацкого корпуса, состоявшегося 12 мая и участником экстренного совещания членов Чехословацкого Национального Совета 20 мая 1918 года в Челябинске, принявших решения об отказе от разоружения и продолжении продвижения Чехословацкого корпуса во Владивосток. Вошёл в образованный тогда Военный Совет из трёх лиц для координации действий разрозненных групп корпуса и установления связи с местными антибольшевистскими организациями. Во время мятежа Чехословацкого корпуса в мае 1918 года принял командование эшелонами, сосредоточенными в районе Пензы, став командующим одной из самых крупных групп Чехословацкого корпуса из 8 тыс. человек – Пензенской, сосредоточенной на момент начала боевых действий в районе городов Сердобск – Балашов – Пенза.

С. Чечек выступил против большевиков в Пензе 28 мая 1918 года, а затем двинул свои силы на Сызрань. 8 июня участвовал в свержении советской власти в Самаре. При его активной помощи взята Уфа. Организатор успешного продвижения антибольшевических войск на Симбирск.

В начале июля С. Чечек снова прибыл в Самару в чине полковника на посту начальника 1-й Чехословацкой дивизии. Приказом от 17 июля был назначен Главнокомандующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск. С середины июля – командующий Поволжским фронтом Народной армии Комуча, возглавлял наступление белочехов на Хвалынский, Вольск и Саратов по правобережью Волги и по Самарскому тракту на Николаевск в левобережье, стремясь соединиться с армией уральских белоказаков. В Николаевском уезде, ставшем главным театром боевых действий, Чечек создал две крупные группировки для захвата уездного центра: одну в районе Марьевки и Ивантеевки и вторую в районе Духовницкого, Липовки и Балакова. Противостояли чехам в этих боях отряды В.И. Чапаева, взявшие, в конечном итоге, верх.

2 сентября 1918 года С. Чечеку было присвоено звание генерал-майора, и до 1920 года он оставался одним из лидеров Чешского Национального Совета в Сибири.

После возвращения в Чехословакию осенью 1920 года С. Чечек был назначен 1-м заместителем начальника Генерального штаба Чехословацких вооруженных сил. В 1921–1923 он обучался во Французской военной академии «École supérieure de guerre» в Париже. После окончания обучения в октябре 1923 года был назначен начальником военной канцелярии президента республики Т. Масарика. Одновременно с руководством военной канцелярией с ноября 1924-го по февраль 1927 года возглавлял отдел авиации министерства национальной обороны. С ноября 1928 года – командир 5-й пехотной дивизии в Ческе-Будеевице.

Весной 1930 года С. Чечек внезапно тяжело заболел и скоропостижно скончался.

ШАТИЛОВ

Павел Николаевич

(1881–1962)

13 ноября 1881 года родился Павел Николаевич Шатилов – начальник штаба главнокомандующего Русской Армией П.Н. Врангеля, одна из самых противоречивых и таинственных фигур Белого движения.

До сего дня среди историков нет однозначного мнения ни о роли генерала П.Н. Шатилова в событиях Гражданской войны, ни о его деятельности в эмигрантский период. Известно, что в 1920-е годы он был наиболее близким соратником П.Н. Врангеля, многие считали его возможным преемником последнего на посту председателя РОВС. Однако последующие расхождения, подозрения в связях с ОГПУ–НКВД, участие Шатилова во «внешней» работе эмигрантов в Советском Союзе породили массу всевозможных слухов, домыслов, обвинений. Вплоть до начала Второй мировой войны Шатилов занимал важные посты в эмигрантских военных организациях, талантливо «отмывался» от всех обвинений в свой адрес, благополучно пережил и арест гестапо, и десятимесячное заключение, и последующие нападки советских спецслужб. Так кто же он: герой, сумевший пройти через все испытания, или предатель Белого движения, продавшийся за тридцать сребреников органам ВЧК–ОГПУ–НКВД?

Павел Николаевич Шатилов родился в Тифлисе, в дворянской семье. Его дед и отец были генералами. Отец, Николай Павлович Шатилов (1849–1919), служил помощником по военной части наместника на Кавказе, был членом Государственного совета.

П.Н. Шатилов получил образование в 1-м Московском кадетском корпусе, окончил Пажеский корпус (первым в своём выпуске) и в 1908 году Николаевскую академию Генерального штаба. В академии он учился вместе с бароном П.Н. Врангелем, с которым впоследствии и поддерживал дружеские отношения.

В 1900–1904 годах П.Н. Шатилов служил в Лейб-гвардии Казачьем полку в чине хорунжего. С началом Русско-японской войны перевёлся по собственному желанию в 4-й Сибирский казачий

полк. Участвовал в боях в Маньчжурии, был ранен в правую ногу. За боевые отличия награждён шестью орденами: Св. Анны 4-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом в 1904 году, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 2-й степени с мечами в 1905 году.

В 1908–1910 годах капитан П.Н. Шатилов командовал ротой в 1-м Хоперском полку, затем был помощником старшего адъютанта в разведывательном отделе штаба Кавказского военного округа. С марта 1914 года исполнял обязанности помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба.

Во время Первой мировой войны уже подполковник П.Н. Шатилов служил в штабах 7-й и 8-й кавалерийских дивизий. В 1915 году штаб 8-й кавалерийской дивизии был расквартирован в деревне Моравина. В момент, когда на штаб и охранявшую его знамённую сотню казаков была направлена с тыла атака двух германских эскадронов, подполковник Шатилов во главе спешно собранной им конной части вступил в бой и спас свой штаб и сотню от полного уничтожения. За проявленную храбрость и оперативные действия в бою он был награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени, а в декабре 1915 года произведён в полковники.

В августе 1916 года П.Н. Шатилов возглавил штаб 2-й Кавказской кавалерийской дивизии. Однако уже в декабре 1916 года оставил штабную работу и возглавил Черноморский казачий полк во 2-й Кавказской казачьей дивизии. В 1917 году был произведен в чин генерал-майора. С сентября 1917 года исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта, но очень быстро оказался в заключении в тифлисской тюрьме за поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова, где и оставался до декабря. Награждён орденом Св. Георгия 3-й степени приказом по Кавказскому фронту от 27 марта 1918 года за отличия в делах против неприятеля во время пребывания командиром 1-го Черноморского казачьего полка.

В 1933 году в кругах белой эмиграции имела место дискуссия по поводу правомерности производства П.Н. Шатилова в генералы, а также получения им столь высокой награды в условиях отсутствия в России верховной власти. 27 марта 1918 года Кавказского фронта уже фактически не существовало.

В книге «В Белой армии генерала Деникина» генерал П.С. Махров, который недолгое время занимал пост начальника штаба ВСЮР у А.И. Деникина, а затем служил у П.Н. Врангеля, неоднократно иронизировал по поводу любви генерала П.Н. Шатилова к

разного рода наградам и представил совершенно иную версию его «подвигов» в период Русско-японской и Первой мировой войн: «...На фронте 8-й армии, где я его знал, он обнаружил свою ловкость в получении наград. Шатилову удалось, “отправившись на Русско-японскую войну”, вместо фронта “устроиться” в конвойную сотню Главнокомандующего Русской армией в Маньчжурии генерала Линевича, в которой и не участвуя в боях ухитрился получить все боевые награды, в том числе и Георгиевский офицерский крест. Возникает вопрос, как начальник штаба 8-й армии в Великую войну мог представить его (вторично) к награждению Георгиевским офицерским крестом, которым он уже был награжден в Русско-японскую войну? Шатилов надеялся, что это представление получит ход и что ему заменят эту награду какой-либо другой по Высшему повелению. Однако начальник штаба 8-й армии генерал Ломновский это представление отклонил, после чего Шатилов перевелся на Кавказский фронт. В Белую армию Шатилов приехал генералом, украшенным двумя Георгиевскими офицерскими крестами, что удивило всех генералов Генерального штаба...» Генерал А.И. Деникин в эмиграции также опубликовал статью «Чин и орден генерала Шатилова», где доказывал его самозванство.

Однако глава Русского Общевоинского союза генерал Е.К. Миллер заявил, что подобные обвинения следует оставить без внимания. В любом случае, не подвергались сомнению военные заслуги полковника Шатилова в боях у Битлиса, за которые он и был награждён.

Б.В. Прянишников, публицист, писатель, белоэмигрант, автор книги «Незримая паутина», практически бездоказательно обвинял П.Н. Шатилова в измене Белому движению, называя его агентом ОГПУ-НКВД. В своей книге он даёт весьма яркий портрет генерала: «...Острого, но холодного ума, очень способный, больших военных знаний и опыта, отличавшийся редким самообладанием, умевший, когда нужно, быть обаятельным с собеседником, Шатилов был выдающимся офицером генерального штаба, блестящим кавалерийским начальником, отличным знатоком разведывательной и контрразведывательной работы...».

П.Н. Шатилов вступил в Добровольческую армию лишь в конце 1918 года. Он привез в Екатеринодар сведения штаба прежней Кавказской армии о сохраненной разведывательной сети на Кавказе. Но Кавказская армия ещё в марте фактически прекратила свое существование, а её начальник штаба генерал-лейтенант Л.М. Болховитinov, непосредственный начальник Шатилова, в начале 1918 года был мобилизован большевиками и получил пост

начальника штаба Кубанской армии Кубанской Советской Социалистической Республики. Где был до декабря 1918 года Шатилов? Этот вопрос ему задавали много раз, но исчерпывающего ответа так и не получили.

В условиях, когда каждый человек был на счету, А.И. Деникин назначил офицера с весьма «тёмным» прошлым начальником 1-й конной дивизии в конном корпусе генерала П.Н. Врангеля, приятеля Шатилова по Николаевской академии. Это не было чем-то необычным или из ряда вон выходящим. В конце концов, и Врангелю, когда он появился в штабе добровольцев после ареста большевиками в Ялте, тоже поверили на слово. Генерал Шатилов не словами, а делами подтвердил своё желание бороться за Белое Дело. Уже 7 января 1919 года войска под его командованием взяли город Георгиевск, затем ими была разгромлена минералводская группа Красной Армии и заняты Терская область и Дагестан. Весной 1919 года Шатилов отличился во время операции в районе реки Маныч, завершившейся разгромом 30-тысячной красной группировки. За эти бои он был произведён в генерал-лейтенанты и назначен командиром 4-го конного корпуса.

Летом 1919 года П.Н. Шатилов также проявил себя как талантливый военачальник в боях за Царицын. Он возглавлял штаб Кавказской армии П.Н. Врангеля, а затем – Добровольческой армии. Однако после конфликта Врангеля с Деникиным, в феврале 1920 года Врангель и Шатилов были отчислены со службы, подали в отставку и уехали в Константинополь.

После Новороссийской катастрофы дело Белого движения считалось проигранным. А.И. Деникин подал в отставку. На пост главкома ВСЮР претендовал А.П. Кутепов, а возглавляемое генералом В.И. Сидориным казачество вообще отказывалось подчиняться главкому с баронским титулом. Ни у Врангеля, ни у Шатилова в те дни не было никаких реальных планов по выходу из сложившейся ситуации.

Б.В. Прянишников так описывает эти события и отношение к ним Шатилова: «...Узнав о решении Врангеля, Шатилов ужаснулся: “Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь – это безумие!..”».

В избрании главнокомандующим ВСЮР именно П.Н. Врангеля определяющую роль сыграла обещанная союзниками материальная помощь. После заседания Военного совета в марте 1920 года Врангель стал главкомом, а Шатилов был назначен его помощником. 21 июня, в результате преобразования ВСЮР в Рус-

скую армию, Шатилов встал во главе её штаба. Врангель высоко оценивал своего ближайшего соратника: «...блестящего ума, выдающихся способностей, обладая большим военным опытом и знаниями, он при огромной работоспособности умел работать с минимальной затратой времени».

Впрочем, автор книги «Врангель в Крыму» Н.Г. Росс оценивал деятельность Шатилова в этот период более сдержанно: «Нельзя, впрочем, не заметить, что на фоне его прежней карьеры деятельность Шатилова в Крыму представляется несколько пассивной. Как и до него начальник штаба Деникина, Шатилов возбудил против себя немало нареканий. Генерал Слащёв утверждает, что он был склонным к интригам и безразличным к деньгам. Расходящаяся непопулярность ген. Шатилова объяснялась, хотя бы отчасти, его большой личной близостью к ген. Врангелю и предполагаемым необъективным отношением последнего к нему».

Современники и люди, близко знавшие П.Н. Шатилова, не раз называли его «хитрым лисом», который сумеет выпутаться из любой ситуации. Например, он умудрился остаться близким другом и начальником штаба главнокомандующего даже после провала операции с высадкой десанта С.Г. Улагая на Кубани.

От случая к случаю в Париже выходила газета «Единый фронт», редактируемая старшим лейтенантом Черноморского флота А.Н. Павловым. Узнав о начавшемся возвышении Шатилова в РОВС, 30 сентября 1932 года Павлов отправил письмо генералу Е.К. Миллеру, а его копии – генералам А.И. Деникину, А.П. Богаевскому, Н.Д. Невадовскому и адмиралу А.И. Русину. В резких выражениях Павлов обвинял Шатилова в предательском руководстве войсками во время апрельских десантных операций из Крыма в Северную Таврию. Он утверждал, что Шатилов отправил из Севастополя капитана Зерена с полномочиями за своей подписью для переговоров с Л.Д. Троцким об условиях сдачи армии в Крыму. По его словам, Зерен был переправлен из Керчи на советскую сторону и вернулся в Крым с красными победителями, учинившими под предводительством Белы Куна «Варфоломеевскую ночь» оставшимся белым офицерам. Угрожая опубликовать в печати эти сведения, Павлов настоятельно предлагал генералу Миллеру запретить Шатилову выступать от имени РОВС, выгнать его из рядов РОВС и заняться проверкой его деятельности.

Связи генерала Шатилова с советской разведкой через капитана Зерена отчасти подтверждаются материалами многотомника «Русская военная эмиграция 1920-х – 1940-х годов», изданного совместно Институтом истории Министерства обороны, Феде-

ральной службой безопасности и Службой внешней разведки Российской Федерации в 1998 году. Однако те же «рассекреченные» материалы ФСБ свидетельствуют о том, что врангелевская контрразведка, во главе которой в эмиграции действовал именно Шатилов, зародилась уже в Крыму. И если всё было, как описывает Павлов, то получается, что П.Н. Врангель либо был круглым дураком, либо отлично знал о связях своего начальника штаба с красными (возможно, сам приказал войти с ними в контакт).

Ранней осенью 1920 года Польша заключила перемирие с правительством В.И. Ленина. Армия Врангеля осталась в полном одиночестве, но продолжала сопротивляться. Исход неравной борьбы легко было предвидеть. Дабы не повторить ошибок деникинского командования, по приказу П.Н. Врангеля командующий Черноморским флотом вице-адмирал М.А. Кедров, генералы П.Н. Шатилов, Н.Н. Стогов и Н.Д. Скалон разработали план эвакуации войск и гражданских беженцев из Крыма. По воспоминаниям очевидцев, Севастопольская эвакуация 1920 года выгодно отличалась от трагедии в портах Новороссийска и Одессы весной того же года. Армия и практически все желающие смогли спокойно покинуть полуостров. Врангель вывез из Крыма 75 тыс. воинов и более 60 тыс. гражданских беженцев. Генерал-лейтенант Шатилов руководил успешной эвакуацией Русской армии из Крыма, за что был произведён Врангелем в генералы от кавалерии.

До 1922 года Шатилов официально занимал пост начальника штаба Русской армии, участвовал в переговорах с правительствами Королевства сербов, хорватов и словенцев и Болгарии о размещении военных беженцев. В 1922–1924 годах он находился в распоряжении генерала Врангеля, фактически занимаясь обеспечением его личной безопасности и контрразведкой. Заметим, что после тарана итальянским пароходом яхты «Лукулл», где главнокомандующий проживал с семьёй в 1921 году, более никаких известных покушений на жизнь Врангеля не было. Врангель с большой осторожностью относился к тем, кто приезжал из СССР и искал контакты с эмигрантами, выдавая себя за представителей неких подпольных организаций, ведущих борьбу против большевиков. По мере сил он пытался сдерживать неразумный «активизм» Кутепова и его сторонников. Попавшись на «удочку» ОГПУ, они фактически обеспечили проникновение в ряды белой эмиграции большевистских агентов, дали вовлечь себя в «Трест» – провокационную операцию советских спецслужб. Есть историческая версия, подтверждённая исследованиями русских эмигрантов, что Шатилов в этот период возглавлял «внутреннюю линию»

Врангеля, направленную, прежде всего, на нейтрализацию деятельности Кутепова. Возможно, лишь благодаря усилиям Шатилова и других верных людей, Врангелю удалось уберечь себя и свое ближайшее окружение от провокаций ОГПУ.

После создания Русского общевоинского союза в 1924 году Врангель назначил Шатилова начальником первого, наиболее многочисленного отдела организации во Франции. Он занимал этот пост вплоть до 1934 года, пока шумиха, поднятая вокруг его имени различными «доброжелателями», не заставила генерала уйти.

В 1924–1928 годах П.Н. Врангель фактически отошёл от дел, подчинившись великому князю Николаю Николаевичу. Он долгое время проживал в Сербии, где готовил воспоминания и занимался личными делами. Тем временем А.П. Кутепов, которому претили безразличие и аполитичность Врангеля, фактически встал во главе РОВС в Париже. Генералы П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский, Ф.Ф. Абрамов и другие высшие чины организации не могли не считаться с ним. Возможно, они оказались в той или иной мере вовлечёнными в сомнительные связи Кутепова с большевистской Россией.

В 1927 году начальник II отдела РОВС (Берлин) генерал-майор А.А. фон Лампе в своём дневнике отмечал: «...Шатилов настолько хорошо играл на бирже, что купил себе весьма недурную квартиру, что служит основанием для самых грязных сплетен...»

В период 1930–1934 годов возобновляется интенсивная переписка между начальником I отдела Союза П.Н. Шатиловым (Париж) и начальником II отдела А.А. фон Лампе (Берлин). До этого все парижские новости фон Лампе узнавал от своего приятеля генерала П.А. Кусонского, который, не занимая никаких ответственных должностей в РОВС, состоял при Шатилове, исполнял его поручения, активно общался с другими членами организации.

Версия о том, что П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский, А.А. фон Лампе встали во главе новой оппозиции «старому» руководству РОВС в лице Е.К. Миллера и активно разваливали РОВС изнутри, продолжая «дело Кутепова», не находит практически никакого подтверждения у серьёзных историков. Никто из вышеперечисленных лиц не согласился с предложением Миллера взять на себя дела Кутепова в России, равно как и никто из них не захотел встать во главе самого Союза. В 1930 году Миллер последовательно предлагал Шатилову, Кусонскому и фон Лампе принять у него пост главы РОВС. Все трое столь же последовательно отказались от этой ноши. Если бы Шатилов, действительно, добивался ведущей роли в организации, он мог бы получить её без всяких усилий, «реформировать» РОВС сверху или вовсе закрыть.

П.Н. Врангель, А.В. Кривошеин и П.Н. Шатилов. Севастополь. 22 июля 1920 г.

Летом 1930 года Шатилов несколько раз обращался к фон Лампе с жалобами на «непонимание» Миллера, на безразличие и нежелание Кусонского работать с ним, просил его помочь в получении информации из СССР (если бы Шатилов имел надёжные связи в советской тайной агентуре – зачем ему фон Лампе?). Фон Лампе, со своей стороны, отнёсся к этим «просьбам» осторожно. Ничего конкретного в письмах Шатилова не содержалось, а ответ начальника II отдела был ещё более уклончив. Посетовав на своё тяжёлое материальное положение, он прозрачно намекнул: будут деньги – буду работать, а так – нет! В те годы у фон Лампе не было средств даже на то, чтобы выезжать в Бельгию для свиданий с дочерью, не то чтобы вместе с Шатиловым плести какие-то «заговоры» или интриги против Миллера. Миллер, к слову сказать, возобновил финансирование берлинского представительства сразу после похищения Кутепова в 1930 году. По мере сил глава РОВС оказывал фон Лампе материальную помощь, когда заболела его дочь. А давал Шатилов денег на «разведку» или нет – остаётся неизвестным. Известно лишь, что сам предполагаемый агент НКВД Шатилов после ухода со своего поста начальника I отдела РОВС подрабатывал таксистом в Париже, как обычный беженец...

Во время оккупации Франции и Бельгии немцами 23 июня 1941 года генерал П.Н. Шатилов был арестован гестапо в Париже. Одновременно с ним в Брюсселе был арестован ряд офицеров РОВС, в том числе и генерал П.А. Кусонский. Кусонский скончался от побоев в концлагере Брейндонк (Бельгия), а Шатилов пробыл под арестом и следствием 10 месяцев, после чего вышел на свободу.

После освобождения из гестапо П.Н. Шатилов не принимал никакого деятельного участия в жизни эмиграции. Лишь после окончания Второй мировой войны он вновь завоевал авторитет в русской диаспоре, поселился в Париже, занимался созданием мемориальных обществ, уделял большое внимание музею Лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа, был почётным членом РОВС. Его «реабилитации» способствовал последний председатель Союза генерал-майор А.А. фон Лампе, который до конца жизни сохранял верность памяти П.Н. Врангеля.

П.Н. Шатилов умер от рака крови 5 мая 1962 года, похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Он оставил обширные воспоминания, переданные им в Колумбийский университет (США) без права публикации в течение 50 лет после его смерти, то есть, до 2012 года. В 2015 году Фонд имени священника Илии Попова начал проект публикации мемуаров генерала Шатилова, и они увидели свет в сентябре 2017 года. Презентация

двухтомника состоялась в Доме русского зарубежья в Москве 9 октября 2017 года и в Музее Суворова в Санкт-Петербурге 11 октября 2017 года²⁸.

ШКУРО

Андрей Григорьевич (1887–1947)

Андрей Григорьевич Шкуро окончил 3-й Московский кадетский корпус и в 1907 году Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны. В 1915 году сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на Германском фронте. В 1917 году – командир отряда в Отдельном экспедиционном корпусе в Персии под командованием генерала Н.Н. Баратова. Полковник.

Весной 1918 года А.Г. Шкуро организовал партизанский отряд в районе Кисловодска, где в то время жила его семья, и вступил в борьбу с большевиками. В мае – июне его отряд совершал налёты на занимаемые красными Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск. Природная лихость, склонность к авантюризму и нестандартным решениям выдвинули Шкуро в первый ряд военачальников Гражданской войны.

В июне 1918 года отряд А.Г. Шкуро занял Ставрополь, где соединился с подошедшей Добровольческой армией генерала А.И. Деникина. В ноябре Шкуро участвовал в деятельности Кубанской Рады, придерживался великодержавных взглядов и был настроен против сепаратистов, выступавших за автономию Кубани.

²⁸ См.: *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М., 2003; *Прянишников Б.* Незримая паутина. – М., 1998; *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. – М., 2010; *Широкова Е.* Павел Николаевич Шатилов // <http://ptiburdukov.ru/литература/index.php?page=refer&n=3&nsubj=266>.

С 1918 года А.Г. Шкуро был назначен начальником Кавказской конной дивизии, за боевые отличия был произведён в генерал-майоры. В конце 1918-го – начале 1919 годов участвовал в боях на Кавказе: его войска осенью 1918 года заняли станицу Баталпашинскую, 29 декабря 1918 года заняли Ессентуки, 5 января 1919 года – Кисловодск.

Набрав в Кисловодске специалистов и технику, А.Г. Шкуро наладил производство снарядов, патронов, сукна, кожаных сапог, бурок и шуб для белой армии. Организовал строительство лесопильного завода для восстановления разрушенных станиц. Позже его войска вынуждены были отступить из Кисловодска, но им удалось вывезти многих представителей дворянства, в том числе князей Голицыных, Волконских, Оболенских, графов Воронцовых-Дашковых, Бенкендорфа, Мусина-Пушкина, промышленников Нобеля, Гукасова, Манташева, Рябушинского, застрявших на курорте.

На Кубани А.Г. Шкуро сформировал новый отряд. Один из его сослуживцев писал: «Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и совершилось “чудо”. Идея “отечества”, не находившая до этого отклика в массах, вдруг стала понятна... настолько, что организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали «конно, людно и оружно»». В течение месяца Шкуро сумел собрать отряд численностью около 5 тыс. человек.

В феврале 1919 года А.Г. Шкуро вступил в командование группой войск 1-го армейского корпуса Кавказской Добровольческой армии. Прибывшие на Дон его кубанские части оказали большую поддержку донцам. Предварительным отступлением он отрезал от дивизии Красной Армии, состоявшей из трёх полков, обозы, и утром атаковал в конном строю большевистские части, взяв 5 тыс. пленных. Затем ночью атаковал Горловку, взорвал железнодорожные мосты к северу от неё и захватил два бронепоезда.

При взятии Иловайской, по его собственным воспоминаниям, захватил в плен 1500 красноармейцев и наголову разбил конную группу Н.И. Махно. За всё это 32-летний А.Г. Шкуро был произведён в чин генерал-лейтенанта и утверждён командующим конным корпусом, состоящим из двух дивизий.

Весной–летом 1919 года корпус А.Г. Шкуро участвовал в боях на Украине, за Харьков, Екатеринослав. В июле 1919 года за действия, совершенные им вместе с английскими войсками, король Георг V наградил его орденом Бани. В конце лета 1919 года в ресторане харьковской гостиницы «Метрополь» Шкуро устроил банкет по случаю присвоения ему звания генерал-лейтенанта. На

банкете пела Надежда Плевицкая. В сентябре 1919 года Кубанский корпус Шкуро занял Воронеж, взяв 13 тыс. пленных и много вооружения. Однако в результате масштабного наступления красных в октябре того же года Шкуро и К.К. Мамонтов оставили город под натиском конницы С.М. Будённого и начали отступать на юг.

В казачьих частях началось разложение, бойцы отказывались воевать и стремились уйти в родные станицы на Кубань. К началу ноября численность Кавказской дивизии А.Г. Шкуро сократилась до 500 человек. Корпус Шкуро отступал до Новороссийска. Во время Новороссийской катастрофы для него, как и для многих других частей Вооружённых сил Юга России, не хватило места на кораблях. Поэтому корпус Шкуро отошёл на Туапсе и далее на Сочи, откуда отдельными отрядами был перевезён в Крым. Как единый корпус он перестал существовать. Сам Шкуро из-за ряда военных неудач был уволен из армии генералом П.Н. Врангелем.

В мае 1920 года А.Г. Шкуро оказался в эмиграции. Жил сначала в королевстве сербов, хорватов и словенцев, затем в Париже и Берлине. Работал наездником в цирке, снимался в немом кино. А.Н. Вертинский по этому поводу вспоминал: «Из премьеров – в статисты! Из грозных генералов – в бутафорские солдатики кино!.. Воистину – судьба играет человеком»²⁹.

В годы Второй мировой войны А.Г. Шкуро вместе с бывшим донским атаманом П.Н. Красновым принял сторону Германии. Он говорил: «Хоть с чертом против большевиков». В 1944 году специальным указом Г. Гиммлера Шкуро был назначен начальником Резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС, зачислен на службу как группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС с правом ношения немецкой генеральской формы и получением содержания по этому чину. Шкуро готовил казаков для 15 казачьего кавалерийского корпуса. Подготовленные им казаки боролись с партизанами в Югославии.

В 1945 году, согласно решениям Ялтинской конференции, англичане интернировали А.Г. Шкуро и других казаков на территории Австрии, а затем выдали их Советскому Союзу. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР А.Г. Шкуро вместе с П.Н. Красновым и другими атаманами белоказачества по обвинению в том, что они вели «посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооружённую борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР», был приговорён к

²⁹ См.: Вертинский А. Дорогой длиною... – М., 1990.

смертной казни через повешение. Казнён в Москве 16 января 1947 года³⁰.

В 1961 году в Буэнос-Айресе вышли в свет воспоминания А.Г. Шкуро «Записки белого партизана».

ШОКОРОВ Владимир Николаевич (1868–1940)

Владимир Николаевич Шокоров в 1886 году окончил 3-й Московский кадетский корпус, а в 1888-м – 3-е военное Александровское училище. Был выпущен в 4-й пехотный Копорский полк и произведен в подпоручики. С 1891 года поручик. В 1900 году по 1-му разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба, произведен в штабс-капитаны. Состоял при Виленском военном округе, в 1901–1905 годах состоял на должности старшего адъютанта штаба 16-го армейского корпуса. С 1902 года – капитан. Цензовое командование ротой отбывал в 164-м пехотном Закавказском полку.

Участник Русско-японской войны, в декабре 1904 года получил звание подполковника. С июня 1905-го по ноябрь 1911 года состоял штаб-офицером для поручений при штабе 16-го армейского корпуса. Цензовое командование батальоном отбывал в 98-м пехотном Юрьевском полку в 1907 году, в 1908-м произведен в полковники. С ноября 1911-го по ноябрь 1914 года – начальник штаба 12-й пехотной дивизии.

После начала Первой мировой войны В.Н. Шокоров был назначен командиром 55-го пехотного Подольского полка. С января

³⁰ См.: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. – М., 2002; Клавиев В. Гражданская война в России: Белые армии.

1915 года исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии. Награжден Георгиевским оружием, за отличия в делах произведен в звание генерал-майора. С октября 1916-го по июль 1917 года – начальник штаба 39-го армейского корпуса, затем до октября 1917-го командовал 46-й пехотной дивизией.

В статье «Записки белогвардейца. Начало Белого движения», впервые опубликованной в 1923 году в Берлине в «Архиве русской революции», упоминался генерал с очень необычной фамилией: «...В своих разъездах в конце марта месяца я столкнулся по линии Рязано-Уральской железной дороги с чехословацкими войсками, тянувшимися через Самару на восток. Вид был у них хороший, дисциплинированный, и они разительно отличались от растерзанных наших солдат, оставшихся еще до того времени по гарнизонам. По дороге и на станциях я слышал, что появление их в этих местах произвело на местных крестьян потрясающее впечатление, и тотчас же разнесся слух, что пришли немцы для восстановления порядка. Это сразу сбавило у всех тон...

Некоторые местные организации пытались войти в контакт тогда же, еще в марте месяце, с чешским командованием и начальником их корпуса, генералом русской службы Шохор-Троцким, но из этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались от переговоров, ссылаясь на объявленный ими нейтралитет и на то, что они находятся в зависимости от французского правительства, которое предполагает их отправить на Западный фронт во Францию...»

Речь здесь, разумеется, идет о генерале В.Н. Шокорове, который по просьбе председателя Чехословацкого национального совета Т. Масарика в октябре 1917 года поступил на чешскую службу и был назначен командующим Чехословацким корпусом. На тот момент Шокоров находился в весьма добрых отношениях с Масариком и уверенно руководил корпусом в боях с германскими и австро-венгерскими войсками в марте 1918 года в районе города Бахмач, а затем осуществлял эвакуацию корпуса с Украины по Транссибирской железной дороге на Дальний Восток.

После начала выступления чехословацких легионеров в мае 1918 года против советской власти Шокоров прибыл на Урал. И здесь уже что-то у него не заладилось и с чехословацкими, и с белыми начальниками. В его биографиях обычно пишут туманную фразу: «...генерал Шокоров получил статус генерал-инспектора чехословацких войск в России. Генерал Шокоров, используя свое новое положение, чтобы оправдать свой пост и придать ему высокий авторитет, игнорируя командование других Белых войск на Урале и в Сибири, стал издавать собственные приказы русским

командующим частями, дивизиями, корпусами, армиями и фронтами, что вносило путаницу в проведении боевых операций. Такая ситуация продолжалась (16.07–11.1918) до прихода к власти адмирала Колчака, который упразднил многие соединения и части Сибирских армий...»

1 сентября 1918 года В.Н. Шокоров сдал командование корпусом генерал-майору Я. Сыровому, а сам, по сути, оказался в роли «свадебного» генерал-лейтенанта.

В 1920 году В.Н. Шокоров эмигрировал в Чехословакию, где какое-то время оставался на военной службе, был генералом для особых поручений министерства национальной обороны. В 1925 году вышел в отставку, в 1928-м был награжден президентом Чехословакии Т. Масариком почетным оружием. Похоронен 11 июля 1940 года на Ольшанском кладбище в Праге.

ЮДЕНИЧ Николай Николаевич (1862–1933)

Николай Николаевич Юденич родился 18 июля 1862 года в Москве в семье директора Землемерного училища, коллежского советника, потомственного дворянина Минской губернии. Мать его, урожденная Даль, доводилась двоюродной сестрой почётному академику Петербургской Академии наук, автору общеизвестного авторитетного Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, которому Николай приходился троюродным племянником.

С первых гимназических классов Н.Н. Юденич неизменно демонстрировал большие способности в науках, из класса в класс переходил с высокими баллами и окончил Московскую городскую гимназию «с успехами».

После окончания гимназии, достигнув совершеннолетия, Н.Н. Юденич поступает в Межевой институт, однако, проучив-

шись в нём меньше года, 6 августа 1879 года переводится в 3-е Александровское Военное училище юнкером рядового звания. Единственный в роду Юденичей он избрал военную стезю. 10 февраля 1880 года Юденич был произведен в унтер-офицеры, окончил училище портупей-юнкером (командиром взвода). Его одноклассник генерал-лейтенант А.М. Саранчев вспоминал: «Николай Николаевич был тогда тонким худеньким юношей со светлыми вьющимися волосами, жизнерадостный и веселый. Мы слушали лекции Ключевского и других прекрасных преподавателей».

8 августа 1881 года после окончания курса наук Н.Н. Юденич был произведён в подпоручики с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием к Лейб-гвардии Литовскому полку (дислоцированному в Варшаве) с обязательством прослужить на действительной службе три года.

12 сентября 1882 года Н.Н. Юденич прибывает к месту своей службы. Высочайшим приказом от 10 сентября 1882 года переводится в Лейб-гвардии Литовский полк прапорщиком со старшинством с 8 августа 1881 года. С 8 по 26 июля 1883 года временно командовал 13-й ротой. 2 мая 1883 года находился в Москве в составе войск по случаю коронации императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны, 4 мая 1884 года был пожалован медалью «В память Священного коронования Их Императорских Величеств».

17 августа 1884 года Н.Н. Юденич командировается в Николаевскую академию Генерального штаба для держания вступительного экзамена. 30 августа того же года на основании приказа по военному ведомству за № 244 он производится в подпоручики гвардии. Блестяще выдержав экзамен, приказом по Генеральному штабу от 1 октября 1884 года за № 74 подпоручик Н.Н. Юденич зачисляется в академию и производится в поручики. За отличные успехи в науках в Николаевской академии Генерального штаба 7 апреля 1887 года Юденич производится в штабс-капитаны. По окончании Академии по 1-му разряду 13 апреля того же года приказом по Генеральному штабу он получил назначение на службу в Варшавский военный округ.

1 июня 1887 года штабс-капитан Н.Н. Юденич был прикомандирован к штабу 14-го армейского корпуса для испытания по службе, где с 9 июня и вступил в должность. Высочайшим приказом от 26 ноября 1887 года был переведён в Генеральный штаб капитаном со старшинством с 7 апреля 1887 года с назначением старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса. Так без поддержки семьи и какой-либо протекции Н.Н. Юденич одним

только безупречным поведением и упорным трудом самостоятельно в 25 лет добился привилегированного положения и почётно-го чина капитана Генерального штаба, что являлось далеко не частым явлением в Русской Императорской Армии.

С 27 января 1892 года Н.Н. Юденич был переведён исправляющим должность старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа, 5 апреля 1892 года произведён в подполковники с утверждением в настоящей должности. С 14 июня по 24 октября 1894 года он принял участие в Памирском походе в должности начальника штаба Памирской экспедиции и командира одного из отрядов. Тяжесть похода обуславливалась вооружёнными стычками с отрядами афганцев и борьбой с суровыми природными условиями: песчаные и снежные бури.

В 1895 году Н.Н. Юденич женился на Александре Николаевне, урождённой Жемчужниковой, разведённой женой штабс-ротмистра Сычева, которая была младше его на девять лет. Сослуживцы вспоминали, что пойти в гости к Юденичам было искренним удовольствием для всех, жили они очень дружно, живой энергичный характер супруги уравновешивал спокойную немногословность Николая Николаевича. По всей видимости, в этом году Юденич специально взял долгосрочный отпуск, чтобы совершить с женой «свадебное путешествие», длившееся с 12 марта по 11 июля 1895 года, за время которого супруги посетили Москву, Харьков, Петербург и совершили зарубежную поездку.

За отличие по службе в возрасте 34 лет Н.Н. Юденич 24 марта 1896 года был произведён в полковники и пожалован серебряной медалью на Александровской ленте «В память Царствования Императора Александра III». Последующим Высочайшим приказом 6 декабря 1896 года он получил назначение штаб-офицером при управлении Туркестанской стрелковой бригады (получившей в 1900 году шифр 1-й Туркестанской бригады), но вступил в должность, прибыв к новому месту службы только 7 января 1897 года. В промежутке полковник Юденич находился в командировке в пределах Бухарского Ханства.

С 30 мая по 20 сентября 1900 года Н.Н. Юденич отбыл цензовое командование 4-м батальоном в 12-м гренадерском Астраханском Императора Александра III полку. 22 июля 1900 года был награждён орденом Св. Анны 2-й степени.

Получив новое назначение штаб-офицером при Управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады, 15 ноября 1900 года Н.Н. Юденич прибыл к очередному месту службы. С 10 апреля по 19 июля 1901 года исполнял должность заведующего Ташкентской подготовительной школой 2-го Оренбургского кадетского корпуса.

Назначение на должность командира 18-го стрелкового полка, 5-й стрелковой бригады в Сувалках полковник Н.Н. Юденич получил 16 июля 1902 года, вступив в командование полком 9 октября 1902 года. 27 августа 1903 года он назначается в Сувалкское губернское по воинской повинности присутствие в качестве военного члена. С 10 октября по 17 октября 1903 года находился в секретной командировке в Гродно по направлению штаба округа.

С началом Русско-японской войны ему было предложено занять пост дежурного генерала в штабе Туркестанского военного округа, что означало скорое производство в генеральский чин и спокойную тыловую службу, Н.Н. Юденич отказался от столь выгодного предложения и выступил на фронт во главе своего полка. До прибытия на театр военных действий 8 августа 1904 года полковник Юденич был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени.

С 10 ноября 1904-го по 12 мая 1906 года полковник Н.Н. Юденич постоянно находился в походах и боях на Дальнем Востоке в составе 2-й Маньчжурской армии. В битвах под Сандепу и в Маньчжурии под Чжантаньхенань и Янсинтунь он проявил незаурядные командирские способности и завидную храбрость. Когда командир 5-й бригады генерал А.Е. Чурин, упав с лошади, сломал себе руку, Юденич был назначен исполняющим обязанности командира бригады и повел её в первый бой. Этот бой вошел в историю как сражение под Сандепу. 13–17 января 1905 года Юденич, прибыв ночью в расположение 20-го полка, вызвал охотников для контратаки. В темноте таковых не оказалось. Тогда он воскликнув: «Я сам буду командовать охотниками!» – вынул револьвер и двинулся вперед, увлекая за собой офицеров и солдат. Японцы отступили.

20 января 1905 года, при атаке на важный оборонительный участок японских войск на излучине реки Хунь-Хе, полковник Юденич возглавил атаку по открытому полю, невзирая на артиллерийский, пулемётный и ружейный огонь противника, деревня была взята с маху.

В ходе ожесточенных боев 4 февраля 1905 года под Мукденом полковник Юденич, вернувшись в свой 18-й полк, получил задание охранять подступы к железнодорожной станции. Наступающие японские войска начали заходить во фланг обороны 18-го полка, и тогда Юденич решает атаковать неприятеля в штыки. В схватке командир полка наравне с солдатами работал винтовкой со штыком. Японцы, не выдержав контратаки, бежали. Полковник Юденич был «ранен ружейною пулею при обходе позиции в левую руку (сквозная пулевая рана на внутренней стороне лево-

го локтя без раздробления костей и суставов длиной около вершка», но остался в строю. В боях под Мукденом с 17 по 23 февраля 1905 года при упорной обороне редута № 8 при деревне Янсынтунь он снова был ранен ружейной пулей в правую половину шеи.

10 февраля 1907 года генерал Н.Н. Юденич получает почётное назначение окружным генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа с переводом в Генеральный штаб, с 12 мая по 10 августа 1907 года исполнял должность начальника штаба Кавказского военного округа, вскоре был утверждён в этой должности.

Весной 1914 года Н.Н. Юденич добивается разрешения на создание у себя в штабе самостоятельного оперативного отделения при управлении генерал-квартирмейстера. Он хорошо разбирался в людях и окружил себя молодыми талантливыми и храбрыми офицерами, что помогло ему в начавшейся Первой мировой войне одержать блистательные победы.

В декабре 1914 года турецкий флот внезапно напал на черноморское побережье России, а верный ученик германского генерального штаба Энвер-паша с необычайной быстротой и энергией начал наступление на слабые русские силы в районе Саракамыша. В этот момент генерал Н.Н. Юденич получает временное назначение командовать 2-м Туркестанским армейским корпусом с сохранением обязанностей по должности начальника штаба Отдельной Кавказской армии. Вместо общего отступления, как было приказано слабовольным генералом А.З. Мышлаевским (в то время состоящим помощником командующего Кавказской Армией), отбывшим в тыловой Тифлис, Юденич, взяв всю ответственность на себя, приказал всем частям армии твердо отстаивать свои позиции. Во главе вверенного ему 2-го Туркестанского корпуса он постепенно усиливает сопротивление наступающим превосходящим по численности турецким войскам на подступах к Саракамышу.

Днём и ночью турки, пользуясь численным превосходством, не прекращали ожесточённые атаки. Обстановка становилась все более опасной. Однако Н.Н. Юденич буквально за считанные дни сумел направить действия Саракамышской группы войск, окружённой противником, таким образом, что она не только вышла из критического положения, но и одержала блестящую победу.

Благодаря несокрушимой воле и выдающемуся воинскому таланту генерала Н.Н. Юденича русские войска резко изменили обстановку в свою пользу и в течение месяца нанесли сокрушительный разгром вдвое превосходившей их по численности Турецкой армии Энвер-паши. По данным турецкого генерального штаба его

армия потеряла почти 100 тыс. солдат и офицеров и после Сарыкамышской операции насчитывала всего 12 400 человек! 9-й турецкий корпус был взят в плен вместе с командиром Ишхан-пашой, начальниками 17-й, 28-й и 29-й дивизий.

13 января 1915 года Н.Н. Юденич «за твёрдую решимость, личное мужество, хладнокровие и искусство вождения войск» был награжден первым на Кавказе орденом Св. Георгия 4-й степени, произведен в чин генерала от инфантерии и назначен командующим Отдельной Кавказской армией.

В июле 1915 года в ходе блестяще спланированной Евфратской операции войска под командованием генерала Н.Н. Юденича разбивают наголову 3-ю турецкую армию Абдул Керим-паши, подошедшую к российской границе. За Евфратскую операцию Юденич был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и орденом Белого Орла с мечами.

В разгар суровой зимы 1915 года Кавказская армия генерала Н.Н. Юденича, преследуя неприятеля почти 100 вёрст, дошла до Эрзерума. Эта весьма мощная крепость, расположенная на высотах до 11 тыс. футов, с тремя линиями сильнейших фортов, высеченных в граните, всеми военными авторитетами считалась практически неприступной. Тем не менее, Юденич, понимая, что более благоприятный момент для штурма твердыни вряд ли представится, настаивал на подготовке к штурму. Прибывший из ставки главнокомандующего генерал Ф.Ф. Палицын, хорошо информированный об укреплениях крепости, назвал идею штурма Эрзерума «безумием»!

В 8 часов вечера 29 января 1916 года начался легендарный пятидневный, воистину Суворовский, штурм. Днём и ночью в двадцатиградусный мороз, засыпаемые вьюгой и сметаемые турецким огнём, карабкались войска по обледеневшим кручам. Участник штурма вспоминал: «Полк поднимался по узкой тропе. Затем тропа исчезла. Приходилось карабкаться уже по скалистым горам. Поднявшаяся вьюга лишила всякой возможности ориентироваться. Люди выбивались из сил, пробивая кирками лёд и камень для прохода вьюков. К 2 часам ночи полк вышел на плато. Вьюга усилилась, и стало нетерпимо...» Полковник Д.А. Пирумов с шестью ротами Бакинского полка овладел фортом Далангез. Отбил восемь атак неприятеля. Из 1400 бойцов осталось около 300 человек – и то большей частью раненных. Елизаветпольский полк с большими потерями захватил форт Чобан-деде. Мужество и героизм русских воинов были сродни суворовским солдатам. 3 февраля 1916 года, после пятидневного штурма, хвалебно-неприступная крепость Эрзерум была взята полностью.

Н.Н. Юденич и А.И. Деникин

4 апреля 1916 года войска под руководством генерала Н.Н. Юденича овладевают еще одной турецкой крепостью Трапезунд и, продолжая борьбу с противником, который пытается овладеть потерянными крепостями, в июне 1916 года начисто разбивают сначала 3-ю Турецкую армию, а в сентябре того же года прибывшую с Галлиполи 2-ю Турецкую армию.

В истории Первой мировой войны генерал Н.Н. Юденич остался единственным полководцем, который не знал поражений.

И еще одно обстоятельство – Н.Н. Юденич остался единственным из командующих армиями верным присяге и преданным императору Николаю II даже после его отречения. Убежденный монархист, Юденич после отречения Николая II трудно мирился с существованием Временного правительства, оставаясь на своем посту лишь из любви к своей Кавказской армии.

3 апреля 1917 года после образования Кавказского фронта генерал от инфантерии Н.Н. Юденич был назначен его главнокомандующим. Однако ещё в марте по причине плохого снабжения и усталости войск он прекратил начавшееся наступление на Багдадском и Пенджабском направлениях и отвёл 1-й и 7-й корпуса в районы базирования. Несмотря на требования Временного правительства, он отказался возобновить наступление, обусловленное стремлением оказать услугу Великобритании. 5 мая Юденич был отозван с должности главнокомандующего в Петроград. Официальная формулировка отстранения гласила «за сопротивление указаниям». На вопрос же военному министру А.Ф. Керенскому о причине своего снятия с должности, Юденич получил ответ: «Вы слишком популярны в своей армии!» На прощание офицеры Кавказской армии преподнесли своему командующему золотую шашку, осыпанную драгоценными камнями.

В Петрограде чета Юденичей поселилась на квартире адмирала А.А. Хоменко в доме страхового общества «Россия» на Каменноостровском проспекте. Посетив Государственный банк, чтобы снять некоторую сумму из своих сбережений, Н.Н. Юденич был восторженно встречен как герой русской армии банковскими служащими, которые посоветовали ему снять все деньги, продать всю недвижимость и держать вырученные средства у себя. Супруги Юденич продали дом в Тифлисе и земли в Кисловодске. Всю ценность совета они поняли уже на чужбине, когда смогли сами нормально устроить быт и помочь многим русским беженцам.

Вскоре генерал Н.Н. Юденич был направлен в казачьи области «для ознакомления с настроением казачества».

Во время Октябрьского переворота Н.Н. Юденич находился в Москве. Вернувшись в Петроград, он предпринял попытку создания

тайной офицерской организации из числа офицеров лейб-гвардии Семёновского полка, находившихся на службе у большевиков. Инициатива увенчалась успехом, и летом 1919 года на Петроградском фронте Семёновский полк в полном составе перешёл на сторону белых.

В двадцатых числах ноября 1918 года, используя чужие документы, при помощи тайной офицерской организации вместе с супругой, полковником Г.А. Данилевским и согласившимся стать его личным адъютантом поручиком Н.А. Покотилло (родственником его жены) генерал Н.Н. Юденич прибыл на поезде из Петрограда в Гельсингфорс.

В Финляндии Юденич, заручившись поддержкой Особого комитета по делам русских беженцев, под председательством бывшего премьер-министра А.Ф. Трепова и генерала барона К.Г. Маннергейма встает во главе Военно-политического центра и военной организации, стремясь к созданию Белого фронта. Соотечественникам в Финляндии импонировало имя столь заслуженного и известного генерала. На всех буквально гипнотическое воздействие оказывала фраза, которую всегда про него говорили: «Генерал, который не знал ни одного поражения...».

Приказом адмирала А.В. Колчака от 5 июня 1919 года генерал Н.Н. Юденич назначается главнокомандующим всеми русскими силами Северо-Западного фронта и выезжает из Финляндии в Ревель на встречу с командующим Северным корпусом генералом А.П. Родзянко, откуда вместе с ним на поезде прибывает в Ямбург и посещает фронт.

«...23 июня Ямбург встречал Главнокомандующего Северо-Западным Фронтом генерала от инфантерии Юденича. Для встречи на перроне вокзала был выстроен почётный караул... К вокзалу стеклось множество городского населения. В 8 часов 30 минут дня подошёл экстренный поезд. Из вагона вышел генерал Юденич, командир Северного Корпуса генерал-майор Родзянко, Начальник штаба корпуса генерал-майор Крузенштерн, Начальник Военно-Гражданского Управления области полковник Хомутов и чины штаба Главнокомандующего полковник Данилевский и штабс-капитан Покотилло.

Обойдя представлявшихся ему чинов Ямбургского Гарнизона и представителей местного населения, генерал пропустил почётный караул церемониальным маршем и вторично благодарил молодцов ямбуржцев. ...Проехав по городу, Главнокомандующий вошёл в храм Божий, где был встречен духовенством крестом и молитвой. Затем был осмотрен военный лазарет. Перед вечером генерал Юденич отбыл на боевой фронт».

26 июня 1919 года генерал Н.Н. Юденич вернулся в Финляндию.

Укоренилось мнение, что Юденич не признавал независимости Финляндии и Эстонии и только и ждал того момента, когда можно будет уничтожить самостоятельность последней. В действительности, он оказался в весьма сложном положении. Оставаясь убеждённым монархистом, Юденич был вынужден считаться с программой белых армий и лозунгом «За единую и неделимую Россию!», с другой стороны, для него не являлось секретом недружелюбие правящих кругов Англии, за исключением военного министра У. Черчилля.

Переговоры о привлечении финской армии для совместных боевых действий по освобождению Петрограда от диктатуры большевиков велись между Н.Н. Юденичем и К.Г. Маннергеймом ещё с конца 1918 года. Корень проблемы таился в нежелании признать независимость Финляндии Русским Политическим Сопровождающим в Париже под руководством бывшего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова.

16 октября 1919 года Н.Н. Юденич сообщил советнику русского посольства в Швеции о том, что выступление финских добровольческих войск в настоящее время нежелательно.

Судить об отношении генерала Н.Н. Юденича к самостоятельности и независимости Эстонии можно по первоисточнику – переписке между ним и командующим Эстонской армией генералом И.Я. Лайдонером.

Почти за полгода до переезда из Финляндии в Эстонию 20 февраля 1919 года Юденич, в частности, писал Лайдонеру: «Ставлю Вас в известность, что я никогда не прикажу Северному корпусу и моим новым формированиям повернуть штыки против Эстляндии и сам против Эстляндии не пойду. Преданный Вам и готовый к услугам Н. Юденич». Слово русского офицера, да ещё в письменной форме говорит само за себя!

28 сентября 1919 года части Северо-Западной армии наносят отвлекающий удар по войскам Красной Армии на Псковском направлении. 10 октября начинается главное наступление на Петроград. За 6 дней молниеносного наступления белые подошли к предместьям Петрограда. Были заняты Луга, Гатчина, Павловск, Царское Село, Красное Село...

В.И. Ленин телеграфировал в Смольный: «Покончить с Юденичем нам дьявольски важно». 16 октября в Петрограде была объявлена всеобщая мобилизация, на фронт брошены последние резервы, был даже сформирован полк из женщин работниц, своего рода аналог женским ударным батальонам 1917 года. Л.Д. Троцкий исчерпал все петроградские силы.

Со своей стороны, войска Северо-Западной армии были серьезно истощены постоянными боями и недосыпанием. Не имея свежих резервов, командование было вынуждено дать передышку войскам на два дня.

Этим умело воспользовался Л.Д. Троцкий, лихорадочно сосредоточив на Петроградском фронте силы трёх красных армий. Соотношение артиллерии стало: 1 к 10! Белое командование было вынужденно пойти на рискованные меры, перебросив из-под Луги под Петроград 1-ю дивизию и два полка 4-й дивизии. Тем самым, оставив в городе лишь один запасной полк, который не смог сдержат натиска превосходящих сил противника и вскоре сдал город. После кровопролитных и ожесточенных боев за Ямбург, который Н.Н. Юденич приказал удержать во что бы то ни стало как плацдарм, армия приказом генерала А.П. Родзянко 14 ноября отступила к границам Эстонии на узкую полосу от Ропши до Усть-Черново (Криуши).

Главной причиной неудачи осеннего похода Северо-Западной армии на красный Петроград послужил отказ полковника П.М. Бермондта-Авалова исполнить приказ генерала Н.Н. Юденича и прибыть из Латвии во главе своего Западного корпуса, насчитывающего до 12 тыс. человек, для участия в общем наступлении на Петроград.

К середине ноября 1919 года белые войска с многочисленными беженцами сконцентрировались у колючей проволоки перед Ивангородским форштадтом. За проволокой были выставлены эстонские войска с направленными на русских пулеметами и пушками.

Н.Н. Юденич шлет срочные депеши Й. Лайдонеру с предложением принять под своё командование русские войска и впустить обозы с мирными беженцами на территорию Эстонии. Но получает следующий ответ: «Вопрос о переходе Северо-Западной Армии под эстонское Главнокомандование решён правительством Эстонии отрицательно. Точка. Кроме того, постановлено, что части Северо-Западной Армии, перешедшие в Эстонию, должны быть обезоружены. Точка. Генерал Лайдонер».

Трое суток десятки тысяч людей вынуждены были ночевать под открытым небом при морозах, достигавших ночью до -20° . Некоторые из них скончались от обморожения. На третий день эстонские власти разрешили впустить беженцев и войска в русскую часть Нарвы в Ивангород.

Несмотря на сильные морозы и тяжелейшие условия быта, части Северо-Западной армии героически защищают Эстонию, контратакуют, переходя местами в штыковые схватки с против-

ником, берут с боя пленных, захватывают в трофеи пулемёты и артиллерийские орудия. Независимость Эстонии в немалой степени была спасена благодаря доблести русских воинов.

26 ноября 1919 года Н.Н. Юденич назначает командующим армией генерала П.В. Глазенапа. К этому времени разразилась страшная эпидемия тифа и испанского гриппа. От болезней погибли более 10 тыс. бойцов Северо-Западной армии и тысячи гражданских беженцев. Только в одной Нарве по данным Нарвской военной комендатуры к началу февраля 1920 года умерло 7 тыс. солдат и офицеров! На территории Эстонии возникло около 20 братских захоронений и братских кладбищ воинов Северо-Западной армии³¹.

Офицер Северо-Западной армии вспоминал: «Наши союзники англичане (“Антантины сыны”, как их стали называть в Армии) молча смотрели на это организованное истребление русских Белых полков и пальцем не пошевелили, чтобы как-нибудь помочь нам. Люди как мухи гибли от болезней – достаточно сказать, что количество больных достигало 16 тысяч человек, когда в Армии числилось немногим больше 20–25 тысяч. Эстония считала, что роль Русской Белой Армии уже окончена»³².

Поняв полную безнадежность продолжения борьбы на Северо-Западном фронте, 20 декабря 1919 года адмирал А.В. Колчак посылает генералу Н.Н. Юденичу телеграмму, в которой благодарит его за труды. Причины неудач адмирал видел не в ошибках, а в сложности обстановки и предлагал Юденичу ехать в Париж и Лондон для доклада Совету Послов и союзникам и ходатайствовать перед ними о дальнейшей поддержке. Однако генерал отказался бросить армию.

Супруга генерала Юденича объявляет через русские газеты о сборе пожертвований, как деньгами, так и продовольствием, передавая посылки воинам в окопах, раненым и больным в лазаретах.

Тщетно в эти дни Н.Н. Юденич посылал телеграммы и курьеров министру иностранных дел С.Д. Сазонову в Париж и в русское посольство в Лондоне. В одном из посланий он писал: «Прошу сообщить Черчиллю – эстонцы насильственно отбирают в свои склады имущество, отпущенное Северо-Западной Армии. Протесты безрезультатны, местные миссии (союзников) бессильны».

³¹ См.: *Мальцев Ю.П.* Братские могилы и братские кладбища воинов Северо-Западной Армии на территории Эстонской республики. – Таллин, 2003.

³² См.: *Гершельман А.С.* Полковник. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. – М., 1998. – С. 86.

В Ревеле супруги Юденич временно поселились в гостинице «Коммерческая». Ночью 28 января Н.Н. Юденич был арестован в своём номере эстонскими полицейскими во главе с атаманом С.Н. Булак-Балаховичем и бывшим прокурором СЗА Р.С. Ляхницким. Лишь благодаря вмешательству представителей военных миссий Антанты в Эстонии, он был освобождён.

Эстонские власти всячески препятствовали выезду четы Юденич из страны, требуя от генерала выдачи им всех (даже личных!) денег. Эти наглые требования эстонских властей очень поразили сотрудников Английской миссии. Часть денег, ранее полученных от адмирала А.В. Колчака, Н.Н. Юденич передал в Ликвидационную комиссию Северо-Западной армии для выдачи жалования северо-западникам.

После долгих хлопот А.Н. Юденич смогла переехать в Финляндию, а Н.Н. Юденич на поезде Английской миссии выехал в Ригу и в начале марта 1920 года прибыл в Швецию. Расходование второй части средств, находившихся на счетах в шведских кронах в банке Стокгольма, он поручил адмиралу В.К. Пилкину в рамках погашения задолженностей Северо-Западной армии и материального вспомоществования её бывшим воинам.

Переехав с женой в Данию, Н.Н. Юденич в Копенгагене был принят вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, а в ходе поездки в Лондон счёл возможным нанести визит лишь У. Черчиллю – единственному, по его мнению, человеку в британском правительстве, искренне помогавшему Белому движению в России.

До конца своей жизни Н.Н. Юденич оказывал из личных средств помощь своим бывшим подчиненным в Эстонии, получившим увечья на Северо-Западном фронте. После его кончины пожертвования увечным воинам в Эстонии поступали и от его вдовы.

Будучи глубоко верующим православным христианином, Н.Н. Юденич жертвовал деньги на нужды православных храмов в Русском Зарубежье, помогал учебным заведениям для детей русских эмигрантов. Свою христианскую заботу он начал проявлять ещё на Северо-Западном фронте, оказывая помощь нуждавшемуся гражданскому населению. Также Юденич помогал в издании сочинений сослуживцев и поддерживал русские периодические издания. В созданной А.Н. Яхонтовым Русской школе он читал лекции о русской культуре.

Участвовал Н.Н. Юденич и в военной жизни русской эмиграции во Франции. На открытии Русских военных учебных курсов в Ницце он выступил с теплым, приветствующим словом, отметив заслугу инициаторов и организаторов этого дела. На протяжении

ряда лет Юденич являлся председателем общества «Ревнителей русской истории».

Николай Николаевич Юденич тихо скончался в Каннах 5 октября 1933 года на руках своей супруги Александры Николаевны, не оставив наследников³³.

* * *

Можно сказать, что белые офицеры и генералы стали заложниками собственных принципов, которые разобщали и ослабляли их движение. Но в исторической перспективе личные судьбы белых офицеров, выживших в Гражданской войне и сумевших эмигрировать из России, в целом сложились благополучнее, чем у их победителей: те из них, кто решил покончить с политикой, получили возможность вести мирную жизнь. Тех же, кто остался в политике и включился в новую мировую войну на той или другой стороне, ждало гораздо более непредсказуемое будущее.

³³ См.: Грюнвальд Л. Памяти русского полководца. К столетию рождения генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича // Часовой (Париж). – 1962. – № 437, октябрь. – С. 19; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения; Цветков В.Ж. Николай Николаевич Юденич // Вопросы истории. – 2002. – № 9. – С. 37–59.

Глава III

«ТРЕТЬЯ СИЛА» В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ («ЗЕЛЁНЫЕ»)

Любая революция и гражданская война выносит на поверхность многочисленных авантюристов, и послереволюционные события в России не стали исключением. Многочисленные «атаманы», «бабки» и прочие командиры нерегулярных формирований наводнили страну. Их банды порой достигали размеров настоящих армий, а сами лидеры обретали буквально мифические ореолы и становились героями произведений народной культуры.

АНГЕЛ

Евгений Петрович
(1897–1919)

Евгений Петрович Ангел в возрасте 7 лет был отправлен на Северный Кавказ учиться в кадетском корпусе. Одной из задач Владикавказского кадетского корпуса была подготовка офицеров из местных уроженцев; принимали в корпус интернами детей осетин и ингушей как из числа местной администрации, так и других по усмотрению командующего войсками округа. Е.П. Ангел под эти категории не попадал – обучающиеся за свой счет кадеты были экстернами.

Впоследствии в «Літописі Червоної Калини» наряд атамана Ангела был описан следующим образом: «Был одет, как кавказ-

ский ингуш, в черную шерстяную бурку, островерхую черную папаху и кавказские шерстяные сапоги, снизу обшитые белой кожей». Такой наряд был данью памяти именно Владикавказскому кадетскому корпусу: детям кавказцев в младших классах разрешалось ношение нарядной национальной одежды воина, что приводило в восторг будущего атамана.

Во время Первой мировой войны с 1915 года Е.П. Ангел находился на фронте, но, к сожалению, сведений о том, где он воевал, найти не удалось. Скорее всего, это был Юго-Западный фронт, туда попадала большая часть призывников с Украины.

После Февральской революции в армии началось брожение, а после Октябрьского переворота фронты и вовсе посыпались. В конце 1917-го или в начале 1918 года Е.П. Ангел в чине поручика оставил армию и вернулся домой в Черниговскую губернию.

Летом 1918 года Е.П. Ангел принимал участие в организации отрядов Вольного казачества в Борзнянском уезде, а после начала народного восстания против гетмана П.П. Скоропадского 17 ноября 1918 года, которое возглавил С.В. Петлюра, Ангел организовал в Конотопе «Курень смерти» имени Кошевого Ивана Серко¹. Это военное формирование вошло в состав армии Директории УНР. За красные шлыки (колпаки) на шапках отряд Ангела называли «Красным куренем смерти».

В Конотопе пополняла свои ряды и Серожупанная дивизия, которая перешла на сторону Директории. Была объявлена добровольная мобилизация в Конотопском, Кролевецком и Сосницком уездах. Первой акцией Е.П. Ангела и командования дивизии стало установление в Конотопе власти Директории. Затем отряд Ангела и серожупанники, преодолевая сопротивление гетманских войск, установили власть Директории в Бахмаче и Прилуках. Передвигаясь по железной дороге, они разгромили гетманскую полицию в Нежине.

В одной из серий знаменитого фильма «Адъютант его превосходительства» фигурирует атаман Ангел, которого сыграл А.Д. Папанов. Актер создал убедительный образ довольно тупого и необразованного недоумка пожилого возраста, главаря банды «зеленых», вложив в его уста одну из фраз, ставшей крылатой: «Я шчас проведу экскремент». Образ действительно яркий, но

¹ *Серко Иван Дмитриевич* (1610–1680) – кошевой атаман Запорожской Сечи. За период пребывания в должности атамана провел 244 больших и малых сражения. Герой изустных преданий и песен. И.Е. Репин в виде атамана Ивана Серко на знаменитой картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» изобразил киевского генерала-губернатора М.И. Драгомирова.

имеющий не очень много общего с реальным прототипом персонажа, во всяком случае, внешне и по возрасту.

У Е.П. Ангела была собственная, весьма своеобразная политическая платформа. Он с детства воспитывался в украинском национальном духе. Его отец Петр Ангел свято чтит память о В.В. Тарновском-младшем². Качановка при трех поколениях Тарновских была кружком передовой русской мысли. Здесь собирались в разное время: Н.Н. Ге, М.И. Глинка, Н.В. Гоголь, Н.И. Костомаров, И.Е. Репин, Т.Г. Шевченко... В гостевой книге имения Качановка находится около 600 фамилий известных людей. В.В. Тарновский-младший собрал в имении уникальную коллекцию казацких раритетов времен Гетманщины, была в его коллекции даже сабля Богдана Хмельницкого. Поэтому дух украинофильства попросту пропитал местное население.

Е.П. Ангел выступал с позиций раннего национализма, сформированного теоретиком украинского национализма Н.И. Михновским³ в начале XX века. Михновский считал, что Украина должна иметь собственное государство, а инородцы, которые ее эксплуатируют, являются врагами. Ангел трактовал это утверждение слишком прямолинейно и радикально: врагов необходимо уничтожить. К национализму примешивались и взгляды атамана на социальную справедливость, которые были, по сути, большевистскими, и его независимый характер: Ангел не хотел и не умел подчиняться приказам, если был с ними не согласен.

Е.П. Ангел был очень популярен в среде сельского населения своего уезда и губернии как защитник крестьян – и не в последнюю очередь благодаря внешнему обаянию. Его внешность описывали так: «...высокого роста, брюнет, похож на грузина... В его черных больших глазах всегда пылали огоньки неисчерпаемой энергии и решительного характера. Его жилистая, подвижная фигура всегда находилась в напряжении всех мускулов, требуя постоянно острых впечатлений и изменчивых движений». Ангел был страстным поклонником женщин, а они отвечали ему взаим-

² Тарновский Василий Васильевич, младший (1837–1899) – общественный и культурный деятель, собиратель украинских древностей, меценат.

³ Михновский Николай Иванович (1873–1924) – украинский адвокат, политический и общественный деятель, один из лидеров украинского национального движения конца XIX – начала XX вв., сторонник идеи независимости Украины, один из основоположников украинского национализма. Участвовал в создании первой политической партии Восточной Украины – Революционной украинской партии (РУП). Лидер Украинской народной партии (1902–1907), организатор Украинской демократическо-хлеборобской партии (1917), член Братства самостийников.

ностью. Есть и данные о том, что атаман сочинял стихи и вообще был в душе нежным романтиком.

После взятия Нежина отряд Е.П. Ангела снова прибыл на станцию Конотоп, где готовились к отправке на родину германские войска. После буржуазно-демократической революции в Германии командование германской армии еще 29 ноября 1918 года подписало договор с Директорией о нейтралитете. По договору германские войска покидали Украину с оружием, оставляя склады боеприпасов и все припасы. Однако Ангелу этого показалось мало: он решил разоружить и ограбить германские отряды. Не согласовав свои планы с серожупанниками, которые охраняли эшелон, атаман приказал поставить на перроне пулемет и обстрелять немцев; несколько немецких солдат было убито. Серожупанники были вынуждены открыть ответный огонь, жестко ответили и немцы. Ангелу пришлось отступить.

Атаман Ангел своевольничал и раньше. В начале января 1919 года он пытался разоружить добровольческий отряд из Путивля и Глухова, состоявший из офицеров, юнкеров и учащихся. Командование отряда дало согласие перейти на сторону Директории, эшелону обеспечили беспрепятственное передвижение по железной дороге. Бронепоезд Ангела сначала заблокировал эшелон в Конотопе, а затем Ангел попытался разоружить добровольческий отряд в Прилуках. Добровольцы, в свою очередь, заблокировали бронепоезд Ангела, и эшелон отправился дальше через станцию Ичня. Впоследствии добровольческая дружина вошла в состав Армии УНР в качестве полка Особой Запорожской дивизии.

Все эти действия атамана вызвали негодование у С.В. Петлюры. В то же время главе Директории В.К. Винниченко донесли, что Е.П. Ангел остановил пассажирский поезд, высадил из вагонов и ограбил евреев, в основном торговцев, да еще и устроил массовую порку. Это произошло на станции Бахмач. Неадекватные действия казаков Ангела по отношению к невинным людям были спровоцированы немцами, которые бросили гранату с проходившего перед этим поезда, в результате чего несколько казаков пострадало.

Руководством Директории было принято решение отстранить Е.П. Ангела от командования и арестовать. Однако, пока решался вопрос о его отстранении, атаман вышел из армии УНР и увел с собой 400 конных казаков. В начале апреля он вошел в состав ревкома повстанцев, военным комиссаром которого стал атаман Зеленый (Даниил Ильич Терпило). Повстанцы ставили своей целью захват Киева. Вернувшись в Ичнянский уезд (Черниговская губерния), Ангел с отрядом продолжил восстание, начатое в конце марта вольными казаками.

23 апреля 1919 года распоряжением Рабоче-крестьянского правительства Украины (Харьков) Е.П. Ангел был объявлен вне закона. После поражения его отряда в схватке с чекистами вблизи села Загребля Лубенского уезда в конце апреля основная часть казаков вернулась в Черниговскую губернию, а сам атаман с небольшим отрядом в 60 казаков 3 мая перешел на правый берег Днепра и влился в отряд атамана Зеленого. В армии Зеленого Ангел командовал отрядом, численность которого достигала 5 тыс. человек.

В сентябре 1919 года атаманы Ангел, Зеленый и представители атамана Гаврашенка встречались с С.В. Петлюрой, настаивая на немедленном наступлении на деникинцев. В октябре того же года Е.П. Ангел участвовал в съезде повстанческих атаманов вблизи Германовки (ныне Обуховский район Киевской области), на котором, в частности, оказали поддержку Директории УНР. Вскоре атаманы Ангел и Шумский были взяты в плен во время встречи с командиром повстанческого отряда Несмеяновым, но позже были отпущены.

Есть несколько версий гибели атамана Е.П. Ангела: первая – расстрелян красными; вторая – умер от тифа в конце 1919 года; третья – расстрелян деникинцами.

АНТОНОВ Александр Степанович (1889–1922)

Александр Степанович Антонов родился в Москве 26 июня 1889 года в семье отставного фельдфебеля Степана Гавриловича Антонова, родом из Тамбова, и портнихи Наталии Ивановны (в девичестве – Соколовой) и 30 июня был крещен в московской церкви Преподобного Сергия Радонежского. Александр стал третьим ребенком в небогатой семье: до него на свет появились сестры Валентина и Анна, а затем, 1896 году – брат Дмитрий, который

родился уже в Тамбовской губернии, в уездном городе Кирсанове, куда в 1890-х годах переехала семья. О «московском» периоде жизни Антоновых сохранилось крайне мало сведений: предположительно, семья переехала в провинцию вскоре после рождения первого сына.

В Кирсанове, в те годы небольшом, но процветающем за счет хлебной торговли городе, С.Г. Антонов открыл небольшую слесарную мастерскую, занимавшуюся починкой домашней утвари: однако дела у него пошли неважно, и основной вклад в семейный бюджет вносила его жена, ставшая лучшей местной портнихой-модисткой. Но она умерла, когда Александру было 16 или 17 лет.

По словам историка В. Самошкина, А.С. Антонов с юных лет не любил наряжаться и предпочитал ситцевую косоворотку, подпоясанную ремнем, и дешевые бумажные брюки, заправленные в сапоги – этот его костюм запомнился одноклассникам, с которыми он учился в Кирсановском городском трехклассном училище, постигая русский язык, арифметику, геометрию и Закон Божий.

Во втором классе Антонов остался на второй год из-за низкой успеваемости. Достоверно неизвестно, закончил ли он училище (предполагалось, что это должно было произойти в 1905 году). При этом в советское время распространялись сведения, что Антонов был исключен из пятого класса реального училища «за сильное хулиганство и слабую успеваемость», хотя в 1905 году в Кирсанове еще не было реального училища как такового.

Область деятельности А.С. Антонова до конца 1907 года малоизвестна: какое-то время он работал у кирсановского хлеботорговца Милохина, после чего сблизился с эсерами и вступил в революционную партию (возможно, вслед за сестрой Анной), перейдя на нелегальное положение. Затем стал частью местного радикального движения и начал принимать участие в «экспроприациях» (ограблениях) правительственных учреждений: волостных правлений и казенных винных лавок. Формально Антонов относился к Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров (партийная кличка «Шурка»), фактически являвшейся «спецподразделением» при губернском комитете ПСР по «добыванию» денег и документов и по приведению в исполнение смертных приговоров, вынесенных эсерами «провинившимся» должностным лицам, провокаторам и предателям. В начале 1908 года царская полиция характеризовала «тамбовского мещанина» Антонова как «известного грабителя» и вела его розыск.

В начале сентября 1907 года, в связи с ростом числа членов и расширением сферы деятельности, Тамбовская группа, в которой Антонов уже начал приобретать известность, преобразуется в

Тамбовский союз независимых социалистов-революционеров. Постепенно организация переносит свою деятельность на территорию соседних Саратовской и Пензенской губерний, а вскоре переименовывается в Поволжский союз независимых социалистов-революционеров.

В конце 1907-го и начале 1908 года группа революционеров, в состав которой входил и А.С. Антонов, активно действовала в Кирсановском уезде, при этом полиция считала ее независимой от основной массы эсеров в регионе. В результате кирсановский уездный исправник Терехин предпринял ряд полицейских мер, вынудивших Антонова в апреле 1908 года бежать в Тамбов: переезд был одновременно связан и с ростом молодого боевика в эсеровской иерархии.

Местные власти в лице ротмистра П.Н. Чистякова узнали о прибытии А.С. Антонова и 1 мая запросили кирсановского исправника о его прошлых «делах» и приметах. Уже к 10 мая Антонов был взят под скрытое наблюдение, получив оперативную кличку «Румяный». В ночь на 22 мая начальник губернского жандармского управления полковник В.С. Устинов отдал приказ о проведении обысков и арестов по всему Тамбову. По одному из двадцати адресов, где проходили обыски, полиция встретила вооруженное сопротивление: был смертельно ранен старший городской Н.Ф. Пятов. «Антонов» сдался только лично жандармскому полковнику Устинову, позже красочно изложившему эпизод с пленением «разбойника Шурки». О поимке «давно разыскиваемого революционного “деятеля” Александра Антонова» сообщили и тамбовские газеты. Однако позже выяснилось, что за Антонова был принят М.И. Жуликов, административно-ссылный крестьянин села Чернавки Кирсановского уезда.

Ночь с 12 на 13 июня 1908 года настоящий А.С. Антонов, повторно обнаруженный полицией, провел в квартире выпускницы Ольгинской школы при местном Вознесенском женском монастыре Н.Ф. Скаржинской. В сопровождении местного семинариста П.В. Светлова он вышел из дома уже днем, заметил слежку и на перекрестке Теплой и Базарной улиц трижды выстрелил из револьвера типа «бульдог» в городского С.П. Тихонова, попытавшегося его задержать. Рана, нанесенная городовому, была несмертельной, но всё равно исключала для Антонова возможность в будущем выйти из подполья. Убегая от погони, революционер сбросил с себя пиджак, в карманах которого полиция обнаружила поддельный паспорт на имя мещанина Василия Ивановича Раузова и 32 револьверных патрона. Самому же Антонову удалось скрыться.

21 июня, проведя восемь дней в неизвестном убежище, А.С. Антонов покинул Тамбов пешком по Моршанской дороге. У пригородной Донской слободы он встретился с 16-летним М.Н. Савельевым, которому представился учителем и попросил подвезти. Проехав около 20 километров, попутчики остановились попить чаю в селе Горелое у знакомых Савельева, после чего продолжили путь по лесной дороге. В пяти километрах от Горелого они оказались у Хомутляевского лесного кордона – было около 9 часов вечера. В тот момент около своего дома, выходящего фасадом на дорогу, стоял 23-летний лесной кондуктор В.И. Шипилов, беседовавший с лесником А.Н. Федоровым и объездчиком Д.Ф. Яготиним.

Шипилову показалось подозрительным появление «на ночь глядя» подводы с двумя неизвестными ему молодыми людьми, одетыми «по-городскому»: он позднее объяснил, что в тот день у него в доме находилась крупная сумма казенных денег – около 3 тыс. рублей, а за несколько минут до этого через кордон проехала еще одна повозка с пятью неизвестными ему людьми. Шипилов отправил объездчика Яготина узнать у проезжающих, кто они и куда направляются. В ответ Антонов «довольно грубо» послал Яготина «куда подальше». Шипилов приказал Яготину задержать молодых людей и сам вместе с Федоровым направился к телеге. Антонов выхватил из кармана браунинг, прокричав: «Не подходите, а то буду стрелять!» Затем, с расстояния в 3–4 метра, он выстрелил в Шипилова, шедшего первым, легко ранив его в левый бок. Оставшиеся участники задержания разбежались, причем Антонов по неизвестной причине попытался их преследовать. Савельев, ставший невольным свидетелем произошедшего, попытался покинуть кордон, но Антонов догнал его и, перехватив вожжи, «сам стоя стал яростно погонять лошадь». Через примерно полтора километра Антонов вернул вожжи Савельеву, спрыгнул с телеги и укрылся в лесу. 27 июня полицейский урядник А.Е. Кутузов, расследовавший «инцидент», арестовал Савельева, который не смог сообщить следствию ничего об Антонове, кроме уже известных внешних примет подозреваемого.

После событий на кордоне А.С. Антонов появился в Саратове в Поволжском областном комитете эсеровской партии, который дал высокую оценку «боевым действиям» революционера и «наградил» его новым ответственным заданием, связанным «со смертельным риском». Но, поскольку обком не смог профинансировать мероприятие, Антонов вернулся в Тамбовскую губернию с целью «экспроприировать» необходимые для операции средства.

31 октября 1908 года А.С. Антонов в сопровождении 29-летнего административно-ссылного крестьянина Г.И. Ягодкина, прибыл в село Коноплянка Кирсановского уезда. Революционеры остановились у местного крестьянина И.И. Рогова, которому предложили принять участие в ограблении кассы на железнодорожной станции Инжавино, располагавшейся рядом. Рогов дал согласие и даже привлек к «эксу» еще двух местных крестьян – для оказания технического содействия операции: Ф.З. Лобкова и Г.С. Поверкова.

Вечером 3 ноября пятерка «экспроприаторов» прибыла на станцию Инжавино и, оставив Поверкова охранять лошадей, вошла в здание вокзала. Участники «операции» были вооружены: револьверы они получили от Антонова, руководившего налетом. В зале ожидания в тот момент находились станционный сторож И.Ф. Синякин и шесть местных девушек-крестьянок, пришедших на станцию «засветло» для встречи брата одной из них, который приезжал около полуночи. Выхватив оружие, налетчики приказали никому не двигаться и соблюдать спокойствие. Рогов и Лобков остались в зале ожидания, а Антонов с Ягодкиным направились в контору, где в тот момент находились весовщик П.И. Коршунов и конторщик-практикант И.В. Коноваликов. Оставив с ними Ягодкина, Антонов вошел в кабинет начальника станции В.Б. Петрова, которому, угрожая оружием, «предложил» достать деньги. Петров отреагировал на требование грабителей «своеобразно»: сначала он неожиданно заплакал, а затем «закатил истерику». Начальник станции сообщил Антонову, что он «очень болен и стар» и что у него шестеро маленьких детей, «которые не увидят больше своего бедного отца, ибо теперь его посадят в тюрьму», и потерял сознание.

Достав из кармана начальника станции ключи, Антонов открыл несгораемый шкаф и забрал из него деньги. Затем позвал конторщика Коноваликова и приказал ему оказать помощь Петрову, лежавшему на полу без чувств. Когда он очнулся, то рассказал, что два месяца назад его касса уже была ограблена – грабителей не нашли, а его предшественника посадили в тюрьму, обвинив в присвоении денег.

Пришедший постепенно в себя Петров попросил Антонова «сжалиться» над ним и как доброго и интеллигентного молодого человека написать расписку, что деньги были «экспропрированы». Тот согласился и написал своим обычным почерком расписку: «Четыре тысячи триста шестьдесят два рубля 85 коп. взято партией анархистов индивидуалистов. Член партии». После составления расписки Антонов и его сообщники оборвали телефонные провода и заперли всех лиц, находившихся на станции, в по-

мещении конторы, отдав им приказ не выходить в течение получаса.

4 ноября на станцию Инжавино прибыли чины полиции и железнодорожной жандармерии. Получив рапорт об ограблении, губернское жандармское управление заподозрило участие в нем именно Антонова. Полковник Устинов прислал в Инжавино фотографию подозреваемого, которого опознали потерпевшие и свидетели. Кроме того, почерковедческая экспертиза подтвердила, что дарственная надпись на фото и текст расписки были написаны одним человеком.

Получив необходимые средства, А.С. Антонов вновь направился в Саратов – в распоряжение Поволжского обкома ПСР, готовившего в тот период убийство командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта А.Г. Сандецкого. Эсеры вынесли генералу смертный приговор за «жестокость» при подавлении крестьянских выступлений 1905–1907 годов в Поволжье. Для приведения приговора, о вынесении которого уже было известно полиции, в исполнение были отобраны три боевика: сбежавший из пермской ссылки крестьянин деревни Крутец Саратовской губернии И.Я. Коротков (ставший впоследствии поволжским чекистом), учитель села Шевыревка Саратовского уезда Т.И. Мерзлов и А.С. Антонов.

Однако в декабре 1908 года в Россию пришло известие о разоблачении провокатора Е. Азефа, жандармы начали серию массовых арестов эсеров и 2 января 1909 года почти в полном составе арестовали их Поволжский обком.

В попытке выйти на контакт с однопартийцами А.С. Антонов выдал себя: 18 февраля 1909 года его личность раскрыли, и вечером 19 февраля он уже был под наблюдением. Утром следующего дня его арестовали столь внезапно, что революционер не успел даже достать револьвер. При обыске у Антонова были изъяты поддельный паспорт на имя крестьянина П.Т. Куликова и «шифрованная записка». Сразу после ареста Антонов был помещен в Саратовскую губернскую тюрьму, где подвергся «пыткам», а затем отправлен в Тамбовскую губернскую тюрьму.

После известия о поимке Антонова немедленно были возобновлены дела о нанесении огнестрельных ранений городовому Тихонову, лесному кондуктору Шипилову и об ограблении кассы на станции Инжавино. Антонов свою вину не признал и от дачи показаний отказался. Кроме того, революционера обвинили в убийстве сельского старосты Бирюкова и об ограблении Ржаксинской винной лавки, а позже в ограблении сборщика налогов Ф.А. Насонова, произошедшем 2 сентября 1906 году у села Чер-

навка Кирсановского уезда, и в ограблении в том же уезде Балык-лейского волостного правления, произошедшем в ночь на 25 марта 1908 года.

12 марта 1910 года выездная сессия Саратовской судебной палаты рассмотрела в Тамбове дела о ранении Тихонова и Шипилова: суд постановил лишить мещанина А.С. Антонова «всех прав состояния» и отправить на 6 лет на каторгу.

15 марта в 11 часов утра А.С. Антонов вместе с другими участниками ограбления на станции Инжавино предстал перед Временным военным судом в городе Тамбове, который, по существу, являлся выездной сессией Московского военно-окружного суда. Процесс проходил при закрытых дверях, Антонова защищал присяжный поверенный, тамбовский кадет князь В.П. Ишеев. Все обвиняемые, кроме Поверкова и Любина, признали себя виновными, и в тот же день суд вынес им приговор: Антонов, Ягодкин, Лобков и Рогов были приговорены к смертной казни через повешение; Поверков – к бессрочной каторге, а Любин – к 15 годам каторжных работ.

Никто из приговоренных к смертной казни прошений о помиловании не подал, но приговор не являлся окончательным – он подлежал дополнительному утверждению командующим войсками Московского военного округа. В своем рапорте министру внутренних дел П.А. Столыпину командующий округом генерал от кавалерии П.А. Плеве писал: «Временный военный суд в г. Тамбове 15 сего марта приговорил мещанина Александра Антонова и крестьян Ивана Рогова, Федота Лобкова и Гавриила Ягодкина к смертной казни через повешение, признав их виновными в разбойном нападении 3 ноября 1908 года на станцию Инжавино Рязано-Уральской железной дороги, во время какового нападения из станционной кассы было похищено 4340 руб. 25 коп. Принимая во внимание: 1) полное чистосердечное сознание всех названных осужденных на суде, а трех из них (кроме Антонова) и на следствии, тотчас же по задержании, и 2) то, что во время вышеупомянутого нападения злоумышленниками никому не было причинено никакого физического вреда, признавал бы возможным заменить названным осужденным смертную казнь ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина – без срока, а Рогова и Лобкова – на 20 лет каждого. ...О таковом предположении своем уведомляю Ваше Высокопревосходительство и прошу не отказать в сообщении Вашего по сему предмету мнения».

29 марта премьер-министр Столыпин телеграфировал свой ответ: «Смягчению участи Александра Антонова, Ивана Рогова, Федота Лобкова, Гавриила Ягодкина в предположенном размере

препятствий не встречаю». 4 апреля Плевэ утвердил приговор Военного суда «с заменой мещанину Александру Антонову и крестьянам Ивану Рогову, Федоту Лобкову и Гавриилу Ягодкину смертной казни ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина – без срока, а Рогова и Лобкова – на двадцать лет каждого с установленными законом последствиями и крестьянину Григорию Поверкову ссылки в каторжные работы без срока ссылкой в таковы работы на пятнадцать лет».

В итоге А.С. Антонов оказался на каторге, отбывать которую он начал в самой Тамбовской тюрьме. Еще в июле 1909 года деятельный революционер разработал план побега и обратился в Поволжский обком с просьбой занять ему 700 рублей для подкупа ряда тюремщиков, при том, что письма заключенных перехватывались и дешифровывались тюремщиками. Обком признал побег заключенного «абсолютно невозможным», но это не остановило Антонова: 14 апреля 1910 года он перепилил кандалы и решетку на окне своей камеры № 3, находившейся на первом этаже, и покинул место заключения, однако вскоре был схвачен тюремной охраной. За попытку к бегству и «порчу казенного имущества» (то есть кандалов и решетки) начальник тюрьмы на неделю отправил Антонова в тюремный карцер.

Неделя в карцере не сделала из Антонова образцового заключенного: утром 28 июня 1910 года, находясь в «любимом» карцере № 8, он «умудрился» пробить дыру в потолке и таким образом проник в тюремную церковь, где и был обнаружен охраной. В результате он с первым же каторжным этапом был отправлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму.

24 мая 1912 года А.С. Антонов после скитаний по разным местам заключения оказался во Владимирском центральном (Владимирской временной каторжной тюрьме) и в первый день получил семь суток карцера за «нанесение телесных повреждений» арестанту Вержбицкому. После того как выяснилось, что Вержбицкий «опрометчиво попытался ознакомить новичка с правилами поведения в “своей” камере», Антонов был выпущен из карцера, проведя там всего 18 часов. До конца своего пребывания во Владимирском центральном (то есть до 1917 года) Антонов еще четыре раза попадал в «темный карцер». Тюремная администрация «не совсем справедливо» относилась к Антонову. Так, согласно правилам, кандалы с революционера должны были быть сняты 15 мая 1915 года, однако о самом существовании подобного правила ему было официально объявлено только 23 декабря, а фактически «раскован» Антонов был только 28 мая 1916 года.

После Февральской революции, 4 марта 1917 года, во все тюрьмы и каторги страны пришла телеграмма министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского, согласно которой, все политзаключенные и политкаторжане подлежали немедленной амнистии и выпускались на свободу. А.С. Антонов отправился в Тамбов, где уже 15 апреля стал младшим помощником начальника второй части (районного отдела) Тамбовской городской милиции. 20 мая в ту же часть поступил и его младший брат – Дмитрий, учившийся до Первой мировой войны в Кирсановском мужском приходском училище и призванный в 1916 году в армию.

В новой постреволюционной реальности А.С. Антонов имел связи и политический вес: в частности, первым председателем Тамбовского городского Совета оказался адвокат Антонова на военном суде – князь В.П. Ишеев, в то время как защитник Любина и Поверкова эсер К.Н. Шатов стал комиссаром Временного правительства в Тамбовской губернии. За первые полгода службы Антонов не продвинулся по служебной лестнице, продолжая оставаться младшим помощником. Однако затем был назначен начальником уездной милиции и не позднее 8 ноября 1917 года приступил к исполнению новых обязанностей. Тогда же, в начале ноября он женился на своей недавней знакомой – 25-летней тамбовчанке Софии Васильевне Орловой-Боголюбской, также имевшей связи с бывшим эсеровским подпольем. После свадьбы молодые супруги выехали в Кирсанов.

На момент прибытия Антонова Кирсановский уезд, имевший площадь в 6 тыс. квадратных километров, состоял из четырех районов (37 волостей) и имел в своем составе 438 населенных пунктов с 350 тыс. сельских жителей. В подчинении у Антонова, сделавшего значительную карьеру, были: один заместитель, четыре начальника районных милиций, 37 старших волостных милиционеров, 17 конных и 40 пеших милиционеров, а также канцелярия со штатом из пяти человек.

В уезде активно шла «классовая борьба»: крестьяне громили имения местных помещиков и «богатые» хутора. 1 июня 1917 года городская милиция Кирсанова, попытавшаяся навести порядок в столице уезда, была «разгромлена». Поэтому Антонов начал активную деятельность: он перемещался по уезду, управлявшемуся эсерами и меньшевиками-интернационалистами, с небольшим отрядом конных милиционеров, преследуя шайки местных грабителей и конокрадов. В тот период он «поймал» и знаменитого в тот период на Тамбовщине разбойника и конокрада по прозвищу «Васька Селянский» – «Васька» был крестьянином из села Пахотный Угол Тамбовского уезда (в будущем – командир 8-го Па-

хотно-Угловского антоновского полка), который однако сбежал от конвоя на железнодорожном вокзале при переправке его в Тамбов.

«Самым ярким» событием в милицейской биографии А.С. Антонова стало разоружение нескольких эшелонов с солдатами Чехословацкого корпуса, следовавших через станцию Кирсанов. За данную операцию Кирсановский совет наградил Антонова маузером, «не поинтересовавшись», куда делось отобранное оружие. Антонов его никому не сдавал. По воспоминаниям секретаря Тамбовского губернского комитета РКП(б) Б.А. Васильева-Гольберга, Антонов еще в Тамбове был причастен к похищению трех возов винтовок с территории Тамбовской городской управы и ограблению артиллерийского склада, произошедших в октябре 1917 года. Общие запасы оружия, собранные Антоновым с товарищами, сложно оценить точно.

Б.А. Васильев также считал «большой ошибкой» кирсановских коммунистов, что они, придя к власти в феврале 1918 года, оставили левого эсера А.С. Антонова, который, правда, в заседаниях местных членов партии левых эсеров не участвовал, в должности начальника милиции. Постепенно, по мере укрепления власти большевиков в регионе, единственной вооруженной силой, находящейся вне их контроля, стала кирсановская милиция.

1 апреля А.С. Антонов явился на заседание уездного исполкома, где в «резкой» форме опротестовал арест командира 1-го Кирсановского социалистического полка эсера В.Н. Михневича (бывшего заместителя Антонова) и «недвусмысленно» пригрозил освободить его насильно. В ответ исполком под председательством большевика И.М. Авербаха отказался немедленно освободить арестованного, но дал обещание быстро разобраться в «деле» и единодушно выразил «полное доверие» кирсановской милиции. В конце апреля Антонов заявил исполкому, что отказывается работать «за такую мизерную зарплату», составлявшую в те годы 425 рублей в месяц: исполком, в котором все еще было сильно влияние как эсеров, так и кадетов, поднял оклад до 500 рублей, на что Антонов ответил, что «примет эту подачку», лишь, если одновременно зарплата будет повышена всем его подчиненным. Исполком согласился на это требование.

После этого Антонов стал часто появляться в селах Иноковка и Инжавино у начальников милиции третьего и четвертого районов – И.С. Заева и В.К. Лощина. Заев и Лощина помогали Антонову прятать в «глухих уголках» южной части Кирсановского уезда оружие, отобранное у чехословаков, фронтовиков и уголовников: «схроны» организовывали преимущественно между селами Иноковка и Чернавка в труднодоступных лесах и болотах по берегам

реки Вороны и в юго-западной части уезда. Во время данных «манипуляций» Антонов познакомился с будущим командиром Второй партизанской армии Тамбовского края П.М. Токмаковым, который в тот момент являлся рядовым милиционером конного отряда третьего района.

11 апреля 1918 года в Кирсанове, где до начала года не было серьезной большевистской организации, была создана уездная ВЧК, которую возглавил коммунист-фронтовик К.Н. Сатанин, а затем большевик-железнодорожник П.В. Овчинников. «Едва ли не с первого дня своего существования Кирсановская ЧК (почти сплошь большевистская) начала “копать” под уездную и городскую милиции (почти сплошь левозэсеровские)». После левозэсеровского мятежа в Москве отношения милиционеров и чекистов только ухудшились, и в начале второй половины июля 1918 года А.С. Антонов ушел – с официального разрешения своего начальства – в месячный отпуск: вместе с женой он уехал в бывшее помещичье имение Дашково, располагавшееся в 10 километрах севернее Инжавина.

14 августа в Кирсановской уездной ЧК, пополнявшейся, как и вся партия В.И. Ленина, во многом за счет возвращавшихся с войны солдат, произошла смена руководства: вместо П.В. Овчинникова, уволившегося по собственному желанию, председателем был назначен его заместитель П.С. Зудин. Фактически же руководителем на несколько дней оказался Г.Т. Меньшов, бывший сотрудник уездной милиции, которого Антонов уволил за пьянство (в декабре 1918 года он также будет уволен и из ЧК). По версии Меньшова, опубликованной в 1923 году, уже 15 августа чекисты нашли потерянный портфель, в котором находилась переписка эсеров о подготовке ими контрреволюционного заговора при поддержке местной милиции и «планового террора на ответственных работников». Получив данный «материал», Меньшов командировал взвод из состава Карательного отряда для задержания Антонова, которого найти не удалось. В Иноковке чекисты упустили Токмакова, который «16 августа скрылся неизвестно куда, захватив с собой наган». Сбежал и начальник Кирсановской городской милиции Н.Г. Гридчин.

Новый уездный комиссар внутренних дел Т. Климов в конце августа издал приказ об освобождении начальника Кирсановской уездной милиции А.С. Антонова от занимаемой должности «за неявку из отпуска». Документы, компрометировавшие Антонова, в современных архивах обнаружены не были.

А.С. Антонов, судя по всему, поехал в Самару, где его знакомый по Тамбовской тюрьме В.К. Вольский возглавил Комитет членов

Учредительного собрания (Комуч), в июне 1918 года объявивший себя временной властью на территории Самарской губернии. К августу Комуч распространил свою власть на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губернии. Но 19 ноября Съезд членов Учредительного собрания, переехавший сначала в Уфу, а затем в Екатеринбург, был разогнан сторонниками адмирала А.В. Колчака. Антонов, даже если он и хотел оказаться в числе защитников Комуча, был вынужден возвратиться в свой Кирсановский уезд.

Накануне возвращения А.С. Антонова по Тамбовской губернии прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний, причем сильнейшее восстание произошло как раз на границе Кирсановского и Моршанского уездов – в районе сел Рудовка, Вышенка, Никольское, Глуховка. Окончательно возмущение властям удалось подавить только 20 ноября (с использованием армии). Антонов был объявлен главным подстрекателем и руководителем крестьянского восстания в районе Рудовки: местные коммунисты на своей районной партийной конференции не только заклеили позором «лжесоциалиста Антонова», но и приговорили его к смерти: среди делегатов нашлись добровольцы, изъявившие желание лично привести приговор в исполнение.

В период с декабря 1918-го по январь 1919 года Антонов создает и вооружает Боевую дружину, состоявшую из 10–15 человек, в числе которых оказались и шурин А.А. Боголюбский, и Токмаков, и младший брат Дмитрий. В дружине, в целом состоявшей из доверенных людей, был и старый знакомый Антонова по эсеровскому (дореволюционному) подполью, будущий глава Тамбовского (антоновского) эсеровского губкома И.Е. Ишин, сын зажиточного крестьянина-хлебороба, владевшего 28 десятинами пахотной земли.

А.С. Антонов первым делом расправился с теми коммунистами, которые на партконференции вызвались его убить. Одновременно он занялся и привычными ему «экспроприациями» – на этот раз советских учреждений. В частности, «дружинники» ограбили Утиновский (Верхне-Шибряйский) сельсовет, располагавшийся в северной части Борисоглебского уезда, а также Золотовский волостной исполком в Кирсановском уезде, убив четырех коммунистов. Вечером 1 декабря 1919 года антоновцы ограбили Инжавинское районное продуправления, расстреляв трех коммунистов и одного австрийского военнопленного.

Численность дружины постепенно увеличивалась, и к середине лета 1919 года в ее рядах было уже около 150 хорошо вооруженных и дисциплинированных боевиков: в основном это были

лица, придирчиво отобранные Антоновым после двухтысячного митинга дезертиров из РККА, организованного им самим у села Трескино. С «зажигательной речью и горячими призывами» перед собравшимися выступил заместитель Антонова «по пропаганде и агитации» Ишин. Под Трескином в ночь на 11 июня антоновцы также убили инструктора отдела управления Кирсановского уездного исполкома Бутовского и уполномоченного ВЧК Б.Н. Шлихтера. Всего же за лето 1919 года только в одном Кирсановском уезде дружинниками Антонова были убиты около 100 членов коммунистической партии.

Поскольку А.С. Антонов не проявлял активности в самом Кирсанове и с учетом недостатка сил у большевистских властей, борьба с ним в тот период велась «довольно пассивно». Созданный 3 июля 1919 года уездный Ревком попытался исправить ситуацию и объявил регион на военном положении. 5 июля Ревком издал приказ о сдаче оружия населением: «Всем гражданам, имеющим оружие, за исключением членов РКП(б), под страхом расстрела на месте приказывается в 24 часа сдать таковое в Кирсановский уездный военный комиссариат».

26 июля уездный Ревком в приказе о взятии заложников из числа «кулаков» отмечал: «В результате пассивного отношения к делу защиты революции наблюдается, что контрреволюция во всех своих проявлениях подняла голову. Участились случаи преследования коммунистов на местах. Разбойничьи банды открыто разгуливают по уезду, дезертиры массами скрываются по селам и окрестностям, а местная власть смотрит пассивно на такие явления и, благодаря своей пассивности и расхлябанности, часто не в силах бороться с этим “гнилым нарывом” революции. Контрреволюционеры и бандиты всех мастей в своих грязных замыслах дошли до того, что открыто делают вооруженные нападения на честных и преданных делу революции товарищей, поджигают дома коммунистов, вытаптывают засеянные поля их семей...».

В начале осени 1919 года Кирсановский военревком, который в тот период возглавлял председатель уездного исполкома В.А. Зайцев, сформировал специальный отряд для борьбы с дружиной Антонова, занятой истреблением в регионе всех лиц, сотрудничавших с советской властью, – но почти сразу по формировании данного отряда приказом губернского Ревкома он был вызван в Тамбов и отправлен на фронт Гражданской войны.

14 октября 1919 года у деревни Чернавка, в южной части Кирсановского уезда, на озере Ильмень, дружинниками Антонова были убиты приехавшие поохотиться на уток бывший председатель Тамбовского Губернского исполкома М. Чичканов, недавно поки-

нувший этот пост, и ответственный работник губернского совконтроля С. Клоков. Находившийся вместе с коммунистами беспартийный тамбовский аптекарь Д. Ключенков остался жив, хотя и был избит антоновцами, «чтобы в другой раз знал, с кем и куда ездить на охоту».

На убийство представителя номенклатуры ЦК РКП(б) власти, которые ранее относительно слабо разыскивали дружинников, отреагировали незамедлительно: в район Инжавино были направлены части из чекистов, милиционеров и красноармейцев, общее руководство которыми осуществлял будущий начальник Кирсановской уездной милиции М.С. Маслаков. В дополнение к ним председатель Тамбовской губчека И.И. Якимчик направил в район ряд своих сотрудников с заданием проникнуть в дружину Антонова и «уничтожить главаря банды». Операции по ликвидации Антонова находились под личным контролем командующего внутренними войсками К.М. Волобуева и начальника Особого отдела ВЧК, руководителя советской военной контрразведки М.С. Кедрова, который лично прибыл со своим поездом в Кирсанов.

Кедров затребовал из Саратова специальный отряд по борьбе с бандитизмом в составе 200 штыков, 50 сабель и 2 пулеметов, а также послал в местные леса двух своих сотрудников для непосредственного убийства Антонова. В результате дружина и местное население понесли серьезные потери (десятки были расстреляны, а сотни оказались в советских концентрационных лагерях), но добраться до самого Антонова или его ближайшего окружения так и не удалось. Б.А. Васильев позднее писал, что большевистские власти «столкнулись с тем фактом, что Антонова изловить дьявольски трудно, так как он имеет своих людей всюду, вплоть до партийных комитетов и органов Чека». Чекист М.И. Покалюхин добавлял: «Хитрость Антонова и покровительство ему со стороны кулачества спасли его. Вообще нельзя отказывать Антонову в твердости характера, находчивости, умении ориентироваться и большой храбрости. Все это давало ему возможность не раз уходить из наших рук».

О двух случаях, когда поимка Антонова была близка, сообщал в своих воспоминаниях И.А. Климов, служивший в 1919 году начальником Кирсановской уездной милиции:

«В конце 1919 года в Иноковке, в доме Токмакова, были выслежены Токмаков с Антоновыми. Местные коммунисты и милиция окружили дом. На вызов никто не выходил, и двери были заперты. Тогда принесли керосин и зажгли дом. На пожар собралась толпа крестьян. Вдруг открылись 3 окна, из которых

полетели бомбы. Среди толпы поднялась суматоха. Из дома выскочили Антонов, его брат и Токмаков, начали бросать во все стороны бомбы и, очищая себе таким образом путь, скрылись».

Второй случай имел место в том же, 1919 году:

«...инжавинскому предволкомпарту тов[арищ] Полатову было сообщено, что Антонов с братом и Токмаковым остановились ночевать в одной хате. Тов[арищ] Полатов собрал человек 15 членов партии и часов в 11 вечера – очень темного – отправился на облаву. Окружили дом. Тов[арищ] Полатов был слишком горяч – подошел к двери и стал стучать, чтобы отпирали. Дверь отворилась, показавшийся в дверях Антонов сделал два выстрела. Полатов тут же упал, цепь спуталась, и Антонов убежал в лес, где и скрылся. Товарища Полатова тут же положили на повозку и направили в Карай-Салтыковскую больницу с хозяином этого дома, без охраны. Хозяин скрылся, а товарищ Полатов умер».

Помимо физического, на Антонова началось и моральное давление: его обвиняли в «зверских» убийствах «безвредных деревенских идеалистов в лице членов Коммунистической партии», в число которых включали и Полатова. В итоге Антонова «поставили в один позорный ряд» с главарем уголовной банды Колькой Бербешкиным. После этого революционер «в несколько дней» выследил банду Бербешкина, полностью истребил ее, и 18 февраля 1920 года он отправил начальнику Кирсановской уездной милиции письмо, в котором объявил себя политическим противником коммунистов и сообщил о «ликвидации» Бербешкина, указав местонахождения тела: «Желание коммунистов очернить нас перед лицом трудящихся – плохо удастся, надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех... О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета РКП».

В ответ кирсановские «Известия» опубликовали статью «Ответ на письмо Антонова, присланное им на имя начальника Кирсановской усовмилиции», в котором говорилось, что «карающая рука пролетариата, победившего мировую контрреволюцию, быстро раздавит вас, пигмеев, своим железным кулаком».

После обмена письмами с властями Антонов «притих», что уже в марте было воспринято как повод для отзыва сессии Губчека в Тамбов. Революционер же сменил область деятельности: он стал создавать в деревнях сеть будущих повстанческих «местных штабов» – деятельность которых, возможно, была связана с необходимостью создания политической цели для членов дружины. Когда вслед за Антоновым «неотвратимость надвигающегося восстания поняли и тамбовские эсеры», то при попытке создавать в селах свои нелегальные партийные ячейки они «с удивлением»

обнаружили во многих деревнях уже готовые антоновские «штабы». Переговоры представителей ПСР с Антоновым, состоявшиеся по данному поводу, завершились объединением организаций в формально беспартийные «союзы трудового крестьянства».

В начале августа 1920 года стали известны точные объемы продразверстки для Тамбовской губернии, которые многими были восприняты как «заведомо невыполнимые», в особенности это касалось Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов, пострадавших от засухи. 21 августа крестьяне села Каменка Тамбовского уезда, расположенного вблизи железной дороги, разгромили продотряд, увозивший хлеб, а затем – и попытавшийся помочь продотряду спецотряд по борьбе с дезертирством. В тот же день к Каменке присоединились и близлежащие села. Но уже к вечеру 24 августа восстание было практически подавлено – Каменка занята крупным отрядом правительственных сил. И именно в этот вечер сюда с дружиной прибыл Антонов, который узнал, что в Тамбове на состоявшейся накануне экстренной конференции ПСР признала восстание преждевременным.

Уже 25 августа А.С. Антонов, до этого полагавшийся преимущественно на личные контакты с небольшим числом крестьян региона, «принял на себя» руководство восстанием: он приступил к вооружению населения из своих тайников-«схронов». Утром 30 августа 1920 года в Каменском районе началось новое восстание, получившее впоследствии название «антоновщина».

14 ноября 1920 года, преодолев сопротивление командиров отдельных повстанческих отрядов, Антонов сумел создать единый центр руководства восстанием, который получил название «Главный оперативный штаб». Его начальником тайным голосованием на альтернативной основе был избран сам Антонов, которого до этого только изредка упоминали в провинциальной прессе. К февралю 1921 года, на пике восстания, в регионе существовало около 20 повстанческих полков, сгруппированных в две «партизанские армии Тамбовского края»: Первую и Вторую. Они были разгромлены только в конце мая – начале июля, в ходе ожесточенных сорокадневных боев с регулярной Красной Армией.

Большую роль в подавлении восстания сыграла и отмена продразверстки – переход к нэпу. Известие о конце политики военного коммунизма застало Антонова под Тамбовом – в селе Горелое. В ответ на радостные крики местных крестьян «Мы победили!», Антонов грустно сказал: «Да, мужики, победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцам-командирам, теперь крышка».

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии А.В. Павлов (предшественник М.Н. Тухачевского) объявил всех команди-

ров повстанческих частей (от взвода и выше) «вне закона». Через месяц всем рядовым антоновцам, ради сохранения дисциплины которых начштаба даже ввел телесные наказания, было предложено, под страхом репрессий в отношении их семей, «немедленно прекратить сопротивление, явиться в ближайший штаб Красной армии, сдать оружие и выдать своих главарей».

Репрессии действительно имели место: в частности, с 1 июня по 10 июля в концлагеря и в северную ссылку были отправлены до 1500 семей повстанцев. Практика расстрела заложников в самих селах, классифицированных советскими властями как «злобнобандитские», приносила свои плоды: в частности, крупная группа заложников (80 человек) была расстреляна в селе Паревка Кирсановского уезда, после чего сдались остатки Особого полка антоновцев («гвардия» восставших) во главе со своим командиром Я.В. Санфировым. В июле–сентябре 1921 года сдались еще 6 командиров полков.

А.С. Антонов лично участвовал в боях в губернии и был трижды ранен. Первое ранение он получил 18 сентября 1920 года в бою под селом Афанасьевка Тамбовского уезда: пуля «чиркнула» ему по щеке, оставив небольшой шрам. В том же месяце Антонов был ранен второй раз – пуля настигла его в селе Золотовка Кирсановского уезда, где он с соратниками был неожиданно окружен в одном из домов 2-м взводом эскадрона имени Л.Д. Троцкого: «штабисты» Антонова продержались до темноты, а затем, используя гранаты, прорвались из окружения. Сразу несколько красноармейцев видели, как во время боя пуля «вырвала большой кусок правого рукава кожаной тужурки Антонова»: позднее подтвердилось, что он действительно был ранен в правую руку, которая начала постепенно сохнуть. 6 июня 1921 года во время «бегства» из пензенского села Чернышево начальник Главоперштаба был ранен в третий раз – в голову, по касательной. За этот бой шофер бронемашин М. Соловьев, указавший на Антонова пулеметчикам, получил орден Красного Знамени. О ранении Антонова немедленно сообщили почти все тамбовские газеты.

В середине июня 1921 года неподалеку от села Трескино Кирсановского уезда Антонова обнаружили и атаковали красные курсанты: после короткого боя восставшие «рассеялись», а преследуемые конными курсантами Антонов и четверо его сподвижников оказались в самом селе, где размещался штаб сводной курсантской бригады. Заметив пятерых мятежников и узнав в одном из них самого Антонова, командир бригады и еще около 20 красных штабистов и курсантов вскочили на коней и бросились на перехват. «Многоверстная» скачка со стрельбой окончилась безрезультатно, поскольку «кони преследуемых оказались резвее».

В начале июля 1921 года Антонов, в соответствии с указаниями которого повстанцы ранее жестоко расправлялись с пленными коммунистами и бойцами продотрядов в регионе, отдал приказ повстанческим командирам, содержащий указание о прекращении открытой вооруженной борьбы: командирам предписывалось сохранять людей и оружие и дожидаться момента, когда про-большевистские оккупационные части (120 тыс. человек) будут выведены из пределов голодающей губернии. В.И. Ленин посчитал необходимым ознакомить Политбюро РКП(б) с данным приказом.

30 июля 1921 года органам ВЧК стало известно местоположение А.С. Антонова: с отрядом в 180 человек он скрывался в районе озера Змеиное в Кирсановском уезде. 2 августа данный труднодоступный район, состоявший из множества болот и озер, был блокирован курсантами и отборными частями РККА. На следующий день курсанты дважды пытались добраться до Змеиног озера, но оба раза были остановлены сильным ружейно-пулеметным огнем. 4 августа район озера подвергся артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха, что деморализующе действовало на окруженных: утром следующего дня завязался новый бой, и к вечеру половина антоновского отряда погибла, а половина попала в плен. Однако сам Антонов, чья деятельность уже не находила прежней поддержки в крестьянской среде, сумел уйти: он спрята-лся в одном из заранее подготовленных «схронов» внутри озер-ных кочек (из которых была выбрана земля), и наступавшие кур-санты буквально прошли над ним. Узнав об этом, командование красных решило 7 и 8 августа повторить зачистку местности: Ан-тонов приказал своему денщику Алешке и пятерым рядовым пов-станцам сдаться, а в это время адъютант Антонова И.А. Старых, Востриков и братья Антоновы зашли по горло в озеро, в густые заросли тростника и затаились. После снятия с озера оцепления братья Антоновы выбрались из воды и скрылись.

Непосредственное руководство новым розыском Антонова осуществлял начальник секретного отделения Тамбовской губче-ка С.Т. Полин, отзывавшийся позже о своем противнике как о че-ловеке «с громадной бандитской наглостью и смелостью». Еще осенью 1920 года тамбовские чекисты провели операцию «Сест-ра»: 6 октября в Моршанске была арестована жена Антонова. В обмен на свое освобождение, состоявшееся 22 октября, она на-писала Антонову записку с просьбой встретиться в Тамбове, в доме ее матери. Однако Антонов на встречу не поехал, а написал корот-кую ответную записку, в которой «пожурил» супругу за попытку оторвать его от руководства восстанием: «крутом война, за кото-рую в некоторой степени ответственность ложится на меня».

В марте 1921 года поиском Антонова занялся отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК, который возглавлял Т.П. Самсонов. Самсонов решил «выманить» Антонова в Москву, на «Съезд руководителей повстанческих армий»: главным действующим лицом операции стал известный в регионе эсер Е.Ф. Муравьев, засланный к антоновцам под видом члена ЦК партии левых эсеров, а сама операция находилась под личным контролем Ф.Э. Дзержинского. За полтора месяца, что Муравьев находился в стане мятежников, он сумел добыть ценную разведывательную информацию о 2-й антоновской армии. Кроме того, Муравьев отправил в руки ВЧК руководителя повстанческой контрразведки Н.Я. Герасева, главного антоновского агитатора – И.Е. Ишина, резидента антоновцев в Тамбове Д.Ф. Федорова, П.Т. Эктова, являвшегося заместителем Антонова по Главоперштабу, а также группу из 18 повстанцев. Все они, за исключением Эктова, согласившегося сотрудничать, были расстреляны как «неисправимые враги советской власти». Спустя год Эктов был застрелен неизвестным на одной из тамбовских улиц.

7 мая 1922 года А.Г. Кудрявцева (секретная сотрудница ГПУ «Миронова») написала донесение, что ей удалось обнаружить Антонова. На первом же допросе арестованный как Антонов мужчина на вопрос чекистов: «Ну что, Антонов, – попался?» – ответил по-украински: «Який я вам Антонов? Я – Коваленко!». При этом четыре человека, ранее знавшие Антонова лично, единодушно признали в арестованном Коваленко бывшего руководителя тамбовских повстанцев, и только в Тамбове, куда был доставлен подозреваемый, еще из десяти человек, знакомых с А.С. Антоновым, девять категорически заявили, что «показанный» им человек не Антонов, а «гражданин имеющий громадное сходство с начальником Главоперштаба и руководителем партизанского движения Тамбовского края». Дальнейшие следственные мероприятия подтвердили, что арестован был крестьянин села Еловатка Еланского уезда Саратовской губернии А.И. Коваленко, которого отпустили 14 июня.

Точное местопребывание А.С. Антонова до мая 1922 года оставалось неизвестным. ВЧК обнаружила его в лесу на границе Кирсановского и Борисоглебского уездов благодаря сведениям, полученным от бывшего тамбовского эсера-железнодорожника Фирсова: в конце мая к Фирсову с просьбой достать остродефицитный в тот период хинин обратилась учительница из села Нижний Шибряй С.Г. Соловьева; она также сообщила, что хинин нужен Антонову, страдающему от малярии. Пообещав Соловьевой достать лекарство, Фирсов отправился к заместителю начальника Тамбовского губотдела ГПУ С.Т. Полину.

Была создана группа захвата во главе с начальником отдела по борьбе с бандитизмом М.И. Покалюхиным, который 14 июня вместе с четырьмя оперативниками выехал в село Уварово, в двух километрах от Нижнего Шибряя. В район были также отправлены бывшие повстанцы, ставшие теперь «бандагентами», которые знали Антонова.

24 июня были получены сведения, что Антонов с братом был ночью в доме Н. Катасоновой в Шибряе и остался там дожидаться следующей ночи. Переодевшись под бригаду плотников-шабашников, с топорами и пилами (карабины – в мешках, револьверы – под рубахами) группа захвата в составе девяти человек отправилась в Нижний Шибряй. Около восьми часов вечера восемь «плотников» и начальник милиции Кунаков пришли на дальнюю нижнешибряйскую окраину, где стоял дом Катасоновой. Дом окружили и вскоре в проеме дверей заметили одного из братьев Антоновых. А.С. Антонов разглядел среди стреляющих в него людей знакомые лица, перешедшие теперь на другую сторону, и «принялся их стыдить». Покалюхин приказал поджечь дом и усилить обстрел окон: Антоновы были вынуждены покинуть дом, но «меткие выстрелы» уложили их в сотне метров от тамбовского леса, в котором до этого они не раз спасались. Спустя около десяти минут, «выпустив по месту падения Антоновых не один десяток пуль и не получив ни одной в ответ», Покалюхин решил подойти к телам.

Точное место захоронения Александра и Дмитрия Степановича Антоновых неизвестно: их тела привезли в Тамбов, в бывший Казанский монастырь, где размещался губернский отдел ГПУ.

16 июля 1921 года командующий войсками Тамбовской губернии во время восстания М.Н. Тухачевский писал В.И. Ленину о главных факторах, помешавших вначале подавить Тамбовское восстание: среди них были «скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова». Характеристики Антонова, составленные военачальниками Красной Армии, содержали такие эпитеты, как «недюжинная фигура с большими организаторскими способностями», «энергичный, опытный партизан» и так далее. ВЧК отмечала отличную постановку Антоновым разведывательного дела у тамбовских повстанцев и незаурядные конспираторские способности самого начальника штаба.

Александра Антонова не раз ставили в один ряд с руководителями крупнейших крестьянских восстаний: Иваном Болотниковым, Степаном Разиным, Кондратием Булавиным и Емельяном

Пугачевым. И в то же время о нем не складывали песен, как о Стеньке Разине, а советский термин «бандит» скоро вытеснил из памяти жителей региона образ партизана, боровшегося за интересы крестьянства.

БУЛАК-БАЛАХОВИЧ Станислав Никодимович (1883–1940)

Станислав Никодимович Булак-Балахович (настоящая фамилия Балахович) происходил из крестьян Ковенской губернии. Участвовал в Первой мировой войне. Получив в 1915 году свой первый офицерский чин корнета, быстро продвигался по службе, стал командиром особого эскадрона. В том же году его эскадрон влился в отряд Особой важности при главнокомандующем Северным фронтом.

В 1918 году, после расформирования отряда, С.Н. Булак-Балахович вступил в ряды Красной Армии. По приказу наркомвоенмора Л.Д. Троцкого конный полк под его командованием участвовал в подавлении крестьянских восстаний. Жестокость по отношению к крестьянам и казнокрадство привели к аресту Балаховича. Это послужило причиной его перехода к белым в ноябре 1918 года.

Весной 1919 года С.Н. Булак-Балахович был произведен в полковники. Вскоре началось общее наступление Северного корпуса. Балахович возглавил силы, действовавшие на вспомогательном гдовско-псковском направлении. Через несколько дней войска Балаховича вступили в Псков. Грабежи и виселицы навсегда погубили репутацию Балаховича среди крестьянского мира. За 40–50 верст от Пскова крестьяне с суровым неодобрением рассказывали о его казнях на псковских площадях.

22 января 1920 года генерал Н.Н. Юденич объявил о роспуске своей армии, а в ночь на 29 января С.Н. Булак-Балахович в сопро-

вождении нескольких своих партизан и эстонских полицейских арестовал генерала в его номере гостиницы «Коммерс» в Ревеле (Таллин). После вмешательства французской и английской военных миссий Юденич был освобожден, и был выдан ордер на арест Балаховича. Атаман сумел скрыться.

В феврале 1920 года С.Н. Булак-Балахович с согласия Ю. Пилсудского в чине генерала поступил на службу в польскую армию и сразу же приступил к формированию своей добровольческой армии. В июне 1920 года Партизанская Белорусская дивизия Булак-Балаховича вступила в бои с большевиками. 30 июня она нанесла тяжелое поражение красным частям в районе железнодорожной станции Словечно. В ходе боев атаман практиковал свою излюбленную тактику партизанского боя. В сентябре 1920 года его дивизия вышла в тыл противника и захватила город Пинск.

После заключения мирного договора Польши с Советской Россией С.Н. Булак-Балахович сформировал Народно-добровольческую армию (НДА), получившую от польского командования статус «особой союзнической армии». Но сам Балахович часто называл себя батькой Партизанской Зеленой крестьянской армии.

В октябре 1920 года по требованию польского Сейма армия С.Н. Булак-Балаховича покинула Польшу и всеми силами ударила по Белоруссии, занятой большевиками. 14 ноября Балахович провозгласил себя главнокомандующим Вооруженными силами Белоруссии и приказал сформировать Белорусскую Народную армию (в составе Крестьянской дивизии атамана Искры, отрядов «Зеленого дуба»). На территории Белоруссии прошла серия грабежей и погромов среди еврейского населения. Только в Мозырском уезде было ограблено 20 550 человек, убито свыше 300, изнасиловано более 500 женщин.

В ноябре 1920 года северо-западнее Мозыря частям Красной Армии удалось нанести серьезное поражение войскам Булак-Балаховича, а 5 декабря из Польши было получено радиосообщение: «26 ноября ночью остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской России, специально для этого прибывшего».

С.Н. Булак-Балахович получил от Ю. Пилсудского звание генерала польской армии и лесную концессию в Беловежской Пуще, где работниками были бывшие члены его отряда. После оккупации Польши Третьим Рейхом пытался организовать партизанский отряд для борьбы с нацистами. Был убит в Варшаве 10 мая 1940 года немецким патрулем.

ГЛАДЧЕНКО Трифон Федорович (1891–1920)

Трифон Федорович Гладченко родился 1 февраля 1891 на хуторе Чувилино (ныне село Чувилино Солонянского поселкового совета) в семье зажиточного хуторянина Федора Гладченко и его жены-красавицы Марии. Кроме Трифона, в семье росли братья Александр, Иван и Никифор, тоже красавцы.

Получив образование в Сурско-Михайловском двухгодичном училище, Т.Ф. Гладченко в августе 1907 года поступил в Новобугскую учительскую семинарию и уже во втором классе семинарии обнаружил свой бунтарский характер – выступил против исключения из семинарии одноклассника Василия Кириченко. Того отчислили за плохое поведение и успеваемость, политических мотивов не было. Гладченко заявил, что без Кириченко он учиться в семинарии не будет. 12 мая 1909 года Гладченко был исключен из семинарии с баллом за поведение «3» как нежелающий подчиняться общеобязательным правилам семинарской жизни и за выдвижение неприемлемых требований педагогическому совету.

Тем не менее Т.Ф. Гладченко смог устроиться работать сельским учителем на Волыни. Руководил драматическим кружком в Диёвке под Екатеринославом. Ставил пьесы Карпенко-Карого, принимал активное участие в деятельности общества «Просвита». После начала Первой мировой войны был мобилизован в армию, на фронте дослужился до поручика,

В 1917–1921 годах Т.Ф. Гладченко стал одной из самых заметных фигур украинского освободительного движения на Екатеринославщине, создал отряд, базировавшийся в селе Сурско-Михайловка (ныне Солонянский район).

В 1919 году Т.Ф. Гладченко становится заместителем атамана «казачьих повстанческих войск». Командовал повстанческим батальоном, подчиненным Н.И. Махно, хотя последний никогда полностью не доверял Гладченко, считая его «петлюровцем».

В ноябре 1919 года Гладченко – заместитель атамана Екатеринославского коша, впоследствии – атаман Вольноказацкой повстанческой группы Екатеринославщины. Он называл себя анархистом, но ни к одной анархистской организации так и не примкнул.

В 1920 году немало повстанцев вступало в ряды Красной Армии. И с Т.Ф. Гладченко произошло то же самое – в селе Сурско-Михайловке он перешел к красным. Однако очень скоро он предал Красную Армию, продолжив с со своим отрядом нападать на деревни и даже города, убивать представителей советской власти.

В конце 1920 года отряд Т.Ф. Гладченко насчитывал до 2 тыс. воинов, а сам он стал одним из атаманов Холодноярской республики. Это повстанческое квазигосударственное образование, входившее в состав Украинской народной республики и существовавшее с 1918-го по 1922 год, было провозглашено на территории Чигиринского уезда Киевской губернии, в районе лесного массива Холодный Яр (ныне Чигиринский район Черкасской области Украины). Бойцом отряда, в частности, какое-то время был украинский писатель М.Г. Минько, отразивший виденное в одном из своих рассказов «Перед наступлением». 9 декабря 1937 года, находясь под арестом в НКВД, Минько в своих показаниях свидетельствовал, что добровольно вступил в партизанский отряд Т.Ф. Гладченко, который поначалу боролся против А.И. Деникина. По его словам, организовывался отряд именно как партизанский, однако вскоре Гладченко на одной из тачанок установил желто-голубое знамя.

В конце 1920 года Т.Ф. Гладченко был схвачен и расстрелян ЧК.

ГРИГОРЬЕВ
Николай Александрович
(1885–1919)

Настоящая фамилия Николая Александровича Григорьева, которую он никогда не употреблял, – Серветник. Семья будущего атамана в начале XX века переехала из Подолья в соседнюю Херсонскую губернию, в село Григорьевка. Молодой Николай Серветник тогда и поменял свою фамилию на более благозвучную.

1905 год застал 20-летнего Н.А. Григорьева в казачьих войсках на «сопках Маньчжурии», где шла война с Японией. Там он обретает тягу к сражениям и крови, опыт кавалериста, отличается в боях. После окончания Русско-японской войны Григорьев демобилизуется и возвращается на Херсонщину. Восемь долгих последующих лет его кипучая энергия не находит выхода. Он служит в полиции уездного городка Александрии.

С началом Первой мировой войны Н.А. Григорьев служит прапорщиком 56-го пехотного полка на Юго-Западном фронте. Он показал себя смелым и опытным бойцом, был награжден за храбрость Георгиевским крестом и дослужился до чина штабс-капитана.

После Февральской революции Н.А. Григорьев некоторое время возглавляет учебную команду 35-го полка, расквартированного в Феодосии, с осени 1917 года служит в гарнизоне Бердичева (Житомирская губерния). Он нравился солдатам своей бесшабашностью, вечной нетрезвостью и простотой во взаимоотношениях. «Красный» командующий В.А. Антонов-Овсеенко замечал, что «Григорьев держит в страхе своих подчиненных, тяжел на руку и скор на расправу... честолюбив, обладает военным талантом». А вот руководство одесских большевиков отзывалось об атамане как о «самодуре и авантюристе».

Н.И. Махно так описывал атамана: «... крепкий, приземистый человек, который говорил в нос, грубый, самонадеянный, с некрасивым тупым лицом, что вечно ругал “жида” Троцкого». Адьютант Махно добавлял, что атаман был «излишне разговорчив и

хвастлив, хотя чувствовалось, что сам себе на уме и властен». К этим описаниям необходимо добавить, что Н.А. Григорьев имел малопривлекательное лицо монголоидного типа, узенькие карие глаза и сизый нос любителя крепких напитков.

Подробно «подвиги» и «боевой» путь Н.А. Григорьева и возглавляемых им повстанцев раскрыты в книге II (часть 1, глава 5, § 4).

ГУЛЫЙ-ГУЛЕНКО Андрей Алексеевич (1886–?)

Андрей Алексеевич Гулый-Гуленко родился в крестьянской семье, закончил школу лесоводства, школу прапорщиков, воевал на фронтах Первой мировой, к 1917 году дослужился до звания штабс-капитана.

После Февральской революции весной 1917 А.А. Гулый-Гуленко был выбран в дивизионный комитет, а оттуда – в революционную раду Румчерод – сокращение от «Румынский фронт, Черноморский флот и Одесский округ». Затем стал делегатом Всеукраинского военного съезда в Киеве. Вернувшись из украинской столицы, Гулый-Гуленко оказался членом Украинской рады в Одессе, которая выполняла функции гражданской власти и одновременно занималась формированием национальных военных частей. Дважды Гулый-Гуленко был арестован: сначала представителями гетмана П.П. Скоропадского, затем – деникинцами.

В полной мере проявить свои военные способности ему удалось в 1919 году. А.А. Гулый-Гуленко создает повстанческий отряд в окрестностях Елисаветграда (совр. Кропивницкий), борется с «белыми», «черными» и «красными» – Добровольческой армией А.И. Деникина, анархистскими отрядами Н.И. Махно и регулярными частями большевиков и их сторонниками.

«Пробравшись в Елисаветград, я приступил к организации повстанческого комитета по всему району вплоть до Ясиноватой, –

рассказывал впоследствии Гулый-Гуленко на чекистском допросе. – Крестьяне были возмущены политикой Деникина, и организация восстаний была чрезвычайно удачной по всему району. Выполнив свое задание, я поехал с докладом в Центральный повстанческий комитет. В то же время началась открытая борьба с Деникиным. Получив новое задание розлагодить тыл Деникина, сформировав отряд из нескольких сот человек, я начал оперировать в районе Чигирин – Знаменка – Користовка – Пятихатка. Восстания происходили чрезвычайно легко, и этот момент считают периодом расцвета повстанчества. В моем районе я был в буквальном смысле слова хозяином положения».

8 ноября 1919 года А.А. Гулый-Гуленко во главе отряда из 300 повстанцев, вооруженных двумя пушками и десятком пулеметов, пробился в направлении Холодного Яра на Черкашине. Удерживал железную дорогу вплоть до Екатеринослава (совр. Днепр). Несколько дней под его контролем находился и Елисаветград. «Переезжая из села в село, повстанцы будили народные массы, призывая их к вооруженной борьбе с врагом, и присоединяли к себе людей сотнями», – рассказывал подполковник УНР А. Доценко.

К «владениям» Гулого-Гуленко подходили войска УНР, которые маневрировали по тылам белогвардейцев и красных – позднее этот рейд назовут Первым зимним походом. Встреча произошла 26 января 1920 года в большом селе Владимировка – 22 км от Елисаветграда. «Это соединение двух национальных сил: одних, что являлись войовниками на месте, и вторых – нас, из регулярной армии, отразилась на обеих сторонах очень хорошо, – вспоминал командующий армии УНР М.В. Омельянович-Павленко. – Дом, где состоялась эта встреча, напоминала шумный улей. Здесь все гудело от разговоров и восклицаний, потому что встретились старые товарищи по оружию, по современной борьбе, а даже нашли и родные. Впечатление от организованности гулівців было чрезвычайное: партизаны имели бравый казацкий вид, в хорошем военном облачении со всеми национальными отличиями: шлыками, лентами. Вооружению партизан тоже можно было позавидовать, ибо оно было первостепенное. Смело можно сказать, что это была настоящая “национальная гвардия”». «...Боевой русский офицер, георгиевский кавалер. Герой тогда, когда все готово поддаться панике, он умел делать героями тех, кто был непосредственно возле него...» – характеризовал Гулого-Гуленко начальник штаба Запорожской дивизии М.Н. Крат.

12 февраля 1920 года партизаны-«гулевцы» влились в армию Первого зимнего похода. А.А. Гулый-Гуленко стал командиром

дивизии. Маневрировал по тылам большевиков. Столкновений с крупными подразделениями избегал, зато мелкие разбивал вдребезги.

Осенью украинцы вынуждены были отступить за Збруч, на территорию Польши. Тем временем А.А. Гулый-Гуленко со своим отрядом прорвался к Умани (ныне Черкасская область). Получил ранение, некоторое время лечился на советской территории – вероятно, под чужой фамилией. Потом по льду Днестра его переправили в Румынию.

Большевики окончательно утвердились на украинских землях. Весной 1921 года в «столице украинской эмиграции» польском Тарнуве начал действовать Партизанско-повстанческий штаб во главе с генерал-хорунжим Ю.О. Тютюнником. Планировалось наступление регулярных частей, которые на месте поддерживались повстанческими отрядами. Главный атаман С.В. Петлюра назначил А.А. Гулого-Гуленко командующим Южной повстанческой группы войск. Она должна была войти в Украину с территории Румынии, захватить Одессу и этим отвлечь внимание советского командования от действий основных повстанческих сил, которые должны были наступать из Польши.

Успех выступления зависел от воли Польши и Румынии. На Бухарест возлагалось обеспечение повстанцев всем необходимым: оружием, деньгами, документами, а также организация бесплатного проезда тайных агентов. В Кишиневе (в то время он принадлежал Румынии) – действовал штаб Южной группы, а на берегу Днестра, по которому проходила румыно-советская граница, в селах Непадово, Кривуляни, районе Рыбницы стояли пропускные пункты для переправы агентов, литературы и оружия. Для подпольной работы Гулый-Гуленко получил в свое распоряжение около 140 старшин и казаков из лагерей интернированных.

«...Восстание было приурочено к моменту сбора продналога, то есть на август 1921 года, – рассказывал А.А. Гулый-Гуленко. – Однако не началось своевременно, потому что не закончилась организация районов. Выступление тормозилось то польским, то румынским командованием, которые по разным причинам отказывались от выполнения взятых на себя обязательств. Советская власть заставляла повстанческий штаб спешить с поднятием восстаний, ибо назревал провал целых организаций из-за проникновения в них агентов советской власти...»

Осенью Ю.О. Тютюнник приказал А.А. Гулому-Гуленко вместе со штабом отправиться в район Умани и Звенигорода. Там следовало ожидать прибытия Запорожской дивизии под его руководством. Начинался Второй зимний поход. В ночь на 17 октября

Гулый-Гуленко с 17 воинами – все в форме красноармейцев – перешли границу у Кривулян. Продвигались успешно и на месте узнали, что кавалерия Г.И. Котовского разгромила Тютюнника. Операцию пришлось прекратить. Атаман вернулся в Бухарест.

18 июля 1922 года в поле зрения сексота Одесского ГПУ попал подозрительный мужчина старшего возраста. По агентурной информации – полковник, который не был в Одессе три года. Приехал из-за границы, выполнил работу военного агента и скоро собирался возвращаться обратно. На следующий день его арестовали. Он назвался Василием Свистунцем. Говорил, что живет в Кишиневе, в Одессу прибыл с коммерческими делами. Через несколько дней признался, что он – генерал-хорунжий армии УНР А.А. Гулый-Гуленко. Стал давать развернутые показания о повстанческом движении, подпольной сети, украинской эмиграции, спецслужбах Польши и Румынии. Для чекистов эти повествования – сенсация. Под конвоем его перевезли в Харьков – в столицу Советской Украины. В прессе было опубликовано «рассказание» атамана.

«Сейчас голова переворачивается: Гулый оказался трусом в чрезвычайці!» – писал Ю.О. Тютюнник в письме подполковнику М.Д. Палию-Сидорянскому 29 августа. И во время суда Гулый-Гуленко отрицал свою причастность к шпионской деятельности. Утверждал, что поехал в Украину, чтобы воочию увидеть изменения в жизни народа. «...Из обвинительного заключения следует, будто я имел шпионские задания, – говорил Гулый-Гуленко во время судебного заседания. – Я ездил выяснять положение, можно возвращаться эмигрантам в Украину. Я же окончательно решил уехать в Аргентину и хотел забрать сына. Вот цель моей последней поездки в Украину. Дело в том, что меня все спрашивали, как быть дальше. Много кто очень хотел вернуться в Украину, но боялся, ведь никто ничего не знал об истинном положении вещей...»

Ему присудили 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества, ограничения в правах на 2 года. Дальнейшая судьба атамана неизвестна. Самая распространенная версия – в 1927 году освобожден по амнистии, переехал на Донбасс, работал там агрономом. Однако М. Чеботарев, начальник охраны С.В. Петлюры, в письме сотнику В. Шевченко от 20 июля 1927 года писал: «...Только для вас: Гулый-Гуленко, генерал, бежал из “большевиизма”. Сейчас находится у меня. Скоро выпущу его в мир для информаций широких коллективов...»

«...Многочисленные раны не снижали его запала. В бою и вообще в деле он забывал о себе, для него было первым делом, а потом – собственная амбиция. Он не болел бонапартизмом. Всеми

его поступками руководила вера в национальное дело, на полезное служение нации и желание вывести революцию на путь государственного строительства. Авторитет атамана Гулого между атаманами повстанческим групп и отрядов на Херсонщине, Екатеринославщине и далее вверх по Днепру был исключительный. Махно, который не признавал никого, считал для себя временами полезным координировать свою работу с деятельностью атамана Гулого...» – писал командующий армией УНР М.В. Омельянович-Павленко в «Воспоминаниях командарма».

«...Надо подчеркнуть те чрезвычайные трудности, которые переносили повстанцы в борьбе с врагом: часто в непогоду, днем и ночью вели они свою акцию, находясь в заполье врага. Надо было делать большие марши, порой совсем неожиданные. Ни осенние дожди, ни трескучие морозы и метели не прекращали их операций, ибо тогда еще лучше было нападать на врага. Отдыха они не знали. Почти 90 % повстанцев за время борьбы переболело тифом и другими болезнями. Госпиталей не было и не было где лечиться, больные шли за своим отделом холодные и голодные. Выздоровливали без опеки и лекарств. Тяжело было и с деньгами: тех, которые Гулый получил от правительства на восстание, не хватало. Приходилось довольствоваться тем, что отбирали у врага: он только и доставал повстанцам одежду, еду и деньги...» – писал о повстанческом отряде атамана А.А. Гулого-Гуленко подполковник армии УНР А. Доценко в книге «Зимний поход».

Атаман ЗЕЛЁНЫЙ (1886–1919)

В мирной жизни атаман Зелёный носил прозаичную и даже неблагозвучную по современным меркам фамилию Терпило.

На момент Февральской революции 1917 года, за которой последовали распад Российской империи и парад суверенитетов,

прежде всего, в Малороссии, Даниилу Ильичу Терпило исполнился 31 год. Но, несмотря на молодость, за плечами у него был достаточно большой жизненный опыт – это и революционная деятельность в рядах партии социалистов-революционеров в годы Первой русской революции с последовавшей пятилетней ссылкой, и служба в Императорской армии в Первую мировую с получением звания прапорщик и производством в Георгиевские кавалеры.

Родом Д.И. Терпило был из киевского Триполья, и, вернувшись на родину после демобилизации, он приступил к созданию там организации украинских социалистов националистического толка. Несмотря на левую фразеологию, Зелёный-Терпило поддерживал самостоятельные украинские власти, в том числе и киевскую Центральную раду. Пользуясь определенным авторитетом среди крестьянского населения Киевской губернии, он сумел сформировать достаточно внушительный повстанческий отряд и превратился в атамана.

Так как атаман Зелёный по-другому представлял себе политическое будущее Украины, то вскоре расхождения во взглядах с С.В. Петлюрой привели его к встрече с командующим РККА В.А. Антоновым-Овсеенко. Зелёный предложил участие своей дивизии в составе Красной Армии при условии полной автономии, с чем командующий согласиться, конечно, не мог. Однако, поскольку к тому времени в Первый повстанческий кош (крупное объединение казаков) Зелёного входили уже две повстанческих дивизии, атаман уверовал в собственный потенциал и возможность построить националистическое украинское государство без союза с какими-либо другими внешними силами. Первый повстанческий кош Зелёного перешел к активным боевым действиям против Красной Армии во взаимодействии с атаманом Н.А. Григорьевым. Им даже удалось освободить от красных Триполье.

15 июля 1919 года в занятом «зелёными» Переяславе атаман официально зачитал Манифест о денонсации Переяславского договора 1654 года. Таким образом, 33-летний полевой командир Д.И. Терпило хотел отменить решение гетмана Богдана Хмельницкого о воссоединении с Россией.

Современный украинский историк К. Бондаренко, сравнивая атамана Зелёного с батькой Н.И. Махно, подчеркивает, что если последний был «носителем степного духа», то Зелёный концентрировал в себе центральноукраинское крестьянское мировоззрение. Однако именно у Махно, несмотря на недостаток образования, присутствовало мировоззрение, позволявшее возвыситься над местечковыми комплексами, бытовым национализмом и антисемитизмом, высказать верность какой-то более глобальной

идее переустройства общества. Атаман Зелёный за рамки местечкового национализма так и не вышел, почему и не смог создать ни армию, сравнимую с махновской, ни собственную систему социальной организации. И если Махно стал фигурой не мирового, но, по крайней мере, общероссийского масштаба, то атаман Зелёный и другие подобные ему атаманы, о которых мы расскажем ниже, так и остались региональными предводителями повстанцев.

Д.И. Терпило погиб в бою с Добровольческой армией у города Канева (Черкасская губерния) в ноябре 1919 года. Похоронен в Триполье, могила не сохранилась.

ДЕРМЕНДЖИ (1880–1921)

Имя Дерменджи неизвестно. Происходил он из мещанской семьи, по специальности – электротехник и телеграфист, по взглядам – анархист-коммунист.

В 1905 году, будучи матросом броненосца «Потемкин» участвовал в знаменитом восстании, после которого поселился в Румынии и присоединился к анархистам-коммунистам. Участвовал в деятельности эмигрантских анархических групп во Франции, Италии, Швейцарии, Великобритании.

В 1917 году Дерменджи вернулся в Россию и в начале 1918 года входил в Гуляйпольскую группу анархистов-коммунистов. С августа 1918 года – активный участник повстанческого движения против гетмана П.П. Скоропадского и германских оккупантов, организатор и командир партизанского анархического отряда, в котором к началу 1919 года было 200–400 бойцов.

Присоединился к махновцам, на фронтовом съезде повстанцев 4 января 1919 года был избран командиром 2-го повстанческого полка, в который был включен и его бывший отряд (всего свыше 1100 человек).

В середине марта 1919 года Дерменджи по обвинению в антибольшевистской агитации был арестован чекистами, но уже в конце месяца освобожден, работал при штабе бригады Н.И. Махно. После нападения Красной Армии на контролируемый махновцами район 15 июня 1919 года ушел в подполье в составе отряда Н.И. Махно, участвовал в летних партизанских боях против красных и деникинцев. 1 сентября 1919 года в местечке Доброве-

личковке на собрании командиров отрядов был избран в состав совета Революционной повстанческой армии Украины, назначен начальником связи.

С возвращением на Украину красных в январе 1920 года Дерменджи снова был арестован чекистами, но в середине февраля, видимо, сумел бежать и вскоре во главе группы из 15 бойцов вновь присоединился к махновцам, действовавшим в районе Гуляйполя. Летом-осенью 1920 года вновь занимал должность начальника связи армии. В октябре по поручению штаба армии организовал и возглавил отдельный батальон телеграфной связи на станции Пологи.

26 ноября 1920 года при разрыве последнего военно-политического соглашения между махновцами и советской властью, батальон Дерменджи был атакован в Пологах частями Красной Армии, но сумел пробиться на соединение с основными силами повстанцев. С 29 ноября 1920 года Дерменджи – член последнего состава штаба РПАУ, а с 11 января 1921 года – помощник начальника штаба армии по оперативной части. Участник последних рейдов махновцев весной – летом 1921 года. Убит в бою в Херсонской губернии⁴.

ЗАГРОДСКИЙ Александр Александрович (1889–1968)

Александр Александрович Загородский – личность легендарная даже для своего безумного времени. Генерал армии в 30 лет с опытом боевых действий на трех войнах. Участник Первого зимнего похода – тяжелейшего рейда по тылам противника на почти 2400 километров посреди вьюг и морозов. Командир Волынской дивизии УНР в советско-польском конфликте, заместитель ко-

⁴ См.: *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно.* – Киев, 1993.

мандующего армии Украинской народной республики по работе с резервом – впечатляющая карьера. Убежденный украинский патриот и антикоммунист, даже в эмиграции не оставлявший своей борьбы. Человек, потерявший ногу, но не потерявший духа – до последнего работал, писал, помогал украинцам в эмиграции.

А.А. Загородский родился 10 апреля 1889 года в крохотном селе Зеленков, тогда Уманского повета (сейчас Тальновский район Черкасской области) в семье местного священника. Отец скончался, когда Александру было шесть лет, оставив восемь его братьев и сестер на попечении матери и общины села. Тяжелая работа в поле и заработки на сахарном заводе не позволили парню получить образование – три класса семинарии в Киеве. Дальше – призыв в армию в 1912 году – сначала рядовым солдатом, а через год – унтер-офицер и курсы прапорщиков при штабе 71-го Ставропольского полка.

А.А. Загородский с головой окунается в горнило Первой мировой войны с самого лета 1914 года. Бесперывно на передовой, в окопах, пережил газовые атаки, несколько раз участвовал в штыковых атаках. Награжден Георгиевским золотым оружием за храбрость – в составе сторожевого охранения не дал обойти полк, задержав противника в ближнем бою. Четыре подряд ранения, включая тяжелые – несколько недель в госпитальных поездках и госпиталях, пропитанных едким запахом карболки и снова на фронт в липкую кашу из грязи в окопах. К 1916 году дослужился до командира 16-й роты 21-го полка, в чине штабс-капитана – практически нереальная карьера для сельского парня из бедной семьи. Две боевых награды, несколько упоминаний и благодарностей от Ставки и Его Величества.

Несмотря на карьеру в царской армии, А.А. Загородский в числе первых поддержал Февральскую революцию – полк его вышел с передовой, отошел в район Умани, нашёл красные звезды на шинели. Выписавшись из госпиталя после последнего ранения (его последствия будут мучить Загородского до смерти), он поступает на службу Украинского военного комитета Центральной Рады, проникается идеями независимого украинского государства. Снова непрерывные бои с лета 1917 года – с наступающими красными полками М.А. Муравьева. 3-й полк сердюков обороняет Киев, курень Забродского несет тяжелые потери в городских стычках у вокзала и Мариинского дворца и отходит из столицы. Загородский вернется в Киев только 1 марта 1918 года уже в звании полковника.

Его жизнь – это почти срез того, что происходило с Украиной в те годы. Победоносный поход до самого Дона и выбитые гарнизоны красноармейцев под Харьковом. Приход Директории. Крова-

вая междоусобица. Эпидемия тифа, выкашивающая ряды бойцов быстрее вражеских пуль. Предательство поляков. Нарушенные договоренности с С.В. Петлюрой и постепенное отступление на запад в «треугольник смерти», где окруженная польскими войсками, белыми и красными армия УНР доживала последние дни. И героический Первый зимний поход – сотни километров на санях и подводах по глубоким тылам противника. Волынская боевая группа Загородского штурмует Тальное, Смелу, Черкассы и Золотоношу. Он, как и все выжившие после рейда 3000 бойцов, стали кавалерами «Железного креста», а власть УНР в Украине удержалась еще несколько месяцев, дав время многим людям спастись от «красного террора».

В 1920 году Загородский был интернирован в Польше вместе с группой выживших бойцов и младших офицеров и с тех пор жил в эмиграции. За свои деньги приобрел кладбище, на котором хоронил павших от ран украинцев. Принимал участие в жизни украинской общины, занимался бизнесом, развивал сельскохозяйственный кооператив в Холме. Поляки отказываются выдать его СССР, но после Второй мировой войны Загородский выезжает сначала в Австрию, а потом в США, чтобы не попасть в зону советского влияния. Работал на конвейере по сборке самолетов, даже после того, как теряет ногу от некроза после ранения, не оставляет своего участия в делах эмигрантов. Собирал деньги на лечение брату С.В. Петлюры, поддерживал отношения с диаспорой в Канаде, несет службу как член Общественного суда Украинского конгресса в США.

Скончался А.А. Загородский в 1968 году от сердечного приступа. Похоронен на тихом кладбище в небольшом городке в штате Нью-Джерси, как и сотни тысяч других украинцев, которые потеряли в начале прошлого века свою родину.

КУРИЛЕНКО

Василий Васильевич (1892–1921)

Василий Васильевич Куриленко родился в 1892 году в семье батрака села Новоспасовка Мариупольского уезда. С детства рос без отца, сполна испытал несправедливость и бедность. В юности работал сапожником, в 1910 году примкнул к анархистам. От

тюрьмы его спас призыв в армию в 1912 году. В годы Первой мировой войны служил в уланских частях, дослужился до звания унтер-офицера.

С июня 1918 года В.В. Куриленко – атаман 1-го отряда повстанцев Новоспасовки. С декабря 1918-го – в махновщине, член штаба и командир гарнизона Цареконстантиновки. В первой половине следующего года был назначен командиром 8-го махновского полка, начальником гарнизона Мариуполя и командиром важнейшего фронтового участка Таганрогского направления.

В.В. Куриленко был одним из самых смелых и талантливых махновских командиров, которого не только некоторые дальновидные большевики старались залучить к себе, но который и сам, в общем-то, чем дальше, тем больше, склонялся – если можно так сказать – не к партизанству, а к красноармейчеству.

Еще в период боев на повстанческом фронте В.В. Куриленко, командовавший Новоспасовским (по названию деревни) полком, намекал, что, зная бердянский ревком как солидных людей, он бы охотнее работал с ними, чем с Н.И. Махно. Когда же Махно оставил командование дивизией, руки у Куриленко оказались развязаны, и он, ничуть не артачась, подчинился красному командованию и исправно занялся обороной отведенного ему боевого участка.

Испортил отношения красных с В.В. Куриленко П.Е. Дыбенко, продолжавший числиться командующим фактически более не существовавшей Крымской армии и потерявший пост наркомвоенмора Крымской советской социалистической республики, поскольку таковая была упразднена белыми. Неудачи в военной и политической области, неотступно преследовавшие Дыбенко со времени разгрома под Нарвой в 1918 году, досадовали его необыкновенно, и он ездил по фронту в чрезвычайном раздражении. Приехав в Новоспасовский полк, он, зная о его причастности к махновщине, по ничтожному поводу устроил Куриленко дикую выволочку перед строем бойцов (вспомним вскользь, что Дыбенко, хоть и бородатому, было тогда всего 30 лет, а он уже занимал видные посты в большевистской иерархии; Куриленко же было порядка 28, и он был всего лишь партизанский командир, которого можно было не только унижать безнаказанно, но и в порошок стереть в два счета). Однако командир полка не сдержался и отвечал довольно резко. Дыбенко приказал: отстранить Куриленко от командования полком и направить к нему в штаб в Никополь.

Практически это был смертный приговор. Все это понимали. Знавшие В.В. Куриленко командиры Красной Армии решили его не уступать и оставить командовать полком, надеясь, что дело за-

будется. Не тут-то было! Однажды, просматривая перечень полков, занимавших линию обороны по Днепру, П.Е. Дыбенко вновь наткнулся на фамилию бывшего махновца и, вспомнив его дерзость, повторил вызов.

Непосредственный командир Куриленко С.С. Дыбец не хотел терять боевого командира полка. Решено было на время спрятать его в штабе боевого участка. Куриленко вызвали в штаб. Он приехал, сопровождаемый эскадрон: иначе полк не отпускал. Перед строем Куриленко сказал, что еще пригодится Красной Армии, выполнит любой приказ, но к Дыбенко не поедет, ибо не хочет умирать униженно и зря. Дыбец вышел к эскадрону и объявил о своем решении оставить пока Куриленко при штабе. Как комиссар, он должен был военную демонстрацию полка пресечь и осудить, и он сделал это: «...Забирайте свой эскадрон, чтоб этой демонстрацией и не пахло. Понятно? И не вздумайте еще когда-нибудь нас припугнуть. Так легко вам это не сойдет...». Люди выслушали комиссара, поняли и согласились.

Оказавшись в безопасности при штабе (из списка командиров полков он выбыл, а списками штабных Дыбенко не располагал), Куриленко, однако, стал томиться такой тоской, что просил его либо расстрелять, либо дать хоть какое-нибудь дело. Ему поручили сформировать кавалерийский полк: ни людей, ни лошадей, ни оружия при этом не дав. Через неделю он привел полк в 500 человек, в конном строю, с мешками вместо седел, с пиками вместо сабель. Просил дать ему боевой участок, чтобы можно было отбить у белых лошадей и оружие.

Лучше всего характеризует В.В. Куриленко эпизод проверки им присланного в полк комиссара. Куриленко интересовало: доверяют ли красные ему, что за птицу прислали – соглядатая или помощника, бойца или труса. Вместе с новым комиссаром они объехали эскадроны. Потом Куриленко поинтересовался:

- Может быть, у тебя, комиссар, есть замечания?
- Нет, обойдусь без замечаний. Ты же опытный полковой командир. Поработаю, позабочусь о бойцах, чтоб они бодро жили.
- Правильные слова. Теперь еще одно к тебе дело. Прикинь-ка, какое тут расстояние до следующего села?
- Черт его знает. Пожалуй, верст пять-шесть.
- И это правильно. Глаз у тебя хороший. В бинокль на село хочешь посмотреть?
- Давай.
- Казачий разъезд видишь?
- Вижу.
- И я видел. А теперь едем туда молоко пить.

Куриленко стегнул свою лошадь. Комиссару ничего не оставалось, как ехать за ним. Они подъехали к ближайшей хате – а казачий разъезд был в другом конце села, – попросили у бабы молока. Внезапно подскакал казак:

– Откуда вы? Какой части?

– А ты какой части? Вижу, что донец. – Разговаривая, Куриленко попивает молоко. – Много вас тут? Сотня где стоит?

– Там-то.

– А кто командир сотни?

– Такой-то.

– Ага, я так и думал. Поворачивай и доложи своему командиру, что приезжал в гости молоко пить красный полковой командир Куриленко. Понял, что я тебе говорю?

Покончив с молоком, Куриленко достал маузер:

– Если не поедешь докладывать, стреляю.

Казак сорвался прочь, а Куриленко с комиссаром хорошей рысцей поскакал в другую сторону. Комиссар ему понравился.

Эта история, которую рассказал С.С. Дыбец и записал писатель А.А. Бек, поистине романтична, полна особого очарования того беспощадного времени.

...В.В. Куриленко был зарублен в бою с красными в ночь на 8 июля 1921 года, после того как махновцы, уходя от преследования, прошли «изгородь» из пяти бронепоездов на линии Константиноград – Лозовая, вырвались из полного окружения возле деревни Константиновка и, разделившись на части, пытались уйти от погони. На хуторе Марьевка часть махновцев была «настигнута и изрублена», и среди них погиб «известный атаман» Василий Васильевич Куриленко, в прошлом красный командир. Воистину – во время Гражданской войны неисповедимы пути Господа Бога нашего...

МАКСЮТА

Артем Ермолаевич (?–1919)

Артем Ермолаевич Максютя в 1917 году присоединился к анархистам-коммунистам. К этому времени он, бывший матрос царского флота, находился уже в «пожилом возрасте» – ему было за 50 лет.

Во время вооруженной борьбы на Украине Максютя командовал отрядом матросов-анархистов в боях против германских и австро-венгерских войск, активно участвовал в анархическом движении среди екатеринославских заводских рабочих.

Весной 1919 года А.Е. Максютя был арестован сотрудниками ВЧК, но 8 мая освобожден во время антисоветского восстания атамана Н.А. Григорьева. Возглавил одно из григорьевских конных формирований, расквартированных в Екатеринославе. При взятии Екатеринослава частями РККА был взят в плен и расстрелян 12 мая 1919 года.

МАХНО Нестор Иванович (1888–1934)

Нестор Иванович Махно – украинский революционер, анархист, прославился в качестве командующего Крестьянской повстанческой армией на юге Украины. В памяти конфликтующих сторон и народа он навсегда остался как «батька Махно».

С конца августа 1906 года Нестор Иванович Махно был членом Крестьянской группы анархо-коммунистов (другое название – «Союз вольных хлеборобов»), действовавшей в Гуляйполе. С октября 1906 года в составе группы участвовал в террористических актах и «экспроприациях» богачей. В 1908 году арестован за убийство чиновника военной управы. Сессией Одесского военного окружного суда в 1910 году приговорен к смертной казни через повешение, которая по решению П.А. Столыпина была заменена бессрочной каторгой. В 1911 году был переведен в каторжное отделение Бутырской тюрьмы в Москве.

В камере Н.И. Махно познакомился с известным анархистским активистом П.А. Аршиновым. Аршинов занялся идеологической подготовкой Махно. Малограмотный Махно изучал в камере историю, математику и литературу. Будучи активным участником

тюремных протестов, шесть раз попадал в карцер, заболел туберкулезом легких.

После Февральской революции Н.И. Махно, как и множество других политзаключенных, был досрочно выпущен из тюрьмы и через три недели вернулся в Гуляйполе.

Деятельность Н.И. Махно и участие возглавляемой им Повстанческой армии в событиях Гражданской войны подробно рассмотрены в книге II (часть 1, глава 5, § 2)⁵.

МИЛАШКО

(годы рождения и смерти неизвестны)

Милашко (неизвестны ни имя этого человека, ни даты рождения и смерти) начал свою карьеру повстанцем против А.И. Деникина, а закончил – главарем уголовной банды. Это был смелый и храбрый бандит. Учтя недовольство крестьянства деникинцами, он стал во главе повстанческого отряда, оперировавшего в тылу белогвардейцев. Когда же деникинская армия была разбита и на Украине была восстановлена советская власть, Милашко со своими повстанцами влился в Красную Армию и добился разрешения на формирование особой бригады.

Но вместо формирования бригады, Милашко со своим отрядом совершал откровенные грабежи и реквизиции, насилия и убийства ни в чем не повинных крестьян.

Выяснив истинную деятельность отряда Милашко, екатеринославская губчека сообщила об этом армейскому командованию, которое отдало Милашко приказ немедленно выступить на фронт.

Милашко, преследуя совершенно иные цели, отказался выступить на фронт за недостатком вооружения, отсутствием обмундирования и т. д. Получив вторичный категорический приказ, он выехал для объяснения с командованием в Александрию, где по

⁵ См.: Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. – М., 1990; Голованов В.Я. Нестор Махно. – М., 2008; Комин В.В. Нестор Махно. Мифы и реальность. – М., 1990; Семанов С.Н. Нестор Махно. Вожак анархистов. – М., 2005.

приказу екатеринославской губчека был арестован, но сумел привлечь на свою сторону конвоиров и вместе с ними бежал.

4 марта 1920 года Милашко созвал в Софиевке своих ближайших помощников: Черноуслова, Дьякиевского, Петренко, Прохоренко, Федорченко, Тишанина, Палея, Сухина, Пругло, Буя и др. и предложил им сделать налет на Верхне-Днепровск. Предложение было принято, и в ночь с 6 на 7 марта Верхне-Днепровск был занят отрядом Милашко в 200 человек. Ограбив и разгромив местное казначейство, бандиты, во главе с Милашко, произвели еврейский погром и скрылись.

Однако вскоре энергичными мерами екатеринославских чекистов вся шайка Милашко была захвачена. Главные его сподвижники – Дьякиевский (бывший прапорщик) и жена его Орельская (окончила гимназию) – на допросе показали, что Милашко во время налета на Верхне-Днепровск собственноручно истязал и убивал мирных граждан. Правая рука Милашко – Гладченко – лично выколол глаза захваченному им сотруднику екатеринославской губчека и, связав ему проволокой ноги, закопал живым в землю. В зверствах над мирным населением участвовал также и Дьякиевский, именовавший себя на допросе анархистом.

НЕСТЕРЕНКО Герасим Онуфриевич (1890–?)

Герасим Онуфриевич Нестеренко – атаман Орёл – родился 3 марта 1890 года в селе Червоновершка Елисаветградского уезда Херсонской губернии. До Февральской революции работал учителем, в 1917 году был избран членом Елисаветградской уездной земской управы, и в том же 1917 стал атаманом конной сотни (30 человек) Ревучаньского куреня Вольного казачества. Воинское звание в

армии Украинской народной республики – сотник (впоследствии – полковник).

В начале августа 1919 года Г.О. Нестеренко стал организатором восстания против советской власти, а в сентябре того же года – ещё и восстания против деникинцев. Он был организатором и до 1922 года руководителем Елисаветградского – Александрийского повстанкома.

В ноябре 1919 года в Холодный Яр прибыл атаман Екатеринославщины и Херсонщины, командующий Южной (Первой) группой генерал-хорунжий армии УНР А.А. Гулий-Гуленко. В то время главным атаманом Холодного Яра был В.С. Чучупак. Ему подчинялись атаманы Г. Нестеренко-Орел, Т. Гладченко, М. Мелашка, Сирко, Глаз, Черный Ворон (Черногузское), М. Голик-Зализняк, С. Волк, Калюжный, Д. Канатенко, 1-й и 2-й Александрийские полки. Г.Н. Нестеренко стал уполномоченным представителем А.А. Гулого-Гуленко в Елисаветградском уезде, заместителем командира Южной повстанческой группы. В 1920 году был старшиной Запорожской дивизии.

В первой половине июля 1921 года на Право-левобережном окружном съезде, который состоялся в Холодном Яру атаман Герасим Нестеренко-Орел был избран командующим Холодноярского округа. Ему подчинялись отряды атаманов Л. Завгороднего, Ф. Облака, Черного Ворона (Черноусова), И. Гонты (Февраль-Лютенко), И. Иванова. Были налажены связи также с балтским атаманом С. Заболотным, председателем Уманского повстанкома П. Дерешуком, Млиевским предводителем Т. Голым, звенигородским атаманом С. Грызло, Веремеевским главарем И. Савченко-Нагорным, александрийским атаманом С. Захаровым, организатором отряда П. Кучмой из села Аджамки Елисаветградского уезда, которые подчинялись Холодноярской организации, и другими деятелями украинского подполья. Начальником штаба у Нестеренко был С. Отаманенко, член Холодноярского повстанкома в 1920–1921 годах.

Атаман Нестеренко-Орёл был последним из главных атаманов Холодного Яра, избранным на общем представительном съезде. В 1921–1922 годах он оперировал, создавая повстанческие ячейки в селах Умани, Звенигородщины, Чигиринщины, Олександрійщини, Елисаветградщини, Первомайщини, даже на время перебирался на левый берег Днепра. За ним охотились чекисты, его фамилией и именем пестрели секретные документы большевистских спецслужб, но он был неуловим. И исчез осенью 1922 года неожиданно, хотя слава о нем ходила в междуречье Буга и Днепра еще долго.

Осенью 1922 года Нестеренко с несколькими бойцами перешел границу Румынии севернее Кишинева. Будучи интернирован румынскими властями в политическом лагере «Орадя Маре», в Трансильвании, близ границы с Венгрией, он при первой же возможности перебирается в Бухарест, где находит организованную украинскую общину, Комитет помощи, который появился на месте военной миссии УНР. Нестеренко становится членом комитета, знакомится с известными деятелями украинского движения, в частности с главой УДК профессором К.А. Мациевичем, с врачом В. Трепко, редактором газеты «Украинский бюллетень» Д. Ивашиной (Геродотом), полковником армии УНР И. Пороховским.

В первые годы организация действовала активно. В Бухаресте проводились конференции, шевченковские праздники, культурные вечера, вечеринки, выпускалась пресса. В нескольких мероприятиях активное участие принимал и Г.О. Нестеренко. Д. Ивашина помог ему устроиться в парниковом хозяйстве одного французского фермера, где бывший атаман проработал один сезон.

Со временем Г.О. Нестеренко перебрался в город Галац, где в 1924 году работал на вагоноремонтном заводе. Впоследствии искал убежища на родине жены, в Болграде – до 1926 года трудился в сельском хозяйстве. Здесь, наверное, больше всего вспоминал свою семью – жену Родионову Надежду Дмитриевну, учительницу, и трех детей, двух мальчиков и девочку. Вскоре поселился в селе Фолтешты уезда Косорлуй и сошелся с румынкой Марией Селин. Возделывал землю, а больше увлекался пасекой и птицеводством. О том, почему он покинул Болград, Нестеренко рассказал: «...В 1926 году в Болграде шеф румынской сигуранцы Попеску предложил мне работу сексотом: он шантажировал меня, будто я повесил одного гражданина и теперь не остается ничего другого, как собирать сведения о русских и коммунистах, которые враждебно настроены к Румынии. Но я категорически отказался. После этого меня выгнали из Болграда ...»

При этом Г.О. Нестеренко не порывал отношений с Украинским комитетом помощи, который с 1923 года регулярно высылал ему бесплатно украинские периодические издания из Польши, Франции, Румынии. Через несколько лет после начала эмиграции попытался получить румынское гражданство, но ему отказали. В Европе жить без паспорта было и незаконно, и неудобно. Поэтому, как и все политэмигранты, Нестеренко согласился получить так называемый нансеновский паспорт, с которым жил до 1943 года – этот документ выдавался политическим эмигрантам из бывшей России и Турции от Лиги Наций, его владелец имел

право проживать в любой стране, которая принадлежала к Лиге. Однако когда Лига Наций перестала существовать, в 1943 году Нестеренко снова стал человеком без гражданства.

Вторую мировую войну Г.О. Нестеренко провел в Румынии. Когда войска Красной Армии в 1944 году подошли к ее границам, он переехал с семьей в глубь Румынии – в село Днем уезда Влашка. Перевёз и пасеку. Осенью 1944-го перебрался поближе к Черному морю, в уезд Констанца. Был арестован сотрудниками контрразведки «Смерш» Одесского военного округа 7 июня 1945 года. Допросы продолжались до середины июля. 15 апреля 1946 года Г.О. Нестеренко Особым Совещанием Министерства внутренних дел СССР был приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Дальнейшая судьба его неизвестна.

НИКИФОРОВА Мария Григорьевна (1885–1919)

Мария Григорьевна Никифорова родилась в 1885 году в Александровске (совр. Запорожье). Её отец, офицер российской армии, отличился в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и, видимо, смелостью и нравом дочь пошла в отца. В шестнадцатилетнем возрасте, не имея ни профессии, ни средств к существованию, она покинула родительский дом. Так началась ее полная опасностей и странствий взрослая жизнь. (Впрочем, среди историков бытует и мнение, что Никифорова не могла быть офицерской дочерью – уж слишком темной и маргинальной кажется ее биография в молодые годы: тяжелый физический труд, проживание без родственников, полное отсутствие упоминаний о семье и каких-либо родственных узах.)

Сложно сказать, почему она решилась уйти из семьи, но факт остается фактом: М.Г. Никифорова предпочла жизнь профессио-

нальной революционерки. Устроившись на ликеро-водочный завод подсобной работницей, она познакомилась со сверстниками из анархо-коммунистической группы.

Тем временем, на заре XX века, анархизм был весьма популярен на западных окраинах Российской империи. Его очагами стали город Белосток – центр ткацкой промышленности (ныне – территория Польши), портовая Одесса и промышленный Екатеринослав (совр. Днепр). Александровск, где Никифорова впервые познакомилась с анархистами, входил в «екатеринославскую анархическую зону».

В отличие от большевиков, предпочитавших кропотливую агитационную работу, анархисты больше склонялись к актам индивидуального террора. Поскольку подавляющее большинство анархистов составляли в тот период очень молодые люди, их максимализм зачастую перевешивал элементарный здравый смысл, и революционные идеи на практике оборачивались террором против всех и вся. Без разбору взрывали магазины, кафе и рестораны, вагоны первого класса, то есть места повышенной концентрации «людей с деньгами».

Конечно, не все анархисты склонялись к террору. Так, П.А. Кропоткин и его последователи – «хлебовольцы» – относились к индивидуальным актам террора отрицательно, но в годы революции 1905–1907 годов гораздо более заметными, нежели «хлебовольцы», были представители ультрарадикальных направлений в российском анархизме – «чернознаменцы» и «безмотивники». Последние вообще провозглашали немотивированный террор против любых представителей буржуазии.

И М.Г. Никифорова, судя по всему, оказалась именно в кружке безмотивников. В течение двух лет подпольной деятельности она успела бросить несколько бомб – в пассажирский поезд, в кафе, в магазин. Анархистка часто меняла место жительства, скрываясь от полицейской слежки. Но, в конце концов, полиции удалось напасть на ее след. Она была арестована, обвинена в совершении четырех убийств и нескольких ограблений («экспроприаций») и приговорена к смертной казни.

Однако, как и Н.И. Махно, М.Г. Никифоровой смертную казнь заменили бессрочной каторгой. Скорее всего, приговор был обусловлен тем, что на момент его вынесения Никифорова, как и Махно, еще не достигла совершеннолетия, по законам Российской империи наступавшего в 21-летнем возрасте. Из Петропавловской крепости Никифорова была этапирована в Сибирь – к месту отбытия каторги, однако сумела совершить побег. Япония, Соединенные Штаты, Испания – точки её путешествия, прежде чем она

смогла обосноваться во Франции, в Париже, где активно включилась в анархистскую деятельность. В этот период Никифорова принимала участие в деятельности анархистских групп русских эмигрантов, однако сотрудничала и с местной анархо-богемной средой.

К моменту проживания М.Г. Никифоровой, уже принявшей псевдоним «Маруся», в Париже началась Первая мировая война. В отличие от большинства отечественных анархистов, выступавших с позиций «превратим войну империалистическую в войну классовую» или вообще проповедовавших пацифизм, Маруся поддержала Петра Кропоткина. Как известно, отец-основатель анархо-коммунистической традиции выступил с «оборонческих», как говорили большевики, позиций, приняв сторону Антанты и осудив прусско-австрийскую военщину.

Но если Кропоткин был стар и миролюбив, то Маруся Никифорова в буквальном смысле рвалась в бой. Она умудрилась поступить в Парижскую военную школу, что было удивительно не только в силу ее русского происхождения, но и в еще большей степени в силу половой принадлежности. Тем не менее, женщина из России выдержала все вступительные испытания и, успешно пройдя курс военной подготовки, была зачислена в действующую армию в офицерском звании. Воевала М.Г. Никифорова в составе французских войск в Македонии, затем вернулась в Париж.

Известия о Февральской революции, произошедшей в России, заставили анархистку спешно покинуть Францию и вернуться на родину. Знаящие ее люди описывают ее как мужеподобную, коротко стриженую женщину с лицом, отражавшим события бурной молодости. И, тем не менее, в эмиграции она нашла себе мужа. Ее избранником стал Витольд Бжостек – польский анархист, впоследствии принимавший самое активное участие в антибольшевистской подпольной деятельности анархистов.

Объявившись после Февральской революции в Петрограде, М.Г. Никифорова окунулась в бурную революционную действительность столицы. Установив связи с местными анархистами, она вела агитационную работу во флотских экипажах, среди рабочих.

Летом 1917 года Никифорова отбыла в родной Александровск. К этому времени там уже действовала Александровская федерация анархистов. Немудрено, что с приездом Маруси александровские анархисты заметно радикализировались. Первым делом совершилась миллионная экспроприация у местного промышленника Бадовского. Затем установили связи с действующим по соседству Н.И. Махно.

В отличие от Махно, Никифорова оставалась непреклонной сторонницей понимания анархизма как абсолютной свободы и бунтарства. Еще в молодости ее идеологические воззрения формировались под влиянием анархистов-безначальцев – наиболее радикального крыла анархо-коммунистов, не признававшего жестких организационных форм и выступавшего за уничтожение любых представителей буржуазии только по принципу их классовой принадлежности. Соответственно, и в повседневной деятельности Маруся проявляла себя как гораздо большая экстремистка, нежели Махно. Во многом это и объясняет тот факт, что Махно удалось создать собственную армию и поставить под контроль целый район, а Никифорова так и не шагнула дальше полевого командира повстанческого отряда.

Пока Махно укреплял свои позиции в Гуляйполе, Маруся успела побывать в Александровске под арестом. Задержали ее революционные милиционеры, которые выяснили подробности экспроприации миллиона рублей у Бадовского и некоторых других ограблений, совершенных анархисткой. Тем не менее, в тюрьме Маруся пробыла недолго. Из уважения к ее революционным заслугам и по требованиям «широкой революционной общественности» Никифорову освободили.

В течение второй половины 1917-го – начала 1918 годов Маруся Никифорова участвовала в разоружении воинских и казачьих частей, проходивших через Александровск и его окрестности. Вместе с тем в этот период она предпочитала не ссориться с большевиками, получившими наибольшее влияние в александровском Совете, показав себя сторонницей «анархо-большевистского» блока. 25–26 декабря 1917 года Никифорова во главе отряда александровских анархистов участвовала в оказании помощи большевикам при захвате власти в Харькове. Связь с большевиками в этот период она осуществляла через В.А. Антонова-Овсеенко, который руководил деятельностью большевистских формирований на территории Украины. Именно Антонов-Овсеенко и назначил Марусю начальником формирования кавалерийских отрядов в степной Украине с выдачей соответствующих денежных средств.

Впрочем, М.Г. Никифорова решила распорядиться денежными средствами большевиков по собственному разумению, сформировав Вольную боевую дружину, которая строго контролировалась лично Марусей и действовала исключительно в ее интересах. Вольная боевая дружина Маруси представляла собой достаточно примечательное соединение.

Во-первых, оно было сплошь укомплектовано добровольцами, преимущественно анархистами, хотя встречались и обычные «рисковые ребята», в том числе «черноморы» – вчерашние моряки, демобилизовавшиеся с Черноморского флота.

Во-вторых, несмотря на партизанский характер самого формирования, его обмундирование и продовольственное снабжение были поставлены на достаточно хороший по тем временам уровень. На вооружении отряда находились бронеплатформа и два артиллерийских орудия. Хотя финансирование дружины осуществлялось на первых порах большевиками, отряд выступал только под черным знаменем с надписью «Анархия – мать порядка!».

Однако, как и другие подобные формирования, отряд Маруси хорошо действовал, когда надо было провести «экспроприации», но всегда оказывался слабее перед лицом регулярных воинских формирований. Наступление немецких и австро-венгерских войск вынудило Никифорову отступить к Одессе. Надо отдать должное – дружина «черногвардейцев» показала себя не хуже, а во многом даже и лучше красногвардейцев, отважно прикрывая отступление.

В 1918 году «гармонии» с большевиками приходит конец. Легендарная женщина-командир не смогла примириться с заключением Брестского мира, которое убедило ее в предательстве большевистскими руководителями идеалов и интересов революции. С момента подписания соглашения в Брест-Литовске начинается история самостоятельного боевого пути Вольной дружины Маруси Никифоровой. Надо отметить, что он сопровождался многочисленными «экспроприациями» собственности как у «буржуев», в число которых записывались любые обеспеченные граждане, так и у политических организаций. Все органы управления, включая советы, анархистами Никифоровой разгонялись. Грабительские действия неоднократно становились причиной конфликтов Никифоровой с большевиками и даже с той частью анархистских лидеров, которая продолжала поддерживать большевиков, в частности с отрядом Г.И. Котовского.

28 января 1918 года Вольная боевая дружина вступила в Елисаветград. Первым делом М.Г. Никифорова расстреляла начальника местного военкомата, обложила магазины и предприятия контрибуцией, организовала раздачу населению товаров и продуктов, конфискованных в магазинах. Впрочем, радоваться обывателю этой неслыханной щедрости не стоило: бойцы Маруси, как только закончились запасы продовольствия и товаров в магазинах, переключились на тех же облагодетельствованных ранее обывателей. Действовавший в Елисаветграде ревком большевиков все же нашел в себе смелость заступиться за население города

и повлиять на Никифорову, заставив ее вывести свои формирования за пределы населенного пункта.

Однако через месяц Вольная боевая дружина вновь прибыла в Елисаветград. К этому моменту отряд насчитывал не менее 250 человек, 2 артиллерийских орудий и 5 бронемашин. Ситуация января повторилась: последовали «экспроприации» собственности, причем не только у настоящей буржуазии, но и у простых горожан. Терпение последних между тем заканчивалось. Точкой стало ограбление кассира завода «Эльворти», на котором трудилось 5 тыс. человек. Возмущенные рабочие подняли восстание против анархистского отряда Маруси и оттеснили его к вокзалу. Сама Никифорова, первоначально пытавшаяся унять рабочих, явившись на их собрание, была ранена. Отступив в степь, Вольная боевая дружина начала расстреливать горожан из артиллерийских орудий.

Под шумок борьбы с Марусей и ее отрядом политическое лидерство в Елисаветграде смогли взять меньшевики. Большевистский отряд А. Беленкевича был выбит из города и отправился на поиски Никифоровой. Важную роль в «антианархистском» восстании сыграли бывшие царские офицеры, которые приняли руководство формированиями ополчения. В свою очередь, на помощь Никифоровой прибыл Каменский красногвардейский отряд, который также вступил в бой с городским ополчением. Несмотря на превосходящие силы елисаветградцев, исход продолжавшейся несколько дней войны между анархистами и примкнувшими к ним красногвардейцами и фронтом горожан был решен бронепоездом «Свобода или смерть», который прибыл со стороны Одессы под командованием матроса Полупанова. Елисаветград вновь оказался в руках Маруси.

Следующим местом деятельности Вольной боевой дружины стал Крым, где М.Г. Никифорова также совершила целый ряд «экспроприаций» и вступила в конфликт с отрядом большевика И. Матвеева. Затем Маруся объявляется в Мелитополе и Александровке и прибывает в Таганрог.

Хотя большевики возлагали на Вольную боевую дружину обязанности по защите от немцев и австро-венгров Приазовского побережья, отряд анархистов самовольно ретировался в Таганрог. В ответ красногвардейцам в Таганроге удалось арестовать Марусю. Однако это решение было с негодованием встречено как ее дружинниками, так и другими леворадикальными формированиями. Во-первых, в Таганрог прибыл бронепоезд анархиста Гарина с отрядом Брянского завода Екатеринослава, поддержавшего Марусю. Во-вторых, в защиту Маруси высказался и давно

знавший ее В.А. Антонов-Овсеенко. Революционный суд Никифорову оправдал и освободил. Из Таганрога отряд Маруси отступил в Ростов-на-Дону и соседний Новочеркасск, где в это время были сконцентрированы отступавшие красногвардейские и анархистские отряды со всей Восточной Украины. Естественно, что и в Ростове Маруся отметилась «экспроприациями», демонстративным сожжением денежных купюр и облигаций и другими подобными выходками.

Дальнейший путь М.Г. Никифоровой – Ессентуки, Воронеж, Брянск, Саратов – также отмечен бесконечными «экспроприациями», показательными раздачами народу продовольствия и захваченных товаров, растущей неприязнью между Вольной боевой дружиной и красногвардейцами. В январе 1919 года Маруся вновь была арестована большевиками и на этот раз этапирована в Москву в Бутырскую тюрьму. Однако революционный суд к легендарной анархистке снова оказался на редкость милостив. Никифорову отдали на поруки члену ЦИК анархо-коммунисту А.А. Карелину и тому же В.А. Антонову-Овсеенко. Благодаря вмешательству этих видных революционеров и прошлым заслугам наказанием для Никифоровой стало только лишение права занимать руководящие и командные должности в течение 6 месяцев, хотя список совершенных ею деяний тянул на безусловный расстрел по приговору военно-полевого суда.

В феврале 1919 года М.Г. Никифорова объявилась в Гуляйполе, в ставке Н.И. Махно, где присоединилась к махновскому движению. Махно, знавший её нрав и склонность к чрезмерно радикальным действиям, не разрешил ставить ее на командные или штабные должности. В результате боевая Маруся два месяца занималась такими сугубо мирными и гуманными делами, как создание госпиталей для раненых махновцев и больных из числа крестьянского населения, руководство тремя школами и социальная поддержка малоимущих крестьянских семей.

Однако вскоре, после того как был снят запрет на деятельность Маруси в руководящих структурах, она приступает к формированию собственного кавалерийского полка.

К этому времени, окончательно разочаровавшись в большевистской власти, Никифорова вынашивала планы создания подпольной террористической организации, которая бы начала антибольшевистское восстание на всей территории России. В этом ей помогает прибывший из Польши муж В. Бжостек. 25 сентября 1919 года Всероссийский центральный комитет революционных партизан, как окрестила себя новая структура под руководством К. Ковалевича и М. Соболева, взорвала Московский комитет РКП(б). Однако чекистам удалось уничтожить заговорщиков.

Сама Маруся в июле 1919 года вместе с В. Бжостеком прибыли в Севастополь, где 29 июля они были опознаны и схвачены белогвардейской контрразведкой. Целый месяц длилось следствие, выявлявшее степень вины Никифоровой в предъявляемых ей преступлениях. 3 сентября 1919 года Мария Григорьевна Никифорова и Витольд Станислав Бжостек были приговорены военным судом к смертной казни и расстреляны. Так закончила свою жизнь легендарная атаманша украинских степей, до конца своих дней сохранившая то юношеское инфантильное восприятие анархии как царства неограниченной свободы, которое было присуще ей в годы участия в кружках «безмотивников».

ПАНЧЕНКО

Логвин Сидорович

(годы рождения и смерти
неизвестны)

Логвин Сидорович Панченко был членом Украинской Центральной Рады, представителем Крестьянского союза на совещании представителей политических партий и общественных организаций по созданию Чигиринского ВРК 25 января 1919 года, членом культурно-просветительной комиссии этого ВРК и ВРК периода Григорьевского мятежа.

4 июля 1919 на II уездном съезде советов избран членом Чигиринского уездного комитета. Председатель холодноярского повстанческого комитета. Выступил инициатором проведения уездного крестьянского съезда, который в октябре 1919 года высказался за необходимость борьбы с советской властью.

4 сентября 1920 на окружном церковном съезде в Чигирине, где обсуждался вопрос «демократизации украинской церкви», был избран делегатом на Всеукраинский православный церковный собор как член религиозной общины села Трушивцев Чигиринского уезда. Сдался большевикам по амнистии летом 1921 года.

Дальнейшая судьба Л.С. Панченко неизвестна.

ПЕТРЕНКО (Платонов)**Петр****(1890–1921)**

Петр Петренко родился в селе Большая Михайловка Александровского уезда Екатеринославской губернии, в батрацкой семье. С началом Первой мировой войны был призван на фронт, дослужился до звания прапорщика. Полный Георгиевский кавалер.

В 1918 году П. Петренко присоединился к Дибровской группе анархистов, принял активное участие в Антигетманском восстании. В конце 1918 года был назначен командиром отряда Гришинского направления.

С мая 1919 года П. Петренко – начальник боевого участка, командир отряда в тылу у А.И. Деникина, командир пехотного полка Революционной повстанческой армии Украины Н.И. Махно. В ноябре 1919 года – командир ударной группы 1-го Донецкого корпуса Повстанческой армии, принимал участие во взятии Екатеринослава.

В январе 1920 года П. Петренко был назначен командиром 5-го полка, с мая – командир пехотной группы (начштаба). Принимал участие во взятии Перекопа, с 6 декабря – командующий пехотной группой.

В начале 1921 года – начальник штаба Азовской группы Повстанческой армии. В июне командовал отрядом в составе кавалерийской группы М.Ф. Забудько, имел право быть заместителем Н.И. Махно.

П. Петренко погиб в бою с красной кавалерийской дивизией в Херсонской губернии в августе 1921 года. По другим сведениям в ноябре 1921 года возглавил повстанческий отряд в Донецкой губернии, с которым совершал рейды в Харьковскую губернию, и в одном из таких рейдов получил ранение в Купьянском уезде.

ПЕТРИЧЕНКО
Степан Максимович
(1892–1947)

Степан Максимович Петриченко родился в 1892 году в семье малоземельного крестьянина. Через два года после его рождения семья переехала в город Александровск (совр. Запорожье), где Степан окончил двухклассное городское училище и поступил на работу на местный металлургический завод металлистом. В 1913 году Петриченко был призван на военную службу на линкор «Петропавловск», входивший в состав Балтийского флота.

Во время Февральской революции С.М. Петриченко находился с флотом на Эстонском острове Нарген (совр. Найссаар). В декабре 1917 года здесь была провозглашена «Советская республика матросов и строителей». 80 военных моряков и около двух сотен коренных островитян организовали местное самоуправление, просуществовавшее до захвата Таллина войсками кайзеровской Германии 26 февраля 1918 года. Красно-черный флаг «анархо-коммунистов» был спущен, а ее «правительство» погружено на суда Балтийского флота, взяв курс на Хельсинки, а оттуда – на Кронштадт. Через три года красно-черное знамя взвилось и над Кронштадтом: бывший руководитель Наргенской «республики» С.М. Петриченко возглавил Кронштадтское восстание.

В «партийную неделю» 1919 года С.М. Петриченко вступил в РКП(б), но выбыл из партии в ходе «перерегистрации» (завуалированной чистки). Летом 1920 года побывал на родине, а по возвращении одобрительно отзывался о движении батьки Н.И. Махно, однако анархистом по убеждениям не стал.

В марте 1921 года с началом волнений в Кронштадте С.М. Петриченко возглавил Временный революционный комитет, орган руководства восстанием, но политических талантов не проявил. После подавления мятежа с тысячами его участников ушел в Финляндию. Работал на лесопильных заводах, стал плотником.

В эмиграции авторитет Петриченко среди бывших участников восстания был высок. Он блокировал намерение белой эмиграции в Хельсинки направить кронштадтских «добровольцев» в Совет-

скую Карелию для организации восстания, призывал не подчиняться приказу генерала П.Н. Врангеля о включении отряда бывших кронштадтцев в армию, находившуюся в Турции. Когда в начале 1922 года постановлением ВЦИК рядовым участникам восстания была объявлена амнистия, он не чинил препятствий желающим вернуться на родину и сам решил просить разрешения вернуться, о чем держал совет с другими бывшими членами Ревкома. Вскоре полицмейстеру Выборга поступил донос о «гнусном замысле» Петриченко, в результате чего 21 мая 1922 года он был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме.

В 1922 году С.М. Петриченко поехал в Ригу и посетил посольство РСФСР. Там его завербовали в агенты ГПУ, и он стал агентом Разведупра РККА в Финляндии.

В августе 1927 года С.М. Петриченко вновь приехал в Ригу и в советском посольстве подал заявление на имя М.И. Калинина с просьбой вернуть советское гражданство и разрешить въехать в СССР. В 1927 году Петриченко въезжал через Латвию в СССР. Возвратившись в Финляндию, устроился на целлюлозную фабрику в Кеми, где работал до 1931 года. Был уволен с фабрики по сокращению штатов и переехал на жительство в Хельсинки. В 1937 году заявил об отказе сотрудничества с советской разведкой, однако затем снова согласился продолжить работу. С началом Второй мировой войны деятельность Петриченко была переориентирована на освещение военных приготовлений Германии и ее союзников. От Петриченко было получено несколько важных сообщений о подготовке Германии к войне против СССР.

В 1941 году С.М. Петриченко был арестован финскими властями. 25 сентября 1944 года на основании соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией он был освобожден, а 21 апреля 1945 года вновь арестован и передан в органы контрразведки Красной Армии. Следствие по делу Петриченко вел старший следователь контрразведки СМЕРШ капитан Новоселов. По указанию главного военного прокурора Лозинского, дело было передано в Особое Совещание НКВД СССР, где было рассмотрено без присутствия обвинения и защиты. Приговор, вынесенный 17 ноября 1945 года, гласил: «Петриченко Степана Максимовича за участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к финской разведке заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 24 апреля 1945 года». Умер Степан Максимович Петриченко 2 июня 1947 года во время этапирования из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму.

САПОЖКОВ Александр Васильевич (?–1920)

В июле – августе 1920 года в Бузулукском и Новоузенском уездах Самарской губернии произошло антибольшевистское восстание, известное по фамилии его руководителя, левого эсера, бывшего командира 9-й кавалерийской дивизии Красной армии Александра Васильевича Сапожкова. Считается, что главным поводом для его выступления против коммунистического режима стали не его происхождение, мировоззрение и партийность, а, в первую очередь, личная обида на высшее военное руководство, которое освободило его от должности командира дивизии и заменило на «спеца», бывшего офицера царской армии, принявшего после революции сторону большевиков. Неудивительно, что главным лозунгом восставших был следующий: «Да здравствует Советская власть! Да здравствует III Интернационал! Долой буржуазных спецов и лжекоммунистов!».

А.В. Сапожков происходил из крестьян-середняков Новоузенского уезда Самарской губернии. Участвовал в Первой мировой войне, а в 1917 году в чине подпоручика вернулся в Новоузенск. Стал первым председателем Новоузенского уездного совета, был фактически «главным руководителем Октябрьского переворота в уезде», как позднее было записано в документах следствия.

В мае 1918 года А.В. Сапожков был избран членом Самарского губревкома. Был левым эсером, но после восстания Чехословацкого легиона стал называть себя коммунистом, однако, не вступая в партию. Создавал в Новоузенском уезде красногвардейские отряды из революционно настроенных крестьян и бывших фронтовиков. Красногвардейские бригады Сапожкова и Чапаева, собиравшего отряды в соседнем Николаевском уезде, вошли в созданную в июне 1918 года 4-ю армию Восточного фронта и принимали участие в боях в районе Уральска против казаков и Народной армии Комуча.

В ходе боев А.В. Сапожков зарекомендовал себя как талантливый командир. Служил в 22-й дивизии. После того как в части разразился мятеж, в ходе которого были убиты члены Реввоенсовета 4-й армии Линдов, Майоров и Мяги, предыдущий начдив А.А. Дементьев был снят с поста, и тогда дивизию возглавил Сапожков.

В апреле 1919 года 22-я дивизия была окружена в Уральске белокказаками под командованием генерала В.С. Толстова. 20 апреля город был объявлен на осадном положении. Связь со штабом 4-й армии осуществлялась только по радио и самолетами. Осада длилась 80 дней, после чего была снята 25-й стрелковой дивизией и Особой коммунистической бригадой (командир – И.М. Плясунков) под общим командованием В.И. Чапаева. Героическая оборона прославила дивизию: три ее полка были награждены Почетными революционными Красными Знаменами, еще один полк, а также свыше 100 человек лично – орденами Красного Знамени.

Вскоре 22-я дивизия была переброшена на Южный фронт, сражалась в Донской области, но Сапожков «за неумелое командование и за разлагающую политику...» был убран с фронта и послан в тыл для формирования частей из собранных дезертиров.

Вернувшись с фронта, Сапожков попытался прекратить в Новоузенском уезде продразверстку и восстановить свободную торговлю, что, конечно же, окончилось неудачей. Однако именно ему было поручено формирование в Бузулукском уезде Самарской губернии 9-й кавалерийской дивизии для дальнейшей отправки на Юго-Западный фронт.

9-я кавалерийская дивизия создавалась в составе двух полков. Один полк был сформирован в основном из бывших бойцов 25-й Чапаевской дивизии с основным ядром из местных крестьян, второй – из уральских казаков, перешедших на сторону красных. На командные должности А.В. Сапожков назначал своих старых боевых товарищей, многие из которых также были местными уроженцами и левыми эсерами. Даже особый отдел дивизии возглавлял преданный Сапожкову В. Масляков.

Дивизия отличалась слабой дисциплиной: командованию округа поступали донесения о насилии, творимом бойцами дивизии над крестьянами, об агитации против продовольственной политики советской власти и даже об оскорблении портрета В.И. Ленина. В конце июня Сапожков был вызван в штаб Заволжского военного округа, где ему было сделано строгое предупреждение о недопустимости антисоветской агитации в дивизии, которое, однако, не возымело действия.

Всё это в итоге и послужило причиной для отстранения А.В. Сапожкова от командования дивизией. 4 июля командующим войсками Заволжского военного округа К.А. Авксентьевским был издан приказ об отстранении Сапожкова с должности начальника 9-й кавалерийской дивизии в связи со служебным несоответствием. На его должность был назначен бывший офицер царской армии Г.О. Стосуй.

Однако штаб округа совершил непонятную ошибку. Несмотря на то, что 4–6 июля Сапожков находился в Самаре, ему не было сообщено о подписанном приказе, и он спокойно вернулся в дивизию. Известие об отстранении дошло до него только 8 июля, и произвело, по утверждениям свидетелей, «потрясающее впечатление». В. Масляков свидетельствовал: «Вид у него был похоронный; прислонясь к забору, он нервно говорил о том, что он все свои способности, силы и здоровье отдал на укрепление советской власти. При этом вынул из кармана копию радиотелеграммы от т. Ленина, полученной им в Уральске во время осады, в которой Ленин телеграфировал ему, Сапожкову, что Республика его (Сапожкова) за удержание Уральска не забудет. “А теперь, – говорил далее Сапожков – меня смещают...” Сапожков уже плакал».

Традиционно считается, что восстание имело под собой только личные причины его руководителя. А.В. Сапожков был обижен отстранением от командования дивизией, ненавидел военных специалистов из царской армии, одним из которых его заменили. Амбиции, авантюризм и левозэсеровское прошлое подтолкнули его на путь мятежа. А рядовые красноармейцы участвовали в мятеже несознательно из-за непонимания ситуации.

Однако документы дают и другую трактовку событий. 27 июля ответственный работник Петухов из Самары сообщал в ЦК партии: «Сапожков поднял бунт после отстранения его от командования за пьянство, он был прав, возмущаясь этим поступком Заволжского округа, ибо таковое во главе с Авксентьевским, Андерсом и другими само часто является даже на службу в штаб в невменяемом состоянии от опьянения... По некоторым версиям, я слышал, если послать категорический приказ о сдаче Сапожкова за подписью товарищей Ленина и Троцкого и в этом же приказе отозвать Авксентьевского и человек пять генштабистов из штаба округа: Андерса, Балтийского, Токаревского, Кирпичникова и Волкова, то Сапожков сдастся».

В материалах следственного дела, расследовавшего деятельность командования округа в конце 1920 года, приводятся факты: красноармейцы округа, в том числе и восставшей 9-й дивизии, находились в ужасающем положении. Не было продуктов, обмун-

дирования, снаряжения. Развивалось дезертирство, росло количество преступлений, не велась культурно-просветительская работа. Росло число больных тифом и цингой, зараженных паразитами. В частях процветали пьянство, картежная игра и мордобой. В то же время командование округа жило совсем иначе: «Все вместе представляет чудовищный конгломерат из грязи, крови, авантюры, винных паров, безобразий, преступлений, самоуправства, спекуляции, обмана... Все спешат, все веселятся, устраивают бесшабашные оргии, дым идет коромыслом, и все это на глазах разутых и раздетых красноармейцев, на глазах голодных рабочих и крестьян, на глазах всего населения».

В заключении следственной комиссии подчеркивалось, что восстание назревало, с одной стороны, при условиях общего недостатка, холода и нищеты в рядах красноармейцев, и, с другой стороны, при обжорстве, пьянстве, разврате и полной оторванности от масс высшего командования и политруководства округа и отсутствии политической работы в частях.

9 июля Сапожков на встрече с близкими ему командирами сообщил о своей отставке и предложил «выразить протест вооруженной силой». Тогда же он предложил идейную платформу для будущего восстания:

- Долой комиссаров и старых спецов!
- Освободить из тюрем политзаключенных и других мелких преступников, за исключением контрреволюционеров и совершивших преступления с корыстной целью!
- Реорганизовать советы, в выборах которых имеют право участвовать только имевшие к 1914 году капитал не более десяти тысяч рублей!

13 июля собрание комсостава дивизии подтвердило решение о вооруженном выступлении. Опасные для начинания люди были немедленно арестованы.

14 июля на дивизионном митинге в селе Погромное, в 25 верстах от Бузулука (Оренбургская область), А.В. Сапожков зачитал Приказ № 1 о переименовании 9-й кавдивизии в 1-ю Красную армию «Правды». В приказе также содержался призыв выступить против буржуазии и «других элементов, которые недавно под мощным ударом Красной армии сложили оружие, и в настоящее время занимают видные ответственные посты, как-то: в совнархозах, райпродкомах, штабах». Сапожков заявил, что в РКП(б) произошёл раскол, а в стране введено «неправильное государственное правление». Была объявлена и цель восстания: «Объединить все беднейшее рабоче-крестьянское население в одной идее, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов

коммунистической партии под лозунгом “Вся власть Советов действительна по программе партии большевиков на основе Конституции!”. Также в приказе разрешалась свободная торговля всеми продуктами, при этом указывалось, что спекулянтов будет ждать суровое наказание.

Армия была разделена на 1-ю кавалерийскую дивизию, 1-ю стрелковую дивизию, состоящую из двух пехотных полков, а также конную батарею из 4 орудий. Политическим руководителем армии назначался Ф.И. Долматов, начальником кавалерийской дивизии – Т.Ф. Зубарев, начальником штаба – Е.А. Хорошилов, его помощником по административной части – С.А. Хорошилов, командиром 1-й стрелковой бригады 1-й стрелковой дивизии – тов. Воробьев. Политотдел и особый отдел упрощались. Бойцам армии предписывалось соблюдать самую строжайшую дисциплину, «поскольку дисциплина – это основа Красной армии и ее боеспособности, а всякое разгильдяйство, неподчинение и неисполнение приказов, соответственно, будет строго караться».

Для привлечения новых бойцов и формирования 2-й стрелковой дивизии А.В. Сапожков отправил одного из своих соратников И.М. Плясункова в Пугачевский уезд. Планировалось поднять население уезда на борьбу, захватить Пугачев и Балаково. В помощь Плясункову было выделено 30 красноармейцев, ранее служивших в 25-й Чапаевской дивизии, некогда сформированной из добровольцев Пугачевского (до 1920 года – Николаевского) уезда. Очевидно, планировалось использовать связи чапаевцев с местными жителями и авторитет имени В.И. Чапаева для вербовки сторонников. Однако затея провалилась. Уже 18 июля К.А. Авксентьевский доложил, что Плясунков взят в плен.

Программа, описанная в Приказе № 1 и в ряде других документов, а затем оглашенная на митингах, была тесно связана с борьбой крестьянства против политики «военного коммунизма». Основными требованиями программы были перевыборы советов, отмена продотрядов, возврат к свободной торговле. Указывалось, что «нынешняя партия коммунистов забрала всю власть в стране и всецело стала проводить диктатуру, то есть полную власть одной только партии коммунистов, но не диктатуру всего пролетариата, как это должно быть».

Общей целью восстания объявлялось следующее: «Мы хотим заставить правительство прислушаться к нашему голосу и вашему стону, увидеть те тюрьмы и места заключения, битком набитые нами, и изменить политику в образе правления страной. Если это правительство действительно, народная власть, то она и поймет

нас, и услышит, и облегчит нашу жизнь, если же она не слушает нас, то это правительство не желает добра народу».

Первой целью восставших стал Бузулук. Силы А.В. Сапожкова в начале восстания составляли 500 штыков, 500 сабель, 2 орудия и три пулемета. Им противостоял гарнизон численностью 700–800 штыков. После того, как о восстании стало известно, несколько раз предпринимались попытки связаться с Сапожковым по телефону, но безрезультатно. В городе немедленно был организован военно-революционный комитет, ненадежные воинские части разоружили, зато вооружили местных коммунистов и комсомольцев. Около 12 часов дня на личные переговоры с Сапожковым в Ново-Александровку выехал уездный военком С. Сучков. Сапожков первоначально предъявил требования: выдать советских партийных работников, разрешить вольную торговлю, разогнать райпродком. Однако вскоре все требования были заменены на одно: сдать город, или он будет взят штурмом.

В 15 часов началось наступление сапожковцев на Бузулук. Город сопротивлялся всего один час, а затем его защитники отступили. Захватив город, часть сил Сапожков отправил на станцию Колтубанка, после захвата которой был разобран железнодорожный мост через реку. По словам очевидца, на Красном Знамени въехавших в Бузулук восставших было написано наверху мелкими буквами «Рос. Сов. Социал. Респ.» и в середине – крупными буквами: «Долой яйца и масло, да здравствует соль!». В разговорах повстанцы утверждали, что они стоят за советскую власть. Обещалось разрешение вольной торговли, разгон райпродкомов и коммунистов, перевыборы советов. В качестве причины выступления назывались недовольство продовольственной политикой «засевших за власть коммунистов» и последняя разверстка губпродкома на масло и яйца.

Часть гарнизона немедленно присоединилась к восставшим. В городе повстанцы разжились военным имуществом, продуктами, а также транспортом: уводился гужевой транспорт и лошади. Вечером в городе был вывешен приказ, по которому город объявлялся на осадном положении, всем жителям под страхом расстрела предписывалось сдать оружие, а также объявлялась мобилизация крестьян окрестных деревень. Мобилизация оказалась успешной, крестьяне охотно вступали в ряды Красной армии «Правды». Был избран новый исполком, причем с коммунистом во главе. Новым комендантом города был назначен В. Серов.

Советские и партийные работники, отказавшиеся перейти на сторону повстанцев, были арестованы. Однако никаких расстрелов, избиений и прочего не производилось. Сохранились подробные

записи разговоров А.В. Сапожкова с арестованными, в которых он высказывал свою позицию. Он упомянул расстрел Б.М. Думенко по подложному обвинению, сказал, что «если бы Чапаев не был убит, его бы, конечно, расстреляли, как, несомненно, расстреляют и Будённого, когда будут в состоянии без него обойтись». По его мнению, в Красной Армии наблюдалось засилье военспецов, которые стали в ней полными хозяевами в отличие от проверенных бойцов: «Остается ожидать только, что пригласят великого князя Николая Николаевича».

По мнению Сапожкова, советские работники оторвались от масс, обуржуазились, сформировав особую привилегированную касту. Высказывалась критика и к внешней политике: Сапожков считал, что она принимает захватнический характер и следует принять мирные условия Польши. Критиковалась Красная Армия: институт военных комиссаров вносит двоевластие, а командовать частями должны не спецы, а испытанные боевые революционеры. Резкой критике была подвергнута продовольственная политика, которая, по мнению Сапожкова, осуществляется просто безобразно, сопровождаясь угнетением крестьян и насилием, и требует полной реорганизации. А местные коммунисты, по его словам, творят преступления и ложно информируют центр о своей работе и политике на местах.

Коснулся Сапожков и еврейского вопроса, выразив удивление фактом, что «евреи кишмя кишат в тылу, в то время как на фронте их чрезвычайно мало». В целом все разговоры велись им в очень корректном тоне, возможно, он хотел привлечь арестованных на свою сторону. Также он выразил твердую уверенность, что через 3 дня возьмет Самару, а через 2 недели на его стороне будет все Поволжье.

15 июля Реввоенсовет армии «Правды» принял «Декларацию прав человека и гражданина Р.С.Ф.С.Р.», которая среди прочих предусматривала следующие шаги:

- провести перевыборы Советов с тщательной фильтрацией всех Советов и исполкомов «от присосавшегося буржуазного элемента»;
- все органы РКП(б) оставить на месте, но произвести тщательную перерегистрацию членов партии в соответствии с указаниями ЦК;
- всю промышленность и торговлю передать государству «с ревизиями созданной Рабоче-Крестьянской инспекции», после чего каждый гражданин может «пользоваться кустарным производством и вести торговлю, не превышающие сумму 100 000 рублей».

Тогда же состоялись три митинга, на которых разъяснялось, что действия восставших направлены против центральной власти, которая, как и раньше, населению ничего не дает, а «только все берет и разоряет, ведя теперь уже войну на чужих территориях». Отвечая на вопросы, выступающие заявили, что коммуны они считают буржуазными организациями, и их, соответственно, не поддерживают, а совхозам же придают большое значение и признают необходимым способствовать их развитию.

После начала открытого восстания вечером 14 июля Самарский губисполком направил для борьбы с повстанцами отряд под командованием Шпильмана, который 15-го числа уже вел бои с сапожковцами северо-западнее Бузулука. Ему в поддержку были также направлены эскадрон запасного кавалерийского дивизиона и рота добровольцев из Самары. В то же время Оренбургский губком РКП(б) выслал отряд численностью свыше 1000 бойцов под командованием В.И. Келлера.

Противостоять таким силам сапожковцы смогли лишь два дня. 16 июля Бузулук был взят красными. 18 июля их отряды объединились в Бузулукскую группу войск под командованием В.П. Распопова, общее командование по подавлению мятежа возлагалось на К.А. Авксентьевского.

Всего для подавления восстания было привлечено 12362 штыков, 1659 сабель, 89 пулеметов, 46 орудий. Но и первоначальные силы повстанцев после отступления из Бузулука существенно выросли: в Армию «Правды» вступило около 1300 человек. Многие из новобранцев были дезертирами из Красной Армии, присоединялись к ним и уральские казаки.

А.В. Сапожков отступил из города на юго-восток. В связи с этим начальник оперативного отдела Заволжского военного округа Федоров докладывал: «Чем дальше он двигается на юг, тем более сочувствия среди населения встречает Сапожков, и тем удачнее его мобилизации. Сапожкову здесь радуются, нас боятся и ненавидят. Чем дальше Сапожков будет двигаться, тем труднее будет с ним борьба». Донесения с мест свидетельствовали о сложности ситуации: «Не имея шифра, ответа дать не могу, так как население почти поголовно сочувствует Сапожкову», «местные жители в громадном большинстве на стороне сапожковцев, сбивая с пути наши разъезды», «местные жители ему обо всем сообщали» и т. д.

Командование военного округа действовало весьма нерасторопно. 22 июля К.А. Авксентьевский объяснил медлительность в подавлении восстания тем, что повстанцы конные, а посланные для их ликвидации отряды – пешие. Также действиям Красной

Армии мешали, по его словам, степная местность, отсутствие связи и хороших дорог. Такая медлительность не устраивала центральную власть. 28 июля на имя Авксентьевского поступила телеграмма от Л.Д. Троцкого следующего содержания: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху донизу должны быть беспощадно наказаны. В подведомственном вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддерживают мятеж Сапожкова. Кара должна быть распространена не только на командный состав, но и на солдат. Если считаете полезным, выезжайте сами в район ликвидации мятежа. Полезно распространение воззваний самолетами в районе восстания. В этих воззваниях вы могли бы сказать, что вами получен приказ расстреливать всякого повстанца, захваченного с оружием в руках. Смягчение участи ожидает только добровольно сдавшихся с оружием. Сообщите состав трибунала и инструкции, данные трибуналу».

Но телеграмма не возымела эффекта. 29 июля Саратовский губком РКП(б) докладывал в ЦК, что командования в красных частях фактически нет, из командиров никто не знает общего положения дел, учет воинских отрядов не ведется, командующий округом Авксентьевский пьянствует, доверяя ведение операций неблагонадежным членам реввоенсовета – спецам, авторитет советских работников в частях, ведущих операции против восставших, сведен на нет.

1 августа в штаб округа пришла еще одна телеграмма от Л.Д. Троцкого с обвинениями в непозволительном затягивании ликвидации мятежа. 2 августа в адрес руководства штаба по ликвидации восстания пришла телеграмма уже за подписью В.И. Ленина, в которой для недопущения бегства Сапожкова предлагались следующие меры: «...обязать все ревкомы и исполкомы оставаться на местах до последней возможности, энергично ведя агитацию против изменника и всячески препятствуя его агитации среди населения... пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главарей; от селений, лежащих на пути следования Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия».

Такое давление из центра, наконец, сказалось на действиях на месте. Была разработана операция, по которой предполагалось наступление с окружением деревни Таловой (Пугачевский уезд), находившейся в руках сапожковцев с 26 июля. Однако Сапожков,

разбив свою армию на два отряда, ускользнул из окружения. 8-й полк армии «Правды» под командованием Усова и Серова ушел в сторону Уральска, а Сапожков с 7-м полком ушел в направлении Новоузенска (юг Саратовской области).

Уральск был объявлен на осадном положении, в городе прошла мобилизация. Взять город сапожковцам не удалось. А в бою 9 августа в районе Кон-Так-Кулук отряд Усова был разбит частями под командованием Келлера. Сам Усов с небольшой группой бойцов с места сражения скрылся и через несколько дней присоединился к Сапожкову. У Сапожкова боевые действия также шли неудачно. 6 августа он попытался атаковать Новоузенск, но усиленный гарнизон устоял, хотя, по докладам чекистов, часть местного населения ждала повстанцев. Повторная атака 11 августа также не принесла повстанцам никаких результатов.

В то же время предпринимались и другие меры, предложенные Лениным и Троцким. В Пугачевском уезде велась информационная агитация о «гнусностях Сапожкова», листовки с соответствующим содержанием разбрасывались с самолета. Особому отделу было отдано распоряжение арестовать в качестве заложников семьи и родственников лидеров восставших. 8 августа была взята в плен восемнадцатилетняя Д.С. Сапожкова, жена бывшего командира дивизии, с момента восстания следовавшая за мужем. 2 сентября ревтрибуналом она была приговорена к расстрелу по обвинению в государственной измене, однако 3 сентября исполнение приговора было отложено, поскольку «сохранение жизни осужденной Сапожковой как лицу, имеющему значение для Сапожкова, является желательным именно в данный момент напряженного преследования главного мятежника в целях его обуздания, дабы создать положение компенсации на случай, если бы кто из преследующих его доблестных героев Красной армии случайно оказался плененным мятежником».

22 сентября, уже после гибели А.В. Сапожкова, В.П. Распопов, командующий войсками по подавлению мятежа, в письме во ВЦИК предлагал пощадить жизнь Дарьи Сапожковой, которая, по его словам, была машинисткой комдива, а затем «случайно оказалась на положении жены главного бунтовщика». Дальнейшая её судьба неизвестна.

В течение всего августа продолжались бои между силами Армии «Правды» и преследующими их частями Красной Армии. Силы сапожковцев таяли, и они были вынуждены отступать в завожские степи, в район озера Бак-Баул (Астраханская губерния).

6 сентября состоялся решающий бой. Отряд красноармейцев Тимашева численностью 70 человек настиг сапожковцев в районе

аула Койм. А.В. Сапожков лично руководил последней атакой, находясь впереди своего отряда. Курсант борисоглебских кавалерийских курсов Шевцов с тремя другими всадниками бросились ему наперерез. Сапожков, однако, заметил маневр и сам устремился на преследующих, но был окружен. Выстрелом под ним была убита лошадь, которая придавила всадника. На помощь Сапожкову бросились командир батареи Землянский и его помощник Будыкин. Шевцов, видя, что живым взять Сапожкова не удастся, убил его, выстрелив в упор. После гибели командира остатки мятежников, разделившись на несколько групп по 10–15 человек, рассеялись в южном и в юго-западном направлениях, преследуемые частями Красной Армии.

С 7 по 14 августа 1920 года в Самаре проходили открытые судебные заседания Ревтрибунала Заволжского военного округа по делу о вооруженном контрреволюционном мятеже 9-й кавалерийской дивизии под руководством бывшего начдива А.В. Сапожкова. Из 150 человек, представших перед судом, 52 были приговорены к расстрелу, в том числе бывший начальник особого отдела дивизии В. Масляков (29 лет), начальник активной части особого отдела дивизии Г. Дворецкий (20 лет), председатель полевой комиссии по борьбе с дезертирством А. Осипов (25 лет), комбриг Ф. Зубарев (37 лет). На местах работали выездные сессии Ревтрибунала, разобравшие дела более 2 тыс. человек. К расстрелу было приговорено как минимум 117 человек.

Из командного состава 9-й кавалерийской дивизии удалось скрыться Серову, Усову и Долматову. В.Р. Серов вновь вступил в Красную Армию, очевидно, утаив часть своей биографии, и уже в апреле 1921 года возглавил очередной мятеж, в котором принимали участие также и отряды Усова и Долматова.

Мощного восстания, как надеялся А.В. Сапожков и чего опасались большевики, так и не произошло. В большинстве своем поддержка повстанцев крестьянами носила пассивный характер. Повстанцам помогали едой, подводами, лошадьми, разведданными, но лично из числа крестьян присоединялись к восставшим лишь немногие.

Среди причин этого исследователи отмечают моральную усталость населения от непрекращающейся войны, неверие в победу над большевиками, жесткие меры по пресечению попыток подержать или присоединиться к мятежу, предпринятые властями.

То, что на ликвидацию мятежа потребовалось два месяца, объясняется не его масштабами, а недостаточно эффективной организацией со стороны командования Заволжского военного округа.

Мятеж породил волну бунтов, прошедших по уездам Самарской и Саратовской губерний. В военный отдел Продармии сообщалось: «Во всех районах наблюдаются восстания кулачества, которые избивают членов райпродколлегии, райпродкомиссаров, и в дальнейшем ведение продработы без помощи вооруженной силы недопустимо». Однако основные военные силы в регионе оказались заняты в подавлении мятежа. Только к концу сентября властям удалось продолжить продработу, которая шла необычайно тяжело из-за неурожая 1920 года.

СЕРОВ Василий Родионович (1890–1923)

Повстанческое движение в Поволжье и уральских степях под руководством Василия Родионовича Серова зародилось в 1920 году. В июле–сентябре 1920 года на территории Самарской и Саратовской губерний имело место неординарное событие, получившее широкий резонанс в стране, – сапожковщина. Среди крестьян и той части казаков, которая прежде поддерживала красных, созрела мысль о «перерождении» советской власти.

Сапожковщина получила продолжение и развитие в повстанчестве В.Р. Серова, одного из ближайших сподвижников погибшего А.В. Сапожкова. В течение двух с лишним лет до осени 1922 года вся военная мощь советского государства не могла справиться с повстанцами, основу которых составили поволжские крестьяне, уральские и астраханские казаки. Редкий пример столь длительного сопротивления!

В.Р. Серов служил командиром полка во 2-й Туркестанской дивизии начдива А.В. Сапожкова, и после захвата Бузулука Сапожков назначил его начальником местного гарнизона. До начала восстания Серов не был врагом новой власти, а в 1919 году даже вступил в партию.

После гибели А.В. Сапожкова в сентябре 1920 года В.Р. Серов приступил к формированию собственного повстанческого отряда. Его отряд, достигший к 1921 году численности в 2 тыс. человек, совершал нападения на сыпные пункты зерна, вел вооруженную борьбу с Красной Армией.

Повстанческое войско Серова именовалось Первой атаманской дивизией восставших войск – «Воля Народа» и состояло из трех полков. Сам Серов занимал должность начдива. При штабе дивизии имелись: реввоенсовет (его председатель Ф. Далматов находился у Серова с начала организации повстанческой дивизии), отдел пропаганды и следственная комиссия. В лагере повстанцев следовали их жены и дети.

Повстанчество В.Р. Серова получило четко выраженный идейный характер. Даже советское руководство признало, что борьба отрядов под руководством Серова «выходила за рамки обычного бандитизма». В январе 1921 года среди повстанцев была распространена Декларация Революционного военного совета и командующего армией «Воля Народа», подписанная командующим Серовым и председателем реввоенсовета Далматовым. В документе из 16 параграфов была изложена политическая программа.

В Декларации Серова и Далматова нет ни единого намека на отказ или ревизию коммунистической идеи – за коммунизмом признается «великое будущее». Однако большевистская коммунистическая партия обвинялась в узурпации власти и подмене обещанной власти народа диктатурой пролетариата – фактически диктатурой партии коммунистов.

Программа Серова–Далматова во многом предвосхитила принципы нэпа: отказ от принудительной государственной коммуны и государственной монополии на продукт труда, признание мелкой частной собственности, организация контроля над капиталом, создание государственной денежной системы, разрешение свободной торговли. Все это предлагалось задолго до появления новой экономической политики. Однако имелось и принципиальное отличие от советского нэпа – прежде всего, организация выборной народной власти на основе всеобщего избирательного права, признание принципов демократической свободы. Кроме того, провозглашались недопустимость захвата и узурпации власти отдельными партиями, развитие местного самоуправления, право народов на самоопределение, установление прочного мира и взаимоотношений с иностранными государствами.

Основные положения, изложенные в приведенном документе, созвучны идеям, высказанным в 1919 году народным вождем Ф.К. Мироновым. Можно утверждать, что Декларация Серова – Далматова по своему содержанию сопоставима с другими протестными документами массовых народных движений: Программой антоновского Совета трудового крестьянства в Тамбовской губернии и Резолюцией гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 года.

16 октября 1921 года в Москве Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом приняла решение: «...на территории Приволжского военного округа затяжка борьбы с бандитизмом недопустима». Командующему войсками округа было приказано в 1,5-месячный срок «вырвать с корнем бандитизм на территории военного округа». Особо оговаривалась возможность «в случае необходимости изъятия семей бандитов для отправки в другие районы».

В.Р. Серов предпринял попытку переговоров по телеграфу с командованием Приволжского военного округа, располагавшимся в Уральске. Со стороны советского командования была создана комиссия для переговоров: командир 81-й бригады, председатель Уральского губисполкома и председатель губчека. 26 января 1922 года были заключены предварительные условия о прекращении боевых действий на две недели. Советская сторона трактовала инициативу Серова однозначно как «переговоры о сдаче».

Вероятно, мотивы для вступления в переговоры со стороны Серова и Далматова были гораздо глубже. Об этом свидетельствуют, во-первых, условия о прекращении боевых действий, поставленные повстанцами: обеспечить свободу личности и выбора местожительства, оставить по одной лошади на каждого повстанца. Во-вторых, двухнедельное перемирие Серов использовал для проведения агитационной работы, распространял Декларацию, а также пропагандистские листовки среди населения. В-третьих, Серовым были проведены перевыборы сельских и волостных исполкомов на контролируемой им территории. Итак, Серов действовал в духе собственной политической Декларации: убедившись после долгих боевых действий (с июля 1920-го по январь 1922 года) в бесперспективности военного противоборства с регулярными частями Красной Армии, ЧК, ЧОН, ВНУС, он искал политический выход к мирной жизни. Вероятно, возможность ухода за границу его не прельщала, иначе бы он ею воспользовался.

Среди местного населения распространялась листовка Реввоенсовета восставших, где народу разъяснялась цель борьбы повстанцев: «...ни один волос не только с головы красноармейца или частного гражданина, но даже с головы того же коммуниста не пал по нашей вине, борьба наша чисто политического характера, а не материального. В основу ее входит их лозунг: “Свобода, равенство и братство для всего русского народа”, настолько родной народу, что после ознакомления населения с декларацией восставшего народа в наши ряды вступили добровольцами не только из среды частных граждан, но из красноармейцев и партийных, искренне раскаявшихся в своем заблуждении. Чем это объясняется?

А тем, что народ убедился воочию, что восставшие войска “Воли Народа” не есть бандиты, как их именует советская власть, а есть партизаны, которые несут народу волю, освобождение народа от гнета советского строя... Остается лишь один свободный русский народ без диктаторов-комиссаров, объединенный под общим лозунгом “Свобода, равенство и братство!”».

Слова о вступлении в ряды повстанцев красноармейцев и партийных не были простым пропагандистским приемом. В октябре 1921 года коммунист А.Б. Семёнов, начальник штаба 4-й армии, секретарь и член коллегии ЧК города Новоузенска, присоединился к восставшим. В укреплении Уильское сдался без боя взвод отдельной Актюбинской роты ЧК.

Во время переговоров с повстанцами полномочия комиссии с советской стороны не были определены. А жесткие требования «о сдаче банды» не могли быть приняты противоположной стороной: В.Р. Серов не отправил своих представителей в Уральск к назначенному сроку, дальнейшие переговоры он прервал. Советская сторона сочла, что «бандиты» всего лишь использовали перемирие для передышки, пополнения продовольствия и фуража. Распространялись слухи о том, что «бандиты Серова» терроризировали местное население, проводили разверстки и конфискации, отбирая последний скот, объявляли мобилизации казаков, расстреливали за неподчинение. Однако все это никак не соответствует идейному направлению повстанцев. Более того, при необходимости, чтобы избежать ненужных потерь, Серов распускал местных крестьян и казаков по домам.

О действиях Серова главное командование Красной Армии регулярно докладывало председателю Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкому и его заместителю Э.М. Скланскому. Два доклада в январе 1922 года (14 и 16 января) были направлены лично В.И. Ленину и В.М. Молотову. 11 февраля 1922 года Скланский запросил главкома РККА С.С. Каменева: «С чьего согласия создана эта комиссия и на какой основе ведутся переговоры?» Советское командование опасалось возможного наступления повстанцев на Гурьев или Уральск. Войскам был дан приказ о переходе с 12 февраля в «решительное наступление для ликвидации банды Серова».

Можно с уверенностью утверждать, что ни одна банда не ввязалась бы в длительные и кровопролитные бои (один из них продолжался 18 часов). Мотивация действий повстанцев, очевидно, заключалась в идейном настрое. В начале апреля 1922 года Серов прибег к испытанной партизанской уловке: он разделил свою армию на мелкие группы по 40–100 человек. Малочисленность

групп позволяла получить большую подвижность. Попытки параллельного преследования, окружения, организации засад оказались неэффективны: огромные пространства степей давали Серову возможность уходить от правительственных войск. Пехотные карательные части не могли угнаться за маневренными отрядами.

В.Р. Серов в очередной раз выразил желание покончить с бесперспективным военным противоборством: 4 мая 1922 года Саратовское ГПУ получило от него письмо с предложением о переговорах. Повторилась ситуация, имевшая место в январе, но с одним существенным отличием: Серов решил вести переговоры не с военным руководством, а с губернским органом ГПУ. 7 мая представители комиссии ГПУ выехали на переговоры с Серовым. Боевые действия на этот раз не прекращались.

Переговоры происходили независимо от военного командования. 10 апреля 1922 года последовал приказ главкома С.С. Каменева командующему войсками Приволжского военного округа о ликвидации отряда Серова во что бы то ни стало без привлечения ГПУ. В данном случае разделились интересы двух разных ведомств. Военное руководство настаивало на ликвидации повстанцев Серова военными методами, отвергая любые переговоры. Главком Каменев был уверен: Серов опять пытается выиграть время для усиления. Скланский поддерживал мнение о категорическом запрещении вступать в переговоры с Серовым.

Однако 15 августа 1922 года В.Р. Серов добровольно сдался особоуполномоченному ГПУ. 14 августа добровольно сдался также сподвижник Серова – Ф. Далматов. Можно предположить, что прекращение вооруженной борьбы и добровольная сдача двух руководителей повстанцев имели под собой идейную основу. Крестьянское протестное движение в Поволжье, несмотря на элементы организованности, по своей природе оставалось стихийным, обреченным на неравное противоборство с мощной государственной машиной. Серов и Далматов, быть может... просто пожалели своих людей. Самарским ревтрибуналом они были приговорены к расстрелу в 1923 году.

СТРУК Илья Тимофеевич (1896–1969)

Илья Тимофеевич Струк в ноябре 1918 года оказался атаманом крупного (порядка 2 тыс. человек при пулеметах и пушках) отряда, выступавшего против диктатуры гетмана П.П. Скоропадского на стороне Директории Украинской народной республики (УНР, петлюровцев). В декабре 1918 года, после захвата Киева войсками УНР, Струк был арестован по указу Директории за погромы, разбои и неподчинение приказам. Дело закончилось ничем.

Уже в феврале 1919 года И.Т. Струк вел переговоры о переходе со своим отрядом на сторону наступающей Красной Армии. Его отряд был переименован в 20-й полк, а сам он получил задание удерживать участок фронта против войск петлюровцев.

В марте 1919 года отряд И.Т. Струка поднял восстание против власти большевиков. Территория Чернобыльского уезда все это время продолжала находиться под его фактическим контролем. Финансирование Повстанческой армии было насильственно возложено на евреев.

10 апреля И.Т. Струк отправился штурмовать советский Киев, воспользовавшись тем, что его коллега, атаман Зелёный, штурмовал его в то же самое время с другой стороны. Повстанцы Струка проникли на Подол, где потеряли боеспособность, так как занялись грабежом евреев. В это время войска Украинской народной республики под командованием С.В. Петлюры подступили к Киеву с третьего (пока еще свободного) направления. Поскольку все красные части были заняты, выбивать Струка и его армию с Подола пришлось отряду, сформированному из моряков, подростков-комсомольцев и непосредственно из членов правительства Советской Украины, включая К.Е. Ворошилова. Струк отступил туда же, куда и всегда – в Чернобыльский уезд.

В мае И.Т. Струк захватил пароход и несколько буксиров на Днепре и вооружил их. В бой со Струком вступила Днепровская флотилия красных. Корабли атамана загорелись от зажигатель-

ных снарядов, а сам Струк был блокирован в Чернобыле, который был обстрелян красными с кораблей и затем взят⁶.

Спустя некоторое время С.В. Петлюре все-таки удалось отобрать Киев у большевиков, однако в сентябре 1919 года его оттуда выбили войска Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Через несколько часов после взятия белыми Киева, атаман И.Т. Струк с отрядом появился около города и предложил белым генералам свои услуги. В результате ему удалось выторговать себе чин полковника, а своим соратникам – регулярное жалование. Когда красные атаковали Киев, Струк участвовал в его обороне, а затем занялся опять грабежом евреев, на что белые печально махнули рукой.

В декабре 1919 года Красная Армия со второй попытки захватила Киев. Отступая с белыми частями, И.Т. Струк оказался в Одессе. Руководивший городом генерал Н.Н. Шиллинг⁷ встретил его безо всякого восторга и громить кого-либо запретил. В феврале 1920 года, во время эвакуации Одессы, Шиллинг фактически передал власть в городе структурам генерала В.Н. Сокиры-Яхонтова⁸, к которому присоединился и атаман Струк.

В.Н. Сокира-Яхонтов тут же сдал Одессу большевикам и выразил готовность служить в Красной Армии, а Струк удалился со своим отрядом к румынской границе и некоторое время укрывался в плавнях Днестра. Затем, договорившись с румынами, он прошел по их территории, вывел отряд обратно на Украину и с боями вернулся в Чернобыльский уезд.

В мае 1920 года И.Т. Струк оказывал поддержку штурмующим Киев польским войскам Ю. Пилсудского, который, при содействии С.В. Петлюры, взял город. После поражения поляков отступил к польской границе. На борьбу с его отрядом были направлены крупные силы красных, однако Струк, обойдя их, в который раз просочился к себе в Чернобыль.

Образчиком политической мысли И.Т. Струка может считаться такое его заявление: «Я партизан и повстанец матери-Украины и защитник ее от грабителей, жидов и кацапов. Уничтожу всех, кто

⁶ Полупанов А. Из истории Днепровской флотилии // <http://www.moremhod.info/index.php/dnepr-menu/9-dnepr-content/214-iz-istorii-dneprovskoj-flotili> i?showall=1.

⁷ Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) – русский военачальник, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны и Белого движения.

⁸ Сокира-Яхонтов Виктор Николаевич (1874–1938) – генерал-майор. Командовал 1-й Украинской казацко-стрелецкой дивизией «серожупанников» (Черниговская губерния). Служил в армии гетмана П.П. Скоропадского. В ноябре 1919 г. приказом А.И. Деникина был назначен командующим Украинской Галицийской армией.

хотя бы в душе им сочувствует». Никаких более сложных принципов атаман, по всей видимости, не имел.

Даже на фоне других повстанческих атаманов времен Гражданской войны на Украине И.Т. Струк выглядит зловеще. По сути, он был не столько военачальником, сколько погромщиком и бандитом, хотя нельзя отнять у него и известной личной смелости и авантюристичности. Также большой интерес представляет то, что Струк оставил после себя воспоминания о своей роли в украинском противостоянии, которые, несмотря на все преувеличения и стремление к самооправданию, представляют собой исторический интерес хотя бы потому, что другие атаманы уровня Струка таких воспоминаний не оставили (если, конечно, не «опускать» до уровня Струка или Зелёного Нестора Ивановича Махно – человека совершенно иного порядка – В.М.).

Последний документированный еврейский погром был устроен И.Т. Струком в октябре 1922 года, его отряд к этому времени сократился до нескольких десятков человек, при погроме погибло 80 евреев. После этого Струк, как считается, выехал в Чехословакию, где и проживал до конца жизни.

ТЮТЮННИК Юрий Осипович (1891–1930)

Юрий Осипович Тютюнник, внучатый племянник Т.Г. Шевченко (внук родной сестры великого украинского поэта по материнской линии), родился 20 апреля 1891 года в селе Будище Звенигородского уезда Киевской губернии в крестьянской семье. Он окончил сельское начальное училище с двухлетним курсом обучения и агрономическое училище в Умани. С 1913 года служил в 6-м Сибирском стрелковом полку под Владивостоком, закончил полковую унтер-офицерскую школу.

С началом Первой мировой войны войска 1-го Сибирского корпуса были переброшены с Дальнего Востока под Варшаву. С осени 1914 года Ю.О. Тютюнник принимал участие в боях. В октябре 1914 года под Лодзью был тяжело ранен. После излечения служил в запасном полку в Кременчуге. Направлен на учебу сначала в Киев, где сдал экстерном экзамены за неполный курс гимназии, а затем в Гори, в школу прапорщиков. Со второй половины 1915 года – снова на фронте в чине прапорщика 6-го Сибирского стрелкового полка. В марте 1916 года в боях у озера Нарочь ранен в руку. После излечения с ноября 1916 года службу продолжал в Симферополе в 32-м запасном полку.

После Февральской революции в марте–апреле 1917 года Ю.О. Тютюнник – член полкового комитета. Был избран заместителем председателя Совета солдатских депутатов Симферопольского гарнизона. В мае в ходе демократизации императорской армии принял активное участие в украинизации запасного полка, в котором служил. Полк получил наименование 1-й Симферопольский полк имени гетмана Петра Дорошенко. В июне делегирован в Киев на 2-й Всеукраинский войсковой съезд. На съезде избран в состав Украинской Центральной рады. Вскоре переведен на службу в Екатеринослав, в 228-й запасный полк.

Осенью 1917 года, демобилизовавшись из армии, Ю.О. Тютюнник вернулся на родину и возглавил в Звенигородке батальон «вольного казачества», став его командиром (атаманом). Это военизированное формирование контролировало Звенигородский уезд и поддерживало правительство Украинской народной республики Центральную Раду.

В феврале 1918 года, после захвата Киева советскими войсками, Ю.О. Тютюнник объявил мобилизацию в соседних уездах и развернул свое военизированное формирование до 20 тыс. повстанцев. Казаки Тютюнника контролировали значительную территорию Центральной Украины, вели успешные боевые действия в районе Звенигородки, Золотоноши, Вапнярки, Бирзулы, Бобринской по разоружению красных армейских частей, отрядов червоного казачества, красногвардейских отрядов, действовавших на стороне большевистского правительства Украины и России. В феврале–марте 1918 года под защитой Тютюнника нашли убежище многие деятели демократического и украинского национального движения, в том числе будущий гетман Украинской державы П.П. Скоропадский.

Как отмечал Ю.О. Тютюнник в автобиографии, в знак несогласия с Центральной Радой в отношении политики сближения с Германией он вышел из ее состава. После ввода австро-герман-

ских войск на Украину и прихода к власти П.П. Скоропадского раздал населению захваченные ранее 11 тыс. винтовок, 50 пулеметов, артиллерию, боеприпасы и в июне 1918 года принял активное участие в Звенигородско-Таращанском восстании против оккупантов и гетманцев. Общая численность повстанцев достигала 25 тыс. человек, потери германцев составили около 6 тыс. солдат и офицеров.

После подавления восстания Ю.О. Тютюнник скрывался от преследований. 9 ноября 1918 года он был арестован гетманцами, посажен в Лукьяновскую тюрьму и приговорен к расстрелу, однако 14 декабря гетманский режим пал, к власти пришла Директория Украинской народной республики, и Тютюнника освободили.

Не поддерживая соглашательскую политику Директории УНР в отношении стран Антанты, высадивших десант в Одессе, Ю.О. Тютюнник в январе 1919 года направился к атаману Зелёному с целью формирования частей «украинской Красной армии». По ошибке оказался в штабе дивизии петлюровцев и был приговорен ими к расстрелу. Расстрела удалось избежать, убедив петлюровцев перейти на сторону Правительства УССР. В итоге во главе небольшого отряда Тютюнник перешел на сторону Украинской советской армии.

Побывав в начале марта 1919 года в Харькове на съезде борьбистов, Ю.О. Тютюнник прибыл к повстанцам атамана Н.А. Григорьева, 18 февраля заключившего соглашение с командованием Красной Армии, в соответствии с которым его Херсонская повстанческая дивизия вошла в состав армии Украинской ССР в качестве 1-й Заднепровской бригады 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии.

С марта 1919 года Ю.О. Тютюнник – начальник штаба 1 Заднепровской бригады, освободившей под командованием Н.А. Григорьева Николаев и Одессу от войск Антанты. С апреля 1919 года – начальник штаба 6-й Украинской советской (бывшей Херсонской повстанческой) дивизии, восставшей в мае 1919 года против большевистского режима. Стал одним из руководителей восстания (командовал бригадой из двух полков).

В конце июня 1919 года после разгрома основных сил повстанцев-григорьевцев Ю.О. Тютюнник во главе 2-тысячного отряда совершает тысячекилометровый рейд по Правобережной Украине и в середине июля 1919 года в районе Жмеринки присоединяется к армии УНР. На основе своего отряда формирует 5-ю Киевскую дивизию армии УНР и возглавляет ее.

Летом – осенью 1919 года Ю.О. Тютюнник командовал группой войск армии УНР, которая вела тяжелые бои с частями Красной

Армии и деникинцами в районе Житомира, Брацлава, Гайсина, Христиновки, Умани, Шполы. В декабре 1919-го – мае 1920 года участвовал в Первом Зимнем походе армии УНР (помощник командующего армией и командир Киевской дивизии). В составе армии УНР участвовал в Советско-польской войне на стороне поляков. С 5 октября 1920 года – генерал-хорунжий армии УНР. После интернирования армии УНР польскими властями был сторонником продолжения вооруженной борьбы за освобождения Украины, конфликтовал с С.В. Петлюрой.

Ю.О. Тютюнник был главным инициатором последней военной операции армии Украинской народной республики – Второго Зимнего похода, во время которого командовал основными силами (Волынской группой). В ноябре 1921 года плохо экипированная 1,5-тысячная группировка петлюровцев под общим командованием Тютюнника тремя колоннами выступила в рейд с территории Польши и Румынии на территорию Советской Украины и была разгромлена частями Красной Армии. Самому Тютюннику с остатками своей группы удалось бежать на территорию Польши.

17 июня 1923 года после нелегального перехода польско-советской границы, благодаря операции ГПУ Ю.О. Тютюнник был арестован. Он решил сотрудничать с советскими властями Украины: официально было заявлено, что он не арестован, а перешел на сторону большевиков добровольно. Поселился в Харькове, столице Украинской ССР. Там же преподавал в Харьковской школе красных командиров, в частности читал лекции по теме «Тактика партизанской и противопартизанской борьбы».

Выступил с серией публикаций против С.В. Петлюры, занимался литературной деятельностью, написал воспоминания «С поляками против Украины», где категорически выступил против Петлюры и политики УНР. Как указывалось в предисловии, «эта книга в первую очередь не воспоминания, а акт обвинения Петлюры и петлюровщины». Тютюнник так охарактеризовал в ней украинское руководство: ««Национальные герои» типа Петлюры и Левицкого (президента УНР) торговали землями украинской нации, душами миллионов украинских рабочих и крестьян, торговали, скрываясь, как воры, от народного глаза и никого не спрашивали. Они же себя считали призванными освобождать украинский народ. Вот и «освобождали», отдавая Галичину и Воынь с Холмщиной под господство польского магната».

Работая вместе с А.П. Довженко, Ю.О. Тютюнник стал соавтором сценария фильма «Звенигора» (в титрах – Юрий Юртик) о восстаниях в Звенигородском уезде (Киевская губерния) против гетмана, деникинцев и большевиков. В этом же фильме сыграл

свою первую роль в кино. Также снялся в фильме «П.К.П.» («Пилсудский купил Петлюру»), где выступил в роли... себя самого, генерала Юрка Тютюнника, командующего «бандами, пролезшими через польскую границу, чтобы отбить Украину для поляков».

Сотрудничая с большевиками, Ю.О. Тютюнник внес огромный раскол в ряды украинской эмиграции. По сути, его работа в УССР означала окончательную «смерть» армии УНР, ее исчезновение в польских лагерях.

Последняя должность Ю.О. Тютюнника – секретарь-инспектор ревизионной комиссии Всеукраинского государственного акционерного общества торговли (ВАКОТ). Несмотря на активное сотрудничество с властями, он попал под новую волну репрессий: 12 февраля 1929 года в Харькове был арестован по делу Украинской военной организации, откуда доставлен в Москву. Следствие продолжалось до декабря 1929 года. На допросах заявил: «от своих взглядов не отказывался и сейчас не отказываюсь». 3 декабря 1929 года Коллегией ОГПУ Ю.О. Тютюннику был вынесен смертный приговор с примечанием «приговор не приводить в исполнение до особого распоряжения».

Ю.О. Тютюнник был расстрелян 20 октября 1930 года во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. В феврале 1938 года эмигрантская «Украинская пресс-служба» в Берлине сообщила «сенсационную новость» о том, что он якобы жив и воюет на Дальнем Востоке.

28 ноября 1997 года Ю.О. Тютюнник был реабилитирован постановлением Генеральной прокуратуры Украины.

ЧЕРЕПАНОВА

Анна Прокопьевна (1891–1973)

В начале прошлого века Андриан Григорьевич Черепанов слыл на Лене известным человеком. Управляющий пристанью в Верхоленске, богатый купец, крепкий и солидный мужчина, отец семейства. Его дочери выросли и уехали учиться в Петербург, сын Василий стал офицером, прапорщиком. А.Г. Черепанов был вдовцом, но в его доме появилась купеческая дочь Анна Прокопьевна

Чемякина – молодая, статная, отчаянно смелая, в одиночку на медведя ходила. Была она младше Черепанова на 25 лет. Молодая жена быстро показала себя умелой хозяйкой. Успевала бывать и в доме, и на пристани, сама ходила по Лене с грузами на кораблях, ленивых и проныр самолично хлестала сыромятным кнутом и выгоняла без расчета. Жуликоватые приказчики боялись ее как огня.

Грянула революция, пришла власть большевиков. Амбары Черепановых опустели, вчерашние батраки в совдепе управляют, а хозяева – в разорении. Когда весной 1918 года белочехи подошли к Иркутску, на Лене появился вооруженный отряд из купцов, кулаков и бежавших из иркутской тюрьмы офицеров. Командиром отряда стал А.Г. Черепанов, но фактически управляла всем его молодая жена – Анна. Бандиты свергли Верхотенский совдеп, перебили всех активистов-коммунистов и на Качутском тракте захватили отряд большевиков, среди которых оказался председатель Сибирской ЧК И.С. Постоловский – местный Дзержинский. Черепановцы отправили пленных в Иркутск и передали их новой власти, состоявшей из социал-демократов и социалистов-революционеров. Управляющий губернией эсер П.Д. Яковлев приговорил первого чекиста Сибири к смертной казни, и Постоловского повесили в Глазовском предместье.

Когда в 1920 году вернулись красные, А.Г. Черепанов собрал своих сподвижников и поднял восстание. К нему присоединилось много офицеров-капелевцев, участников Великого Сибирского Ледяного похода, не успевших уйти в Забайкалье. Отряды ЧОН ловили повстанцев по тайге, но часто сами оказывались в роли пойманных. Так случилось с отрядом под командованием Мишарина. Несколько раз он почти настиг людей Черепанова, но однажды чоновцы устали и решили отдохнуть. Ночью повстанцы окружили своих преследователей и перебили всех до единого.

Всюду – в деревнях и улусах, на хуторах и заимках – были у А.Г. Черепанова свои люди. Стоило отряду войти в населенный пункт, тут же местные крестьяне и скотоводы-буряты снабжали его лошадьми, продовольствием, теплой одеждой. Местные жители вылавливали и приводили к черепановцам сторонников большевистской власти, и повстанцы чинили над ними жестокую расправу. Гуманизм в то время был не в чести. Окружить банду и вступить с ней в открытый бой было невозможно: сочувствующие тут же предупреждали черепановцев о приближении красных, поэтому было решено действовать по-другому. В тайгу отправились добровольцы из бывших охотников. В задачу этих одиночек входила «охота» на партизанских вожakov. Однажды красным снайперам повезло. Они высладили А.П. Черепанову и окружили уча-

сток тайги, где она пряталась. В тот момент атаманша была одна – тайно ездила в село Куртухай провести свой бывший дом. Красные прочесали лес, но Анну не нашли. Оказывается, 30-летняя атаманша не растерялась, спряталась в болоте и несколько часов дышала через камышину. А еще через несколько дней чоновец-охотник увидел ее стоящей на опушке с биноклем в руках. Снайпер выстрелил из берданки. Подоспевшие партизаны унесли раненую в бедро Черепанову в лес.

Поправившись после ранения, А.П. Черепанова продолжала борьбу с удесытеренной яростью. Местное население считало ее чуть ли не упырем – за кровожадность и дьявольскую везучесть. Анна мстила за убитых братьев, лично рубила шашкой головы красным и приказывала убивать активистов и чоновцев. Чтобы уходить от погони, она придумала новую тактику. Теперь бандиты выдавали себя за красных, входили в села под красным знаменем, созывали всех активистов и тут же казнили их на глазах у остальных жителей. Борьба с регулярными частями Красной Армии была уже невозможна, поэтому повстанцы перешли к террору по отношению к местным коммунистам и сочувствующим. Террор неизменно сопровождался пытками и зверствами. В селе Карам Черепановцы совместно с бандой каппелевского штабс-капитана Дуганова убивали местных совдеповцев обухами топоров. В ночь на 7 ноября 1921 года Черепанова ворвалась в село Заплескино и лично зарубила шашкой трех коммунистов, после чего выцарапала ножом на двери местного совета: «Пусть встречают свой праздник на том свете!»

В 1922 году банда Черепановых неожиданно распалась. Многие ее члены погибли или были расстреляны при поимке, но супруги Черепановы пропали. Вскоре их поиски были прекращены. И только через 50 лет была арестована пенсионерка Анна Прокопьевна Корепанова, казначей кассы взаимопомощи Кировского райсовета города Красноярск.

Поняв бессмысленность дальнейшей борьбы, Андриан и Анна Черепановы распустили отряд и поселились в селе Манзурка под другой фамилией – благо, переделать пришлось всего две первые буквы. В конце 1920-х годов, опасаясь опознания, они уехали на север и поселились в отдаленной фактории эвенкийского кооператива Нюкша. А.Г. Черепанов вскоре стал заведующим этой факторией, а Анна – снабженцем. В 1936 году Черепанова привезла тяжелобольного Андриана в Читу, где он вскоре умер. Было ему уже 70 лет. В факторию А.П. Черепанова не вернулась, работала счетоводом на курорте Дарасун, потом заведующей столовой, а перед самой войной переехала в Красноярск. Здесь она начала

с продавца и дошла до директора магазина и даже заведующей торгов.

В начале 1970-х годов А.П. Черепанову опознал житель Приленья, приехавший в Красноярск навестить сына. 14-летним пацаном он видел атаманшу, когда она у него на глазах зарубила его родителей, и запомнил ее на всю жизнь. По фотографии ее опознали другие старожилы. Была и еще улика. Анна Прокопьевна прихрамывала на правую ногу и рассказывала знакомым, что в молодости воевала в отряде ЧОН и ее ранила бандитская пуля. Пулю эту, выпущенную из берданки, она постоянно носила на шее на черном шелковом шнурке как память о своем партизанском прошлом. Следствие подтвердило, что пенсионерка Анна Корепанова и атаманша Анна Черепанова – одно и то же лицо. Однако А.П. Черепанову не смогли не только казнить, но даже судить – вышли все сроки давности.

ЧУЧУПАК Василий Степанович (1895–1920)

Василий Степанович Чучупак родился 27 февраля 1895 года в селе Мельники Чигиринского уезда Киевской губернии. Его родители Оксана Сидоровна Левицкая и Степан Георгиевич Чучупак имели пять сыновей: Петра, Ореста, Василия, Алексея и Демьяна. Впоследствии трое из них (Василий, Петр и Алексей) стали повстанческими атаманами. Орест погиб на Первой мировой войне в 1915 году под Краковом. Демьян служил казаком полка гайдамаков Холодного Яра.

В.С. Чучупак учился в Киеве. До начала Первой мировой войны был учителем в Тимошовке. С началом войны был мобилизован вместе с остальными братьями. С 1916 года – прапорщик российской армии. По семейным преданиям, в 1917 году записался

в один из «батальонов смерти». После возвращения из армии снова учительствовал в Пляковке и Ревовке (ныне Каменский район Черкасской области).

В 1919 году В.С. Чучупак стал командиром Мельничанской сотни самообороны. Первый вооруженный отдел для охраны сокровищ Мотронинского монастыря и родного села Мельники сформировал его брат Алексей, но после поражения в бою с немецкой частью односельчане решили сделать атаманом Василия. Вскоре отдел самообороны перерос в полк гайдамаков Холодного Яра, который с февраля 1919 года активно выступил в поддержку Директории. В начале апреля 1919 года поднял восстание против коммуны и советской власти «за самостийность».

В мае – июне 1919 года В.С. Чучупак поддержал восстание атамана Н.А. Григорьева. В 1919–1920 годах командовал полком гайдамаков Холодного Яра, был главным атаманом Холодного Яра. Воевал против белогвардейцев под руководством повстанческого комитета во главе с Л.С. Панченко, которому подчинялись также отряды С.Д. Коцуры, А. Пятенко и другие. Впоследствии подчинялся атаману Херсонщины и Екатеринославщины А.А. Гулому-Гуленко, который в ноябре 1919 года прибыл в Холодный Яр. Ему подчинялись: атаманы Г. Нестеренко-Орел, Т. Гладченко, М. Мелашко, Сирко, Глаз, Черный Ворон (Чорногузько), М. Голлик-Зализняк, С. Волк, Калюжный, Д. Канатенко, 1-й и 2-й Александрийские полки.

В феврале 1920 года полк гайдамаков Холодного Яра сотрудничал с армией УНР, которая осуществляла Первый Зимний поход. 12 февраля в Медведевке командующим армией УНР М.В. Омеляновичем-Павленко было созвано совещание командиров и начальников штабов дивизий Зимнего похода. В совещании приняли участие: Ю.О. Тютюнник, атаманы А.А. Загородский, А.А. Гулый-Гуленко, В.С. и П.С. Чучупаки.

В.С. Чучупак пользовался чрезвычайным авторитетом среди населения на территории Черкасской области, которая дольше всех продержалась свободной.

7 марта 1920 года командование Юго-Западного фронта Красной Армии издало приказ, который предусматривал наступление красноармейских соединений на армию УНР и отряды В.С. Чучупака и С.Д. Коцуры. 18 марта атаманы Холодного Яра съехались на совещание на хуторе Кресельцы (сейчас в составе села Мельники), что на дороге из Мельников в Мотронин монастырь, с целью определить дату восстания против советской власти. И именно в это время части 21-й бригады 7-й стрелковой дивизии Красной Армии, выполняя упомянутый приказ, вышли из леса к Мельни-

кам и неожиданно наткнулись на отряд В.С. Чучупака. Атаман был окружен у хутора и застрелился, чтобы не попасть в плен. 24 марта красные командиры послали из Кременчуга телеграмму о смерти Чучупака.

Похоронен Василий Степанович Чучупак в родном селе.

ШЕПЕЛЬ

Яков Матвеевич

(1894–1921)

Яков Матвеевич Шепель родился в Подолье в селе Вонячин (ныне – Городище Литинского района) в крестьянской семье. Получил начальное образование. В начале Первой мировой войны был мобилизован в российскую армию.

В 1917 году Я.М. Шепель создал повстанческий отряд на Литинщине, который насчитывал около 500 конников. 27 июля 1919 года его отряд получил название 1-я Подольская дивизия крестьянских повстанческих войск. Дивизия в составе 14 500 штыков действовала совместно с группой войск армии Украинской народной республики под командованием Ю.О. Тютюнника и совместно с галичанами принимала участие в освобождении Жмеринки и Винницы от большевиков.

Во время Первого Зимнего похода Я.М. Шепель взаимодействовал с частями Армии УНР под командованием генерала М.В. Омеляновича-Павленко. Когда атаман А. Волох в начале декабря 1919 года поднял в Любаре мятеж против украинской власти, Шепель осудил этот поступок, а на требование Волоха подчиняться его приказам, выслал ему мешок сахара с письмом: «Как тебе горько там в Любаре, то я посылаю Тебе осолоду».

В январе 1920 года Я.М. Шепель отказался от предложения о сотрудничестве с деникинским полковником Переваловым. В марте 1920 года его отряд действовал на Винничине, Литинщине и возле Хмельника.

Впоследствии Я.М. Шепель эмигрировал в Польшу. Принимал участие во Втором Зимнем походе 1921 года. После его окончания вернулся на Литинщину. Был убит агентом чекистов Ф. Паньковецким, когда переходил на Галичину через реку Збруч.

ЩУСЬ

Феодосий Юстинович
(1893–1921)

Феодосий Юстинович Щусь родился 25 марта 1893 года в семье небогатого казака-малоросса в селе Дибровка Александровского уезда Екатеринославской губернии. Сейчас село называется Великомихайловка и входит в состав Покровского района Днепропетровской области Украины. Основанная в XVIII веке слобода на самом деле всегда называлась Михайловка, а затем Великомихайловка. Но в народе ее предпочитали звать Дибровкой – по дубровам, дубовым лесам, которые росли поблизости.

В 1915 году Ф.Ю. Щусь был призван на действительную военную службу и направлен служить матросом на броненосец «Иоанн Златоуст» Черноморского флота. Этот корабль, построенный в 1904 году и в 1906 году спущенный на воду, принимал активное участие в боевых действиях: обстреливал порты Варна, Козлу, Килимли, Зунгулдак; прикрывал перевозки воинских частей.

Ф.Ю. Щусь быстро стал одним из лучших матросов, хотя высокой дисциплиной не отличался. Но зато, благодаря природным физическим данным, ему удалось стать чемпионом по боксу и по французской борьбе на Черноморском флоте. О нем говорили, что без особого труда он мог «удавить» любого захватом – ведь, кроме бокса, Щусь изучал и популярное тогда джиу-джитсу.

Кроме спорта, во время службы на флоте у Ф.Ю. Щуся появилась и другая страсть: он заинтересовался политикой. В то время именно во флотских экипажах были очень сильны анархистские

настроения. Флот считался в революционном движении опорой анархистской вольницы, многие матросы сочувствовали анархистам. Не стал исключением и Щусь, примкнувший к одной из анархо-коммунистических групп.

Когда в 1917 году произошла Февральская революция, а затем были фактически дезорганизованы Вооруженные силы России, включая и флот, Ф.Ю. Щусь вступил в один из отрядов революционных матросов, а затем вообще бросил службу и вернулся на родину – на Екатеринославщину. К этому времени здесь уже активно действовали анархисты, создавшие несколько групп и отрядов.

Ф.Ю. Щусь присоединился к действовавшей в Гуляйполе Чёрной гвардии, но затем решил создать собственный отряд. Несмотря на молодость, а Щусю было всего 24 года, амбиций у него было предостаточно. Он видел себя, и только себя, революционным командиром и предпочел собрать в свой отряд таких же безбашенных анархистов – бывших фронтовиков, молодых селян и рабочих.

Тогда, в 1918 году, на Екатеринославщине действовал целый ряд подобных формирований. Это были отряды Махно, Максюты, Дерменджи, Куриленко, Петренко-Платонова и многих других «полевых командиров». Отряд Щуся выделялся среди прочих особой дерзостью, что позволило молодому матросу, в одночасье ставшему командиром собственного отряда, получить широкую известность в округе и наводить страх на зажиточных собственников и гетманскую государственную стражу.

Среди разнородной анархистской вольницы, одевавшейся кто во что горазд, Ф.Ю. Щусь всегда выглядел самым «стильным», как сказали бы в наше время. Его костюм – замечательный образец «повстанческого обмундирования анархистов» времен Гражданской войны. Щусь, подчеркивая свое морское прошлое, которым он гордился, всегда предпочитал папахе матросскую бескозырку с названием броненосца – «Иоаннъ Златоустъ». Облачаясь в шитый гусарский мундир, парень из екатеринославской слободы чувствовал себя лихим гусаром, партизанским командиром, как Денис Давыдов. У Щуся была страсть к оружию: он носил на шее кавказский кинжал, за поясом – саблю, причем старинную, дорогую, и револьвер Кольта.

Естественно, что командир столь колоритной внешности вскоре стал одним из самых известных и популярных в народе анархистов Екатеринославщины. Однако при всей храбрости и безусловной харизме Ф.Ю. Щусю все же не хватало политического чутья и организаторских качеств, которые в избытке были у Н.И. Махно. Это и обусловило дальнейший ход событий: не Федос

Щусь, а Нестор Иванович Махно стал анархистским батькой, хотя Махно был куда меньше и щуплее Федоса и никогда не был чемпионом по боксу. Летом 1918 года отряд Щуся влился в состав отряда Махно, а лихой матросский атаман признал верховенство батьки, стал одним из его помощников и отошел на второстепенную позицию в махновском движении.

Как Н.И. Махно стал «батькой», рассказывает П.А. Аршинов в своей «Истории махновского движения». 30 сентября 1918 года в районе Великомихайловки махновцы были окружены большим австро-германским отрядом, к которому присоединился отряд добровольцев из числа местной зажиточной молодежи. В распоряжении Махно было всего 30 человек и один пулемет. Махновцы находились в Дибровском лесу, где от местных крестьянок узнали о том, что в Дибровках (родном селе Щуся) расквартирован большой отряд австро-венгерских войск. Но Махно принял решение атаковать превосходящие силы противника.

Именно в этот момент, как пишет Аршинов, Щусь обратился к Махно и попросил последнего быть над всеми повстанцами батькой, поклявшись умереть за идеи повстанчества. Тогда же Махно дал Щусю приказ во главе группы из пяти-семи повстанцев ударить австрийскому батальону в бок. Сам же Махно во главе основных сил повстанцев ударил в лоб неприятелю. Неожиданное нападение произвело на австрийцев ошеломляющий эффект. Несмотря на многократное численное превосходство и куда лучшее вооружение, австрийцы потерпели от махновцев сокрушительное поражение.

В Великомихайловке Н.И. Махно и был провозглашен повстанческим батькой. Как видим, Ф.Ю. Щусь нашел в себе мужество и силы отойти на второй план и пропустить вперед Махно, обладавшего более подходящими для руководящей роли данными.

В условиях наступления деникинских войск Н.И. Махно в феврале 1919 года пошел на союз с Красной Армией. Формирования батьки влились в состав 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии, которой командовал П.Е. Дыбенко – тоже в прошлом матрос, только Балтийского флота. Отряды Махно получили название 3-й Заднепровской бригады и участвовали в боях против деникинцев. Ф.Ю. Щусь был включен в состав штаба 3-й Заднепровской бригады.

Однако в мае 1919 года Н.И. Махно, выступая на съезде повстанческих командиров в Мариуполе, поддержал идею создания Независимой повстанческой армии, после чего вышел со своими формированиями из состава РККА и приступил к созданию собственной Революционной повстанческой армии Украины. Ф.Ю. Щусь,

«моряк в гусарском доломане», сначала занял в РПАУ должность начальника кавалерии, в августе был назначен командиром 1-й кавалерийской бригады 1-го Донецкого корпуса, а затем – членом штаба Революционной повстанческой армии Украины. В мае – июне 1921 года Щусь занимал должность начальника штаба 2-й группы Революционной повстанческой армии Украины.

Однако, занимая в повстанческой иерархии куда менее значимое, чем Махно, место, Щусь продолжал пользоваться большим авторитетом среди и повстанцев, и простых крестьян. Свою роль сыграли его харизма, внешние данные. Сейчас Щуся бы назвали «секс-символом» махновского движения, и в этом была бы определенной доля правды – известно, что высокий и статный моряк, склонный к эпатажному и экспрессивному поведению, пользовался особой популярностью у женской части махновского движения. Кроме того, Щусь еще и пробовал себя в стихосложении. Он был автором текстов нескольких популярных среди махновцев и крестьян Екатеринославщины повстанческих песен. «Черные знамена впереди полков, берегись Будённый батюкиных клинков!» – распевали махновские конники песню на стихи командира кавалерийской бригады. Сам Щусь верил, что его образ войдет в историю и даже после смерти его будут помнить местные жители, сделают героем народных легенд и песен. И такие песни действительно слагались про Щуся на Екатеринославщине в годы Гражданской войны и в первые годы после ее окончания.

Ф.Ю. Щусь сохранял огромное влияние и на повстанцев, и на самого батьку Махно. Так, когда в 1919 году Махно был избран председателем Гуляйпольского совета, Щуся избрали товарищем председателя. Штаб повстанцев первое время именовался не иначе как «штаб Махно и Щуся», а сам Щусь не хотел уступать батьке ни в чем и был одним из немногих людей, способных резко возражать достаточно жесткому в решении управленческих и военных вопросов повстанческому лидеру.

Вместе с Н.И. Махно Ф.Ю. Щусь прошел практически всю Гражданскую войну. Его жизнь, как и жизнь многих подобных фигур, закончилась трагически, но весьма предсказуемо. В июне 1921 года Щусь погиб во время сражения махновских войск с 8-й кавалерийской дивизией червонного казачества в районе поселка Недригайлов (в настоящее время – Недригайловский район Сумской области Украины). Именно под Недригайловом отряды Махно потерпели серьезное поражение от РККА, после чего началось отступление махновцев, закончившееся их бегством за границу.

О смерти Феодосия Юстиновича Щуся до сих пор спорят историки. По одной из распространенных версий, Щуся убили не красные в бою, а сами махновцы – возможно, и лично Нестор Иванович. Якобы Щусь разочаровался в дальнейших перспективах повстанческой борьбы и предложил Махно сдаться, отказавшись принимать дальнейшее участие в боях. После этого Махно приказал тем, кто поддерживает Щуся, отойти в одну сторону, а кто поддерживает его самого – в другую. Батяка хотел убедиться, на чьей стороне большинство. Оказалось, что большинство повстанцев все же поддержали Махно, после чего он лично расстрелял Щуся. Но эта версия маловероятна, и она не имеет никаких документальных подтверждений. Н.И. Махно всегда отзывался о Щусе с уважением, хотя и отмечал некоторую бесшабашность и горячность «матроса-атамана». Высоко оценивал Щуся и П.А. Аршинов, руководивший в махновской армии культурно-просветительским отделом. По воспоминаниям Аршинова, Щусь отличался исключительной энергией и личной смелостью. Среди крестьян Екатеринославщины, как отмечал Аршинов в своей «Истории махновского движения», Щусь пользовался практически таким же авторитетом, как и сам батяка Махно.

Ф.Ю. Щусь не был единственным махновским атаманом «из матросов». Помимо харизматичного Феодоса, в махновском движении было еще несколько выдающихся командиров, пришедших в повстанческую армию с флота. Например, «дедушка Максюты» (Артем Ермолаевич Максюты), которому ко времени революционных событий 1917 года было уже 50 лет, также в годы Первой мировой войны служил на флоте, а затем создал собственный анархистский отряд из матросов.

И тем не менее именно Ф.Ю. Щусь был наиболее харизматичным и видным командиром махновской армии после самого батяки.

* * *

Боевые действия в условиях Гражданской войны принципиально отличались от военных конфликтов предшествующего времени. Это был неповторимый период своеобразного военного творчества, ломавшего стереотипы управления войсками, системы комплектования армии, военной дисциплины.

К описанным персонажам можно относиться по-разному. Многие из них были настоящими идеалистами и сражались за народное счастье, как они себе его представляли.

Другие были откровенными бандитами, воспользовавшимися политической нестабильностью, чтобы реализовать свои материальные интересы или тщеславные устремления. Вместе с тем эти фигуры являются неотъемлемой частью богатой палитры Гражданской войны. Без них трудно понять, как происходила идейная трансформация на огромной территории бывшей Российской империи. Однако их поражение было изначально предрешенным, чего нельзя сказать о белых армиях.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История Гражданской войны в России бесконечно трагична. Нельзя не убедиться в этом, перечитывая биографии её участников.

Трагичны судьбы побежденных. Даже те из них, кто уцелел в сражениях, сумел адаптироваться в условиях эмиграции и не пал жертвой новой, Второй мировой войны, до своего последнего часа вынуждены были жить с мыслью о том, что они проиграли главную битву своей жизни, они не смогли выполнить свой долг защитника Отечества. Бывшие офицеры и генералы, они сознательно выбирали путь защитников Родины, профессионально готовились сражаться и побеждать, а потому поражение в Гражданской войне подвело черту под делом их жизни – они не сумели сделать то, что были должны. Им оставалось только лелеять слабеющую с каждым годом надежду на возвращение в Россию и владеть существованием, практически лишенное смысла.

Но и судьбы победителей были не менее трагичны. Блистательные командиры Красной Армии – комбриги, комкоры, командармы, маршалы – один за другим становились жертвами той самой системы, в основании которой лежали их собственные победы в Гражданской войне. Что думали они перед своим мучительным и бесславным концом, когда сломленные пытками на допросах признавались в невероятных преступлениях и давали показания против собственных друзей, бывших фронтовых товарищей? Вспоминали ли свой выбор, сделанный в начале Гражданской? Раскаивались ли в нем? Или по-прежнему, наперекор всему, продолжали верить в коммунистическую идею? Русская революция беспощадно пожирала своих детей, и за редкими исключениями плодами ее победы воспользовались совсем не те люди, которые считались победителями в Гражданской войне в середине 1920-х годов, когда из ее истории еще не начали вычеркивать имена мнимых предателей.

А еще более трагична была судьба народа, того самого русского крестьянства, которое в начале XX века составляло подавляющее большинство населения России. Среди биографий, представленных в данной книге, нет биографий рядовых крестьян, которые в годы Гражданской войны продолжали бы заниматься сельским

хозяйством или с одной винтовкой в руках служили бы рядовыми в тех армиях, куда их забросила судьба, и мечтали вернуться к мирной крестьянской жизни. Но общая судьба крестьянства через биографии красных и белых командиров, а также атаманов – представителей «третьей силы» – просматривается прекрасно. Несчастное российское крестьянство оказалось зажато между «военным коммунизмом» и продразверсткой красных, с одной стороны, и стремлением белых вернуть всё на круги своя, включая и земельные владения помещиков – с другой. Качнувшись было в сторону белых в 1918 году под впечатлением введения продразверстки, продотрядов и комбедов, крестьяне быстро в них разочаровались, но беды их тогда только начинались. К 1920 году Гражданская война, «военный коммунизм» и продразверстка довели крестьян до полного разорения, и им волей-неволей пришлось взять в руки оружие, чтобы защищать свой урожай и свои семьи от голодной смерти. Трагизм ситуации состоял в том, что антисоветские, крестьянские, по сути своей, восстания в Тамбовской губернии, в Восточной Сибири, в Кронштадте и во многих других районах России вспыхнули как раз тогда, когда Красная Армия окончательно укрепилась после разгрома основных сил белых и теперь могла всей своей мощью обрушиться на разрозненные выступления. У крестьян в той исторической ситуации не было ни малейшего шанса на победу, но и выбора другого у них тоже не было. Переход от «военного коммунизма» к нэпу был оплачен кровью многих тысяч русских крестьян.

Общий трагизм судьбы снова объединил их перед лицом вечности – таких разных деятелей Гражданской войны, как красные командиры, белые генералы и крестьянские атаманы. Все они родились в Российской империи, говорили на русском языке, принадлежали к одной культуре и вместе сражались с общим противником на фронтах Первой мировой войны. Крушение империи, произошедшее в 1917 году, развело их по разные стороны баррикад, но не сделало другими людьми – каждый из них представлял какую-то часть дореволюционного российского общества и одновременно оставался носителем каких-то общих для всех традиций. Сын пошел на отца, брат на брата – это не образное выражение, а суровая правда российской жизни первой четверти XX века.

Всматриваясь в лица участников Гражданской войны, осмысливая их биографии, – одну за другой, без различия политической ориентации, – в конце концов осознаешь, что у каждой стороны конфликта была своя правда, достойная того, чтобы за неё сражаться и умирать. Но осознаешь также и другое: каждая из этих «правд» была неполной, ограниченной, не учитывала интересы,

а подчас и самого права на жизнь других участников конфликта, несла в основе своей зёрна заведомой несправедливости. В Гражданской войне были безусловные победители – красные, – но не было безусловно правых, а потому любой её исход означал трагедию для народа в целом. Иначе братоубийственная война кончиться не может.

В следующей книге мы увидим, какие последствия победа красных имела для российского государства, для его исторического развития. Но сегодня, завершая тему Гражданской войны, нельзя не отметить тот урок, который она дает нашим современникам, российскому обществу в переживаемое ими сейчас трудное время: настала пора прекратить бессмысленный поиск в прошлом друзей и врагов, делить исторических деятелей на правых и виноватых, любимых и ненавистных. То, что произошло с Россией в начале XX века – это наша общая история, и все мы в той или иной мере потомки и красных, и белых, и «зелёных».

В.Л. Малькевич
СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО
В 3-х книгах
Книга 2
Часть 2

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Иллюстрации для книги взяты из открытых источников в интернете

Корректор – М.С. Сапрыкина

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 12.11.2019
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 42,0
Тираж 2000 экз. Зак.